ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

filclass.ru

Том 26 • 2021 • № 1

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС
PHILOLOGICAL CLASS

Том 26 • 2021 • № 1
Vol. 26 • 2021 • No. 1

filclass.ru

Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76 120
от 24.06.2019

Учредитель – ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (УРГПУ)
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: filclass.ru

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS

Входит в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России». Подписной индекс издания 84587

Адрес редакции:
Уральский государственный педагогический университет.
Россия, 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 279

E-mail: edit@filclass.ru

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Registration certificate ПИ № ФС77-76120
of 24.06.2019

Founder – FSBEO HE “Ural State Pedagogical University” (USPU)
620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site filclass.ru

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS

The journal is included in the list of the lof the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

The journal is included in the united catalog “Russian Press”, Index 84587

Editorial Board postal address:
Russia, 620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 279

E-mail: edit@filclass.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: Professor **N. P. Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

In the history of ancient Russian literature and the 18th century literature: Professor **Zyryanov Oleg Vasil'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the history of the 19th century Russian literature: Professor **Ermolenko Svetlana Ivanovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of literature: Professor **Barkovskaya Nina Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of the 20th–early 21st centuries literature: Professor **Snigireva Tat'yana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of language and speech communication: Professor **Dziuba Elena Vyacheslavovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in applied linguistics and interdisciplinary methods in philology: Professor **Mukhin Mikhail Yur'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of foreign literature and English literary classics: Professor **Dotsenko Elena Georgievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in contemporary British novel and translation issues: Professor **Sidorova Ol'ga Grigor'evna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in German-language literature of Modernism (Germany, Austria, Switzerland), theory and practice of translation, and comparative-historical and typological linguistics: Professor **Pestova Natal'ya Vasil'evna** (Russia, Ekaterinburg, Private education institution "Sirius"); in German-language literature, Russian-German literary ties, imageology and literary translation: Doctor of Philology, Leading Researcher **Kudryavtseva Tamara Viktorovna** (Russia, Moscow, IMLI); in the history of French, typology and comparative linguistics: Professor **Lykova Nadezhda Nikolaevna** (Russia, Tyumen, TyumGU); in Romance linguistics and comparative pragmatics: Associate Professor **Erofeeva Elena Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in literary education technologies and teaching classical literature at higher and secondary school: Associate Professor **Alekseeva Mariya Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in methodology and methods of teaching modern literature at higher and secondary school: Associate Professor **Gutrina Liliya Dmitrievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in modern education technologies and innovative processes in education: Professor **Mosina Margarita Aleksandrovna** (Russia, Perm, PSPU); in the theory and practice of teaching Russian in a polycultural environment of higher and secondary school: Associate Professor **Eremina Svetlana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); executive editor: Associate Professor **Skripova Ol'ga Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); Guest editor: Professor **Malygina Nina** (Russia, Moscow, Gorki Institute of World Literature), Assistant Professor **Khazanov Pavel** (USA, New Brunswick, Rutgers University); academic secretary: Associate Professor **Skripova Ol'ga Aleksandrovna**

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **V. V. Abashev** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **O. Y. Antsyferova** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky); Prof. **M. Weiskopf** (Israel, Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem); Prof. **T. Victoroff** (France, Strasbourg, University of Strasbourg); Ph. **D. J. Gallo** (Slovakia, Nitra, Constantine the Philosopher University in Nitra); Ph. **D. A. Grominova** (Slovakia, Trnava, University of St. Cyril and Methodius); Prof. Emer. **H. Guenther** (Germany, Bielefeld, Bielefeld University); Prof. **E. Dobrenko** (Great Britain, Sheffield, University of Sheffield); Prof. **B. W. Dhooge** (Belgium, Ghent, Ghent University); Prof. **A. A. Zhitenev** (Russia, Voronezh, Voronezh State University); Prof. **G. M. Ibatullina** (Russia, Sterlitamak, Sterlitamak Branch of Bashkir State University); Cand. Sc. **A. A. Medvedev** (Russia, Tyumen, Tyumen State University); Prof. **O. N. Kondrat'eva** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Cand. Sc. Kukulin I. V. (Russia, Sankt-Petersburg, Higher School of Economics); Prof. **E. Y. Kulikova** (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology of RAS, Sector of Literary Studies); Prof. **G. V. Kuchumova** (Russia, Samara, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev); Prof. **N. L. Mark** (USA, New York, Columbia University); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltzin); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **G. Mikhaylova** (Lithuania, Vilnius, Vilnius University); Prof. **A. Pavlova** (Germany, Mainz, Johannes Gutenberg University); Prof. **G. Petkova** (Bulgaria, Sofia, Sofia University "St. Kliment Ohridski"); Prof. **I. Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Prof. **B. M. Proskurnin** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Dr. hab. **T. Szabó** (Hungary, Pécs, University of Pécs); Dr. hab. **A. Skotnicka** (Poland, Krakow, Jagiellonian University); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Moscov, Scientific-Educational Center for Cognitive Programs and Technologies of RGGU); Prof. **T. V. Ustinova** (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University); Prof. **P. Fast** (Poland, Katowice, University of Silesia in Katowice); Prof. **A. de La Fortelle** (Switzerland, Lausanne, University of Lausanne); Prof. **H. Jens** (Switzerland, Fribourg, University of Fribourg); Prof. **H. Robert** (Germany, Hamburg, University of Hamburg)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: проф. Н. П. Хрящева (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

по истории древнерусской литературы, литературы XVIII в.: проф. **Зырянов Олег Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по истории литературы XIX вв.: проф. **Ермоленко Светлана Ивановна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории литературы: проф. **Барковская Нина Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Снигирева Татьяна Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории языка и речевой коммуникации: проф. **Дзюба Елена Вячеславовна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по прикладной лингвистике и междисциплинарным методам в филологии: проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории зарубежной литературы, английской литературной классике: проф. **Доценко Елена Георгиевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по проблемам перевода, современному британскому роману: проф. **Сидорова Ольга Григорьевна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по немецкоязычной литературе модернизма (Германия, Австрия, Швейцария), теории и практике перевода, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию: проф. **Пестова Наталья Васильевна** (Россия, Екатеринбург, ЧОУ ДПО «СИРИУС»); по немецкоязычной литературе, русско-немецким литературным связям, имагологии, художественному переводу: д-р филол. наук, вед. науч. сотрудник **Кудрявцева Тамара Викторовна** (Россия, Москва, ИМЛИ); по истории французского языка, типологии и сопоставительному языкознанию: проф. **Лыкова Надежда Николаевна** (Россия, Тюмень, ТюмГУ); по вопросам романского языкознания и сопоставительной прагматике: доц. **Ерофеева Елена Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам технологий литературного образования и преподавания классической литературы в вузе и школе: доц. **Алексеева Мария Александровна** (Россия, Екатеринбург, СУНЦ УрФУ); по методологии и методике преподавания современной литературы в вузе и школе: доц. **Гутрина Лилия Дмитриевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам современных образовательных технологий, инновационным процессам в образовании: проф. **Мосина Маргарита Александровна** (Россия, Пермь, ПГПУ); по теории и практике преподавания русского языка в поликультурной среде вуза и школы: доц. **Еремина Светлана Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); приглашённые редактора: проф. **Малыгина Нина Михайловна** (Россия, Москва, ИМЛИ РАН), доц. **Хазанов Павел** (США, г. Нью-Брансуик, Ратгерский университет); ответственный секретарь: доц. **Скрипова Ольга Александровна**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **О. Ю. Анцыферова** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); проф. **М. Я. Вайскопф** (Израиль, Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме); д-р филол. наук **Т. Викторофф** (Франция, Страсбург, Страсбургский университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Нитра, Университета им. Константина Философа в Нитре); канд филол. наук **А. Громинова** (Словакия, Трнава, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия); профессор-эметериус **Х. Гюнтер** (Германия, Билефельд, Билефельдский университет); проф. **Е. Добренко** (Великобритания, Шеффилд, Университет Шеффилда); проф. **Б. Дооге** (Бельгия, Гент, Гентский университет); д-р филол. наук **А. А. Житенев** (Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет); проф. **Г. М. Ибатуллина** (Россия, Стерлитамак, Башкирский государственный университет); проф. **О. Н. Кондратьева** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет); канд. филол. наук **И. В. Кукулин** (Россия, Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ); проф. **Е. Ю. Куликова** (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН); д-р филол. наук **Г. В. Кучумова** (Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва); проф. **М. Н. Липовецкий** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН); канд. филол. наук **А. А. Медведев** (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет); проф. **Г. П. Михайлова** (Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнц, Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга); д-р филол. наук **Г. Петкова** (Болгария, София, Софийского университета Св. Климента Охридского); проф. **И. Поспишил** (Чешская Республика, Брно, Университета им. Масарика); проф. **Б. М. Проскурнин** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); хабил. д-р **Т. Сабо** (Венгрия, Печ, Печский Университет); хабил. д-р **А. Скотницка** (Польша, Краков, Ягеллонский университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Москва, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий РГГУ); д-р филол. наук **Т. В. Устинова** (Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет); проф. **П. Фаст** (Польша, Катовице, Силезский университет); проф. **Фортель, де ля А.** (Швейцария, Лозанна, Лозаннский университет); проф. **Й. Херльт** (Швейцария, Фрибур, Фрибурский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбург, Гамбургский университет)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

9 Лизонь М. Манарага и другие (Некоторые аспекты формирования русской литературы на книжном рынке)

22 Андреюшкина Т. А. История развития гекзаметра в немецкоязычной поэзии

К ЮБИЛЕЮ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА. ДИАЛОГ КУЛЬТУР: А. П. ПЛАТОНОВ В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

38 Малыгина Н. М., Хазанов П. Исследования поэтики творчества Андрея Платонова российскими и американскими филологами

44 Малыгина Н. М. Элементы сюжета и мотивы романа «Чевенгур» в рассказе Платонова «Река Потудань»

56 Алейников О. Ю. Очерк «Че-Че-О». Семантические ресурсы авантекста

67 Хазанов П. Честные якобинцы: высокий сталинизм и социалистическая субъективность Михаила Лифшица и Андрея Платонова

87 Сипли Дж. Андрей Платонов и «живая диалектика» «пушкинского персонажа»

98 Проскурина Е. Н. Грани языковой личности автора в ранних лирико-философских произведениях А. Платонова

107 Камиза Морале Э. Андрей Платонов и Борис Пильняк: стремление счастливого человека

118 Хрящева Н. П. О софийном археосюжете в романе А. Платонова «Чевенгур»

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

132 Макарова Е. Н. Коммуникативная установка говорящего и способы ее передачи с английского языка на русский

144 Нестеренко Е. Ю. Обращения в русском и английском дискурсе

153 Шигуров В. В. Количественное измерение гибрида «виноват»

ПЕРЕЧИТЫВАЯ РУССКУЮ КЛАССИКУ

161 Зверева Т. В. Вокруг Миниха: о скрытом сюжете в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина

169 Громинова А, Шпачекова З. К типологии фантастических элементов в повестях «Невский проспект», «Нос» и «Портрет» Н. В. Гоголя

178 Сутягина Т. Е., Попова М. Ю. «Салалакские досуги» В. А. Соллогуба в контексте циклообразования 1850-х годов

190 Беляева И. А. Данте как скрытая причина спора: к вопросу о конфликте И. А. Гончарова с И. С. Тургеневым

CONTENT

PROJECTS. PROGRAMS. HYPOTHESES

9 Lizon M. “Manaraga” and Other Writings (Some Aspects of the Russian Literature Model Formation in the Russian Book Market)

22 Andreiushkina T. N. The History of the Development of the Hexameter in German Poetry

FOR ANNIVERSARY OF ANDREY PLATONOV. DIALOGUE OF CULTURES: A. P. PLATONOV IN RUSSIAN AND AMERICAN LITERARY STUDIES

41 Malygina N. M., Khazanov P. Exploration of poetics of the creative activity of Andrey Platonov by russian and american philologists

44 Malygina N. M. Plot Elements And Motives of the Novel “Chevengur” in Platonov’s Short Story “Potudan River”

56 Aleynikov O. Yu. The Essay “Che-Che-O”: Semantic Resources of the Avantext

67 Khazanov P. Honest Jacobins: High Stalinism and the Socialist Subjectivity of Mikhail Lifshitz and Andrei Platonov

87 Cieply J. Andrei Platonov and the “Living Dialectic” of the Pushkinian Person

98 Proskurina E. N. Facets of the Author’s Linguistic Personality in the Early Lyric and Philosophical Works of A. Platonov

107 Camisa Morale E. Andrei Platonov and Boris Pil’niak: The Pursuit of the Happy Man

118 Khriashcheva N. P. On the Sophian Archeplot in the Novel “Chevengur” by A. Platonov

PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

132 Makarova E. N. Translating Communicative Intention and Meaning from English into Russian

144 Nesterenko E. Yu. Vocatives in Russian and English Discourse

153 Shigurov V. V. Quantitative Dimension of the Hybrid “Vinovat”

READING THE RUSSIAN CLASSIC LITERATURE

161 Zvereva T. V. Regarding Kh. A. Minikh: a Hidden Plot in “The Captain’s Daughter” by A. Pushkin

169 Grominová A., Špačeková Z. To the Typology of Fantastic Elements in the Stories Nevsky Prospect, The Nose And The Portrait by N. V. Gogol

178 Sutyagina T. E., Popova M. Yu. “Salalak Leisure” by V. A. Sollogub in the Context of Cyclization in the 1850s

190 Belyaeva I. A. Dante as a Hidden Reason for Dispute: to the Issue of the Conflict between I. A. Goncharov and I. S. Turgenev

206 Казакова С. К. Романный герой в эпическом дискурсе (К проблеме рецепции романа «Обрыв» И. А. Гончарова)

218 Шипицина Я. А. «Народные разбойники» в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: имя и судьба

231 Скоропадская А. А. Повесть И. С. Шмелёва «Человек из ресторана»: генезис замысла

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

242 Селитрина Т. Л. Психологическая проза Генри Джеймса и Эдит Уортон

253 Илунина А. А. Рецепция «Мифа о Бронте» в романе Финолы Остин «Brontë's Mistress»

264 Бодрова А. Г. «Чужой» как больной в югославских травелогах первой половины XX века

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

273 Устинова Т. В. Плюрилингвизм и профессиональная подготовка учителя иностранного языка

281 Лагузова Е. Н., Мельникова Е. М. Изучение активных процессов в синтаксисе в школьном курсе русского языка

293 Маев И. А., Жильцов В. А. К вопросу об использовании учебно-игровых мобильных приложений как вида тренажёра в обучении русскому языку

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

308 Кучумова Г. В. Новейшая лирика в аспекте межкультурных исследований: проблема субъекта и феномен лиминальности. (рецензия на коллективный труд: Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien: Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsliteratur. Band 2: Schwellenzeit – Gattungstransitionen – Grenzerfahrungen / Hrsg. von Matthias Fechner und Henrieke Stahl. – Berlin, 2020. – 497 s.)

314 Овчаренко А. Ю. От древнего синкретизма к интернет-эпохе: единый путь медиасловесности (Рецензия на книгу: Солдаткина Я. В. Литература в звуке, цвете и движении: историко-литературные основы медиасловесности. Учебно-методическое пособие. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2019. 264 с.)

319 Кубасов А. В. Энциклопедия одной книги: «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова (Рецензия на издание: Павел Петрович Бажов Малахитовая шкатулка/ Д. В. Жердев, М. А. Литовская, Е. А. Федотова М.-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. 896 с.)

206 Kazakova S. K. A Novel Character in Epic Discourse (To the Issue of Reception of the Novel "The Precipice" by Goncharov)

218 Shipitsina Ya. A. Popular Outlaws in the Works of D. N. Mamin-Sibiryak: Their Names and Fates

231 Skoropadskaya, A. A. The Novella of I. S. Shmelev "The Man from the Restaurant": the Genesis of the Intention

ISSUES OF THE POETICS OF FOREIGN LITERATURE

242 Selitrina T. L. Psychological Prose of Henry James and Edith Wharton

253 Ilunina A. A. "The Brontë Myth" Reception in "«Brontë's Mistress»" by Finola Austin

264 Bodrova A. G. A "Stranger" as a Sick Person in Yugoslav Travelogues of the First Half of the 20 th Century

THEORY AND METHODS OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES AT HIGHER AND SECONDARY SCHOOL

273 Ustinova T. V. Plurilingualism and the Second Language Teacher Education

281 Laguzova E. N., Melnikova E. M. The Study of Active Syntactic Processes in the School Course of Russian

293 Maev I. A., Zhiltsov V. A. To the Question of the Use of Mobile Educational Game Apps as a Simulator in Russian Language Teaching

REVIEWS

308 Kuchumova G. V. The Latest Lyrics in the Aspect of Cross-Cultural Studies: the Problem of the Subject and the Phenomenon of Liminality (review of the collective work: Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien: Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsliteratur. Band 2: Schwellenzeit – Gattungstransitionen – Grenzerfahrungen / Hrsg. von Matthias Fechner und Henrieke Stahl. Berlin, 2020. 497 p.)

314 Ovcharenko A. Yu. From Ancient Syncretism to the Internet Era: a Unique Way of Media Literature (Review of the book by Soldatkina Ya. V. Literature in sound, color and movement: historical and literary foundations of media literature. Educational and methodological guide. M.; Berlin: Direct-Media, 2019. 264 p.)

319 Kubasov A. V. Encyclopedia of One Book: "The Malachite Casket" by P. P. Bazhov (Review of the book: "The Malachite Casket" by Pavel Petrovich Bazhov / D. V. Zherdev, M. A. Litovskaya, E. A. Fedotova. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetny Ucheniy, 2019. 896 p.).

ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.161.1-31(Сорокин В.):655.42(437.6). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-01.
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,444+Ч618. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

«МАНАРАГА» И ДРУГИЕ
(некоторые аспекты формирования модели русской литературы на словацком книжном рынке)

Лизонь М.
Университет им. Матея Бела (Банска Быстрица, Словакия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7285-007X

Аннотация. В статье сопоставляется функционирование произведений русской литературы в художественном нарративе (повесть Владимира Сорокина «Манарага») и в пространстве словацкого книжного рынка. Внимание в ней обращается на взаимоотношение ценности произведений художественной литературы и определеного литературного пространства, то есть на проблему образования литературного канона (пантеона) как существенной составляющей системы литературы. Ценность в тексте понимается как культурный (символический) капитал художественного произведения, присуждаемый ему определенной институцией, в рамках которой данное произведение функционирует. Этому восприятию в определенной степени противоставляется ее отождествление в повести Сорокина с экономическим капиталом (стоимостью отдельных изданий) и ожиданием прибыли от продажи книг издательствами, так как эти два антагонистичных капитала – культурный и экономический – являются, как утверждает Пьер Бурдье [Bourdieu 2010], неотъемлемой частью существования литературы в литературном поле. Ценность произведений художественной литературы в двух указанных системах рассматривается на примере модели русской литературы и ее иерархии, представленной в повести «Манарага», и на основе сложившейся за последние 30 лет модели русской литературы на словацком книжном рынке. В статье раскрываются параллели между двумя названными системами, которые указывают, во-первых, на рефлексию Сорокиным функционирования русской литературы в пространстве мировой литературы[1]; во-вторых, на важное значение ценности, присуждаемой отдельным художественным текстам, (статус писателя-классика, или же представителя мировой литературы) как существенный фактор формирования модели русской литературы на книжном рынке Словакии.

Ключевые слова: книжный рынок; литературный канон; мировая литература; русская литература; русские писатели; художественный нарратив; повести.

[1] По мнению Турышевой, в повести «писатель оформляет в образы уже осмысленное в культуре, а возможно, и уже осуществившееся» [Турышева 2018: 143].

© М. Лизонь, 2021

"MANARAGA" AND OTHER WRITINGS
(Some Aspects of the Russian Literature Model Formation in the Russian Book Market)

Martin Lizon
Matej Bel University (Banská Bystrica, Slovakia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7285-007X

Abstract. The article compares the functioning of Russian fiction works in the artistic narrative ("Manaraga", the short story of Vladimir Sorokin) and in the space of the Slovak book market. It draws attention to the relationship between the works of fiction value and a certain literary space, that is, to the problem of a literary canon formation (pantheon) as an essential component of the literature system. The value in the text is understood as the cultural (symbolic) capital of a work of art, awarded to it by a certain institution, within which the work is functioning. To a certain extent, this perception is opposed by its identification in Sorokin's short story with economic capital (the cost of individual publications) and the profit expectation from the sale of books by publishers, since these two antagonistic capitals – the cultural and the economic one – are, according to Pierre Bourdieu [Bourdieu 2010], an integral part of literature existence in the literary field. The value of works of fiction in these two systems is considered by the example of the Russian literature model and its hierarchy presented in "Manaraga" and on the basis of the Russian literature model that has developed over the past 30 years in the Slovak book market. The article reveals the parallels between these two systems, which indicate: firstly, Sorokin's reflection on the Russian literature functioning in the space of world literature; secondly, the essential importance of the value attributed to individual literary texts (the status of a classical writer, or a representative of world literature), as an essential factor of the Russian literature model formation in the Slovak book market.

Keywords: book market; literary canon; world literature; Russian fiction; Russian writers; literary narrative; novellas.

Для цитирования: Лизонь, М. «Манарага» и другие (некоторые аспекты формирования модели русской литературы на словацком книжном рынке) / М. Лизонь. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 9–21. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-01.

For citation: Lizon, M. (2021). "Manaraga" and Other Writings (Some Aspects of the Russian Literature Model Formation in the Russian Book Market). In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 9–21. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-01.

Благодарности: статья выполнена по грантовому проекту ВЕГА 1/0431/19 «Модель русской литературы на словацком книжном рынке» (Model ruskej literatúry na slovenskom knižnom trhu).

Acknowledgments: the study is supported by the VEGA 1/0431/19 research grant project "Russian literature model on the Slovak book market" (Model ruskej literatúry na slovenskom knižnom trhu).

Рассуждая о ценности литературы как одной из принципиальных областей исследования науки о литературе, Антуан Компаньон в своей работе *«Демон теории. Литература и здравый смысл»* приводит слова Поля Валери: «Утверждаю, что точно так же, как ценности нефть, хлеб или золото, существует и ценность дух. Я сказал ценность, потому что и при нем существует оценка, обсуждение значения, а также дискуссия о стоимости, которую мы должны заплатить за эту ценность – за ценность дух» [Valery цит. по Casanova 2012: 29]. Признавая существование ценности литературы (того, что Поль Валери называет духом), необходимо выявить процессы, механизмы присуждения определенной ценности конкретному литературному тексту. Не зря Антуан Компаньон задается вопросом, который и в рамках этого исследования можно считать ключевым: «Имеет и может ли вообще иметь оценка литературных текстов специалистами или любителями объективную или, по крайней мере, разумную основу? Является ли она вообще чем-то другим, нежели субъективной и произвольной оценкой типа: Мне нравится, мне не нравится?» [Compagnon 2006: 245] Проблема противостояния субъективности и объективности распределения культурного капитала, то есть присуждения конкретным литературным произведениям и их авторам ценности, остается нерешенной не только в литературе как специфической социальной

системе [Schmidt 2008], но и в рамках литературоведения[1]. Этот факт доказывают слова Компаньона, обвиняющего литературную историю в мнимой, несуществующей на самом деле объективности: «Однако опозицию (научной) объективности и (критической) субъективности теория считает ловушкой, так как даже самая ограниченная литературная история, которая ориентируется исключительно на факты, основана на ценностном суде, по крайней мере, своих прежних и чаще всего не высказанных решениях, что считает литературой (канон, великие писатели)» [Compagnon 2006: 246]. В этой связи, однако, надо признать стремление истории литературы рассматривать процесс формирования литературного канона в контексте трансформаций интереса читателей и рефлексии литературного материала в целом. Соня Паштекова пишет, что «при создании литературной истории незаменимую роль играет аспект рецепции, который, учитывая фиктивного или конкретного читателя, влияет на литературный канон. Примером может служить заказчик академической истории литературы или пособия по литературе (для образовательного учреждения, таких культурных учреждений, как театр или кино, вплоть до издательств и переводчиков). <...> Литературная рецепция (качественная селекция, критическая рефлексия или критерий отбора – эстетического или другого художественного произведения для перевода с иностранного языка или на иностранный язык) намного интенсивнее участвует в формировании эстетического канона определенного периода, чем могло бы казаться» [Paštéková 2013: 100].

Несмотря на упомянутое противоречие в восприятии литературного текста историками литературы, литературный канон и, следовательно, присуждаемая определенным литературным текстам ценность, являются относительно динамичной системой. Как утверждает Паштекова, «Онтология литературы является сложным актом беспрерывной вариабельности временно канонизированных эстетических парадигм» [Paštéková 2013: 100]. Литературный канон и существующая в его рамках иерархия текстов является, по словам Петра Онуфера, результатом механизмов, работающих внутри определенной системы (институции): «...канон, несомненно, является исключительно явлением институциональным, возникает согласно правилам институции, его значение и обязательность являются делом престижа данной институции» [Onufer 2018: 26]. Подтверждением институционального характера канона и его содержания могут служить и слова Иммануила Канта, который утверждал, что «суд вкуса не является процессом познания. Он лишен логичности – он эстетичен, мотивация его неизбежно субъективная» [Kant 1975: 51].

Рассматривая две литературные системы, в рамках которых бытует русская художественная литература (организацию бук-эн-гриллеров в повести «Манарага» и функционирование этой литературы на словацком книжном рынке – то есть в издательствах и книжных интернет-магазинах), можно предположить, что сформированная иерархия русской литературы является результатом совмещения нескольких факторов, среди которых интересы (в первую очередь экономические) определенной системы (институции) играют решающую роль. Ценность литературного произведения в обеих системах тесно связана с конструированием литературного канона и результатами этого конструирования. Поэтому в статье внимание уделяется оценочным атрибутам, присуждаемым литературным произведениям: позиции, занимаемой литературным произведением в данной системе (в сформированном в рамках этого пространства каноне), частотности его появления в этом просранстве (число изданий, или же, в случае «Манараги» Владимира Сорокина, его упоминаний в этой повести), а также основным аспектам (факторам) и причинам присуждения определенной ценности.

[1] Имеется в виду, прежде всего, спор литературных критиков и литературных историков. Если для первых, как утверждает чешский теоретик литературы Павел Яноушек, ценностный суд и присуждение литературному тексту определенной ценности является едва ли не главной задачей (литературные историки работают с якобы объективными фактами), то историки исходят из сложившейся в историческом процессе литературной иерархии [Janoušek 2012].

«Манарага» – пока последнее (седьмое по счету[1]) произведение Владимира Сорокина, переведенное на словацкий язык (издательство Artforum, 2017 г., перевод Яна Штрассера), – текст о специфическом функционировании литературного текста в будущем. Сорокин в повести моделирует новый мир, весьма своеобразное игровое поле, в рамках которого функционируют тексты художественной литературы. В недалеком будущем литература превращается в музейный экспонат[2], в неживой предмет, контакт которого с читателем обеспечивают так называемые бук-эн-гриллеры. Книга в этом контексте, в прямом своем смысле, служит топливом, на котором для богатых клиентов по всему миру бук-эн-гриллеры жарят выбранную клиентом пищу. «С тех пор как человечество перестало печатать книги и навсегда сделало лучшие из них музейными экспонатами, book'n'grill появился на свет. Люди всегда тянутся к запретному плоду. Девяносто процентов отпечатанных человечеством книг были сданы в утиль или просто выброшены на помойки, чтобы не занимали пространство в квартирах. А вот оставшиеся десять, осевшие в музеях и библиотеках, вдохновили лучшую часть человечества на удивительную страсть. Первый стейк был зажарен двенадцать лет назад в Лондоне на пламени первого издания „Поминок по Финнегану", выкраденного из Британского музея» [Сорокин http]. Традиционная книга становится запретным товаром, предметом потребления элиты. Функции, которые литература традиционно выполняла, в созданной Сорокиным альтернативе будущего полностью заменены совершенными цифровыми технологиями, хранящими и передающими богатейшую информацию, в том числе информацию, заложенную в произведениях художественной литературы. Ее, по сути, уже никто больше не читает.

Тема сожжения книг, которая в произведении Сорокина выходит на первый план, вовсе не нова, однако, Сорокин предлагает новую семантику сожжения книг. Несмотря на превращение книги в пепел, сам процесс выбора книг, предназначенных для кулинарии, их функционирование в созданном Сорокиным пространстве восходит к метафоре *книга – это пища* (*ума, души*)[3]. Значит, в этом произведении, как и во многих других текстах Владимира Сорокина, использован один из отличительных атрибутов его творчества – реализация (материализация[4]) метафоры. Подтверждение такого толкования функционирования литературы в повести «Манарага» заложено также в соотношении конкретных художественных произведений с конкретными блюдами. Качество и толщина бумаги, тип печати, переплет, вес книги, количество страниц, место и год издания – все эти знаки определяют выбор блюда. «*Вечер*: шашлык из осетрины на „Идиоте". Роман *полноценный*, второго среднего веса, 720 граммов, 509 страниц, бумага веленевая, цельнотканевый коленкоровый переплет. Вполне хватило на восемь шампуров» [Сорокин http]. Взаимовлияние блюда и книги работает и в обратном порядке, то есть тогда, когда блюдо определяет выбор произведения: «Так вот, дорогие мои, сегодня наш саба делает нам подарок: модный book'n'grill, гефилте гелзеле[5] на „Одесских рассказах" Исаака Бабеля» [Сорокин http].

Способ существования литературы в тексте Сорокина является, как считает Турышева, рефлексией писателем широкого спектра литературоведческих исследований, к которым можно отнести и идею трех революций в чтении, выдвинутую французским историком Роже Шартье. Последняя из названных этим

[1] Раньше были изданы: роман «Лед» (Kalligram, 2008), повесть «День опричника» (Kalligram, 2008), роман «Сердца четырех» (Kalligram, 2009), повесть «Метель» (Kalligram, 2013), роман «Теллурия» (Artforum, 2014) и роман «Очередь» (Petrus, 2015), все в переводе Яна Штрассера.

[2] В русской литературе отождествление литературы прошлого с музейным экспонатом, а также рецепции литературного текста как потребления отнюдь не новое явление, встречается, например, в поэзии Д. Пригова, в романе Андрея Битова «Пушкинский дом» или в романе Татьяны Толстой «Кысь».

[3] Отождествление книги и пищи можно найти как в художественной литературе, например: «Да, книг, ради бога, книг!.. Стихов, стихов, стихов! Это пища для души» (А. С. Пушкин), так и в устном народном творчестве: «Хлеб питает тело, а книга питает разум».

[4] Валерий Купка, ссылаясь на Дирка Уффельмана, этот прием называет материализованной метафорой или деметафоризацией [Kupka 2018: 47].

[5] Фаршированная куринная шейка – традиционное блюдо еврейской кухни.

исследователем революций представляет собой замену печатного текста экраном [Турышева 2018]. «Но, слава Огню, уже давным-давно встал и ржавеет мировой печатный станок. Эпоха Гутенберга завершилась полной победой электричества» [Сорокин http]. Результаты третьей революции в повести Сорокина представлены в модифицированном виде. Печатный текст, однако, заменяет не экран, а дым – эссенция текста. Печатная книга, а тем самым и литературный текст, у Сорокина сохраняет свою ценность, хоть в несколько искаженном, вернее, аллегорическом виде. Печатная книга, превратившаяся в продукт нелегального бизнеса (кулинарные эксперименты на книгах строго запрещены), реализаторами которого являются бук-эн-гриллеры, – это дорогостоящий предмет. Стоимость отдельных книг определяется позицией в сложившейся иерархии литературных произведений. Несмотря на то, что Сорокин склоняет читателя отождествлять тексты художественной литературы с товаром потребления (едой), статус литературного текста вовсе неоднозначен, так как сравнение книги и кулинарии указывает на одну из важнейших идейных основ книги – классификацию литературы на элитарную и массовую, которую Ханс Роберт Яусс и Элизабет Безингер называют кулинарной[1] (легкой). Именно столкновение элитарной и массовой литературы, как вслед за Пьером Бурдье утверждает Турышева, является «главной движущей пружиной развития поля литературы. В полном согласии с этой идеей, одни герои романа отстаивают элитарность бук-эн-грилля, а другие изобретают способ приобщения к книжной гастрономии самых простых клиентов. Это одна из причин, почему бук-эн-гриллера Сорокина можно отождествлять с издателями и критиками – создателями символической ценности литературы» [Турышева 2018: 144]. Бук-эн-гриллер «не просто готовит пищу, но умеет отличать хорошие тексты от плохих» [Данилкин http]. Именно бук-эн-гриллеры дают музейным экспонатам возможность (последнюю) быть прочтенными, своим читателям (потребителям) предлагают ценнейшие в символическом (а нередко и экономическом) смысле произведения. По этой причине неудивительно, что Лев Данилкин о повести Сорокина пишет: «„Манарага" – роман о тех, кто обладает привилегией формировать литературный канон» [Данилкин http]. В повести, таким образом, складывается довольно четкое представление о существующей в мире будущего иерархии литературных произведений. В приведенных далее словах Гези, главного героя повести, раскрываются основные ценности, которые конкретизуются в кулинарных похождениях как самого Гези, так и других бук-эн-гриллеров, объединенных в Съезд шеф-поваров. «Книги для меня не просто *дрова*, как их называют в нашем поварском подпольном сообществе. Все-таки книга – это целый мир, хоть и ушедший навсегда. В этом смысле я романтик. Я сын гуманитария, внук стоматолога, правнук адвоката, праправнук раввина. И я знаю точно – если ты любишь книгу по-настоящему, она отдаст тебе все свое тепло. А я люблю русскую классику, хотя не прочел и до середины ни одного русского романа. И я не буду жарить стейк на писателе второго сорта, вроде Горького. Всю классику я и моя *умная* блоха знаем наизусть: сюжет, биография автора со всеми подробностями, дата выхода бумажного *полена*. Это необходимо знать каждому повару, даже если он вообще не умеет читать книги» [Сорокин http].

Классика, которую следует понимать как сумму признанных, канонизированных текстов, отличающихся определенным культурным капиталом, бук-эн-гриллерами явно предпочитается другим произведениям. Клас-

[1] «The way in which a literary work satisfies, surpasses, disappoints or disproves the expectations of its first readers in the historical moment of its appearance obviously gives a criterion for the determination of its aesthetic value. The distance between the horizon of expectations and the work, between the familiarity of previous aesthetic experiences and „horizon change" demanded by the response to new works, determines the artistic nature of a literary work along the lines of the aesthetics of reception: the smaller this distance, which means that no demands are made upon the receiving consciousness to make a change on the horizon of unknown experience, the closer the work comes to the real „culinary" or light reading. This last phrase can be charakterized from the point of view of aesthetics of reception in this way: it demands no horizon change but actually fulfills expectations, which are prescribed by a predominant taste, by satisfying the demand for the reproduction of familiar beauty, conforming familiar sentiments, encouraging dreams, making unusual experiences palateble as „sensations" or even raising moral problems, but only to be able to „solve" them in an edifying manner when the solution is already obvious» [Jauss, Benzinger 1970: 14–15].

сики, согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», – это «писатели, признаваемые лучшими, образцовыми. В узком смысле – греческие и римские писатели в противоположность писателям Нового времени (в этом значении – со времен *Возрождения)*, а также представители *классицизма* (ныне тождественно понятию «классицисты»). В широком смысле – все писатели определенных периодов, считающихся временем расцвета национальной культуры (5 в. до н. э. для Греции, 1 в. до н. э. для Рима, 8 в. для Китая, 17 в. для Франции, 19 в. для России), а также вообще все крупные писатели, творчество которых стало достоянием не только национальной, но и *всемирной литературы*. К понятию К. восходят понятия классической традиции, классической манеры (в искусстве)» [Николюкин 2001: 362–363]. Как утверждает Паскаль Казанова, классик «олицетворяет саму литературную легитимность, значит то, что принято считать настоящей Литературой, на основе чего определяется граница того, что можно считать литературой, это то, что будет служить как специфический критерий» [Casanova 2012: 31].

Понятие классик в данной трактовке тождественно термину «канон». В интерпретации Игоря Сухих каноном называется «*перечень, список, собрание, множество текстов/авторов, считающихся образцовыми, самыми ценными, ключевыми для данной национальной литературы и/или культуры*» [Сухих 2016: 330]. *Такое понимание в принципе соответствует определению термина канон в «Литературной энциклопедии терминов и понятий»*: «Система устойчивых норм и правил создания художественных произведений определенного стиля, обусловленного мировоззрением и идеологией эпохи. Художественный К. является образцом и критерием положительной оценки всех произведений, созданных по его правилам. Как эталон художественного творчества он не столько ставит ограничительные рамки, сколько указывает на внутреннюю, глубинную основу, из которой должен исходить и на которую должен ориентироваться художник» [Николюкин 2001: 336–337].

Однако сам Игорь Сухих, ссылаясь на Б. Дубина, приводит три типа канона: «Можно говорить об устойчиво воспроизводимом, институциональном каноне (школа); актуальном каноне (литературная критика) и модном каноне (издательские стратегии в расчете на новую образованную, околоуниверситетскую публику)» [Дубин цит. по Сухих 2016: 330]. Созданная Сорокиным иерархия текстов художественной литературы является, несомненно, примером последнего из названных И. Сухих канонов. Ценность литературных произведений в организации бук-эн-гриллеров мотивирована прагматическими целями (ценой сеанса приготовления еды на книге).

Новая литература, а также значительная часть литературы XX в. в повести представлена как не достигающая ценности классической литературы. В этом духе звучит и ответ Гезы на предлагаемую «альбиносом-красавцем Алвизо» [Сорокин http] вязанку постсоветской литературы. «Нет, на таком не жарю. Ты же знаешь, наш век – не мое *чтение*. Предложи македонцам. У них в горах есть клиентура на постсоветский валежник» [Сорокин http]. В итоге современная русская литература в «Манараге» представлена всего одним произведением – «Дети Розенталя»[1] Владимира Сорокина.

Специфическая система, в которой бытуют произведения художественной литературы в повести «Манарага», ее законы и функции, которые в ней выполняют отдельные литературные произведения, моделируют существующий в ней литературный канон. В нем несложно выделить не подвергающиеся переоценке тексты (классика) и тексты маргинальные, представленные, как правило, для узкого круга читателей, аудитории, которая выделяется по культурным, национальным или другим признакам (македонцы, читающие постсоветский валежник). Факт существования иерархии внутри любого канона подтверждают слова Игоря Сухих: «В каноне обычно выделяют твердый центр и размытую периферию» [Сухих 2016: 332]. Твердый центр в повести представляют в первую очередь произведения русской литературы

[1] «Дети Розенталя» – постмодернистская опера в двух действиях композитора Леонида Десятникова на либретто Владимира Сорокина. Ее премьера состоялась в Большом театре в 2005 г.

XIX в.: А. С. Грибоедов «Горе от ума», Н. В. Гоголь «Мертвые души», И. А. Гончаров «Обломов», А. П. Чехов «Дядя Ваня». Особое место среди писателей этого периода принадлежит Ф. М. Достоевскому, который представлен тремя произведениями («Идиот», «Подросток», «Преступление и наказание»), а также Л. Н. Толстому. Тот в «Манараге» появляется в рассказе одного из клиентов Гезы как олицетворение природной силы, покровитель простого деревенского народа, великан, приносящий весну и просвещение. «А чудо было в том, что человек, пересекающий реку, рос и приближался с каждым шагом. И уже издали было заметно, что этот человек большой, необычный. Нагретый солнцем воздух дрожал и колыхался вокруг его возрастающей фигуры, торосы сверкали и переливались в солнечных лучах. Вскоре стал слышен и звук его шагов. Он шагал тяжело, сотрясая лед вокруг себя. Этот нарастающий, равномерный звук тяжких, мощных шагов заставил толпу притихнуть. Даже дети, все время галдящие и машущие руками и шапками, стихли и смотрели, раскрыв рты, словно считая каждый шаг. А каждый шаг делал идущего больше и сильнее. Люди на берегу смотрели и слушали шаги его» [Сорокин http]. Экономический фактор является ключевым при определении позиции Н. С. Лескова, творчество которого оказалось вне твердого центра. Этот «неходовой товар» [Сорокин http] вытесняется на периферию литературного канона.

Интересно, что в «твердый центр» литературного канона в повести не вошли поэты XIX в. Этот факт можно объяснить отсутствием интереса к сборникам поэзии вообще: «А вот поэтические сборники – не в ходу. Это объяснимо, но все-таки – жаль: в России поэзию обожали во все времена, за три века вышло множество книжек. Большинство из них – карманного размера, легкого или полулегкого веса. Они были бы идеальны для быстрых *чтений*: соловьи на Пушкине, конские тестикулы на Маяковском, телячьи ноздри на Пастернаке. Увы! Рынок наш диктует свои законы. Он беспощаден…» [Сорокин http].

На «размытой периферии», вне однозначной оценки, находятся также произведения авторов первой половины XX в.: «Чевенгур» А. Платонова, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Роман с кокаином» М. Агеева, «Одесские рассказы» И. Бабеля, рассказы М. Зощенко. Творчество Максима Горького главный герой «Манараги» Геза называет прямо второсортным.

Издательства, точно так же, как и крупные книжные магазины, являются, бесспорно, теми институциями, которые участвуют в процессе конструирования литературной иерархии, то есть в процессе образования канона произведений художественной литературы. Нет сомнений, что небольшой словацкий книжный рынок в значительной степени отражает существующую в мировой литературе ситуацию, но при том сохраняет и свои национальные особенности, реагирует на специфические для этой системы сигналы. Касательно национальных особенностей Е. В. Дмитриева пишет: «Пантеон, храм всех богов, казалось бы, уже в силу своей этимологии должен тяготеть к уникальности и единичности. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что подобно своему материальному воплощению – французскому Пантеону, превращенному в храм национальной славы и бессмертия, в котором, однако, многие сыны Отечества надолго не задерживались – также и литературный пантеон подвержен историческим изменениям и пересмотру. Особенно же сильные изменения он переживает при пересечении границ национальных культур, порождая каждый раз различные инонациональные (т. е. зарубежные) его изводы. Так что мы вправе говорить о русском, например, или английском, или немецком варианте пантеона французской литературы, французком пантеоне русской литературы и т. д» [Дмитриева 2018: 39]. Национальные варианты русской литературы, однако, не отрицают существование мировой литературы, так как они являются всего лишь ее разновидностями. Этот факт подтверждают исследования, которые проводили, например: Ю. И. Микаэлян[1], Ю. А. Льво-

[1] Микаэлян Ю. И. Россия в Бразилии: взаимодействие культур (опыт перевода) // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2. С. 95-100.

ва[1], М. В. Оборина[2], или же просматриваются в статье «Есть ли у современной русской литературы место в мировом контексте?»[3], в рамках которой на поставленный вопрос отвечали Александр Ливергант, Борис Дубин, Стефано Гардзонио, Марк Липовецкий, Екатерина Гениева, Марта Антоничева, Эмил Димитров, Ирина Савкина. Исследования и замечания упомянутых авторов и литературных критиков, перечень издаваемых в названных этими авторами странах произведений довольно убедительно указывают на существование так называемого «твердого центра и размытой периферии» [Сухих 2016: 332].

Включение в пространство мировой классики произведений русских авторов указывает на немаловажную роль, которую играет статус национальной литературы в пространстве мировой литературы, другой культуры. Как утверждает Паскаль Казанова, «Перевод является значимой институцией специфической легализации в литературном пространстве. […] это форма признания, не простая замена языка или обмен на горизонтальном уровне, который можно (необходимо) квантифицировать, чтобы узнать количество переводов, изданных по всему миру. Перевод, наоборот, является ставкой в игре и главным оружием универсального соревнования отдельных игроков, это одна из специфических форм борьбы в международном литературном пространстве, оружие переменчивой геометрии, употребление которого меняется в зависимости от позиции переводчика и самого текста, то есть, зависит от позиции языка оригинального текста и целевого языка» [Casanova 2012: 168–169].

Русская литература играла с XIX в. в словацкой культуре весьма важную роль и в значительной степени способствовала формированию словацкой литературы. Этот факт определял также позицию русской литературы среди других произведений мировой литературы. Русская литература, хоть и с определенными колебаниями, до конца 1980-х гг. занимала видное, порой доминирующее место в мировом литературном процессе.

Существенные изменения политической и социальной жизни в Чехословакии, которые приходят после 1989 г., в значительной степени повлияли на культурную жизнь (в том числе на продукцию издательств) в Словакии и коснулись также отношения к русской литературе. Несмотря на факт, что хронология изменений позиции русской литературы в исследуемый нами период (1990–2019 гг.) представляется весьма интересной, при анализе формирования модели русской литературы на словацком книжном рынке мы коснемся этого вопроса лишь в той степени, которая позволит понять, насколько исторические трансформации повлияли на определение ценности русской литературы.

Одним из ключевых моментов, оказавших влияние на позицию русской литературы, стала замена государственной издательской монополии. «Система издательств проходит в 1990-х гг. трансформацию. Исключительно государственные учреждения превращаются в предпринимательские субъекты (Slovenský spisovateľ), многие из них фактически исчезают (Tatran, Obzor), ревитализацию проходят негосударственные издательства, существовавшие и до 1989 г., но по определенным (понятным) причинам слабо работавшие (Tranoscius, Spolok sv. Vojtecha), возникают новые издательства, основанные по личной инициативе (Hevi, Causa editio), по инициативе небольшой группы (Fragment), или же появляются региональные издательства, которые всегда в какой-то форме существовали (Osveta – Martin, Východoslovenské vydavateľstvo – Košice). В сложный переходный период 1990-х гг. именно они сыграли важную роль в формировании новой сети издательств с естественным образом распределенными компетенциями и в сфере художественного пере-

[1] Львова Ю. А. Русская литература в современной Франции // Русская литература за рубежом: перевод как восприятие и восприятие перевода. Тверь: Тверской государственный университет, 2015. С. 155–167.

[2] Оборина М. В. Англия читает Россию: англоязычные переводы русской классики и современной русской литературы // Русская литература за рубежом: перевод как восприятие и восприятие перевода. Тверь: Тверской государственный университет, 2015. С. 135–154.

[3] Есть ли у современной русской литературы место в мировом контексте? // Знамя. 2011. № 10. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2011/10/170890.html.

вода (L. C. A. Levice – словацкая литература, социально-научная литература; Modrý Peter Levoča – также переводы словацкой литературы на иностранные языки; Knižná dielňa Timotej Košice – „шикарные", элитные и переводные тексты для ценителей)» [Kusá 2015: 141]. В результате этих изменений вплоть до конца 1990-х гг. появляется лишь незначительное число книжных изданий новой или до того не издаваемой в Словакии русской литературы. Причины ориентации издательств на «проверенную» классику можно искать прежде всего в самой позиции русской литературы после 1989 г. Как утверждают авторы научной монографии «Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015», «русская литература находилась в ситуации, когда она должна была, с одной стороны, заново определиться, с другой стороны, внелитературный контекст ее дискриминировал» [Kusá 2015: 142]. Подводя итоги изданий переводной художественной литературы после 1992 г., Антон Элиаш утверждает, что «если с момента перелома 1992–1993 гг. в целом (среди переводных текстов) падает число изданий так называемой серьезной литературы (поэзия и классика), то для русской литературы сохраняется противоположная тенденция. Этот факт понятен, так как литература, которая в другом культурном пространстве должна справляться со столькими препятствиями, не может себе позволить шаг в сторону» [Eliáš цит. по Kusá 2015: 144].

Эта специфическая ситуация с начала нового тысячелетия постепенно меняется. Наряду с классической литературой более систематичный характер приобретают издания новых, современных русских авторов.

Сложившаяся на данный момент модель русской литературы, а также дискурс издательств и книжных магазинов (имеются в виду прежде всего крупные интернет-магазины) довольно убедительно доказывают, что возраст литературного текста и его канонизация в национальном литературном пространстве являются важной предпосылкой его канонизации в поле мировой литературы. Паскаль Казанова пишет: «Возраст является определяющим элементом литературного капитала: свидетельствует о „богатстве" – в смысле количества текстов, а также и в первую очередь, о „величии" национальной литературы, о предполагаемом или же уже подтвержденном превосходстве по отношению к другим национальным традициям и в итоге свидетельствует о текстовом количестве провозглашаемых „классическими" (то есть избегающими сегодняшнего соперничества) или „универсальными" (то есть освобожденными от какого-либо партикуляризма)» [Casanova 2012: 30].

Исследование функционирования русской художественной литературы в словацких изданиях в период с 1990 по 2019 гг. указывает на преобладающее в крупных издательствах предпочтение изданий классической литературы. Эта стратегия подтверждает слова Пьера Бурдье о существовании в политике издательств двух форм экономического обмена и причинах предпочтения классической литературы другим, менее известным (не канонизированным) произведениям или авторам. «Художественное и литературное поле является местом встречи двух антагонистичных форм производства и обмена, так как подвергается совершенно противоположным закономерностям. Первым из них является антиэкономическая экономика чистого искусства: основана на обязательно принятой бескорыстности и отрицает „экономику", и „экономический" (краткосрочный) капитал. <…> Производство признает только спрос, образованный самим производством, и направлено к накоплению символического капитала. Символический капитал понимается как непринятый „экономический" капитал, но притом воспринимается и легализуется как настоящий кредит, который при определенных условиях, в долгосрочной перспективе может принести реальный „экономический" капитал. С другой стороны, вступают в силу законы „экономики" литературного и художественного производства, которое с произведениями искусства работает как с любым другим товаром. Предпочтение отдается продаже и дистрибуции, а также непосредственному, ограниченному по времени успеху, который измеряется, например, тиражом» [Bourdieu 2010: 191].

По данным Государственной научной библиотеки г. Банска Быстрица, Index Transla-

tionum, датабазе chamo. kis3g.sk[1] и данным крупнейшего словацкого книжного интернет-магазина martinus.sk, в исследуемый период появилось 378 книжных изданий русской художественной литературы[2]. По двум признакам – названию серии издательства[3] и паратексту к изданию[4], доступному в интернет-магазине martinus.sk, к писателям-классикам можно отнести всего одиннадцать авторов: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. Брюсова, А. Куприна, М. Горького, И. Бабеля, М. Булгакова. При общем числе авторов, проиведения которых издавались в Словакии (167), на творчество одиннадцати классиков выходит 113 книжных изданий[5], то есть, почти 30% из общего числа книжных изданий русской литературы (378). Сам список названных авторов доказывает предпочтение издательствами эпических жанров лирике. Даже творчество А. С. Пушкина в словацких изданиях представлено лишь двумя сборниками стихов[6]. Интересно, что единственным современным автором, творчество которого сравнивается с произведениями писателей-классиков, является Людмила Петрушевская: «Трогательность ее текстов поразительна. В духе настоящей русской классики она смотрит на дно человеческой души»[7].

Круг писателей-классиков можно расширить авторами, произведения которых, согласно данным martinus.sk, по тем же признакам (серия издательства[8] и паратекст к изданию[9]) включены в список мировой литературы. Помимо А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова, к представителям мировой литературы отнесены также Л. Андреев (представлен 4 книжными изданиями), И. Ильф и Е. Петров (6 книжных изданий), В. Сорокин (8 книжных изданий, одно из них в сборнике «Русские цветы зла»), В. Пелевин (7 книжных изданий, один текст в сборнике «Русские цветы зла»). С произведениями этих авторов число канонизированных писателей расширится до 138,

[1] Интернет-портал к каталогам словацких библиотек.

[2] В этот список включены также произведения детской литературы.

[3] В издательстве Slovart, в серии Svetová klasika представлен Ф. М. Достоевский «Netočka Nezvanovová» («Неточка Незванова»), Л. Н. Толстой «Anna Kareninová» («Анна Каренина»), Н. В. Гоголь «Mŕtve duše» («Мертвые души»); в издательстве Petit Press, в серии Knižná klasika denníka SME – Ф. М. Достоевский «Hráč» а «Večný manžel» («Игрок», «Вечный муж»), И. Бабель «Ako to chodilo v Odese» («Одесские рассказы»); в издательстве SnowMouse Publishing, в серии Edícia ruskej klasickej literatúry – В. Брюсов «Pod starým mostom» («Под старым мостом»), М. Булгаков «Moliér» («Мольер»), А. С. Пушкин «Eugen Onegin» («Евгений Онегин»), А. П. Чехов «Višňový sad» («Вишневый сад»).

[4] При издании сборника произведений А. Куприна «*Príbehy o láske a smrti*» (издательство Tranoscius, 1996) указано: «Сборник лучших рассказов автора, которые, несомненно, принадлежат к классике русской литературы»; при сборнике поэзии А. С. Пушкина «*Dievča na skale*» (издательсво Pezolt PVD, 2000) отмечено: «Сборник поэзии русского классика»; при издании «*Poľovníkove zápisky*» («Записки охотника») И. С. Тургенева (издательство Európa, 2010) указано: «Оригинальный сборник рассказов русского классика»; при издании Ф. М. Достоевского «*Zápisky z podzemia*», «*Zlý žart*» («Записки из подполья» и «Скверный анекдот») (издательство Európa, 2012) указано: «Об объеме и разнообразии творчества, о богатстве таланта великого классика русской литературы XIX века Ф. М. Достоевского – автора знаменитых романов „Преступление и наказание“, „Братья Карамазовы“, „Идиот“, „Белые ночи“, „Игрок“ и многих других не надо словацкому читателю особо напоминать»; при повести М. Горького «*Moje univerzity*» («Мои унививерситеты») (издательство Európa, 2015) отмечено: «Знаменитая повесть классика мировой литературы»; издание Л. Н. Толстого «*Vojna a mier*» («Война и мир») (Ikar, 2017) сопровождает текст: «Речь идет о классическом романе-эпопее, отражающем жизнь русского общества в первых десятилетиях XIX века»; издание М. Булгакова «*Majster a Margaréta*» («Мастер и Маргарита») (издательство Slovart, 2017) дополняет текст: «Сегодня уже классический роман, который был в книжной форме издан двадцать пять лет после смерти автора, вызвал большой резонанс уже во время своего издания».

[5] А. С. Пушкин – 12 книжных изданий, Н. В. Гоголь – 3, И. С. Тургенев – 5, Ф. М. Достоевский – 33, Л. Н. Толстой – 24, А. П. Чехов – 10, В. Брюсов – 4, А. Куприн – 3, М. Горький – 2, И. Бабель – 3, М. Булгаков – 14.

[6] Имеются в виду сборники стихов «Severná ruža» (издательство «Slovenský spisovateľ», 1995) и «Dievča na skale» (издательство «Pezolt PVD», 2000). Кроме того были изданы: «Eugen Onegin» («Егений Онегин») (Interpopulart Slovakia, 1995 и 1999; Petrus, 2002; SnowMouse, 2010); «Piková dáma», «Povesti nebohého Ivana Petroviča Belkina» («Пиковая дама» и «Повести покойного Ивана Петровича Белкина») (Európa, 2009); «Kapitánova dcéra» («Капитанская дочка») (Európa, 2011 и 2013); «Dejiny obce Goriuchina» («История села Горюхина») (Európa, 2011); «Rozprávka o cárovi Saltánovi» («Сказка о царе Салтане») (Spolok slovenských spisovateľov, 2018); «Rozprávky», poéma «Ruslan a Ľudmila» (Сказки, поэма «Руслан и Людмила») (Torden s. r. o., 2019).

[7] Паратекст к изданию сборника произведений «*V dome niekto je*» («В доме кто-то есть»), Artforum, 2011.

[8] В издательстве Kalligram, в серии Svetová próza представлен роман В. Сорокина «Сердца четырех»; в издательстве Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov, в серии Knižnica svetových autorov представлен сборник В. Пелевина «Relics» и сборник повестей и рассказов Л. Андреева под названием «Rozhovor uprostred noci».

[9] В паратексте к изданию рассказов «Poviedky» И. Ильфа и Е. Петрова (издательство Európa, серия Kolotoč) на martinus.sk указано: «Их произведение до сих пор считается важным памятником *мировой* литературы…»

то есть почти 37% всех изданий художественной литературы.

Указанные данные дают в принципе право согласиться с мнением авторского коллектива научной монографии «*Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015*», которые утверждают, что «в случае книжных изданий переводов русской литературы намечается несколько ключевых, и в какой-то степени повторяющихся тенденций: 1) в реакции на конкуренцию, интересы рынка и предпочтения читательской аудитории, крупные издательства ориентируются преимущественно на переиздания и репринты русской классической литературы […], но, с другой стороны, в другом объеме появляются также тексты современных русских авторов (которые стали известны благодаря неоднозначности или атипичности своего творчества, самореализации или другой деятельности); 2) небольшие и молодые издательства более склонны издавать произведения современной литературы, хотя число этих изданий небольшое…» [Kusá 2015: 162]. Однако стратегию небольших издательств вряд ли можно свести к попытке расширить границы канона (хотя эта тенденция в политике небольших издательств, несомненно, присутствует). Ярким примером тому могут служить издательства «SnowMouse Publishing»[1] и «Petit Press»[2], ориентирующиеся исключительно на творчество писателей-классиков.

Нет сомнений, что присуждение издательствами отдельным авторам статуса классика или представителя мировой литературы – реакция на позицию этих авторов в пространстве мировой литературы, а также их место в пространстве национальной (в данном случае словацкой) литературы. Тем не менее присуждение определенного статуса издательствами является также формой созидания литературного канона и закрепления в нем позиции отдельных авторов, то есть формой определения ценности литературного текста. Ценность литературного текста на книжном рынке, существенной частью которого являются именно издательства, притом прямо связана с экономическим капиталом – ожиданием прибыли от издания текста, и поэтому не обязательно указывает (хоть и не отменяет его) на символический капитал этого текста. По этой причине можно утверждать, что именно ориентация на прибыль влиятельнейших и крупнейших книжных издательств в значительной степени определяет форму литературного канона. Тот хоть и отражает существующий статус отдельных авторов в пространстве мировой или национальной литературы, но в не меньшей степени свидетельствует об экономических интересах издательств. Данная ситуация неслучайно напоминает систему функционирования художественной литературы в повести В. Сорокина «Манарага», хотя процессы, проходящие в работе издательств, все же значительно сложнее. Ориентация на проверенные, канонизированные тексты или методы канонизации текстов художественной литературы являются отнюдь не единственным процессом в системе издательств (этот факт подтверждает широкий спектр авторов и их произведений), однако именно предпочтение канонизированных текстов в значительной мере обеспечивает существование издательств на книжном рынке. Нельзя не согласиться с мнением О. М. Роя насчет современного русского рынка: «В настоящее время обеспечивать рентабельность производства могут только крупные издательства, обладающие собственной системой распространения продукции. Поэтому примечательной чертой нашего времени становится слияние ведущих издательств и книготорговых сетей, что способствует монополизации этого сектора экономики и его ориентации на коммерчески выгодные проекты» [Рой 2014: 190].

Как в повести «Манарага», так и в системе словацкого книжного рынка в функционировании художественной литературы задействованы крупные игроки, которые существенным образом определяют литературный канон. Ценность определенного литературного текста в обоих случаях в значительной степени зависит от экономических целей этих систем.

[1] В издательстве представлено творчество А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, В. Брюсова и М. Булгакова.

[2] В Petit Press были изданы произведения Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Булгакова и И. Бабеля.

Как утверждает Т. С. Элиот, «о литературности определенного текста (то есть, о его принадлежности к литературе) должны судить исключительно эстетические критерии (согласно кантовской традиции, они должны быть незаинтересованными или лишенными прагматизма), но значение литературного текста (если уже решен вопрос его литературности) зависит от внеэстетических критериев» [Eliot цит. по Compagnon 2006: 249].

Литература

Битов, А. Пушкинский дом / А. Битов. – СПб. : Азбука-Классика, 2000. – 499 с.

Данилкин, Л. О чем на самом деле «Манарага» Владимира Сорокина / Л. Данилкин. – URL: https://daily.afisha.ru/brain/4792-o-chem-na-samom-dele-manaraga-vladimira-sorokina-obyasnyaet-lev-danilkin (дата обращения: 28.09.2020). – Текст: электронный.

Дмитриева, Е. Е. Литературный пантеон как проблема пограничья / Е. Е. Дмитриева. // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: сборник трудов конференции. – Псков : Псковский государственный университет, 2018. – С. 39–54.

Есть ли у современной русской литературы место в мировом контексте? – Текст : электронный // Знамя. – 2011. – № 10. – URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2011/10/170890.html (дата обращения: 28.09.2020).

Львова, Ю. А. Русская литература в современной Франции / Ю. А. Львова. // Русская литература за рубежом: перевод как восприятие и восприятие перевода. – Тверь : Тверской государственный университет, 2015. – С. 155–167.

Микаэлян, Ю. И. Россия в Бразилии: взаимодействие культур (опыт перевода) / Ю. И. Микаэлян // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – № 2. – С. 95–100.

Николюкин, А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001. – 1596 с.

Оборина, М. В. Англия читает Россию: англоязычные переводы русской классики и современной русской литературы / М. В. Оборина // Русская литература за рубежом: перевод как восприятие и восприятие перевода. – Тверь : Тверской государственный университет, 2015. – С. 135–154.

Рой, О. М. Рынок книжной продукции как полигон формирования новой экономики / О. М. Рой // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2014. – № 1. – С. 188–193.

Скибицкая, Л. В. Публицистический дискурс СМИ в формировании иерархий и репутаций современной литературы / Л. В. Скибичкая // Мультимедийная публицистика: сборник научных трудов. – Брест : Издательский центр БГУ, 2018. – С. 330–334.

Сорокин, В. Манарага / В. Сорокин. – URL: https://e-libra.ru/read/490699-manaraga.html (дата обращения: 16.09.2020). – Текст : электронный.

Сухих, И. Н. Русский литературный канон XX века. Формирование и функции / И. Н. Сухих // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17, № 3. – С. 329–336.

Толстая, Т. Кысь / Т. Толстая. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.

Bourdieu, P. Pravidla umění. Vznik a struktura literárního pole / P. Bourdieu. – Praha : Host, 2010. – 496 c.

Casanova, P. Svetová republika literatury / P. Casanova. – Praha : Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelstvi Karolinum, 2012. – 439 c.

Compagnon, A. Demon teorie. Literatura a bezhne myslenie / A. Compagnon. – Bratislava : Kalligram, 2006. – 314 c.

Janoušek, P. Therna koshka aneb subjekt znalce v myshleni o literaturzhe a jeho komunikatchni strategie / P. Janousek. – Praha : Academia, 2012. – 280 c.

Jauss, H. R. Literary History as a Challenge to Literary Theory / H. R. Jauss, E. Benzinger // New Literary History. A Symposium on Literary History. – 1970. – Vol. 2, No. 1. – C. 7–37.

Kant, I. Kritika soudnosti / I. Kant. – Praha : Odeon, 1975. – 271 c.

Kupka, V. Podoby cenzury v sutchasnej ruskej literature Podoby cenzury v sutchasnej ruskej literature / V. Kupka // World literature studies. – 2018. – C. 38–57.

Kusá, M. Ruska literatura v slovenskej kulture v rokoch 1825–2015 / M. Kusa. – Bratislava : VEDA, 2017. – 263 c.

Onufer, P. Obtizhná balanc. Ke kanonu anglofonnich literatur v tcheskem kontextu / P. Onufer. – Praha : Univerzita Karlova; Nakladatelstvi Karolinum, 2019. – 206 c.

References

Bitov, A. (2000). *Pushkinskii dom* [The Pushkin House]. Saint Petersburg, Azbuka-Klassika. 499 p.

Bourdieu, P. (2010). *Pravidla umění. Vznik a struktura literárního pole*. Praha, Host. 496 p.

Casanova, P. (2012). *Svetová republika literatury*. Praha, Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelstvi Karolinum. 439 p.

Compagnon, A. (2006). *Demon teorie. Literatura a bezhne myslenie*. Bratislava, Kalligram. 314 p.

Danilkin, L. *O chem na samom dele «Manaraga» Vladimira Sorokina* [What is Actually Vladimir Sorokin's "Manaraga" About]. URL: https://daily.afisha.ru/brain/4792-o-chem-na-samom-dele-manaraga-vladimira-sorokina-obyasnyaet-lev-danilkin (mode of access: 28.09.2020).

Dmitrieva, E. E. (2018). Literaturnyi panteon kak problema pogranich'ya [Literary Pantheon as a Borderland Problem]. In *Kulturnyi landshaft pogranich'ya: proshloe, nastoyashhee, budushhee: sbornik trudov konferentsii*. Pskov, Pskovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 39–54.

Est'li u sovremennoi russkoi literatury mesto v mirovom kontekste? [Does Contemporary Russian Literature Have a Place in the World Context?]. (2011). In *Znamya*. No. 10. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2011/10/170890.html (mode of access: 28.09.2020).

Janoušek, P. (2012). *Therna koshka aneb subjekt znalce v myshleni o literaturzhe a jeho komunikatchni strategie*. Praha, Academia. 280 p.

Jauss, H. R., Benzinger, E. (1970). Literary History as a Challenge to Literary Theory. In *New Literary History. A Symposium on Literary History*. Vol. 2. No. 1, pp. 7–37.

Kant, I. (1975). *Kritika soudnosti*. Praha, Odeon. 271 p.

Kupka, V. (2018). Podoby cenzury v sutchasnej ruskej literature Podoby cenzury v sutchasnej ruskej literature. In *World Literature Studies*, pp. 38–57.

Kusá, M. (2017). *Ruska literatura v slovenskej kulture v rokoch 1825–2015*. Bratislava, VEDA. 263 p.

Lvova, Ju. A. (2015). Russkaya literatura v sovremennoi Frantsii [Russian Literature in Modern France]. In *Russkaya literatura za rubezhom: perevod kak vospriyatie i vospriyatie perevoda*. Tver, Tverskoi gosudarstvennyi universitet, pp. 155–167.

Mikaelyan, Ju. I. (2017). Rossiya v Brazilii: vzaimodeistvie kultur (opyt perevoda) [Russia in Brazil: Interaction of Cultures (Translation Experience]. In *Koncept: filosofiya, religiya, kultura*. No. 2, pp. 95–100.

Nikolyukin, A. N. (2001). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, Intelvak. 1596 p.

Oborina, M. V. (2015). Angliya chitaet Rossiyu: angloyazychnye perevody russkoi klassiki i sovremennoi russkoi literatury [England Reads Russia: English Translations of Russian Classics and Contemporary Russian Literature). In *Russkaya literatura za rubezhom: perevod kak vospriyatie i vospriyatie perevoda*. Tver, Tverskoi gosudarstvennyi universitet, pp. 135–154.

Onufer, P. (2019). *Obtizhná balanc. Ke kanonu anglofonnich literatur v tcheskem kontextu*. Praha, Univerzita Karlova, Nakladatelstvi Karolinum. 206 p.

Roi, O. M. (2014). Rynok knizhnoi produktsii kak poligon formirovaniya novoi ekonomiki [Book Market as a Testing Ground for the Formation of a New Economy]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. No. 1, pp. 188–193.

Skibitskaya, L. V. (2018). Publitsisticheskii diskurs SMI v formirovanii ierarkhii i reputatsii sovremennoi literatury [Publicistic Discourse of the Media in the Modern Literature Hierarchies and Reputations Formation]. In *Multimediinaya publitsistika: sbornik nauchnykh trudov*. Brest, Izdatelskii tsentr BGU, pp. 330–334.

Sorokin, V. *Manaraga* [Manaraga]. URL: https://e-libra.ru/read/490699-manaraga. html (mode of access 16.09.2020).

Sukhikh, I. N. (2016). Russkii literaturnyi kanon XX veka. Formirovanie i funktsii [Russian Literary Canon of the Twentieth Century. Formation and Functions]. In *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. Vol 17. No. 3, pp. 329–336.

Tolstaya, T. (2007). *Kys* [Kys]. Moscow, Eksmo. – 416 p.

Данные об авторе

Лизонь Мартин – доктор философии, старший преподаватель, философский факультет, Университет им. Матея Бела (Банска Быстрица, Словакия).

Адрес: Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela, Tajovského 40, Banská Bystrica.

E-mail: martin.lizon@umb.sk.

Author's information

Martin Lizon – Doctor of Philosophy, Senior Lecturer, Faculty of Arts, Matej Bel University (Banská Bystrica, Slovakia).

УДК 821.112.2-1. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-02. ББК Ш33 (4Гем) 5-45.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE HEXAMETER IN GERMAN POETRY

Tatiana N. Andreiushkina
Togliatti State University (Togliatti, Russia)
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-2818-983X

Abstract. The article traces the history of the development of the hexameter on German soil: from the use of the Leonin hexameter in the Middle Ages and the Reformation, the mixed Latin-German hexameter in the period of humanism (in the form of carmina eroica) and the German hexameter in the 18th–19th centuries (mainly in the form of elegy, epigram and idyll) to derivatives and ironic forms of the XX century (memorandum, instructive poem, etc.). Klopstock played a significant role in the spread of the hexameter in German poetry, bringing a fresh stream to German poetry by rejecting the prevailing in the 17th century predominantly alternating Alexandrian verse. Voss also inspired his contemporaries to create distiches with his translations of Homer's poems. The flowering of the hexameter falls on the period of classicism: Goethe and Schiller created the best and purest examples of this poetic meter. Goethe and Schiller during the Enlightenment, Hölderlin, Novalis and Kleist in romanticism, Rückert, Platen and Mörike in post-romanticism introduced variety and movement into the hexameter by means of different types of caesura in verse. Austrian poets (Saar, Weinheber, Bachmann) appeal to hexameter as a classic form of German verse, Hauptmann uses it to create a large poetic form. The poets of the pre-war and war period (Colmar, Schröder, Holthusen) seek in him an aesthetic support in an era of timelessness. Poets of the former GDR (Brecht, Bobrowski, Müller), poets of the Federal Republic of Germany (Grünbein, Herbst) use it sporadically and in a transformed form, but at the same time take into account the thematic and genre traditions associated with this antique meter. Most foreign researchers, when determining the hexameter, speak of its dactylic component and only from the middle of the 20th century some of them (Kayser, Mönnighof) note, in addition to the spondees, the possibility of using chorees in the initial syllables of a verse.

Keywords: hexameter; Leonine verse; elegiac distich; idyll; epigram; didactic poem.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ГЕКЗАМЕТРА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

Андреюшкина Т. Н.
Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия)
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-2818-983X

Аннотация. В статье прослеживается история развития гекзаметра на немецкой почве: от употребления леонинского гекзаметра в Средневековье и Реформации, смешанного латинско-немецкого гекзаметра в период гуманизма (в виде carmina eroica) и немецкого гекзаметра в XVIII–XIX вв. (преимущественно в форме элегии, эпиграммы и идиллии) до дериватов и иронических форм XX в. (меморандум, поучительное стихотворение и др.). Значительную роль в распространении гекзаметра в немецкой поэзии сыграл Клопшток, внеся свежую струю в немецкую поэзию отказом от преобладавшего в XVII в. преимущественно альтернирующего александрийского стиха. Фосс своими переводами поэм Гомера также вдохновил современников на создание дистихов. Расцвет гекзаметра приходится на период классицизма: Гете и Шиллер создали лучшие и чистые образцы этого стихотворного размера. Гете и Шиллер в период Просвещения, Гельдерлин, Новалис и Клейст в романтизме, Рюкерт, Платен и Мерике в постромантизме вносили разнообразие и движение в гекзаметр путем различного вида цезур в стихе. К гекзаметру как классическому виду немецкого стиха апеллируют австрийские поэты (Заар, Вайнхебер, Бахман), Гауптман использует его для создания крупной стихотворной формы. Поэты предвоенной и военной поры (Кольмар, Шредер, Хольтхузен) ищут в нем эстетическую опору в эпоху безвременья. Поэты бывшей ГДР (Брехт, Бобровский, Мюллер), поэты ФРГ (Грюнбайн, Хербст) используют его спорадически и в трансформированной форме, однако при этом учитывают тематические и жанровые традиции, связанные с этим античным размером. Большинство зарубежных исследователей при определении гекзаметра говорят

 © Т. Андреюшкина, 2021

о его дактилической составляющей, и только с середины XX в. некоторые из них (Кайзер, Мёнигхоф) отмечают помимо спондеев возможность применения хореев в начальных тактах стиха.

Ключевые слова: гекзаметр; леонинский стих; элегический дистих; идиллия; эпиграмма; поучительное стихотворение.

Для цитирования: Андреюшкина, Т. Н. История развития гекзаметра в немецкоязычной поэзии / Т. Н. Андреюшкина. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 22–37. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-02

For citation: Andreiushkina, T. N. (2021). The History of the Development of the Hexameter in German Poetry. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 22–37. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-02

Einleitung. Zum Thema des Artikels wird die Herausarbeitung des antiken Versmaßes, das eine reiche Tradition nicht nur in der Geschichte der antiken Kunst, sondern auch der europäischen Dichtung gespielt hat, auf deutschem Boden. Die Behandlung dieses Themas ist aufs Engste mit dem aktuellen Problem des Gedächtnisses und des Kanons in der Literatur verbunden, was auf die Aktualität des Artikels hinweist. Der antike Vers wurde in den wissenschaftlichen Werken von deutschen [Kelletat 1964; Arnst 1984; Kayser 1999; Breuer 1999; Knörrich 2005] und russischen Gelehrten untersucht [Tomaschewski 2001, Cholschewnikow 2002, Gasparow 1989, 1999 u. a.]. In folgenden Studien wurden einzelne Probleme des deutschen Verses und auch mancher in Hexametern abgefassten Genres (darunter Elegie, Epigramm, Idylle) zur Sprache gebracht [Bunge 1963; Wagenknecht 1981; Behrmann 1989; Beissner 1991; Moennighoff 2004]. Es wurden auch einzelne in Hexametern geschriebene Werke der deutschen Autoren interpretiert [Freund 1990; Kayser 1991; Suvin 2008]. Aber es gibt keine übersichtliche, geschichtsbezogene analytische Betrachtung der Entwicklung des hexametrischen Verses auf deutschem Boden vom Mittelalter bis heute. Der Artikel begleicht diesen Mangel. Das Ziel dieses Artikels besteht darin, eine kurze, aber systematisch abgefasste Geschichte des Hexameters in der deutschen Dichtung mit mehreren Textzitaten zu präsentieren.

Entstehung des Hexameters als leoninischen Verses im Mittelalter. Die Geschichte des Hexameters in Deutschland beginnt im 9. Jahrhundert und tritt in Form des leoninischen Hexameters auf. Möglicherweise ist der leoninische Hexameter aus der klassischen römischen Dichtung (Ovid), aus dem auch auf zwei Silben reimenden Pentameter entstanden, so Knörrich [Knörrich 2005: 132].

Der leoninische Hexameter kam vor allem in der späten antiken und frühmittelalterlichen lateinischen Dichtung vor und diente als mögliches Muster für die Reimgedichte von Otfried von Weißenburg (ca. 800–871), der im Vorwort zum Evangelienbuch (863–871) unter dem lateinischen Titel „Cur scriptor hunc librum theotisce dictaverit“ („Warum der Author in der deutschen Sprache sprechen will“) erklärte, dass er wie andere Dichter in der Muttersprache schreiben will. Der Anvers wird im leoninischen Vers in der Regel auf den Abvers gereimt.

Nist si so gisungan, mit gerulu bithwungan:
Si habet thoh thia rihti in sconeru slihti.
Ili thu zi note, theiz scono thoh gilute,
Joh gotes wizod thanne tharana scono helle
[Otfried 1965: 9]

(Ist sie auch nicht so gesungen (im Gesang gepflegt), / durch (metrische) Regel gebändigt, / so hat sie doch (die) Geradheit in schöner Einfachheit. / Trachte du in notwendiger Weise (beharrlich), / dass es dennoch schön erklinge / und Gottes Gesetz dann / darin schön ertöne) [ibidem].

Führen wir noch einen leoninischen Vers als Epigramm aus dem 9. / 10. Jahrhundert eines Unbekannten Verfassers:

liubene ersatza sine gruz unde kab sina tohter uz.
To cham aber starzfidere, prahta imo sina tohter uuidere
[DL 2001, 1: 39].

(Liubene setzte sein Weizenbier an und ließ seine Tochter heiraten.

Da kam strazfidere wieder, brachte ihm seine Tochter zurück) [ibidem].

Noker von Zwiefalten (gest. 1095) setzt die gegebenen Versuche in 19 Strophen seines Ge-

dichtes „Memento mori“ (1070) mit den Vierzeilern fort und verwendet ähnliche Reime, wie Otfried. Er bildet die Reime, wenn einer davon aus zwei Wörtern besteht (mundus – uns sus), und schließt auch lateinische Wendungen in den Vers ein (nobis miserere) [DL 2001, 1: 142].

Oft wird in den Verspoetiken der spätere leoninische Vers aus Archipoeta (ca. 1130–1165) angeführt, noch auf Latein geschrieben, in dem Kurzverse aufeinander gereimt werden:

En habeo versus te praecipiente reversus
sit tibi fons laeta versus recitante poeta
[zit. nach: Knörrich 2005: 132].

(Heimgekehrt entsprechend deinem Wunsch, bringe ich Verse mit.

Möge deine Stirn sich erhellen, wenn der Dichter sie vorträgt) [ibidem].

Die Blütezeit des leoninischen Verses fällt ins 10. – 11. Jahrhundert. In der deutschen Dichtung kam er später auch bei Eberhard von Cersne, Johannes Rothe, zur Zeit des Humanismus bei J. Fischart (1546–1590) vor, als sich neolateinische Dichtung verbreitete, und sogar beim Postromantiker Fr. Rückert, der verschiedene klassische Genres und Metren pflegte.

Lateinisch-deutsche Hexameter: Übergangsformen im Humanismus. Meistersinger S. Brandt hat 1492 ein episches Gedicht „Uon dem donnerstein gefallen im xcij. iar vor Ensishein“ geschrieben. Den 22 lateinischen Distichen steht in der rechten Spalte des Flugblattes eine deutsche Parallelfassung gegenüber, die wir als Übersetzung nach dem lateinischen Textauszug anbieten. Der deutsche Text entspricht dem lateinischen im Großen und Ganzen – es fehlen ihm dennoch der Vergleich mit dem Planeten Saturn (35. Zeile), der Hinweis auf Anaxagoras und die Schwierigkeiten einer naturwissenschaftlichen Erklärung (Zeilen 40–43). Vielleicht wollte Brandt im deutschen Text nicht auf Details eingehen. Im Vergleich zu dem lateinischen wird der deutsche Text mit paarweise gereimten Knittelversen abgefasst, deswegen trifft man darin außer Inversionen auch Elisionen, was dem Vers einen umgangssprachlichen Stil verleiht.

Perlegat antiquis miracula facta sub annes
Qui volet: et nostros comparet inde dies.
Uise licet fuerint portenta / horrendaque monstra
Lucere e celo: flamma / corona / trabes
[DL 2001, 2: 385].

Sich wundert mancher fremder gschicht
Der merck vnd leß ouch diß bericht
Es sind gesehen wunder vil
Jim lufft comet vnd furen pfil [ibid.: 386].

Mit gleichen Verspaaren (insgesamt 13) wird der Dialog „De periculoso scacorum ludo: Inter mortem et humanam conditionem“ („Über das gefahrvolle Schachspiel zwischen dem Tod und dem Menschen“) geschrieben, wo der Tod bekennt, dass ihm alle gehorchen, und zum Schluss erzählt er ein Rätsel über den Baum, der die Zeit verkörpert [DL 2001, 2: 402]. Die Besonderheit dieses Gedichtes besteht darin, dass mit lateinischen Hexametern geschriebene Paare durch die deutschen vierhebigen Reimpaare abgelöst und gemischte lateinisch-deutsche Strophen gebildet werden. Dadurch kommt Brandt zu der Schöpfung des deutschen Hexameters sehr nah.

Noch näher bringt ein Unbekannter Verfasser sein „Carmen ad Clerikum“ („Gedicht an den Klerus“, 1505) dem deutschen Hexameter, während er die linke Hälfte des Gedichtes auf Latein und die rechte Hälfte auf Deutsch gedichtet hat.

Et vt cognoscas latius / So nym gar eben war
Ludimagister fatuus / Das ist weyt offenbar
[DL 2001, 3: 23].

Knörrich hat teilweise recht, wenn er meint, dass erst im Humanismus viel Mühe gegeben wird, um den Hexameter deutsch klingen zu lassen, zuerst auf dem Grund des quantitativen Prinzips [Knörrich 2005: 94].

Mehrere lyrische Genres wurden mit lateinischen Distichen geschrieben, aber sie warfen Probleme der deutschen Gesellschaft auf, z. B. das Lehrgedicht von Conrad Celtis „Ad Iuuentutem Germanicam“ („An die deutschen Jugendlichen“, 1502) [DL 2001: 3, 19], ein Vermächtnis des Dichters. Ein anderes Beispiel – „Pro sedanda peste ad divam die genitricem elegidion“ („Kleine Elegie an die heilige Mutter Gottes zur Eindämmung der Pest (Syphilis)“, 1504) [DL 2001, 3: 22]) – findet einen Widerhall in der Elegie von U. von Hutten „Obsessus a Gallis cum salutem desperasset“ („Als er hart bedrängt durch die Franzosen (die Syphilis) “), 1538), wo dieselbe Krankheit gemeint wird.

1529 entsteht „Eobanus Hessus Lectori“ („Eobanus Hessus an den Leser“) – Widmungsgedicht von H. E. Hess zu Althamers Germaniakommentar. Andreas Althamer (1500 – ca. 1540), Huma-

nist und Theologe, schrieb 1529 einen Kommentar zu Tacitus' „Germania". Hess glaubt, beide Historiker haben ihre Qualitäten gleichermaßen offenbart, sowie im nützlichen Inhalt, als auch in stilistischer Sicht. Die Meinung ist wichtig in dem Sinne, dass die nationalen Leistungen in der Wortkunst hoch sind und es ist noch ein Schritt zur Behauptung der deutschen Poesie und zum Teil auch des deutschen Hexameters. Eben diesem Zweck dient auch in Georg Sabinus Ode „Apollo" (1538) der Vergleich Melanchtons mit dem griechischen Gott der Künste.

Lateinische Hexameterverse finden wir in „Pasquillus vf den protestirenden Krig" (1546), einem Beispiel der Makkaronika, wo zum Unterschied zu Brandt und zu einem erwähnten Anonym keine deutschen Verse den lateinischen, sondern lateinisierte Wörter mit deutschen Stämmen (ein Landgrafi, Reichstettites Narri, Gottswortum u. a.) den lateinischen Wendungen gegenübergestellt werden [DL 2001, 3: 155]. Makkaronisch ist auch „Benedictio Mensae in Pancketum" („Tischsegen beim Bankett", 1548) eines Unbekannten Verfassers, wo grobe familiäre Wörter lateinische Endungen bekommen (sauffite, fressendi) [ibid., 3: 158].

Ein interessantes Beispiel ist Konrad Gessners Übertragung des Gebets „Vater unser" (1555) aus dem Lateinischen ins Deutsche mit Hilfe von deutschen Hexametern (vier Distichen, wo letzte zwei mit männlichen Klausuren ausgehen) und nebenbei auch von Endecasillabo. Uns interessiert der Hexameter:

O Vater unser der du dyn eewige wonung
Erhöchst inn himmeln dyn namen werde geheilget.
Zükumm vns dyn rich. Dyn will der thüe beschähen
Vff erd als inn himmelen. <…> [ibid., 3: 173]

Der Aufklärer J. Ch. Gottsched (1700–1766) kritisierte Gessner nicht nur für seine Spondeen, die sich in der Tat als Jamben erweisen, sondern auch für seinen Gräzismus „inn himmelen", sowie dafür, dass er kurze Vokale für lange hält.

Gottsched findet den Hexameter sogar in Luthers Bibel (1534). Es ist auch nicht zufällig. Wie der erste leoninische Vers in Otfrieds Evangelienbuch „entdeckt wurde", so sollte auch der große Luther den Hexameter als erster verwenden. Es kommt auch darauf an, dass beide Werke religiöse Texte sind, die den Hexameter den heidnischen Texten abgewinnen.

– VV – – – – – – – VV–V

Und Isa | ac scher | zet mit | seinem |Weibe Re | becca [Gottsched 1730: 471].

Johannes Claius von Hirzfeld (1535-1592) dichtet „Exemplum Carminis Heroici" („Beispiel für ein Gedicht in Hexametern", 1587), das gar keinen heroischen Inhalt hat, sondern scherzhaft ein Rätsel über den Turmhahn enthält.

Ein Vogel hoch schwebet / der nicht als andere lebet/
Nach keim Thier strebet / sich in allen Winden erhebet.
Vnd wenn die wüten / muss er denn fleissiger hüten /
Wechst in fewers glüten / darff nicht als andere brüten.
[DL 2001, 3: 236]

Schlussfolgernd sei es hervorzuheben, dass sich die Übergangsformen von den lateinischen zu den deutschen Hexametern im Humanismus durch die deutschen Themen und durch die gemischten lateinisch-deutschen Verse charakterisieren.

Deutsche Hexameter und Distichen im 17. – 18. Jahrhundert. Im 17. Jahrhundert, wie bekannt ist, herrscht der Alexandriner, der sogar in Sonetten verwendet wird. Die Dichter setzen fort lateinische Verse zu schreiben, darunter auch elegische Distichen. Der Theoretiker des Verses im 18. Jahrhundert J. Ch. Gottsched begann die Geschichte des Hexameters mit Luthers Bibel, erwähnte Gessner und bot seine Übersetzung von „Vater unser" (1730) mit Hexametern an. Gottscheds Übersetzung ist viel flexibler als die von Gessner, weil sie nach fast 200 Jahren erschien.

Hör uns, Vater und Herr, der du den Himmel bewohnest,
Daß dein Name bey uns über alles geheiliget werde,
Daß dein herrliches Reich bey uns auf Erden erscheine,
Und dein Wille von uns, eben so, als im Himmel geschehe.
Gib auch das tägliche Brodt, und vergib uns die sündlichen Schulden,
Wie wir auch unseres Theils den Schuldenern gerne vergeben.
Wende Versuchungen ab, und rett uns aus Gnaden, vom Uebel,
Denn dein ist das Reich, ja göttliche Macht und Herrlichkeit, Amen
[Gottsched 1730: 472].

In etlichen Paragraphen seines Buches („Versuch einer Critischen Dichtkunst“, 1730) urteilt Gottsched über den Hexameter im 17. Jahrhundert. Da das heroische Maß ohne Reim von deutschen Ohren als fremd empfunden wird, greifen einige Dichter zum Mischen von Hexameter und Pentameter, das heißt, sie schreiben lateinische Elegien und versuchen sie durch den Reim angenehmer zu machen. Zum Beispiel S. Birken, der Pegnizer Hirte, gab dafür ein Beispiel, das ihm nicht besonders gelang, so Gottsched [ibidem]. Deshalb führt ihn Gottsched in seinem Buch nicht an. Folgende Zeile aus einem Epigramm, die bei Birken ausgesucht werden kann, deutet tatsächlich darauf hin, als könne sie sowie als Alexandriner als auch als Hexameter gelesen werden.

Schau'mich an / der du lebst. Ich war ja / was du bist [DL 2001, 4: 207].

Die ersten deutschen Hexameter auf Grund des akzentuierten Prinzips mit dem Endreim begann man im Barock zu schreiben, aber die waren im 17. Jahrhundert einzeln und folgenlos. Nach Gottsched gibt Omeis ein gültiges Muster von Hexameter:

Was ein menschliches Herz, von innen und außen betrübet,
Werde durch Gottes Gewalt, künftig und itzo verjagt.
Was ihr redet und thut, das werde von beyden geliebet,
Bis der Tod zugleich beyden das Leben versagt [zit. nach Gottsched 1730: 473].

Aber Gottsched kritisiert die Versuche den Hexameter durch die Reime zu „verbessern“, und versucht seine These durch die Beispiele aus Psalmen, Gedichten von Tibul und Ovid, Milton und Opitz zu belegen. Ein passendes Muster findet er bei Opitz:

Rom und Athen war sonst ganz reich an Meistern und Künsten,
Doch was nützte die Zahl philosophischer Lehrer und Schüler,
Welche man irgend gesehn? O! was für ein thörichtes Wesen,
Was für ein albernes Zeug ward täglich in Tempeln getrieben?
Pallas erschrak, und Jupiter selbst, der Vater der Götter
Hatte nur Abscheu davor. Schwärmt, schwärmt nur, ihr rasenden Pfaffen! [ibid.: 475].

Im 18. Jahrhundert wurden nach wie vor unreine Hexameter geschrieben, nicht nur von Uz und Ewald von Kleist („Frühling“, 1749), sondern auch von anderen Dichtern, die Alexandriner mit Verwendung von Doppelsenkungen gebraucht haben, deswegen erschien der Hexameter mit Auftakt.

Der entscheidende Verdienst in der Einsetzung des Hexameters auf dem deutschen Boden gehört Klopstock („Messias“, 1748). Kayser stellt fest, dass der Hexameter seit „Messias“ zu einem repräsentativen epischen Vers wird (Kayser 1999: 24), obwohl er von Lenau, Ling, Spitteler dennoch ignoriert wurde. Man verwendete sogar in Homers Übersetzungen andere Metren. Der Eindruck Klopstocks Verse auf die junge Generation war überwältigend. In seiner „Dichtung und Wahrheit“ sprach Goethe begeistert über „diese so natürlich ausgedrückten und doch so schön veredelten frommen Gefühle, diese gefällige Sprache“ [zit. nach: Breuer 1999: 195].

Durch den glänzenden Weg, der gegen die Erde sich kehret,
Floß, nach der Erden Erschaffung, vom himmlischen Urquell entspringend,
Ein verklärter ätherischer Strom nach Eden herunter.
Auf ihm, oder an seinem von Wolken erhobnen Gestade,
Kam dazumal bald Engel bald Gott, zum vertraulichen Umgang
Zu den Menschen [ibid.: 194].

Klopstock trat gegen die Regeln von Opitz und Gottsched und den alternierenden Wechsel von Hebungen und Senkungen im jambischen Vers und gegen den Verzicht auf den Wechsel von Länge und Kürze der antiken Verse auf. Er arbeitete seine Rezitationsmetrik heraus, die sich auf die Übereinstimmung des Wortsinns mit der Wortbewegung im Vers abzielte. Das versucht er im Epigramm „Der doppelte Mitausdruck“ zu erläutern und meint den Ausdruck der Wörter und den Mitausdruck der Versmöglichkeiten.

Leiserer, lauterer Mitausdruck der Gedanken des Liedes
Sei die Bewegung des Verses. So oft er diesem Gesetz nicht
Treu und hold ist, gehet er nur, um zu gehen; und verirrter
Tritt er einher, wenn er gar anwandert gegen den Inhalt <…> [DL 2001, 6: 239].

Es fällt gleich auf, dass das Wort „Mitausdruck“ zwei Hebungen (Haupt- und Nebenhebung) hat, dabei steht die Nebenhebung in der starken Position. „Nicht treu“ wird durch die Grenze zwischen zwei Zeilen getrennt, das lässt ein Enjambement entstehen. Das Verb „gehen“ wird in einer Form verlängert und bekommt eine betonte und eine unbetonte Silbe – „gehet“, aber in einer anderen Form wird es verkürzt, um den Akzent vor der Pause zu verstärken – „gehen“. Wir treffen hier den Reim, der den Schluss der vorangehenden und den Anfang der nachgehenden Zeile vereint: „verirrter“ und „tritt er“, der den „verirrten Reim“ hervorhebt; es gibt auch ein alliterierendes Echo zwischen „gehen“ und „gegen“. Alle Fälle der unerwarteten Reimordnung und der Widerholungen unterstreichen den ironischen Sinn der Strophe.

Viele Verslehrer (Knörrich, Breuer, Arndt u. a.) analysieren eine Hexameterzeile von Klopstock, sich auf seine Idee der Einheit von Versfuß und Versgedanken sogar in dem kleinsten Kolon stützend.

Schrecklich erscholl der geflügelte Donnergesang in der Heerschar [zit. nach Breuer 1999: 193].

Breuer teilt die Zeile in vier Teile und findet für sie folgende metrische Analogien:

Schrecklich erscholl (-vv-) – Choriambus;

der geflügelte (vv-vv) – Pyrrhichius und Daktylus;

Donnergesang (-vv-) – Choriambus;

in der Heerschar (vv--) – steigender Jonikus.

In den Verslehren wird an diesem Beispiel aus Klopstock der steigernde und sinkende Jonikus veranschaulicht und die geringe Verbreitung dieses antiken Metrums betont, da es nicht den natürlichen Akzent im Deutschen anspricht [Knörrich 2005: 105]. In der Versverwirklichung lässt Klopstock verschiedene Freiheiten zu, wie Zeilen mit Pyrrhichien in der „Elegie“, die wir unterstrichen haben:

Nur mit einem verräthrischen Laut,
nur mit einem der Töne <…>
Sag es mit einem durchdringenden Ach,
das meinem Ach gleichet <…>
Dürft ich mein Auge zu dir einst,
seeliger Himmel, erheben <…>
Göttliche, du liebest! Ach wenn du denn doch
auch kenntest… [DL 2001: 5, 223].

Nach Klopstock schreibt in Hexametern zu verschiedenen poetologischen Problemen A. G. Kästner (1719–1800), der den Einschluss von lateinischen Buchstaben in den deutschen Text verhönt, weil in der Schweiz „y“ als „i“ gelesen wird:

Seht die epischen Zeilen, frei vom Maasse der Syllben,
Frei vom Zwange des Reims, hart, wie Zyrchische
Verse,
Leer, wie Meissnische Reime; Seht, der glyckliche
Kynstler
Fyllt mit roemischen lettern, mit pythagorischen y y
Zum Ermyden des Lesers, besser zu nutzende
Bogen [DL 2001, 5: 267].

Aber der Hexameter stört nicht, sondern hilft G. Fr. Steudlin in „Die Gletscher bei Grindelwald“ erhabene Schönheit der Natur beschreiben (1785):

Ja! Ich hab euch geseh'n, die ihr auf Wirtembergs
Feste
Schon die staunende Seele zum Lobgesange
begeistert,
Ja, Ich hab euch geseh'n, Helvetiens Riesengebirge!
[DL 2001, 6: 196].

Einen neuen Anstoß zur Entwicklung des deutschen Hexameters im 18. Jahrhundert hat J. H. Voss (1751–1826) mit der Übersetzung Homers „Odyssee“ (1781) gemacht.

Sage mir, Muse, die Taten des vielgewanderten
Mannes,
Welcher so weit geirrt nach der heiligen Troja
Zerstörung,
Vieler Menschen Städte gesehn und Sitte gelernt hat
Und auf dem Meere so viel´ unnennbare Leiden
erduldet,
Seine Seele zu retten und seiner Freunde
Zurückkunft [DL 2001, 6: 42].

Da Voss dem quantitaven prosodischen Prinzip folgte, wurden anstelle der Hebungen Digraphe, doppelte Vokale oder Vokale mit nasalen Konsonanten eingesetzt (*viel (ge…), vieler Menschen Städte, gesehn, und*). Die Übersetzung wurde polar wahrgenommen. Pro Voss äußerte sich der Romantiker A. W. Schlegel: „Voss ist unstreitig als der zweite Erfinder anzusehen, und sein Verdienst dabei ist unübersehlich groß“ [zit. nach Moennighhoff 2004: 79]. Contra – der Klassiker J. W. Goethe: „Für lauter Prosodie ist ihm die Poesie ganz entschwunden“ [ibidem]. Nach 25 Jahren, als Voss zum dritten Mal die Übersetzung überarbeitete, klang sie schon ganz anders – viel flexibler und poetischer. Ein Beispiel aus „Ilias“ (1806):

Und siehe, der held Agamemnon

Trieb maulthier'und männer daher aus den zelten des lagers,
Holz vom walde zu führen; zugleich, ein edler gebieter,
Eilte Meriones mit, des tapfern Idomeneus kriegsfreund [Voss 1960: 231].

Hexameter bei den Klassikern, Romantikern und Postromantikern. Epigramm (gr.: *Inschrift*) wird seit dem 7. Jahrhundert v. Ch. in Hexametern oder Distichen aufgeschrieben. Das Epigramm geht in seiner Entstehung auf die Gelegenheitsdichtung zurück, wird aber im Laufe der Zeit zu einem literarischen Genre. Sein Ursprung wird durch seine barocken Namen angezeigt – Xenien, Subscriptio, Epitaph, Glückwusch u. a. m.

Im Epigramm, das als Gratulation zur Hochzeit diente und von K. W. Ramler „Ode an die Venus Urania" (1770) genannt wurde, hört man die Intonation von Horaz' „Exegi monumentum" dank zwei Akzenten auf dem letzten Wort:

Göttin Liebe! Die weiht heute dein Agathon,
Unsers Cyneas Sohn, seinen vollendeten
Tempel: Zeuch in dein Haus, Venus Urania,
Erstgeborne des Himmels, ein! [DL 2001, 6: 23].

In ein Buch der Stammgäste trägt J. K. Lavater folgendes Gedicht („In ein Stammbuch") für ein junges Mädchen (insgesamt 11 Zeilen) ein, dessen Länge durch mehrere Daktylen bedingt ist:

Jünger der himmlischen Tugend! (Dein Blick voll Unschuld und Güte
Deine Stimme, dein Mund, und deine Rede verspricht mir
Daß ich dem Fühlenden sage) Jünger der himmlischen Tugend! [DL 2001, 6: 44].

Im folgenden Distichon aus „Xenien" geht es um das Ganze, das uns an die Einheit von Hexameter mit Pentameter erinnert:

Immer strebe zum Ganzen, und kannst du selber kein Ganzes
Werden, als dienendes Glied schließ an ein Ganzes dich an [DL 2001, 6: 233].

Aus „Xenien" stammt auch dieses belehrende poetologische Distichon, dem der gehobene Stil und Geist der Klassik eigen ist:

Jeden andern Meister erkennt man an dem, was er ausspricht,
Was er weise verschweigt, zeigt mir den Meister des Stils [ibid., 6: 234].

Goethe zieht größere Aussagen in Form eines Epigramms vor, wie z. B. „Sinngedichte" (1791), wo er Venedig und seine Nachteile unterstreicht im Unterschied zu der üblichen Begeisterung in dem für deutsche Künstler typischen Diskurs über Venedig. Das Stadtbild stellt sich aus 12 Strophen von zwei bis acht Zeilen zusammen. Führen wir die kleinste, aber kaum weniger ironische an:

Hast du Bajä gesehn, so kennst du das Meer und die Fische,
Hier ist Venedig, du kennst nun auch den Pful und Frosch [ibid., 6: 241].

Als Idylle (gr.: *eidillion* – ein Bild, ein kleines Gedicht) wurde ein kleines Genregedicht bezeichnet, üblicherweise aus dem Landleben (Vergil, Horaz, Ovid). Es stammt aus der antiken Tradition der bukolischen Hirtendichtung (Ekloge).

Schiller unterschied zwischen der antiken Art von Vers und Idylle als der bestimmten Art der Darstellung der Sensibilität des sentimentalen Dichters. Aber zu seiner Lebenszeit kommen sie oft zusammen; wie bei Voss, Hölty, Sulzer u. a. Die Idylle „Das Landleben" (1777) schreibt Hölty im asklepiadeischen Versmaß, als Epigraph wählt er ein Zitat aus Vergil („Flumina amem silvasque inglorius"):

Wunderseliger Mann, welcher der Stadt entfloh!
Jedes Säuseln des Baums, jedes Geräusch des Bachs,
Jeder blinkende Kiesel
Predigt Tugend und Weisheit ihm! [ibid., 6: 94]

Beim Überblick des Goethe'schen Hexameters stellen wir fest, dass Hexameter auf verschiedene Weise angewendet wird. Im Lehrgedicht «Reinecke Fuchs» (1793) folgt Goethe noch Klopstocks Muster, während er miteinander verbundene sprachliche Einheiten und gleichzeitig Verseinheiten mit paralleler Wiederholung (1. – 2. Zeilen) gebraucht.

Pfingsten, das liebliche Fest, war gekommen: es grünten und blühten
Feld und Wald; auf Hügeln und Höhn, in Büschen und Hecken
Übten ein fröhliches Lied die neuermunterten Vögel [ibid., 7: 13].

Anders bedient er sich des Hexameters in der bukolischen Dichtung «Hermann und Dorothea» (1797). Er schreibt mit den flexibleren Hexametern, die Mannigfaltigkeit von Zäsuren aufweisen. Um die Monotonie des Verses zu beseitigen, zerlegt Goethe die Zeile in 2 Sätze (2. Zeile), wobei er weiter Enjambements, Inversionen, Ein-

führungssätze u. a. m. verwendet. Zu der Emotionalität tragen auch Ausrufesätze bei:

Hab ich den Markt und die Straßen doch nie so einsam gesehen!
Ist doch die Stadt wie gekehrt! Wie ausgestorben! Nicht fünfzig,
Deucht mir, blieben zurück von allen unsern Bewohnern.
Was die Neugier nicht tut! So rennt und läuft nun ein jeder,
Um den traurigen Zug der armen Vertriebnen zu sehen [ibid., 7: 25].

Nach einer Version wurde Goethe durch Voss' Übersetzungen, nach einer anderen durch Winkelmanns Werk („Geschichte der Kunst des Altertums", 1764) und durch die Reaktion auf den Streit um Homer und F. A. Wolffs Kritik in „Prolegomena ad Homerum" (1795) inspiriert bei der Schöpfung eines unbeendeten Poems «Achilleis», das mit Hectors Tod beginnt:

Hoch zu Flammen entbrannte die mächtige Lohe noch einmal,
Strebend gegen den Himmel, und Ilios Mauern erschienen
Rot durch die finstere Nacht; der aufgeschichteten Waldung
Ungeheures Gerüst, zusammenstürzend, erregte
Mächtige Glut zuletzt. Da senkten sich Hectors Gebeine
Nieder, und Asche lag der edelste Troer am Boden [ibid.: 7, 60].

Weiter hatte Goethe vor, über die Liebe Achilles zu Polyxene zu schreiben und das Poem mit Achilles'Tod zu beenden, aber ließ seinen Plan unerfüllt. Was war der Grund dazu, bleibt unbekannt, aber vermutlich passte die Gestalt des liebenden Achilles mehr zu dem Drama als zum epischen Vers.

Neben Epigrammen und Idyllen haben die Klassiker auch Elegien geschriebn. Ein Beispiel dafür – die erste von Goethes „Römischen Elegien" (1788–90), die auf antike erotische Elegien zurückgehen. In der folgenden Elegie denkt der Dichter über die römische Architektur nach:

Saget Steine mir an, o! sprecht, ihr hohen Paläste!
Straßen redet ein Wort! Genius regst du dich nicht?
Ja es ist alles beseelt in deinen heiligen Mauern,
Ewige Roma; nur mir schweiget noch alles so still [ibid., 6: 286].

Schiller hat seine „Nänie" (lat.: *Grablied*) (1799) dem Helden Achilles gewidmet und bezog sich dabei auf die Vorstellung der alten Griechen von Schönheit und Mut.

Auch das Schöne muss sterben! Das Menschen und Götter bezwinget,
nicht die eherne Brust rührt es des stygischen Zeus [ibid., 6: 306].

In einer anderen Elegie handelt es sich bei Schiller um „Die Dichter der alten und neuen Welt" (1795):

Sagt, wo sind die Vortrefflichen hin, wo find'ich die Sänger,
Die mit dem lebenden Wort horchende Völker entzückt,
Die vom Himmel den Gott, zum Himmel den Menschen gesungen
Und getragen den Geist hoch auf den Flügeln des Lieds? [ibid., 6: 291].

In der „Geschichte der deutschen Elegie" kommt Beissner zur Schlussfolgerung, dass „Wechsel zwischen der hellen Melodie hexametrischen Vorwärtsdrängens und dem dumpf verhaltenden Doppelstoß des Pentameters das elegische Empfinden vertieft" [Beissner 1991: 76]). Diesen Wechsel veranschaulicht Schiller in seinem elegischen Vers:

Im Hexameter steigt des Springquells flüssige Säule,
Im Pentameter drauf fällt sie melodisch herab [DL 2001, 6: 334].

Bei Claudius hat es im Vergleich zu Schiller mehr ironisch geklungen:

Im Hexameter zieht der ästhetische Dudelsack Wind ein;
Im Pentameter drauf läßt er ihn wieder heraus [ibid., 6: 214].

Schiller war ein großer Meister des Distichons, er begann seit 1795 dieses Metrum zu pflegen, ein halbes Jahr vor der Bekanntschaft mit Goethe und auch später hat er auf das Versmaß nicht verzichtet, was seine philosophische Lyrik beweist („Elegie", mehr als „Spaziergang" bekannt):

Sey mir gegrüßt, mein Berg mit dem röthlich strahlenden Gipfel! [ibid., 6: 290].

Mit Distichen hat Schiller über Metren und feste Strophen geschrieben, über die Stanze hat er auch folgendes Distichon gedichtet:

Stanze, dich schuf die Liebe. Die zärtlich schmachtende. Dreymal
Fließt du schamhaft und kehrst dreymal verlangend zurück [ibid., 6: 295].

Über den Hexameter hat er auch ein Distichon geschaffen:

Schwindelnd trägt er dich fort auf rastlos strömenden Wogen,
Hinter dir siehst du, du siehst vor dir nur Himmel und Meer. [ibid.: 6, 296].

Nach Kayser hat Schiller die reinsten Hexameter in der deutschen Dichtung geschrieben [Kayser 2005: 104]. Außerdem benutzt Schiller die antithetischen Möglichkeiten des Pentameters und ihre Widerspiegelungen (*Hinter dir siehst du, du siehst vor dir*). Brüder Schlegel wirkten in Schillers Zeitschrift „Die Horen" und Auseinandersetzungen mit den Romantikern hat Schiller auch in Form des Distichons geäußert:

Lange neckt ihr uns schon, doch immer heimlich und tückisch,
Krieg verlangtet ihr ja, führt ihn nun offen, den Krieg. [ibid.: 7, 297]

Die Auseinandersetzung zwischen einem Klassiker und einem Romantiker veranschaulicht Kayser an Hölderlins Gedicht „Brot und Wein", von dem in jener Zeit nur eine Strophe unter dem Titel „Die Nacht" bekannt war. Brentano war von dieser Strophe bezaubert:

…die Nacht kommt,
Voll mit Sternen und wohl wenig bekümmert um uns,
Glänzt die Erstaunende dort, die Fremdlingin unter den Menschen
Über Gebirgeshöhn traurig und prächtig herauf [zit. nach Kayser 1991: 126].

Diese Zeilen zitierte Brentano in seinen Briefen und schloss mit einer leichten Variation als ein Prosastück in sein Märchen ein „Gockel, Hinkel und Gakeleia". Für den Anfang benutzt er statt des Präsens das Präteritum (die Veränderungen werden fett hervorgehoben – T. A.):

Die Nacht kam, trunken von Stern**en und wohl** wenig bekümmert um uns
glänz**te die Er**staunende dort, die Fremdlingin unter den Menschen,
über Gebirgshöhn traurig und prächtig herauf! [ibidem].

Dank dem Präteritum erscheinen plötzlich drei nicht betonte Füße (Tribrachia), die in einem Hexameter oder Pentameter unmöglich sind und die sie einfach in die Luft jagen. Und in der letzten Zeile, aus einem 6-Fuss-Vers bildete sich plötzlich ein 5-Fuss-Vers, die Zäsur verschwand, der Pentameter brach zusammen und damit das Distichon. Kayser kommt zu dem Schluss, dass Brentano so in „Des Knaben Wunderhorn" auf „fließenden Rhythmus" umschaltet, was zur Zerstörung der Strophe führt – und diese hat „eine Auflösung der Strophe zu Folge" [ibid.: 127], aber es war eine große Leistung der romantischen Dichtung im Vergleich zu den mehr statischen klassischen Formen.

Hölderlin benutzt den Hexameter in „Archipelagus", in dem er die Zeile in 2–3 Teile gliedert, was dem Vers Beweglichkeit und der Intonation Aufregung verleiht:

Aber weh! es wandelt in Nacht, es wohnt, wie im Orkus,
Ohne Göttliches unser Geschlecht. Ans eigene Treiben
Sind sie geschmiedet allein, und sich in der tosenden Werkstatt
Höret jeglicher nur und viel arbeiten die Wilden
Mit gewaltigem Arm, rastlos, doch immer und immer
Unfruchtbar, wie die Furien, bleibt die Mühe der Armen [DL 2001: 7, 92].

Hölderlin benutzt das elegische Distichon im Klagelied wie „Menons Klagen um Diotima":

Täglich geh´ ich heraus, und such´ ein Anderes immer,
Habe längst sie befragt alle die Pfade des Lands;
Droben die kühlenden Höhn, die Schatten alle besuch´ ich,
Und die Quellen; hinauf irret der Geist und hinab,
Ruh´ erbittend; so flieht das getroffene Wild in die Wälder,
Wo es um Mittag sonst sicher im Dunkel geruht;
Aber nimmer erquickt sein grünes Lager das Herz ihm,
Jammernd und schlummerlos treibt es der Stachel umher [DL 2001: 7, 31].

„Distichen" (1798) begegnet man bei Novalis, obwohl manche Verslehrer über die Gleichgültigkeit der Romantiker dem Hexameter gegenüber sprechen [Kayser 1991; Knörrich 2005]. Das vierte Distichon ist als Epigramm verfasst:

Einem gelang es – er hob den Schleier der Göttin zu Sais –
Aber was sah er? Er sah – Wunder des Wunders – *sich selbst* [Novalis 1985: 52].

Als Distichen hat Novalis auch „Erkenne dich selbst", „Letzte Liebe", „An die Schwester Karoline im Namen der Mutter" u. a. gestaltet. Die Kürze der Form weist auf Epigramm als Genrequel-

le hin. Kleists zweizeilige „Epigramme“ aus den Journalen „Phöbus“ и „Berliner Abendblätter“ zeigen auch der Thematik nach sein organisches Verhältnis zur Antike und Klassik. Fast alle sind sie im Vergleich zu Goethes Epigrammen betitelt – „Der Ödip des Sophokles“, „Der Areopagus“, „Demosthenes, an die griechischen Republiken“ u. a. m. Darunter gibst es auch solche, die sein eigenes Schaffen angehen und akute Probleme seiner Zeit und Literatur zur Sprache bringen. Das Epigramm „Die Marquise von O…“ ist aus der Perspektive eines Philisters geschrieben:

Dieser Roman ist nicht für dich, meine Tochter.
In Ohnmacht!
Schamlose Posse! Sie hielt, weiß ich, die Augen
bloß zu [Kleist 1983: 4].

Die Postromantiker Fr. Rückert und A. Platen als Nachfolger der Klassiker und Romantiker versuchten verschiedene östliche und antike Metren und Genres zu pflegen. Rückert scherzt im Genre des Epigramms über die „Grammatische Deutschheit“ (1819):

Neulich deutschten auf deutsch vier deutsche
Deutschlinge deutschend,
Sich überdeutschend am Deutsch, welcher der
Deutscheste sey [DL 2001, 7: 245].

Rückert erinnert seine Leser auch an den leoninischen Vers:

Über die Gipfel der Berge zu streben, /
das wär´ein Leben! [ibid., 7: 246].

Teilweise im parodistischen Sinne gebraucht den Hexameter Mörike. Ein Zitat aus der dramatischen Szene unter dem Namen „Häusliche Szene“ mit den Autorenanweisungen („Schlafzimmer. Präzeptor Ziborius und seine junge Frau. Das Licht ist erlöscht“ [Mörike 1965: 302]) führen wir an:

„Schläfst du schon, Rike?“ – „Noch nicht“. –
„Sag, hast du denn heut´ die Kukumern
Eingemacht?“ – „Ja“. – „Und wie viel nahmst du
mir Essig dazu?“ –
„Nicht zwei völlige Maß“. – „Wie? Fast zwei Maß?
Und von welchem
Krug? Von dem kleinen doch nicht, links vor dem
Fenster am Hof“. –
„Freilich“. – „Verwünscht! So darf ich die Probe
nun noch einmal machen,
Eben indem ich gehofft, schon das Ergebnis
zu sehn“ [Ibidem].

Am Ende dieser Szene kommen die Ehegatten auf den Gedanken, auf einmal miteinander über Hexameter und Pentameter zu sprechen, dabei spricht der Gatte mit Hexametern und die Gattin – mit Pentametern. In der Autorenanweisung sagt Mörike ironisch: „Pause. Der Mann wird unruhig; es peinigt ihn offenbar, das Distichon nicht geschlossen zu hören oder es nicht selber schließen zu dürfen. Nach einiger Zeit kommt ihm die Frau mit Lachen zu Hilfe und sagt“ <…> [ibidem]. Die Ehegattin kommt dem Gatten zu Hilfe und schließt das Distichon mit dem Pentameter, was den Mann freundlich einstimmt und das Gespräch mit Lächeln und Kuss abschließt.

Mörike hat verschiedene Genres gepflegt – Epigramme, Idyllen, Elegien: „Göttlicher Wink“, „Im Park“, „Nachts am Schreibpult“. Es gibt bei ihm eine Reihe von Idyllen: „Im Weinberg“, „Der Rheinfall“, „Märchen vom sichern Mann“, „Die schöne Buche“. Bei Mörike gibt es auch eine größere Idyllenform – „Idylle vom Bodensee oder Martin Fischer. In sieben Gesängen“ mit dem epischen Anfang:

Dicht am Gestade des Sees im Kleefeld |steht ein
verlaßnes
Kirchlein unter den Höhn, die, mit Obst
und Reben bewachsen,
Halb das benachbarte Kloster |und völlig das
Dörfchen verstecken,
Jenes gewerbsame, das weitfahrende Schiffe
beherbergt [Mörike 1965: 7].

A. von Platen setzt das Thema des Fischerlebens in seiner Ekloge „Das Fischermädchen in Burano“ (1833) fort, wo er das ihren Mann vom Meer erwartende Mädchen in der Gesellschaft von ihren Freundinnen darstellt und das folgende Distichon als Anfangs- und Schlusszeile gebraucht:

Strickt mir fleißig am Netz, ihr Schwestern!
Es soll's der Geliebte
Heut noch haben, sobald im besegelten Nachen
er heimkehrt [Platen 1982: 545].

Viele Epigrammarten zu verschiedener Thematik kann man noch bei Mörike finden: das sind Epitaphen („Auf das Grab von Schillers Mutter“), Aufschriften zu den Porträts („Johann Kepler“, „Maschinka“, „Das Bildnis der Geliebten“), Streite („Muse und Dichter“), Gelegenheitsgedichte zum Geburtstag („An meine Mutter“). Aber mit Mörike endet die Geschichte der lyrischen Idylle, für die ein schönes Muster „Wald-Idylle“ sei:

Unter die Eiche gestreckt, im jung belaubten Gehölze
Lag ich, ein Büchlein vor mir, das mir das

lieblichste bleibt.
Alle die Märchen erzählts, von der Gänsemagd
und vom Machandel –
Baum und des Fischers Frau, wahrlich, man wird
sie nicht satt [ibid.: 103].

Hexameter im 20. Jahrhundert. Der Hexameter ist vor allem das poetische Versmaß des Epos (heroischer Hexameter). In anderen Fällen erscheint der Hexameter hauptsächlich in Gedichten von großem Format, zum Beispiel im Lehrgedicht, aber sie enthalten ständig satirische Anfälle (wir werden es am Beispiel von Bobrowski sehen). Um die Wende der Epochen versuchte G. Hauptmann den Hexameter in „Till Eulenspiegel" (1927/8) wiederzubeleben.

Nur herein, nur hereinspaziert! meine Herren
und Damen!
ohne Furcht, ohne Zagen! Der Krieg – Gott sei
Dank – ist vorüber!
Gold ist freilich nicht im Lande: das haben die
Schweizer,
vor allen die Wall Street. Wir aber, wir haben
das Nachsehn! – [Hauptmann 1928: 18].

In der Moderne ist der Hexameter äußerst selten, er tritt bei Dichtern auf, die mit verschiedenen Metren arbeiteten, wie die österreichischen Dichter Saar, Weinheber, Bachmann. Ein Zyklus aus 15 Elegien unter dem Namen „Wiener Elegien" von F. L. A. Saar (1833-1906) ist den Erinnerungen an das Wien seiner Kindheit, mit Feiertagen, Dichtern und Schriftstellern, reich und arm, mit Parks und Schlössern und der Wiener Moderne gewidmet. Folgenderweise äußert sich der Autor über den Unterricht in Latein und Griechisch und über das Verständnis des Hexameters:

Und nun ging es, o Qual! an lateinische,
griechische Pensa,
Bebenden Fingers gezählt ward des
Hexameters Maß.
Marternde Sorgen des Schülers, die Angst vor der
schlechteren Note –
Jetzt noch fühl' ich sie nach, schreit' ich hier
sinnend vorbei! [Saar].

Es war auch notwendig, an diesen Zyklus des österreichischen Schriftstellers und Dichters im Zusammenhang mit der Ansicht zu erinnern, der Hexameter komme in der Moderne selten vor [Breuer 1999; Knörrich 2005; Moennighoff 2004]. Und hier wäre die Meinung von Nietzsche, einem Philosophen und Kenner der Antike, einem Dichter, der verächtlich alternierende Verse „ticktack" und die betonte Silbe „Hopsassa Iktus" nannte, nicht ohne Interesse. In einem Brief an Carl Fuchs im August 1888 erklärt er den Unterschied zwischen dem Rhythmus bei den Alten und den Deutschen. Nietzsche schreibt: „Unser Rhythmus ist ein Ausdrucksmittel des Affekts: der antike Rhythmus, der Zeitrhythmus, hat umgekehrt die Aufgabe, den Affekt zu beherrschen und bis zu einem bestimmten Grade zu eliminieren. <…> In summa: unsere Art Rhythmik gehört in die Pathologie (Lehre von der Erregung der Leidenschaften), die antike zum Ethos (Besänftigung der Leidenschaften)" [zit. nach Breuer 1999: 234].

Trotzdem begegnet man den Hexametern auch später, in der Zeit zwischen zwei Kriegen, zum Beispiel bei J. Weinheber, einem Meister der Versform. Sein Gedicht („Auf das Unabwendbare") aus dem Buch („Anfechtung und Trost im deutschen Gedicht", 1938) ist in Distichen abgefasst.

Der hier weiß seinen Weg und geht ihn mit Stolz.
Oder tückisch
Schiebt der sein Planvolles vor. Oder ihn treibt
nur die Nacht.
Aber blind sind wir alle. Sehn nicht,
wie uns das Höhere
Ringelbahn führt und es kommt jeder im
Kreise vorbei
An dem starrenden Antlitz, und jeder noch einmal
und wieder,
Und mit jedem Mal reift größer, gewisser
die Angst.
Zwings, versuchs doch! Heb den tappigen Fuß
aus dem Bügel
Deines hölzernen Pferds: Spring und verlass dich
auf Gott! [Weinheber 1983: 273].

Gertrud Kolmar schließt einzelne hexametrische Zeilen in die Gedichte („Der Sohn" u. a.). Ganz hexametrisch und mit vierzeiligen Strophen werden „Die Hässliche" und „Der Schwimmer" verfasst, das Letzte vermutlich als Allusion an Schillers Ballade „Der Taucher":

Aus der umplätscherten Brücke, jenseits
behütender Schranke,
Ganz am Ende, gereckt, die Arme aufwärts
gebreitet,
Ernst am weißlichen Himmel, erschauernder
Vogelgedanke,
Standest du, schon zum Flug, zum Wurf in Leere

gespreitet [Kolmar 1980: 254].

In der Nachkriegszeit schrieb H. E. Holthusen seine „Trilogie des Krieges“ aus der Gedichtsammlung „Hier in der Zeit“ (1949) in Hexametern. Die Elegie (127 Zeilen), die aus drei Teilen besteht, in denen der Drang nach Osten, die Umkreisung der deutschen Armee bei Stalingrad und die Heimkehr nach dem Niederschlag dargestellt werden, kann als Versuch gelten, sich des Kriegs zu besinnen. Die Schuld der Deutschen vor der Welt und die Befreiung von der faschistischen Barbarei ist das Hauptthema der Elegie.

Trennte der Mensch, ein Feind seiner selbst,
die Zeit in zwei Teile,
Trennte in Frieden und Krieg sein heillos
verwickeltes Dasein.
Ach, es war die Stunde der Schlachtung
am düsteren Stein der Geschichte,
Während Vernunft, sich verschleiernd, zurücktrat.
Die Völker sind schrecklich [Holhusen 1989: 11].

R. A. Schröder und B. Brecht verkörpern didaktische und belehrend-ironische Tendenz im deutschen Hexametervers. Schröder als Kenner der antiken Literatur und Übersetzer der „Ilias“ und „Odyssee“ Homers, der Werke von Vergil und Horaz, beherrschte den Hexameter und schrieb in diesem Versmass. Kayser hält Weinheber und Schröder für die „bedeutendsten Dichter in den antiken Odenmaßen des 20. Jahrhunderts“ [Kayser 1991: 50] und beweist es mit dem Zitat aus der Horazischen Ode im asklepiadeischen Versmaß von Schröder:

Sommer, Sommer! Dieweil läutert im Mittag schon
Herbst des scheidenden Jahrs tränenbeträuft
Geschenk,
Bricht denn, ehe das Dunkel
Kam, die berstende Frucht vom Baum [ibidem].

Und Kayser hat recht, wenn er glaubt, diese „Verse folgen nun dem natürlichen Gefühl der deutschen Sprache“ [ibidem], aber auch der Verfallsstimmung der Nachkriegszeit.

Einen ganz anderen Gebrauch findet für seine Hexameter Brecht. Nach dem Muster von Lukrez’„De rerum natura“ begann er Anfang 1945 am Lehrgedicht „Das kommunistische Manifest“ zu arbeiten, das heißt, an der Umgestaltung von Marx’Manifest in Hexametern. Die vermutlichen Titel hießen: „Von der Natur des Menschen“ oder „Von der Unnatur der bürgerlichen Verhältnisse“. Ende des Krieges und der 100. Erscheinungstag des Manifestes waren Anstöße zu dieser Idee. 1953 erkannte Brecht in „Memorandum“, dass Virgil’„Georgica“ und Lukrez’„De rerum natura“ in Übertragung von J. H. Voss und K. L. von Knebel den Deutschen zeigten, wie die Weltanschauung im Lehrgedicht geäußert werden kann. „Der Hexameter ist ein Versmaß, das die deutsche Sprache zu den fruchtbarsten Anstrengungen zwingt. Sie erscheint deutlich “gehandhabt“, was das Lernen sehr erleichtert. <…> der große Kunstverstand der Alten entwickelt sich an großen Inhalten“ [zit. nach Suvin 2008: 610].

Deautomatisierung oder die Verfremdung des prosaischen Textes in Hexametern konnte die Wahrnehmung des vergessenen Textes erfrischen. Außerdem könnte Marx’Text durch die neuen Begriffe der Theorie der zyklischen Krisen, die zu den Kriegen führen, aktualisiert werden. Der neue Text wurde durch Wiederholungen, Parallelismen, Personifikationen, rhetorische Fragen statt der rationellen Struktur der wissenschaftlichen Thesen dramatisiert. „Das wird durch mannigfaltige Mittel erreicht: durch syntaktischen Parallelismus an Stelle der marxschen logischen Subordination, durch weitergehende Verwendung der Personifizierung und der dynamischen Handlung <…>“ [ibid.: 612].

Kriege zertrümmern die Welt und umgeht
zwischen den Trümmern
Sichtbar und groß ein Gespenst, und nicht erst
der Krieg hat’s geboren.
Auch im Frieden schon ward es gesichtet,
den Herrschenden schrecklich
Aber freundlich den Kindern der Vorstadt.
In ärmlicher Küche
Lugte es oft, kopfschüttelnd, voll Zorn, in halbleere
Töpfe.
Oft die Erschöpften passte es ab vor Gruben
und Werften.
Freunde besucht es im Kerker, passierend ohne
Passierschein
Oftmals. Selbst in Kontoren wird es gesehen,
und im Hörsaal
Wird es gehört. Zu Zeiten dann stülpt es von
Stahl einen Hut auf
Steigt in riesige Tanks und fliegt mit tödlichen
Bombern.
Vielerlei Sprachen spricht es, alle. Und schweiget
in vielen.
Ehrengast in den Hütten sitzt es, Sorge der Villen
Alles zu ändern und ewig zu bleiben gekommen;
sein Name
ist Kommunismus. <…> [ibid.: 614]

Im Vergleich zu dem 19. Jahrhundert hat sich der Diskurs verändert (*Tanks, Bomber*), ein Teil davon ist auch erhalten (Gruben *und Werften, Kontoren und Kerker*), darunter antithetische Schlüsselwörter aus dem Text des Originals: *Gespenst, Hütten – Villen, Krieg – Frieden, Herrschende – Erschöpfte*. Zweifel von den Arbeitern verstanden zu werden, bewog Brecht im September 1945 auf diese Arbeit zu verzichten, obwohl der Dichter noch oft dazu zurückkehrte und sie umarbeitete.

das Proletariat muss /
Unterste Schicht der Gesellschaft, um sich
zu erheben, den ganzen /
Bau der Gesellschaft zertrümmern mit all seinen
oberen Schichten. /
Abschütteln kann sie die eigene Knechtschaft nur
abschüttelnd alle /
Knechtschaft von allen. [ibid.: 615]

Der Dramatiker aus der ehemaligen DDR, Brechts Schüler Heiner Müller (1929–1995), hatte Goethe und Schiller als seine Orientiere nicht nur in der Dramatik, sondern auch in der Dichtung gehabt. Davon zeugt sein zweiteiliges Lehrgedicht «Geschichten von Homer»:

Häufig redeten und ausgiebig mit dem Homer die
Schüler, deutend sein Werk, ihn fragend
um richtige Deutung.
Denn es liebte der Alte immer sich neu
zu entdecken
Und gepriesen geizte nicht mit Wein und
Gebratnem.
Kam die Rede, beim Gastmahl, Fleisch und Wein,
auf Thersites
Den Geschmähten, den Schwätzer, der aufstand
in der Versammlung
Nutzte klug der Großen Streit um das größere
Beutstück Sprach:
Sehet an den Völkerhirten, der seine Schafe
Schert und hinmacht wie immer ein Hirt,
und zeigte die blutigen
Leeren Händ der Söldner als leer und blutig
den Söldnern [Müller].

Weder Achilles noch Thersites wird zum Helden seines Gedichtes, sondern Homer, in dem wir Brecht erkennen können. Die Situation eines Schmauses mit den Schülern, das Gleichnis über den Bogen, das Genre des Lehrgedichtes, das Problem der Wahrheit – alles erinnert den Leser an Brecht.

Die ironische Intonation verwendet ein anderer DDR-Dichter – J. Bobrowski in einem bösen Epigramm, wo er die Leute verhöhnt, die den Krokodils-Tränen glauben:

Oh ungeheure Erschütt'rung! Oh seht nur,
die Krokodile
weinen, Träne um Trän'rollt zu den Wangen herab.
Aber das eben zerfleischte, hinuntergeschlungene
Opfer?
Seht diesen Krokodils-Jammer, und fragt nicht,
weint mit! [DL 2001, 10: 40].

Bei der österreichischen Dichterin I. Bachmann finden wir elegische Hexameterderivate mit Auftakt oder Trimeter mit doppelten Senkungen im Gedicht «Eine Art Verlust».

Gemeinsam benutzt: Jahreszeiten, Bücher
und eine Musik.
Die Schlüssel, die Teeschalen, den Brotkorb,
Leintücher und ein Bett.
Eine Aussteuer von Worten, von Gesten,
mitgebracht, verwendet, verbraucht.
Eine Hausordnung beachtet. Gesagt. Getan.
Und immer die Hand gereicht [DL 2001, 10: 38].

In der Dichtung der ehemaligen DDR hat nicht nur J. R. Becher, sondern auch Hans Cibulka Elegien geschrieben, wie im Gedicht „Deutschland 1945“:

Schon seit einigen Tagen durchstreichen
die Krähen den Garten,
aus dem nackten Geäst wächst der Gedanke,
der Wind.
Langsam neigt sich der Erde silberne Tröstung
hernieder,
beugt den Nacken der Zeit in ihr eisiges Joch.
[DL 2001: 10, 78].

Knörrich meint, „die spezifische Eigenart des Pentameters geht verloren, wenn er im Distichon, entsprechend seinem Namen, durch einen fünffüßigen Daktylus ersetzt wird“ [Knörrich 2005: 167], wie zum Beispiel in H. Kahlaus „Elegie“ (in dem Gedichtband „Mikroskop und Leier“, 1964).

Unfreundlich wird mir mitunter das eigene
Heim für die Dichtung,
weil es nicht Raum hat für zärtliche sorglose
Träume [ibidem].

Knörrich hat nur teilweise recht. Wenn die Pause nach „für“ gemacht wird, wird der Pentameter wiederhergestellt, obwohl die nötige Katalektik dennoch fehlt.

Wenn wir über die modernen Elegieformen nachdenken, muss man Arndts Meinung über die Doppeldeutigkeit des Wortes „Elegie“ zustim-

men: einerseits sei es ein Gedicht, das aus elegischen Zeilen besteht. Das heißt, dass in erster Linie nicht die Thematik, sondern die Form beachtet wird. Andererseits sei es ein Gedicht mit einer bestimmten Stimmung – klagevoll, traurig, wehmütig [Arndt 1984: 192]. Es wird aber mit einem anderen, nicht elegischen Maß gedichtet, wie Goethes „Marienbader Elegie“ oder Rilkes „Duineser Elegien“. In Brechts „Buckower Elegien“ (1953) aber führt manches Gedicht, wie «Der Rauch», auf die Distichen zurück, abgesehen von ihrer transformierten Form:

Das kleine Haus unter Bäumen am See /
Vom Dach steigt Rauch/
Fehlte er/ Wie trostlos dann wären /
Haus, Bäume und See [DL 2001, 10: 49].

Wenn wir unter den gegenwärtigen Dichtern einen Hexameteranhänger suchen, gehört Durs Grünbein zu den raren Autoren, die sich für alte und verschiedenartige Metren interessiert (z. B. in seinen Büchern „Den teuren Toten“, 1994, „Nach den Satiren“, 1999). In seinem transformierten Sonett „Memorandum“ (mit Allusion an Brechts „Memorandum“) sind die erste und die letzte Zeile mit Hexametern geschrieben.

Alles geht weiter, |nicht erst seit heute,
vor allem der Krieg, <…>
Glaubte das Ende der Dichtung nah, nicht zum
letzten Mal [Grünbein 2003: 324].

Alban Nikolai Herbst (Pseudonym für Alexander Michael von Ribbentrop, geb. 1955), ein gegenwärtiger Schriftsteller, Übersetzer, Dichter, Blogger, benutzt in seiner Dichtung antike Versformen. Im dritten Band („Argo. Anderswelt“) seiner Romantrilogie „Anderswelt“ lässt er seinen Helden unter dem Namen Achilles, oder gekürzt Hill Borkenbrod, handeln, und teilweise in dem hexametrischen Vers erzählt er seine Geschichte:

„So wuchs des Peleus“ Sohn auf, der Thetis
opalnem Gelege
meeresgezeugter Schlupf Achill, der links immer
lahmte,
fersenwund seit dem Bootsbruch; ein Splitterchen
steckte noch lange
drin, das er selbst sich herausschnitt, blind fast,
taub fast vor Schmerzen,
denen aber ein andrer Schmerz, der ihm
schuppend im Rücken,
juckend festsaß, entgegenstand und von dem
er nicht wußte,
was er war, noch was er war, selbst, der zu künden
geschickte
Barde, voll der achäischen Lieder, um Vater zu
werden,
Niams Vater, der rächenden Lamia, euch
zu befreien.
Hätt ein Gott sie gezeugt, wer sicherte Göttern
den Äther? [DL 2001, 10: 89].

Schlussfolgerung. Nachdem die Entwicklungsgeschichte des Hexameters auf deutschem Boden nachvollzogen worden ist, kann man folgende Stationen ausgliedern. Erstens beginnt die Geschichte mit dem Gebrauch des leoninischen Hexameters (auch als leoninischen Pentameter oder Vers genannt). Zweitens wird die Geschichte intensiv von Humanisten in Form eines gemischten latein-deutschen Hexameters entwickelt. Im Barock kommt der Hexameter einzeln vor, weil in der Dichtung fast überall der Alexandriner vorherrscht. Im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts werden mehrere Gedichte in Hexametern verfasst, die sich der deutschen Versmetrik anpassen, und solche Genres wie Epigramm, Elegie und Idylle werden in Form verschiedenartiger Subgenres entwickelt. Im 20. Jahrhundert wird auf Hexameter nicht völlig verzichtet. Die erwähnten Genres werden ironisch behandelt und transformiert. Der Hexameter selbst wird gelockert, aber dennoch mit Referenz auf die reiche Tradition in der deutschen Hexameterdichtung gebraucht.

Literatur

Гаспаров, М. Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти / М. Л. Гаспаров. – М. : РГГУ, 1999. – 289 с.
Гаспаров, М. Л. Очерк истории европейского стиха / М. Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1989. – 303 с.
Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 334 с.
Холшевников, В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение / В. Е. Холшевников. – СПб. ; М. : Академия, 2002. – 208 с.
Althochdeutsches Lesebuch (AL) / Hrsg. von Braune-Ebbinghaus. – Tübingen : Niemeyer, 1965. – 187 S.
Arndt, E. Deutsche Verslehre: Ein Abriss / E. Arndt. – 9. Aufl. – Berlin : Volk und Wissen, 1984. – 229 S.
Bantel, O. Grundbegriffe der Literatur / O. Bantel. – 4. Aufl. – Frankfurt a. M. : Hirschgraben, 1965. – 103 S.

Behrmann, A. Einführung in den neueren deutschen Vers von Luther bis zur Gegenwart / A. Behrmann. – Stuttgart : Metzler, 1989. – 179 S.
Beissner, Fr. Geschichte der deutschen Elegie / Fr. Beissner. – Berlin : Gruyter, 1991. – 240 S.
Breuer, D. Deutsche Metrik und Versgeschichte / D. Breuer. – 4. Aufl. – München : Fink, 1999. – 414 S.
Bunge, H. Das Manifest von Bertolt Brecht / H.-J. Bunge // Sinn und Form. – 15. Jg., 1963. – S. 184–203.
Deutsche Lyrik von den Anfängen bis zur Gegenwart (DL) / Hrsg. von W. Killy. – In 10 Bd. – München : Deutscher Taschenbuch, 2001.
Freund, W. Deutsche Lyrik: Interpretationen vom Barock bis zur Gegenwart / W. Freund. – 2. Aufl. – München : Fink, 1990. – 224 S.
Gottsched, J. Ch. Versuch einer Critischen Dichtkunst / J. Ch. Gottsched. – Leipzig : Breitkopf, 1730. – 804 S.
Grünbein, D. Memorandum / D. Grünbein // Hildebrand O. Poetologische Lyrik von Klopstock bis Grünbein. Gedichte und Interpretationen. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2003. – S. 324.
Hauptmann, G. Des großen Kampffliegers, Landfahrers, Gauklers und Magiers Till Eulenspiegel Abenteuer, Streiche, Gaukeleien, Gesichte und Träume / G. Hauptmann. – Berlin : Fischer, 1928. – 303 S.
Holthusen, H. E. Hier in der Zeit. – München : Piper, 1989. – 65 S.
Kayser, W. Geschichte des deutschen Verses. – 4. Aufl. – Tübingen : Francke, 1991. – 156 S.
Kayser, W. Kleine deutsche Versschule. – 26. Aufl. – Tübingen ; Basel : Francke, 1999. – 125 S.
Kelletat, A. Zum Problem der antiken Metren im Deutschen // Der Deutschunterricht. – 1964. – № 16. – S. 50–85.
Kleist, H. Werke in zwei Bänden / H. Kleist. – Bd. 1. – Berlin ; Weimar : Aufbau, 1983. – 348 S.
Knörrich, O. Lexikon lyrischer Formen / O. Knörrich. – 2. Aufl. – Stuttgart : Kröner, 2005. – 274 S.
Kolmar, G. Der Schwimmer / G. Kolmar // Weibliches Bildnis. Gedichte. – München : Köhl, 1980. – S. 254.
Lyriktheorie. Texte vom Barock bis zur Gegenwart / Hrsg. von L. Völker. – Stuttgart : Reclam, 1990. – 468 S.
Moennighoff, B. Metrik / B. Moennighoff. – Stuttgart : Reclam, 2004. – 113 S.
Mörike, E. Erzählungen und Gedichte / E. Mörike. – München ; Zürich : Knaur, 1965. – 320 S.
Müller, H. Geschichten von Homer / H. Müller. – URL: https://www.lyrikline.org/de/gedichte/geschichten-von-homer-3227 (mode of access: 20.03.2021). – Text : electronic.
Novalis, Fr. Werke in einem Band / Fr. Novalis. – Berlin ; Weimar : Aufbau, 1985. – 394 S.
Otfrieds Evangelienbuch / Hrsg. von Erdmann-Wolff. – Tübingen : Niemeyer, 1965. – 65 S.
Platen A. von: Werke in zwei Bänden. Band 1: Lyrik A. von Platen. – München : Saur, 1982. – 580 S.
Saar, F. L. A. Wiener Elegien / F. L. A. Saar. – URL: https://www.zgedichte.de/gedichte/ferdinand-ludwig-adam-von-saar/wiener-elegien.html (mode of access: 20.03.2021). – Text : electronic.
Suvin, D. Brechts Gedichtfassung des Kommunistischen Manifests / D. Suvin // Das Argument. – 2008. – № 282. – S. 607–615.
Wagenknecht, Ch. Deutsche Metrik: Eine historische Einführung / Ch. Wagenknecht. – Beck, 1981. – 139 S.
Weinheber, J. Auf das Unabwendbare / J. Weinheber // Das Rowohlt Lesebuch der Poesie / Hrsg. von A. Praesent. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 1983.

References

Arndt, E. (1984). *Deutsche Verslehre. Ein Abriss*. 9 ed. Berlin, Volk & Wissen. 229 p.
Bantel, O. (1965). *Grundbegriffe der Literatur.* 4 ed. Frankfurt a. M., Hirschgraben. 103 p.
Behrmann, A. (1989). *Einführung in den neueren deutschen Vers von Luther bis zur Gegenwart*. Stuttgart, Metzler. 179 p.
Beissner, Fr. (1991). *Geschichte der deutschen Elegie*. Berlin, Gruyter. 240 p.
Braune-Ebbinghaus (Ed.). (1965). *Althochdeutsches Lesebuch*. Tübingen, Niemeyer. 187 p.
Breuer, D. (1999). *Deutsche Metrik und Versgeschichte.* 4 ed. München, Fink. 414 p.
Bunge, H.-J. (1963). Das Manifest von Bertolt Brecht. In *Sinn und Form*. 15. Jg., pp. 184–203.
Erdmann-Wolff (Ed). (1965). *Otfrieds Evangelienbuch*. Tübingen, Niemeyer. 65 S.
Freund, W. (1990). *Deutsche Lyrik. Interpretationen vom Barock bis zur Gegenwart.* 2 ed. München, Fink. 224 p.
Gasparov, M. L. (1989). *Ocherk istorii evropeiskogo stikha* [Essay on the History of European Verse]. Moscow, Nauka. 303 p.
Gasparov, M. L. (1999). *Metr i smysl. Ob odnom iz mekhanizmov kulturnoy pamyati* [Meter and Meaning. About One of the Mechanisms of Cultural Memory]. Moscow, RGGU. 289 p.
Gottsched, J. Ch. (1730). *Versuch einer Critischen Dichtkunst*. Leipzig, Breitkopf. 804 p.
Grünbein, D. (2003). Memorandum. In Hildebrand, O. (Ed.). *Poetologische Lyrik von Klopstock bis Grünbein. Gedichte und Interpretationen*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, p. 354.
Hauptmann, G. (1928). *Des großen Kampffliegers, Landfahrers, Gauklers und Magiers Till Eulenspiegel Abenteuer, Streiche, Gaukeleien, Gesichte und Träume*. Berlin, Fischer. 303 p.
Holthusen, H. E. (1989). *Hier in der Zeit*. München, Piper. 65 p.
Kayser, W. (1991). *Geschichte des deutschen Verses*. 4 ed. Tübingen, Francke. 156 p.
Kayser, W. (1999). *Kleine deutsche Versschule*. 26 ed. Tübingen, Basel, Francke. 125 p.
Kelletat, A. (1964). Zum Problem der antiken Metren im Deutschen. In *Der Deutschunterricht*. No. 16, pp. 50–85.
Kholshevnikov, V. E. (2002). *Osnovy stikhovedeniya. Russkoe stikhoslozhenie* [Fundamentals of Poetry. Russian Versification]. Saint Petersburg, Akademiya. 208 p.
Killy, W. (Ed.). (2001). *Deutsche Lyrik von den Anfängen bis zur Gegenwart* (DL), in 10 vols. München, Deutscher Taschenbuch.

Kleist, H. (1983). *Werke in zwei Bänden*. Vol. 1. Berlin, Weimar, Aufbau. 348 p.
Knörrich, O. (2005). *Lexikon lyrischer Formen*. 2 ed. Stuttgart, Kröner. 274 p.
Kolmar, G. (1980). *Der Schwimmer*. In *Weibliches Bildnis. Gedichte*. München, Köhl, p. 254.
Moennighoff, B. (2004). *Metrik*. Stuttgart, Reclam. 113 p.
Mörike, E. (1965). *Erzählungen und Gedichte*. München, Zürich, Knaur. 320 p.
Müller, H. *Geschichten von Homer*. URL: https://www.lyrikline.org/de/gedichte/geschichten-von-homer-3227 (mode of access: 20.03.2021).
Novalis, Fr. (1985). *Werke in einem Band*. Berlin, Weimar, Aufbau. 394 p.
Platen, A. von. (1982). *Werke in zwei Bänden*. Vol. 1: Lyrik A. von Platen. München, Saur. 580 S.
Saar, F. L. A. *Wiener Elegien*. URL: https://www.zgedichte.de/gedichte/ferdinand-ludwig-adam-von-saar/wiener-elegien. html (mode of access: 20.03.2021).
Suvin, D. (2008). Brechts Gedichtfassung des Kommunistischen Manifests. In *Das Argument*. No. 282, pp. 607–615.
Tomashevsky, B. V. (2001). *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow, Aspekt Press. 334 p.
Völker, L. (Ed.). (1990). *Lyriktheorie. Texte vom Barock bis zur Gegenwart*. Stuttgart, Reclam. 468 p.
Wagenknecht, Ch. (1981). *Deutsche Metrik. Eine historische Einführung*. Beck. 139 p.
Weinheber, J. (1983). Auf das Unabwendbare. In Praesent, A. (Ed.). *Das Rowohlt Lesebuch der Poesie*. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt.

Данные об авторе

Андреюшкина Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия).

Адрес: 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: andrejushkina@tltsu.ru.

Author's information

Andreiushkina Tatiana Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Theory and Practice of Translation, Togliatti State University (Togliatti, Russia).

К ЮБИЛЕЮ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Диалог культур: А. П. Платонов в российском и американском литературоведении

Nina Mikhaylovna Malygina[1]
Leading Researcher of the Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Pavel Khazanov[2]
Rutgers University (New Brunswick)

EXPLORATION OF POETICS OF THE CREATIVE ACTIVITY OF ANDREY PLATONOV BY RUSSIAN AND AMERICAN PHILOLOGISTS

The first studies of the poetics of the creative activity of Andrey Platonov were published in the writer's native land in the late 1960s, because their printing became possible in the context of rehabilitation of the Soviet literature of the 1920s, which, with the exception of several specially approved works, was hushed over the period from the 1930s to 1970s.

The foundation of the home exploration of the poetics of the creative activity of Platonov was made by such authors of the monographs dealing with the Soviet prose of the 1920s as V. P. Skobelev, G. A. Belaya, and V. V. Buznik. The articles and dissertations of the home scholars outlined the main areas of research of the poetics of the creative activity of Platonov, which are urgent even now: mythopoetics (N. G. Poltavtseva, 1981; E. Nayman 1987, etc.), semantic poetics (V. P. Skobelev, V. A. Svitel'skiy), etc.

Platonov's creative activity of the 1920s – early 1930s received public acclaim in the late 1970s, when the study of this part of the writer's heritage actually began. The articles and monographs of V. P. Skobelev, N. M. Malygina, and V. Yu. V'yugin defined the main principles of semantic poetics and found that the key fragments, characters and plots of the early works of the writer move on, transformed, into his later writings (1977). The scholars revealed the system of Platonov's symbolic characters uniting his artistic world into one holistic text (1992; 2005).

The development of contextual analysis of Platonov's poetics was continued in the articles

[1] Nina Mikhaylovna Malygina, Guest Editor, Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

[2] Pavel Khazanov, Guest Editor, PhD, Assistant Professor of Russian, Department of German, Russian and Eastern European Languages and Literatures, Rutgers University (New Brunswick).

© Н. Малыгина, П. Хазанов, 2021

of E. D. Tolstaya-Segal, later compiled in a book (1978; 1980).

In the late 1980s, after the publication of the main works by Platonov, it became possible to pass on to the next level of Platonov studies.

In 1989, in connection with the 90th anniversary of Platonov's birth, international scientific conferences, devoted to the writer's creative activity, were held in Moscow, Voronezh and Leningrad for the first time. In 1990, a Platonov scientific seminar started its work in the Pushkin House and was held for over 14 years.

The year 1999 saw the one-hundredth anniversary of the birth of Platonov. Major international conferences took place in Moscow, Saint Petersburg and Voronezh. In 2000, A. Livingstone organized a conference in Oxford dedicated to Platonov's jubilee, the materials of which were published as the "Essays in the Field of Poetics" (2002).

Modern research is impossible without taking into account the articles about the poetics of Platonov's works, published in the collection "The Land of Philosophers of A. Platonov: Issues of Creative Activity" (IMLI 1994–2017), as well as in the publications of IRLI "The Creative Activity of Andrey Platonov. Studies and Materials" (1995-2008).

A new impetus to the analysis of the poetics of Platonov's creative activity was rendered by the publication of two volumes of his archive (2009; 2019) and three volumes of the scientific collection of textologically verified works of the writer (2004; 2016; 2020), edited by a group of researchers from IMLI RAS headed by N. V. Kornienko.

Deciphering of Platonov's "mysterious" characters and text fragments can be found in the works by V. Yu. V'yugin, O. Yu. Aleynikov, K. Kogut, N. Khriashcheva (2005; 2013; 2018). The articles and monographs by V. A. Svitel'skiy, O. G. Lasunskiy, M. Geller, T. Langerak (Belgium), R. Hodel (Germany), and E. Antonova, dealing with the reconstruction of Platonov's biography (1995; 1999, 2016), make up a special area in Platonov studies. A series of articles and a monograph about the genre poetics of Platonov's utopia (2012) were published by H. Günther (Germany). Faustian motives of the prose by Platonov were mentioned by L. Debuser (Germany); a detailed interpretation of this theme can be found in the works by E. N. Proskurina (2013).

Of special interest are the works about poetics by the translators of Platonov's writings R. Chandler and A. Livingstone. The monograph of O. Meerson "Apocalypse in Everyday Life. Poetics of Non-Estrangement in Andrey Platonov" (1997; 2016), explaining the connections between the artistic form of Platonov's works and their philosophical content received wide recognition.

The journal *Philological Class* section about the creative activity of Platonov carries articles touching upon understudied issues of the writer's prose poetics and outlines the perspectives for their further investigation. It looks on the functions of the technique of assembling and the principles of "poetics of revisiting" in the works of the late 1920s–1930s.

The article by N. M. Malygina (Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences) reveals the semantic poetics of the short story by Platonov "The Potudan' River" in the context of the novel "Chevengur". The author's observations prove that in the mid 1930s, Platonov preserved his global scale thinking but employed it in his writing in a reserved manner.

O. Yu. Aleynikov (Voronezh University) specifies the semantic poetics of "Che-Che-O" via comparing two editions of the essay with the manuscript of the work, which makes it possible to state the transformation of the content and composition techniques in the essay, "reassembled" by Pil'nyak.

The article by N. P. Khriashcheva (Ural State Pedagogical University) makes an attempt to reveal the religious-metaphysical foundations of Platonov's model of the "new person" and describes the idea of world salvation through transcendental love.

The article of the American scholar *Erica* Camisa *Morale (University of Southern California, USA) deals with Platonov's influence on the evolution of the image of the "new person" in the creative activity of* Pil'nyak in the 1920s, as a result of which a new character – a person-technician, builder and demiurge, capable of transforming the world radically, appeared in the works by Pil'nyak.

The vector of creative comprehension of the writer's heritage posed by the scholar G. A. Belaya, who was the first to remind in her "Essays on the History of the Russian Soviet Journalism of 1933–1935" about Platonov's contribution

to the journal "Literary Critic", turned out to be fruitful for both Russian and American scholars of Platonov. The study of the literary-critical legacy of Platonov of the 1930s was continued in the works by N. G. Poltavtseva (1981; 2002; 2011) and N. M. Malygina (1985; 2005, 2018).

This journal section publishes the articles by the American philologists P. Khazanov (Rutgers University, USA) and Jason Cieply (Hamilton College, USA). The scholars reconstruct the political context of Platonov's work in the journals "Literary Critic" and "Literary Review" with the focus on his attitude to the socialist construction in the USSR in the 1930s and the epoch of High Stalinism.

According to P. Khazanov, in the post-war period, right up until the mid-1990s, historians, philosophers and theorists on the political left and right argued as to when the Revolution went sour, but nearly all held on to the widespread consensus that the 1930s were the Soviet dark ages, in which an ironfisted totalitarian ruler imposed his will on a silenced, passive state apparatus and populace. From the 1990s onwards, thanks to the end of the Cold War narrative and the opening up of Soviet archives, it became possible to reconsider such prevailing assumptions about High Stalinism. At this point (and in some cases even earlier), scholars like Thomas Lahusen, Stephen Kotkin, Sheila Fitzpatrick, Igal Halfin, Jochen Hellbeck and Katerina Clark began examining Stalinism as a bottom-up, multivaried, mass cultural phenomenon.

With Andrei Platonov, too, the post-war consensus led scholars to assume that that this writer's acerbic ironizing of Soviet realia must have been a form of dissidentism *avant la lettre*, while his seeming conformism to the Stalinist party line after 1931 marked an unmitigated spiritual defeat for the writer. However, this framework always squared poorly with Platonov's avowed commitment to the Soviet project, evident both throughout his fiction and his archive. Then, with growing interest in how Stalin-era culture and ideology worked at the level of the very many different kinds of subjects who pushed it along, scholars started taking interest in Platonov's post-1931 oeuvre, precisely because so many of these texts carefully work through the problem of socialist subjectivation, which so occupied mass consciousness and played an important role in the achievements, failures and waves of unconscionable repressions that characterized the 'long' 1930s.

P. Khazanov sees his work on Platonov as consistent with this widespread Western interest in socialist subjectivation, which is shared by a number of younger scholars, such as Mieka Erley, Nariman Skakov, Michael Flatley, Artemii Magun, and Jason Cieply, to name a few. In part, this interest is propelled by the historiographic paradigm-shift described above. Moreover, Andrei Platonov's profound writerly sophistication and his complex grappling with the idea of socialism makes him into an ideal bridge for entering into dialogue with Western Marxian critical theory (especially the work of Antonio Gramsci, Alain Badiou, Deleuze and Guattari, Hardt and Negri, and Giorgio Agamben).

According to these scholars the Platonov scholarship is driven by a widespread sense on the American political left that a socialist "dreamworld" has to be recovered or, indeed, reimagined today, in the wake of the "catastrophe" (to borrow Susan Buck-Morss's terms) of the twin failure of *both* 'actually existing socialism'*and* its liberal-capitalist antipode. For this reason, many of us are attracted to Platonov's continual engagement with the socialist horizon throughout his oeuvre, especially in moments when his creative labor is beset by desperation and disappointment.

The article of Jason Cieply continues to study the dialogue between Platonov and the leading Marxist critics and contributors to "Literary Critic" *Georg Lukács and* Mikhail Lifshitz.

The preparation of the articles for publication under a special heading, devoted to the memory of A. P. Platonov, showed how urgent and fruitful the collaboration of researchers from different countries could be. It is especially fruitful in the context of the creative activity of the writer who dreamed that the whole humanity would unite in the fight against the hostile forces of nature.

Нина Михайловна Малыгина[1]
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва)

Павел Хазанов[2]
Ратгерский университет (г. Нью-Брансуик)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЭТИКИ ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА РОССИЙСКИМИ И АМЕРИКАНСКИМИ ФИЛОЛОГАМИ

Первые исследования поэтики творчества Андрея Платонова были опубликованы на родине писателя в конце 1960-х гг., поскольку их появление стало возможно в контексте реабилитации советской литературы 1920-х гг., которая за исключением нескольких официально утвержденных произведений замалчивалась в период с 1930-х до начала 1970-х гг.

Фундамент отечественных исследований поэтики творчества Андрея Платонова заложили авторы монографий, посвященных советской прозе 1920-х гг.: В. П. Скобелев, Г. А. Белая, В. В. Бузник. В статьях и диссертациях отечественных ученых были обозначены основные направления исследования поэтики творчества Платонова, сохранившие актуальность до наших дней: мифопоэтика (Н. Г. Полтавцева, 1981; Э. Найман 1987 и др.), семантическая поэтика (В. П. Скобелев, В. А. Свительский и др.).

Творчество Платонова 1920-х – начала 1930-х гг. получило официальное признание на исходе 1970-х гг., тогда и началось исследование этой части наследия писателя. В статьях и монографиях Л. А. Шубина, В. П. Скобелева, Н. М. Малыгиной, В. Ю. Вьюгина были определены основные принципы семантической поэтики, установлено, что ключевые фрагменты, герои и сюжеты ранних вещей писателя перемещаются в трансформированном виде в его последующие произведения. Была выявлена система образов-символов творчества Платонова, связывающих его художественный мир в единый целостный текст (1992; 2005).

Разработка контекстуального анализа поэтики Платонова имела продолжение в статьях Е. Д. Толстой-Сегал, впоследствии собранных в книгу (1978, 1980).

В конце 1980-х годов после публикации главных произведений Платонова стал возможен переход на новый уровень исследования творчества писателя.

В 1989 г. в связи с 90-летием со дня рождения Платонова в Москве, Воронеже и Ленинграде впервые были проведены Международные научные конференции, посвященные творчеству писателя. В 1990 г. в Пушкинском Доме начал работу платоновский научный семинар, который проводился в течение 14 лет.

В 1999 г. отмечалось 100-летие со дня рождения Платонова, прошли масштабные Международные конференции в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже. В 2000 г. А. Ливингстон организовала в Оксфорде конференцию, посвященную юбилею Платонова, по материалам которой были изданы «Эссе в области поэтики» (2002).

Современные исследования невозможны без учета статей о поэтике произведений Платонова, опубликованных в сборниках «„Страна философов“ А. Платонова: проблемы творчества» (ИМЛИ 1994–2017); а также в изданиях ИРЛИ «Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы» (1995–2008).

Новый импульс анализу поэтики творчества Платонова дало издание двух томов его архива (2009; 2019) и трех томов научного собрания текстологически выверенных сочинений писателя (2004; 2016; 2020), подготовленных группой исследователей ИМЛИ РАН, возглавляемой Н. В. Корниенко.

---

[1] Малыгина Нина Михайловна, приглашенный редактор, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН (Москва).

[2] Хазанов Павел, приглашенный редактор, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого, русского и восточноевропейских языков и литературы Ратгерского университета (г. Нью-Брансуик).

© Н. Малыгина, П. Хазанов, 2021

Расшифровка «загадочных» образов и фрагментов текстов Платонова содержится в трудах В. Ю. Вьюгина, О. Ю. Алейникова, К. Когута, Н. Хрящевой (2005; 2013; 2018). Особое направление в платоноведении составляют статьи и монографии В. А. Свительского, О. Г. Ласунского, М. Геллера, Т. Лангерака (Бельгия), Р. Ходеля (Германия), Е. Антоновой, посвященные реконструкции биографии А. П. Платонова (1995; 1999, 2016). Издана серия статей и монографии Х. Гюнтера (Германия) о жанровой поэтике платоновской утопии (2012). На фаустовские мотивы прозы Платонова указала Л. Дебюзер (Германия); тщательную разработку этой темы осуществила Е. Н. Проскурина (2015).

Особый интерес вызывают работы о поэтике Платонова переводчиков Р. Чандлера и А. Ливингстон. Получили признание в России монографии О. Меерсон, проясняющие связи художественной формы произведений Платонова с их философским содержанием «Апокалипсис в быту. Поэтика неостранения у Андрея Платонова» (1997; 2016).

В рубрику журнала «Филологический класс» о творчестве А. П. Платонова включены статьи, затрагивающие малоизученные вопросы поэтики прозы писателя и обозначены перспективы их исследования. Рассматриваются функции приема монтажа и принципов «поэтики возвращения» в произведениях конца 1920-х – 1930-х гг.

В статье Н. М. Малыгиной (Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН) в контексте романа «Чевенгур» проясняется семантическая поэтика рассказа Платонова «Река Потудань». Сделанные наблюдения подтверждают, что Платонов в середине 1930-х гг. сохранил планетарные масштабы мышления, но напоминал о них в редуцированной форме.

В статье О. Ю. Алейникова (Воронежский университет) семантическая поэтика «Че-Че-О» уточняется в результате сопоставления двух редакций очерка с рукописью произведения, что позволило установить трансформацию содержания и композиционных приемов в очерке, «перемонтированном» Пильняком.

В статье Н. П. Хрящевой (Уральский государственный педагогический университет) предпринята попытка раскрыть религиозно-метафизическое основание платоновской модели «нового человека»; показана идея спасения мира трансцендентной любовью.

В статье американского исследователя Эрики Камизы Морале (Университет Южной Калифорнии, США) рассматривается влияние Платонова на эволюцию образа нового человека в творчестве Пильняка 1920-х гг., в результате чего у Пильняка появился новый герой – человек-техник, строитель и демиург, способный глобально переделывать мир.

Для российских и американских платоноведов оказался перспективным вектор осмысления наследия писателя, заданный исследованием Г. А. Белой, впервые напомнившей в «Очерках истории русской советской журналистики. 1933–1935» о сотрудничестве Платонова в журнале «Литературный критик» (1968). Изучение литературно-критического наследия Платонова 1930-х гг. было продолжено в трудах Н. Г. Полтавцевой (1981; 2002; 2011) и Н. М. Малыгиной (1985; 2005, 2018).

В настоящей рубрике публикуются статьи американских филологов П. Хазанова (Ратгерский университет, США) и Джейсона Сипли (Гамильтонский колледж, США). Исследователи реконструируют политический контекст работы Платонова в журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение», намереваясь выяснить его отношение к строительству социализма в СССР в 1930-х гг. и сталинизму.

Согласно концепции П. Хазанова, в послевоенный период вплоть до середины 1990-х годов историки, философы и политики-теоретики правого и левого толка спорили между собой о том, когда революция пошла не тем путем, но большинство соглашалось с распространенным мнением, что 1930-е годы были мрачным периодом советской истории, во время которого жестокий тоталитарный правитель сумел навязать свое мнение молчаливому государственному аппарату и населению. Начиная с 1990-х годов, благодаря окончанию периода холодной войны и открытию советских архивов стало возможным пересмотреть преобладающие взгляды на поздний сталинизм. В это время такие исследователи, как Томас Лахузен, Стивен Коткин, Шейла Фицпатрик, Игал Халфин, Йохен Хелльбек и Катерина Кларк начали изучать сталинизм

как восходящее, многомерное явление массовой культуры.

Что касается Андрея Платонова, то большинство послевоенных исследователей выражают мнение, что едкая ирония писателя по отношению к советским реалиям была особой первоначальной формой диссидентства, а его кажущийся конформизм со сталинской партийной линией после 1931 года означал для писателя глубочайшее духовное поражение. Такое мнение плохо совместимо с общеизвестной преданностью Платонова делу социализма, о чем явно свидетельствуют его произведения и другие материалы из его архива. Благодаря возрастающему интересу к тому, как культура и идеология сталинской эпохи работали на уровне огромного разнообразия субъектов, влияющих на эти процессы, ученые стали обращаться к статьям и произведениям Платонова, написанным после 1931-го года. Такой интерес объясняется тем, что писатель тщательно прорабатывает проблемы социалистической субъективности, которая занимала массовое сознание и играла важную роль как в экономических успехах и неудачах, так и в волнах ужасающих политических репрессий 1930-х годов.

П. Хазанов рассматривает свое исследование в русле возрастающего интереса западной науки к социалистической субъективности, который можно наблюдать, в частности, в трудах таких молодых ученых, как Миека Ерли, Нариман Скаков, Майкл Флэтли, Артемий Магун и Джейсон Сипли. В какой-то мере, этот интерес вызван сменой парадигмы, упомянутой выше. Более того, глубокая писательская утонченность Андрея Платонова и его сложное отношение к идее социализма позволяют осуществлять диалог с западной теорией литературной критики (особенно с работами Антонио Грамши, Алена Бадью, Делёза и Гваттари, Хардта и Негри, а также Джорджо Агамбена).

По мнению этих ученых, анализ наследия Платонова основывается на широко распространенном в американских левых политических кругах убеждении, что опыт устройства социалистической «сказочной страны» нужно попытаться заново осмыслить или по-новому представить себе после «катастрофы» (термин Платонова, использованный Сьюзен Бак Морс) общественного устройства, характеризуемого одновременно как «реально существующий социализм» и как его либерально-капиталистический антипод. Именно поэтому многих западных исследователей привлекает постоянное моделирование в произведениях Платонова социалистических «сказочных миров», особенно во времена, когда его творчество было переполнено отчаянием и разочарованием.

В статье Джейсона Сипли продолжено исследование диалога Платонова с ведущими критиками-марксистами, работавшими в журнале «Литературный критик», Г. Лукачем и М. Лифшицем.

Подготовка к публикации статей для специальной рубрики, посвященной памяти А. П. Платонова, подтвердила, насколько актуально и плодотворно сотрудничество исследователей из разных стран, когда речь идет о творчестве писателя, который мечтал о том, чтобы человечество объединилось в борьбе с враждебными стихиями природы.

УДК 821.161.1-32(Платонов А.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-03.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444. ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.01

ЭЛЕМЕНТЫ СЮЖЕТА И МОТИВЫ РОМАНА «ЧЕВЕНГУР» В РАССКАЗЕ ПЛАТОНОВА «РЕКА ПОТУДАНЬ»

Малыгина Н. М.
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН (Москва, Россия)
ORCID ID: https//orcid.org/0000-0002-3670-4398

Аннотация. Актуальность статьи определяется исследованием семантической поэтики рассказа Платонова «Река Потудань». На основе суждений критиков и выводов современных исследователей о рассказе выясняется необходимость нового подхода к интерпретации содержания произведения и уточнения принципов его поэтики. Новизна статьи обусловлена выявлением многослойной символики названия рассказа, позволяющей установить недостаточность выводов о том, что содержание «Реки Потудань» ограничено семейной темой. Отмечено, что образ реки на символическом уровне указывает на присутствие в подтексте рассказа образа единого человечества и мотива любви к дальнему, свидетельствующее о том, что Платонов в 1930-х гг. сохранил планетарные масштабы мышления. На уровне микропоэтики выявлены символические детали, связывающие содержание рассказа с мотивами еды и чтения, медицинским и строительным сюжетами. Впервые установлено, что рассказ Платонова «Река Потудань» написан по мотивам истории любви героев романа «Чевенгур» Александра Дванова и Сони Мандровой. Показано, что образы Любы Кузнецовой, Никиты Фирсова и его отца в рассказе «Река Потудань» созданы по мотивам образов героев романа «Чевенгур». Установлена связь образа Любы с образом-символом «невеста», возникшим в раннем творчестве Платонова, и присутствующим во многих произведениях автора. В статье впервые анализируются интертекстуальные связи героя рассказа «Река Потудань» с образом «бедного Евгения» из поэмы «Медный всадник», а героини с образом Татьяны из романа в стихах «Евгений Онегин» А. Пушкина, где писатель нашел материал для моделирования судьбы «маленького человека». В «Реке Потудань» обнаружен мотив любви к ближнему, переместившийся из раннего рассказа «Маркун». Замечено, что в прозе 1930-х гг. актуализирован образ опустевшей земли из раннего рассказа «Потомки солнца», присутствующий также в романе «Чевенгур». Многоуровневые связи содержания рассказа «Река Потудань» с художественным миром Платонова в целом открывают перспективы для нового углубленного прочтения произведения, а также для определения функций приема монтажа, принципов «возвращения» писателя к сюжетам и мотивам произведений 1920-х гг. и характера их трансформации в прозе писателя 1930-х гг.

Ключевые слова: А. Платонов; А. Пушкин; образы-символы; интертекстуальность; семантическая поэтика; рассказы Платонова 1930-х гг.; роман «Чевенгур»; роман «Счастливая Москва»; «Рассказ о многих интересных вещах»; история русской литературы XX века.

PLOT ELEMENTS AND MOTIVES OF THE NOVEL "CHEVENGUR" IN PLATONOV'S SHORT STORY "POTUDAN RIVER"

N. Mikhaylovna Malygina
Institute of World Literature Russian Academy of Science (Moscow, Russia)
ORCID ID: https//orcid.org/0000-0002-3670-4398

Abstract. The relevance of the article is determined by the researcher of the semantic poetics of Platonov's story "Potudan River". We carry out an analytical review of the lifetime criticism and articles of modern researchers about the story, on the basis of which we formulate the purpose of the study, due to the need for a new approach to the interpretation of the work and the identification of the principles of its poetics. The novelty of the article is determined by the identification of the multilayered symbolism of the title of the story, which allows to establish the insufficiency of the conclusions that the content of the "Potudan River" is limited to the family theme. At the level of micropoetics we reveal symbolic details that connect the content of the story with the mo-

© Н. Малыгина, 2021

tive of love for the distant, medical and construction subjects and revealing the planetary scale of the author's thinking. For the first time, it was established that Platonov's story "Potudan River" was written based on part of the plot of the novel "Chevengur" – the love story of Alexander Dvanov and Sonya Mandrova. We show that the heroes of the story "Potudan River" Nikita Firsov, Lyuba Kuznetsova and Nikita's father are doubles of the characters in the novel "Chevengur" by Sasha Dvanov, Sonya Mandrova, and Zakhar Pavlovich. The connection of the image of Lyuba with the archetype of the bride is considered. The paper reveals for the first time the intertextual connections of the story "Potudan River" with the poem "The Bronze Horseman" and the novel in verse "Eugene Onegin" by A. Pushkin, in the texts of which the writer found material for modeling the ordinary fate of the hero. Multi-level connections of the content of the story "Potudan River" with Platonov's artistic world, which is a complete metatext, are found, which opens up new opportunities for determining the role of the editing technique and the principles of returning to the plots and motives of the works of the 1920s, as well as their transformation in the writer's work of the 1930s.

Keywords: A. Platonov; A. Pushkin; intertextuality, semantic poetics; Platonov's stories of the 1930s; the novel "Chevengur"; the novel "Happy Moscow"; "A story about many interesting things"; the history of Russian literature of the XX century.

Для цитирования: Малыгина, Н. М. Элементы сюжета и мотивы романа «Чевенгур» в рассказе Платонова «Река Потудань» / Н. М. Малыгина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 44–55. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-03.

For citation: Malygina, N. M. (2021). Plot Elements And Motives of the Novel "Chevengur" in Platonov's Short Story "Potudan River". In Philological Class. Vol. 26. No. 1, pp. 44–55. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-03.

Мнения о рассказе «Река Потудань». При жизни Платонова критика высказывала две противоположные точки зрения о его сборнике «Река Потудань» [Платонов 1937]. Еще не успела выйти в свет единственная за десятилетие книга писателя, а в «Комсомольской правде» 17 октября 1937 года была напечатана разгромная рецензия о ней. Рецензенту не нравился герой Платонова – «мученик, страдалец, терпеливо наслаждающийся своей мукой <…> бедный, несчастный, источающий добро человек» [Илюшин 1937].

На восприятие книги «Река Потудань» повлияла статья А. Гурвича о рассказах Платонова, напечатанных в журналах в 1934–1936 гг. Публикация Гурвича в журнале «Красная новь», который в тот период редактировал В. Ермилов, не случайно совпала с изданием книги. Последующие события показали, что выступления критиков явились началом беспощадной травли Платонова, организованной А. Фадеевым и продолжавшейся до 1941 г. Целью Гурвича было уничтожение надежды Платонова на успех книги «Река Потудань». Писателю была жизненно необходима общественная реабилитация после скандала 1931 года и замалчивания его имени в 1931–1934 гг. [Малыгина 2005: 78].

Гурвич был предвзято настроен, в соответствии с полученным заказом он должен был доказать, что новые рассказы Платонов «Такыр», «Бессмертие», «Третий сын», «Фро», «Нужная родина» («Глиняный дом в уездном саду»), «Семен» ничем не отличаются от опороченных произведений «Усомнившийся Макар» и «Впрок», ставших поводом для громких политических скандалов, спровоцированных возмущением Сталина. Гурвич утверждал, что никаких изменений в мировоззрении и творчестве Платонова не произошло, но объяснять причины сходства произведений писателя разных лет, а тем более устанавливать их различия, не входило в его задачу.

Гурвич ошибался, считая, что нашел деталь, подтверждающую родство героя рассказа «Бессмертие» Эммануила Левина с Сашей Двановым из повести «Происхождение мастера»: «Разве не его котомку несет в своих руках Левин, как знамя жертвенности и самоотречения?… Вместе с котомкой Дванов передал Левину все свои чувства и мысли» [Гурвич 1994: 384]. На самом деле котомку герой Платонова унаследовал у горьковского Луки.

Главный упрек Гурвича состоял в том, что герои Платонова середины 1930-х гг. жертвуют личным счастьем ради служения делу строительства социализма, а писатель демонстрирует их страдания: «Человек с ущемленной душой, нужный всем и ненужный само-

му себе <…> – постоянный герой Платонова» [Гурвич 1994: 384].

Современники Платонова прекрасно знали, какое огромное число людей в советском обществе 1930-х гг. испытывало ужасающие страдания, отправляясь на Дальний восток и Крайний север, далеко не всегда добровольно.

Рассказ «Река Потудань» не попал в поле зрения критика, а именно в нем Платонов создал образ современника, смыслом жизни которого были любовь и семья.

Издание книги «Река Потудань» стало возможно в результате успеха рассказа Платонова «Бессмертие», который одобрил руководитель Союза писателей В. Ставский в докладе на собрании московских писателей, посвященном борьбе с формализмом [Ставский 1936: 4]. Вслед за ним критик В. Александров в статье «Частная жизнь» назвал рассказ «Бессмертие» главным достижением писателя, находя его актуальность в том, что герой Платонова не замыкается на своей частной жизни [Александров 1937: 81].

Редколлегия журнала «Литературный критик» с 1936 г. боролась за право Платонова работать в советской литературе. В 1938 г. Е. Ф. Усиевич опубликовала рецензию на книгу статей Гурвича и обвинила критика в том, что он использовал гуманизм писателя как повод для «издевательств и оскорблений» [Усиевич 1938: 172]. Усиевич объяснила причину негативного настроя Гурвича тем, что для него «колорит… Андрея Платонова слишком мрачен» [Усиевич 1938: 172]. Усиевич утверждала право советской литературы на трагическое содержание: «Наиболее талантливым среди писателей, не удовлетворяющихся одними лишь гуманистическими обобщениями, а ищущих жизненных, конкретных и трудных, часто трагических форм развития, является у нас Андрей Платонов» [Усиевич 1938: 171].

Вслед за критиками, поверившими, что Платонов в середине 1930-х гг. совершил поворот от целостных масштабов к частным Макарам, исследователи конца XX – начала XXI вв. соглашались, что творческий метод Платонова в это время кардинально изменился: «Вместо хронотопа строительного сюжета, определяющего место и роль действующих персонажей, возникает хронотоп семейной, личной жизни. Широкие масштабы „большого мира“ общественного строения заменяются ограниченным, обозримым пространством семьи или жизни одного человека» [Гюнтер 2000: 305].

Но отказался ли Платонов в середине 1930-х гг. от содержания и поэтики своего творчества 1920-х гг.?

Инструментарий современного литературоведения открыл новые возможности для исследования семантической поэтики Платонова и позволил установить, что в определенной степени ошибались и те, и другие. В основе статьи лежит метод контекстуального анализа, дополненный мотивным анализом. Мы опираемся на исследования М. М. Бахтина, подробно рассмотренные в монографии К. С. Когута и Н. П. Хрящевой [Когут, Хрящева 2018: 8], трактующего контекст как семантическое поле внетекстовых связей произведения, составляющих «диалогизирующий фон его восприятия» [Бахтин 2002: 429].

Кроме того, мы учитываем широкое толкование мотива, предложенное Б. М. Гаспаровым: «…в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое „пятно“ – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.» [Гаспаров 1993: 30].

Как справедливо замечено в монографии К. С. Когута и Н. П. Хрящевой, «именно мотив является „инструментом“ контекстуального анализа». Толкование мотива «…как любого смыслового „пятна“ в произведении, в сущности, учитывает его важнейшие свойства: повторяемость и включенность в систему повествования» [Когут, Хрящева 2018: 18].

Воспринимая рассказы сборника «Река Потудань» как «оригинальное – платоновское – художественное целое» [Ванюков 2003: 572], А. Ванюков заметил, что содержание рассказа «Река Потудань» связано с проблематикой всех включенных в сборник вещей Платонова. Это означало, что в «Реке Потудань» имплицитно были представлены элементы сюжетов любви к дальним людям, развернутых в рассказах «Бессмертие» и «Фро». Однако автор современной интерпретации «Реки Потудань» не учитывал, что не только тексты сборника, а весь художественный мир Платонова представляет собою единый целостный

текст, где все произведения связаны между собой, а потому в рассказе имплицитно присутствуют многие образы, мотивы и детали творчества писателя в целом [Малыгина 1977: 164; Малыгина 1994: 192].

В. Скобелев рассмотрел поэтику рассказа «Река Потудань», исходя из представления о том, что в советской литературе 1930-х гг. стала исчезать тема домашнего очага, семьи, частной судьбы человека. Исследователь заметил романный характер сюжета рассказа «Река Потудань» [Скобелев 2003: 626]. Он уделил особое внимание образу отца Никиты и напомнил, что главной идеей философии писателя и в 1930-е гг. оставалась «воскрешающая любовь к смертным», тем самым Скобелев давал понять: в творчестве писателя 1930-х гг. сохранились образы и темы 1920-х гг.

Можно предположить, что Платонов решил в 1937 году опубликовать произведение, созданное по мотивам романа, потому что к этому времени окончательно потерял надежду на издание «Чевенгура», хотя в конце 1920-х гг. возможность напечатать роман была вполне реальной.

Прижизненная критика и современные исследователи не заметили того, что в рассказе «Река Потудань» автор использовал элементы сюжета романа «Чевенгур».

Символика названия рассказа «Река Потудань». Рассказ «Река Потудань» повествует о том, как складывалась в мирное время судьба молодого человека Никиты Фирсова, вернувшегося с Гражданской войны. Платонов моделирует жизненный путь своего героя, следуя собственной догадке о том, что можно быть счастливым, если жить обыкновенно. Однако и на этом пути героя рассказа постигла личная катастрофа, которая едва не привела его к самоубийству и заставила опуститься на самое дно общества.

Символика образа реки Потудань, которая «таилась подо льдом», на поверхностном семантическом плане определяет этап отношений Никиты и Любы. Они приняли совместное решение вступить в брак после того, как Люба закончит учебу в медицинской академии.

Зимой Никита и Люба ходят к реке и наблюдают течение воды подо льдом, чтобы убедиться, что река жива и весной вырвется на свободу. Тогда и они откажутся от обета целомудрия и дадут волю своим чувствам.

Одновременно образ текущей подо льдом реки символизирует принадлежность Никиты и Любы к единому человечеству. Глядя на воду, они думают, что река течет к морю, «мимо берегов далеких стран, в которых сейчас растут цветы и поют птицы» [Платонов 2010: 441]. Мысль героев рассказа напоминает о постоянном в творчестве Платонова мотиве любви к дальнему, вызывает ассоциации с образом единого человечества, присутствующем в рассказах «Фро» и «Бессмертие».

Кроме того автор замечает, что Никита и Люба считают реку счастливой, а это выдает их тайные мечты о свободе. Они завидуют реке, потому что она видит дальние страны. Следовательно, помыслы героев не ограничены стремлением к личному счастью.

Образ реки вносит в рассказ «Река Потудань» мотив любви к дальнему, объединяющий все рассказы сборника и связывающий их с романом «Счастливая Москва». Образ погребенной подо льдом реки Потудань вызывает ассоциации с «высшим образом» человека. Подобно реке, покрытой льдом, в современном человеке глубоко спрятан его будущий образ. В романе «Счастливая Москва» Платонов наметил перспективу преображения «старого природного человека»: «…Человек еще самодельное, немощно устроенное существо – не более как смутный зародыш и проект чего-то более действительного, и сколько надо работать, чтобы развернуть из этого зародыша *летящий, высший образ,* ***погребенный*** *в нашей мечте…*» [Платонов 2010: 36] (Курсив мой. – *Н. М.*).

Создавая в романе «Счастливая Москва» образ будущего, когда «человек будет крылатым, а земля останется в наследство животным», Платонов возвращался к созданной в раннем рассказе «Потомки солнца» картине опустевшего земного шара, с которого люди разлетелись по другим планетам.

Современники увидели черты идеала «высшего» человека в образе Эммануила Левина из рассказа «Бессмертие». Рассказ и его героя высоко оценили В. Ставский, Г. Лукач. Гурвич воспринял аскетизмом и самопожертвование Левина как приметы образа христи-

анского подвижника. Для самого Платонова его герой был человеком несовершенным и негармоничным, принадлежавшем уходящему миру, но в нем сохранилась живая душа, одухотворяющая дело, которому он служит.

В рассказе «Бессмертие» Платонов показал, что человек нового общества не должен ограничивать свою жизнь семейным кругом: «Наслаждение же одним любимым существом само по себе ничто, если оно не служит делу ощущения и понимания тех многих существ, которые скрыты за этим единственным человеком…» [Платонов 2010: 81].

Подобно герою «Бессмертия» герой рассказа «Фро» – муж молодой женщины Фроси Евстафьевой, решил пожертвовать их счастьем ради будущего человечества.

Гурвич считал, что лишая героев этих рассказов семьи и личной жизни, Платонов делает их ущербными. Рассказ «Река Потудань» автор посвятил героям, для которых личное счастье было смыслом жизни.

Платонов моделирует для Никиты Фирсова жизненный путь, открывающий перспективы творчества в сфере, доступной маленькому человеку, отстраненному от исторической работы. Материал для сюжета рассказа «Река Потудань» Платонов нашел в поэме Пушкина «Медный всадник». Об открытой Пушкиным возможности творчества «в области, доступной каждому бедняку, но недоступной сверхчеловеку: в любви к другому человеку» Платонов писал в статье «Пушкин – наш товарищ», напечатанной в первом номере журнала «Литературный критик» за 1937 год [Платонов 2011: 75].

Гурвич отметил статью Платонова о Пушкине, но воспринял ее изолированно от его прозы, не уловил связи между статьей и написанными с нею одновременно рассказами писателя.

Между тем, интертекстуальные связи рассказа с наследием Пушкина многократно увеличили семантическую насыщенность «Реки Потудань». Выявление интертекстуальных связей рассказа и их взаимодействия с другими элементами его поэтики позволяют обнаружить сюжет борьбы за бессмертие, спрятанный в подтексте «Реки Потудань».

Герой рассказа «Река Потудань», события, происходящие в рассказе «Река Потудань», связаны с конкретным историческим временем: с окончанием Гражданской войны, т. е. относятся к началу 1920-х гг. В «Реке Потудань» автор использовал элементы сюжета судьбы вернувшегося с войны главного героя «Чевенгура» и его отношений с соседской девочкой Соней Мандровой, но элементы чевенгурского сюжета существенно трансформированы в рассказе.

Никита Фирсов, как Саша Дванов, пешком преодолевает долгий путь к дому одинокого отца. У Никиты отец родной, у Саши – приемный; у отца Никиты два сына «исчезли на империалистической войне» [Платонов 2010: 427], Захар Павлович, усыновивший Сашу, был бездетным.

Никита помнил знакомую девушку Любу и «на другой день после возвращения» [Платонов 2010: 429] отправился к ее дому, надеясь на встречу с ней. Его отношение к Любе было бережным и бескорыстным. Никита живет по принципу «любви к ближнему», который был сформулирован в раннем рассказе Платонова «Маркун»: «…служить каждому человеку <…> быть ниже и хуже каждого человека <…> и наполнил свою жизнь стыдливою жертвой и трудом для него» [Платонов 2009: 248–249]. Отношение Никиты Фирсова к Любе определяется мотивом целомудрия, он заботится о девушке, ничего не требуя взамен и терпеливо ожидая, когда она закончит учебу. Служение Никиты объясняется тем, что он помогает Любе достигнуть высшей цели, получить образование.

Атмосферу рассказа «Река Потудань» определяет мотив голода, который был сквозным в романе «Чевенгура». Для героев Платонова главным проявлением любви к близкому человеку является забота о его питании, означавшая спасение от голода. Все время, пока Люба училась, Никита приносил ей еду, часто отдавал свой обед из рабочей столовой, а сам оставался голодным.

В повествование об отношениях Любы и Никиты включены детали из романа «Чевенгур». В романе Дванов «…вспомнил про сундук, в котором вез булки для Сони; в том сундуке была *масса сытных булок*» (Курсив мой. – *Н. М.*) [Платонов 2009: 146].

В рассказе Никита тоже принес Любе «…откуда-то *две белых булки*» (Курсив мой. –

Н. М.) [Платонов 2010: 436]. Ожидая Любу у ворот ее дома, «…белые булки он положил себе за пазуху и согревал их там» [Платонов 2010: 436].

Никита был потрясен тем, что в день их бракосочетания Люба приготовила для него «вкусную, разнообразную пищу»: «Он не помнил, чтобы когда-нибудь его угощали почти задаром, ему не приходилось посещать людей для своего удовольствия и еще вдобавок наедаться у них» [Платонов 2010: 443].

Герой рассказа «Река Потудань» принадлежал к тому типу героев Платонова, о которых рассказала С. С. Виноградская[1] на вечере 1962 г., посвященном Платонову. Она работала с Платоновым в годы Великой Отечественной войны на радио, где был прочитан рассказ «Одухотворенные люди». Мемуаристка выделила в финале рассказа фразу о его героях: «…такие люди долго не живут, но свет от них долго держится на земле». Виноградская вспоминала: «…у меня было ощущение, что он сам принадлежит к таким людям» (сам Платонов – *Н. М.*) [Алейников 2020: 92].

В образ Никиты Платонов включил детали собственной биографии. Он кратко сообщил о том, что в годы войны Никита не только воевал, но и работал: рыл колодцы, сажал кустарник в вершинах действующих оврагов [Платонов 2010: 434]. В единственную фразу писатель уместил напоминание о годах его работы в воронежском Губернском земельном управлении: в конце 1921 г. Платонов создал проект гидрофикации Воронежской губернии; в 1922 г. возглавил комиссию гидрофикации, а в 1924 г. был назначен губернским мелиоратором и проводил общественные мелиоративные работы; он рыл колодцы, руководил сооружением плотин и прудов, одновременно занимался электрификацией сельского хозяйства, строил сельские электростанции.

В рассказе приведены подробности, указывающие на социальное неравенство Никиты и Любы. Никита вырос в бедной семье, где не было мебели, посуды, хорошей еды, поэтому его отец стыдился позвать к себе в гости мать Любы, когда она была его «приблизительной невестой» [Платонов 2010: 442]. Мать Любы работала учительницей, дома у них стояла мебель, которая казалась Никите и его отцу красивой и богатой: пианино, шкаф для одежды «по всему фасу резьба и выборка», кресла из красного бархата [Платонов 2010: 429].

В описании учительской квартиры можно уловить автобиографические детали. После того как Андрей Платонов женился на Марии Кашинцевой, молодые переехали к родителям девушки. В воспоминаниях младшего брата писателя Семена Климентова выделены те же автобиографические подробности, которые приведены в рассказе: «Когда Андрей женился, жил с нами, а потом переехал к жене на ул. 9 января, дом 25, квартира на втором этаже, вход с улицы. Квартира состояла из трех комнат и кухни. Дом и сейчас стоит, я был и подходил к нему, вспоминал детство и хорошего брата… Там жила семья Кашинцевых… отец, мать, два брата и сестра. Я бывал у брата Андрея. Они жили в последней комнате, пройдя столовую, мебели было много и довольно хорошая» [Свительский 1999: 193].

Андрей Платонов на первых порах чувствовал разницу уровня образования со своей невестой Марией Кашинцевой, закончившей гимназию в Петербурге и два курса Воронежского университета. Андрей получил образование, предназначенное для низших слоев народа: церковно-приходскую школу и городское училище. В 1918 году Платонов поступил в университет, но не хватало подготовки, необходимой для учебы в вузе, не было и материальной возможности получить высшее образование. В 1921 г. он закончил техникум и получил специальность электротехника.

В рассказе «Река Потудань» актуализировались эти давние переживания автора.

Образ-символ *Невеста*. Образ Любы в рассказе «Река Потудань» связан с образом-символом невесты, впервые выявленном в «Рассказе о многих интересных вещах» [Малыгина 1977: 164; Малыгина 1994: 192]. В портрете девушки присутствуют символические детали, указывающие на ее принадлежность к архетипу Невесты: «Кисейное бледное платье» похоже на платье невесты [Платонов 2010: 431].

[1] Виноградская Софья Селимовна (1902–1964) – прозаик, мемуаристка.

Эта символическая деталь образа Невесты становится знаковой в рассказе «Девушка Роза», где бездомную, искалеченную фашистами девушку прячет женщина и наряжает как невесту в свое старое свадебное платье и башмаки. Здесь образ Невесты приобретал черты «волшебного существа», поскольку жизнь героини оказалась неподвластной злой воле фашистов.

Для автора и его героя Люба наделена приметами высшего существа. Девушка играет на пианино: Никита, придя к дому Любы, ждал, что там заиграет музыка. Автор замечает одухотворенность героини «Ее чистые глаза, наполненные тайною душой» [Платонов 2010: 431].

Образ-символ Невесты является сквозным в творчестве писателя и имеет реальную основу. Прототипом героинь писателя, связанных с архетипом Невесты, была Мария Кашинцева, с которой Платонов познакомился в 1921 г.

В 1921 г. Платонов писал Маше: «Звезда и песня моя, судьба и невеста моя. Как много во мне для тебя не родившихся еще нежных голубых слов и песен. Но я заставлю о тебе петь не слова, а всю вселенную» [Архив 2009: 438]. Письма Платонова 1921 г. смущали Марию пылкостью признаний. На обороте письма Платонова сохранился ее ответ: «Ваше чувство не ко мне, а к кому-то другому. Вы же меня совсем не можете любить, потому что я не такая какою вы идеализируете, и еще – Вы меня любите тогда,…когда обстановка развивает ваши романтические инстинкты» [Архив 2009: 442].

Мария Кашинцева была прототипом образа Каспийской Невесты в «Рассказе о многих интересных вещах». Публикация повести в газете сопровождалась портретом героини – рисунком по фотографии Марии Кашинцевой. В «Рассказе…» рисунку соответствовал ее словесный портрет: «Глаза смородиновые и пугливые, как будто кто размахнулся над ними» [Платонов 2009: 366].

В творчестве писателя архетип Невесты был воплощен в образах Марии Кирпичниковой («Эфирный тракт»), Марии Нарышкиной («Песчаная учительница»), Софьи Александровны («Строители страны»), Сони Мандровой («Чевенгур»).

Героиня рассказа «Река Потудань» Люба Кузнецова во многом близка Соне Мандровой и Софье Александровне Крашениной – героине повести «Строители страны», текст которой был включен в роман «Чевенгур» в качестве центрального фрагмента.

В описание судьбы Сони Мандровой автор включил события из жизни М. А. Кашинцевой в то время, когда она была его невестой. Мария в 1922 году работала учительницей в деревне Верхнее Волошино, где ее навещал Платонов.

В отличие от Сони учительницей Люба не была.

Мотивы болезни, смерти. История любви Никиты и Любы в рассказе «Река Потудань» прерывается мотивом болезни и смерти, напоминающим о том, что счастье людей постоянно находится под угрозой. Платонов показал, что даже молодых людей подстерегает опасность смерти. В рассказе умерла от тифа девушка Женя – подруга Любы, заболел тифом Никита. В болезни Никиты, описании его тифозного бреда передан личный опыт автора. Платонов болел тифом, его вылечила мать: парила в русской печи.

Никита выжил, благодаря самоотверженности Любы, которая выхаживала его, не боясь заразиться. Она забрала Никиту к себе, согревала собственным телом, и он поправился через три недели. Доминантой образа Любы Кузнецовой становится мотив, который Платонов считал главным в образе пушкинской Татьяны: она «находит силу своего счастья и спасения <…> в естественной тайне своего человеческого сердца, в женственном чувстве, которое верно бережет другого человека и до сих пор хранит и сохранило целое неистовое человечество» [Платонов 2011: 77]. Так Люба спасла Никиту.

В рассказе трансформируется история болезни Саши Дванова. Герой романа «Чевенгур» болел возвратным тифом восемь месяцев. Захар Павлович потерял надежду на его выздоровление и «…сделал приемному сыну гроб – прочный, прекрасный…» [Платонов 2009: 106].

В рассказе появились новые детали: Никита бесплатно сделал гроб для Жени. Эта деталь включает в рассказ элемент строительного сюжета: Никита поступил на работу в мастерскую крестьянской мебели, где работал

его отец, он делал парты для сельской школы и мебель для будущих детей.

Отец в подарок сыну на свадьбу сделал шкаф, взамен того, который до войны стоял в квартире невесты Никиты, но был утрачен в годы войны и разрухи.

Смерть девушки Жени, угроза смерти Никиты в рассказе «Река Потудань» напоминают о несбывшихся надеждах автора на то, что после революции все силы будут направлены на борьбу за оздоровление людей и продление их жизни. Нельзя отгородиться от мира, спрятаться в своей семье, т. к. смерть, болезни, голод могут настигнуть каждого человека, пока эти проблемы не решены в масштабах единого человечества.

В тот момент, когда могла осуществиться мечта Никиты о любви и семейном счастье, обнаружилось, что он только внешне казался уцелевшим: на вопрос отца он ответил, что не был ранен на Гражданской войне. Но психологические травмы, полученные Никитой на войне, истощение от голода и тяжелой работы, подорвали его здоровье.

Платонов пытался раскрыть причину, по которой Никита не мог принять дар любви, который казался ему незаслуженным: «Он <…>думал о непонятной тайне: почему Люба улыбается ему и любит его неизвестно за что. <…> Никита поднялся и робко обнял ее, боясь повредить что-нибудь в этом особом нежном теле» [Платонов 2010: 443]. Для героя рассказа стало открытием, что «оказывается надо уметь наслаждаться, а Никита не может мучить Любу ради своего счастья, у него вся сила бьется в сердце, приливает к горлу, не оставаясь больше нигде» [Платонов 2010: 442]. Герой рассказа был человеком деликатным, привыкшим к самопожертвованию, и не мог себя изменить.

В центральном эпизоде рассказа скупыми средствами передан трагический перелом в судьбе Никиты и Любы. Убедившись в том, что он не может сделать Любу счастливой, Никита думает о самоубийстве. Он готов повторить поступок Дванова и его отца.

Мотив погружения на дно. В «Реке Потудань» воспроизведен чевенгурский мотив погружения героя на дно озера Мутево. В финале романа Дванов уходил в смерть вслед за отцом, потому что потерял надежду на способность чевенгурского коммунизма устроить для людей жизнь вечную, обеспечить им бессмертие и воскрешение умерших.

Попытку самоубийства совершила Люба, она решила утопиться, но ее поступок лишен того мифологического содержания, которым наполнен уход героев «Чевенгура». Для них погружение в воду означало переход в иное измерение, возвращение в состояние «вещества существования», из которого можно при благоприятных обстоятельствах воскреснуть для новой жизни.

В контексте финала чевенгурского сюжета расшифровывается решение героя рассказа опуститься на дно общества. Существование Никиты на базаре является вариацией финала «Чевенгура». Никита выпадает из нормальной жизни подобно тому, как Александр Дванов погружается в воды озера Мутева. Эти мотивы восходят к мифу об умирающем и воскресающем герое, в котором заключена символика нисхождения в нижний мир с последующим освобождением и воскресением.

Эпизод исчезновения Никиты передан в рассказе с использованием приемов тайнописи. Знаковым является упоминание о том, что сторож, на которого Никита работал за питание остатками пищи, мог бы уже называться «надзирателем». Исполнение Никитой самой грязной работы напоминает условия жизни людей в заключении, в тюрьме или в лагере.

Образ одинокого отца. В «Реке Потудань» продолжен мотив из романа «Чевенгур»: «…что нам делать в будущем коммунизме с отцами и матерями?» [Платонов 2009: 238], который переместился во фрагмент ранней редакции «Чевенгура» из текста «Строители страны»: «Дома Дванов обнял мать и понял, что его любовь к ней уменьшается, а ее увеличивается. Что нам делать в будущем с матерями? <…> Дванов считал, что надо к матери <…> идти не прямым путем верной преданности и вечных воспоминаний а обходным – через коммунизм и победу над природой» (Рукопись «Чевенгура», РО ИРЛИ, Ф. 780, ед. хр. 34. Л. 156–156 об.) [Платонов 2009: 238].

В рассказе «Река Потудань» отец Никиты похож на Захара Павловича из «Чевенгу-

ра», оба старика одиноки. Понимая, что сын собрался жениться, а ему придется остаться одному, отец Никиты чувствует несправедливость устройства жизни. Он придумал способ борьбы с одиночеством: «Придется… взять к себе хоть побирушку с улицы – не для семейной жизни, а чтоб… было второе существо в жилище: пусть оно мешает жить и вносит нечистоту, но без него перестанешь быть человеком» [Платонов 2010: 442]. Его замысел вызывает ассоциации с текстом «Чевенгура», где решили населить опустевший город Чевенгур нищими бродягами и взять в жены нищенок. Образ нищенки связан с мотивом нищих бродяг, который присутствовал в «Рассказе о многих интересных вещах» и на основе которого возник образ прочих в «Чевенгуре».

В судьбе своего единственного оставшегося в живых сына отец дважды играет роль спасителя его любви и жизни. В первый раз, когда отец узнал, что Люба закончила учебу, он прошел 20 верст за сыном, который отправился на заработки, чтобы заполнить томительное время ожидания свадьбы с Любой. Отец спешил сообщить Никите, что ему пора возвращаться к невесте, а сам остался доделать за него школьные парты.

Второй раз отец случайно встретил исчезнувшего сына на базаре и вернул его к жизни сообщением о том, что Люба его помнит и тоскует о нем.

Мотивы исцеления и бессмертия. В середине 1930-х гг. Платонов не отказался от мечты о бессмертии людей, от надежды на обновление жизни. «Воскрешающая любовь к смертным», о которой упоминал В. Скобелев в финале статьи о рассказах писателя, не была для Платонова красивой метафорой.

О постоянстве идеалов Платонова в рассказе «Река Потудань» напоминает важная подробность: Люба Кузнецова учится в медицинской академии и читает медицинские книги. Символическая деталь: чтение медицинских книг при свете печки, – вносит в рассказ мотив чтения, который, по наблюдениям Н. П. Хрящевой, играет важную роль в романе «Чевенгур» [Хрящева 2014: 349–350].

Автор акцентировал внимание на том, что в доме, где живет Люба, нет электричества. Но включая в рассказ мотив света, автор вселял надежду на преодоление смерти и возможность воскрешения.

В. Боков на вечере, посвященном писателю в Центральном доме литераторов 27 апреля 1962 г., рассказал, что 7 февраля 1947 года получил от Платонова открытку (в 1962 году Боков не мог сообщить, что тогда находился в заключении, и Платонов писал ему в лагерь), где писатель признавался: «*…во мне есть, как во всяком человеке, что-то неподвижно постоянное, просто счастливое и юное, это во мне живет…*» (Курсив мой. – *Н. М.*) [Алейников 2020: 90]. О том, что в середине 1930-х гг. таким «неподвижно постоянным» оставался для Платонова проект «поисков долговечности и бессмертия», свидетельствует его присутствие в романе «Счастливая Москва».

В «Счастливой Москве» строился Институт Экспериментальной Медицины, который был в столице главной стройкой социализма. В пятой главе романа шла речь об экспериментах хирурга Самбикина, его изобретении «элексира жизни» и надежде лечить людей с помощью электричества.

Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) реально работал в Москве 1930-х годов. Его работа активизировалась в 1933 г. по инициативе вернувшегося из-за границы Горького: «Теперь достоверно известно, что идея создания ВИЭМ родилась у Горького под влиянием книги английского философа Бертрана Рассела „Научное предвидение“» [Ваксберг 1999: 287].

У Платонова проект подобного института описан в «Рассказе о многих интересных вещах», герой которого попадал в Институт Антропотехники, где «электричество победило смерть» [Платонов 2004: 266]. Работавший там ученый объяснял: «У меня тут две мастерские – одна Прочной Плоти, а другая Бессмертной. Прочная Плоть в человеке делается целомудрием, освобожденная же половая сила превращается в таком человеке в талант изобретений.

<…> А бессмертная плоть уже делается из прочной целомудренной плоти посредством электричества» [Платонов 2004: 267].

Образ Института Антропотехники имел реальный прототип: Платонов знал об экспериментах по лечению людей воздействием

электричества, которые в 1920-е гг. проводил в своей лаборатории ученый А. Л. Чижевский [Малыгина 1981[1]: 55–56].

В момент личной катастрофы Никиты особенно остро была ощутима необходимость восстановления его организма в мастерской Прочной Плоти, где электросфера могла оказать на него целительное воздействие.

Барьер между Никитой и Любой, который герой рассказа не может преодолеть, связан с той жизненной программой, которая была выражена в тексте повести Платонова «Строители страны»: «Дванов и Гратов решили отомстить природе за смерть детей и осуществить нежную мечту о вечной памяти. Друзья были молоды и гневны: *победа революции обнадежила их на более могучие дела*. Дванов говорил: мы никогда не полюбим одну женщину, не будем долго спать по ночам – пойдем походом против вселенной: после революции осталась война с природой; мы будем работать непрерывно, как кружатся атомы, мы теперь вооруженная любовь и умная жалость; мы теперь знаем, что мир – это нелепая катастрофа, – надо спасти его для него самого и для нас» (Курсив мой. – *Н. М.*) [Платонов 2009: 238].

Для героя рассказа «Река Потудань» отказ от целомудренных отношений с любимой девушкой означал расставание с надеждой на бессмертие. В «Реке Потудань» сюжет борьбы со смертью погружен в подтекст произведения, подобно тому, как скрыта подо льдом река Потудань. Под верхним семантическим слоем рассказа было спрятано содержание, составлявшее главную тему романа «Чевенгур».

О том, что Платонов в середине 1930-х гг. продолжал мечтать о преодолении смерти, свидетельствует образ занебесной страны бессмертия в романе «Счастливая Москва», над которым автор продолжал работать незадолго до написания рассказа «Река Потудань».

Прижизненная критика творчества Платонова, а вслед за ней отечественное литературоведение считали, что писатель в середине 1930-х гг. переключился на реалистическую семейную проблематику. Действительно, рассказ «Река Потудань» написан в совершенно новой манере, чем проза 1920-х гг. Но в то же время в рассказе Платонова в редуцированной форме сохранились мотивы и сюжеты «Чевенгура» и прозы 1920-х гг.

Только осознание того, что рассказ «Река Потудань» является фрагментом художественного мира писателя, представляющего целостный текст, позволяет раскрыть его содержание. Автор рассказа «Река Потудань» использовал прием монтажа фрагментов и элементов сюжетов произведений 1920-х гг., но существенно их переработал и обогатил осмыслением эпохи 1930-х гг. Потрясает психологизм рассказа, повествующего о глубоких переживаниях Никиты Фирсова, его отца и невесты.

Литература

Алейников, О. Ю. Первый вечер в Центральном доме литераторов, посвященный памяти Андрея Платонова / О. Ю. Алейников // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 5.

Александров, В. Частная жизнь / А. Александров // Литературный критик. – 1937. – № 3. – С. 55–81.

Архив А. П. Платонова. Кн. 1 / отв. ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2009.

Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6 / М. М. Бахтин. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. – С. 429.

Ваксберг, А. Гибель Буревестника / А. Ваксберг. – М. : Терра Спорт, 1999.

Ванюков, А. Сборник рассказов «Река Потудань» как эпическое целое / А. Ванюков // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5 / редактор-составитель Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – С. 572.

Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века / Б. М. Гаспаров. – М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.

Гурвич, А. Андрей Платонов / А. Гурвич // Красная новь. – 1937. – № 10; цит. по изданию: Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии / сост. и прим. Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубина. – М. : Современный писатель, 1994. – С. 384.

Гюнтер, Х. Любовь к дальнему и любовь к ближнему: Постутопические рассказы Платонова второй половины 1930-х гг. / Х. Гюнтер // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. / редактор-составитель Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2000.

Илюшин, Б. Порочная философия / Б. Илюшин // Комсомольская правда. – 1937. – 17 сентября.

[1] В этой статье впервые доказано знакомство Платонова с открытиями А. Л. Чижевского.

Когут, К. С. Поэтика драматургии А. П. Платонова конца 1930-х – начала 1950-х годов: межтекстовый диалог / К. С. Когут, Н. П. Хрящева. – СПб. : Нестор-История, 2018.

Малыгина, Н. М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения» / Н. М. Малыгина. – М. : ТЕИС, 2005. – С. 70–94.

Малыгина, Н. М. Естественнонаучные источники представлений о природе Андрея Платонова / Н. М. Малыгина // Человек и природа в художественной прозе : межвузовский сборник научных трудов. – Сыктывкар, 1981. – С. 49–64.

Малыгина, Н. М. Идейно-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интересных вещах») / Н. М. Малыгина // Русская литература. – 1977. – № 4. – С. 158–164; Малыгина, Н. М. «Рассказ о многих интересных вещах» в контексте творчества А. Платонова / Н. М. Малыгина // Андрей Платонов. Мир творчества. – М., 1994. – С. 180–192.

Платонов, А. Река Потудань / А. Платонов. – М. : Советский писатель, 1937. – 170 с.

Платонов, А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1: Усомнившийся Макар. Рассказы 1920-х годов. Стихотворения / А. Платонов. – М. : Время, 2009.

Платонов, А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4: Счастливая Москва. Очерки и рассказы 1930-х годов / А. Платонов. – М. : Время, 2010.

Платонов, А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8: Фабрика литературы. Литературная критика, публицистика / А. Платонов. – М. : Время, 2011.

Платонов, А. Сочинения. Т. 1. Кн. 1: Рассказы. Стихотворения / А. Платонов ; гл. ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2004.

Свительский, В. А. Из бесед и переписки с родственниками А. Платонова / В. А. Свительский // Филологические записки. – Воронеж, 1999.

Скобелев, В. «Воскрешающая любовь к смертным» (от «Фро» к «Реке Потудань» и «Возвращению»: из наблюдений над поэтикой новеллы» / В. Скобелев // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5 / редактор-составитель Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2003.

Соловьев, В. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1. 11-1У. Репринт СПб., 1914 / В. Соловьев. – Брюссель, 1969.

Ставский, В. Доклад. Дискуссия о формализме / В. Ставский // Литературная газета. – 1936. – 15 марта.

Усиевич, Е. Разговор о герое / Е. Усиевич // Литературный критик. – 1938. – № 9-10. – С. 154–188.

Флоренский, П. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах / П. Флоренский. – М., 1914.

Хрящева, Н. П. Функция «чужих» текстов в «Чевенгуре» Андрея Платонова / Н. П. Хрящева // Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности VS. новые возможности : монография / отв. редактор Н. В. Ковтун. – М. : ФЛИНТА ; Наука, 2014. – С. 346–369.

References

Aleksandrov, V. (1937). Chastnaya zhizn' [Private Life]. In *Literaturnyi kritik*. No. 3, pp. 55–81.

Aleynikov, O. Yu. (2020). Pervyi vecher v Tsentral'nom dome literatorov, posvyashchennyy pamyati Andreya Platonova [The First Night at the Central House of Writers Devoted to the Memory of Platonov]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*. No. 5.

Bakhtin, M. M. (2002). *Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 6* [Collected Works, in 7 vols. Vol. 6]. Moscow, Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, p. 429.

Florensky, P. (1914). *Stolp i utverzhdenie istiny. Opyt pravoslavnoi teoditsei v dvenadtsati pis'makh* [Pillars of Society and Finding the Truth]. Moscow.

Gasparov, B. M. (1993). *Literaturnye leytmotivy. Ocherki russkoi literatury XX veka* [Literary Leitmotives. Essays about Russian Literature of the 20th Century]. Moscow, Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura».

Gurvich, A. (1994). Andrey Platonov [Andrey Platonov]. In Krasnaya nov'. 1937. No. 10; po izdaniyu: Kornienko, N. V., Shubina, E. D. (Eds.). *Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov. Materialy k biografii*. Moscow, Sovremennyi pisatel', p. 384.

Gyunter, Kh. (2000). Lyubov'k dal'nemu i lyubov'k blizhnemu: Postutopicheskie rasskazy Platonova vtoroi poloviny 1930-kh gg. [Love to the Person Far Away and to the Neighbour: Post-utopian Short Stories of Platonov of the Second Half of the 1930s]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «*Strana filosofov*» *Andreya Platonova: Problemy tvorchestva*. *Issue 4*. Moscow, IMLI RAN.

Ilyushin, B. (1937). Porochnaya filosofiya [Erroneous Philosophy]. In *Komsomol'skaya pravda*. September 17.

Khryashcheva, N. P. (2014). Funktsiya «chuzhikh» tekstov v «Chevengure» Andreya Platonova [The Function of Other Writers'Texts in "Chevengur" by A. Platonov]. In Kovtun, N. V. (Ed.). *Krizis literaturotsentrizma. Utrata identichnosti VS. novye vozmozhnosti*. Moscow, FLINTA, Nauka, pp. 346–369.

Kogut, K. S., Khryashcheva, N. P. (2018). *Poetika dramaturgii A. P. Platonova kontsa 1930-kh – nachala 1950-kh godov: mezhtekstovyi dialog* [Poetics of the Dramatic Works of A. Platonov of the late 1930s early 1950s: Intertextual Dialogue]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya.

Kornienko, N. V. (Ed.). (2009). *Arkhiv A. P. Platonova. Kn. 1* [Platonov's Archive. Book 1]. Moscow, IMLI RAN.

Malygina, N. M. (1977). Ideino-esteticheskie iskaniya A. Platonova v nachale 20-kh godov («Rasskaz o mnogikh interesnykh veshchakh») [Ideological-Esthetic Experiments of A. Platonov in the early 1920s (A story about many interesting things)]. In *Russkaya literatura*. No. 4, pp. 158–164; Malygina, N. M. (1994). «Rasskaz o mnogikh interesnykh veshchakh» v kontekste tvorchestva A. Platonova ["A Story about Many Interesting Things" in the Context of the Work of A. Platonov]. In *Andrey Platonov. Mir tvorchestva*. Moscow, pp. 180–192.

Malygina, N. M. (1981). Estestvenno-nauchnye istochniki predstavlenii o prirode Andreya Platonova [Natural-Science Sources of Ideas about A. Platonov]. In *Chelovek i priroda v khudozhestvennoy proze: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Syktyvkar, pp. 49–64.

Malygina, N. M. (2005). *Andrey Platonov: poetika «vozvrashcheniya»* [Andrey Platonov: The Poetics of "Revisiting"]. Moscow, TEIS, pp. 70–94.

Platonov, A. (1937). *Reka Potudan'* [Potudan'River]. Moscow, Sovetskiy pisatel'. 170 p.

Platonov, A. (2004). *Sochineniya. T. 1. Kn. 1: Rasskazy. Stikhotvoreniya* [Short Stories. Poems] / ed. by N. V. Kornienko. Moscow, IMLI RAN.

Platonov, A. (2009). *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 1: Usomnivshiisya Makar* [Collected Works, in 8 vols. Vol. 1: The Doubting Makar]. Moscow, Vremya.

Platonov, A. (2010). *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 4: Schastlivaya Moskva. Ocherki i rasskazy 1930-kh godov* [Collected Works, in 8 vols. Vol. 4: Happy Moscow. Essays and Short Stories of the 1930s]. Moscow, Vremya.

Platonov, A. (2011). *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 8: Fabrika literatury. Literaturnaya kritika, publitsistika* [Collected Works, in 8 vols. Vol. 8. Factory of Literature]. Moscow, Vremya.

Skobelev, V. (2003). «Voskreshayushchaya lyubov' k smertnym» (ot «Fro» k «Reke Potudan'» i «Vozvrashcheniyu»: iz nablyudenii nad poetikoi novelly» [Reviving Love to the Mortals]. In Kornienko, N. V. (Ed.). *«Strana filosofov» Andreya Platonova: Problemy tvorchestva. Issue 5*. Moscow, IMLI RAN.

Solov'ev, V. (1969). *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works, in 10 vols.]. Bryussel'.

Stavsky, V. (1936). Doklad. Diskussiya o formalizme [A Report. Discussion about Formalism]. In *Literaturnaya gazeta*. March 15.

Svitel'sky, V. A. (1999). Iz besed i perepiski s rodstvennikami A. Platonova [From Talks and Letters to the Relatives of A. Platonov]. In *Filologicheskie zapiski*. Voronezh.

Usievich, E. (1938). Razgovor o geroe [A Talk about a Hero]. In *Literaturnyi kritik*. No. 9–10, pp. 154–188.

Vaksberg, A. (1999). *Gibel'Burevestnika* [Death of a Stormbringer]. Moscow, Terra Sport.

Vanyukov, A. (2003). Sbornik rasskazov «Reka Potudan'» kak epicheskoe tseloe [A Collection of Short Stories "Potudan River" as Epic Whole]. In Kornienko, N. V. (Ed.). *«Strana filosofov» Andreya Platonova: Problemy tvorchestva. Issue 5*. Moscow, IMLI RAN, p. 572.

Данные об авторе

Малыгина Нина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а.

E-mail: ninmal@yandex.ru.

Author's information

Malygina Nina Mikhaylovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Leading Researcher at Institute of World Literature Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

УДК 821.161.1-3 (Платонов А.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-04.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

ОЧЕРК «ЧЕ-ЧЕ-О». СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АВАНТЕКСТА

Алейников О. Ю.
Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)
ORCID ID: https//orcid.org/0000-0001-5500-6918

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется насущной потребностью изучения литературного наследия А. Платонова, многочисленных проблем, связанных с теорией и практикой научного комментирования его произведений в свете новейших публикаций, источниковедческих открытий, текстологических и биографических фактов. Особое значение для телеологии стиля писателя и характерной для его творчества «поэтики возвращения» (термин Н. М. Малыгиной) приобретают произведения, созданные в переходные эпохи. Стратегии «письма» А. Платонова-художника и публициста, в конце 1920-х – начале 1930-х гг., реализованные в имплицитной и открытой полемике с эстетическими декларациями, догматическими пропагандистскими установками, в современной науке постигаются разными способами, в том числе в ходе анализа семантических ресурсов, заложенных в рукописях.

В статье изучается специфика актуализации, отбора, осмысления, эдиционной репрезентации креативных и сематических ресурсов авантекста на примере очерка «Че-Че-О», опубликованного А. Платоновым совместно с Б. Пильняком в редакции «перемонтированной», существенно отличавшейся от первоначальной. Новизна статьи определяется предложенным подходом к объекту исследования. Выясняется аксиологическая роль автобиографического дискурса для формирования авантекста и значение «воронежского текста» для реализации окончательного замысла. Уточняются линии творческого притяжения, благодаря которым стало возможно сотрудничество писателей, понимавших по-своему природу очеркизма, использовавших разный арсенал композиционных приемов. В исследовании выявляются важнейшие составляющие творческого замысла, рассматриваются переосмысленные А. Платоновым источники, в том числе труды А. Богданова, изучаются разнообразие и многовекторность дискурсивных практик, сравниваются семантически значимые эпизоды, представленные в рукописи и в опубликованном тексте, анализируются интертекстуальные связи и их роль в разных редакциях произведения.

Ключевые слова: литературное наследие; Андрей Платонов; очерк; авантекст.

THE ESSAY “CHE-CHE-O”: SEMANTIC RESOURCES OF THE AVANTEXT

Oleg Yu. Aleynikov
Voronezh State University (Voronezh, Russia)
ORCID ID: https//orcid.org/0000-0001-5500-6918

Abstract. The urgency of the research topic can be attributed to the acute need to study the literary heritage of A. Platonov and numerous problems related to the theory and practice of scientific interpretation of his works in the light of the latest publications, source discoveries and textual and biographical facts. Of particular importance for the teleology of the writer’s style and the ultra-textual “poetics of revisiting” characteristic of his writing (the term coined by N. M. Malygina) are the works created in transition epochs. The strategies of A. Platonov’s writing as an artist and publicist, realized in the late 1920s – early 1930s in an implicit and open polemic with aesthetic declarations and dogmatic propaganda aims, in modern science are interpreted in various ways, including analysis of the semantic resources inherent in the avantexts.

The article deals with the specific features of actualization, selection, comprehension, and editing representation of creative and semantic resources of avantext on the example of the essay “Che-Che-O”, published by A. Platonov in collaboration with B. Pilnyak in a “reassembled” edition, which significantly differed from the original one. The novelty of the article is determined by the proposed approach to the object of research. The study reveals the axiological role of autobiographical discourse for the formation of the avantext and the significance of the “Voronezh text” for the implementation of the final plan. It also discovers the lines of creative attraction, due to which writers with different understanding of the nature of essay writing and possessing personally specific

© О. Алейников, 2021

composition techniques could cooperate. The study identifies the most important components of the creative idea, examines the sources reinterpreted by A. Platonov, including the works of A. Bogdanov, investigates the variety and multi-vector nature of discursive practices, compares the semantically significant episodes presented in the original manuscript and in the published text, and analyzes the intertextual connections and their role in different editions of the work.

Keywords: literary heritage, Andrey Platonov, essay, avantext.

Для цитирования: Алейников, О. Ю. Очерк «Че-Че-О». Семантические ресурсы авантекста / О. Ю. Алейников. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 56–66. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-04.

For citation: Aleynikov, O. Yu. (2021). The Essay "Che-Che-O": Semantic Resources of the Avantext. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 56–66. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-04.

В 1988 году Мария Андреевна Платонова согласилась напечатать «Областные организационно-философские очерки» в третьем номере журнала «Молодой коммунист» по рукописи, сохранившейся в семейном архиве. Публикация напомнила о событиях лета 1928 г., когда Платонов приступил к работе над очерком, но лишь в декабре, после долгих согласований и возражений, текст, «перемонтированный» и отредактированный Б. Пильняком, был опубликован в «Новом мире» под названием «Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)» [Платонов, Пильняк 1928: 258].

Несколько волн ожесточенной критики, направленной против авторов произведения, драматично отложились в творческой биографии А. Платонова.

Поставленные в очерке проблемы были созвучны «чевенгурским», но – в соответствии с природой «оперативного жанра» – они касались событий, происходивших летом 1928 года – районирования, не учитывающего исторически сложившихся границ регионов, неудачных хлебозаготовок, чрезвычайных мер, предпринятых для сбора зерна, активизации борьбы с «внутренним и внешним врагом». Об усилении классовой борьбы в современных условиях говорилось в сталинской статье «Против опошления лозунга самокритики» («Правда». 1928. 26 июня). 9 июля того же года в речи на пленуме ВКП(б) «Об индустриализации и хлебной проблеме» Сталин выдвинул лозунг обострения классовой борьбы в период построения социализма [Сталин 1955: 157–187].

Актуальные партийные постановления отразились в речи персонажей очерка, где упоминались «враги на шахтах», «полоса самокритики» и т. п., однако платоновские «опытные мастеровые», говорящие эмоционально и образно, официальную пропаганду понимали по-своему. Бывший крестьянин, «Филипп Павлович показал газету, там нарисованы были два пролетарских сапога, которые хотели растоптать попа и толстого лавочника.

– Не понимаешь? – сказал Филипп Павлович. – Поп, – ну, какой он нам нынче враг? – соринка! Лавочник, – да его и давить-то нечего: открой лишний кооператив, и лавочнику – гробик еловый!.. Другие враги теперь родились, вон, например, на шахтах и еще в прочих губерниях» [Платонов, Пильняк 1928: 256].

Федор Федорович, «ветеран железнодорожных мастерских», указывал на истинные причины генеральной административной реорганизации, объявленной строительством новой жизни, и подсказывал альтернативы: «При диктатуре пролетарьята, я так полагаю, при советской власти дорог бояться не надо. К социализму надо идти – по пути трудному, а которые себя облегчают в дороге, – грош тому цена. При пролетарской диктатуре всякие организации есть дело второстепенное и низкое. Первостепенно надо: делать вещи, покорять природу и – самое главное – искать дороги друг ко другу. Дружество и есть коммунизм. Он есть как бы напряженное сочувствие между людьми» [Платонов, Пильняк 1928: 255].

В рукописной редакции к этим выводам приходил рассказчик, выстраивая свои рассуждения по ассоциации с тем, что видит в губернском городе, ставшем областным центром. Но литературную критику не интере-

совали «неудобные факты». Непримиримой была позиция журнала «На литературном посту», обвинившего Б. Пильняка и А. Платонова в создании «памфлета против социалистического строительства» [<Передовая> 1929: 4]. В том же номере журнала обозреватель, скрывшийся за инициалами, писал о «пагубном» влиянии на Платонова создателя «Голого года»: «Весь очерк занят рассуждениями Федора Федоровича или самих авторов, тоже недалеко от своего «философа» ушедших. <…> Картина получается достаточно ясная. Мы думаем, что Федор Федорович, несмотря на свое засвидетельствованное писателями сугубо рабочее происхождение, выявляет не нестроения той или иной группы пролетариата, а, в сущности, реакционные настроения некоторых иных социальных групп. И происхождение у него, быть может, не столько социальное, сколько литературное… В бытовом плане он очень походит на рабочих-чудаков, влюбленных в машину и чуждых общественности, показанных в рассказах Платонова, а по своим высказываниям в этом очерке (кстати сказать, без сотрудничества Пильняка рабочие Платонова говорили совсем иные вещи) Федор Федорович показывает хорошее знакомство с некоторыми произведениями и выступлениями Б. Пильняка» [Н. Н. 1929: 69].

О «школе Пильняка» говорил еще Ю. Тынянов в статье «Литературное сегодня» (1924). После выхода «Че-Че-О» В. Ермилов охарактеризовал «школу Пильняка» как идеологически вредное явление, усмотрев в интересе прозаика к творчеству молодых писателей стремление создать группу, враждебную социализму: «К этой школе следует причислить молодого писателя А. Новикова, напечатавшего во 2-й книжке „Красной нови“ за текущий год сатирическую повесть „Происхождение туманностей“. <…> Андрей Новиков в <…> повести выступает как органический продолжатель того дела, которое начато Пильняком <…> в его очерке о Ц. Ч. О., написанном совместно с А. Платоновым <…> Огромная, напряженная и труднейшая работа по районированию, являющаяся не чем иным, как работой по социалистическому строительству, представлена авторами очерка <…> как бюрократическая вакханалия организационного безумия, душащего личность, – но здесь, в связи с участием в очерке А. Платонова, центральный образ конкретизируется как образ душевного русского „мастерового“ с чертами мещанского добродушного анархизма, – образ, кстати сказать, вообще характерный для творчества Платонова (несомненно, очень одаренного молодого писателя, для которого – в отличие от других молодых писателей – его сотрудничество с Пильняком было, по всей видимости, лишь кратковременным эпизодом» [Ермилов 1929: 67].

«Миф об ученичестве Платонова у Пильняка» [Малыгина 2018: 103] – спустя много лет – освещался в специальной литературе. Согласимся с тем, что «прикосновение художника к произведениям писателя-современника всегда исполнено смысла» [Свительский 1976: 23]. Имеют значение взаимопритяжение, полемика, взаимовлияние [Малыгина 2016: 95–115; Анпилова 2019: 154–155].

Работа Б. Пильняка в соавторстве с А. Платоновым едва ли была вызвана случайным стечением биографических и житейских обстоятельств: «Подпись старшего товарища под «Че-Че-О» говорит об известной солидарности во взглядах, о единстве оценок в тот момент» [Свительский 1998: 38]. В платоновском творчестве автора «Голого года», очевидно, привлекали незаемное знание провинциальной жизни, стремление вглядываться в современность с «позиций Большого времени» [Хрящева 1998: 167–225]. Опыт А. Платонова, соединявшего в повествовании о поездке в родной город интонации проблемно-познавательного, мемуарно-биографического и путевого очерка, философского эссе и фельетона, мог заинтересовать старшего по возрасту писателя не только возможностями композиции, но и новым пониманием очеркизма – разновекторной дискурсивностью, охватывающей газетные лозунги и авторскую «осердеченную» публицистику, «откровения» советских госслужащих и афористически звучащие высказывания воронежских рабочих – казенные слова и «живые свидетельства», услышать которые в жизни и воспроизвести в пространстве публицистического текста удавалось немногим участникам литературного процесса.

Б. Пильняк, признанный «одним из самых талантливых писателей» советской России,

не часто становился объектом критики в изданиях «попутчиков». Но в 1927 году В. Полонский напечатал в «Новом мире» статью «Шахматы без короля (О Пильняке)» – одну из лучших своих работ по глубине анализа стиля и поэтики писателя, неопровержимой точности замечаний. Он приветствовал появление у Б. Пильняка книги о «настоящей, а не сочиненной русской земле» [Полонский 1988: 147]. Однако в 1928 году (и позже) за грубые фактические ошибки, сделанные в очерках «Красное Сормово» (Новый мир. 1928. № 7) и «Сясьский комбинат» (Известия. 1928. № 64), Б. Пильняка критиковали, невзирая на былые заслуги [Воловник 1928: 7]. Автор книги «Россия в полете» экспериментировал, стремясь понять, каким может быть современный очерк. Повествование о поездке в Центрально-Черноземную область, заострившее несовпадения между начерченной на бумаге территорией и непридуманной черноземной землей Придонья, отвечало «тактическим» и творческим планам прозаика, продолжавшего искать «ключи» «к русской действительности» [Полонский 1988: 147] и к новой манере письма.

Заголовочный комплекс. В наши дни одной из недостаточно отрефлексированных исследовательских задач является изучение семантических ресурсов «авантекста» (это понятие, предложенное в 1970-е годы сторонниками генетической критики, в ряде современных работ используется «вне исследовательской идеологии этой школы» [Вьюгин 2009: 569]). Под авантекстом понимается рукопись, раскрывающая формирование и специфику авторского замысла. По свидетельству А. Платонова, именно с рукописным источником работал его соавтор: «Б. Пильняк лишь перемонтировал и выправил очерк по моей рукописи» [Платонов 1929: 14 окт.].

В редакции, опубликованной в «Новом мире», сохранен подзаголовок «Областные организационно-философские очерки», перенятый из авантекста. Вступая в диссонанс с «просторечным» «Че-Че-О», «наукообразная» конкретизация названия подсказывает важнейшую составляющую замысла – «сатирическую иронию, набирающую силу» в произведении [Свительский 1998: 39].

А. Платонов дорожил стилистической «несогласованностью», выявляющей противоречия между реальностью и умозрительным ее восприятием. Показательно, что в заголовочном комплексе и в повествовании очерка откликаются идеи и формулировки экономиста и философа А. А. Богданова (1873–1928), создателя и пропагандиста «организационной философии» и «всеобщей организационной науки» – «тектологии» [Богданов 2003: 117, 112]. «Очерки организационной науки» выходили в журнале «Пролетарская культура» за 1919–1921 годы (№ 7–20) – тогда А. Платонов, публицист и начинающий прозаик, зачитывался работами ученого.

Отголоски богдановских идей различимы и в более поздних произведениях писателя [Толстая-Сегал 1994: 53–56]. В очерке «Че-Че-О» на это указывает подзаголовок, созвучный «организационной философии». В авантексте – название. Ряд положений «Тектологии», оперировавшей статистическим, обобщающе-описательным и абстрактно-аналитическим методами, в «Областных организационно-философских очерках» вовлекаются в полемический контекст. Распространяя свою теорию на естественные и гуманитарные науки, А. А. Богданов считал, что тектологические обобщения «должны отвлекаться от конкретности элементов, скрывать эту конкретность под безразличными символами» [Богданов 1989: 128].

В платоновской рукописи эти умозаключения переосмыслены: «Смутили меня те, которым необходим отдых, – это были не рабочие и не средние служащие, а явный бюрократический актив, умеющий пластическим путем фильтроваться сквозь государственные трущобы в страны, не для него завоеванные. Целиком возможно, что это лишь правда моего вагона, а не всеобщая горестная истина. Но не нужно увлекаться той правдой, о которой можно сказать, что она существует лишь в „общем и целом“, а руками и очами ее проверить нельзя. „Общая и целая“ – это среднеарифметическая правда, меня же интересует исключительно насущная и конкретная» [Платонов 2020: 7].

Полемические отношения между «прежним» и «новым» знанием, спор рассказчика с возможными «оппонентами» о «среднеа-

рифметической правде» отсутствуют в редакции, опубликованной «Новым миром». Исполненные сарказма рассуждения о «правде моего вагона» в «Че-Че-О» трансформируются в повествование, маркированное ироническими аттестациями и комическими деталями: «Наглядным опытом, через окна вагонов, знал Федор Федорович, что еще с самой ранней весны, почти сейчас же после снега, самый главный пассажир, который едет мимо Воронежа на Кавказ, есть – отдыхающий. Уверял Федор Федорович, что эти нарицательно называемые отдыхающие, едущие по курортам, ни есть ни рабочие, ни средние служащие, а явный бюрократический актив, вооруженный секретареподобными женами или женоподобными секретарями, умеющий пластическим путем фильтроваться сквозь государственные трущобы в страны, не им и не для него завоеванные в 1920 году» [Платонов, Пильняк 1928: 252].

В «Тектологии» А. А. Богданова важное место отводилось «подвижному равновесию систем»: «Всякая организованная система, – утверждал ученый, – в том числе <…> организация общества сохраняется постольку, поскольку ее затраты и потери энергии уравновешиваются усвоением энергии извне; а расти и развиваться может, естественно, лишь постольку, поскольку первые перевешиваются вторыми [Богданов 1989: 260].

Иронизируя над «организационной силой», прибывающей в областной центр, платоновский рассказчик соотносит происходящее с этой теорией: «Уже на платформе вокзала чувствовалось некое напряжение, явно сверх губернского масштаба. Ничего еще не было видно, дома стояли прежние, площадь двух колосьев не давала трех, а люди уже авансом тратили свою энергию, надеясь на увеличение урожая от слияния четырех губерний в монолитное тело области. Ничего еще не было, а уж организационная сила была» [Платонов 2020: 15].

Судьба идей А. А. Богданова, скончавшегося в 1928 году, не обойдена вниманием в рукописи и в отредактированном тексте. Слово «равновесие», знаковое для теории ученого, вместе с сигаретами навязывает собеседникам «полный москвич» (в отредактированном тексте – «величественный москвич»), возражая против наступившей «полосы самокритики» «сверху донизу, снизу доверху»: «Мы никак не привыкнем к равновесию… Я бы сейчас главным лозунгом объявил равновесие мероприятий. А то посмотрите, что выходит – не самокритика, а самобичевание…» [Платонов 2020: 11].

В дальнейшем повествовании слово «равновесие», перенятое у автора «Тектологии», утратив свое терминологическое значение, используется как «резолюция на все беды» [Платонов 2020: 11, 12], (в опубликованной редакции – как резолюция «на все местные беды» [Платонов, Пильняк 1928: 254]). Таким образом сформулирован итог демагогических манипуляций с плодами «организационной философии», увлекавшей А. Платонова в разные годы.

Говоря об источниках названия очерка, отметим, что у ЦЧО и Че-Че-О был более благозвучный дореволюционный аналог: Центральная Черноземная область, охватывающая Калужскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую губернии. Об этой части страны с указанием рубежей губерний подробно рассказывалось в популярной серии «Живописная Россия», выходившей в 1881–1901 годах как бесплатное приложение к столичному журналу «Новь» [Живописная Россия 1900]. В императорской России Центральная Черноземная область – это географическое, историческое, экономическое, этнографическое, а не административное понятие, появление которого в советском лексиконе сопровождалось изменением очерченных прежде границ, ставших непривычными для жителей губерний, расположенных севернее и западнее учрежденного территориального образования. Новые «реалии» иронично обыгрываются в эпизоде с архивариусом, сокращенным в одном из рязанских уездов:

«– Говорят, здесь сразу кончаются суглинки и подзолы и начинается сплошная чернота почвы, то будто и есть че-че-о.

– Какая че-че-о?

– Ну, стало быть, черноземная область: говорят – она больше Англии и чуть меньше европейских держав, а вот межи никак не видно, а на плане я сам видел ровную черту» [Платонов 2020: 8].

В напечатанном тексте «этимология» и реальный смысл названия становятся предметом специального разъяснения: «Надо объяснить заглавие организационно-философских наших очерков. Были мы, изучали мы в ЦЧО – в Центральной Черноземной Области, вновь организующейся. ЦЕ-ЧЕ-О по воронежскому говору выговорить трудно, – говорят ЧЕ-ЧЕ-О» [Платонов, Пильняк 1928: 249].

Сделаны эти уточнения явно по инициативе Б. Пильняка, отстранившегося от местного «говора». В опубликованной редакции эпизод о поиске границ «этой Че-Че-О» был сохранен, но значительно перемещен от начала действия.

Поиск целесообразности и здравого смысла. С первых же слов в платоновской рукописи не принимается легковесный очеркизм. Авторская ирония распространяется на «сочинителей», соединявших социальную проблематику с описанием красот природы: «Пишут, что хорошо выезжать из Москвы, потому что, дескать, сразу окунаешься в травяную русскую природу и в советские массы. Я того не чувствовал – мне отовсюду грустно уезжать, везде, на любом географическом месте, в жизнь и в людей ввязываешься сердцем и отвязываться нет желаний» [Платонов 2020: 7].

И далее высмеиваются нелепые приемы – метафора, передающая яркий свет летнего солнца, подбирается на языке электрика, а уборочные работы, мелькающие за окном, показаны глазами «человека пишущего» – чиновника, далекого от забот аграриев и воспринимающего увиденное в соответствии со своими профессиональными привычками: «Солнце освещало мир, как электричество служебную залу, где люди, по убеждению ряжского архивариуса, должны находиться в служебном состоянии. Он глядел на огороды – там земледельцы сидели на корточках и что-то быстро перебирали руками, словно листовали дело в канцелярии» [Платонов 2020: 8].

Дискурс «разъездных корреспонденций» пародировался А. Платоновым двумя годами ранее в статье «Фабрика литература»: «Бродит этот человек чужеземцем по заводам, осматривает электрические централи, ужасается обычному, близорукий на невнятно великое, потом пишет сантиментально, преувеличенно, лживо, мучаясь и стеная о виденных кроках и ошурках жизни, сознавая потенциальное существование больших караваев высокой питательности. Получаются разъездные корреспонденции, а не художество. Получается субъективное философствование „по поводу“, а не сечение живого по „АВ“ с проекцией плоскости сечения в неминуемую судьбу этого „живого“ <…>» [Платонов 2011: 46].

В «Областных организационно-философских очерках» у рассказчика, внимательного к «убыточной правде» и причинам оскудения жизни, «субъективное философствование» подчинено поиску целесообразности и здравого смысла (в этом состояла главная задача поездки, а не в «изучении бюрократизма ЦЧО и ознакомление с массами», как будет дописано при переделке произведения к печати) [Платонов, Пильняк 1928: 249].

Формальным «поводом» для размышлений об идущем на юг составе, простоявшем на станции дольше, чем требуется, о «старых паровозных машинистах», лишь «по виду небрежных», но хорошо знающих, что «машина не терпит к себе неопределенных любительских отношений», является ускорение хода движения: «машинист, поскучав на ненужных стоянках, гнал поезд по равномерных равнинах к той узловой станции, где предстоит смена паровозной бригады» [Платонов 2020: 9].

Однако, если учесть контекст повествования, смысл рассуждений рассказчика значительно превышает само «событие»: «под колесами поезда проскакивали границы губерний, уездов, райвиков, распространения власти сельсоветов, районы тяготения к ссыппунктам и элеваторам, сферы уполномоченных по расширению площади посевов сахарной свеклы, наконец, различные профсоюзные линии, разграничивающие скрещивающиеся влияния райкомов, райуполномоченных, разъездных инструкторов и прочих деятелей, организующих труд» [Платонов 2020: 9].

Аналогия весьма прозрачна: в работе машиниста и в управлении советским государством (а паровоз был его узнаваемым символом) требуются не новые инструкции, предписания, размежевания полномочий, а слаженная работа, глубокие знания и опыт. В дальнейшем повествовании рассуждения о «генеральном организационном размеже-

вании», нецелесообразном и губительном, чередуются с описанием ненужных простоев в движении состава: «В Козлове мы стояли больше по регламенту, чем по необходимости <…> поезд не шел – единственно из-за того, чтобы отстоять свое время ради точности расписания» [Платонов 2020: 10].

В «перемонтированном» тексте аллюзивная аналогия «паровоз – государство» заменена на добавленную в текст прямую публицистическую параллель «революция – паровоз». «И Федор Федорович сказал:

– Революция, – как паровоз. И революционеры должны быть машинистами» [Платонов, Пильняк 1928: 258].

При этом – в результате перестановки размышлений о работе «поездного машиниста» из начала произведения в финал (эпитет «старый» был вычеркнут) – изменилась целевая установка всего текста: вместо диагностики заорганизованности и сбоев в работе железной дороги и государственной машины, требующих исправлений, была предложена «версия» рабочего-ветерана об опасности бюрократизма: «Поезд подходил к станции, тормоза втугачку схватили разыгравшиеся колеса, под вагоном колыхнули вагон стрелки и крестовины станции.

– Вот, слышите, – сказал Федор Федорович. – Ведь если бумажного суслика пустить на паровоз, он поставит там наблюдателя к машинисту. Он втугачку зажмет колеса, из-за бюрократической предосторожности, – колеса революции, и при нем, чего доброго, до социализма доедешь немного позже того момента, когда сам паровоз, ведущий историю, сгорит от форсированной работы, таща поезд волокитой на зажатых тормозах» [Платонов, Пильняк 1928: 258].

В авантексте к этим выводам приходил рассказчик, направляясь в областной центр.

Значительная часть авторской программы А. Платонова, приглушенной и/или искаженной в тексте, опубликованном в 1928 году, предлагалась в рукописи. Основная часть ее публицистической адресации прямого воздействия была направлена на современность, повторявшей ошибки, совершенные в годы военного коммунизма. «Областные организационно-философские очерки» содержат существенные семантические (и текстуальные) переклички с романом «Чевенгур»: «Эти люди, оказывается, строили в черноземных краях новый мир – Центрально-Черноземную Область…» [Платонов 2020: 10]. «Я ходил по городу, читал вывески и думал о том немощеном адовом дне, по которому сейчас, босая и шагом, идет революция» [Платонов 2020: 17] и др.

Большое значение для писателя имели и более далекие исторические параллели, и «география родных мест», воскрешающая в памяти автобиографические подробности. Показательно, что А. Платонов предпринял частичную ревизию прежних творческих установок, основанных на травестировании агиографического «трафарета» [Алейников 2009: 50–57]. В «Областных организационно-философских очерках» вместо переиначенных в «Городе Градове» имен «святых» и «затворников» отдается должное воронежским архипастырям, особенно – Митрофану Воронежскому и Тихону Задонскому, принимавших участие в экономическом и духовном развитии края: «Вслед за последними угодниками – Митрофанием Воронежским и Тихоном Задонским – явился Петр Первый, угодник европейской технической цивилизации. Митрофанию Петр был современником, и я в детстве видел золотую карету, хранимую монастырем, в которой царь и святой ездили вместе на воронежскую кораблестроительную верфь. В раннем же детстве я жил в Задонске и слышал от деда, через мать, что некогда в Задонск приезжал Достоевский – посмотреть на знаменитый монастырь, где жил Тихон Задонский, сокровище души Достоевского, как он сам об этом потом писал» [Платонов 2020: 13].

Роль автобиографического дискурса для формирования авантекста и значение «воронежского текста» для реализации окончательного замысла отчасти были предопределены статьей «Фабрика литература», в которой говорилось: «…социальный материал может быть только уже литературным полуфабрикатом, поскольку свежие губы народа редко изрекают междометия или формулируют понятия, а дают явлениям некоторый конкретно-словесный образ, поскольку происходит чувственно-ассоциативная реакция, поскольку народ живой человек» [Платонов 2011: 50].

Рассказанное матерью предание о Тихоне Задонском и духовной связи святого старца с Ф. М. Достоевским (в Задонск, кстати, не приезжавшем [Корниенко 2019: 86]), сбереженный в памяти образ почти сказочной кареты, доставлявшей Митрофана Воронежского и Петра I на строительство кораблей (ее изображение на дореволюционной открытке дошло до наших дней), в сущности, были для А. Платонова эмоциональной «ассоциативной реакцией», соединяющей народный взгляд на прошлое с личным жизненным опытом. Писатель не идеализировал былое: Епифаньевские шлюзы, неудачно спроектированные при Петре, недостроенный им канал от Дона до Оки, многовековое бедственное положение крестьян, пополнивших в годы столыпинской реформы ряды «отходников в города и Донбасс», а затем «пришедших в революцию», – все это отражено в историческом экскурсе. Тем очевиднее параллели между «русским Амстердамом», городом, ставшим «степной колыбелью русского флота», и областным центром, главным «достижением» которого является борьба с «губернской ограниченностью» и религией: «в газете <…> были снимки зданий будущих облисполкома, облпрофсовета и прочих емких помещений. Я вгляделся в фотографии: может быть, в камнях есть областная архитектурная стройность, либо отпечатки ума и организационного уменья. Затем шли портреты туземно-областных вождей, карта области и заметка об арженской фабрике грубых сукон (в Тамбовской губернии), чтобы газета больше походила на областной орган и не страдала губернской ограниченностью. В хронике отмечалось выступление тов. Терентьева в споре с архиереем. <…> В остальном содержании газета занималась всемирно-историческими вопросами, словно ей было мало той территории – больше Британского королевства, – превращению которой в социалистический кусок она призвана помогать» [Платонов 2020: 15–16].

В напечатанном за двумя фамилиями произведении детские воспоминания о «Воронеже и окрестностях» исключены, имя св. Митрофана, как и его участие в проектах государства, не упоминаются. В отредактированном Б. Пильняком тексте Петру I уже не приписывается «роль родоначальника лесов местного значения» [Платонов 2020: 14].

Поиск целесообразности и здравого смысла распространялся А. Платоновым не только на современность, но и на историческое прошлое, однако в отредактированном и опубликованном тексте эта стратегия письма была существенно редуцирована.

«Новизна целого – в расположении читаемого» (Ж. Деррида). В воронежский текст, сформированный разными факторами, в том числе присутствием в памяти многих литературных поколений общечтимых святых и Петра Великого, «Областные организационно-философские очерки» не могли полноценно войти из-за редакции, опубликованной в 1928 году. Б. Пильняку явно непросто удавалось исключить органично соединенный с основным повествованием исторический экскурс, чтобы защитить произведение от возможных запретов цензуры.

«Мастер монтажа» пошел на значительные сокращения и привычное для него «обнажение приема», но в данном случае сам прием больше походил на редакторские замечания. В составленной Б. Пильняком и включенной в текст очерка «исторической справке», извлеченной из «пыли веков» [Платонов, Пильняк 1928: 251], рефреном множатся оговорки: «для нас это не важно», «обстоятельство для нас не очень важное», «но и это не важно нам»: «Проходит тут видная от Митрофаньевского монастыря древняя дорога из варяг в греки – Калмиюсская Сакма, обстоятельство для нас не очень важное, ибо нечего поминать нам о варягах. Было в этих местах много разных святых, один из них, Тихон Задонский, был даже приятелем русской литературы, – приятельствовал с Федором Михайловичем Достоевским, – но и это не важно нам» [Платонов, Пильняк 1928: 251].

Деятельность Петра I, напротив, не только не умаляется, но и преподносится иначе, чем в рукописи: исключены аттестация Петра как «угодника европейской технической цивилизации», упоминания о проводимой по его указу безжалостной вырубке леса удалены. Очевидно, сказалось здесь и «любовь Пильняка к историческим, „эпохальным“ параллелям и аналогиям» [Ермилов 1929: 64],

и тактические соображения, связанные с подцензурным способом письма.

«В области композиции за Пильняком не числится больших побед, как бы интересны ни были его отдельные эксперименты», – отмечал В. Полонский в статье «Шахматы без короля» [Полонский 1988: 139–140]. Но по сравнению с «линейным» изложением событий у монтажной композиции, использованной в очерке «Че-Че-О», были и преимущества.

Отход от правил линейного повествования позволил отчетливее соотнести эпизоды, значимые для понимания новой «организационной философии». Монтаж приводил к изменению векторов дискурсивности, перестановке семантически значимых эпизодов и – соответственно – к изменению их композиционной оценочности и функциональной роли. Так, например, посиделки мастеровых, говорящих «иносказательно, но точно» о наболевшем, в опубликованной редакции намного резче контрастируют с застольем советских чиновников, обсуждавших с «административной яростью» свои карьерные планы и денежные расчеты. Вместо поезда, где происходят разговоры и встречи со случайными попутчиками, застолье и полемическая беседа чиновников были перенесены «на грешную землю» – в город, где проводится административная реформа. Это обстоятельство придавало эпизоду особую концептуальную роль, акцентированную композицией.

Кроме того, монтажная композиция приводила к манифестации соавторства, нарочитой «диффузии» жанра. В разнообразии очерковой прозы редакторы выделяли две разновидности жанра: очерк мемуарный и очерк организаторский. Считалось, что мемуарный очерк – это «повествование о непосредственно наблюдаемых автором подлинных явлениях жизни (тем более таких, в которых он участвовал). Такой очерк нельзя писать <…> посредством фантазии или по слухам, по догадкам или предположениям. Нужно встать в непосредственное соприкосновение с жизнью <…> – тогда можно писать очерк. В центр очерка выдвигается сам очеркист: описывая, он свободно отдается воспоминаниям, которые приносят ему именно эти, а не иные подробности и факты. Такой очерк представляет собой разновидность мемуаров с их характерными особенностями: биографизмом, кусочной конструкцией, несрочностью издания <…>. Во втором случае очеркист выступает как организатор определенного отрезка социальной жизни» [Перцов 1930].

Исследование семантических ресурсов авантекста позволило установить: в результате монтажа, сокращений и других изменений произошло «расслоение очерка». Мемуарно-биографическая составляющая была сведена к минимуму, но применена «кусочная конструкция», отчасти напоминающая «путевые заметки», «листки из дневника», востребованные в «Новом мире». Изменения, внесенные в рукопись, способствовали литературной мистификации (до настоящего времени не выявлены документы, подтверждающие поездку в Воронеж летом 1928 года не только Б. Пильняка, но и А. Платонова) и обеспечили возможность публикации «Че-Че-О» как очерка «организационного», соединенного с философским обобщением событий.

Литература

Алейников, О. Ю. Специфика подцензурного повествования в очерке А. Платонова «Житель родного города» / О. Ю. Алейников // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2017. – № 2. – С. 91–98.

Алейников, О. Ю. Специфика травестирования церковного канона и агиографического «трафарета» в повести А. Платонова «Город Градов» / О. Ю. Алейников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 4. – С. 50–57.

Анпилова, Л. Н. Русская версия экспрессионизма: проза Бориса Пильняка 1920-х годов / Л. Н. Анпилова. – СПб. : Нестор-История, 2019. – 244 с.

Богданов, А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука) : в 2-х кн. Кн. 1 / А. А. Богданов. – М. : Экономика, 1989. – 304 с. – (Экономическое наследие).

Богданов, А. А. От философии к организационной науке / А. А. Богданов // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 112–118.

Воловник, М. <Письмо в редакцию> / М. Воловник // Читатель и писатель. Еженедельник литературы и искусства. – 1928. – 14 апр.

Вьюгин, В. Идеальная текстология (Несколько замечаний к теории и практике критики текста) / В. Вьюгин // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 550–569.

Грякалова, Н. Ю. Мир письма (Человек пишущий в прозе Бориса Пильняка 1920-х годов) / Н. Ю. Грякалова // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения. – М. : Наследие, 1995. – С. 81–90.

Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида ; пер. с фр. А. Гараджи, В. Лапицкого. – СПб. : Академический проект, 2000. – 432 с.

Ермилов, В. Буржуазная и попутническая литература / В. Ермилов // Ежегодник литературы и искусства на 1929 год. – М. : Изд-во Коммунистической академии, 1929. – С. 48–81.

Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. VII, ч. I: Центральная Черноземная область. – СПб. : Товарищество М. О. Вольф, 1900. – 308 с. – (Бесплатное приложение к журналу «Новь»).

Корниенко, Н. В. Академический Платонов: О комментировании некоторых автобиографических сюжетов / Н. В. Корниенко // Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции : сб. трудов. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. – С. 84–92.

Малыгина, Н. М. Роль Бориса Пильняка в писательской биографии Андрея Платонова / Н. М. Малыгина // AvtobiografiЯ. – 2016. – № 5. – С. 95–115.

Малыгина, Н. М. Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артём Весёлый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман / Н. М. Малыгина. – СПб. : Нестор-История, 2018. – 590 с.

Н. Н. Библиография. По журналам // На литературном посту. – 1929. – № 1. – С. 65–71.

<Передовая> // На литературном посту. – 1929. – № 1. – С. 1–6.

Перцов, В. Расслоение очерка (Очерк организаторский и очерк мемуарный) / В. Перцов // Литературная газета. – 1930. – 3 февр.

Платонов, А. Фабрика литературы (О коренном улучшении способов литературного творчества) / А. Платонов // Платонов А. Фабрика литературы Литературная критика, публицистика. – М. : Время, 2011. – С. 45–56.

Платонов, А. Областные организационно-философские очерки / А. Платонов // Платонов А. Сочинения. Т. 4. Кн. вторая. 1928–1932. Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи. – М. : ИМЛИ РАН, 2020. – С. 7–22.

Платонов, А. Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки) / А. Платонов, Б. Пильняк // Новый мир. – 1928. – № 12. – С. 249–258.

Платонов, А. Против халтурных судей (Ответ В. Стрельниковой) / А. Платонов // Литературная газета. – 1929. – 14 окт.

Полонский, Вяч. Шахматы без короля (О Пильняке) / Вяч. Полонский // Вяч. Полонский. О литературе. – М. : Советский писатель, 1988.

Свительский, В. А. Нормы критики и практика художника (А. Неверов о Б. Пильняке) / В. А. Свительский // Проблемы истории критики и поэтики реализма : межвузовский сборник. Вып. 3. – Куйбышев : Куйбышевский государственный университет, 1978. – С. 23–38.

Свительский, В. А. Наш союзник Андрей Платонов / В. А. Свительский // Литературное обозрение. – 1987. – № 10. – С. 101–103.

Свительский, В. А. Андрей Платонов вчера и сегодня. Статьи о писателе / В. А. Свительский. – Воронеж, 1998. – 156 с.

Сталин, И. В. Сочинения. Т. 11 / И. В. Сталин. – М. : Государственное изд-во полит. лит-ры, 1955. – 381 с.

Толстая-Сегал, Е. Идеологические контексты Платонова / Е. Толстая-Сегал // Андрей Платонов. Мир творчества. – М. : Современный писатель, 1994. – С. 47–83.

Хрящева, Н. П. «Кипящая вселенная» Андрея Платонова: Динамика образотворчества и миропостижения в сочинениях 20-х годов : монография / Н. П. Хрящева. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т ; Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 1998. – 323 с.

References

Aleinikov, O. Yu. (2013). Spetsifika travestirovaniya tserkovnogo kanona i agiograficheskogo «trafareta» v povesti A. Platonova «Gorod Gradov» [Specific Features of the Curch Canon Travesty and Hagiographic "Stencil" in A. Platonov's Novella "The Town of Gradov"]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. No. 4, pp. 50–57.

Aleinikov, O. Yu. (2017). Spetsifika podtsenzurnogo povestvovaniya v ocherke A. Platonova «Zhitel'rodnogo goroda» [Specific Features of Censored Narration in A. Platonov's essay "The Dweller of the Native Town"]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 2, pp. 91–98.

Anpilova, L. N. (2019). *Russkaya versiya ekspressionizma: proza Borisa Pil'nyaka 1920-kh godov* [The Russian Version of Expressionism: The prose of Boris Pil'nyak]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 244 p.

Bogdanov, A. A. (1989). *Tektologiya (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka): v 2-kh kn. Kn. 1* [Tektology (Universal Organization Science), in 2 books. Book 1]. Moscow, Ekonomika. 304 p.

Bogdanov, A. A. (2003). Ot filosofii k organizatsionnoi nauke [From Philosophy to the Science of Organization]. In *Voprosy* filosofii. No. 1, pp. 112–118.

Derrida, Zh. (2000). *Pis'mo i razlichie* [Writing and Difference] / transl. by A. Garadzhi, V. Lapitskogo. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 432 p.

Ermilov, V. (1929). Burzhuaznaya i poputnicheskaya literatura [Bourgeois and Non-Revolutionary Literature]. In *Ezhegodnik literatury i iskusstva na 1929 god*. Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, pp. 48–81.

Gryakalova, N. Yu. (1995). Mir pis'ma (Chelovek pishushchii v proze Borisa Pil'nyaka 1920-kh godov) [The World of Writing (A Writer in the Prose by Pil'nyak)]. In *Opyt segodnyashnego prochteniya*. Moscow, Nasledie, pp. 81–90.

Khryashcheva, N. P. (1998). *«Kipyashchaya vselennaya» Andreya Platonova: Dinamika obrazotvorchestva i miropostizheniya v sochineniyakh 20-kh godov* [The Boiling Universe by A. Platonov: Dynamics of Character Creation and World Cognition in the Writings of the 1920s]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Sterlitamak, Sterlitamakskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institu. 323 p.

Kornienko, N. V. (2019). Akademicheskii Platonov: O kommentirovanii nekotorykh avtobiograficheskikh syuzhetov [Academic Platonov: About Commentary to Some Autobiographic Plots]. In *Andrei Platonov i khudozhestvennye iskaniya XX veka: problemy retseptsii: sbornik trudov*. Voronezh, NAUKA-YuNIPRESS, pp. 84–92.

Malygina, N. M. (2016). Rol'Borisa Pil'nyaka v pisatel'skoi biografii Andreya Platonova [The Role of Boris Pil'nyk in the Literary Biography of Andrey Platonov]. In *Avtobiografiya*. – No. 5, pp. 95–115.

Malygina, N. M. (2018). *Andrei Platonov i literaturnaya Moskva: A. K. Voronskii, A. M. Gor'kii, B. A. Pil'nyak, B. L. Pasternak, Artem Veselyi, S. F. Budantsev, V. S. Grossman* [Andrey Platonov and Literary Moscow: A. K. Voronsky, A. M. Gor'ky, B. A. Pil'nyak, B. L. Pasternak, Artem Veselyi, S. F. Budantsev, V. S. Grossman]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 590 p.

N. N. Bibliografiya. Po zhurnalam [Biliography. From the Journals]. (1929). In *Na literaturnom postu*. No. 1, pp. 65–71.

<Peredovaya> // *Na literaturnom postu* [On the Literary Front]. (1929). No. 1, pp. 1–6.

Pertsov, V. (1930). Rassloenie ocherka (Ocherk organizatorskii i ocherk memuarnyi) [Essay Distinctions (Organization Essay and Memoire Essay)]. In *Literaturnaya gazeta*. February 3.

Platonov, A. (1929). Protiv khalturnykh sudei (Otvet V. Strel'nikovoi) [Against Dishonest Judges]. In *Literaturnaya gazeta*. October 14.

Platonov, A. (2011). Fabrika literatury (O korennom uluchshenii sposobov literaturnogo tvorchestva) [Factory of Literature (About Global Improvement of the Methods of Literary Creation)]. In *Fabrika literatury Literaturnaya kritika, publitsistika*. Moscow, Vremya, pp. 45–56.

Platonov, A. (2020). Oblastnye organizatsionno-filosofskie ocherki [Regional Organizational and Philosophical Essays]. In *Platonov A. Sochineniya. Vol. 4. Book 2. 1928–1932. Rasskazy. P'esy. Stsenarii. Stat'i*. Moscow, IMLI RAN, pp. 7–22.

Platonov, A., Pil'nyak, B. (1928). Che-Che-O (Oblastnye organizatsionno-filosofskie ocherki) [Che-Che-O (Regional Organizational and Philosophical Essays)]. In *Novyi mir*. No. 12, pp. 249–258.

Polonsky, Vyach. (1988). Shakhmaty bez korolya (O Pil'nyake) [Chess Without the King (About Pil'nyak)]. In *Vyach. Polonskii. O literature*. Moscow, Sovetskii pisatel'.

Stalin, I. V. (1955). *Sochineniya. T. 11* [Collected Works. Vol. 1]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 381 p.

Svitel'sky, V. A. (1978). Normy kritiki i praktika khudozhnika (A. Neverov o B. Pil'nyake) [Norms of Critic and Practice of an Artist (A. Neverov about Pil'nyak)]. In *Problemy istorii kritiki i poetiki realizma. Mezhvuzovskii sbornik. Issue 3*. Kuibyshev, Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet, pp. 23–38.

Svitel'sky, V. A. (1987). Nash soyuznik Andrei Platonov [Andrey Platonov Is Our Ally]. In *Literaturnoe obozrenie*. No. 10, pp. 101–103.

Svitel'sky, V. A. (1998). *Andrei Platonov vchera i segodnya. Stat'i o pisatele* [Andrey Platonov Yesterday and Today. Articles about the Writer]. Voronezh. 156 p.

Tolstaya-Segal, E. (1994). Ideologicheskie konteksty Platonova [Ideological Contexts of A. Platonov]. In *Andrei Platonov. Mir tvorchestva*. Moscow, Sovremennyi pisatel', pp. 47–83.

V'yugin V. (2009). Ideal'naya tekstologiya (Neskol'ko zamechanii k teorii i praktike kritiki teksta) [Ideal Textology (Some Remarks to the Thery and Practice of Text Critic)]. In *Tekstologicheskii vremennik. Russkaya literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya*. Moscow, IMLI RAN, pp. 550–569.

Volovnik M. (1928). *Chitatel'i pisatel'. Ezhenedel'nik literatury i iskusstva* [The Reader and the Writer. A Weekly of Literature and Art]. April 14.

Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. T. VII, ch. I: Tsentral'naya Chernozemnaya oblast' [Picturesque Russia. Our Motherland in Its Geographical, Tribal, Economic and Everyday Significance]. (1900). Saint Petersburg, Tovarishchestvo M. O. Vol'f. 308 p.

Данные об авторе

Алейников Олег Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

Адрес: 394693, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10.

E-mail: oaleinikov@yandex.ru.

Author's information

Aleynikov Oleg Yur'evich – Candidate of Philology, Associate Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia).

УДК 821.161.1-31. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-05. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

ЧЕСТНЫЕ ЯКОБИНЦЫ: ВЫСОКИЙ СТАЛИНИЗМ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ МИХАИЛА ЛИФШИЦА И АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА[1]

Хазанов П.
Ратгерский университет (Нью-Брансуик, США)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7758-3203

Аннотация. В первой части статьи утверждается, что полемику Лифшица 1930-х годов против псевдомарксистских «вульгаризаторов» в советских письмах, а также его отстаивание идеологически проблематичных, иногда явно антипрогрессивных авторов, которых он называл «великими консерваторами человечества», следует понимать как субъективную интеллектуальную практику «свободного духовного производства», посредством которой философ-критик надеялся продвигать освободительные идеалы Революции, работая в рамках сталинизма. Затем прослеживается интеллектуальная трансформация Платонова после его кризиса 1931 года, когда нападки представителей высших эшелонов советского литературного и политического истеблишмента почти разрушили его карьеру. Статьи Платонова начала 1930-х годов и заметки, предшествовавшие его неопубликованному роману «Счастливая Москва», показывают, как он, подобно Лифшицу, творчески реагировал на политические ограничения высокой сталинской эпохи, развивая зрелое понимание социалистической субъективности. В исследовании утверждается, что, по иронии судьбы, тоталитарный сталинский дискурс фактически позволил Платонову перестроить свой утопизм продуктивным образом, что помогло преодолеть некоторые неразрешимые затруднения его более молодых работ. Наконец, подводится итог тщательного анализа «Счастливой Москвы» – композиционно неполного, но концептуально законченного произведения, которое представляет собой поразительно утопическое видение онтологично социалистической субъективности во времена высокой сталинской эпохи.

Ключевые слова: Лифшиц; Платонов; сталинская эпоха; социалистическая субъективность; роман «Счастливая Москва».

HONEST JACOBINS: HIGH STALINISM AND THE SOCIALIST SUBJECTIVITY OF MIKHAIL LIFSHITZ AND ANDREI PLATONOV

Pavel Khazanov
Rutgers University (New Brunswick, USA)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7758-3203

Abstract. The first part of this article argues that Lifshitz's 1930s polemic against pseudo-Marxist "vulgarizers" in Soviet letters, as well as his life-long championing of ideologically problematic, sometimes explicitly anti-progressivist authors, whom he called the "great conservatives of humanity," should be understood as a subjective intellectual practice of "free spiritual production" through which the philosopher-critic hoped to further the Russian Revolution's emancipatory ideals while working within the strictures of Stalinism. The next part describes Platonov's intellectual transformation in the wake of his 1931 crisis, when an onslaught from the highest echelons of the Soviet literary and political establishment almost destroyed his career. Platonov's early-1930s articles and the notes leading up to his unpublished novel Happy Moscow reveal how, like Lifshitz, he creatively responded to the political strictures of the High Stalinist era by developing a mature understanding of socialist subjectivity. It is argued that, ironically, totalitarian Stalinist discourse actually allowed Platonov to reconfigure

[1] Pavel Khazanov, "Honest Jacobins: High Stalinism and the Socialist Subjectivity of Mikhail Lifshitz and Andrei Platonov." *The Russian Review* 4:2018, 576–601.

© П. Хазанов, 2021

his utopianism in a productive way that resolved some intractable quandaries of his younger writings. Finally, there is a close reading of the text of Happy Moscow, a compositionally incomplete but conceptually finished text that presents a surprisingly utopian vision of an ontologically socialist subjectivity for the High Stalinist era.

Keywords: Lifshidz; Platonov; Stalinist era; socialistic subjectivity; novel "Happy Moscow".

Для цитирования: Хазанов, П. Честные якобинцы: высокий сталинизм и социалистическая субъективность Михаила Лифшица и Андрея Платонова / П. Хазанов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 67–86. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-05.

For citation: Khazanov, P. (2021). Honest Jacobins: High Stalinism and the Socialist Subjectivity of Mikhail Lifshitz and Andrei Platonov. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 67–86. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-05.

В 1960–1970-е годы советский философ-марксист Михаил Лифшиц (1905-83) опубликовал ряд ретроспективных эссе, оправдывающих интеллектуальную позицию марксистов из своего круга, в сталинские 1930-е годы. В этих трудах, а также в различных частных архивах, многие из которых были недавно опубликованы и аннотированы его учеником Виктором Арслановым, Лифшиц объясняет свою точку зрения на то десятилетие в четырех взаимосвязанных аспектах. Он верит, что последствия Октября 1917 г. подтвердили очевидность того, что случившееся являлось массовым революционным событием, спровоцированным освободительными надеждами большинства русского народа. Он рассматривает эксцессы самоличного правления Сталина как противоречащие чаяниям Революции, но не думает, в духе Троцкого, что такого исхода можно было избежать, и что в какой-то момент большевистский проект был «предан» [Trotsky 1991]. Скорее, Лифшиц приходит к выводу, что Русская революция не могла привести ни к чему, кроме сталинизма и его «ложного социализма». Тем не менее, при всей уверенности в неизбежности такого исхода, Лифшиц полагает, что стать «циничным сталинистом» было недостойно честного человека. Но, в конце концов, пытаясь найти продуктивный способ сопротивления сталинизму, он признает, что «не только вопреки сталинской бюрократической машине, иррациональности нового квази-религиозного… „культа личности“ …но и благодаря им „на болотах росли города“» [Арсланов 1995; Лифшиц 1972; Лифшиц 2007].

Живущим в постсоветской эпохе мысли Лифшица могут показаться бессмысленным самообманом – ведь философ полагался на «ветер истории», который, очевидно, сыграл недобрую шутку как с ним, так и с его соратниками. «Культ императора» обезмолвил и уничтожил большинство «честных якобинцев»; демонтаж культа привел к краху Советского проекта и к коллективному отказу от его интеллектуальных защитников, а в частности таких, казалось бы, про-сталинских «ископаемых марксистов», как Лифшиц[1] [Солженицын 1975; Zubok 2009]. Несколько поколений западных ученых трактовали период сталинизма в духе «Великого отступления». Историки, философы и политические теоретики правого и левого толка спорили много лет о том, когда именно случился провал. Являлась ли Революция изначально недееспособной, или возможно процесс зашел в тупик вскоре после смерти Ленина, или в конце 20-х, на кануне Великого перелома? Несмотря на расхождения во взглядах, все в целом соглашались, что в 30-х гг. Советский проект канул в темное средневековье [Dunham 1976; Malia 1994; Stites 1989; Timasheff 1946; Паперный 2011]. Однако в середине 90-х, консенсус о «Великом отступлении» первого, «высокого» сталинского десятилетия был подвергнут пересмотру, благодаря работе таких ученых, как Томас Лахузен, Стивен Коткин, Шила Фицпатрик, Игал Халфин, Йохен Хелбек и Катерина Кларк.

[1] Эпитет «Ископаемый марксист» был придуман А. Солженициным, чей роман *Один день Ивана Денисовича* был напечатан в том числе благодаря внутренней рецензии Лифшица см.: А. Солженицын. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни (П. 1975). О восходе либеральной дискурсивной гегемонии в шестидесятнической среде, см. V. Zubok, *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia* (C. 2009).

Позднесоветское и постсоветское читательское и научное отношение к Андрею Платонову (друга и коллеги Лифшица в 30-х гг.), во многом повторило траекторию научного дискурса о сталинизме. Эрик Найман недавно охарактеризовал все исследования Платонова как «вращающиеся вокруг вопросов сопротивления» [Naiman 2014: 801]. Тем не менее, сопротивление Платонова, видимо, всегда било в обе стороны – против советских реалий писателя и против наших попыток понять их. С одной стороны, с момента его повторного открытия в 1960-х годах Платонов считался язвительным критиком советских социальных преобразований. С другой стороны, при всех попытках антисоветски-настроенных читателей приписать Платонова к своему лагерю, такие прочтения упирались в факт того, что писатель явно испытывал более чем поверхностную приверженность советскому проекту. Ученые решали видимую идеологическую двойственность автора путем деления его биографии на два периода, утверждая, что в течение 20-х гг. Платонов оставался утопистом, хоть и колеблющимся, а после Великого перелома автор разочаровался и/или был вынужден неохотно идти на уступки сталинскому строю [Геллер 1999; Гюнтер 2012]. Тем не менее, такие критики, как Найман не могли не признать, что произведения позднего Платонова являются зрелыми, умело написанными и эмоционально сильными [Найман 1994]. Одним словом, они хороши. Но если так, то каким же образом удавалось писателю создавать хорошую литературу после вынужденного отказа от десятилетия мечтаний и амбиций, кардинально сформировавших его художественное мировоззрение? Благодаря научному пересмотру 30-х гг., а также росту архива Платонова, первоначальная трактовка автора как «антисоветского полудиссидента» на сегодняшний день может быть переведена в более гибкие идеологические рамки, при которых возможно одновременно учитывать и бессовестную жестокость сталинского режима, и рассматривать тот горизонт захватывающих надежд и мечтаний, который сталинизм открывал для многих его участников [Flatley 2008: 158–192; Slavic Review 2014; Магун 2010].

Тем не менее, мы не можем упускать из вида центрального вопроса о «сопротивлении», когда речь идет о таких фигурах, как Платонов и Лифшиц. В конце концов, в отличие от некоторых наивных сталинистов, описанных в трудах Хельбека, и Платонов, и Лифшиц, как убежденные марксисты, хотели не только объяснить сталинский курс, но и изменить его. В настоящей статье прослеживается, как они пытались осуществить такое изменение. <…> Углубляя проблематику, впервые обрисованную Натальей Полтавцевой об отношениях Платонова к московскому философскому кружку Лифшица и венгерского марксиста Дьёрдя Лукача (1885-1971), известному его членам и противникам как «Течение», настоящая работа аргументирует, почему Платонов и основатель Течения Лифшиц оказались на конвергентной интеллектуальной траектории в ответ на Великий перелом Сталина и последующее укрепление «культа императора» [Полтавцева 2011].

В первой части моей статьи утверждается, что полемику Лифшица 30-х гг. против псевдомарксистских «вульгаризаторов» в советской критике, а также его пожизненное отстаивание идеологически проблематичных, а иногда и явно антипрогрессивных авторов, которых он называл «великими консерваторами человечества», следует понимать как субъективную интеллектуальную практику «свободного духовного производства», посредством которой философ-критик надеялся продвигать освободительные идеалы Революции, оставаясь в рамках сталинизма. Затем прослеживается интеллектуальная трансформация Платонова после его кризиса 1931 года, когда натиск из высших эшелонов советского литературного и политического истеблишмента почти разрушил его карьеру. Статьи Платонова начала 1930-х годов и заметки, предшествовавшие его неопубликованному роману «Счастливая Москва», показывают, как автор, подобно Лифшицу, творчески реагировал на политические ограничения Высокой сталинской эпохи, развивая свое зрелое понимание социалистической субъективности. Статья утверждает, что, по иронии судьбы, тоталитарный сталинский дискурс фактически позволил Платонову перестроить свой утопизм продуктивным образом, что разре-

шило некоторые неразрешимые апории его раннего творчества. Наконец, анализируется «Счастливая Москва», которая рассматривается как композиционно неполный, но концептуально законченный текст, предлагающий в рамках сталинской эпохи удивительно утопическое видение онтологически-социалистической субъективности.

«Свободное духовное производство»: марксистско-ленинская субъективность Лифшица в сталинскую эпоху

<Полная версия данной части статьи рассматривает работу «Течения» Лукача-Лифшица в 30-х гг., утверждая, что члены кружка, сформировавшегося вокруг журнала «Литературный критик», где печатался Платонов, пытались нащупать курс максимально продуктивного, но при этом вполне большевистски-лояльного инакомыслия, приемлемого в сталинских реалиях. Философы-критики сознательно уходят в поле марксисткой эстетики, на котором находят стратегическую возможность сформировать дискурс о соцреализме как о революционном требовании правдиво отражать незаконченный, душевно-трудоемкий и потому зачастую меланхоличный процесс субъективного социалистического самопреобразования. Опираясь на ретроспективные труды Лифшица 60-х гг. и на публицистические работы Лифшица-Лукача 30-х гг., статья утверждает, что формирование соцреалистической эстетики «Течения» обоснованно реинтерпретацией трудов раннего Маркса и переписки Маркса и Энгельса, в которых упоминаются понятия «трагедия» и «трагичность». Исходя из этих источников, Лифшиц утверждает, что революционеры-марксисты не могут обойтись без «эстетической точки зрения» на свою «безвыходную» и тем не менее «неизбежную», «трагичную» роль в истории [Лифшиц 1984: 419]. Лифшиц очевидно рассматривает все свое интеллектуальное творчество, а в частности работу Течения 30-х гг., в подобном субъективном ключе. Находясь в «безвыходной» ситуации советских реалий, когда марксистская революционная идеология была узурпирована и инструментализирована тоталитарным государством, Лифшиц вырабатывает стратегию литературно-критической аргументации, при которой становится возможным подчеркнуть (по крайней мере в литературном контексте) главенство революционной *субъективности*, а не революционной идеологии. По Лифшицу, подобная субъективность возможна при любых исторических обстоятельствах, являясь интеллектуальным трудом, который Лифшиц приравнивает к «свободному духовному производству» – его собственный перевод «Freie Tätigkeit» Маркса, из «Рукописей 1844 г.» > [Лифшиц 1986: 283; Маркс 1959].

Лифшиц и его коллеги в 1930-х годах рассматривали свою собственную работу как субъективную практику участия в «свободном духовном производстве». Постоянное подчеркивание Лифшицем трудностей и страданий, скрытых в интеллектуальных исканиях Пушкина или Гегеля, отражается в описаниях Лифшицем его собственного творчества. Он утверждает, что правильный ленинский подход к пониманию литературной эстетики дается «только долгим упорным трудом»; он подчеркивает «сложную историю отношения писателя к основным борющимся силам его времени»; он проводит свой собственный «трудный» трехступенчатый классовый анализ дореволюционного культурного наследия западного мира [Лифшиц 1986 а: 187; Лифшиц 1986 б: 198; Лифшиц 1986 в: 285]. И, что наиболее важно для наших целей, добродетель интеллектуальной трудности, противопоставленная легкости сталинской культурной критики, повторяется в 1937 году Лукачем, отстаивающим труды Платонова:

«Ведь сконструировать отвлеченные, но зато вполне определенные, „чистые“, „социалистические“ свойства и резко противопоставить их другим, также строго определенным и изолированным чертам, характерным для классового общества (жесткое и безоговорочное противопоставление оптимизма пессимизму и т. п.), – сравнительно легко. Гораздо труднее жизненно и правдиво показать сложный, полный противоречий процесс становления нового человека в общественной среде, тоже переживающей период становления и еще страдающей от экономических и идеологических пережитков капитализма» [Левин 1937].

В этих строках Лукач оперирует лифшицианской трактовкой идеальной революци-

онной субъективности, утверждая, что литература «трудного» и «противоречивого» социалистического становления превосходит литературу абстрактного псевдосоциалистического бытия. Добросовестные советские писатели и критики должны противостоять искушению рассматривать революционный идеал как нечто уже осуществленное, и они также должны воздерживаться от изображения социалистического развития в «простой» дидактической манере, столь характерной для соцреализма 1930-х годов [Clark 1981]. Вместо того, чтобы принимать «вульгаризированные» взгляды на социализм и социалистическую эстетику, советские писатели должны проявлять то трудоемкое субъективное поведение, которое необходимо для осуществления работы «свободного духовного производства». У Лифшица и Лукача становление подлинным социалистом предполагает, прежде всего, трудность осуществления постоянного мышления.

<…>Тот факт, что работа в рамках реалий сталинских 1930-х годов означала, что жертвы нападений на «Течение» будут заключены в тюрьму или расстреляны, не предвещал ничего хорошего ни для последующей моральной репутации Лифшица, ни для Лукача. Однако, превознося трудную революционную субъективность в своих произведениях, Течение все же предложило альтернативный путь развития соцреалистической культуры, нежели тот, по которому шел сталинский мейнстрим. Трактовка вечного субъективного становления – а не конечного объективного бытия – как «героической» сущности соцреализма предлагала советской культуре альтернативный путь, по которому ведущие деятели должны были прививать советским массам этос в определенной степени *пост*-сталинский, постиерархичный, постгосударственный. Ведь вместо того, чтобы прославлять сталинские достижения как уже утопические, соцреализм трактовки Течения призывает своих практиков к обновлению утопического горизонта. Таким образом, соцреалистическая культура сможет перестать прислуживать властям, а вместо этого найдет путь превратиться в то пространство, в котором марксистский авангард продолжает свое революционное творчество (но этим не ставя под сомнение партийную догму об уже осуществленной победе социализма «в отдельно взятой стране»). Учитывая незначительные размеры и не очень заметное влияние Течения на культурной арене в 1930-х гг. подобные амбиции кажутся непосильными для наших «честных якобинцев». Наверно, их даже можно назвать безумными. Как бы то ни было, неудивительно, что кружок Лифшица-Лукача был насильственно расформирован при закрытии «Литературного критика» в 1940 году.

Против «буржуя в социализме»: Платонов после великого перелома

По мере того, как Течение проводило переоценку интеллектуальной практики трудного «свободного духовного производства», которое, по их мнению, могло бы способствовать развитию социалистической революционной субъективности в рамках сталинизма, Андрей Платонов пришел к аналогичному выводу, хотя и по своим собственным причинам. Литературная карьера Платонова началась в начале 20-х гг., когда воронежский инженер стал участвовать в собраниях местных пролетарских рабочих клубов и публиковать свою прозу в литературных журналах. За это десятилетие он опубликовал несколько рассказов, а также написал две большие работы, которые, оставаясь неопубликованными при жизни писателя, в конечном итоге принесли ему признание – повесть «Котлован» и роман «Чевенгур». Центральной темой платоновских текстов в то время было восхищение утопическими возможностями революции в сочетании с иронично выраженным беспокойством о том, как революционный идеализм развертывается и понимается необразованными крестьянами, искренне пытающимися принять дар «советской глоссолалии» по меткому выражению Майкла Горэма [Gorham 2003]. Из-за явной амбивалентности этих текстов, а также резкой РАППовской критики рассказа писателя «Усомнившийся Макар» (1929), первая волна платоноведения в 60-е гг. предполагала, что к концу 20-х гг. Платонов разочаровался в Советском проекте [Геллер 1999; Гюнтер 2012].

Критическая статья о «Макаре», написанная Леопольдом Авербахом, тогдашним главой РАПП, отчитывала Платонова за ви-

димый скептицизм по отношению к первой пятилетке[1]. Макар, невежественный деревенщина, который приезжает в Москву, чтобы поучаствовать в утопическом строительстве, но затем обнаруживает некоторое отсутствие человеческого сочувствия со стороны московских администраторов, рассмотрен Авербахом как сатирический герой. Тем не менее, по мнению Авербаха, Платонов слишком снисходителен к этому «частному» индивиду и, таким образом, вопреки благим намерениям писателя, «Усомнившийся Макар» в конечном итоге берет на себя «объективную социальную функцию» поддержки «мелкобуржуазных элементов», выступающих против экономических замыслов партии:

«Рассказ Платонова – идеологическое отражение сопротивляющейся мелкобуржуазной стихии. В нем есть двусмысленность, в нем имеются места, позволяющие предполагать те или иные „благородные“ субъективные пожелания автора. Но наше время не терпит двусмысленности; к тому же рассказ в целом вовсе не двусмысленно враждебен нам!» [Авербах 1994: 260, 265].

Авербах противопоставил сомнительно «амбивалентный» сатирический этос Платонова РАППовским принципам «материалистической партийности» и «воинствующей последовательности», причем «партийность» понималась как императив для советских писателей создавать произведения с явно прозрачным смыслом [Авербах 1994: 260]. Два года спустя, летом 1931 года, Платонов подвергся гораздо более жесткой, но, по существу, аналогичной критике за свою беллетризованную хронику путешествий по коллективизирующейся деревне, «Впрок». На этот раз писатель столкнулся не с кем иным, как со Сталиным, который прочитал этот текст как пародию на его программу коллективизации крестьянского хозяйства. Документированный поток сталинских ругательств в адрес Платонова был превращен Александром Фадеевым в разгромную критическую статью [Skakov 2014: 719–726]. Следуя за Авербахом, Фадеев «объективно» проинтерпретировал хронику Платонова как «контрреволюционную по содержанию». Однако если Авербах допускал субъективно «благородные намерения» писателя, то Фадеев зловеще предполагал, что это всего лишь «маска», которую мастерски надел кулацкий апологет Платонов [Фадеев 1994: 268–278].

Нападки Авербаха и Сталина-Фадеева на три года сделали Платонова непубликуемым и стали причиной серьезного кризиса для автора. Однако следует иметь в виду, что этот кризис был болезненным для Платонова именно потому, что он считал себя сторонником Великого перелома. Вот почему выход Платонова из кризиса состоял не только в том, чтобы выяснить, как «писать то, что нужно, но так, как хочется», по ставшим классическими словам Михаила Геллера [Геллер 1999: 371]. Проблема Платонова была более фундаментальной и экзистенциальной: как сделать так, чтобы его субъективно честная большевистская вера привела к «объективно» хорошему творчеству? Писатель столкнулся с главной проблемой советского тоталитарного дискурса, усилившегося благодаря Великому перелому [Lefort 1986; Юрчак 2006]. Неудачи «Макара» и «Впрок» заставили его осознать, что связь между его субъективной честностью и «объективной» реальностью опосредуется государственным дискурсивным аппаратом, находящимся вне его контроля или даже полного понимания. Именно этот вопрос побудил Платонова написать в 1930–31 годах неопубликованный очерк о новорожденной советской литературе, «Великая глухая».

В «Великой глухой», написанной незадолго до нападок Сталина и Фадеева, но через год после рецензии Авербаха на «Макара», Платонов отвечает на РАППовскую критику, исследуя идею «партийности» в социалистической литературе. Вместо того чтобы трактовать это понятие как РАППовский призыв к однозначному воспроизведению идеологических установок партии в художественной литературе, Платонов подходит к этому вопросу так же,

[1] Влиятельная Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) была распущена в 1932 году, но ее члены продолжали составлять ядро Союза писателей. Начиная примерно с 1933 года идеологические формулировки РАППа начали подвергаться критике в советской прессе, возглавляемой «Литературным критиком». Критика достигла кульминации в казни Авербаха. Подробнее о РАПП см.: Edward Brown. *The Proletarian Episode in Russian Literature. 1928–1932* (New York, 1971).

как Лифшиц примерно в то же время концептуализирует этот же термин. «Партийность» Лифшица объединяет дореволюционного Ленина и молодого Маркса и призывает писателей отделить свое искусство от буржуазного рыночного спроса, посвятив его вместо этого продвижению прогрессивных идеалов [Лифшиц 1932: 864–871]. Актуализируя вопрос для эпохи советского социалистического строительства, Платонов переосмысливает дихотомию «непартийной» (буржуазной) и «партийной» (социалистической) литературы в дихотомию отчужденных литературных «профессионалов» и подлинно социалистических писателей. Платонов утверждает, что после Великого перелома писатель может быть по-настоящему партийным только в том случае, если он непосредственно, физически участвует в проектах индустриализации и тем самым получает доступ к их реальному образу, а не остается отстраненным от непосредственного опыта и производит профессионально написанные тексты для рынка абстрактных идеологических требований: «Место, населенное одними идеями и мероприятиями, – не есть социалистическое место; бесчувственная идеологическая упитанность, сама по себе, не может сотворить нового мира. Идеологическая оглашенность (политический эквивалент ее – „левачество“) ведет к простой художественной глухоте, иначе говоря – к производству лживых звуков…» [Платонов 2011: 585].

Истолковывая требования РАПП как призыв к сухой «идеологической оглашенности» и, следовательно, как необуржуазную позицию, Платонов по-своему интерпретирует проблему тоталитарного дискурса. Зло капиталистического рынка сменилось нарождающимся злом псевдосоциалистического идеологического рынка, в котором, как и прежде, от писателя ожидается, что он будет служить новому господствующему общественному мнению, а не стремиться изобразить объективную истину. Но как же собирается Платонов подступиться к истине в новых условиях? В «Великой глухой» Платонов утверждает, что истина советского социалистического становления может быть достигнута через непосредственное участие писателя в социалистическом строительстве. Для писателя это, несомненно, особо подходящий аргумент, учитывая его личный опыт инженера-мелиоратора, участвовавшего в ряде советских проектов технической модернизации. Тем не менее, сформулировав такую позицию в «Великой глухой», он уже высказывал сомнения по этому поводу в своих записных книжках. Начиная с 1931 года, как раз когда Платонов начал набрасывать будущий роман, который в итоге станет «Счастливой Москвой», он стал придумывать различные варианты образа «буржуя в социализме» [Платонов 2000: 71], один из которых – внешне трудолюбивый рабочий: «наведенный, индуктивный, который не по состоянию ударник, не по организму, а по социальной индукции» [Платонов 2000: 107]. В записках этот индивид описывается как новый тип врага, недостаток которого не в том, что он физически ленив, а скорее в том, что он сродни лифшицевскому «флюгерному» вульгаризатору: это человек, «который ходит на все демонстрации…, никогда не отдыхает, верит всему, истеричный, мучительный, замученный, рвется в будущее, но сам – [непереносимый] скучный… пустой, мертвое орудие благотворной истории» [Платонов 2000: 102].

Если, благодаря сталинскому самоличному вещему слову, после Великого перелома уже не так легко определить, действительно ли данный индивид – социалист, то по той же причине становится непонятно, может ли приблизить к «объективному» изображению советских социальных преобразований непосредственное участие писателя-инженера в соцстроительстве. Но в чем, собственно, проблема? Если каждый уже ведет себя как социалист, то какое значение имеет реальное содержание души какого-то определенного рабочего? У Платонова есть два вида ответов на данный вопрос. Ранний Платонов, вдохновленный христианским милленаристским идеализмом философов, подобных Николаю Федорову, рассматривал революцию как духовную борьбу, в которой добрая вера была центральной движущей силой [Teskey 1982; Дужина 2013: 25–44]. Зрелый Платонов пересматривает свои прежние убеждения, усилив марксистский элемент своей критики невежественных, но благонамеренных «органических пролетарских интеллектуалов» [Ма-

гун 2010]. Точно так же, как мыслители вроде Лифшица начинают формулировать проблему псевдомарксистского заблуждения, мотивирующего бессмысленное насилие сталинской индустриализации, Платонов начинает думать о стыке веры и невежества в более откровенно отрицательных терминах, чем ранее, и приходит он к этому моменту через свое собственное растущее внимание к марксизму – в частности, к концепции Энгельса «Диалектики природы»[1].

Мысли Платонова о роли Природы в социалистическом строительстве появляются в зачаточном виде уже в «Чевенгуре». Сначала бедные крестьяне-коммунисты трактуют понятия «буржуй» и «социалист» гротескно упрощенно, что вдохновляет их на крайнее насилие над своими зажиточными соседями, а затем приводит их на грань голодной смерти, из-за их убеждения в том, что любой труд в их грубой коммунистической утопии запрещен из-за присущего ему эгоистичного буржуазного импульса. Природа оказывается суровым учителем для наивных чевенгурцев – наступающая зима заставляет их снова взяться за работу, хотя и с более коллективистскими мотивами. В своем эссе 1934 года «О первой социалистической трагедии» Платонов далее уточняет свое прежнее понимание. Он представляет «диалектическое» противостояние человека и Природы, критикуя утверждение Архимеда о том, что с помощью достаточно длинного рычага он может «перевернуть мир». Платонов утверждает, что сам по себе закон Архимеда верен, но абстрактное его понимание опасно. Архимед (едва ли архетип типичного платоновского деревенского кустаря) выражает маниакальную фантазию, обещая техническое чудо, игнорируя его реальные издержки, которые сделали бы такое действие бессмысленным. И наоборот, интеллектуальная зрелость приходит с осознанием этих издержек и, следовательно, с более скромным взглядом на способность человека вмешиваться в природу. Таким образом, против наивной технической самонадеянности Архимеда эссе противопоставляет зрелое понимание человечеством техники – современной ядерной науки, которая рассчитывает извлечь из деления атома лишь «убогий добавок» энергии. Технический прогресс приходит вместе с растущим чувством смирения перед лицом природы, которая постоянно оказывается все более и более сложной и все менее поддающейся «обыгрыванию» [Платонов 1994: 320].

Статья «О первой социалистической трагедии» усиливает прежний вектор мысли Платонова. В 1930-е годы абстрактная вера в революцию без сопутствующей интеллектуальной зрелости начинает интерпретироваться у него как откровенно негативная черта. Архимедова мания величия в данной эпохе активно стоит на пути социалистического строительства, успех которого будет зависеть от трезвого отношения к природе. Так, Кит Ливерс справедливо замечает, что работы Платонова 1930-х годов «подчеркивают не столько утопическое завоевание природы и всего естественного, сколько необходимость сосуществования с ней» [Erley 2014: 727–750; Livers 2004: 14]. Мы могли бы добавить, что зрелая установка Платонова схожа с марксистско-ленинским осмыслением субъективации у Лифшица, формирующегося именно в это время; она также настойчиво требует умерить пылкую революционность неиллюзорным признанием объективных ограничений. Для Лифшица эти ограничения структурны по форме – они присущи «неравномерному развитию» советского общества. Платонов, опираясь на «Диалектику природы», интерпретирует эти объективные ограничения в более онтологической или, возможно, экзистенциальной манере: правильное социалистическое поведение субъекта есть страдание через самоотказ от естественной, вполне человечной склонности к маниакальному самообману.

Мысли Платонова об исходящей от Природы и опасности и диалектической пользы для социалистического строительства отражаются в развитии «Счастливой Москвы», которая вытекает из проблематики его статей и записок 1931 года – то есть, разрыва между его субъективной большевистской чистой совестью и якобы объективным вредом его произведений. Записки Платонова сначала отвечают на убойную критику, исходящую

[1] Текст Энгельса был впервые напечатан в Москве в 1925 г.

от Авербаха и Сталина-Фадеева по нескольким направлениям. Во-первых, Платонов критикует главных героев таких текстов, как «Усомнившийся Макар» и «Впрок», которых он приравнивает к сказочному персонажу Ивану-Дураку: «Не Иван-дурак, а Иван-аспид, Иван-хитрец – вот сущий тип нашего времени, и действующий „положительно“, но он будет в к<онце> концов разоблачен». Платонов также размышляет о проблеме сознания и его склонности ошибаться, и о трудности его правдивого изображения: «Сознание, оно не предмет искусства; сознательный человек поддается только иронической форме произведения. Похоже на к<онтр>рев<олюционный> лозунг. Да, потому что революция это в главном чувство, организм, элемент, музыка. Сознание, не закрепленное в чувстве, это действительно к<онтр>революция, т. е. непрочное слишком состояние». Еще одной центральной проблемой является болезненность и противоречия, связанные с трудом социалистического преобразования: «Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм [исходит из] получил в наследство мещанство, сволочь («люди с высшим образованием – счетоводы» и т. д.). Страдание ототрет с таковых, размелет их разум…» [Платонов 2000: 72, 69, 68]. Все эти три утверждения, встречающиеся в непосредственной близости друг от друга в первой трети платоновской записной книжки начала 31 г., сливаются в общую критику контрреволюционной субъективности, роковым недостатком которой являются «наследственная», «мещанская» склонность к «хитрецкой» мысли. Более того, уже на этой ранней стадии Платонов предполагает положительную роль, которую «страдание» сыграет для создания подлинно социалистической субъективности.

Проблема изображения социалистического субъекта становится концептуальной сутью платоновских набросков «Счастливой Москвы» начала 30-х гг. Корни этого текста уходят не столько к ранним формулировкам конкретного сюжета, сколько к кристаллизации того, что Платонов видит как новый вид структурирующего конфликта между истинно социалистическим героем и его псевдосоциалистическим, необуржуазным антагонистом. Как мы уже отмечали, конфликт подсказан ему самой эпохой: тоталитарный сталинский дискурс 30-х гг. особенно затруднил понимание того, кто социалист, а кто нет. Так, уже в начале 31 г. Платонов начинает делать заметки об идеальном герое, которого он поначалу называет Жововым. Платонов рисует этого персонажа не просто неутомимым фабричным рабочим, а субъектом, доказывающим свою социалистическую добросовестность максимальной преданностью постоянному познавательному и духовному самопреобразованию. Для Платонова такая преданность предполагает героичное отречение от желания к приобретению счастья – слова, понимаемого в обоих его смыслах, как радость и как удача: «У Жовова нет ни покоя, ни счастья – никогда! Он – движение, а не достижение мещанина и подлеца и предателя истории и детей наших» [Платонов 2000: 77]. Год спустя в записках Жовов превращается в Стратилата, который «живет и действует одиноко в историческом смысле. Он рационален, работает без удачи, без чуда, природа трудно подчиняется ему и ломает его. <…> Стратилат – „неудачник“ в истинном смысле» [Платонов 2000: 109]. К 1934 году Стратилат становится «счастливым московским» Сарториусом, который теперь – «исслед<ователь>, безвозвратный искатель фактов, никуда не возвращавшийся ни путем, ни желанием, проникавший жизнью сквозь всю толщу действительности и обраставший ею. Это новый мировой тип! Новое состояние жизни – необратимость души. Таких людей нет, но каждый такой» [Платонов 2000: 144].

В то же время Платонов вырабатывает и антагониста для своего будущего текста. Сначала он создает образ «Ивана-Хитреца», который представляет собой вредную форму «самосознани [я], …которое избавляет себя от страданий». Затем он рассматривает несколько связанных между собой версий «буржуя в социализме» после Великого перелома. Согласно одной из них этот персонаж «беспартийный, за культурную жизнь, за чистоту… за здоровую советскую общественность и т. д. и т. п., – в сущности единственно возможная буржуазная форма человека в наших условиях… Сугубая *беспартийность*! Чистоплотность! *Идеологическая аккуратность*! *Преданность*!» [Платонов 2000: 78, 71, 107]. По иной версии

Платонов размышляет о «враге для Жова», который является уже упомянутым выше «мертвым орудием благотворной истории». В преддверии написания «Счастливой Москвы» Платонов отождествляет «абсолютно беспартийного буржуя в социализме» с персонажем «вневойсковика» Комягина [Платонов 2000: 81, 86, 104, 109, 114]. Исход второй версии «врага» Платонова проследить сложнее, но, как мы вскоре увидим, есть все основания полагать, что она действительно превращается в «счастливую/удачливую» Москву Честнову, которая выходит замуж за Комягина. Однако ни Комягин, ни Честнова полностью не прописаны ни в примечаниях, ни даже в окончательном варианте романа, где первый играет второстепенную роль, а вторая завершает свой путь скорее печальным провалом, чем откровенным злодеянием. Отсутствие у Платонова ясности в отношении этих персонажей говорит о том, что воплощение антагонистов для него менее важно, чем сам антагонистический принцип, который конституируется вокруг «хитрой» субъективности, претендующей на социалистичность, но лишенной подлинной приверженности социалистическим идеалам. Как и РАППовцы Платонова, подспудно критикуемые в «Великой глухой», эта ложная субъективность «идеологически аккуратна» и потому «беспартийна».

Обратимся теперь к тому, как проблемы и идеи Платонова 30-х гг. выражены в тексте «Счастливой Москвы». С момента своего извлечения из архивов и последующей первой публикации в 91 г. «Счастливая Москва» привлекала к себе критическое внимание из-за своего явно переходного характера [Гюнтер 2012: 168, 116; Корниенко 1999: 357–371; Платонов 2013: 378–396] Ряд проблем в рукописи и примечаниях побудил многих первоначальных критиков романа в 1990-е годы рассматривать эту работу как незаконченную [Гюнтер 2012: 159–175; Друбек-Мейер 1994: 262; Корниенко 2010: 585–594; Михеев 1998; Платонов 2000: 172–189]. «Счастливая Москва» действительно имеет композиционные дыры и завершается довольно открытым способом, но я утверждаю, что этот текст вполне концептуально оформлен и что его заключение намеренно оставлено открытым. «Счастливая Москва» выстроена по четкой дуге – ее фабулой является вопрос о социалистическом самопреобразовании, которое в этом тексте разыгрывается через размышление о природе счастья. Роман начинается с описания модели счастья Москвы Честновой. Затем автор критикует эту модель и вместо нее выдвигает реформированную версию истинно социалистического счастья, которого добивается фактически главный герой произведения, Сарториус. Имея это в виду, давайте рассмотрим неудачу Москвы Честновой в достижении счастья, проанализируем, почему Сарториус преуспевает там, где Москва терпит неудачу, и сравним модель идеальной социалистической субъективности Сарториуса с современной трактовкой этого понятия.

История Честновой начинается с того, что «темный человек с горящим факелом» пробегает мимо дома маленькой девочки в ночь Революции [Платонов 2010: 11]. Девочка, получив свое имя и фамилию в советском детдоме, вырастает в необыкновенно красивую женщину, оканчивает школу парашютистов, но после аварии отстраняется от полетов. По пути в нее влюбляются три новых советских человека – государственный чиновник Божко, гениальный инженер Сарториус и хирург-экспериментатор Самбикин. Всех троих смущает их любовь к Честновой – они пытаются понять, почему это чувство причиняет им столько боли, и боятся, что их страсть может оказаться опасной для строительства коммунизма. Москва, в свою очередь, пытается найти для себя лучший способ единения с людьми, чем через сексуальный союз, и по этой причине устраивается на работу на строительстве Московского метрополитена (Метрострой), где она теряет ногу в результате несчастного случая. Затем она решает прожить свою жизнь инвалидом с презренным «маленьким гадом» Комягиным [Платонов 2010: 66].

Что приводит Честнову к такому несчастливому финалу? Критики, рассматривавшие ее как главную героиню романа, утверждали, что падение Москвы отражает разочарование Платонова в советском обществе в середине 1930-х годов. Хотя в этой оценке есть доля правды, она упускает из вида глубинную проблематику Платонова в эту эпоху, которую можно уловить и по записным книжкам,

и по самому роману. Во-первых, Честнова едва ли занимает центральное место в тексте. Даже Сарториус, который влюбляется в нее, называет ее «дурой» [Платонов 2010: 39]. Большая часть текста сосредоточена на ее потенциальных любовниках, и Честнова полностью исчезает из последней расширенной главы, в которой Сарториус появляется как самый динамичный персонаж романа. Кроме того, записки Платонова показывают, что характер Сарториуса является результатом многолетней работы над идеалом социалистического героя. Тем не менее, Честнова, безусловно, важный персонаж, и ее неудача требует объяснения. При чтении в свете заметок и статей Платонова в это время, а также и интеллектуальной работы его собеседников из Течения, становится ясно, что Москва сама несет свою гибель, благодаря своему ленивому интеллектуальному осмыслению социализма и счастья.

Главная проблема Москвы Честновой в том, что она полагается на счастливый случай. Это видно не только из названия романа, но и из его основного сюжета: ей везет с внешностью и карьерой, особенно когда ее спонсирует стать парашютисткой влюбленный Божко. Затем ей счастливится не погибнуть из-за аварии с парашютом и поступить в Метрострой, где в конце концов удача отворачивается от нее, превращая ее в «хромую бабу» Комягина. Что более важно, работа субъективного самопознания Честновой также излишне полагается на счастье, а не на глубинную саморефлексию. Это особенно заметно в моменты, когда ее самоощущение удручено сложными эмоциональными переживаниями. Каждый раз, когда Москва испытывает смутное чувство печали и разочарования, она нащупывает выход путем думания о факелоносце, виденным ею в детстве. Через этот образ она счастливо вписывает себя в Советский проект, поскольку эта детская память позволяет ей принять личное символическое участие в основополагающем революционном событии – но именно ценой превращения себя в «мертвое орудие благотворной истории». Вот почему в конечном счете образ факелоносца ее подводит – в предпоследней главе романа Честнова узнает, что этим символом Революции на самом деле был не кто иной, как презренный Комягин. «Маленький гад», по-видимому, был на дежурстве в тот вечер в отряде местной самообороны и не имел никакого отношения к революционному делу. Удручающие «указания» Комягина совершенно подрывают существование Честновой. К концу произведения бывшая дочь Революции становится и буквальной, и символической калекой, лишенной всего того, что делало ее счастливой [Платонов 2010: 81, 87].

«Великая глухая», «О первой социалистической трагедии» и записки Платонова вкупе проясняют, в чем проблема с факелоносцем Честновой – этот образ для нее является абстрактным идеологическим знаком, позволяющим такой «дуре», как она, мыслить о себе как о революционном субъекте, избегая при этом трудного усилия саморефлексии, необходимого для того, чтобы стать подлинным социалистом. Таким образом, в какой-то момент после секса с Сарториусом Честнова чувствует, что «любовь не может быть коммунизмом», но вместо того, чтобы глубоко погрузиться в эту мысль, она с легкостью вспоминает образ факелоносца, бросает страдающего Сарториуса и становится «снова счастлива», уходя «в темноту стеснившихся людей, чтобы изжить с ними тайну своего существования» [Платонов 2010: 52–53]. Подобный мысленный ход появляется и раньше, когда Москва слушает музыку Бетховена:

«Весь мир вокруг нее стал вдруг резким и непримиримым, – одни твердые тяжкие предметы составляли его, и грубая темная сила действовала с такой злобой, что сама приходила в отчаяние и плакала человеческим, истощенным голосом на краю собственного безмолвия.

<…>

Всякая музыка, если она была велика и человечна, напоминала Москве о пролетариате, о темном человеке с горящим факелом, бежавшем в ночь революции, и о ней самой, и она слушала ее как речь вождя и собственное слово, которое она всегда подразумевает, но никогда вслух не говорит» [Платонов 2010: 26, 27].

Трудная поэтическая дикция экфрасиса указывает на невозможность полного языкового выражения сложного душевного состояния Москвы. Однако это мощное эмоциональное переживание резко контрасти-

рует с упрощенной интерпретацией, которую придает ему Честнова. Воспоминание о факелоносце позволяет Москве проигнорировать многоплановость своих чувств. Символически революционной памяти достаточно, чтобы превратить мгновенное интенсивное эстетическое откровение Честновой в заранее заготовленный, банальный советский нарратив о «пролетариате» и «речи Вождя». Говоря языком «Великой глухой», Москва принимает участие в «бесчувственной идеологической упитанности» и остается «глухой» к реальным действиям своего душевного мира. И когда оказывается, что ее абстрактная героическая память на самом деле о Комягине, Москва, вместо того чтобы «безвозвратно» устремиться в будущее, как идеальный герой Платонова, буквально и гротескно кончает сексом со своим бесполезным, уже не революционным прошлым.

Если развитие Честновой являет собой предостерегающую притчу о ленивой опоре на «благотворную историю» и «идеологическую упитанность», то Сарториус обозначает противоположный принцип. Как и Честнова, Сарториус тоже начинает как счастливый новый советский человек, блестящий, знаменитый молодой инженер. Затем он влюбляется в Москву и испытывает глубокое несчастье. Однако, в отличие от объекта своего желания, Сарториус использует свой эмоциональный вызов, чтобы преобразовать себя в идеального социалистического субъекта, движимого этосом постоянного самопревращения. Образ Сарториуса перекликается с проблемой самого Платонова о том, как автору вывести из своей большевистской добросовестности правдивую литературу, годную для тоталитарной эпохи после Великого перелома, в которой абстрактные лозунги не достигают объективной истины, в то время как автономный творческий подход к объективной реальности становится закрытым. Именно по этой причине характер Сарториуса развивается путем двух прозрений. В своем первом, «ленинском» прозрении инженер признает опасность архимедовых заблуждений, которые угрожают трезвомыслящему стремлению к социализму. В своем втором, более уникальном платоновском прозрении Сарториус трансформирует свое раннее откровение в радикальную этику вечно самотрансформирующегося социалистического субъекта.

Первое прозрение происходит в разговоре с Самбикиным и протекает в русле платоновского понимания «Диалектики природы». Хирург-экспериментатор и исследователь бессмертия рассказывает Сарториусу о своем предполагаемом открытии «основной тайны жизни, в особенности тайны всего человека». Сарториус, между тем, «улыб[ается] наивности Самбикина», потому что уже знает, что «природа, по его расчету, …труднее такой мгновенной победы и в один закон ее заключить нельзя» [Платонов 2010: 57]. Здесь, как и в случае с Честновой, автор относится к «счастью» Самбикина скептично, одновременно проводя прямую связь между ним и проблематичным искушением Архимедовой «мгновенной победы» над природой [Платонов 2010: 104]. Через пару страниц Сарториус обращается к Самбикину: «Ты доктор, ты знаешь ведь всю причину жизни… Отчего она так долго длится и чем ее утешить или навсегда обрадовать?» Доктор отвечает, проведя Сарториуса в свою лабораторию и вскрыв тело умершего человека:

– Видишь! – сказал Самбикин, разверзая получше пустой участок между пищей и калом. – Эта пустота в кишках всасывает в себя все человечество и движет всемирную историю. Это душа – нюхай!

Сарториус понюхал.

– Ничего, – сказал он. – Мы эту пустоту наполним, тогда душой станет что-нибудь другое.

– Но что же? – улыбнулся Самбикин.

– Я не знаю что, – ответил Сарториус, чувствуя жалкое унижение. – Сперва надо накормить людей, чтоб их не тянуло в пустоту кишок…

– Не имея души, нельзя ни накормить никого, ни наесться, – со скукой возразил Самбикин. – Ничего нельзя.

Сарториус склонился ко внутренности трупа, где находилась в кишках пустая душа человека. Он потрогал пальцами остатки кала и пищи, тщательно осмотрел тесное, неимущее устройство всего тела и сказал затем:

– Это и есть самая лучшая, обыкновенная душа. Другой нету нигде.

Инженер повернулся к выходу из отделения трупов. Он согнулся и пошел оттуда, чувствуя позади улыбку Самбикина. Он был опечален грустью и бедностью жизни, настолько беспомощной, что она почти беспрерывно должна отвлекаться иллюзией от сознания своего истинного положения. Даже Самбикин ищет иллюзии в своих мыслях и открытиях, – он тоже увлечен сложностью и великой сущностью мира в своем воображении. Но Сарториус видел, что мир состоит более всего из обездоленного вещества, любить которое почти нельзя, но понимать нужно [Платонов 2010: 59–62].

Диалог Самбикина и Сарториуса повторяет рассуждения, сформулированные в статье «О первой социалистической трагедии»: «отвлеченные иллюзией» и «счастливые» стремления действительно играют роль в социалистическом становлении, но Природа не может удовлетворить такие желания. Вместо этого платоновский текст призывает осмыслить диалектическое соотношение между утопическими желаниями человечества и их творческим *не*удовлетворением. Таинственный источник человечества, «воплощенная душа», постоянно порождающая потребности, не может быть удовлетворена и не может быть устранена социалистической рационализацией. Скорее, она действительно делает прогресс возможным, выступая в качестве «диалектического противника», «учителя», которому нужно постоянно противостоять [Skakov 2014: 772–800].

К середине текста трезвое мышление Сарториуса полностью соответствует аргументации «ленинского» неиллюзорного мышления Лифшица и его Течения. Платоновский акцент на вечности страданий и на отречении от своих наивных псевдореволюционных желаний прекрасно согласуется с упомянутыми выше суждениями Лифшица о Гегеле и Пушкине. Более того, в то время как Лифшиц усиливал свою «борьбу на два фронта» в 1935 году, Платонов декламировал отрывки из «Счастливой Москвы» нескольким лицам, в том числе Владимиру Келлеру (Александрову), хорошему другу Платонова по воронежским временам, а ныне коллеге Лифшица по «Литературному критику». Ответ его друзей был, по-видимому, именно тем, что хотел услышать Платонов: «Я им прочел кое-что из „Счастл<ивой> Москвы“, они удивились этой горести и трудной радости, духом которой проникнуто сочинение» [Платонов 2013: 384]. Неизвестно, читали ли члены Течения *последнюю* главу платоновского романа. Если да, то они могли бы заметить, что этот текст находит путь преодолеть рамки Лифшица, в которых ставится акцент на культивировании антисталинистски трезвой субъективации. Вместо лифшицианского подхода к тоталитарному повороту сталинского официального дискурса, Платонов, исходя из тех же реалий, умудряется представить еще более радикально утопичную форму социалистической субъективности.

Через некоторое время после разговора с Самбикиным у инженера происходит еще одно гротескное свидание с теперь уже калекой Честновой на квартире Комягина, причем последний в это время притворяется мертвым на полу. Как и прежде, секс оставляет желания Сарториуса неутоленными. На этот раз, однако, у главного героя есть еще одно прозрение:

«Сарториус прислонился лицом к оконному стеклу, наблюдая любимый город, каждую минуту растущий в будущее время, взволнованный работой, отрекающийся от себя, бредущий вперед с неузнаваемым и молодым лицом.

– Что я один?! Стану как город Москва» [Платонов 2010: 94–95.]

Вскоре после этого Сарториус идет на рынок, продает свой паспорт и покупает удостоверение Ивана Степановича Груняхина, начальника ОРСа какого-то «незначительного завода» [Платонов 2010: 103].

На первый взгляд трудно понять, что толкает Сарториуса на свой причудливый проект по самопреобразованию. На уровне платоновского сюжета решение Сарториуса превратиться в некую постоянно меняющуюся субъективность контрастирует с провальным субъективным застоем Честновой. Однако одно это противопоставление не объясняет гротескного завершения романа, в котором Груняхин женится на случайной, непривлекательной женщине, потерявшей сына из-за неверности ее бывшего мужа. Женщина теперь регулярно наносит Груняхину жестокие

побои, которые он не воспринимает всерьез, потому что «человек еще не научился мужеству беспрерывного счастья – только учится» [Платонов 2010: 110]. Чтобы лучше понять, почему Сарториус превращается в Груняхина, мы должны вернуться к тому, что послужило платоновскому вдохновению для написания «Счастливой Москвы» – проблеме кажущейся неразличимости «буржуя в социализме» в эпоху «высокого сталинизма», когда советский тоталитарный дискурс усложнил отношения между субъективностью и объективностью. В середине 30-х гг. сначала Сталин, а затем его соратник Андрей Жданов предложили удивительно двусмысленное решение этой проблемы с призывом к писателям стать «инженерами человеческих душ»[1]. Как замечает Пристланд, сами большевистские лидеры имели довольно повседневное, неотрефлексированное понимание этого вопроса: как и «инженеры-техники» в уже якобы бесклассовом обществе, мирно работающие над развитием советской экономики после потрясений конца 20-х гг., советские писатели и культурные деятели также должны были покончить со своими агрессивными идеологическими конфликтами и сосредоточиться на улучшении духовного состояния советских масс путем воспитания всесторонне развитых, грамотных, культурных личностей [Priestland 2007: 267–269]. Как мы уже отмечали ранее, мыслители, подобные Лифшицу, ответили на призыв Жданова критикой новой культурной ориентации – отсюда и насмешки Лифшица над новообретенным «либеральным сибаритством» 1930-х годов, которое ему казалось, с революционной точки зрения, ни в чем не лучше вульгарного марксизма, предшествовавшего ему. Платонов отреагировал иначе. А именно, в каком-то смысле он поверил Жданову на слово, и вывел из этого любопытные результаты.

Теперь, когда все коллективизированы и «объективно» участвуют в социализме по государственному требованию, как определить место для истинного, субъективно социалистического строительства? Знаменитая директива Жданова 1934 года определяет, что таким местом является человеческая «душа». В «Счастливой Москве» Платонов принимает вызов и создает то, что, по-видимому, является диалектико-материалистическим пониманием метафизического представления о душе. Во-первых, следуя вектору «Диалектики природы», Платонов обнаруживает «душу» в глубинах человеческого тела. Вечно мигрирующая, вечно ненасытная «пустая душа человека» сбивает с пути даже самых умных из новых советских людей вроде Самбикина, не говоря уже о деревенских кустарях из «Чевенгура» или «Котлована». Невыразимое природное человеческое тело как абсолютно «хтоническая» душа (термин Томаса Сейфрида) находится в нашем субъективном ядре – искоренить такую душу невозможно. Напротив, стать трезвомыслящим социалистическим субъектом можно только путем восприятия хтонической природы тела как диалектического противника [Seifrid 1992: 175]. Для Платонова этот вывод «трагичен». С другой стороны, однако, он является источником вдохновения – ведь если партия Сталина действительно собирается в самом ближайшем будущем создать экономический «рог изобилия», то такая материальная зажиточность уже не угрожает стереть утопический потенциал: «Мы заполним эту пустоту, и тогда что-то другое станет душой». Чевенгурская проблема выбора между буржуазной сытостью и пролетарской бедностью решена – потенциал революционного перевоспитания остается перманентным, даже когда достигается полное телесное удовлетворение.

Однако, постулируя воплощенную человеческую душу как перманентно пролетарскую, Платонов может сделать и еще более радикальный вывод, касающийся социалистической субъективности – поскольку душа совершенно невыразима и непрозрачна, это означает, что возможности для самопреображения каждого индивида бесконечны. Признание Сарториусом человеческой души как точки абсолютной непрозрачности означает, что он может стать кем угодно. Став Груняхиным, Сарториус делает первый шаг в своем эксперименте максимального самопреобразования, который Платонов рассматривает как регулятивный идеал для всех людей: «та-

[1] На самом деле эта идея украдена Сталиным у А. Богданова. – *Прим. редактора.*

ких людей нет, но все такие». В записках Платонова Сарториус во многом похож на Груняхина, и именно поэтому «Счастливая Москва» имеет такой открытый финал. Дуга вечного самопреобразования ее главного героя принципиально не может быть завершена. Поэтому Платонов замечает: «В конце должно остаться великое напряжение, сюжетный потенциал – столь же резкий, как и в начале романа. Сюжет не должен проходить и в конце, кончаться» [Платонов 2000: 181]. Но ценой подобного бессмертия является боль – в «Счастливой Москве» это боль самоотречения Сарториуса-Груняхина, и она больше духовная, чем физическая. Однако по мере того, как Платонов продолжает писать в 1930-е годы, боль его добродетельных социалистических персонажей становится все более и более буквально воплощенной – от относительно мягкого примера бессонного инженера Эммануила Левина («Бессмертие») до гротескного, прометеева самопожертвования Назара Чагатаева («Джан») и многих других.

Помимо боли самоотречения, «Счастливая Москва» выражает, хотя и в зачаточной форме, еще один вид субъективной боли: страдания Груняхина, жертвы домашнего насилия, который тем не менее не воспринимает всерьез слабостей своей жены, потому что она, как и все в новом коллективе, еще не научилась «мужеству беспрерывного счастья – только учится». Я утверждаю, что последнее затруднение Сарториуса-Груняхина является результатом его желания создать безграничный социалистический коллектив, из которого никто не может быть исключен из-за отсутствия личной добродетели. Вот почему Сарториус не *присоединяется* к городу Москве, а сам «стан [овится] как город Москва». Такой вывод напоминает более ранние работы Платонова, особенно «Котлован», с его бесконечно расширяющейся площадкой под многоквартирный дом для мирового пролетариата. Но в то время как главные герои «Котлована» постоянно беспокоятся о том, что они недостаточно хороши, чтобы принять участие в грядущем будущем, «Счастливая Москва» устраняет проблему, предполагая, что все люди уже принадлежат этому будущему. Хотя этот роман, как и предыдущие произведения писателя, предписывает людям не становиться «буржуями», он также знаменует собой новизну зрелой платоновской нравственности, согласно которой в интересах будущего «беспрерывного счастья» каждый должен избегать рассматривать других людей как определимых субъектов, и следовательно, как потенциальных носителей неисправимого греха. Телесная душа, которая находится в нашем субъективном ядре, действительно «не может быть любима», как отмечает Сарториус, но ipso facto ее также нельзя и ненавидеть [Seifrid 1992: 175]. В отличие от христианско-рационалистического cogito эта душа не является субъектом ни греха, ни добродетели. Такая онтологическая перестройка позволяет Платонову интерпретировать призыв эпохи к социалистическому перевоспитанию как полностью универсалистский идеал, запечатленный образом города Москвы, вечно «растущей в будущее время» ценой вечно «неузнаваемого лица». В конце концов этот «беспрерывно счастливый» социалистический империум охватит весь мир до такой степени, что Чагатаев, главный герой «Джана», будет стоять посреди среднеазиатской пустыни Кара-Кум и мужественно настаивать на том, что «нет, здесь тоже Москва» [Платонов 2011].

Утопическая коллективистская интерпретация Платоновым влияния высокого сталинизма на человеческие души совпадает с чувствами самоотверженных сталинистов 30-х гг. в описаниях Хелльбека, но она также отвечает и на то, что Хелльбек обозначает как врожденную «угрозу» сталинской культурной уравниловки, а именно склонности к очищению советского политического тела от нежелательных элементов [Хелльбек 2021: 362]. Поскольку социалистическое перевоспитание представлялось как нечто особенно заточенное на каждой индивидуальной личности, оно приводило к тому, что объективные ошибки рассматривались как проявления субъективного зла. Из-за этого получалось так, что однажды Лифшиц мог порицать «вульгаризатора» вроде Авербаха, а через несколько лет эта мишень вполне оправданной марксистской критики Течения была расстреляна за троцкистское вредительство. Или однажды Платонов мог написать «объективно» антисоветское произведение, а на следующий день пресса называла его «кулацким аген-

том»[1]. Произведение Платонова – возможно, вопреки собственным намерениям автора – фактически завершается критикой сталинизма, поскольку здесь снимается вопрос о субъективности, по крайней мере, с точки зрения коллектива. Роман завершается видением коллектива как сети чистых уз солидарности, в которой индивидуальные субъекты практически неразличимы и нерелевантны.

Заключение. Сконструированная в «Счастливой Москве» окончательная модель вечно самопреобразующейся, всеотвергающей, болезненной субъективности вполне напоминает теорию революционной субъективности Лифшица 30-х гг. Более того, и писатель, и философ сформулировали свои модели революционной субъективности в ответ на тоталитарный поворот в советском публичном пространстве после Великого перелома. Грубо говоря, сталинский дискурс вынудил и Лифшица, и Платонова писать о субъектах социализма, потому что говорить правдиво, или, по крайней мере, свободно, о социалистической объективной реальности было принципиально невозможно. В этом свете неудивительно, что Платонов стал видным членом Течения Лифшица в середине 30-х гг. Однако, как я уже говорил, между моделью революционного субъекта Лифшица и моделью субъекта Платонова есть разница. Отстаивание Лифшицем «свободного духовного производства» является упреком сталинизму, но подобное мировоззрение на самом деле имеет несколько антиколлективистский оттенок, несмотря на очевидные культурные амбиции «Литературного критика». Лифшиц был уверен еще в 30-х, а затем особенно в 60-х гг., что он являлся одним из немногих «честных якобинцев». Вся его философия в конечном счете направлена на то, чтобы утешить небольшую группу единомышленников, которые должны были прибегать к необходимой практике субъективации, позволяющей им продолжать интеллектуальный труд на культурном фронте, который, по большому счету, был заведомо проигран. Примеры Гегеля и Пушкина, приведенные Лифшицем, косвенно это подтверждают – подразумевается, что для того, чтобы пережить сталинскую эпоху и ее последствия, интеллектуально не пострадав, нужно представить себя «всемирно-исторической личностью» на уровне этих великих фигур. Для Платонова же видение радикально-социалистической субъективности возникает не вопреки, а благодаря сталинскому тоталитарному дискурсу. Выдвижение Сталиным и Ждановым на первый план таких метафизических понятий, как душа, позволяет Платонову представить себе радикально коллективистскую социалистическую этику, которая затем более открыто критикует насилие сталинской эпохи над коллективом. В этом смысле можно сказать, что между Лифшицем и Платоновым писатель оказывается лучшим «ленинцем», чем философ. Борьба Лифшица за установление истины революционной субъективности складывается в противовес как вульгарному марксистскому, так и нео-традиционалистскому дискурсу, доминировавшему в публичном пространстве Советской России в 1930-е годы. Платоновское видение радикально-социалистической субъективности выводится именно из этого дискурса. По иронии судьбы именно высокий сталинизм открывает Платонову его зрелые революционные мечтания.

Перевод на русский язык С. М. Полякова

Литература

Авербах, Л. О целостных масштабах и частных Макарах / Л. Авербах // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии : сборник. – М. : Современный писатель, 1994. – С. 256–267.

Арсланов, В. Г. Ответы культуры на вызов времени. СССР. 30-е годы : Очерки / В. Г. Арсланов. – М. : НИИ теории и истории изобраз. искусств, 1995. – 258 с.

Геллер, М. Андрей Платонов в поисках счастья / М. Геллер. – 2-е изд. – М. : МИК, 1999. – 432 с.

Гюнтер, Х. По обе стороны утопии: контексты творчества А. Платонова / Х. Гюнтер ; под ред. В. Гаспарова. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 216 с.

[1] Публикаторы «Впрок» не считали повесть антисоветской. Для них мнение Сталина оказалось неожиданным. – *Прим. редактора.*

Гюнтер, Х. «Счастливая Москва» и архетип матери в советской культуре 30-х годов / Х. Гюнтер // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. III. – М., 1999. – С. 170–175.

Дужина, Н. И. Котлован и философия общего дела: прошлый и нынешний взгляд на проблему «воскрешения мертвых» у А. Платонова и Н. Федорова / Н. И. Дружина // Russian Literature. – 2013. – № 73. – С. 25–44.

Друбек-Мейер, Н. Россия – пустота в кишках мира: Счастливая Москва (1932-1936 гг.) А. Платонова как аллегория / Н. Друбек-Мейер // НЛО. – 1994. – № 9. – С. 253–268.

Корниенко, Н. В. Пролетарская Москва ждет своего художника / Н. В. Корниенко // Страна философов Андрея Платонова: Проблемы творчества / под ред. Н. В. Корниенко. Т. 3. – М., 1999. – С. 357–371.

Корниенко, Н. В. Комментарии к платоновской книге «Счастливая Москва»: Очерки и рассказы 1930-х годов / Н. В. Корниенко. – М., 2010. – С. 585–594.

Лифшиц, М. А. Маркс / М. А. Лифшиц // Литературная энциклопедия. Т. 6. – М., 1932. – С. 864–871.

Лифшиц, М. А. Карл Маркс. Искусство и общественный идеал / М. А. Лифшиц. – 2-е изд. – М. : Художественная литература, 1972. – 472 с.

Лифшиц, М. А. Ветер истории / М. А. Лифшиц // Собрание сочинений. – М. : Изобразительное искусство, 1984. – Т. 1. – С. 273–316.

Лифшиц, М. А. (а) Ленинизм и художественная критика / М. А. Лифшиц // Собрание сочинений. – М. : Изобразительное искусство, 1986. – Т. 2. – С. 186–196.

Лифшиц, М. А. (б) Против вульгарной социологии. Критические заметки / М. А. Лифшиц // Собрание сочинений. – М. : Изобразительное искусство, 1986. – Т. 2. – С. 197–226.

Лифшиц, М. А. (в) Народность искусства и борьба классов / М. А. Лифшиц // Собрание сочинений. – М. : Изобразительное искусство, 1986. – Т. 2. – С. 245–294.

Лифшиц, М. А. (г) Народность искусства и борьба классов / М. А. Лифшиц // Собрание сочинений. – М. : Изобразительное искусство, 1986. – Т. 2. – С. 245–294.

Лифшиц, М. А. Либерализм и демократия / М. А. Лифшиц. – М. : Искусство – XXI век, 2007. – С. 250–251.

Лукач, Г. Эммануил Левин / Г. Лукач // Литературное обозрение. – 1937. – № 19–20. – С. 55–62.

Магун, А. Отрицательная революция Андрея Платонова / А. Магун. – Текст : электронный // НЛО. – 2010. – URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/ma7-pr.html (дата обращения: 03.04.2021).

Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс. – М., 1959. – URL: https://www.marxists.org/archive/marx/works/1844/manuscripts/labour.htm (дата обращения: 03.04.2021).

Михеев, М. Ю. Платоновская душа, или неполучившаяся утопия / М. Ю. Михеев // «Страна философов» Андрея Платонова. Проблемы творчества. – М. : ИМЛИ, 1998. – Т. 3. – С. 159–170.

Найман, Э. Из истины не существует выхода (Андрей Платонов между двух утопий) / Э. Найман // НЛО. – 1994. – № 9. – С. 233–250.

Паперный, В. З. Культура Два / В. З. Паперный. – 3-е изд., испр. доп. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 408 с.

Платонов, А. П. О первой социалистической трагедии / А. П. Платонов // Воспоминания современников. Материалы к биографии. – М. : Современный писатель, 1994. – 320 с.

Платонов, А. П. Записные книжки. Материалы к биографии / А. П. Платонов ; публикация М. А. Платоновой ; составление, подготовка текста, предисловие и примечание Н. В. Корниенко. – М. : Наследие, 2000. – 424 с.

Платонов, А. П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы. Собрание сочинений / А. П. Платонов ; сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко. – М. : Время, 2011. – 624 с.

Платонов, А. П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / А. П. Платонов ; сост. комментарии Н. В. Корниенко ; подготовка текста Н. В. Корниенко и Е. В. Антоновой. – М. : Время, 2011. – 585 с.

Платонов, А. П. Роман, повесть, рассказы / А. П. Платонов ; сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко. – 2-е изд. – М. : Время, 2011. – 149 с.

Платонов, А. П. «…я прожил жизнь»: Письма 1920–1950 / А. П. Платонов ; сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко [и др.]. – М. : Астрель, 2013. – 688 с.

Полтавцева, Н. Г. Платонов и Лукач (из истории советского искусства 1930-х годов) / Н. Г. Полтавцева. – Текст : электронный // НЛО. – 2011. – URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/platonov-i-lukach.html (дата обращения: 03.04.2021).

Солженицын, А. И. «Бодался телёнок с дубом» / А. И. Солженицын // Очерки литературной жизни. – Париж : YMCA-PRESS, 1975.

Фадеев, А. Об одной кулацкой хронике / А. Фадеев // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии : сборник. – М. : Современный писатель, 1994. – С. 268–278.

Хелльбек, Й. Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи / Й. Хелльбек. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – 424 с.

Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. – М., 2006.

Brown, E. The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928-1932 / E. Brown. – New York, 1971.

Clark, K. The Soviet Novel: History as Ritual / K. Clark. – Chicago, 1981.

Clark, K. Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931-1941 / K. Clark. Cambridge : MA, 2011.

Dunham, V. S. n Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction V. S. Dunham. – Cambridge : MA, 1976.

Erley, M. Dialectics of Nature in Kara-Kum: Andrei Platonov's Dzhan as the Environmental History of a Future Utopia / M. Erley // In Slavic Review. – 2014. – № 73. – P. 727–750.

Fitzpatrick, S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Etraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s / S. Fitzpatrick. – Oxford, 2000.

Flatley, M. Affective Mapping: Melancholia and the Politics of Modernism / M. Flatley. – Cambridge : MA, 2008. – P. 158–192.

Gorham, M. Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia / M. Gorham. – Dekalb, 2003.

Halfin, I. Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial / I. Halfin. – Cambridge, 2003.

Kotkin, S. Magnetic Mountaion: Stalinism as a Civilization / S. Kotkin. – Berkeley, 1995.

Lahusen, T. How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia / T. Lahusen. – Ithaca, NY, 1994.

Lefort, C. (1986) Outline of the Genesis of Ideology in Modern Societies in The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism, ed. John B. Thompson / C. Lefort. – Cambridge : MA, 1986.

Livers, K. (2004) Constructing the Stalinist Body: Fictional Representations of Corporeality in the Stalinist 1930s. / K. Livers. – Lanham, MD, 2004.

Malia, M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991 / M. Malia. – New York : Free Press, 1994. – 575 p.

Naiman, E. Afterword / E. Naiman // In Slavic Review. – 2014. – № 73 (4). – P. 801–804. – DOI:10.5612/slavicreview.73.4.801.

Priestland, D. Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power and Terror in Inter-war Russia / D. Priestland. – Oxford, 2007. – P. 267–269.

Seifrid, T. Andrei Platonov: Uncertainties of Spirit / T. Seifrid. – Cambridge, 1992. – 175 p.

Skakov, N. (2014). Introduction: Andrei Platonov, an Engineer of the Human Soul / N. Skakov // Slavic Review. – 2014. – № 73 (4). – P. 719–726. – DOI:10.5612/slavicreview.73.4.719.

Skakov, N. Soul Incorporated / N. Skakov // Slavic Review. – 2014. – № 73 (4). P. 772–800. – DOI:10.5612/slavicreview.73.4.772.

Slavic Review. – Winter 2014. – Vol. 73. – URL: https://www.jstor.org/stable/10.5612/slavicreview.73.issue-4 (mode of access: 03.04.2021). – Text : electronic.

Stites, R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution / R. Stites. – Oxford University Press, 1989.

Teskey, A. Platonov and Fyodorov: The Influence of Christian Philosophy on a Soviet Writer / A. Teskey. – Amersham, 1982.

Timasheff, N. The Russian Revolution – Nicholas S. Timasheff, The Great Retreat / N. Timasheff. – New York : E. P. Dutton & Co. Inc., 1946. – 470 p.

Trotsky, L. The Revolution Betrayed: What Is the Soviet Union and Where Is It Going? / L. Trotsky. – Detroit : Labor Publications, 1991. – P. 216.

Zubok, V. Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia Harvard University Press / V. Zubok. – 2009. – 464 p.

References

Averbakh, L. (1994). O Tselostnykh masshtabakh i chastnykh Makarakh [About the whole scale and some particularities]. In *Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov: Materialy k biografii: sbornik*. Moscow, Sovremennyy pisatel', pp. 256–267.

Arslanov, V. G. (1995). *Otvety kul'tury na vyzov vremeni. SSSR. 30-e gody: Ocherki* [Response of Culture to the Challenges of the Time]. Moscow, NII teorii i istorii izobrazitel'nykh iskusstv. 258 p.

Brown, E. (1971). *The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932*. New York.

Clark, K. (1981). *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago.

Clark, K. (2011). *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*. Cambridge, MA.

Drubek-Meyer, N. (1994). Rossiya – pustota v kishkakh mira: Schastlivaya Moskva (1932–1936 gg.) A. Platonova kak allegoriya [Russia – Emptiness in the Stomach of the World: Happy Moscow (1932–1936)]. In *NLO*. No. 9, pp. 253–268.

Dunham, V. S. (1976). *In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*. Cambridge, MA.

Duzhina, N. I. (2013). Kotlovan i filosofiya obshchego dela: proshlyi i nyneshnii vzglyad na problemu 'voskresheniya mertvykh'u A. Platonova i N. Fedorova [A Pond and Philosophy of Common Goal]. In *Russian Literature.* No. 73, pp. 25–44.

Erley, M. (2014). Dialectics of Nature in Kara-Kum: Andrei Platonov's *Dzhan* as the Environmental History of a Future Utopia. In *Slavic Review.* No. 73, pp. 727–750.

Fadeev, A. (1994). Ob odnoi kulatskoi khronike [About One Kulak Chronicle]. In *Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov: Materialy k biografii: sbornik*. Moscow, Sovremennyi pisatel', pp. 268–278.

Fitzpatrick, S. (2000). *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Etraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford.

Flatley, M. (2008). *Affective Mapping: Melancholia and the Politics of Modernism*. Cambridge, MA, pp. 158–192.

Geller, M. (1999). *Andrey Platonov v poiskakh schast'ya* [Andrey Platonov in Search for Happiness]. 2nd edition. Moscow, MIK. 432 p.

Gorham, M. (2003). *Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia*. Dekalb.

Gyunter, Kh. (2012). *Po obe storony utopii: konteksty tvorchestva A. Platonova* [On Both Sides of Utopia: Contexts of Platonov's Works] / ed. by V. Gasparov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 216 p.

Gyunter, Kh. (1999). «Schastlivaya Moskva» i arkhetip materi v sovetskoi kul'ture 30-kh godov [Happy Moscow and the Archetype of Mother in the Soviet Culture of the 1930s]. In *«Strana filosofov» Andreya Platonova: problemy tvorchestva. Issue III*. Moscow, pp. 170–175.

Halfin, I. (2003). *Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge.

Khell'bek, Y. (2021). *Revolyutsiya ot pervogo litsa: Dnevniki stalinskoi epokhi* [Revolution from the First Person: Notes of Stalin Epoch]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 424 p.

Kornienko, N. V. (1999). Proletarskaya Moskva zhdet svoego khudozhnika [Proletarian Moscow is Waiting for an Artist]. In Kornienko, N. V. (Ed.). *Strana filosofov Andreya Platonova: Problemy tvorchestva*. Moscow. Vol. 3, pp. 357–371.

Kornienko, N. V. (2010). *Kommentarii k platonovskoi knige «Schastlivaya Moskva»: Ocherki i rasskazy 1930-kh godov* [Comments to Platonov's book "Happy Moscow"]. Moscow, pp. 585–594.

Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountaion: Stalinism as a Civilization*. Berkeley.

Lahusen, T. (1994). *How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia*. Ithaca, NY.

Lefort, C. (1986). *Outline of the Genesis of Ideology in Modern Societies in The Political Forms of Modern Society: Bureaucracy, Democracy, Totalitarianism, ed. John B. Thompson*. Cambridge MA.

Lifshits, M. A. (1932). Marks [Marx]. In *Literaturnaya entsiklopediya*. Moscow. Vol. 6, pp. 864–871.

Lifshits, M. A. (1972). *Karl Marks. Iskusstvo i obshchestvennyi ideal* [Karl Marx. Art and Social Ideal]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 472 p.

Lifshits, M. A. (1984). Veter istorii [The Wind of History]. In *Sobranie sochinenii*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo. Vol. 1, pp. 273–316.

Lifshits, M. A. (1986). Narodnost'iskusstva i bor'ba klassov [People's Art and Class Struggle]. In *Sobranie sochinenii*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo. Vol. 2, pp. 245–294.

Lifshits, M. A. (1986). Leninizm i khudozhestvennaya kritika [Lenin and Art Criticism]. In *Sobranie sochinenii*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo. Vol. 2, pp. 186–196.

Lifshits, M. A. (1986). Protiv vul'garnoi sotsiologii. Kriticheskie zametki [Against Vulgar Sociology. Critical Remarks]. In *Sobranie sochinenii*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo. Vol. 2, pp. 197–226.

Lifshits, M. A. (2007). *Liberalizm i demokratiya* [Liberalism and Democracy]. Moscow, Iskusstvo – XXI vek, pp. 250–251.

Livers, K. (2004). *Constructing the Stalinist Body: Fictional Representations of Corporeality in the Stalinist 1930s*. Lanham, MD.

Lukach, G. (1937). Emmanuil Levin [Emmanuil Levin]. In *Literaturnoe obozrenie*. No. 19–20, pp. 55–62.

Magun, A. (2010). Otritsatel'naya revolyutsiya Andreya Platonova [Negative Revolution of A. Platonov]. In *NLO*. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/ma7-pr.html (mode of access: 03.04.2021).

Malia, M. (1994). *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. *New York*, Free Press. 575 p.

Marks, K. (1959). *Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 g.* [Economis and Philosophical Writings 1844]. Moscow. URL: https://www.marxists.org/archive/marx/works/1844/manuscripts/labour.htm (mode of access: 03.04.2021).

Mikheev, M. Yu. (1998). Platonovskaya dusha, ili nepoluchivshayasya utopiya [Platonov's Soul and a Spoilt Utopia]. In *«Strana filosofov» Andreya Platonova. Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI. Vol. 3. pp. 159–170.

Nayman, E. (1994). Iz istiny ne sushchestvuet vykhoda (Andrey Platonov mezhdu dvukh utopii) [There Is No Escape from the Truth]. *NLO*. No. 9. pp. 233–250.

Naiman, E. (2014). Afterword. *In Slavic Review*. *No.* 73 (4), pp. 801–804. DOI:10.5612/slavicreview. 73.4.801.

Paperny, V. Z. (2011). *Kul'tura Dva* [Culture Number Two]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 408 p.

Platonov, A. P. (2000). *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for Biography]. Moscow, Nasledie. 424 p.

Platonov, A. P. (2010). *Schastlivaya Moskva: Roman, povest', rasskazy. Sobranie sochinenii* [Happy Moscow] / ed. by N. V. Kornienko. Moscow, Vremya. 624 p.

Platonov, A. P. (2011). *Fabrika literatury: Literaturnaya kritika, publitsistika* [Factory of Literature: Literary Criticism, Publicistic] / ed. by N. V. Kornienko. Moscow, Vremya. 585 p.

Platonov, A. P. (2011). Roman, povest', rasskazy [Novel, Narrative, Story] / ed. by N. V. Kornienko. Moscow, Vremya. 149 p.

Platonov, A. P. (1994). O pervoi sotsialisticheskoi tragedii [About the First Socialistic Tragedy]. In *Vospominaniya sovremennikov. Materialy k biografii*. Moscow, Sovremennyy pisatel'.

Platonov, A. P. (2013). *«…ya prozhil zhizn'»: Pis'ma 1920–1950* ["I Have Lived My Life": Letters 1920–1950] / ed. by N. Kornienko. Moscow, Astrel'. 688 p.

Poltavtseva, N. G. (2011). Platonov i Lukach (iz istorii sovetskogo iskusstva 1930-kh godov) [Platonov and Lukasc (from the History of the Soviet Art of the 1930-s)]. In *NLO*. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/platonov-i-lukach.html (mode of access: 03.04.2021).

Priestland, D. (2007). *Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power and Terror in Inter-war Russia*. Oxford, pp. 267–269.

Seifrid, T. (1992). *Andrei Platonov: Uncertainties of Spirit*. Cambridge. 175 p.

Skakov, N. (2014). Introduction: Andrei Platonov, an Engineer of the Human Soul. *In Slavic Review*. No. 73 (4), pp. 719–726. DOI:10.5612/slavicreview.73.4.719.

Skakov, N. (2014). Soul Incorporated. *In Slavic Review*. No. 73 (4), pp. 772–800. DOI: 10.5612/slavicreview.73.4.772.

Slavic Review. (2014). Vol. 73. Winter. URL: https://www.jstor.org/stable/10.5612/slavicreview.73.issue-4 (mode of access: 03.04.2021).

Solzhenitsyn, A. I. (1975). Bodalsya telenok s dubom [A Veal Against an Oak]. In *Ocherki literaturnoy zhizni*. Paris, YMCA-PRESS.

Stites, R. (1989). *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. Oxford University Press.

Teskey, A. (1982). *Platonov and Fyodorov: The Influence of Christian Philosophy on a Soviet Writer*. Amersham.

Timasheff, N. (1946). *The Russian Revolution – Nicholas S. Timasheff, The Great Retreat*. New York, E. P. Dutton & Co. Inc. 470 p.

Trotsky, L. (1991). *The Revolution Betrayed: What Is the Soviet Union and Where Is It Going?* Detroit: Labor Publications, p. 216.

Yurchak, A. (2006). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was Forever until It Was Over. The Last Soviet Generation]. In Moscow.

Zubok, V. (2009). *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia Harvard University Press*. 464 p.

Данные об авторе

Хазанов Павел – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого, русского и восточноевропейских языков и литературы, Ратгерский университет (Нью-Брансуик, США).

Адрес: 15 Seminary Place, Rm 4123, New Brunswick, NJ 08901

E-mail: pavel.khazanov@rutgers.edu

Author's information

Khazanov Pavel – PhD, Assistant Professor of Russian Department of German, Russian and Eastern European Languages and Literatures, Rutgers University (New Brunswick, USA).

УДК 821.161.1-4(Платонов А.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-06.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И «ЖИВАЯ ДИАЛЕКТИКА» «ПУШКИНСКОГО ПЕРСОНАЖА»[1]

Сипли Дж.
Гамильтонский колледж (Клинтон, США)
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8209-0825

Аннотация. В статье описывается работа А. Платонова в журнале «Литературный критик». В центре внимания находится литературно-критическая полемика авторов журнала с официальными советскими литературными кругами. Исследуются платоновские статьи о Пушкине, написанные к юбилею поэта. Статьи Платонова о Пушкине представляют собой попытку осмыслить наследие пушкинского приема художественного вдохновения и политического энтузиазма, или, используя термин Платонова для обозначения и того, и другого, *воодушевления* во время сталинских 1930-х годов. В своих статьях Платонов воплощает романтический миф о поэте как о голосе молчаливого русского народа. В статье «Пушкин и Горький» особое внимание уделяется платоновской интерпретации стихотворения «Пророк», по отношению к которому Платонов наиболее точно формулирует свое понимание наследия поэта при социализме.

Автор отмечает противоречие между платоновским определением советских трудящихся масс как настоящих наследников пушкинского творчества и его признанием Ленина, Сталина и Горького в качестве политических и художественных последователей поэта. Делается вывод о том, что платоновский диалектический подход был попыткой «задавить, пересилить <…> энергичной, интеллектуальной силой труднейшие» противоречивые принципы работы «живым принципом», который, по мнению Платонова, родился из страданий, испытываемых беднейшими трудящимися Советского Союза и всего остального мира.

Ключевые слова: А. Платонов; А. Пушкин; критика; философия; диалектический подход.

ANDREI PLATONOV AND THE “LIVING DIALECTIC” OF THE PUSHKINIAN PERSON

Jason Cieply
Gamilton College (Clinton, USA)
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8209-0825

Abstract. The article describes Andrei Platonov’s work in the journal *Literary Critic*, with a focus on the literary-critical dispute between the authors of the journal and the representatives of the official Soviet literary circles. The author studies Platonov’s articles about Pushkin, written for the poet’s jubilee. Platonov’s articles about Pushkin represent an attempt to understand the legacy of Pushkin’s trope of artistic and political inspiration, or, to use Platonov’s term for both, *voodushevlenie*, in the Stalinist 1930s. In his articles, Platonov deploys the Romantic myth of the poet as the voice of the silent Russian people. In “Pushkin and Gorky”, prominence is given to Platonov’s interpretation of the poem “The Prophet”, in relation to which Platonov formulates his understanding of the poet’s legacy under socialism.

The article notes the contradiction between Platonov’s definition of the Soviet working masses as true inheritors of Pushkin’s creative activity and the recognition of Lenin, Stalin and Gorky as political and artistic followers of the poet. The author draws conclusion that Platonov’s dialectical approach was an attempt to “overcome, to overpower the most difficult and contradictory principles of work with a living, energetic, intellectual force”, a “living principle”, which, Platonov believed, was born of suffering dispersed throughout the poor working people of the Soviet Union and the rest of the world.

Keywords: A. Platonov; A. Pushkin; critic; philosophy; dialectical approach.

[1] Cieply, Jason. “Andrei Platonov and the ‘Living Dialectic’ of the ‘Pushkinian Person.’” Pushkin Review 20.1 87–99. Web.

© Дж. Сипли, 2021

Для цитирования: Сипли, Дж. Андрей Платонов и «живая диалектика» «пушкинского персонажа» / Дж. Сипли. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 87–97. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-06.

For citation: Cieply, J. (2021). Andrei Platonov and the "Living Dialectic" of the Pushkinian Person. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 87–97. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-06.

За последние годы опубликовано немало работ о сотрудничестве Андрея Платонова с Дьёрдем Лукачем, Михаилом Лифшицем и другими авторами, печатающимися в «Литературном критике», а также членами дискуссионной группы «Течение»[1]. Встреча двух наиболее значимых марксистских эстетов – при том, что один из них был давно всемирно известен, а другой заново открывается только сейчас – с писателем, которого по праву можно назвать крупнейшим пролетарским прозаиком, рожденным русской революцией, кажется фантастической. Обстоятельства этого сотрудничества носят драматический характер. Эти три мыслителя вступили в публичную литературно-критическую полемику с ведущими представителями советских официальных литературных кругов, включая Валерия Кирпотина и Владимира Ермилова [Платт 2016: 156]. Между тем, на антипартийную группу «Литературный критик» был написан тайный донос, адресованный Иосифу Сталину, Андрею Жданову и другим членам Центрального Комитета всесоюзной коммунистической партии во времена разгула сталинского террора[2]. Горячие споры между двумя группами касались социалистического реализма, «народного духа (народности)», гуманизма, типологии положительных героев, оптимизма, эстетизма и их места в советской литературе. Пушкинский юбилей 1937 года превратил наследие поэта в ключевую арену этих полемических сражений. Именно в таком контексте Платонов опубликовал две объемные статьи о Пушкине – «Пушкин – наш товарищ» и «Пушкин и Горький» – в январском и июньском номерах «Литературного критика».

Вклад Платонова в это интеллектуальное течение был разноплановым. В дополнение к участию в дискуссионном кружке этой группы, он публиковал рассказы, критические статьи, рецензии на работы российских, советских и зарубежных авторов и полемические статьи в «Литературном критике» (а также в других журналах и газетах, например, «Литературном обозрении» и «Литературной газете») в 1936–1940 годах. В статье «О вредных взглядах Литературного критика», которая была не чем иным как полемической атакой на журнал, Ермилов писал, что Платонов был «художником-критиком в буквальном смысле слова»[3]. Скорее всего, Ермилов случайно употребил эту сложную конструкцию, которая характеризует литературно-критический стиль платоновских сочинений этого периода. Не будучи ни жестким литературным термином, ни продуктом случайного вдохновения, такие конструкции включают в себя два компонента, которые в совокупности составляют нечто большее или меньшее, чем они обозначали бы, будучи употреблены отдель-

[1] Наталья Полтавцева была одной из первых ученых XXI века, вернувшихся к этому плодотворному периоду сотрудничества между тремя мыслителями: Наталья Полтавцева, «Гуссерлианское, космическое и Пушкинское начала в Платонове». Эссе в области поэтики, 27: 2 (2002): 97–113; Полтавцева «Платонов и Лукач: Из истории советского искусства 1930-х годов», Новое литературное обозрение, 107: 1 (2011): 253–270. Джонатан Платт выделил целую главу для описания сотрудничества Лифшица и Платонова в своей книге о Пушкине, изданной к юбилею поэта: Джонатан Брукс Платт «Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт» (Питтсбург: Изд-во Питсбургского университета, 2016). Статья Павла Хазанова предлагает новое прочтение платоновской «Счастливой Москвы» в свете интеллектуального сотрудничества Лифшица и Платонова в этот период времени: Павел Хазанов «Честные якобинцы: Мощный сталинизм и социалистический субъективизм Михаила Лифшица и Андрея Платонова», Русское обозрение 77: 4 (2018): 2–27.

[2] «Из докладной записки секретарей ССП СССР А. А. Фадеева и В. Я. Кирпотина секретарям ЦК ВКП (б) «Об антипартийной группировке в советской критике», В кн.: «Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917–1973, под ред. Андрея Артизова и Олега Наумова (М.: Демократия, 1999), 439–444. См. также: Александр Галушкин, «Андрей Платонов – И. В. Сталин – Литературный критик». В. кн: «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества». Под ред. Н. В. Корниенко (М.: Наследие, 2000), 4: 817–822; Н. В. Корниенко. Комментарий к «Фабрике литературы: Литературная критика, Публицистика. Ред. Корниенко (М.: Время, 2011), 668.

[3] Ермилов В. «О вредных взглядах Литературного критика», Литературная газета, 10 сентября 1939 г.

но. В 1938 году авторитет Платонова как советского критика позволил ему заключить договор с издательством «Советский писатель» о публикации сборника критических статей и рецензий под «скромным» названием «Размышления читателя». В августе 1939 года издательство уже начало печатать книгу, когда разворачивающаяся кампания против «Литературного критика» остановила публикацию. В сентябре Платонову сообщили, что эссе «Пушкин и Горький» будет исключено из книги, а на статьи о Пушкине был дан негативный отзыв в ермиловской статье, осуждающей «вредные взгляды» «Литературного критика». В 1940 году сборник был окончательно снят с печати и отправлен на полку на неопределенное время после отрицательной внутренней рецензии, написанной не кем иным, как Кирпотиным, тогдашним директором отдела рецензирования Союза советских писателей.

Кроме критических статей, Платонов опубликовал несколько прекрасных зрелых прозаических работ в «Литературном критике», включая рассказы «Бессмертие» и «Фро» (№ 8, 1936). Согласно доносу Кирпотина и Ермилова, журнал «восхвалял Платонова» и «приводил его в качестве примера» для остальных советских писателей: «Литературный критик» сделал Платонова своим знаменем, «на него указывают, как на образец»[1]. После смерти Горького в 1936 году, эти гуманистически настроенные левые мыслители увидели шанс оспорить некоторые отличительные особенности социалистического реализма и попытались протащить свою собственную теоретически утонченную эстетику и высокопрофессиональную социалистическую прозу Платонова в качестве новых стандартов советского искусства. Начиная с опубликованной в 1937 году статьи «Эммануэль Левин» и до наших дней, один из наиболее проницательных исследователей Платонова, Лукач иллюстрирует этот новый идеал на основе платоновского рассказа «Бессмертие». Он противопоставляет главного героя рассказа «готовым» героям советской литературы, пытаясь «сконструировать отвлеченные, но зато вполне определенные, 'чистые', 'социалистические' свойства и резко противопоставить их другим, также строго определенным и изолированным чертам, характерным для классового общества»[2]. В противовес этому, Платонову удается «показать сложный, полный противоречий процесс становления нового человека в общественной среде, тоже переживающей период становления и еще страдающей от экономических и идеологических пережитков капитализма»[3]. Эта трансформация «выражается с помощью сложной диалектики», в которой «процесс труда… органически сочетается с расцветом личности», а «живое взаимодействие между достоинствами и недостатками личности» изображается таким образом, что они исходят друг от друга и от «основны[х] проблем современности»[4]. В течение последующих лет платоновский рассказ и статья Лукача, а также платоновские статьи о Пушкине, станут ключевыми произведениями в приобретающей все большее значение полемике, которая в итоге завершится партийным постановлением о закрытии «Литературного критика» [Галушкин 2003: 817].

Празднование пушкинского юбилея и публичные дебаты 1937 года разбудили в Платонове активный интеллектуальный и творческий интерес к наследию гениального поэта в советских 1930-х годах. Сначала Платонов заинтересовался восприятием и значением Пушкина для обычных советских людей. Главная прозаическая работа этого периода – утерянный роман «Путешествие из Ленинграда в Москву» – задумывалось как ремейк «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Радищева (1790) и пушкинского описания обратной поездки «Путешествие из Москвы в Петербург» [Платт: 2016: 165]. В феврале 1937 года, сразу после опубликования «Пушкин – наш товарищ» в январском номере «Литературного критика», Платонов предпринял путешествие на почтовой лошади в Москву, где должно было состояться пленарное заседание писателей, посвященное столетней годовщине смерти Пушкина [Корниенко 1995: 325].

[1] Цит. по: «Из докладной записки секретарей ССП СССР», 442–443.
[2] Д. Лукач, «Эммануэль Левин», «Литературное обозрение», № 19–20 (1937): 55.
[3] Д. Лукач, «Эммануэль Левин», 55.
[4] Там же: 58, 59.

Оставаясь верным духу своих литературных предшественников, Платонов думал не о предстоящих празднованиях, а о реальных условиях жизни за пределами советских столичных городов, о бедности и страданиях, которые он наблюдал во время остановок по пути, и об удивительной способности встреченных им людей выживать в этих условиях. Следующие наблюдения являются характерными записями в его путевом дневнике: «Народ весь мой бедный и родной. Почему, чем беднее, тем добрее [?]», «Какой здесь простой, доверчивый, нетребовательный, терпеливый народ – и дети тоже, как ангелы», и «Есть отвыкли еще в 1921 году, да так и не привыкли: мало едят»[1]. В статье «Пушкин – наш товарищ» Платонов пишет, что «поэт ясно ощущал, что главная дорога истории началась где-то в стороне» [Платонов 2018: 111] Платонов считал, что только на периферии, вдалеке от центральных властей, среди бедных рабочих людей можно по-настоящему определить истинную ценность Пушкина для исторического развития социализма. Платоновский Пушкин – это автор «Повестей Белкина», у которого «'черный народ', мелкие служащие, смотрители почтовых станций, коменданты забытых крепостей, крестьяне, пугачевцы, придорожные кузнецы и мастеровые, обездоленные девушки становятся предметом изучения и творчества…» [Платонов 2011: 78]. Более длинная статья «Пушкин и Горький» полна таких героев – «пушкинских людей» в терминологии Платонова. В соответствии с платоновским пониманием истории, пушкинский образ обнаруживается только в их лицах, страданиях и вдохновенном труде.

«Пушкин – наш товарищ» начинается с размышления о рабочих людях, об их уважении к интеллектуальному труду литератора, вытекающем из их собственного опыта физического труда, о существенном сходстве творческой деятельности поэта и рабочего-стахановца. Пугачевское восстание, восстание декабристов, и медленное, тщательное, сопровождаемое проговариванием чтение пушкинских стихов рабочими изображаются на той же исторической траектории, утопической конечной целью которой является универсализация вдохновенной творческой деятельности при социализме. Платоновские размышления о трезвой оценке Пушкиным революционного потенциала Пугачева и декабристов (и его извинение за неучастие Пушкина в событиях 1825 года) явно перекликаются с интерпретацией Лифшицем «гуманной резиньяции», приписываемой Пушкину В. Белинским[2]. Группа «Течение» организовала согласованную кампанию по развенчанию двухмерного образа Пушкина как неунывающего оптимиста с безграничной жаждой радостей жизни, создаваемого в советской прессе [Платт 2016: 162–163]. В главе «Заметки о Пушкинском оптимизме» из неопубликованной книги Лифшица отмечается, что ценность Пушкина для советских читателей состоит не в его «безграничной любви к жизни» или «действенном оптимизме», а в его способности «глубоко страдать от диссонансов и противоречий жизни», и в «его глубокой вере в историческое движение, в будущее своего народа»[3]. Точно так же, платоновские статьи о Пушкине представляют собой попытку создать истинный образ художественного вдохновения и политического энтузиазма, или, используя термин Платонова для обозначения и того и другого, воодушевления. Для Платонова воодушевление содержит в себе реальную диалектически отрицательную ориентацию на мировое страдание, и вместе с тем стимулирует этически обоснованный творческий труд.

Прочтение критиком «Медного всадника» имеет центральное значение для платоновской защиты двойственного отношения Пушкина к российской революционной истории. Платонов приравнивает преобразующую мир творческую деятельность просвещенного самодержца, Петра Первого, к простой, жертвенной любви Евгения – «правда, в области, доступной каждому бедняку, но недоступной сверхчеловеку: в любви к другому человеку» [Платонов 2011: 75]. Социальное положение

[1] Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, «НАСЛЕДИЕ». 2000. С. 193, 195, 208

[2] М. Лифшиц. «Заметки об оптимизме Пушкина (глава из неопубликованной книги)». Ред. В. М. Герман и А. М. Пичикян, Альтернативы, № 2 (1999), 75.

[3] М. Лифшиц. «Заметки об оптимизме Пушкина», 62, 72, 88–89.

Евгения свело его возможности творческого выражения и политической деятельности к любви к Параше, но, по мнению Платонова, без него Петр I превратил бы весь мир в «бронзу», а Адмиралтейская игла превратилась бы «в подсвечник у гроба умершей (или погубленной) поэтической человеческой души» [Платонов 2011: 77].

Современный читатель будет прав, если почувствует здесь предупреждение об опасности сталинского творческого импульса, но он также вправе почувствовать уважение к лидеру в словах: «дело Петра только начато, а вовсе не завершено.», и «[Пушкин], мечтавший о повторении явления Петра, 'строителя чудотворного', что бы он почувствовал теперь?...» [Платонов 2011: 76, 84] И на самом деле, первый черновик статьи заканчивается платоновским рассказом о том, как он слушал ученика, читающего стихотворение Пушкина «Вакхическая песня», заменив окончание следующими словами: «Да здравствует Сталин, да скроется тьма!»[1] [Платонов 2011: 678–679]. Можно с осторожностью объяснить такое отношение к Сталину только политическими мотивами, особенно в свете платоновской статьи «Преодоление злодейства», которая, будучи опубликована в том же месяце, называла «уничтожение... злодеев» Карла Радека и Георгия Пятакова на сталинском показательном процессе «естественным, жизненным делом» [Платт 2016: 165]. С учетом сказанного, чтобы объяснить платоновскую аллюзию на фигуру Сталина, стоит принять во внимание его собственное замечание по интерпретации сложного пушкинского представления отношений между самодержцем и его подданным. Согласно Платонову, было бы неправильно принимать пушкинскую хвалу в адрес Петра I за чистую монету. Мы должны, скорее, отдавать себе отчет в том, что «Пушкин решил истинные темы «Медного Всадника»... не логическим, сюжетным способом, а способом «второго смысла», где решение достигается не действием персонажей поэм, а всей музыкой, организацией произведения, – добавочной силой, создающей в читателе еще и образ автора, как главного героя сочинения» [Платонов 2011: 78]. Для Платонова имеет значение то, что пушкинское искусство и заключающееся в нем глубокое, тонкое историческое восприятие универсализуется как «источник всемирного социалистического воодушевления» [Там же: 84].

Впервые представленная в статье «Пушкин – наш товарищ» тема медленного, болезненного процесса, в результате которого обычные люди начинали приближаться к пушкинским образам воодушевления и предвидения, становится центральной в статье «Пушкин и Горький». Платонов переосмысливает эти ключевые аспекты пушкинской поэтической мифологии с позиций материалистической диалектики как «живое, рациональное чувство», которое, будучи порожденным ежедневным столкновением рабочих людей с окружающей реальностью, подстраивает их к происходящим историческим процессам и ведет их в их преобразующем труде, с помощью которого они подчиняют их своей воле[2]. Платонов пишет: «Но великая поэзия и жизненное развитие человека, как средство преодоления исторической судьбы и как счастье существования, могут питаться лишь из источников действительности, из практики тесного, трудного ощущения мира, – в этом и есть разгадка народного происхождения истинного искусства» [Платонов 2011: 98–99]. Это «трудно[е] ощущени[е] мира» предполагает не только физический труд, но и реальную бедность и человеческие страдания, «общественное угнетение и личную, часто смертоносную, судьбу», которые «заставляют людей искать и находить выход из их губительного положения» [Платонов 2011: 95, 99]. Эти обстоятельства, в совокупности с «[ч]еловеческим действенн[ым] воодушевление[м]» дают людям все, что нужно для достижения цели: «и поэзию, и политику, и долготерпение, и прямую революцию» [Там же 2011: 108:].

[1] Платонов А. П. Фабрика литературы / Комментарий Корниенко Н. В. к статье «Пушкин – наш товарищ». С. 678–679.

[2] Об этом идеальном «гибриде разума и чувства» и его отношении к платоновскому пониманию искусства Пушкина см.: Платт. «Здравствуй, Пушкин», 171; и Андрей Платонов. «Пушкин и Горький», «Пушкинское обозрение» 2018. Вып. 20. С. 117–139.

Как ни странно, Пушкин делает Татьяну Ларину архетипичным пушкинским «бедным человеком», который, наряду с «крепостн[ым] раб[ом], городск[им] простолюдин[ом], мелк[им] служащ[им] чиновник[ом], обездоленной женщин[ой]» находит «силу своего счастья и спасения в собственном жизненном развитии, ассимилирующем всякое горе, в естественной тайне своего человеческого сердца, в женственном чувстве, которое верно бережет другого человека и до сих пор хранит и сохранило целое неистовое человечество» [Там же: 95, 96–97]. Статью «Пушкин и Горький» вряд ли можно считать типичной работой феминистской критики, но в ней присутствуют немало интересных наблюдений, касающихся женщин – Татьяна и ее нянюшка, Пушкин и его товарищ «по «профессии»» Арина Родионовна, Павел Власов и его мать, Пелагея Ниловна из романа Горького «Мать», и отношения между Горьким и его бабушкой – которые подводят Платонова к «известной мысли, что женщины, пожалуй, более «главные» люди, чем мужчины, – более драгоценные, в сущности, и не потому только, что они детей могут рожать» [Там же: 115, 116].

Наиболее убедительной и более значимой для платоновского понимания Пушкина является мнение (вдохновленное Лифшицем или, по крайней мере, созвучное с его мышлением), что в редких случаях человек, похожий на Татьяну или самого Пушкина, может выйти за пределы своего социального статуса. Тогда он становится способным индивидуализировать страдание, причиняемое противоречиями своего общества, и может трансформировать его во внутреннее чувство, способное дать людям выражение, утешение, силу и повышенную эстетическую чувствительность. Платонов воплощает в себе романтический миф о поэте как о голосе молчаливого русского народа, подчеркивая, что такое лирическое выражение народного сознания становится возможным благодаря тому, что «сам будущий пророк – лишь измученный человек, правда, измученный особой мукой» [Там же: 100]. Платонов, однако, меняет направление романтической иерархии творческого процесса, изображая Пушкина «коллективным произведением народа, качеством, трудно превращенным из количества» [Там же: 102].

Центральным пушкинским текстом в статье «Пушкин и Горький» является стихотворение «Пророк», и именно по отношению к этому стихотворению Платонов наиболее точно формулирует свое понимание наследия поэта при социализме. Теперь «истинная огненная сила входит в нас извне, из великого волшебного мира; «угль, пылающий огнем», зажжен не внутри одного, одинокого сердца человека, «угль» зажжен в общем мире: может быть, он собран по лучинке с каждой души и совмещен вместе, в один сосредоточенный, страшный жар» [Там же: 100]. По мнению Платонова, то, что раньше было «живы[м], разумн[ым] чувство[м]» отдельного необыкновенного человека, становится затем «душой, чувством, привязанностью сердца и мыслью» [Там же: 94] миллионов людей. В то же время, Платонов продолжает верить, что «одна пушка все же сильнее многих тысяч кулаков», и что только цельный «раскаленный уголь», а не множество горящих лучин, способен выражать подлинное самосознание [Там же: 103].

Вопрос о возможной социалистической реинкарнации Пушкина и о притязаниях Максима Горького на этот титул, сформулированный на последних страницах статьи «Пушкин – наш товарищ», становится центральной темой статьи «Пушкин и Горький». Вторая статья пронизана явным противоречием между платоновским определением советских трудящихся масс как настоящих наследников пушкинского творчества и его признанием Ленина (и, соответственно, Сталина) и Горького в качестве политических и художественных последователей поэта. Следствием последнего утверждения является то, что статья «Пушкин и Горький» изобилует сомнительными рассуждениями о различных недостатках всех главных российских писателей перед лицом Пушкина как своего учителя. Действительно, временами читателю практически хочется присоединиться к ермиловской характеристике размышлений Платонова о каноне постпушкинских писателей как о «доморощенном», «вульгарн[ом] и мрачн[ом] бред[е]».[1] Кажется, что в статье «Пушкин

[1] Ермилов В. О вредных взглядах «Литературного критика».

и Горький» атмосфера и пафосный дискурс юбилея 1937 года глубоко пронизывают Платоновский авторский голос, по крайней мере, в виде интонационного компонента сказовой «музыки», в которой мы должны постараться рассмотреть образ «художника-критика». В какой-то мере, мы можем отнести стилистическую и композиционную неравномерность статьи на счет платоновской народной ориентации. По замечанию исследователя Платонова Льва Шубина о проекте «Размышления читателя» в целом, Платонов «стремился говорить о книгах других писателей не как критик-профессионал, а просто как читатель» [Шубин 1970: 247]. К этому стоит добавить, что Платонов хорошо понимал дискурсивное окружение своих читателей, как простых людей, так членов партии, и он, скорее всего, прилагал усилия для того, чтобы дойти до первых и ублажить последних.

Вдобавок к тому, что он был «художником-критиком», Платонов был еще и настоящим философом, и если мы хотим оценить его статус по отношению к таким ведущим мыслителям-диалектикам, как Лифшиц и Лукач, то мы должны сначала осознать глубоко сидящий популизм и ориентацию на реальную жизненную практику, которые сформировали его мышление. Научные работы по изучению сотрудничества Платонова с «Литературным критиком» склонны преувеличивать влияние этих философов на Платонова. Один исследователь зашел даже так далеко, что назвал критические статьи Платонова «трансляторами идей и позиций 'течения'»[1]. Для Платонова, гегелевская строгость взглядов Лифшица и Лукача способствовала их интеллектуальному сотрудничеству, но было бы более правильным охарактеризовать отношения между этими двумя философами вслед за Павлом Хазановым как «конвергентную интеллектуальную траекторию»[2]. Трагическое и вместе с тем продуктивное диалектическое отрицание, которое ставит Платонова в один ряд с Лифшицем и Лукачем, стало предметом нескольких замечательных работ последних лет о Платонове[3]. Этот негативный компонент платоновского мировоззрения можно увязать с его практическим опытом человеческих страданий и социалистического труда, который рассчитан был на их облегчение в первые годы после революции. В 1921 году родная для Платонова Воронежская область пострадала от ужасного голода, и эта картина массового вымирания людей произвела на него такое сильное впечатление, что, по его собственным словам, «будучи техником, [он] не мог больше заниматься созерцательным делом – литературой» [Иноземцева 1971: 100]. Вместо этого, он решил посвятить себя практике производительного труда, получив мотивировку и поддержку от явно отрицательных эмоций, вызванных этими событиями. В статье «Жизнь до конца» в 1921 году он пишет, что «отчаяние, мука и смерть – вот истинные причины человеческой героической деятельности и мощные моторы истории. Мы должны мучиться, миллионами умирать, падать от неистощимой любви, чтобы обрести в себе способность работать»[4]. Платонов счи-

[1] В доказательство этого Полтавцева говорит о позиции Платонова по отношению к таким привычно платоновским темам, как «проблематичная личность», отчуждение, преодолеваемое в творческом и «опредмечивающем» труде, родовая *общность*, превращающаяся в социалистическое общество, изживание старого состояния мира и переход из «предыстории» человечества в подлинную историю. Полтавцева, «Платонов и Лукач», 261).

[2] Хазанов. «Честные якобинцы», 4–5.

[3] Особого внимания заслуживают два недавних исследования места диалектического мышления и негативного влияния в творчестве Платонова. В работе «Аффективное картографирование» Джонатан Флэтли использует термин Реймонда Уильямса «структура чувств» для обозначения «полноценной параллели идеологии… специфическими эмоциональными элементами сознания», которые опосредуют и «формируют нашу эмоциональную привязанность к различным объектам общественного устройства». Флэтли анализирует платоновское использование тоски для определения контуров «субъективности в некапиталистической современности» и утверждает, что платоновские герои являются диалектическими в той степени, в какой они «отмечены тем, что они потеряли». См.: Флатли. «Аффективное картографирование: Меланхолия и политика модернизма» (Кеймбридж, Массачусетс: Изд-во Гарвардского университета, 2008), 26, 178. В своей статье, посвященной Платонову, Артем Магун показывает, каким образом отрицание в трагической прозе Платонова работает как «литературная машина», как «механизмом революционной субъективации», который «очищает» страдание его читателя, придавая ей «действенный, активный (драматический) характер» и «обостряет чувство мира» читателя. См.: Артем Магун. Отрицательная революция Андрея Платонова // Новое литературное обозрение, № 106 (2010). С. 73.

[4] Цит. по: А. П. Платонов. Жизнь до конца. В кн.: Сочинения. Научное издание, т. 1, ч. 2 / Под ред. Н. В. Корниенко М.: ИМЛИ РАН, 2004: 180.

тает, что при отсутствии «настоящей жизни на земле» «много скопилось в душе динамита», и эта сила проявляется в ночных сновидениях «безмолвно и темно и не требует выражения» или «организующей… идеологии»[1]. Таким был невыразимый, полусознательный, диалектический потенциал простого труженика, по мнению молодого Платонова.

В последующие годы Платонов работал инженером-мелиоратором, руководил большими ирригационными и электрификационными проектами в провинции, включая гидроэлектрическую плотину на реке Дон. Именно на основе этого опыта он развил свое диалектическое понимание человеческого труда и истории. В своем докладе «Метод общественных работ», сделанном в 1925 году на краевом совещании по общественно-мелиоративным работам в Саратове; собраниях ирригационных рабочих в Саратове и Ростове, Платонов обозначает два подхода к практике – «формально-логический» и «диалектический»[2]. Учитывая условия проведения работ – «совершенно неквалифицированные рабочие массы, отсутствие в них элементов рабочей дисциплины, переменный состав рабочих, недостаток рабочего инструмента и инвентаря, крайняя срочность исполнения заданий» – эти проекты были «абсурд[ом]» с «формально-логической» точки зрения[3]. Перед лицом таких преград, Платонову пришлось искать другой подход «в живой диалектике: перекрытии и заполнении всех ущербов и неувязок в принципах работ живой силой энергии людей и их организационно-техническим уменьем»[4]. Этот диалектический подход был попыткой «задавить, пересилить живой, энергичной, интеллектуальной силой труднейшие, противоречивые принципы работ», «живым принципом», который Платонов сравнивает с Ленинским «уменьем предвидеть обстановку завтрашнего дня»[5].

Нетрудно заметить связь между этой «живой диалектикой» и невыразимым «живым, рациональным чувством», которое Платонов определяет в пушкинских эссе как источник «воодушевленной, поэтической деятельности» и как пророческое видение народа [Платонов 2011: 69]. Именно эта народная, практико-ориентированная этика платоновской «живой диалектики» лучше всего отличает Платонова от более схоластичного Лифшица. Диалектика Лифшица по большому счету является (по собственному признанию автора) аристократической, в которой, как удачно замечает Хазанов, есть место только «для мировых исторических личностей вроде Гегеля и Пушкина»[6]. Согласно Лифшицу, художники-классики уровня Пушкина занимают привилегированное положение в конце золотого века или периода искусства. Только с такой позиции и можно по-настоящему оценить как противоречия умирающего общества, так и ложные обещания приходящего нового времени[7]. Джонатан Платт поясняет, что именно «уникальное положение», которое Лифшиц называет щелью – своего рода диалектической 'трещиной' – позволяет «ощутить свою эпоху во всей ее целостности и уловить ее истинный смысл» [Платт 2016: 163–164].

Для Платонова, в этой *щели* может находиться и «бедный человек». Для иллюстрации этого различия, можно рассмотреть утверждение Лифшица о том, что, хотя «[п]росветительную роль стихотворения… играли, продолжают играть в еще большей степени сей-

[1] Цит. по: А. П. Платонов. Жизнь до конца. В кн.: Сочинения. Научное издание, т. 1, ч. 2 . С. 180–181.

[2] Платонов А. П. Метод общественных работ // Сочинения: Научное издание, т. 1, ч. 2. С. 283.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 284.

[5] Там же.

[6] Хазанов. «Честные якобинцы», 26–27.

[7] Платт таким образом объясняет употребление Лифшицем термина *Kunstperiode*, что это объяснение наглядно иллюстрирует аристократическую чувствительность Лифшица: «Лифшиц настаивает на разграничении гармонии и ясности классического произведения и грубой наивности народного искусства, которое неизбежно выражает „примитивное, неразвитое и угнетенное положение“ народа. Настоящее классическое произведение обретает *народность* на следующей стадии, которая отмечает в истории каждого народа то, что Генрих Гейне (вслед за Гегелем) называл *Kunstperiode* (периодом искусства) – временем Гёте и Шиллера в Германии, высокого возрождения в Италии, или Пушкина в России. Это «счастливое время» представляет собой пик аристократической культуры, когда она на какое-то время избегает узости классового интереса и встает на «народный фундамент» (262). Это стадия «аристократической демократии», в которой происходят «величайшие достижения художественной культуры», приближающиеся к видовым интересам человечества» (Платт 2016: 158).

час… все-таки Золотые часы существуют не для того, чтобы ими гвозди забивать»[1]. Платонов же, напротив, размышляет о поэзии стахановцев и о том, понимал ли сам Пушкин, что будущий социалистический труженик «превратит в поэзию даже работу отбойного молотка и бег паровоза» [Платонов 2011: 84]. С позиций Платонова, совокупность этих отдельно работающих отбойных молотков, каждый из которых управляется «живым, рациональным чувством» простых «бедных людей» и включается, по аналогии с размышлениями Платонова о музыкальной структуре «Медного всадника», в единую историческую силу социализма, представляет собой красоту более высокого порядка, чем стихотворные шедевры отдельного поэта, даже такого как Пушкин. То, что было выдвинуто Гегелем абстрактно, и, согласно Лифшицу, выявлено только пушкинской аристократической чувствительностью в его уникальном историческом положении, становится имманентно ощутимым в жизненном опыте обычных трудящихся через их творческую деятельность и появляющееся в результате этой деятельности восприятие несоответствия между идеалом и реальностью. Именно это Платонов и имеет в виду, когда говорит, что пушкинское горящее сердце было разбросано в виде горящих лучин по миллионам сердец трудящихся масс. Платонов соглашается с тем, что «одна пушка все же сильнее многих тысяч кулаков», и что до сих пор каждая отдельная горящая лучина выглядит скромно по сравнению с горящим пламенем великого поэта. Однако если все эти лучины взять вместе, то они будут равняться единому целому, а передача этого пламени людям в период социалистического строительства указывает на возможность появления такой же всеохватывающей индивидуальной перспективы, какая была у Пушкина, в условиях подлинного коммунизма. По мнению Платонова, в этом заключалась значимость Пушкина в 1937 году.

Перевод на русский язык С. М. Полякова

Литература

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917-1953. – М. : Демократия, 1999. – С. 439–444.

Галушкин, А. Андрей Платонов – И.В. Сталин – литературный критик / А. Галушкин // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества / Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2003. – Вып. 4. – С. 815–826.

Дужина, Н. Постоянные идеалы Андрея Платонова во второй половине 1930-х годов / Н. Дужина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества / под ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2003. – Вып. 5. – С. 35–46.

Ермилов В. «О вредных взглядах Литературного критика» / В. Ермилов // Литературная газета. – 10 сентября 1939.

Иноземцева, Е. Платонов в Воронеже / Е. Иноземцева // Подъём. – 1971. – № 2.

Корниенко, Н. В. История текста и биография А.П. Платонова / Н. В. Корниенко // Здесь и теперь. – 1993. – № 1. – С. 150–170.

Корниенко, Н. В. Повествовательная стратегия Платонова в свете текстологии / Н. В. Корниенко // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества / под ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 1995. – Вып. 2. – С. 312–335.

Лифшиц, М. «Заметки об оптимизме Пушкина (глава из неопубликованной книги)». Ред. В. М. Герман и А. М. Пичикян / М. Лифшиц // Альтернативы. – 1999. – № 2. – С. 75.

Лукач, Д. Эммануэль Левин / Д. Лукач // Литературное обозрение. – 1937. – № 19-20. – С. 55.

Небольсон, С. Платонов – пушкинист / С. Небольсон // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества / под ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. – Вып. 4. – С. 48–50.

Платонов, А. Пушкин и Горький / А. Платонов // Литературный критик. – 1937. – № 6. – С. 63–84.

Платонов, А. Пушкин – наш товарищ / А. Платонов // Литературный критик. – 1937. – № 1. – С. 46–61.

Платонов, А. Записные книжки. Материалы к биографии / А. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. – С. 193, 195, 208.

Платонов, А. Сочинения. Т. 1, ч. 2 / / А. Платонов ; под ред. Н. В. Корниенко – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – С. 511.

Платонов, А. Пушкин – наш товарищ / А. Платонов ; пер. А. Айзман // Пушкинское обозрение. – 2018. – Вып. 20.

[1] Михаил Лифшиц, «О Пушкине: Письмо Г. М. Фридлендеру, 8 апреля 1938 года». Перев. Павел Хазанов, «Пушкинское обозрение» 20 (2018): 77.

Полтавцева, Н. «Гуссерлианское, космическое и Пушкинское начала в Платонове» / Н. Полтавцева // Эссе в области поэтики. – 2002. – № 27. – С. 97–113.

Полтавцева, Н. Платонов и Лукач: Из истории советского искусства 1930-х годов / Н. Полтавцева // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 107 (1). – С. 253–270.

Платонов и Лукач (из истории советского искусства 1930-х годов) // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 1 (170). – С. 253–270.

Сейфред, Т. Платонов как протосоцреалист // / Т. Сейфред // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества / под ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 1994. – Вып. 1. – С. 145–154.

Спиридонова, И. А. Пушкин в творческой эволюции А. Платонова / И. А. Спиридонова // Проблемы исторической поэтики. – 2001. – Вып. 6. – С. 465–482.

Хазанов, П. «Честные якобинцы: Высокий сталинизм и социалистический субъективизм Михаила Лифшица и Андрея Платонова» / П. Хазанов // Русское обозрение. – 2018. – № 77 (4). – С. 2–27.

Шубин, Л. Критическая проза Андрея Платонова / Л. Шубин // Андрей Платонов. Размышления читателя. – М. : Советский писатель, 1970. – С. 3–18.

Bethea, D. Platonov's Revisiting of Pushkin's Sculptural Myth: Notes for a Violin with Silent Orchestra / D. Bethea, W. Clint // Essays in Poetics. – 2002. – Т. 27, № 2. – P. 63–97.

Platt, J. Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Polities and the Russian National Bard / J. Platt. – Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2016. – 201 p.

Platonov, Incommensurability, and the 1937 Pushkin Jubilee // Ulbandus 14. – 2011-2012. – Вып. 14. – P. 216–250.

References

Vlast'i khudozhestvennaya intelligentsiya: Dokumenty CK RKP (b) – VKP (b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike, 1917–1953 [Official Power and Artistic Intelligentsia: Documents of the Central Committee of the RKP (b) – VKP (b), VChK – OGPU – NKVD about the Cultural Policy]. (1999). Moscow, Demokratiya, pp. 439–444.

Galushkin, A. (2003). Andrei Platonov – I. V. Stalin – literaturnyi kritik [Andrey Platonov – I. V. Stalin – Literary Critic]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «*Strana filosofov*» Andreja *Platonova: Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Issue 4, pp. 815–826.

Duzhina, N. (2003). Postoyannye idealy Andreya Platonova vo vtoroi polovine 1930-kh godov [Constant Ideals of Andrey Platonov in the Second Half of the 1930s]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «*Strana filosofov*» Andreja *Platonova: Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Issue 5, pp. 35–46.

Ermilov, V. (1939). «O vrednykh vzglyadakh Literaturnogo kritika» [About the Harmful Ideas of the *Literary Critic*]. In *Literaturnaya gazeta*. Septenber 10.

Inozemtseva, E. (1971). Platonov v Voronezhe [Platonov in Voronezh]. In *Pod'yom*. No. 2.

Kornienko, N. V. (1993). Istoriya teksta i biografiya A. P. Platonova [The History of the Text and Biography of A. P. Platonov]. In *Zdes'i teper'*. No. 1, pp. 150–170.

Kornienko, N. V. (1995). Povestvovatel'naya strategiya Platonova v svete tekstologii [The Narrative Strategy of Platonov in the Light of Textology]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «*Strana filosofov*» Andreja *Platonova: Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Issue 2, pp. 312–335.

Lifshic, M. (1999). «*Zametki ob optimizme Pushkina (glava iz neopublikovannoi knigi)*» [Notes on Pushkin's Optimism (A Chapter from an Unpublished Book)]. Ed. by V. M. German and A. M. Pichikyan. In *Al'ternativy*. No. 2, p. 75.

Lukach, D. (1937). «Emmanuel' Levin» [Emmanuelis Levinas]. In *Literaturnoe obozrenie*. No. 19–20, p. 55.

Nebol'son, S. (2000). Platonov – pushkinist [Platonov as a Scholar of Pushkin]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «*Strana filosofov*» Andreja *Platonova: Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Issue 4, pp. 48–50.

Platonov, A. (1937). Pushkin i Gor'ky [Pushkin and Gorky]. In *Literaturnyi kritik*. No. 6, pp. 63–84.

Platonov, A. (1937). Pushkin – nash tovarishch [Pushkin is Our Comrade]. In *Literaturnyi kritik*. No. 1, pp. 46–61.

Platonov, A. (2000). *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for the Biography]. Moscow, IMLI RAN, Nasledie, pp. 193, 195, 208.

Platonov, A. (2004). *Sochineniya. T. 1, ch. 2* [Collected Works. Vol. 1, part 2] / ed. by N. V. Kornienko. Moscow, IMLI RAN, p. 511.

Platonov, A. (2018). Pushkin – nash tovarishch [Pushkin is Our Comrade] / transl. by A. Aizman. In *Pushkinskoe obozrenie*. Issue 20.

Poltavtseva, N. (2002). «Gusserlianskoe, kosmicheskoe i Pushkinskoe nachala v Platonove» [Husserlian, Cosmic and Pushkinian Ideas in Platonov]. In *Esse v oblasti poetiki*. No. 27 (2), pp. 97–113.

Poltavtseva, N. (2011). «Platonov i Lukach: Iz istorii sovetskogo iskusstva 1930-kh godov» [Platonov and *Lukács*: From the History of Soviet Art of the 1930s]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 107 (1), pp. 253–270.

Platonov i Lukach (iz istorii sovetskogo iskusstva 1930-kh godov) [Platonov and *Lukács*: From the History of Soviet Art of the 1930s]. (2011). In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1 (170), pp. 253–270.

Seifred, T. (1994). Platonov kak protosotsrealist [Platonov as a Prototypical Socialist Realist]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «*Strana filosofov*» Andreja *Platonova: Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Issue 1, pp. 145–154.

Spiridonova, I. A. (2001). Pushkin v tvorcheskoi evolyutsii A. Platonova [Pushkin in the Creative Evolution of A. Platonov]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Issue 6, pp. 465–482.

Khazanov, P. (2018). «Chestnye yakobintsy: Vysokii stalinizm i sotsialisticheskii sub'ektivizm Mikhaila Lifshica i Andreya Platonova» [Honest Jacobins: High Stalinism and the Socialist Subjectivity of Mikhail Lifshits and Andrey Platonov]. In *Russkoe obozrenie*. No. 77 (4), pp. 2–27.

Shubin, L. (1970). Kriticheskaya proza Andreya Platonova [Critical Prose of Andrey Platonov]. In *Andrei Platonov. Razmyshleniya chitatelya*. Moscow, Sovetskii pisatel', pp. 3–18.

Bethea, D., Clint, W. (2002). Platonov's Revisiting of Pushkin's Sculptural Myth: Notes for a Violin with Silent Orchestra. In *Essays in Poetics*. Vol. 27. No. 2, pp. 63–97.

Platt, J. (2016). *Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Polities and the Russian National Bard*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press. 201 p.

Platonov, Incommensurability, and the 1937 Pushkin Jubilee. (2011-2012). In *Ulbandus14*. Issue, pp. 216–250.

Данные об авторе

Сипли Джейсон – PhD, доцент кафедры русистики, Гамильтонский колледж (Клинтон, США).

E-mail: jcieply@hamilton.edu

Author's information

Cieply Jason – PhD, Assistant Professor of Department of Slavic Languages and Literature Gamilton College (Clinton, USA).

УДК 821.161.1-3(Платонов А.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-07.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

ГРАНИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА В РАННИХ ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. ПЛАТОНОВА

Проскурина Е. Н.
Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2809-6780

Аннотация. В статье анализируется языковая личность Андрея Платонова на материале его ранних произведений лирико-философского характера. К анализу привлечены рассказы «Поэма мысли», «В звездной пустыне», «Невозможное», «Жажда нищего», а также первая часть «Заметок» под названием «В полях». Целью исследования является вычленение в названных произведениях языковых средств, относящихся к разным способам и формам авторского восприятия постреволюционного времени как эпохи глобального экспериментирования с миром и человеком. Прослеживается сложность установления иерархии смыслов и ценностей в картине мира писателя. Проводится выявление и анализ переменной, вариативной части в авторской картине мира, репрезентирующей ее уникальность. Проведенный анализ привел к ряду выводов. Аспекты языковой личности автора показывают бурлящее состояние его внутреннего мира. В нем бьются, сшибаются, не находя успокоения, разные стороны сознания. Это любовь к миру в лирических признаниях и ненависть к существующему бытию, выраженная схожими по силе, но противоположными по смыслу высказываниями; жажда гармонии и тоска по ураганному космическому вихрю. Так, уже в ранних коротких рассказах намечены алогизмы, маркирующие разрыв между действительностью и ее авторским осмыслением. Позднее данное свойство войдет в ряд патентованных приемов зрелого творчества Платонова. Обращение к разнородным художественно-языковым средствам, репрезентирующим разные жанры (утопия, антиутопия, стихотворение в прозе, поэма, манифест), стили (философский, публицистический, научный), области знания (научное, инженерно-техническое, философское, Священное Писание) и др., показывает широту культурного горизонта юного писателя. В процессе творчества этот кипящий «пестрый котел» будет преобразован в уникальный языковой сплав, составивший основу платоновского гения.

Ключевые слова: ранняя проза А. Платонова; лирико-философская проза; языковая личность, средства художественной выразительности, стиль, жанр.

FACETS OF THE AUTHOR'S LINGUISTIC PERSONALITY IN THE EARLY LYRIC AND PHILOSOPHICAL WORKS OF A. PLATONOV

Elena N. Proskurina
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2809-6780

Abstract. The article analyzes the linguistic personality of Andrei Platonov based on the material of his early works of a lyrical and philosophical nature. The analysis involved the stories "Poem of Thought", "In the Starry Desert", "Impossible", "Thirst of the Beggar", as well as the first part of "Notes" entitled "In the Fields". The aim of the study is to isolate in the named works of language means related to different ways and forms of the author's perception of the post-revolutionary time as an era of global experimentation with the world and man. The complexity of establishing a hierarchy of meanings and values in the writer's picture of the world is traced. The identification and analysis of the variable, the variable part in the author's picture of the world, representing its uniqueness, is carried out. The analysis has led to a number of conclusions. Aspects of the author's linguistic personality show the seething state of his inner world. In it, different sides of consciousness are beating, colliding, not finding comfort. This is love for the world in lyrical confessions and hatred for existing being, expressed by statements that are similar in strength, but opposite in meaning; thirst for harmony and longing for a hurricane cosmic vortex. So already in the early short stories, alogisms are outlined, marking the gap between reality and its author's interpretation. Later, this property will be included in a number of patented techniques of

 © Е. Проскурина, 2021

Platonov's mature work. An appeal to heterogeneous artistic and linguistic means representing different genres (utopia, dystopia, prose poem, poem, manifesto), styles (philosophical, journalistic, scientific), fields of knowledge (scientific, engineering, technical, philosophical, Holy Scripture), etc., show the breadth of the cultural horizon of the young writer. In the process of creativity, this seething "colorful cauldron" will be transformed into a unique linguistic fusion that formed the basis of Platonov's genius.

Keywords: early prose of A. Platonov; lyric and philosophical prose; linguistic personality; means of artistic expression; style, genre.

Для цитирования: Проскурина, Е. Н. Грани языковой личности автора в ранних лирико-философских произведениях А. Платонова / Е. Н. Проскурина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 98–106. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-07.

For citation: Proskurina, E. N. (2021). Facets of the Author's Linguistic Personality in the Early Lyric and Philosophical Works of A. Platonov. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 98–106. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-07.

Картина мира в творчестве А. Платонова представляет собой сложное динамическое образование, в котором константные характеристики приобретают окказиональное звучание в процессе авторского художественного мироосмысления. В этом отношении чрезвычайно актуально положение исследователя Г. И. Богина: «Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может языком делать» [Богин 1980: 3]. Как показывает изучение разных периодов творчества Платонова, его способность художественного экспериментирования с языком нарастает по мере творческого «взросления», достигая высшего измерения к рубежу 1920-х – 1930-х гг. К этому моменту языковая личность автора приобретает определенность в своих основных чертах, при том что процесс ее формирования продолжается практически до самого конца жизни писателя. Особым отличием характеризуется поздний период, более аскетичный в языковом отношении не только в сравнении с периодом конца 1920-х – начала 1930-х гг., но и с ранним временем творчества, выпавшим на начало 1920-х гг. Анализ структуры языковой личности Платонова, прослеженной в динамике, может показать своеобразие художественного усвоения им тезаурусов разных исторических периодов, входящих в советскую эпоху. В данном исследовании мы остановимся на ранних произведениях лирико-философского характера с целью вычленения в них языковых средств, относящихся к разным способам и формам авторского восприятия постреволюционного времени как эпохи глобального экспериментирования – с миром и человеком. Формирование языковой личности автора отражается на разных уровнях его присутствия в тексте, куда входит экспериментирование с наррацией, стилем, жанром, рождая под его пером уникальные по форме смыслопорождения сочинения, объединяющие экстатический порыв с тихим лиризмом, нарративный тип высказывания с анарративным. Часто границы перехода от одного к другому оказываются стертыми [см.: Проскурина, Борисова 2017].

К лирико-философским произведениям принадлежат такие рассказы Платонова, как «Поэма мысли», «В звездной пустыне», «Невозможное», «Жажда нищего», а также первая часть «Заметок» под названием «В полях». Весь корпус был создан в 1921 г. и в той или иной степени отражает увлеченность писателя утопическими проектами, реализация которых стала его главной «жаждой» в эпоху революционных преобразований. Можно проследить движение создания произведений по датам, приведенным в комментариях к научному изданию сочинений Платонова. Самым ранним оказался рассказ «Жажда нищего», опубликованный 1 января 1921 г. в газете «Воронежская коммуна», «Поэма мысли» датируется концом 1920 – началом 1921 гг. (впервые опубликована в журнале «Октябрь» в 1999 г.), рассказ «В звездной пустыне» вышел в июне 1921 г. в воронежской газете «Огни», «Невозможное» датируется второй половиной 1921 г. (первая публикация состоялась в 1994 г.), «Заметки» были изданы в декабре 1921 г. в «Воронежской коммуне» [Комментарии 2004: 578–581]. Во всех произведениях утопическая линия сюжета в той или иной

степени погружена в поле лирической рефлексии, что отразилось на их авторском именовании поэмами. «Поэмы – мое проклятие, мой бой со смертью, – писал Платонов невесте М. Кашинцевой в 1921 г. – К ним я прибегаю только в крайней тоске, когда никаких выходов для меня нет. А для меня сейчас нет никаких выходов. Кругом спертый воздух и смрад. Когда я кончаю поэмы – во мне покой, ясность, тишина и ласковая усмешка над бывшим, над тем, что я хотел непременного…» [Платонов 2013: 103]. При этом в наиболее сильной позиции утопическая составляющая присутствует в рассказе «Жажда нищего», в связи с чем происходит усиление в нем фабульного начала, тогда как в «Поэме мысли», «В звездной пустыне», «В полях» доминирует лирическая компонента. Самым сложным в жанровом отношении является рассказ «Невозможное».

«Поэму мысли», «В звездной пустыне», «В полях» объединяет созерцательный зачин, что задает основной эмоциональный тон трем произведениям. Вот начало рассказа «В звездной пустыне»:

«Был глубокий вечер и звезды. От звезд земля казалась голубой. Звезды стояли. Игнат Чагов шел один в поле. <…> Он не мог видеть равнодушно всю эту нестерпимую, рыдающую красоту мира. …Подними только голову, и радостная мука войдет в тебя. Звезды идут и идут, а мы не с ними, и они нас не знают» [Платонов 2004: 176][1].

Этим настроениям вторит начало «Поэмы мысли»:

«На земле так тихо, что падают звезды. В своем сердце мы носим свою тоску и жажду невозможного. Сердце это корень, из которого растет и растет человек, это обитель вечной надежды и влюбленности. Самое большое чудо – это то, что мы все еще живы, живы в холодной бездне, в черной пустынной яме, полной звезд и костров. В хаосе, где бьются планеты друг о друга, как барабаны, где взрываются солнца, где крутится вихрем пламенная пучина, мы еще веселее живем» (174).

Близка по интонации и образности двум процитированным фрагментам миниатюра «В полях»:

«Я шел по глубокому логу. Ночь, бесконечные пространства, далекие темные деревни, и одна звезда над головою в мутной смертельной мгле… Нельзя поверить, что можно выйти отсюда, что есть города, музыка, что завтра будет полдень, а через полгода весна. В этот миг сердце полно любовью и жалостью, но некого тут любить. Все мертво и тихо, все – далеко. Если вглядишься в звезду, то ужас войдет в душу, можно зарыдать от безнадежности и невыразимой муки – так далека, далека эта звезда. Можно думать о бесконечности – это легко, а тут я вижу, я достаю ее и слышу ее молчание, мне кажется, что я лечу, и только светится недостижимое дно колодца, и стены пропасти не движутся от полета. От вздоха в таком просторе разрывается сердце, от взгляда в провал между звезд становишься бессмертным» (184).

Все три фрагмента объединены одной и той же картиной ночи с повторяющимися элементами романтического пейзажа: далекого звездного неба, бесконечности космического пространства – манящего и одновременно устрашающего своей бездонностью. Внутренние рассуждения, организованные как лирический поток мысли, выдвигают на первое место не сами по себе картины ночного пейзажа, а вызванное ими *переживание* субъекта высказывания, что преобразует его в лирического героя, для которого наблюдение за идущими день и ночь облаками оказывается *личным* откровением вечного движения жизни. Это рождает в его сознании сложные ощущения: одиночества, тайны, любви к миру, жажды бессмертия, достижения «невозможного». В «Заметках» в свод романтической образности встраивается образ невесты:

«Всякий человек имеет в мире невесту, и только потому он способен жить. У одного ее имя Мария, у другого приснившийся тайный образ во сне, у третьего печная дверка или весенний тоскующий ветер. Я знал человека, который заглушал свою нестерпимую любовь хождением по земле и плачем. Он любил невозможное и неизъяснимое, что всегда рвется в мир и не может никогда родиться» (184).

Любопытно соположение в этом отрывке образов из разных «жизненных» сред, сни-

[1] Далее произведения А. Платонова цитируются по этому изданию с указанием страниц в скобках.

мающее оппозицию между поэзией и прозой, высоким и низким: образ невесты так же исполнен неизъяснимой тоски и тайны, как и весенний ветер или печная дверка. Здесь проявлена одна из основных черт языковой личности автора, для которого предметом поэтического созерцания может стать любой, самый «проходной» элемент: «Все мне дорого, ничего нельзя забыть и оставить; и каждой рытвине, каждому столбу и далекому человеку, пропадающему на дороге, я говорю: я возвращусь» (184). О неслучайности образа дорожного столба в приведенном фрагменте заметки «В полях» свидетельствует его введение в рассказ «Невозможное»: «Он набрел на столб на дороге – и больше не мог его ни забыть, ни перенести. Он понял этот столб как нужно по-настоящему понимать человеку все вещи в мире, – и больше ничего» (192). Забытый на дороге столб становится не менее дорог автоперсонажу Платонова, чем «далекий» путник, «пропадающий на дороге». Такое свойство всеобщей взаимосвязанности станет ключевым элементом онтологической поэтики Платонова на протяжении всего творчества.

Один из характерных аспектов творческой ментальности Платонова – способность порождения одновременно нескольких ассоциаций, устремляющихся к своим архетипическим истокам. В цитированном выше отрывке из миниатюры «В полях» скрыт ряд проекций, основой которых послужила биографическая ситуация: влюбленность писателя в Марию Кашинцеву. Фрагмент протягивает нить к его письмам, где образ невесты обрамлен романтическим ореолом: «Звезда и песня моя, судьба и невеста моя» [Платонов 2013: 104], а от них – к рассказу «Невозможное», обыгрывающему автобиографический любовный сюжет в истории «лучшего друга» героя-повествователя. В архетипическом ракурсе прочтения в образе невесты высвечиваются аллюзии на образ Девы Марии, отчетливо проявленные в эпистолярии («Ты оправдала мое пророчество: женщина, Мария, и не женщина, а девушка спасет вселенную через сына своего» [Там же: 105]), а в образе некоего безымянного «человека» – на образ Христа. Мерцание последнего соответствия возникает через включение в текст знаковых лексических серий: «нестерпимой любви», хождения по земле, плача, мечты о воплощении «невозможного» в несовершенном мире. «Нестерпимая любовь» – эквивалент той «невозможной» по земным меркам любви, которой Бог «возлюбил мир», послав Сына Своего для его спасения; хождение по земле служит намеком на земную жизнь Христа-Путника, не имеющего «где приклонить голову» (Мф. 8: 20); мотив плача также имеет евангельский подтекст: Христос, как следует из Священного Писания, никогда не смеялся, но не раз оплакивал судьбу мира. Продолжение платоновского текста усиливает эти евангельские аналогии: «Я сейчас вспомнил этого человека и должен его встретить в этом логу. Вон – далекий огонь. Костер или хата. Я озяб, изголодался, пойду поговорить с людьми и увидеть между ними того, вспыхнувшего в сердце человека» (184–185). Фрагмент вызывает аллюзии на евангельский сюжет встречи Христа с учениками после воскресения. Костер или хата – места, где беседовал воскресший Спаситель с апостолами. Беседа у костра описана в Евангелии от Иоанна: «Когда же вышли на землю [из лодки], видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. …Иисус говорит им: придите, обедайте. Из учеников же никто не смел спросить Его: „Кто Ты?“, зная, что это Господь. Иисус приходит, берет хлеб и дает им, также и рыбу» (Ин. 21: 9–13). В платоновском тексте происходит перемещение сознания я-повествователя из реального времени в мифологическое – не случайно встреча с «тем человеком» творится в его сердце. В интертекстуальном плане здесь мерцают соответствия с ситуацией у костра в рассказе А. П. Чехова «Студент»:

«Он оглянулся. Одинокий огонь спокойно мигал в темноте, и возле него уже не было видно людей. Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. …И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. „Прошлое, – думал он, – связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекав-

ших одно из другого“. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой» [Чехов 1994: 510–511].

Даже один небольшой отрывок из раннего рассказа Платонова свидетельствует о широте рефлексивного пространства авторского сознания. Представления о несовершенстве мира объясняют, с одной стороны, высокую частотность мотивов тоски и невозможного в его поэмах, с другой, включение в текст противоположного по значению корпуса языковых средств, связанных с утопической идеей мирового передела, «восстания на вселенную». Лирическая позиция платоновского автоперсонажа словно распята между любовью к миру и ненавистью к нему, ясностью и сомнением. Утопическая компонента, встроенная в сознание героя, взрывает ровное течение повествования, придавая драматическое звучание всему высказыванию, построенному как поединок героя с миром: «Вселенная – это радость, позабывшая смеяться. Она – невзорванная гора на нашей дороге. И зарницы мысли рвут покой и радость и угрожают довольному миру пламенем и разрушением до конца. До последнего червя» («В звездной пустыне»: 177); «Мир тревожен, истомлен и гневен оттого, что взорвался и не потух после мига, после света, который осветил все глубины до дна, а тлеет и тлеет, горит и не горит, и будет остывать всю вечность.

В этом одном его грех. После смертельной высоты жизни – любви и ясновидящей мысли – жизнь наполняется и сосуд ее должен быть опрокинут» («Поэма мысли»: 175).

Однако творческая мысль Платонова развивается не по утопической прямой. Парадокс заключается в том, что в самом первом по времени произведении «Жажда нищего» писатель, казалось бы, расставил все смысловые акценты. Утопическая картина светлого будущего, изображенная как достигнутая явленность, тут же, через прием «исторической инверсии» (М. Бахтин) погружается в пространство антиутопии, художественно демонстрируя недостижимость утопического идеала [подробно см.: Проскурина, Борисова 2019]. Разоблачение утопической идеи происходит изнутри сознания героя-простеца, оказавшегося единственным обитателем-Пережитком внутри «выкристаллизовавшейся чистой жизни» Большого Одного – секуляризованной модели «нового человечества» в форме «одной цельной точной математической фигуры» (166). Притяжение к «веку познания и света сияющей науки» и одновременно отталкивание от его безжизненно блистающего лика выражено способом «двухголосого слова», которое в зрелом творчестве станет патентованным поэтическим приемом Платонова.

Образ я-повествователя соединяет в себе автобиографический компонент, запечатленный подписью «Нищий» в первой публикации рассказа, с чертами наивных персонажей ранних рассказов, что отражено в речи героя контаминацией философской, научной лексики и просторечия, а также через профанную интерпретацию научного знания, смешение высокого и низкого стилей. Передача его смятенных чувств через лирический способ высказывания и ряд сигнальных лексем со значением неопределенности (какой-то, кто-то, почему-то) показывает ограниченность сознания, не способного адаптироваться в утопической реальности:

«Был какой-то очень дальний ясный, прозрачный век. В нем было спокойствие и тишина, будто вся жизнь изумленно застыла сама перед собой.

Был тихий век познания и света сияющей науки. <…> На земле, в том тихом веке сознания, жил кто-то Один, Большой Один… С виду он был очень мал, но почему-то был большой. …Почти чистая, почти совершенная была эта жизнь горящей точки сознания, но не до конца. Потому что в ней был я – Пережиток… последняя соринка на круглых, замкнутых кругах совершенства и мирового конца. <…> Но почему я, темная, безымянная сила, скрюченный палец воющей страсти, почему я еще цел и не уничтожен мыслью?

Это было единственной тайной мира, другие давно сгорели в борьбе с сознанием.

Мне было страшно от тишины, я знал, что ничего не знаю и живу в том, кто знает все… И я кричал от ужаса каменным голосом, и по мне ходил какой-то забытый ветер, прохладный, как древнее утро в росе. Я мутил глубь сознания, но тот Большой, в котором я был, молчал и терпел. И мне становилось все страшнее и страшнее. Мне хотелось чего-то

теплого, горячего и неизвестного, мне хотелось ощущения чего-нибудь родного, такого же, как я, который был бы не больше меня» (166–167).

Антиутопическая модальность уже в начале произведения сигнализирована лексической цепочкой, характеризующей черты «пережиточности» в личностной природе персонажа: теплое, горячее, неизвестное, родное. Комплекс испытываемых им чувств страха, ужаса, душевного озноба свидетельствует о бьющейся в нем живой силе, противоположной «чистой жизни» Большого Одного, превращающейся в эквивалент смерти. В этом инверсивном порядке гибель, которой жаждет герой, становится синонимом живой жизни: «Я хотел гибели, скорой гибели, и еще больше хотел чего-нибудь темного и теплого, громкого и далекого» (167). «Что-то темное» в рамках онтологической логики произведения – семантический контрапункт той «ясности», которая служит главной характеристикой Большого Одного, т. е. еще один признак жизни – не случайно «темное» стоит в одном ряду с «теплым» и «громким», выступающими референтами живого и чувствующего «царства судьбы», ставшего «далеким» для героя.

В его видении, занимающем центральное место в структуре рассказа, доминантным становится пародийное начало, которое и является сущностью антиутопии. Приемом «исторической инверсии» автор возвращает я-рассказчика во время строительства утопического «дальнего века», где в роли демиурга выступает инженер по имени Электрон. В этой части произведения происходит смещение героя в позицию наблюдателя. Симптоматично, что картина утопической реальности увидена им не как преображение, а как деформация исконного мира. На уровне поэтики телесности это выражено в искаженности человеческого облика: «У людей разрослась голова, а все тело стало похоже на былиночку и отмирало по частям за ненадобностью» (168), «Сам Электрон был слеп и нем – только думал. От думы же он и стал уродом» (168); на уровне поэтики природы – инверсией естественного и искусственного начал: «На земле не было ни лесов, ни травы и перестали кричать звери. Одни машины выли всегда, и блестели глаза электричества» (168). Воющие машины и блестящие глаза электрических конструкций – не столько знаки оживотворения, сколько сигналы агрессивности «второй природы», ее претензии на замещение собой естественного мира. На антропологическом уровне утопическое будущее атрибутировано бессмертием: «умерших немедленно воскресали» (168). Хотя этим свойством, философской основой которого послужила воскресительная концепция Н. Федорова, в утопической реальности «Жажды нищего» наделены лишь мужчины. В границах антропологии, где вытравлена «любовь между полами», женщины становятся рудиментарным элементом, подлежащим уничтожению. В стерильном царстве сознания им нет места еще и по той причине, что, оставаясь хранительницами живой жизни и естественной красоты, они тайно влияют на инженеров, обессиливая их мысли чувством, т. е. очеловечивают их деформированную природу.

В целом в этой части рассказа можно увидеть, как категории, принадлежащие утопическому тезаурусу: царство мысли, век машин и электричества, жизнь сознания, сила науки, бессмертие – реализуются в антиутопической модальности, в свете которой понятия, присущие естественному миру: любовь, красота, песня, явления природы, движение – смещаются в разряд «пережиточных» глосс. Но именно они оказываются созвучны сознанию героя-Пережитка. Представшая в видении утопическая реальность помогает ему сделать выбор в пользу естественного мира, с его «громами и водопадами», «сладкой теплотой и потом».

Созданный по модели литературного лабиринта: погружения героя в цепочку видений («Жажда нищего» имеет подзаголовок «Видения истории») – рассказ Платонова стадия за стадией разоблачает заманчивую утопическую мечту, разрушая философские технико-цивилизационные построения и возвращая героя к началу его раздумий. Вместе с тем, очнувшись от своего видения, в лоно Большого Одного он возвращается уже с пробужденным сознанием:

«Я понял, что я больше Большого Одного; он уже все узнал, дошел до конца, до покоя, он полон, а я нищий в этом мире нищих, самый

тихий и простой <…> Нет ничего такого большого, что бы уменьшило мое ничтожество, и я оттого больше всех. Во мне все человечество со всем своим грядущим и вся вселенная с своими тайнами, с Большим Одним.

И все это капля для моей жажды» (171).

Парадоксальность этого заключительного высказывания достойна лучших страниц зрелой платоновской прозы.

Движение мысли автора от надежды к отчаянию все же сохраняет за ним качество жаждущего истины, что как бы заново раскручивает его творческую энергию в утопическом направлении, рождая новые варианты художественного исправления мира. Интуитивное постижение основ миропорядка продуцирует вольное течение авторской мысли, что отражается на дискурсивной мозаичности произведений. Так, лирические фрагменты, соотносящиеся со стихотворением в прозе, наиболее ярко представленные в рассказе «В звездной пустыне» разнообразием стиховых размеров (анапест: *День и ночь и всю вечность плывут и плывут над землей облака* (⏑⏑–⏑⏑–⏑⏑–⏑⏑–⏑⏑–⏑⏑–); дактиль: *Дома под крышей, где неба не видно* (–⏑⏑–⏑⏑–⏑⏑–⏑); амфибрахий: *Их шорох, как тихая вечная музыка* (⏑–⏑⏑–⏑⏑–⏑⏑) и др.) перемежаются с фрагментами манифеста:

«Вселенная – это радость, позабывшая смеяться. Она – невзорванная гора на нашей дороге. И зарницы мысли рвут покой и радость и угрожают довольному миру пламенем и разрушением до конца, до последнего червя.

Мы никого не забудем» (177).

Показателен в этом отрывке переход к местоименной форме «мы», вводящий в высказывание героя Чагова фигуру виртуального коллективного адресата. Это выдвигает его лирический монолог за границы автокоммуникации, превращая в императив. В иной модальности императивный пафос звучит в заключительной части «Поэмы мысли». Его отличие от манифестаций Чагова в том, что он реализован как лирическое размышление героя-повествователя. Однако он в не меньшей степени наделен свойством «речевого поступка» (Г. Богин), набирающего силу по мере движения к финальному пуанту через нарастание частотности глаголов долженствования, повышенную эмоциональность, выражающих категоричность авторской позиции:

«После смертельной высоты жизни – любви и ясновидящей мысли жизнь наполняется и сосуд ее должен быть опрокинут. …Мир не живет, а тлеет. В этом его преступление и неискупимый грех. Ибо жизнь не должна быть длиннее мига, чем дальше жизнь, тем она тяжелее. Сейчас вселенная стоит на прямой дороге в ад. …Зачем вспыхнуло солнце и горит и горит? Оно должно бы стать синим от пламени и не пережить мига.

Вселенная – пламенное мгновение, прорвавшееся и перестроившее хаос. Но сила вселенной – тогда сила, когда она сосредоточена в одном ударе» (175).

В собирательном образе рефлексирующего героя Платонов объединяет человека труда, поэта и мыслителя, т. е. наделяет его своими личностными характеристиками, делая его таким образом отражением собственной языковой личности, если под ней понимать «личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, …реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987: 38]. В данном отношении показателен способ я-повествования во всех рассказах, за исключением «Поэмы мысли». Однако и в этом произведении, построенном в форме лирического высказывания героя, отчетливо слышен голос самого автора. В «Невозможном» к личностным характеристикам героя добавляются черты научного публициста и инженера, усиливающие его автоперсонажную модальность. Такая многослойность образа героя отражается на языковой структуре рассказа в целом. Первая его часть посвящена изложению от лица я-рассказчика световой теории шведского физика С. А. Аррениуса, что придает повествованию научно-публицистический характер. Вместе с тем, встраивая концепцию ученого в свои представления о создании «новой вселенной», платоновский герой погружает ее в сферу собственных переживаний, что выражено цепочкой оценочных прилагательных: «У шведского физика Аррениуса есть *красивая*, *поразительная* гипотеза о происхождении жизни на земле <…>. Исследования над жизнью организмов и теоретические дальнейшие выводы из этих исследований привели к тому, что жизнь на Солн-

це в его *адской, ужасающей* температуре вполне возможна, так же, как и в *мертвой* пустоте эфира, и на лунных кратерах» (187. Курсив мой. – *Е. П.*). Это наделяет текст знакомой по другим рассказам лирической интонацией, усиленной в центральной части произведения, где представлена история безымянного «лучшего друга» я-рассказчика. Как верно отмечают исследователи, в этом втором центральном образе воспроизведена часть сознания автора, расщепившего свое эго на двух персонажей [см.: Хрящева 2017; Борисова 2019]. Если в образе я-повествователя доминантным является научно-публицистическое, теоретическое начало, то в образе его друга – инженерно-техническое. Однако направляет жизнь этого героя лирический вектор, объединяющий две равные по силе «невозможности»: нестерпимую любовь к миру и к женщине: «И вот родился раз человек, радостный, простой и совсем родной земле, без конца влюбленный в звезды, в утренние облака и в человека; влюбленный не мыслью, а кровью» (190). По мнению Н. П. Хрящевой, отдавая «лучшему другу» часть своих личностных свойств, автор проводит художественное наблюдение над жизнью собственного сознания [Хрящева 2017]. На наш взгляд, наряду с этим верным наблюдением, в расщеплении единого по существу образа героя на двух разных персонажей проявляется еще недостаточный опыт автора в построении синтетического характера, соединяющего в себе в том числе и амбивалентные свойства, что будет достигнуто Платоновым в зрелом творчестве. То же можно сказать и о структуре рассказа в целом, рассыпающегося на отдельные жанровые единицы. Его третья часть – нечто сродни научному трактату, где излагается «технический» подход к достижению «невозможной» любви. После смерти друга, не сумевшего вместить в сердце свое пламенное чувство к героине, я-рассказчик развертывает «мелькнувшую» у него мысль о возможном существовании микробов любви, которых следует открыть, размножить в благоприятных лабораторных условиях и «прививать людям, рассеивать в мире» (196). Казалось бы, такая идея, при всей ее научной несостоятельности, все же ориентирована на преображение мироздания. Однако выращивание микробов любви в сознании я-рассказчика оказывается не способом гармонизации, а стартовым этапом демиургического «светопреставления»:

«Тогда придет истинное светопреставление. Вселенная из камня станет ураганом… Песок, камни и звезды начнут двигаться, потому что ураганная стихия любви войдет в них. Все сгорит, перегорит и изменится. Из камня хлынет пламя; из-под земли вырвется пламенный вихрь и все будет расти и расти, вертеться, греметь, стихать, неистовствовать, потому что вселенная станет любовью, а любовь есть невозможность… И будет то, чему невозможно быть. И мир будет ураганом выть и гореть в тоске, в смерти, в восторге и экстазе» (196).

В приведенном высказывании слышна перифраза дантовской формулы любви, «что движет солнца и светила», интерпретированной в романтико-революционной парадигме вселенской «бури и натиска», в чем отразилось взвихренное сознание молодого Платонова. Последняя фраза рассказа словно «запечатывает» это его состояние: «Пусть будет любовь – невозможность, чем эта ненужная маленькая возможность – жизнь» (196). Экстраполируя эту максиму на дальнейшее творчество Платонова, можно заключить, что эквивалентом «ненужной жизни» станет метафора «ветхого мира», т. е. мира, отжившего свой бытийный срок. Такая разница в номинации одного онтологического явления рельефно показывает разность уровней творческого мышления писателя, символизирующих юношество и зрелость художественной рефлексии, отраженной на языковом уровне.

Подводя некоторые итоги нашему далеко не полному анализу локального сегмента раннего творчества Платонова, можно заключить, что грани языковой личности автора, реконструированной на основе языковых средств, примененных для реализации творческого задания его философско-утопических рассказов, показывают бурлящее состояние его внутреннего мира. В нем бьются, сшибаются, не находя успокоения, разные стороны сознания: любовь к миру в лирических, доходящих до экстаза, признаниях – и ненависть к существующему бытию, выраженная схожими по силе, но противоположными по смыслу высказываниями; жажда гармо-

нии – и тоска по ураганному космическому вихрю. Уже здесь намечены те алогизмы, маркирующие разрыв между действительностью и ее осмыслением, которые войдут в ряд уникальных художественных приемов в зрелом творчестве Платонова. Вместе с тем обращение к разнородным художественно-языковым средствам, репрезентирующим разные жанры (утопия, антиутопия, стихотворение в прозе, поэма, манифест), стили (философский, публицистический, научный), области знания (научное, инженерно-техническое, философское, Священное Писание) и др., показывает широту культурного горизонта юного писателя. В процессе творчества этот кипящий «пестрый котел» будет преобразован в неподражаемый языковой сплав, составивший основу платоновского гения.

Литература

Богин, Д. И. Современная лингводидактика / Д. И. Богин. – Калинин : Калининский гос. ун-т, 1980. – 61 с.

Борисова, А. Б. Рассказ А. П. Платонова «Невозможное»: жанрово-повествовательная структура, функция двойничества как способа моделирования авторского «я» / А. Б. Борисова // Сюжетология и сюжетография. – 2019. – № 1. – С. 160–171.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.

Комментарии // Платонов А. Сочинения. Т. 1. Кн. 1. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – С. 578–581.

Платонов, А. Сочинения. Т. 1. Кн. 1 / А. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – 644 с.

Платонов, А. «… я прожил жизнь» [Письма 1920–1950 гг.] / А. Платонов. – М. : Астрель, 2013. – 685 с.

Проскурина, Е. Н. Поэмы в прозе А. Платонова как пространство художественного эксперимента / Е. Н. Проскурина, А. Б. Борисова // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 422. – С. 26–31.

Проскурина, Е. Н. Особенности утопического сознания А. Платонова в рассказе «Жажда нищего»: жанр, сюжет, герой / Е. Н. Проскурина, А. Б. Борисова // Уральский исторический вестник. – 2019. – № 2 (63). – С. 22–30.

Хрящева, Н. П. «Я перестрою вселенную»: судьба теургической идеи Андрея Платонова (1917–1926 гг.) / Н. П. Хрящева // Toronto Slavic Quarterly. – 2017. – № 62.

Чехов, А. П. Студент / А. П. Чехов // Чехов А. П. Избранное : в 3 т. Т. 2. – М. : АО «Векта», 1994. – С. 508–511.

References

Bogin, D. I. (1980). *Sovremennaya lingvodidaktika* [Modern Linguodidactics]. Kalinin, Kalininskii gosudarstvennyi universitet. 61 p.

Borisova, A. B. (2019). Rasskaz A. P. Platonova «Nevozmozhnoe»: zhanrovo-povestvovatel'naya struktura, funktsiya dvoinichestva kak sposoba modelirovaniya avtorskogo «ya» [The Short Story of A. P. Platonov "The Impossible": Genre-Narrative Structure, Function of Duality as a Way of Modeling of the Author's Personality]. In *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. No 1, pp. 160–171.

Chekhov, A. P. (1994). Student [Student]. In *Chekhov A. P. Izbrannoe*, in 3 vols. Vol. 2. Moscow, AO «Vekta», pp. 508–511.

Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka. 262 p.

Khryashcheva, N. P. (2017). «Ya perestroyu vselennuyu»: sud'ba teurgicheskoi idei Andreya Platonova (1917–1926 gg.) ["I Will Rebuild the Universe": the Fate of the Theurgic Idea of Andrei Platonov (1917–1926)]. In *Toronto Slavic Quarterly*. No. 62.

Kommentarii [Comments]. (2004). In *Platonov A. Sochineniya. T. 1. Kn. 1* [Works. Vol. 1. Book 1]. Moscow, IMLI RAN, pp. 578–581.

Platonov, A. (2004). *Sochineniya. T. 1. Kn. 1* [Works. Vol. 1. Book 1]. Moscow, IMLI RAN. 644 p.

Platonov, A. P. (2013). «*…ya prozhil zhizn'*». *Pis'ma [1920–1950 gg.]* ["…I Have Lived a Life". Letters [1920–1950]]. Moscow, Astrel'. 685 p.

Proskurina, E. N., Borisova, A. B. (2017). Poemy v proze A. Platonova kak prostranstvo khudozhestvennogo eksperimenta [A. Platonov's Poems in Prose as Space for a Creative Experiment]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 422, pp. 26–31.

Proskurina, E. N., Borisova, A. B. (2019). Osobennosti utopicheskogo soznaniya A. Platonova v rasskaze «Zhazhda nishchego»: zhanr, syuzhet, geroi [A. Platonov's Utopic Consciousness Specifics in the Story "Thirst of the Beggar": Genre, Plot, Hero]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 2 (63), pp. 22–30.

Данные об авторе

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения. Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: proskurina_elena@mail.ru.

Author's information

Proskurina Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Section of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

УДК 821.161.1-31. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-08.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-44. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

ANDREI PLATONOV AND BORIS PIL'NIAK: THE PURSUIT OF THE HAPPY MAN

Erica Camisa Morale
University of Southern California (Los Angeles, USA)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2785-4423

Abstract. Certain novels by Boris Pil'niak and Andrei Platonov seem to be in conversation with one another in delineating the evolution of the Soviet man at the end of the Twenties and the beginning of the Thirties. Pil'niak's "The Naked Year" (1922) was composed in the aftermath of the revolution, when high hopes created the expectation that it was possible to conciliate revolution and mythological past, social projects and nature. The new man is characterized by violence that embodies the revolution's reforming energy and expresses the force of nature. At the end of the Twenties, with the first Five-Year plan, the new man's task had become building the new Socialist society by extending the Stalinist idea of industrial planning to all aspects of human life. This is what we see in Pil'niak's "The Volga Falls to the Caspian Sea" (1929), where the new man is a technician, a builder, and a demiurge who moves rivers and mountains. Nevertheless, he cannot find answers to the limits of the human condition, like death and moral questions. Similarly, in Platonov's "The Foundation Pit" (1930), humankind is tasked with transforming nature, thus extending the principle of industrial planning to the most intimate aspects of human existence. At this point, the attempt to conciliate past and future, planning and spontaneity is no longer feasible. Platonov's characters spend their lives carrying out the task of human realization appointed by the Soviet state, but find out that happiness cannot be programmed from above, it is the result of a personal pursuit and of the relationship with the other. So, "Dzhan" (1934) shows us a possible alternative to the Soviet system with the questioning, the search, the attempts, and the resistence that the characters show. They avoid future that is imposed by a power that destroys the past and empties the present. Platonov shows that the human sould resides in relations, memory, and emotions.

Keywords: new man; spontaneity; nature; destruction; planning; technology; memory; ethics; soul; Boris Pil'niak.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И БОРИС ПИЛЬНЯК: СТРЕМЛЕНИЕ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Камиза Морале Э.
Университет Южной Калифорнии (Лос-Анджелес, США)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2785-4423

Аннотация. В романах Бориса Пильняка и Андрея Платонова прослеживается диалог, в котором проявляется эволюция советского человека в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «Голый год» Пильняка (1922) написан после революции, когда сохранялась надежда на возможность примирить революцию и мифологические представления о прошлом, социальные проекты и природу. Новый человек считал допустимым прибегать к насилию при осуществлении проектов преобразования природы. В конце 1920-х гг., после утверждения первого пятилетнего плана, задачей нового человека стало построение социалистического общества посредством индустриализации, оказавшей влияние на все сферы человеческой жизни. Именно эта проблема рассмотрена в романе Пильняка «Волга, впадает в Каспийское море» (1929), где новый человек – техник, строитель и демиург, способный передвигать реки и горы. При этом он не может найти ответы на «вечные» вопросы человеческого бытия: смерть, любовь, долг. В повести Платонова «Котлован» (1930) решается проблема преобразования природы, связанная с тем, что цели индустриализации влияют на самые интимные стороны человеческого существования. На этом этапе попытка примирить прошлое и будущее, планирование и стихию уже неосуществима. Герои Платонова подчиняют свою жизнь целям, поставленным перед ними советским государством, но обнаруживают, что они могут обрести счастье только при условии личных отношений друг с другом. Повесть Платонова «Джан» (1934) показывает воз-

можную альтернативу советского общества, здесь персонажи делают попытки сопротивления насилию. Они отказываются от будущего благополучия, навязанного силой, поскольку оно разрушает прошлое и опустошает настоящее. Платонов показывает, что человеческая душа нуждается в товариществе, памяти и сердечности.

Ключевые слова: новый человек; стихия; разрушение; природа; планирование; технология; память; этика; душа; Андрей Платонов; Борис Пильняк.

Для цитирования: Камиза Морале, Э. Андрей Платонов и Борис Пильняк: стремление счастливого человека / Э. Камиза Морале. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 107–117. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-08.

For citation: Camisa Morale, E. (2021). Andrei Platonov and Boris Pil'niak: The Pursuit of the Happy Man. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 107–117. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-08.

Analyzing Boris Pil'niak's "The Naked Year" (1922) and "The Volga Falls to the Caspian Sea" (1929) and Andrei Platonov's "The Foundation Pit" (1930) and "Dzhan" (1934) allows me to pinpoint the progressive delineation of the Soviet man – from the unleashing of the primordial, violent human energy with the revolution and the civil war to the efforts to realize the Socialist utopia by mechanizing work and controlling human beings with the first Five-Year Plan to, finally, the spread of socialism from the center to the periphery of the Soviet Union.

The above-mentioned works show such evolution through their choral structure, whereby each character plays a specific role in representing the qualities of the Soviet man, and through their plot, which represents key endeavors for the triumph of the revolution, for the consolidation of the Soviet state, and for its expansion. I will examine such narrative mechanisms and historical phases by resorting to a methodology that brings together textual analysis, ideological studies, and historical contextualization. This will help me to investigate the existing tensions between humankind and nature and between power and technology, which contribute to define Pil'niak's and Platonov's conception of the human. Such conception is further deepened by referring to opposing notions of space – idyllic or anti-idyllic – and of time – cyclical or linear.

In 1924, the year of Vladimir Lenin's death and soon after the end of the civil war, Lev Trotskii portrays the new man as the person who celebrates the victory of technology over the subconscious and the substitution of religion with science. According to Trotskii, in the new society,

> Man will make it his purpose to master his own feelings, to raise his instincts to the heights of consciousness, to make them transparent, to extend the wires of his will into hidden recesses, and thereby to raise himself to a new plane, to create a higher social biologic type, or, if you please, a superman[1].

Trotskii maintains that the new man will be stronger and wiser, will win over elemental forces and "will learn how to move rivers and mountains" (40). Yet, in Russia on the eve of the revolution, the theme of a new life and of a new humankind are on the agenda, not only among Marxist supporters, but also among men of letters, philosophers, and scientists[2]. Here, Trotskii is expressing the same ideas by resorting to a language that evokes the recent scientific discoveries and that is familiar to the members of the early twentieth-century literary and philosophical movements and to the followers of Nietzsche's and Freud's thought. However, we will soon notice how Trotskii's statements paradoxically show many similarities with Stalin's program. As a matter of fact, during the Twenties and the Thirties, the Soviet government tries to turn the ideal of a new man into reality and, with the first Five-Year Plan, society goes through radical transformations that are determined by a technological development that proceeds at a speed that had never been seen before on Russian soil. With my study, I will hence try and answer the following questions: How do

[1] From: https://www.marxists.org/archive/trotsky/1924/lit_revo/ch08. htm (Last access: March 17, 2021).

[2] On this topic there is a wide bibliography. Check, for instance: [Young 2012; Graham 1993; Soboleva 2017: 64–85; Vujošević 2017].

the Bolshevik revolution and the Five-Year plan change the human? Who is the new man stemming from such transformations? How is this type of human being portrayed within coeval Russian literature?

The works of Boris Pil'niak and Andrei Platonov are especially apposite to answer these questions. Both authors adhere to the ideals of the revolution and recount its developments, so their works help us to determine the changes that have occurred during the first fifteen years after its occurrence. Pil'niak and Platonov, moreover, collaborated in 1928–29, when they co-wrote the sketch "Che-Che-O" and the play "Fools on the Periphery". But, above all, we can identify mutual links in their production, as Elena Tolstaia-Segal and Nina Malygina outline. According to them, traces of Platonov's thought are in Pil'niak's works, like "Mahogany" (1927), and Platonov's "The Foundation Pit" (1930) may be considered a response to and "The Volga Falls to the Caspian Sea" (1929) [Толстая-Сегал 1994: 90–7; Малыгина 2016: 95–115]. This constitutes a further reason of interest for the present study, because it shows how Pil'niak's and Platonov's works composed at the turn of the Thirties are in continuous conversation with one another and deepen the question on the nature of the new man.

"Russia. Revolution. Snowstorm". "The Naked Year" narrates the revolutionary events through the reactions that they arouse in the social classes of the small town Ordinin. Throughout the novel, the revolution is identified with nature, which is so omnipresent and varied as to constitute a leitmotiv and to become one of the elements building the novel's unity, often accused – among others, by Shklovskii and Struve – of being "fragmentary" [Struve 1971: 41]. Nature is characterized as marked by a cyclical time, where a unique vital force unifies all living beings. In the novel's "Introduction", the idyllic but stagnant life in the small town of Ordinin before the revolution is described: "And over the town the sun would rise, always beautiful, always extraordinary. Over the earth, over the town, the springs, summers, autumns and winters would pass, always beautiful, always extraordinary" [Pil'niak 1975: 23]. In Pil'niak's worldview, life goes on, marked by anniversaries and rituals. The shop opens "at five minutes to seven… Locking up was at half past seven… By nine the town [is] asleep" [Pil'niak 1975: 23–4].

This description fits Bakhtin's definition of the chronotope of the idyll, which is constituted by "an organic fastening-down, a grafting of life and its events to a familiar territory with… one's own home" [Bakhtin 1981: 225]. Pil'niak portrays an idyll built on bourgeois order, which is fictitious and tends to defend the privileges that the revolution will sweep away. In "The Naked Year", the crisis of the idyll is represented through the revolution and the young Donat, "little spatial world… limited and sufficient unto itself, not linked in any intrinsic way with other places, with the rest of the world", which is what happens in the so-called "областнический роман" [Bakhtin 1981: 226].

However, when the revolution arrives, respecting the linear time typical of the novel becomes impossible, so change occurs following the rhythms and the characteristics that are distinctive of mythological time: "in the first spring… the rivers had overflowed with their voluminous spring torrents… Ahhh, what a snowstorm! How snowstormy!… How – g-o-o-d!" observes the narrator [Pil'niak 1975: 55, 164]. Here, the revolution is associated with the overflowing rivers and the snowstorm, a recurring motif also in Blok's and Esenin's poetry, as Browning points out [Browning 1985: 123]. Revolution is part of a natural sequence of events which acquire a cosmic dimension [Young 2012: 5–7]. The conception of revolution as disruption of nature and liberation of irrational, instinctive forces able to renew humanity and the universe flows into Blok's and Pil'niak's common reference to the Scythians and is pervaded by a strong anti-Western feeling and sees Russia as the only nation able to save the West.

The new man also takes on the features of mythological characters, for he adopts a binary logic, according to which only two mutually exclusive conditions are possible. For instance, there is a clear distinction between counterevolutionaries and revolutionaries. Whereas the aristocratic family of the Ordynins wrestle between vices and debauchery, bigotry and fear of death, dirt and defects, the revolutionaries are young, strong, and free, and their violence is depicted as pure and liberating force [Pil'niak 1974: 74]. The Bolshevik soldiers also follow folkloric schemes

because they used to speak with the same simple words as Ivan Durak, and simplicity and truth win injustice [Pil'niak 1975: 82]. Such Manichean societal structure characterizes the very identity of Russia: on the one hand, we have the Westernized intellectuals, who are the heirs of Peter the Great and did not follow the October revolution; on the other, we have the people, the "real Russian people" [Pil'niak 1975: 87].

In this novel, Piln'iak considers the revolutionaries as destroyers, "for a creation *always* destroys" [Pil'niak 1975: 142]. That which is being destroyed is however the superficial layer of the Russian nation, and precisely the westernized stratum which Peter the Great first created. After all, the revolution destroys what is already dead and allows the original Russian identity to come to light, an identity which is rooted in nature and folklore. So, destruction becomes part of a process of renewal, after which the idyll returns in the final scene. This way the etymological meaning of the term 'revolution'is realized, namely its coming back to the past. Various passages in the novel express this bind between revolution and human instincts, natural forces and folkloric elements: "Do you hear the revolution howling – like a witch in a blizzard! listen: Gviuu, gviiuu! Shoya, shooya… Gaau. And the wood demons drums – glav-bum! Glav-buuum!.. And the witches wiggling their rears and boobs. Kvart-khozh! Kvart-khozh!" [Pil'niak 1975: 75]. This type of representation of the human puts Pil'niak in contrast with the view of Russian identity posited by Marxism-Leninism and with the ideal of the new man theorized by Trotskii.

After the Snowstorm. "The Volga Falls to the Caspian Sea" continues and, at the same time, corrects the ideology expressed in the previous novel. The novel narrates the works in a construction site to deviate the course of the rivers Oka and Moskva in order to make a big, deserted area of Russia fertile. The projects of the first Five-Year Plan are celebrated as a return of the revolution: "The 1919 is back!" one of the characters says[1].

Here, the revolution is also identified with a natural force, water. It, however, is not charged with the same destructive force with which the blizzard is charged in "The Naked Year": "the water mends its movement unceasingly… [but] with these forces one can fight, not by external force…, but coordinating them"[2]. Through the engineer Sadykov's words, Pil'niak expresses the faith that this may be possible, persuaded as he is that "in the struggle against nature one has to fight with nature itself" by using human intelligence[3]. However, the events narrated in this novel show nothing primitive or irrational; on the contrary it is proclaimed that "everything that is rational is real" and that we have to "calculate everything… rationalize human labor"[4]. This change in perspective is introduced already at the beginning of the novel through the description of the protagonist, professor Poletika: he is old, slow, severe, and bent over; he believes in old, strict values and is extremely helpful for the revolution; he is a widely renown scientist, a technician, and a builder [Pil'niak 1989: 13–14]. So, the ideal of the new man is presented as an older person, a man of culture, and a builder. The engineers Sadykov and Laslo are also men of culture and builders: we are worlds apart from the revolutionaries in "The Naked Year".

The most primitive elements of nature and culture, like wolves and folklore, are here a pale semblance of what they were in "The Naked Year". Now the "places of the struggle for socialism" are the building sites, and technology, machines, and electrification are its tools[5]. The protagonists of this endeavor are the Bolshevik party, the Soviet government, and the workers, whose cast of mind changed after the revolution and who are now aware that "the building site belongs to the workers"[6]. Whereas in "The Naked Year" the countryside was the place of the revolution and the city was the place for business, now the differ-

[1] «Опять приходит девятнадцатый год» [Pil'niak 1989: 226]. The translations of the quote from "The Volga Falls to the Caspian Sea" are by the author of the article.

[2] «вода чинит свое движение безостановочно… [но] с этими силами можно бороться, никак не наружая… но координируя их» [Pil'niak 1989: 131].

[3] «в борении с природой надо бороться тою же самой природой» [Pil'niak 1989: 243].

[4] «все разумное – действительно» [Pil'niak 1989: 143]. «рассчитать все… осмыслить человеческий труд» [Pil'niak 1989: 236].

[5] «мест[а] боя за социализм» [Pil'niak 1989: 146].

[6] «строительство – …рабочих» [Pil'niak 1989: 207].

ence between the two are significantly shortened. They merge their roles, so that Moscow is an "outpost for the future of humanity" and the fields are urbanized by human labor[1].

The plan must be realized even if it implies the destruction of villages that water will submerge and the disagreement of peasants and of some bourgeois, who are developing a plan to blow up the dam under construction. These social classes are portrayed as reactionary and permeated by love for the Nietzschean "antiquarian" past and by an obscurantist ideology, according to which it is "better to live with… bugs than under socialism"[2]. The counter-revolutionaries stand by the "little spatial world" where they live and by the cyclic nature of time, which are typical features of the idyll: "our grandfathers lived, our great-grandfathers lived… for a thousand years they lived, and maybe even more" [Bakhtin 225][3]. Here, Pil'niak's idea of time is changing – the cyclical, mythological time of "The Naked Year" is substituted by an idea of time as proceeding on a straight line that leads right to the end. There remain, however, vital impulses, when the "cheerfulness of farewell…, the new life, the cheerfulness of business, [and] the hard and joyful work» are opposed to the old times[4]. Such opposition sees the «struggle against old Russia for the new Russia"[5]. Here the freeing of work and of human time are at play, in whose name it is allowed to make the rivers flow backwards and to create geography anew. Work becomes the dimension with which human beings identify themselves: "People will work all day and all year round without breaks… We will fill the nights with electricity"[6]. This is the way for people to "make sense of life and build it with your will"[7]. This refusal of the past in the name of vitalistic constructivism brings Pil'niak's new man close to Trotskii's new man, who "will learn how to move rivers and mountains"[8].

Such projects are placed within a historical perspective that is as wide as that in "The Naked Year" and that seeks to link the Slavophile and the Soviet ideologies in the name of Russia's historical – and present – role. Hence, it is Russia itself that constitutes the line of continuity between mythical and linear time. This is what professor Poletika means when stating that "Russia has always been the outpost and the guardian of Europe"[9]. Russia first protected Europe from the threat coming from the East and will now save Europe from science, thus presenting itself at the vanguard point in the struggle against the desert that is moving forward. The deviation of the rivers Oka and Moskva is just the start, because professor Poletika has already elaborated new projects, such as deviating the river Volga in order to create an area that is the "richest in the world"[10].

Projects like these are the successful completion of human evolution. In "The Volga Falls to the Caspian Sea", Pil'niak is aware that there is "disorder in human life", but, unlike in "The Naked Year", he is now confident that one can put everything in order "with science… and with machines"[11]. The type of man who is described in the 1930 novel is the man of the first Five-Year Plan, who is moved by the intent to correct the spontaneity of nature. At this point, overcoming certain human limits appears to be feasible: while progress in aviation will bring people to new planets, progress in work will make human lives longer. Even in this committed adhesion to the Soviet worldview, Pil'niak's protagonists still have to solve two aspects of life: the natural limitations of the human condition, like illness and death; and morals, notwithstanding Sadykov's intention to build a new ethics – a "revolution of human relations and of the human being"[12]. Death and ethics are, in fact, the two elements causing the dramatic turning point of the book. The appeasing

[1] «форпост в будущее человечества» [Pil'niak 1989: 327].
[2] «с… клопами лучше жить, чем с социализмом» [Pil'niak 1989: 181].
[3] «Деды жили, прадеды жили… тыщу лет водили, а может и больше» [Pil'niak 1989: 149].
[4] «бодрость прощания…, новая жизнь, бодрость дела, упорный и веселый труд» [Pil'niak 1989: 149–50].
[5] «бою со старой Россией за Россию новую» [Pil'niak 1989: 154].
[6] «Люди будут работать круглые сутки и круглые годы без останову… Ночи мы зальем электричеством» [Pil'niak 1989: 227].
[7] «освомыслить жизнь и построить ее своей волей» [Pil'niak 1989: 332].
[8] From: https://www.marxists.org/archive/trotsky/1924/lit_revo/ch08.htm (Last access: 17 March 2021).
[9] «Россия всегда была форпостом и охранителем Европы» [Piln'iak 1989: 320].
[10] «богатейшим в мире» [Piln'iak 1989: 341].
[11] «беспорядок живой жизни… наукою… и машинами» [Piln'iak 1989: 253].
[12] «переустройством человеческих отношений и человека» [Piln'iak 1989: 234].

solution offered in novel's conclusion does not make them less problematic, because what keeps echoing is the suffering shout of the women who protest for the human dignity that was offended when one of them hanged herself after being sexually abused by one of the builders: "Why did the revolution occur?!"[1]. Maybe Pil'niak's repentance did not fully persuade Soviet leaders because of this outcry? Or maybe that occurred because, after the social revolution with the October events and after the rational revolution with the first Five-Year Plan, the communist Ozhogov proposes the ethical revolution? Or, finally, could that occur because Liubov, the archaeologist and professor Poletika's daughter, seems to doubt what has been affirmed in the novel when she claims that it is necessary to look at the past in order to see the future?

The Building Site of Happiness. In "The Foundation Pit", Voshchev, the protagonist, has been tasked with a specific mission not by the party, but by himself. He wants to understand in what Soviet truth and happiness consist and, after being fired from the factory due to his low productivity, starts to work in a construction site and looks for answers to his questions by cultivating relations with the other workers, who are – unlike him – sure of their Soviet faith. In a way that reminds us of Raskol'nikov, Voshchev experiences unner srtruggles and wants to verify the validity of an idea.

In this novel, one cannot find any sign of the revolution as the liberation of nature that we find in "The Naked Year" or of the revolution as the human ability to control nature that we find in "The Volga Falls to the Caspian Sea". The idea of the revolution as the freeing of human instincts and as the ability to "move rivers and mountains" belongs to the past. Now, the background against which Voshchev's adventure occurs is a new phase in planning, which comes to include every aspect of society, even the most intimate ones. This constitutes the further development of the rationalization described in "The Volga Falls to the Caspian Sea". The consequences of planning are made evident: "At the time of the Revolution dogs howled day and night all over Russia, but now they have quietened down" [Platonov 2009: 37]. Nature is empty, inert, and lifeless, to the point that "[y]ou find yourself locked in, marooned in blinding proximity" – Brodskii warns readers [Brodskii 1986: 287]. Voshchev's questions stem from these doubts in the possibility to plan every aspect of human life, even private life and emotions. Everything is senseless, in that humankind, life, and nature are obstacles that need to be subjugated and modified because "the world had been created without a plan" [Platonov 2009: 54]. Once the relationship between the human and the world has failed, natural phenomena are no longer understandable and the collaboration between humankind and nature is no longer possible.

The protagonist, Voshchev, becomes aware of this, because, for him, thinking that "happiness will originate from materialism" or that it is a historical process is not enough, as it is instead for the Committee's people [Platonov 2009: 4]. Already in the novel's first paragraph, Voshchev is characterized through his "thoughtfulness amid the general tempo of labor" [Platonov 2009: 1]. He reflects that "[w]ithout thought, people act senselessly" and is even convinced that it is important to grasp the essence of things, because "spiritual meaning would raise productivity" whereas the "body gets weak without truth" [Platonov 2009: 4–5]. However, nobody finds truth interesting anymore, and everyone is wrapped in their solitude and concerned only in showing their enthusiasm. Voshchev, instead, wants to know "whether he was of use to the world or whether everything would get along fine without him" [Platonov 2009: 3].

Similarly to "The Volga Falls to the Caspian Sea", "The Foundation Pit" is centered around a construction site where people tasked themselves with an important goal, namely "the construction of a single building that would house the whole of the proletariat; … [a] communal building", a clear metaphor for the construction of socialism [Platonov 2009: 16]. Nevertheless, the main idea is that "socialism can get along fine without you", as Pashkin, the president of the district soviet, states [Platonov 2009: 29–30]. People start feeling useless, lonely, and sad, and these feelings represent a contradiction intrinsic to Soviet sys-

[1] «Для чего революция происходила?!» [Pil'niak 1989: 254].

tem because they cannot be erased through planning.

In "The Foundation Pit", the typical features of the idyll are disrupted. Family life and the continuity of generations disappeared, so much so that all main characters have no family, are exiled, and feel like foreigners in their homeland. Eating does not give pleasure, nor does work bring joy. Furthermore, workers do not constitute the "higher social biologic type" theorized by Trotskii[1]. They live in misery, their bodies are tired, weak, suffering, and sick, and their souls are moved only by selfishness, envy, ignorance, and indifference. They are dominated by sense of duty and are far removed from the enthusiasm, the selflessness, and the solidarity that should be the premise of their ideology. Sometimes nostalgia for the elements of the idyll resurfaces, for instance when music evokes a specific feeling, and something vital emerges while dreaming but disappears upon awakening. The construction of the house for humanity is actually the search for a new idyll on a large scale, which however ends up destroying what it tries to build. It is an overturned Tower of Babel, which implodes before it has been built, but which pours out its malefic effects on humankind.

Platonov, like many early twentieth-century philosophers, such as Nikolai Fedorov, believed that it will be possible to overcome the evils of the human condition – especially death, thus bringing the forefathers to life – through science and memory of the past. However, now he finds himself before an overturn of his expectations: according to Soviet planning, not only the unplanned world constituted by nature is being destroyed by the state, but also the past [Stevenson 2012: 222]. When Zhachev asks Prushevskii whether the success of higher science will be able to resurrect people after they have decomposed, the latter answers negatively. In this sense, Platonov's "The Foundation Pit" shares a similar conclusion with Pil'niak's "The Volga Fall to the Caspian Sea". The fact that the pit where the great common house should be built ends up being the grave of the child Nastia, who is identified with the future to which every effort is devoted, is the inevitable conclusion. The initial phrase "to build a common house" becomes at the end "to dig the foundation pit". The pit is no longer a symbol of life and creation, but of void, death, and hopelessness. As Seifrid points out, "The Foundation Pit" overturns the typical features of the Five-Year Plan's novel: consciousness is lost and the final goal fails, so ideology permeates language and overlaps with reality, but is unable to explain it [Seifrid 2009: 140–143].

At the end of the novel, workers keep digging, and are even joined by the peasants. Voshchev could not find answers to his questions and does not align to the binary logic that we encountered in Pil'niak's novels: he is neither a revolutionary nor a counterevolutionary. "he Foundation Pit" does not show the conclusion of the project it describes, the goal is never achieved, and the process does not undergo any meaningful evolution. These features demonstrate that Voshchev's questions are, actually, more productive than the answers that the system could give him. Rather than a Soviet novel, "The Foundation Pit" is a novel of ideas that keeps questioning us even today.

The Pursuit of Happiness. We can find a drastic response to the issues posited in the previous works in "Dzhan", a povest'that overturns the features of the Soviet novels. As it is for Donat in "The Naked Year", the protagonist, Nazar Chagataev, after living few years in Moscow, returns to his homeplace at the periphery of the Soviet state, upon a mission that the Bolshevik party appointed him. Chagataev shows all the key features of a Soviet hero. Abandoned by his mother in the desert, he has filial feelings for the Soviet power, which has nourished and raised him and offered him the chance to get a university degree in economy. Similarly to prof. Poletika, he has to carry out a task commissioned by the Party: "'But what will I do there? Build socialism?' 'What else?' said the secretary. '…let it [your nation] live in paradise for a while – and we'll help it with all our strength'" [Platonov 2008: 24].

The story is distinct from those in the previous works because of its context: socialism-'paradise'is already realized, now it is time to spread it among the Dzhan, a nomadic population constituted by people of different nationalities, Turkmens, Karakalpaks, Uzbeks, Kazakhs, Per-

[1] From: https://www.marxists.org/archive/trotsky/1924/lit_revo/ch08.htm (Last access: 17 March 2021).

sians, Kurds, "runaways and orphans… old, exhausted slaves who had been cast out… women who had betrayed their husbands… people who didn't know God… criminals" [Platonov 2008: 23]. Through Chagataev's memories, we come to know that Dzhan "means soul and sweet life. These people had nothing but the soul and the sweet life that the women-mothers had given them" [Platonov 2008: 23]. The task is apparently simple: socialism has been realized in the center of the Soviet Union, so now it needs to extend to the periphery and to pull civilization out of the desert. A similar goal characterizes the words of professor Poletika in "The Volga Fall to the Caspian Sea". Apart from involving the human being, society, and geography, planning now comes to include ethnicity as well.

However, the task turns out to be harder than expected. The encounter between Chagataev and the Dzhan people could turn out to be similar to what Edward Said illustrates in "Orientalism": "The Oriental is irrational, depraved (fallen), childlike, 'different'; thus the European in rational, virtuous, mature, 'normal'"[1]. The risk of a colonial endeavor is avoided because of Chagataev's personal involvement, which leads him to listen to his people. The Dzhan prefer the desert to civilization and death to life. As the old Suf'ian explains, after centuries-long experiences of exploitation and domination, the Dzhan people are afraid to live and do not believe in anything. They pretend that they are dead, so that happy and strong people will not come and exploit them again. They leave only what is essential for themselves, what nobody else needs, so that nobody will desire or envy them when they see them [Platonov 2008: 129]. In the lifestyle of the Dzhan people, Nariman Skakov sees an instance of "the centuries-old tension between the concepts of human and animal and, by extension, the categories of ideology and corporeality" [Skakov 2014: 773]. Skakov maintains that the Dzhan people "(un) consciously act against the state by reaffirming their zoological essence and their primordial instinct for freedom" [Skakov 2014: 773]. Actually, by regressing to an animal state, Dzhan have matured their own survival strategy, which consists in living with little and in sharing what they have by realizing a primitive form of socialism.

Throughout the povest', Chagataev undergoes an overturned education because, rather than transforming the Dzhan people, he is transformed by them. He is also described when he "fell asleep in the grass, in the calm, pressed to the ground… [and] lay down on the ground" [Platonov 2008: 23]. Chagataev still wants to instill life in his people and to avoid their deaths because, like a good Soviet hero, he is selfless. After a hopeless march through the desert, during which he even sacrifices his physical health in order to nourish his people, Chagataev settles with the Dzhan population in the Sary-Kamysh pit on the upland of Ust' – Urt'. His only helper his Aidym, a young girl who

Chagataev, after a desperate march through the desert, settles with the Dzhan people in a place in the trench of Sary-Kamysh on the plateau of Ust' – Urt. His only support is Aidym, a girl moved by a vital impulse who expresses hope in a better future like Ksenia and Khanom and like Nastia in "The Foundation Pit". Here Chagataev organizes the people according to the principles of socialism: they build little home surround by a common gate, look for food in the desert and elect the first workers'soviet [Platonov 2008: 131]. This seems to awake their desire to live, to the point that they start eating regularly again and one night sing altogether around the fire – an activity typical of the beginning of a civilization and one of the elements of the chronotope of the idyll.

Nevertheless, any attempt to impose a predetermined lifestyle over the Dzhan people seems destined to fail, as they, for long, could not get used to live within a house and, after short periods of time, they had to go out and breathe some fresh air [Platonov 2008: 131]. So, they suddenly find happiness one day at dawn, when they go one by one to all the countries in the world and Chagataev finally understands that he helped them to stay alive and they can now "reach happiness beyond the horizon" [Platonov 2008: 141]. Here, Platonov seems to be telling us that happiness is the result of individual pursuit and, thus, the equation of socialism with happiness does not hold. But Chagataev's experience does

[1] [Said 1979]: http://search.ebscohost.com.libproxy1.usc.edu/login.aspx?direct=true&db=nlebk&AN=842875 (Last access: 18 March 2021).

not end here. He witnesses the re-forming of the Dzhan community and understands that "all the small tribes, families, and groups of gradually dying people living in the inhabitable places of the desert… they call themselves the same – Dzhan… because Dzhan is the soul, and the dying poor have nothing but the soul, that is, the ability to feel and to suffer" [Platonov 2008: 235]. He also realizes that one can exist together with animals, with silent plants, with a desert on the horizon, if one has at least one person next to them, because help will come only from another person [Platonov 2008: 224, 240]. Chagataev has completed his task and his spiritual growth, although differently from how the Bolshevik party expected.

Skakov asserts that this represents a failure of the hero, because "his relative success… is not attributable to his conscious efforts, for the people gather of their own accord" [Skakov 2014: 783]. Instead, I claim that Platonov is, once again, refusing a binary logic: between the Soviet system and poverty and despair there exists an unexpected option. Happiness is the result of both an individual pursuit and an opening to the other, which is the path that the Dzhan people undergo: after living in misery as a surviving strategy in order to avoid any control from the state, they first choose freedom and disperse and then come back home and live altogether.

Conclusions. Both Trotskii's and Stalin's interpretations share an understanding of the new man as characterized by control over instincts and emotions, which is the linked to the simultaneous planning of society and nature. Literature, instead, expresses a different idea of this new humankind. In a moment of high hopes, the new man in "The Naked Year" is contextualized within the nature and life in the countryside, which are represented as a place where the revolutionary events can be conciliated with the mythical past. The new man is even part of the forces of nature and expresses that "picturesque disorder" that is spread throughout society and literature [Shcheglov 2012: 197].

At the turn of the Thirties, Stalinist politics aims at expanding its own models of development to the countryside and at applying to it the idea of industrial planning. Pil'niak, after the critiques that followed the publication of "The Naked Year", looks for a reconciliation between countryside and city, between Slavophilia and Bolshevism, and between anarchy and planning. He does so in "The Volga Falls in the Caspian Sea", in which he presents as the hero of the revolution an intellectual and builder who is trying to realize a typical Soviet project. This is the work that, in its structure, resembles the Soviet novel the most: a man who is faithful to the party is sent on a mission with the task to realize a Promethean transformation of nature. However, amid technological and engineering innovations, Pil'niak cannot find an answer to the limits of the human condition, like death and ethical questions, with which even the revolutionaries have to confront themselves. These are the same problems that the Soviet government is facing at the same time and that will be expressed in Stalin's famous speech at Gorkii's house in the evening of October 26, 1932: "The production of souls is more important than the production of tanks" [Westerman 2010: 34].

The production of souls is the theme at the center of Platonov's "The Foundation Pit". Platonov expresses his doubts that the intention to plan not only every aspect of human life, but also its meaning is feasible. The Soviet plan of controlling natural forces through science and technology appears to him to be not a tool to erase human sufferings and limitations, but the sign of a historical process which leads to the deletion of the past and to the transformation of expectations into disillusions, to the point that humanity itself is compromised. With respect to a vague future lacking its roots, the attempt for a reconciliation is no longer possible. "Dzhan" confirms this, because such ideas as: "We won't allow any unhappiness", sound unrealistic and disconnected from history and the human condition [Platonov 2008: 167]. However, Chagataev, Aidym, and Ksenia show us a possible alternative through their resistance, their acceptance of nature, human limits, and sorrow, and their avoiding a future imposed by a power that destroys the past and empties the present.

Notwithstanding difference in philosophical conceptions, language, style, and structure, the conclusions of Pil'niak's and Platonov's works on the new man can tell us something about the Soviet society of the Twenties and Thirties. One cannot build something new without founda-

tions that are deeply rooted in the past and in the individual's and the people's identity. The soul resides not in technology and machines, but in human relations, memories, and emotions. Whereas Pil'niak still refers to dichotomies like individual vs. collective, politics vs. ethics, and spontaneity vs. planning, Platonov, above all in "Dzhan" points to a third option, which is characterized by freedom and the choices of the soul.

Литература

Заваркина, М. В. Сюжет «Испытания веры» в повести А. Платонова «Джан» / М. В. Заваркина // Проблемы исторической поэтики. – 2013. – Т. 11, № 1. – С. 427–441.

Заваркина, М. В. Сюжет «Испытания истины» в повести А. П. Платонова «Котлован» / М. В. Заваркина // Проблемы исторической поэтики. – 2014. – Т. 12, № 9. – С. 512–531.

Малыгина, Н. Роль Бориса Пильняка в писательской биографии Андрея Платонова / Н. Малыгина // Автогиография. – 2016. – № 5. – С. 95–115.

Маркштайн, Э. Мир и Котлован, или Мнимая Реализация утопии / Э. Маркштайн // Андрей Платонов. Мир Творчества. – М. : Современный писатель, 1994. – С. 284-303.

Толстая-Сегал, Е. Стихийние силы: Платонов и Пильняк (1928–1929) / Е. Толстая-Сегал // Андрей Платонов. Мир Творчества. – М. : Современный писатель, 1994. – С. 84-104.

Щеглов, Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика. Избранные работы / Ю. К. Щеглов. – М. : Новое литературное обозрение, 2012.

Bakhtin, M. M. The Dialogic Imagination: Four Essays / M. M. Bakhtin, M. Holquist. – Austin : University of Texas Press, 1981.

Brodskii, J. Less Than One. Selected Essays / J. Brodskii. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 1986.

Browning, G. Boris Pilniak: Scythian at a Typewriter / G. Browning. – Ann Arbor, Mich : Ardis, 1985.

Clark, K. The Soviet Novel: History as Ritual / K. Clark. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2000.

Günther, H. The Temporal and the Extratemporal in Platonov: Preliminary Considerations / H. Günther // Russian literature. – 2013. – Vol. 73, issue 1–2. – P.15–23.

Ioffe, D. Andrei Platonov and the Pragmatics of Radical Modernism / D. Ioffe // Russian literature. – 2013. – Vol. 73, issue 1–2. – P. 323–340.

Jensen, P. A. Nature as Code. The Achievement of Boris Pilnjak, 1915–1924. Vol. 6 / P. A. Jensen. – Copenhagen : Rosenkilde and Bagger, 1979.

Nicholas, M. A. Writers at Work: Russian Production Novels and the Construction of Soviet Culture / M. A. Nicholas. – Lewisburg : Bucknell University Press, 2010.

Parthé, K. F. Russia's Dangerous Texts: History between the Lines / K. F. Parthé. – New Haven : Yale University Press, 2004.

Pil'niak, B. (1931). The Volga Falls to the Caspian Sea / B. Pil'niak. – New York : Cosmopolitan Book Corp., 1931.

Pil'niak, B. The naked Year / B. Pil'niak. – Ann Arbor : Ardis, 1975.

Platonov, A. P. Soul / A. P. Platonov. – New York : New York Review Books, 2008.

Platonov, A. P. The Foundation Pit / A. P. Platonov. – New York : New York Review Books, 2009.

Said, E. W. Orientalism. 1st Vintage Books ed. / E. W. Said. – New York : Vintage Books, 1979. – URL: http://search.ebscohost.com.libproxy1.usc.edu/login.aspx?direct=true&db=nlebk&AN=842875 (mode of access: 18.03.2021). – Text : electronic.

Seifrid, T. A Companion to Andrei Platonov's the Foundation Pit / T. Seifrid. – Boston : Academic Studies Press, 2009.

Skakov, N. (2014). Introduction: Andrei Platonov, an Engineer of the Human Soul / N. Skakov // Slavic review. – 2014. – Vol. 73, № 4. – P. 719–726.

Skakov, N. Soul Incorporated / N. Skakov // Slavic review. – 2014. – Vol. 73, № 4. – P. 772–800.

Stevenson, S. Stalin's Legacy: The Soviet War on Nature / S. Stevenson. – Edinburgh : Birlinn Limited, 2012.

Struve, G. Russian Literature under Lenin and Stalin, 1917-1953 / G. Struve. – Norman : University of Oklahoma Press, 1971.

Trotskii, L. Literature and Revolution / L. Trotskii. – Chicago : Haymarket Books, 2005. – URL: https://www.marxists.org/archive/trotsky/1924/lit_revo/ch08.htm (mode of access: 17.03.2021). – Text : electronic.

Westerman, F. Engineers of the Soul: In the Footsteps of Stalin's Writers / F. Westerman. – London : Harvill Secker, 2010.

Young, G. M. The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers / G. M. Young. – New York : Oxford University Press, 2012.

References

Bakhtin, M. M., Holquist, M. (1981). *The Dialogic Imagination: Four Essays*. Austin, University of Texas Press.

Brodskii, J. (1986). *Less Than One. Selected Essays*. New York, Farrar, Straus and Giroux.

Browning, G. (1985). *Boris Pilniak: Scythian at a Typewriter.* Ann Arbor, Mich, Ardis.

Clark, K. (2000). *The Soviet Novel: History as Ritual*. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press.

Günther, H. (2013). The Temporal and the Extratemporal in Platonov: Preliminary Considerations. In *Russian literature*. Vol. 73. Issue 1–2, pp. 15–23.

Ioffe, D. (2013). Andrei Platonov and the Pragmatics of Radical Modernism. In *Russian literature*. Vol. 73. Issue 1–2, pp. 323–340.

Jensen, P. A. (1979). *Nature as Code. The Achievement of Boris Pilnjak, 1915–1924. Vol. 6*. Copenhagen, Rosenkilde and Bagger.

Malygina, N. (2016). Rol' Borisa Pil'nyaka v pisatel'skoi biografii Andreya Platonova [The Role of Boris Pil'niak in the Writer's Biography of Andrei Platonov]. In *Avtobiografiya*. No. 5, pp. 95–115.

Markshtain, E. (1994). Mir i Kotlovan, ili Mnimaya Realizatsiya utopii [The World and the Pit, or the Imaginary Realization of the utopia]. In *Andrei Platonov. Mir Tvorchestva*. Moscow, Sovremennyi pisatel', pp. 284–303.

Nicholas, M. A. (2010). *Writers at Work: Russian Production Novels and the Construction of Soviet Culture*. Lewisburg: Bucknell University Press.

Parthé, K. F. (2004). *Russia's Dangerous Texts: History between the Lines*. New Haven, Yale University Press.

Pil'niak, B. (1931). *The Volga Falls to the Caspian Sea*. New York, Cosmopolitan Book Corp.

Pil'niak, B. (1975). *The naked Year*. Ann Arbor, Ardis.

Platonov, A. P. (2008). *Soul*. New York, New York Review Books.

Platonov, A. P. (2009). *The Foundation Pit*. New York, New York Review Books.

Said, E. W. (1979). *Orientalism, 1st Vintage Books ed*. New York, Vintage Books. URL: http://search.ebscohost.com.libproxy1.usc.edu/login.aspx?direct=true&db=nlebk&AN=842875 (mode of access: 18.03.2021).

Seifrid, T. (2009). *A Companion to Andrei Platonov's the Foundation Pit*. Boston, Academic Studies Press.

Shcheglov, I. (2012). *Proza. Poeziya. Poetika: Izbrannye raboty* [Prose. Poetry. Poetics: Selected Works]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Skakov, N. (2014). Introduction: Andrei Platonov, an Engineer of the Human Soul. In *Slavic review*. Vol. 73. No. 4, pp. 719–726.

Skakov, N. (2014). Soul Incorporated. In *Slavic review*. Vol. 73. No. 4, pp. 772–800.

Stevenson, S. (2012). *Stalin's Legacy: The Soviet War on Nature*. Edinburgh, Birlinn Limited.

Struve, G. (1971). *Russian Literature under Lenin and Stalin, 1917–1953*. Norman, University of Oklahoma Press.

Tolstaia-Segal, E. (1994). Stikhiinie sily: Platonov i Pil'nyak (1928–1929) [Natural Forces: Platonov and Pil'nak (1928–1929)]. In *Andrei Platonov. Mir Tvorchestva*. Moscow, Sovremennyi pisatel', pp. 84–104.

Trotskii, L. (2005). *Literature and Revolution*. Chicago, Haymarket Books. URL: https://www.marxists.org/archive/trotsky/1924/lit_revo/ch08.htm (mode of access: 17.03.2021).

Westerman, F. (2010). *Engineers of the Soul: In the Footsteps of Stalin's Writers*. London, Harvill Secker.

Young, G. M. (2012). *The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers*. New York, Oxford University Press.

Zavarkina, M. V. (2013). Syuzhet «Ispytaniya very» v povesti A. Platonova «Dzhan» [The Plot of "Examination of the Truth" in the Povest' by A. Platonov "Dzhan"]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 11. No. 1, pp. 427–441.

Zavarkina, M. V. (2014). Syuzhet «Ispytaniya istiny» v povesti A. P. Platonova «Kotlovan» [The Plot of "Examination of the Truth" in the Povest' by A. Platonov "The Foundation Pit"]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 12. No. 9, pp. 512–531.

Данные об авторе

Камиза Морале Эрика – аспирант на факультете славянских языков и литератур, Университет Южной Калифорнии (Лос-Анджелес, США).

Адрес: Taper Hall 255, LA, CA, 90089-4353.

E-mail: camisamo@usc.edu.

Author's information

Camisa Morale Erica – Postgraduate Student of Department of Slavic Languages and Literatures, University of Southern California (Los Angeles, USA).

УДК 821.161.1-31(Платонов А.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-09.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

О СОФИЙНОМ АРХЕОСЮЖЕТЕ В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Хрящева Н. П.
Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8434-7498

Аннотация. В статье рассматривается религиозно-метафизическое основание мира, опираясь на которое Платонов создает образ нового человека. При осмыслении данного мифа обнаруживается, что образотворчество автора «Чевенгура» определяется не только достижениями точных наук, а их «встраиванием» в духовные «практики», в частности, мистерии о Софии-Премудрости. Идея спасения мира трансцендентной любовью прослеживается с учетом трудов предшественников, рассматривавших публицистические статьи, ранние рассказы, поэзию писателя. Показывается функция космогонического первообраза в авторском конструировании Софьи Александровны Мандровой – главной героини романа «Чевенгур». Теоретическим основанием исследования являются работы В. И. Тюпы об археосюжете и Г. М. Ибатуллиной, где обосновано более широкое толкование этого понятия. Соотнесенность Софии-Премудрости, наиболее полно представленной в религиозно-философских трудах С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, С. С. Аверинцева, с образом Софьи Александровны позволила увидеть символическое воплощение знаков софийного света в платоновской героине. Ей, как и ее Небесному прототипу, присущ демиургизм: в персонажной системе романа героиня является «прочей» – «брошенной матерью на месте рождения», то есть человеком «сделавшим себя». Отражением софийных лучей в ее образе становится духовная уникальность, позволяющая понимать души других людей и приходить им на помощь, а также «редкая гордость», органично «вплетенная» в ее женственность. Мерцание данных черт свидетельствует о гносеологическом смысле образа героини. Она олицетворяет собою Советскую Россию, выражает интенцию к ее Преображению, о чем отчетливо говорит притчевый контекст эпизода. В метафизическом плане образ реального мира еще очень удален от Божественного замысла о нем. Символически это выражено еще одним «ликом» Софьи Александровны – «страдающим». Как и ее Небесная покровительница, героиня ждет Спасителя, но ни один из героев им не становится. Отсутствие Спасителя позволяет несколько иначе увидеть смысл финала, не получившего в платоноведении общепринятых трактовок.

Ключевые слова: А. П. Платонов; «Чевенгур»; археосюжет; София-Премудрость; трансцендентность; демиургизм.

ON THE SOPHIAN ARCHEPLOT IN THE NOVEL “CHEVENGUR” BY A. PLATONOV

Nina P. Khriashcheva
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8434-7498

Abstract. The article deals with the religious-metaphysical foundations of the world on which A. Platonov creates the image of the new man. While trying to comprehend this myth one can see that the process of character creation of the author of “Chevengur” is not only determined by the achievements of the sciences but also by their “inclusion” into the spiritual “practices”, and specifically in the mysteries about Sophia the Holy Wisdom. The idea of the world salvation through transcendental love is traced drawing on the works of the scholars who have analyzed articles, early short stories and poems of the writer. This article demonstrates the function of the cosmogonic prototype in the authored construction of Sof’ya Aleksandrovna Mandrova – the protagonist of the novel “Chevengur”. The theoretical foundations of the study are laid out in the works of V. I. Tyupa about the archeplot and G. M. Ibatullina which provide a basis for a broader interpretation of this concept. The correlation of Sophia the Holy Wisdom, which is defined in more detail in the religious-philosophical writings of S. N. Bulgakov, P. A. Florenskiy, S. S. Averintsev, with the character of Sof’ya Aleksandrovna makes it possible to see the symbolic embodiment of the signs of the Sophinian light in Platonov’s female character. Just as her Holy prototype, she is characterized by demiurgism: in the system of the novel characters, the protagonist is “yet

 © Н. Хрящева, 2021

another person" – "a mother deserted at the place of birth", i. e. a "self-made" person. Her spiritual uniqueness allowing her to see through the souls of other people and come to their rescue, as well as her "rare pride" organically "intertwined" into her femininity become a reflection of the Sophian rays in her character. The flashing of such facets testifies to the gnoseological significance of the personage of the character. She impersonates Soviet Russia and expresses an intention to transform it, which is evident from the parable context of the episode. In the metaphysical perspective, the image of the real world is still too far away from the God's intention about it. Symbolically it is expressed by one more "face" of Sof'ya Aleksandrovna – her sufferings. Just like her Holy Protector, the protagonist looks forward to the coming of her Savior, but none of the characters turns out to be one. The absence of the Savior makes it possible to see the finale, which has not yet received unambiguous interpretation in Platonov studies, in a somewhat different light.

Keywords: A. P. Platonov; "Chevengur"; archeplot; Sophia the Holy Wisdom; transcendentalism; demiurgism.

Для цитирования: Хрящева, Н. П. О софийном археосюжете в романе А. Платонова «Чевенгур» / Н. П. Хрящева. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 118–131. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-09.

For citation: Khriashcheva, N. P. (2021). On the Sophian Archeplot in the Novel "Chevengur" by A. Platonov. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 118–131. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-09.

Задача, которую продолжает ставить перед собой современное платоноведение, заключается в попытке определить образ мышления автора «Чевенгура»: кто он – натурфилософ, метафизик или материалист. Ответ на этот вопрос оказался непростым. М. Горький в письме Платонову по поводу рукописи «Чевенгура» отметил «лирико-сатирический характер» изображения в нем действительности: «При всей нежности вашего отношения к людям, они у вас окрашены иронически, являются перед читателями не столько революционерами как „чудаками“ и „полоумными“» [Литературное наследство 1963: 313–314]. В письме Горькому 21.09.1929 Платонов пишет о «Чевенгуре»: «У многих людей есть коллективистское сознание, но редко еще есть у кого коллективистские чувства и действия. <…> Может быть, в ближайшие годы взаимные дружеские чувства „овеществлятся“ в Сов<етском> Союзе, и тогда будет хорошо. Этой идее посвящено мое сочинение, и мне тяжело, что его нельзя напечатать» [Платонов 2014: 268]. На смысл этого «овеществления» указал Р. Ходель в своей недавней статье, посвященной сопоставлению этических систем Л. Толстого («Война и мир») и А. Платонова («Чевенгур»): «…в основе утопического мышления как Толстого, так и Платонова, лежит вера в человеческое сообщество, которое возникает не извне, не через приказы и предписания, и которые держатся не на государстве и насилии. Это сообщество возникает изнутри, из души человека, и основано на чувствах, которые изначально есть в душе каждого человека, но которые надо затронуть и пробудить. Это сообщество существует без принуждения, без директив, без административных институтов. Образцом и для Платонова, и для Толстого служили при этом люди, которых можно назвать *блаженными* в христианском смысле этого слова <…> То есть люди, которые непосредственно воплощают собой истину: ту истину, которую Толстой назвал *провидением*, а Платонов – *коммунизмом*»[1].

Таким образом, речь идет не об устройстве социума, а о роде человеческом в бытии. Роман «Чевенгур» эпичен онтологически. Показывая несовершенство онтологии, писатель развертывает художественно-утопическую картину ее «перелепки», опираясь не столько на новейшие достижения наук, как таковых, сколько на их общую интенцию в помощи человеку стать другим, лучшим. Этот будущий человек Платонова, присутствуя в его художественном сознании как индивидуальность, имеет мощные «причинно-следственные» корни в религиозно-метафизическом основании мира.

Так, у истоков первых творческих устремлений писателя оказывается мысль о спасении мира трансцендентной любовью [Малы-

[1] Ходель Р. Платонов и упрек в «каратаевщине»: подрывают ли нравственные принципы большевистскую революцию? // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 64.

гина 1994: 168]. Об этом свидетельствуют его письма к невесте Марии Александровне Кашинцевой, написанные в 1921 году:

«Когда я вижу ее лицо, мне хочется креститься. И я знаю, что Вы меня не поймете никогда» [Платонов 2014: 104].

«...её лицо» – это, видимо, лицо Богоматери, в контексте писем метафизического прототипа Возлюбленной.

«Звезда и песня моя, судьба и невеста моя. Как много во мне для тебя не родившихся еще нежных голубых слов и песен. Но я заставлю о тебе петь не слова, а всю вселенную <...> Говорю тебе не слова, ибо я поэт вселенной и буду делать с ней, что захочу <...> Ты оправдала мое пророчество: женщина, Мария, и не женщина, а девушка спасет вселенную через сына своего. Первым же сыном ее будет ее любимый, кого поцелует она в душу в ответ на поцелуй. Прощай, свет и новая спасенная вселенная, огонь и воскресение. Мы зачали иной лучший мир, выше небес и таинственней звезд» [Платонов 2014: 104–105].

Автор письма мыслит космическими категориями. Он демиург («заставлю», «буду делать») и одновременно спаситель, правда в логике его собственной мифологии «сыном девушки <...> будет ее любимый». Знаком посвящения станет «поцелуй в душу». Причем спаситель в письмах несет на себе знаки Христа: «Зачем и за что я предан и распят <...> Но знайте, будет и мне искупление» [Платонов 2014: 105].

«Моя любовь имеет вселенское значение, это говорит мне моя точная мысль <...> Вы моя Великая Мама, вы иной и последний мир для меня и для человечества. <...> Если вселенной суждено спастись – спасете ее вы, через мое сердце и мой мозг. Меня нет – есть вы» [Там же: 109].

Молодой Платонов стремится придать своим чувствам к любимой женщине вселенский характер. Результатом события их любви, обнимающего весь космос, становится «новая спасенная вселенная», «иной лучший мир». Причем важно заметить, что спасение мира «трансцендентной любовью» совершается через отказ автора письма от самого себя: «Меня нет – есть вы» (Р. Ходель).

В анализе писателем театральной постановки романа Ф. М. Достоевского «Идиот» подчеркнута трансцендентная «нездешность» Настасьи Филипповны: она «<...> дитя третьего, неведомого царства <...> где свобода, пустота и вихри мертвых пустынь <...> Это тот мир, откуда истекают все другие миры» [Платонов 2004: 45–46].

В самом названии статьи «Душа мира» того же периода по сути запечатлен один из ликов Софии-Премудрости: «...женщина знает, что мир и небо, и она – одно, что она родила все, оттого у нее нет личности, оттого она такая неуловимая и непонятная, потому что отдалась всему, приобрела сердцем каждое дыхание» [Там же: 48].

Художественным воплощением Невесты, как еще одного лика Софии, является образ «Каспийской Невесты» из «Рассказа о многих интересных вещах». Н. М. Малыгина отмечает: «Платонов понимает красоту как сокровенную сущность мира <...> В образе Невесты воплощается мысль о впитывании „солнечных лучей“ как о способе накопления реальной энергии, требующей приложения <...> Платонов подходит к оценке искусства с точки зрения его участия в процессе „очеловечивания“ мира, осуществление которого, по убеждению писателя, представляет собою смысл жизни человечества на земле» [Малыгина 2005: 249].

Серьезный перелом в мировоззрении писателя совершается в 1926–1927 гг.[1] Примечательна в этом плане статья «О любви» (1927), где Платонов сформулирует свою позицию относительно способов познания мира и человека: «Людям нужно другое, более высшее, более универсальное понятие, чем религия и чем наука. Люди хотят понять ту первичную силу, ту веселую буйную мать, из которой все течет и рождается, откуда вышла и где веселится сама чудесная бессмертная жизнь... Человек соучастник этой силы, и его душа есть тот же огонь, каким зажжено солнце, и в душе человека такие же и еще большие пространства, какие лежат в межзвездных пустынях...

[1] См. об этом нашу работу: Хрящева Н. «Я перестрою вселенную...»: судьба теургической идеи Андрея Платонова (1917–1926) // Toronto Slavic Quarterly. 2017. № 62. P. 268–289.

Что поймет человек вперед – себя или природу – это не важно, это все равно» [Платонов 2016: 432–433]. Для Платонова не просто значимы оба пути, а их особое единение, рождающее в человеке новое сознание, позволяющее ему быть «соучастником» жизни вселенной.

Методология исследования. В плане методологических подступов к осознанию этого «единения» современное платоноведение выдвинуло несколько концептуально значимых гипотез. Недавней по времени и убедительной своей целостностью является гипотеза, предложенная И. И. Плехановой [Плеханова 2019: 42–48]. Попытка увидеть мифологизирование писателя как следствие взаимодействия и осознания онтологического и антропологического начал в человеке обращает нас и к более ранним в этом направлении работам. В монографии Н. М. Малыгиной отмечается: «Принадлежность к человеческому роду, по Платонову, означала лишь возможность развития в человеке сознания и духа – качеств, составляющих „особенность человека". Процесс эволюции человека как разновидности „природного вещества" предполагал его развитие, понятое как возвышение над уровнем, на котором человек мало отличался от простейших неорганических форм материи. Идеалом был рост человека до высшей ступени развития – целостной одухотворенной личности» [Малыгина 2005: 131]. Продолжил наблюдения над платоновским «веществом» К. А. Баршт. Им предложено описание художественной антропологии А. Платонова, а именно, принципа витаморфизма в поэтике писателя, нашедшего выражение в характере взаимосвязи: «человек, животное, растение, минерал» [Баршт 2005: 241–254].

Разглядеть художественное конструирование писателем человека вряд ли возможно также без осознания того «потрясения»[1], которое испытал юноша Платонов относительно новейших открытий физики (Второго закона термодинамики, общей и специальной теорий относительности А. Эйнштейна, концепции Минковского-Эйнштейна) и принципов их «встраивания» в художественную картину мира.

К. А. Баршт, формулируя платоновские выводы из концепции Эйнштейна-Минковского, отмечает: «вещество мира и энергия взаимно перетекают друг в друга (жизнь понималась Платоновым как форма энергии, следовательно, пока есть «вещество» – смерти нет)»; «путь к преобразованию мира <…> скрыт за <…> важной зависимостью между пространством и временем, в то время как за „мнимой величиной" первичного элемента „вещества мироздания" скрываются перспективы победы над смертью» [Баршт 2005: 83].

Платоновский хронотоп строится, по мнению исследователя, на данных открытиях. Они легли в основу формирования концепта «прямого и обратного действия», определившего «творческое кредо» писателя: «Переход человека в животное, растительное или минеральное состояние – часть мирового процесса вещественно-энергетического обмена, который при отказе человека взять управление в свои руки будет отдан на откуп бездумной природе, главному врагу» [Баршт 2005: 81].

Несомненно, «энергетическая концепция» ученого позволила по новому прочесть творчество Платонова, значительно приблизив его к нашему пониманию. Тем не менее, знакомство с исследованием Баршта оставляет впечатление некоей увлеченности «физической» стороной дела. Порой герои Платоно-

[1] Очевидностью «потрясения» дышит, к примеру, воронежская статья Платонова «Слышные шаги (революция и математика)», (1921), где он размышляет о поразившей его формуле Г. Минковского:

корень квадратный – 1 секунд = 300 000 км.

«<…>Минковский <…> нашел зависимость времени и пространства. Такую тесную связь, почти тождество, что время и пространство есть как бы две взаимно, одна другую производящие величины. <…> Т. е. величина времени, равная корню квадратному из отрицательной величины (- 1) секунд, равняется скорости 300 000 км – скорости света. Значит, некоторая величина времени равна некоторой величине пространства. Они тождественны, они – одно. <…> Есть влекущая, обещающая много тайна в том, что пространство <…> равняется мнимой величине. Тут есть указание, закрытая дверь на большую дорогу <…> я, например, не мог понять сразу эту формулу, а сначала почувствовал ее, ее истина не открылась для меня, а вспыхнула» // Платонов А. Сочинения. Т. 1 (2). М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 147. Что же содержит в себе эта «вспыхнувшая истиной» «тайна»? Платонов пишет: «Корень квадратный из –1 есть величина мнимая, то есть несуществующая, не поддающаяся пока познанию» (Там же: 148).

ва рассматриваются, скорее, как участники эксперимента, нежели живые персонажи, без каждого из которых «народ не полный». Но эта увлеченность не помешала ученому увидеть в художнике главное: «По Платонову, вечность тождественна не „мигу“, а полному отсутствию времени. Другими словами, физическая картина мира, нарисованная писателем, парадоксальным образом смыкается не с материализмом, к которому здесь гораздо ближе Платонова оказываются русские символисты, но к Откровению Иоанна Богослова, где „времени уж больше не будет“» [Баршт 2005: 89].

Близость Платонова к религиозной апокалиптике отнюдь не парадоксальна. Она не раз отмечалась исследователями (М. Геллер, А. Ливингстон, О. Ю. Алейников и др.). Образотворчество автора «Чевенгура» определяется не просто синтезом новых знаний о физических законах вселенной и их поэтологической транскрипцией, а «встраиванием» этих знаний в духовные Откровения давно минувших времен.

Задача нашей статьи заключается в анализе способов конструирования человека в вершинном произведении художника. Рассмотрим образы главных персонажей «Чевенгура» с точки зрения их архетипического «соучастия» в труде самой Вселенной. Мужской вариант такого «соучастия», отданный автором автобиографическому герою Саше Дванову, достаточно рассмотрен (Н. М. Малыгина, К. А. Баршт, Е. А. Яблоков и др.), мы остановимся на женском варианте – проанализируем образ Сони Мандровой, который, на наш взгляд, изучен менее последовательно. Сосредоточимся на сюжетной ситуации, связанной с образом героини. Ее основанием, на наш взгляд, является археосюжет, восходящий к ритуалу инициации[1]. Мы опираемся на более широкое толкование археосюжета, предложенное Г. М. Ибатуллиной: «Этим термином можно обозначить и ряд других архетипически-базовых сюжетных моделей – и не столько в силу их архаичности, сколько в силу их культурной универсальности» [Ибатуллина 2013: 157].

В «Чевенгуре» мифом о сотворении Новой земли от Нового неба наделен не только Александр Дванов, но и его давняя детская подруга Соня Мандрова. Их онтологическое «двойничество» проявлено символикой имен: Софья, будучи «прочей», наделяется отчеством «Александровна»[2]; ее фамилия «Мандрова»[3] редуплицирует «древесность» Саши Дванова. Ее имя[4] является знаком инкарнирования черт Софии-Премудрости.

В художественном сознании начала XX века образ-архетип Софии окажется одним из наиболее востребованных. В русской религиозно-философской традиции наиболее полная трактовка Софии содержится в трудах С. Н. Булгакова «Свет невечерний» (1916), П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины» (1914), С. С. Аверинцева «София-Логос» (2006).

Для понимания художественного образа Софьи Мандровой, символизирующего лучи софийного света, важны сочинения, которые вполне могли лежать на письменном столе Платонова. И дело не только в датах их публикаций, а в напряженном духовном поиске их авторов, проявленном исповедальностью: «род духовной автобиографии», – так определяет Булгаков жанр своей книги [Булгаков 1994: 6]. Флоренский свое понимание Софии не случайно излагает в близком к исповеди жанре «Письма» [Флоренский 1990: 319–393].

---

[1] «Между схемой инициации и позднейшей сюжетностью В. И. Тюпа выделяет четырехфазную матрицу сюжетосложения, где первая фаза – обособление, вторая – искушение, третья – лиминальная, четвертая – преображение» // Тюпа В. И. Фазы мирового археосюжета как историческое ядро Словаря мотивов // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву / под ред. В. И. Тюпы. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996. С. 18–19.

[2] В комментарии Е. А. Яблокова читаем: «В системе взглядов Федорова назначение женщины быть дочерью. В „Чевенгуре“ Софья носит отчество по имени своего любимого, то есть как бы приходится ему дочерью» // Яблоков Е. А. На берегу неба (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). СПб.: PETROPOLIS, 2001. С. 165.

[3] Е. А. Яблоков предлагает такое осмысление: «Мандрова» – «мандрагора», то есть человек-растение // Там же.

[4] Е. Толстая отмечает, что имя «Софья» связано с софийными идеями Вл. Соловьева и культом Софии в поэзии Блока и Белого; оно «может указывать сквозь контекст Белого на Соловьева как центральную фигуру русской модернистской апокалиптики» // Толстая-Сегал Е. Литературный материал в прозе Андрея Платонова // Возьми на радость. Амстердам, 1980. С. 195.

Попытаемся отметить те аспекты учения о Софии, которые, на наш взгляд, проливают свет на идею Платонова о человеке Будущего. Так, С. Н. Булгаков указывает место св. Софии в мироустроении:

«Божественная жизнь в Св. Троице замкнута в себе и абсолютна. Она не нуждается ни в каком внешнем восполнении и раскрытии. Но поставляя рядом с Собой мир вне-Божественный, божество <…> полагает между Собою и миром некую грань <…> которая находится между Богом и миром, Творцом и тварью <…> Св. София как раз и является ангелом твари и началом путей Божиих. Конечно, этот предмет любви не есть только абстрактная идея <…> им может быть лишь живое существо, имеющее лицо, ипостась. И эта любовь есть София, вечный предмет Любви Божией, „услаждения", „радости" „игры"» [Булгаков 1994: 186]

Указывая на сходство и различие в характере самоотдания Св. Троицы и Софии, Булгаков отмечает: если «жизнь» Первой «есть первичный акт <…> самоистощения ипостасей в Божественной Любви», то Вторая отдается иначе «<…> Она только приемлет, не имея что отдать, она содержит лишь то, что получила. Себя отданием же Божественной Любви она в себе зачинает все. В этом смысле она женственна, восприемлюща, она есть Вечная женственность. Зарождение мира в Софии есть действие всей Св. Троицы <…> простирающееся на восприемлющее существо, Вечную женственность, которая через это становится началом мира…» [Там же: 187], а именно:

– «Как приемлющая свою сущность от Отца, она есть создание и дщерь Божия» [Там же: 188].

– «Как познающая Божественный Логос и им познаваемая, она есть невеста Сына (Песнь Песней) и жена Агнца (Новый завет, Апокалипсис)» [Там же].

– «Как приемлющая излияние даров святого духа, она есть Церковь и вместе с этим становится матерью сына, воплотившегося наитием Св. Духа от Марии, Сердца Церкви. И она же есть идеальная душа твари, красота» [Там же].

Суждение о «красоте» для нас особенно важно, так как в творчестве Платонова она часто выступает символическим знаком софийного преображения мира и человека. Не случайно С. Н. Булгаков, говоря о ней, впадает в поэтическую тональность:

«София открывается в мире как красота, которая есть ощущаемая софийность мира. <…> Для кого цветут цветы в красе своей, которой чаще всего и не видит человеческое око? Для чего цветет девичья краса на земле? Разве не есть все это сияние Софии, изнутри освещающее косную плоть и „материю"? Потому искусство прямее и непосредственнее <…> знает Софию» [Там же: 199].

Разные лики Софии воплощены как в древнегреческом искусстве: Деметра-Персефона, Афина, Диана, Афродита, так и в русской фольклорной традиции: Царь-Девица, Василиса Премудрая, Красота Ненаглядная. В своих первоосновах они восходят к архетипу Софии – Небесной Девы, Вечной Женственности, Мировой души, Матери мира. Поэтому Булгаков усматривает «исключительное значение искусства» в деле «предварительного преображения мира» [Там же]. Для ученого «и философия софийна <…> поскольку она есть искусство <…> ее тема опознается интуицией, как умная красота…» [Там же].

П. А. Флоренский на основе описания древних икон с изображением Софии (Новгородской, Ярославской, Киевской) делает свой вывод о ее месте в иерархии «мироустроительных» фигур: «София, хотя и самостоятельная фигура иконописи, однако является, очевидно, столь тесно связанною со Христом и <…> с Богоматерью, что может, чрез аттракцию, усвоить себе их атрибуты и тем, так сказать, почти сливаться с Одним или с Другою» [Флоренский 1990: 376].

Рассмотрим образ Софьи Александровны Мандровой сообразно его архетипическому содержанию. Если видеть в Александре Дванове ветхого и возрожденного Адама, то, образно говоря, героиня «рождена» духовным общением с ним, она «из его ребра».

Его давняя детская подруга (она впервые «набрасывается» писателем в эпизоде с «отошедшим» после болезни Сашей и еще несколько раз на протяжении «дочевенгурского» периода его жизни) полностью «распускается» в лучах софийного света только в конце рома-

на, в отношениях с Симоном Сербиновым[1]. Именно мимолетные встречи героини с Сашей Двановым послужили духовным основанием для сотворения ею своей личности и судьбы. Это хорошо почувствовал Симон Сербинов. Встретившись с Двановым, он сказал:

«…У вас в Чевенгуре люди друг для друга как идеи, я заметил, и вы для нее (Сони) идея; от вас до нее все еще идет душевный покой, вы для нее действующая теплота…» [Платонов 2009: 394].

Движение в сторону «одноприродности» с Сашей Двановым определяется значимостью той духовной направленности, которую она в нем ощущала. Она отказывается от себя, своей индивидуальной жизни во имя помощи другим людям, детям, чтобы впоследствии их не обижали «вонючим тестом». Эта «инверсия»: «развернутость» по отношению к событиям внешнего мира, впервые задается писателем своеобразной «профессионализацией» девушки.

«Ее звали <…> принимать рождающихся детей, сидеть на посиделках, лечить раны, и она делала это, как умела, не обижая никого. В ней все нуждались в этой небольшой приовражной деревне, а Софья чувствовала себя важной и счастливой от утешения горя и болезней населения» [Там же: 98].

Таким образом, она так же, как Саша Дванов, обрела способность «ощутить чужую отдаленную жизнь <…> с впечатлительностью личной жизни» [Там же: 61]. Но тогда она еще «оставалась и ждала письмо от Дванова», обратившееся «для нее в питающую идею жизни…» [Там же: 98]. Смысл этого отрезка духовного пути героини отмечен недоговоренностью: «*оставалась*» (прежней), но уже готовой стать (иной). Тот слабый стержень индивидуальной жизни, который почувствовал в ней Захар Павлович (проча ее в жены Саше, планируя мастерить детскую коляску вместо «несостоявшегося гроба»), еще сосуществовал в ней рядом с все более разрастающимся стержнем жизни над-индивидуальной, вселенской, «обрываясь», наконец, в тот момент, когда она покидает город, в котором на следующий день принимают решение Саша и Гопнер об отправлении в Чевенгур. Соня прощается с Сашей бессловесно, одним взмахом руки, «он вышел на улицу, но ее уже нигде не было видно» [Там же: 238]. Несостоявшаяся встреча героев выполняет функцию своеобразного минус-приема, обнаружившего подспудную огромность той духовной работы, которую совершила Соня, сущностно уподобляясь своему другу, что и сделало эту встречу героев «избыточной» навсегда.

В обыденно-эмпирической жизни их судьбы образуют две параллельные линии, но в духовной сфере их бытия они продолжают помнить друг о друге, более того, «окликать» друг друга в переломные моменты своих судеб. В чем же смысл их метафизической связи? Разительную необычность этой женщины заметил Симон Сербинов. Герой – интеллигент, потерпевший крах в попытке «встроиться» в утвердившийся в стране «коммунистический» порядок, «прицепиться» к большевикам; он выполняет функцию объективно-эмпирического «зеркала», в котором отражается героиня. Глубокая неудовлетворенность собой в сочетании с ироничным умом и острой наблюдательностью заставляют Сербинова искать объяснение появлению «этой счастливой, одаренной какой-то освежающей жизнью женщины» и вместе с тем пытаться понять себя.

«…он заметил совершенно молодую женщину, которая стояла близ него и глядела ему в лицо. Сербинов не застеснялся ее взора и сам посмотрел на нее, потому что женщина наблюдала его такими простыми и трогательными глазами, какие каждый может вынести на себе без смущения» [Там же: 353–354].

Во взгляде «простых и трогательных глаз» герой ощутил что-то совершенно новое – приятное и легкое – выпадающее из его опыта общения с людьми.

«На женщине было одето хорошее летнее пальто и шерстяное чистое платье; одежда покрывала неизвестную уютную жизнь ее тела – вероятно, рабочего тела, ибо женщина не имела ожиревших пышных форм, – она была

[1] Замечательное композиционно и семантически «место» в романе – диалог Софьи с Сербиновым. Он маркирует собой авторский «ход», позволяющий косвенно противопоставить Сербинова Дванову, и тем самым заставить «контактировать» двух разительно несовместимых и в то же время мучительно пытающихся найти основу для человеческого взаимодействия персонажей.

даже изящна и совсем лишена обычной сладострастной привлекательности» [Там же: 354].

От искушенного Симона не укрылась безыскусная красота неизвестной женщины. Он отметил, что она «даже изящна», особым изяществом «вероятно, рабочего тела», что лишало ее «обычной» сексуальной «привлекательности».

«Больше всего Сербинова трогало то, что женщина была чем-то счастлива и смотрела на него и вокруг себя глазами расположения и сочувствия» [Там же].

Сербинова растрогала аура счастья, которой была окружена незнакомка и «в лучах» которого он нечаянно оказался. Не сознавая еще, что счастье – ее субстанциальное свойство – а не временное состояние, но, уже ощутив без нее нестерпимую «скуку», он «соскочил с трамвая», «испугавшись», что потеряет ее «навсегда».

«Странно-счастливая женщина … была похожа на одинокое стойкое растение на чужой земле, не сознающее от своей доверчивости, что оно одиноко» [Там же].

В портрете героини сквозят черты инобытийности. Двойной эпитет «странно-счастливая» (счастливая до странности) указывает на такую степень одухотворенности, какая в обычной человеческой жизни выглядит «странной». Сравнение героини с «одиноким стойким растением на чужой земле», с одной стороны, является художественным знаком конструируемого Платоновым растительного «мифа» как главного условия преображения человека, обеспечивающего «выпадение» из «пищевой» стадии эволюционного развития человечества. Уподобление человеческого тела растению у писателя «сопряжено с метафизическим наблюдением растительных форм бытия в человеческом существе» [Баршт 2005: 250]; с другой стороны, героиня – «растение», выросшее «на чужой земле». В этом уточнении «сквозит» ноуменальная, а отнюдь не пространственная ее «нездешность»: героиня символизирует собой существо иного мира. Это ее качество подчеркивается двумя определениями ее растительного «редуплика-та» – «одинокое» и «стойкое». Причем первое определение автором уточняется: «не сознающее от своей доверчивости, что оно одиноко». Переплетение растительных и метафизических свойств в сочетании с безыскусной грацией всех проявлений ее лучезарного естества делают героиню загадочно-неотразимой. Каковы же мера, степень и смысл этого странного переплетения?

– Саша, – сказала Соня. – Нас скоро повезут в деревни – учить детство грамоте, а я хочу служить в цветочном магазине» [Платонов 2009: 84].

«Дома она уже имела много растений, и больше всего среди них было бессмертников, что росли на солдатских могилах» [Там же: 83].

Героиня мечтает о цветах, хочет «служить» им. Ее самые любимые цветы – неувядающие бессмертники. По замечанию К. А. Баршта, они символизируют в творчестве А. Платонова реальность и возможность бессмертия «для человека как существа и вещества» [Баршт 2005: 248].

«Соня возвращалась со своих курсов с тетрадкою и лопухом; лопух она сорвала за то, что у него была исподняя кожа, по ночам его зачесывал ветер и освещала луна. Соня смотрела на этот лопух, когда ей не спалось от молодости, а теперь зашла на пустошь и сорвала его» [Платонов 2009: 83].

Ощущение юной Сони своей телесной «родственности» лопуху также симптоматично: растение и героиню объединяет «случайная встроенность» во вселенский универсум при «нечаянности» их рождения.

«Дванов… почувствовал сухой венок Сониных уст на своем лбу… нагнулся к ней и ощутил запах увядшей травы, исходивший от ее волос» [Там же: 85].

«Увядание» в героине «растительных» качеств, предшествующих размножению, проявляет инверсию естественного процесса, свидетельствуя о приглушенности в ее телесном существе стихийно-природных, женских черт.

– Если бы из меня мог вырасти цветок, его б я родила.

– Это же не любовь, это обида, что вы сами перестали рожаться и расти…

– Пусть. Когда у меня есть цветы, я никуда не ухожу и никого не ожидаю. Я с ними так себя чувствую, что хотела бы их рожать. Без этого как-то вся любовь не выходит [Платонов 2009: 361].

В этом «цветочном диалоге героев» ощущение Софьи своей «однoприродности» с цве-

тами достигает той степени, которая лишает изображаемое метафоричности, переводя его в метаморфозу. На авторском уровне данное превращение является маркером возможности онтологического «переоборудования» человека[1], а также водоразделом двух антропологически различных формаций: пищевой и растительной. Примечательно в этом плане отношение героев к еде:

«Женщина принесла угощение для своего знакомого <…> Сербинов начал понемногу есть <…> Постепенно <…> поел все – удовлетворился, а знакомая женщина говорила и смеялась, словно радуясь, что принесла в жертву пищу вместо себя» [Там же: 359].

Одновременно с развитием в Софье Александровне «растительных» свойств совершается другое – духовно-метафизическое превращение, где жизненный путь героини определяется архетипической логикой ее Небесной покровительницы, у которой множество ипостасей. С. Н. Булгаков заметил: «Софийная душа мира закрыта многими покрывалами, как Сиасская богиня <…>» [Булгаков 1994: 196]. Сделаем акцент на тех ликах Софии, которые близки устремленности автора «Чевенгура» к возможности «умного» участия каждого человека в бытийственном обновлении мира. Понимание этих ликов Софии мы находим в труде С. С. Аверинцева «София-Логос», где он пишет об «опыте трансцендентного присутствия» как о тенденции заменять Божие имя определенными словами, означающими модусы Его присутствия в имманентности… Особое место среди этих имен принадлежит «Премудрости», или Софии. Космическое измерение и демиургический характер Софии-Премудрости раскрывается, по мнению Аверинцева, во многих местах 8-й главы «Книги Притч». Процитируем одно из показательных мест, где София дана в роли «художницы» мироздания:

«Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий своих искони <…> Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли: тогда я была при Нем художницею, и была радостию всякий день, веселясь пред лицем Его во все время, веселясь на земном кругу Его и радость моя была с сынами человеческими» [Книга Притч 8: 27–31].

«Радость Творца, – замечает ученый, – разделена с его творением и воспринята им» [Аверинцев 2006: 540–541]. **В «Чевенгуре» одним из очевидных художественных проявлений «софийного» демиургизма является персонажная система**, точнее, образы «прочих» – людей, «сделавших» самих себя. Софья Александровна Мандрова – одна из них. Она «родилась, брошенная матерью на месте рождения» [Платонов 2009: 361]. Эта героиня сродни Якову Титычу, она «не погубила себя, а сделала» [Платонов 2009: 356]. Результатом этой «сделанности» становится духовная уникальность Софьи. Ее существо, пропитанное растительным качеством, «сакрализуется», становясь неизмеримо выше этической природы Сербинова, который продолжает испытывать необходимость «рожаться и расти». Высота духовности героини обнаруживает себя в преодолении стадии человеческого «потребительства»: «ей явно не жалко было людей, она могла питаться своей собственной жизнью, чего никогда не умел делать Симон» [Там же: 361]. «Жалость» к людям в данном случае выступает у писателя именно «потребительским» качеством, необходимым для достижения индивидуальных целей. Ибо в «жалости» находит себя теплота неполноценного, страдальческого, межчеловеческого взаимодействия как основной черты упомянутой стадии.

На завершающем этапе своего пути героиня дана писателем как существо высшее, имеющее «излишнее дарование жизни… Другие люди ей скорее требовались для расхода своих лишних сил, чем для получения от них того, чего ей не хватало» [Там же: 360–361]. Такая жизнеобильность свойственна «святым», щедро и безвозвратно одаривающим благом всех и все вокруг себя, и питающим себя этой

[1] По предположению К. А. Баршта, «растение у Платонова <…> буквально живое существо, сохраняющее относительную телесную самостоятельность и абсолютную, более актуальную связь с землей, обладающее этическим качеством не менее чем человек – только в другом количественном наборе свойств и проявлений // Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. С. 250.

безвозвратной незаметной для других отдачей без всякого чувства собственной пользы.

Отметим еще ряд мотивов, свидетельствующих об отражении софийных лучей в образе Софьи Александровны. Наиболее впечатляющим является мотив гордости:

«В манере идти и во всем нраве этой женщины была редкая гордость открытого спокойствия, без всякой рабской нервности и сохранения себя пред другим человеком. Она шла, смеялась от своего настроения, говорила и молчала и не следила за своей жизнью, она не умела приспособить себя к симпатиям своего спутника» [Платонов 2009: 355].

«Но тогда откуда же это трогательное лицо пред ним, защищенное своею гордостью, и эта замкнутость завершенной души, способной понять и безошибочно помочь другому человеку, но не требующая помощи себе?» [Там же: 2009: 356].

В героине поражает абсолютная полнота и завершенность души. Ее глубинная внутренняя жизнь спокойно плещется в естественных формах проявления. Она наделена даром безошибочного понимания сокровенных глубин другого человека и готовности прийти ему на помощь. Симон очарован Софьей. Но мучительно пытаясь разгадать ее, он не идет в своем воображении дальше самых банальных способов «превозмочь это упрямое тело высшего человека» [Там же: 363]. Герою не дано понять, что такая гордость свойственна не характеру или личности Софьи Александровны, а ее субстанциальности, присутствию в ней софийных свойств.

Наиболее отчетливо различие между героиней, несущей в себе лучи софийного света, и обычностью в своем эгоизме мужского сознания Симона обнаруживается в диалоге относительно трудового коллективного взаимодействия людей. «Для товарищей можно работать» – возражает она на суждение Сербинова о невозможности «утолиться до равнодушия, хотя бы временного» [Там же: 355] между друзьями. Для Симона взаимодействие с людьми сводится к обоюдному мучительному выпячиванию собственной индивидуальности, бессмысленному интеллектуальному поединку, в котором он привык одерживать победу, «выходя наружу спокойным и обнадеженным, чтобы продолжать удачную добычу людей» [Там же: 363]. На что Софья вновь возражает: «Когда уморишься, бывает легче, – даже одной можно жить, а для товарищей остается польза труда…» [Там же: 356]. «Добыче людей», ведущей героя к опустошению, героиня противопоставляет совершенно иной тип отношений – сознательное служение товарищам в форме добровольного труда. Этот диалог заставляет Сербинова ощутить в Софье ту высоту духа, которая резко отличает ее от других людей, и попытаться найти ей объяснение:

«Сербинов почувствовал в своей кратковременной подруге некую твердую структуру – такую самостоятельную, словно эта женщина была неуязвима для людей и явилась конечным результатом неизвестного, умершего социального класса, силы которого уже не действовали в мире. Сербинов представил ее себе остатком аристократического племени; если бы все аристократы были такими, как она, то после них история ничего бы не произвела, – напротив, они бы сами сделали из истории нужную им судьбу» [Там же: 356].

Он увидел в Софье аристократку[1], представительницу высокой, давно «умершей» культуры, которая могла бы сотворить с себе подобными людьми новую историческую «судьбу». Определение Софьи как женщины-аристократки в семантических контекстах ее образа, порождаемых чертами «редкой гордости», «самостоятельности», «неуязвимости», «прекрасного человека, о котором обещала музыка», – такое определение обретает особый смысл. В логике автора, которая «вплавлена» в ночные размышления Сербинова, героиня относится к «племени» людей-демиургов. Метафора отражает не только символический, но и гносеологический смысл ее образа. «Женщина-аристократка» олицетворяет собой «Советскую Россию – <…> неимущую, безжалост-

[1] Примечательное толкование имени Софья дает П. А. Флоренский: «У Софии есть врожденное самоощущение себя как по природе превосходящей окружающих, – не личными своими достоинствами, а самым рождением. Это можно сравнить, вероятно, с самоощущением коронованных особ, которые могут весьма скромно думать о себе, сознавать свои недостатки, быть простыми в обращении и предупредительными и однако чувствовать себя отделенными от прочих людей и особым родом, природною властью» // Флоренский П. А. Имена. М.: АСТ; Харьков: Фолио. 1993. С. 138.

ную к себе родину» [Там же: 357]. Но она собственной «сделанностью» выражает интенцию к демиургическому деянию, «сотворению Новой земли и Нового неба» как воплощению в мире божественного замысла о нем. Этот замысел сквозит в притчевом контексте романа в образах «отдохнувших садовников», которые «разведут снова прохладный сад на оскудевшей, иссушенной безлюдным ветром земле» [Платонов 2009: 357].

Моделируя Чевенгур как «первоначальный город», Платонов прежде всего решал этическую задачу. Вот один из финальных диалогов, маркирующих первую «задумчивость» Сербинова относительно подлинных ценностей бытия:

– Мы живем между собой без паузы, – объяснил Чепурный: глину носил он.

– Сербинов засмеялся над ним… а Чепурный стоял против него, глядел и не обижался.

– Вы трудно работаете… а я видел ваши труды и они бесполезны.

Чепурный бдительно и серьезно осмотрел Сербинова, он увидел в нем отставшего от масс человека.

– Так мы ж работаем не для пользы, а друг для друга.

Сербинов теперь уже не смеялся – он не понимал.

– Как? – спросил он [Там же: 381].

В письме к Горькому Платонов назвал работу «друг для друга» «„овеществлеиим“ взаимных дружеских чувств», что и являлось для писателя основой истинного обновления людей. Такая основа восходит к софийному пониманию Преображения мира и человека, разъяснение которому дает С. Н. Булгаков:

«Онтологическая основа мира заключается именно в сплошной, метафизически непрерывной софийности его основы: ведь эта же земля проклятия будет раем, когда станет „новою землею“ [И увидел я новое небо и новую землю (Откр. 21: 1)]. Новое небо и земля не вновь создадутся из ничего, но в них будут пересозданы, преображены теперешние земля и небо» [Булгаков 1994: 201].

«Софийность мира имеет для твари различную степень и глубину <…> во внешнем периферическом действии в космосе она есть универсальная связь мира одновременно идеальная и реальная, живое единство <…> мыслимости и бытия. Этим же живым софийным единством <…> обосновывается человеческая телеология в науке, технике, хозяйстве равно как возможность внешнего овладения миром» [Там же: 197].

Однако, автор «Чевенгура» показывает, что настоящее лицо мира еще очень удалено от чаемого образа. Свою светлую героиню он заставляет ощутить присутствие в мире той темной силы, которая стремится исказить ее истинную природу. Этой силой является Смерть как проявление цикличности в границах ветхого человеческого существования. «Любовь» на могиле матери, к которой Сербинов принуждает Софью, пытаясь «приобрести» ее вместо умершей, – эта «любовь» лишает ее гармоничной лучезарности. Она пытается разделить страдание с героем, не понимая смерти: «у нее не было кому умирать»; и не сознавая вполне настоящего желания героя.

«Она хотела почувствовать горе и пожалеть Сербинова, но ей было только немного скучно…

– Зачем вам это надо сейчас? <…> Давайте лучше говорить. <…>

– Что же мне говорить! – сказал он. – Мне сейчас трудно, горе во мне живет как вещество, и наши слова останутся отдельно от него.

Софья Александровна повернула к Симону свое вдруг опечаленное лицо, будто боясь страдания…» [Там же 2009: 369–370].

«Опечаленное лицо» Софьи сближает ее с Софией страдающей[1]. Подлинное понимание этой ипостаси героини проявлено мотивом ожидания. **Она, как и ее космологический прототип, ждет Спасителя**[2]. В москов-

[1] С. С. Аверинцев отмечает, что в истории культуры существуют и другие предания о Софии, где есть представление о «падшей Софии» – «Ахамот». Образ «падшей Софии» чаще всего понимается как образ Софии «страдающей» // Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. Киев, 2001. С. 79.

[2] По мнению Г. М. Ибатуллиной, «земная женщина, чья личность инкарнирует в себе лучи Софии, избранная носительницей высокой судьбы, не может быть спасена прежде, чем достигнет окончательного освобождения и избавления от зла ее небесная покровительница, ее космогонический первообраз. <…> „страсти Софии“ олицетворяют собой страдания всего тварного миробытия, ввергнутого во зло своим грехопадением. Можно сказать, что София плененная, страдающая, падшая – это все различные мифопоэтические и гносеологические транскрипции некоего первообра-

ском эпизоде романа этот мотив наделен наибольшей экспрессией. Об ожидании Софья Александровна говорит Сербинову в первую же их встречу:

«– Живу я очень хорошо – или работаю, или кого-нибудь ожидаю…

– При встречах бывают краткие радости, – сообщил для самого себя Сербинов».

«– <…> ожидание людей тоже радость <…> и вместе с встречами радость бывает долгой…

Я больше всего люблю ожидать людей, я ожидаю почти всегда…» [Там же: 360].

«Вечером <…> Софья Александровна <…> открыла окно в потухающую теплую Москву. В эти часы она всегда ожидала кого-нибудь, но никто к ней не приходил: иные были заняты на собраниях, другим было скучно сидеть и не целоваться с женщиной <… > Когда темнело, Софья Александровна ложилась животом на подоконник и дремала в своем ожидании. <…> Уже много прошло пешеходов <…> и она провожала каждого с ожиданием, но все миновали наружную дверь ее дома. Лишь один <…> вошел в дом. „Не ко мне", – решила Соня и притихла <…> Шаги остановились около двери Софьи Александровны. „Шагай выше", – прошептала Соня. Но человек постучал к ней. Не помня пути от окна до двери, через маленький коридор, Софья Александровна открыла вход. Пришел Сербинов» [Там же 2009: 365–366].

Подведем итоги нашим наблюдениям. Пришел тот, кого героиня меньше всего ждала, но кому расстаться с ней слишком трудно, ибо трудно отмежевать от себя силу и обаяние софийного света, который она несла. Не будучи Спасителем, Сербинов оказывается спасенным. Встреча с Софьей Александровной заронила в его душе зерна возможности иных отношений между людьми. Попав в благодатную почву чевенгурского «дружества», эти зерна дали всходы. Не случайно Копенкин назовет Сербинова новым именем – Семен Сербов [Там же: 391].

Александр Дванов несет в себе духовное отражение образа Христа[1], но и он не является Спасителем, возможно, потому, что отчасти несет в себе черты ветхого Адама, предавшего Еву[2]. Герой признается Сербинову, что «он помнил Софью до Чевенгура, а здесь забыл» [Там же 2009: 394]. Суть этой забывчивости в тайне смерти, разгадать которую отец поручил сыну:

– Делай что-нибудь в Чевенгуре: зачем же мы будем мертвыми лежать… [Там же: 240].

Однако освобождение от ее абсолютной власти – за пределами посюстороннего «делания». Возможно, что смысл Ухода Дванова в воды озера Мутево – оправдание поступков тех героев, кто не вытерпел тайны времени.

Литература

Аверинцев, С. С. София-Логос. Словарь / С. С. Аверинцев. – Киев, 2001. – 908 с.

Баршт. К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова / К. А. Баршт. – 2-е изд., доп. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 480 с.

Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.

Ибатуллина, Г. М. Сквозь призму образа. Художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX–XX веков / Г. М. Ибатуллина. – Уфа : Гилем, Башк. энцикл., 2013. – 320 с.

Книга Притч 8: 27–31.

Ливингстон, А. Христианские мотивы в романе «Чевенгур» / А. Ливингстон // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие. 2000.

Литературное наследство. Т. 70. – М., 1963. – С. 313–314.

Малыгина, Н. М. Андрей Платонов: Поэтика «возвращения» / Н. М. Малыгина. – М. : ТЕИС, 2005. – 334 с.

Малыгина, Н. М. Образы-символы в творчестве А. Платонова / Н. М. Малыгина // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – М. : Наследие ; Наука, 1994. – С. 162–184.

за, первосюжета, изначальный смысл которого, видимо, до сих пор не прояснен для человеческого сознания» // Ибатуллина Г. М. Сквозь призму образа. Художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX–XX веков. С. 160–161.

[1] Подробные доказательства того, что Платонов имел в виду фигуру Христа, когда сочинял характер Александра Дванова приводит А. Ливингстон: Ливингстон А. Христианские мотивы в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 556–561.

[2] См. об этом: Булгаков С. Н. Свет невечерний. С. 271–276.

Платонов, А. Сочинения. Т 2. 1926–1927. Повести. Рассказы. Сценарии. Статьи / А. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН, 2016. – 870 с.

Платонов, А. Сочинения. Т. 1 (2) / А. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – 511 с.

Платонов, А. П. «…я прожил жизнь». Письма (1920–1950 гг.) / А. П. Платонов; сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко [и др.]. – М. : АСТ, 2014. – 685 с.

Платонов, А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть / А. П. Платонов; под ред. Н. М. Малыгиной. – М. : Время, 2009. – 608 с.

Плеханова, И. И. Неопределенность у А. Платонова: в осознании героев и автора (на материале прозы конца 1920-х годов) / И. И. Плеханова // А. Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции: сб. научных трудов. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019.

Толстая-Сегал, Е. Литературный материал в прозе Андрея Платонова / Е. Толстая-Сегал // «Возьми на радость» To Honour Jeanne von de Eng-Liedmeier. – Амстердам, 1980. – С. 193.

Тюпа, В. И. Фазы мирового археосюжета как историческое ядро Словаря мотивов / В. И. Тюпа // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву / под ред. В. И. Тюпы. – Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 1996. – С. 16–23.

Флоренский, П. А. Имена / П. А. Флоренский. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 1993. – С. 911.

Флоренский, П. А. Письмо десятое: София / П. А. Флоренский // Флоренский П. А. Т. 1 (1) Столп и утверждение истины. – М. : Правда, 1990. – С. 319–392.

Хрящева, Н. «Я перестрою вселенную…»: судьба теургической идеи Андрея Платонова (1917–1926) / Н. Хрящева // Toronto Slavic Quarterly. – 2017. – № 62. – P. 268–289.

Яблоков, Е. А. На берегу неба (Роман Андрея Платонова «Чевенгур») / Е. А. Яблоков. – СПб. : PETROPOLIS, 2001. – 376 с.

References

Averintsev, S. S. (001). *Sofiya-Logos. Slovar'* [Sophia-Logos. Dictionary]. Kiev. 908 p.

Barsht, K. A. (2005). *Poetika prozy Andreya Platonova* [Poetics of A. Platonov's Prose]. 2nd edition. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU. 480 p.

Bulgakov, S. N. (1994). *Svet nevechernii: Sozertsaniya i umozreniya* [A Non-Sunset Light: Reflections and Speculations]. Moscow, Respublika. 415 p.

Florensky, P. A. (1990). Pis'mo desyatoe: Sofiya [Letter Ten: Sophia]. In Florensky P. A. *T. 1 (1). Stolp i utverzhdenie istiny*. Moscow, Pravda, pp. 319–392.

Florensky, P. A. (1993). *Imena* [Names]. Moscow, AST, Khar'kov, Folio, p. 911.

Ibatullina, G. M. (2013). *Skvoz'prizmu obraza. Khudozhestvennaya refleksiya v poetike russkoi literatury XIX–XX vekov* [Through the Prism of the Character. Artistic Reflection in the Poetics of the Russian Literature of the 19th – 20th Centuries]. Ufa, Gilem, Bashkirskaya entsiklopediya. 320 p.

Khriashcheva, N. (2017). «Ya perestroyu vselennuyu…»: sud'ba teurgicheskoi idei Andreya Platonova (1917–1926) ["I Will Reconstruct the Universe…": The Fate of the Teurgic Idea of Andrey Platonov (1917–1926)]. In *Toronto Slavic Quarterly*. No. 62, pp. 268–289.

Kniga Pritch [The Book of Proverbs] 8: 27–31.

Literaturnoe nasledstvo. T. 70 [Literary Heritage. Vol. 70]. (1963). Moscow, pp. 313–314.

Livingston, A. (2000). Khristianskie motivy v romane «Chevengur» [Christian Motives in the Novel "Chevengur"]. In «*Strana filosofov*» *Andreya Platonova: problemy tvorchestva. Issue 4*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie.

Malygina, N. M. (2005). *Andrei Platonov: Poetika «vozvrashcheniya»* [Andrey Platonov: The Poetics of "Return"]. Moscow, TEIS. 334 p.

Malygina, N. M. (1994). Obrazy-simvoly v tvorchestve A. Platonova [Symbolic Characters in the Creative Activity of A. Platonov]. In «*Strana filosofov*» *Andreya Platonova: problemy tvorchestva*. Moscow, Nasledie, Nauka, pp. 162–184.

Platonov A. (2004). *Sochineniya. T. 1 (2)* [Collected Works. Vol. 1 (2)]. Moscow, IMLI RAN. 511 p.

Platonov, A. (2016). *Sochineniya. T. 2. 1926–1927. Povesti. Rasskazy. Stsenarii. Stat'i* [Collected Works. Vol. 2. 1926–1927. Novellas. Short Stories. Scenarios. Articles]. Moscow, IMLI RAN. 870 p.

Platonov, A. P. (2009). *Chevengur: Roman; Kotlovan: Povest'* [Chevengur: A Novel; The Foundation Pit: A Novella] / ed. by N. M. Malygina. Moscow, Vremya. 608 p.

Platonov, A. P. (2014). «*…ya prozhil zhizn'*». *Pis'ma (1920–1950 gg.)* ["…I Have Lived a Life". Letters (1920–1950)] / ed. by N. Kornienko et al. Moscow, AST. 685 p.

Plekhanova, I. I. (2019). Neopredelennost' u A. Platonova: v osoznanii geroev i avtora (na materiale prozy kontsa 1920-kh godov) [Ambivalence in Platonov's Works: In the Consciousness of the Characters and the Author]. In *A. Platonov i khudozhestvennye iskaniya XX veka: problemy retseptsii: sb. nauchnyh trudov*. – Voronezh, NAUKA-JuNIPRESS.

Tolstaya-Segal, E. (1980). Literaturnyi material v proze Andreya Platonova [Literary Material in the Prose of A. Platonov]. In «*Voz'mi na radost'*» *To Honour Jeanne von de Eng-Liedmeier*. Amsterdam, p. 193.

Tyupa, V. I. (1996). Fazy mirovogo arkheosyuzheta kak istoricheskoe yadro Slovarya motivov [Phases of the World Archeplot as a Historical Core of the Dictionary of Motives]. In Tyupa, V. I. (Ed.). *Materialy k «Slovaryu syuzhetov i motivov russkoi literatury»: ot syuzheta k motivu*. Novosibirsk, Institut filologii SO RAN, pp. 16–23.

Yablokov, E. A. (2001). *Na beregu neba (Roman Andreya Platonova «Chevengur»)* [On the Shore of the Sky (The Novel "Chevengur" by A. Platonov)]. Saint Petersburg, PETROPOLIS. 376 p.

Данные об авторе

Хрящева Нина Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: ninaus.fk@yandex.ru.

Author’s information

Khriashcheva Nina Petrovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 378.016:811.111. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-10. ББК Ш143.21-9. ГРНТИ 16.31.51.
Код ВАК 13.00.02

TRANSLATING COMMUNICATIVE INTENTION AND MEANING FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Elena N. Makarova
Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4439-5521

Abstract. This paper deals with the study of communicative structure used in English and Russian utterances. The study is aimed at analyzing Russian EFL learners' ability to convey communicative meaning of English utterances using a variety of L1 (Russian) lexical and syntactic means when translating experimental materials from L2 (English) to their native tongue. The application of theoretical and empirical methods allowed registering and classifying translation variants and identifying problems caused by inability of the Russian subjects to understand the communicative meaning of the source sentences with a different location of the communicative center. The results prove that conveying the emotional coloring of a sentence is a challenging task for the Russian EFL learners. Comparative analysis of the data with the results from previous studies helps reveal the connection between the ability of the Russian speakers to identify the location of the communicative center and their ability to choose a correct translation strategy. The paper also addresses the issue of determining nucleus position; its role in conveying the communicative structure in written speech is crucial. A potential area for application of the results of the study concerns the EFL teaching methods, as they contribute to the development of foreign language communicative competence of non-linguistic students as well as their translation competence. Outlined are the perspectives for further research aimed at deeper understanding of the mechanisms determining nucleus position in non-native written speech and significance of prosodic means for conveying communicative meanings in the process of written and oral translation.

Keywords: English language; methods of teaching English; methods of teaching English at university level; Russian language; Russian students; translation strategies; translation studies; translation; activity as translator; English utterances; linguistic means.

КОММУНИКАТИВНАЯ УСТАНОВКА ГОВОРЯЩЕГО И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Макарова Е. Н.
Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4439-5521

Аннотация. Статья посвящена проблеме коммуникативной организации высказывания в русском и английском языках. Цель исследования – анализ языковых средств, используемых русскими студентами

© Е. Макарова, 2021

неязыковых специальностей для передачи коммуникативного значения английских высказываний при письменном переводе на родной язык. Для достижения поставленной цели были применены теоретические и прикладные методы, позволившие выявить, описать и классифицировать варианты перевода экспериментальных фраз с английского на русский язык. Анализ полученного в ходе проведения эксперимента материала позволил определить трудности, возникшие у русских студентов в процессе передачи коммуникативных значений английских вариантов с разной позицией коммуникативного центра. Полученные результаты свидетельствуют, что передача экспрессивной окраски английских фраз представляет трудную задачу для русских студентов неязыковых специальностей, изучающих английский язык в качестве иностранного. Сравнительный анализ полученных данных с результатами исследований, проведенных автором ранее, подтверждает, что умение русских учащихся решать коммуникативные задачи, в частности, определять верную позицию коммуникативного центра в английской фразе, является значимым для выбора верного варианта перевода. В рамках проведенного исследования также рассмотрен вопрос о важности определения позиции главного фразового ударения в письменной речи. Полученные результаты имеют широкую сферу применения и могут быть использованы для совершенствования методики преподавания английского языка в русской аудитории, в том числе для развития у студентов неязыковых специальностей, изучающих английский язык как иностранный, иноязычной коммуникативной компетенции, а также переводческой компетенции. Дальнейшая разработка исследуемой проблемы может быть направлена на изучение механизмов, влияющих на определение потенциальной позиции фразового ударения в письменной неродной речи, а также анализ роли просодических средств в процессе передачи коммуникативных значений в письменном и устном переводе как с русского на английский, так и с английского на русский язык.

Ключевые слова: английский язык; методика преподавания английского языка; методика английского языка в вузе; русский язык; русские студенты; переводческие стратегии; переводоведение; перевод; переводческая деятельность; английские высказывания; языковые средства.

Для цитирования: Макарова, Е. Н. Коммуникативная установка говорящего и способы ее передачи с английского языка на русский / Е. Н. Макарова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 132–143. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-10.

For citation: Makarova, E. N. (2021). Translating Communicative Intention and Meaning from English into Russian. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 132–143. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-10.

Introduction. During the last decade the world has become more interconnected with the advancement of technology and the ease of international movement. This changing environment brings with it numerous practical linguistic problems, many of which can be solved through the development of teaching and learning methods. To succeed in everchanging global society, university graduates must possess communicative competences which will enable them to carry out effective professional and cross-cultural communication in a foreign language, mostly English. It should be noted that successful interaction with representatives of different countries and cultures requires not only fluency in EFL but quite often adequate translation skills.

Since the communicative function of a language is the most important one, analysis of language units and categories responsible for information structure and communicative meaning of an oral or a written utterance remains relevant. Contrastive analysis aimed at examining the choice of language means used for expression of similar content are considered most interesting [Gak 1989]. Without detailed analysis of the main communicative categories and linguistic means of their representation in L2 utterance, it is impossible to understand the literal meaning of a statement in L2 and its actual meaning in a certain communicative situation. The results of previous studies prove that transmission and perception of communicative meanings in L2 in both oral and written speech are challenging tasks for an L2 language learner [Gudmestad and Edmonds 2018; Abdul Ridha 2014; Le and Wijitsopon 2015; Park and Nam 2015; Egorova 2017]. The significance of studies on conveying communicative structure in L2 has been empirically confirmed: 'ESL students often produce similar texts, which appear disconnected and disjointed because there is no clear information structure. Moreover, an incomplete understanding of the meanings of both theme and focus of new information often leads to un-

intended emphases which makes it difficult for the reader / teacher to understand the points being made' [Francis 1989: 220]. That is why modern researchers focus on searching for effective ways of providing innovative techniques for teaching correct representation of communicative structure in L2 [Pérez de Cabrera 2012].

The English language is considered the lingua franca of the world. Other languages have also proved their significance in providing cross-linguistic communication; the Russian language successfully performed the function of a lingua franca in the Soviet Union in the 20th century [Pavlenko 2006]. Today Russian remains the language of communication for individuals of different nationalities within Russia and the former Soviet countries. Modern research proves that interest in learning Russian has been growing in recent years [Rovinskaya 2013].

The analysis of linguistic means, involved in representation of communicative structure components in Russian and English is of interest as these languages differ in word order and sentence structure. Brief characteristics of their word order and prosodic features help better understand and predict potential difficulties in the process of conveying meaning of utterances by an L2 (Russian) EFL learner and translator. In spite of the fact that both languages belong to the group of languages with the basic SVO word order, the word order in English is fixed while the word order in Russian is relatively free. Also, if the English word order is more actively engaged in the manifestation of grammatical function due to the necessity of preserving syntactic relationships between words, in Russian the communicative and stylistic word order functions are more significant.

As for prosodic means, English and Russian share the usage of sentence stress (the nucleus) for communicative center marking. Anyway, there is a difference in this area as well. In the English language, nucleus can be used to highlight the element of 'new'at the beginning or in the middle of a phrase without accompanying change in the word order. As for the Russian language, the communicative center is often marked by both the location and the phonetic means. Consequently, if in English, the main means of expressing the communicative center is the nucleus, in Russian, nucleus and word order both act as the main means of utterance's communicative organization.

Earlier findings demonstrate that EFL Russian learners face problems in distinguishing differences between variants of one sentence with different position of communicative center [Makarova 2018]. The relevance of ability of manifesting L2 communicative structure to the development of translation competence of L2 learners has also been proved [Makarova 2019].

The aim of the present study is to consider, analyze, and describe linguistic means used by the Russian EFL learners in the process of translation from L2 (English) into L1 (Russian). This will allow for the identification of the translation strategies that the Russian EFL learners choose as well as the evaluation of their effectiveness.

Literature review. The issue of the actual division of the sentence raised in the works of V. Mathesius and the other members of the Prague Linguistic Circle has been developed in linguistics since the middle of the twentieth century. Although it has attracted interest of many scholars, it continues to remain in the top list of disputable topics. This is confirmed by linguistic discussions, the subject of which is the role of various linguistic means in the process of conveying communicative meanings in different languages [Face and D'Imperio 2005; Klassen, Wagner, Tremblay and Goad 2016; Vander Klok, Goad and Wagner 2018].

Marking of components of communicative structure involves prosodic, grammatical, syntactic and lexical means. The literature review proves that in the majority of languages the mobility of nucleus is widely used for signaling of communicative structure components [Fanselow 2016]. Word order, alongside with the nucleus, is recognized as the main way of highlighting the communicative center in many of the world's known languages. However, the results of numerous contrastive studies show that the intensity of these two means used in communicative structure signaling varies.

Some authors suggest that English with its nucleus shifts is a language with 'plastic'prosody unlike languages with free word order which are called 'non-plastic' [Duběda and Mády 2010]. The majority of contrastive studies of information structure comparing English to other language

systems are carried out from a syntactic perspective [Breul and Göbbel 2010]. Few authors focus on the interaction of word order and prosody [Calhoun, La Cruz and Olssen 2018].

In the last decade, there has been increased interest in the contrastive analysis of the informational and communicative structure of utterances in Slavic languages and the English language. The research on the phonetic prominence of non-final lexical elements in Czech, Hungarian and English was conducted by T. Duběda and K. Mády [2010]. A. Szwedek [2011] analyzed the role of articles, sentence stress, word order and some syntactic means in indicating 'new' information in Polish and English sentences. The author concludes that in the Polish language word order change is the most common solution for fulfilling this task, whereas English primarily uses changes in location of the nucleus: its shifts are less common in Polish than in English. The research carried out by Ye. Savchenko [2016], presents the analysis of prosodic means in English and Ukrainian speech in the aspect of correlation between semantic and communicative structures.

L. V. Shcherba, whose ideas serve as a foundation for the present research, was one of the first to present the results of his contrastive study of the means involved in conveying communicative meanings in Russian and other languages on the example of one sentence [Viller 1960]. In spite of extensive contrastive research on the English-Russian language pair, the foundation for which was laid in the works by A. Smirnitskiy [2007], V. Plotkin [2007] and other linguists, there remain few attempts to comprehensively analyze various linguistic means in the expression of communicative categories in English and Russian. Moreover, their interaction in the Russian language itself belong to the controversial linguistic topics: 'The connections of intonation with semantics and syntax have been clearly insufficiently studied in modern Russian linguistics, and these connections are in the focus of attention of researchers' [Pavlova and Svetozarova 2017, cited by Skorikova 2020: 122]. As these mechanisms are not sufficiently studied, the use of contrastive analysis makes it possible to gain their better understanding and identify difficulties in the choice of linguistic means responsible for conveying the communicative meaning in L2.

The last decade is also characterized by the growing number of studies dealing with the application of Theme / Rheme theory to the process of translation. Using the material of various languages, modern authors consider ways of implementing the elements of communicative structure for preserving the equivalence of translation in the process of representing the writer's intention [Wang 2014]. When searching for solutions for translation problems, modern linguists analyze mostly written translations, paying special attention to the distribution of information presented in the form of Theme-Rheme relation [Karini 2019]. Analysis of information structure-based strategies used in translating is presented in the study of Á. L. Jiménez-Fernández [2020]. The author analyzes syntactic means of establishing the theme / topic, comparing the source and target texts and paying special attention to such information structure phenomena as negative preposing, topic fronting and passive voice. It's important to mention the growing number of studies done on the material of the Chinese language. For example, X. Du [2019] compares the actual division of the Chinese and English sentences in a legal text. M. Reda [2019] assumes, that when evaluating the quality of translation, the distribution of communicative dynamism in the original should be given more consideration than its linear arrangement. The research carried out by L. Dušková [2018] is based on excerpts from passages of digital running text of three English novels and their Czech translations drawn from the InterCorp. The author focuses on the problems arising from the different hierarchy of the respective word order principles with the primary ones being grammatical function in English and information structure/functional sentence perspective (FSP) in Czech. The results show that most problems arise in the case of different linear ordering as it may indicate either an identical or a different FSP structure.

In spite of numerous studies on characteristic features of the process of Russian-English and English-Russian translation, most of the authors focus on the analysis of one aspect of translation: grammatical, lexical, or stylistic. M. Safina and I. A. Avkhadieva [2018] deal with the actual division of the sentence when translating literary works by V. V. Nabokov from English into Russian. The authors conclude that 'the existing

inconsistencies in the structure of sentences in the English and Russian languages consist in the different structure of theme-rhematic relations within a sentence and can cause difficulties in translation' [Safina and Avkhadieva 2018: 125]. E. Petrova [2016] considers various lexical and syntactic markers (particles and adverbs) which act as intensifiers in both Russian and English and concludes that the adequacy of translation often depends on the location of logical stress. On the grounds of observation, the author proves that literal translation can be caused by the inability of inexperienced translators to apply the theory of actual division of the sentence and identify the communicative center of the utterance.

The literature review proves that contrasts in linguistic means of signaling communicative structure in utterances can be of primary significance in the process of solving the challenging tasks of translators on achieving the translation equivalence. Yet, there is a lack of studies analyzing the complex means, namely word order and the nucleus, and their interaction in the implementation of communicative structure for utterances in the process of translating from L2 (English) into L1 (Russian). Since phonetic prominence is one of the main means for marking the semantic weight of lexical elements, most studies have been carried out on the material of oral speech [Luchkina and Cole 2016]. Few linguists raise the issue about the role of sentence stress in understanding the meaning of written speech and its translation into a foreign language. This area remains poorly studied, no matter that 'decision-making mechanisms about the location of the nucleus and the communicative focus (rhema) in written utterances are one of the most interesting topics' [Pavlova 2009: 72]. By giving examples of wrong and ambiguous translations caused by ignoring rules of the word order in the target language, A. Pavlova comes to the conclusion that written text cannot be understood without its mental intoning and accenting, even though less prominently in comparison to oral speech [Pavlova 2010]. Significance of the issue of effect of prosodic means in written texts comprehension accounts for the choice of written utterances as the material for the present research. In addition to word order, potential position of a nucleus serves for indicating the 'importance' of lexical elements and helps transfer the information and communicative structure of written utterances.

Materials and methods. The materials for the experiment included 90 English sentences, 45 of which contained intensifiers (really, never and others). Each sentence was presented to the Russian subjects in 2 or 3 variants. Different position of the communicative center in each variant could be associated with the possibility of either logical or emphatic stress realization. The communicative center in each variant was underlined (for example: What did <u>Carl</u> do here? What did Carl do <u>here</u>? What did Carl <u>do</u> here?).

Theoretical and empirical methods were utilized while implementing this research study. Those methods include a literature review, linguistic analysis of the English and Russian experimental material, comparative qualitative analysis, elementary quantitative analysis, empirical research methods (experiment, interview, observation).

Subjects. The subjects participating in the study are university students aged 20 (10 subjects) and 21 (5 subjects), who are majoring in economics and management and are completing a two-year course for an additional qualification of Translator in the Field of Professional Communication. All the subjects are native Russian speakers who are proficient at English level B2 (according to CEFR) as determined by a placement test administered before their participation in the study.

Procedure. At the first stage of the experiment, the Russian subjects were asked to orally comment on the differences between two or three communicative variants of one sentence with a different position of the underlined communicative center. In pre-task interviews, all the subjects confirmed their understanding of what a communicative center was. Some of their responses included: 'the most important word in a sentence, 'determining its meaning', 'the word which helps understand what they want to say', and 'the word which must be highlighted in order to be understood by your partner'.

At the second stage of the experimental research, the same subjects were asked to translate the experimental sentences from L2 (English) into

L1 (Russian). They were given the task to find and reproduce the closest Russian equivalent of the English sentences (variants with the same grammatical and lexical structure which differ in the potential location of the nucleus (this word was underlined). The number of Russian equivalents was not limited. It took the participants from 65 to 80 minutes to complete the task. Then an analysis was conducted of those sentences translated from English into Russian.

Findings and discussion. The results from the interviews of the subjects show that 95% understood the difference in the meaning of the communicative variants which differ in potential location of logical stress. As for the variants containing intensifiers, which help express different degrees of emphasis, comprehension proved to be more difficult. In most cases, L1 Russian speakers either perceived the variants with different degrees of emphasis as completely equivalent (50% of the experiment participants) or presented incorrect interpretation of the differences between them (30%). Only 20% of the subjects mentioned that the variants with the highlighted intensifiers were characterized by higher degrees of emotionality and expressiveness, sounded more persuasive or helped express a stronger degree of doubt. The findings obtained at this stage are similar to the results of the preliminary experiment which was conducted with L1 Russian speakers who lack translation training or a linguistic background [Makarova 2018].

The translations obtained at the second stage of the experiment reveal the typical translation variants and allow for their classification. The results also show the linguistic means used by the Russian L1 subjects in the process of translation from L2 (English).

The first group is formed by the examples with logical stress possibilities. Their communicative center is in italics:

– I met Carl last Thursday. Did you see him?
– What did Carl do here?
1) – What did *Carl* do here?
2) – What did Carl do *here*?
3) – What did Carl *do* here?

The identical English word order in these three questions does not prevent a speaker from conveying his different communicative intentions. Although the reader sees only the vocabulary and the word order, 'he decides on the location of the most prominent stress and on the communicative focus (rhema) of a sentence' [Pavlova 2009: 72]. At the first stage of the experiment, most of the subjects confirmed their understanding of the difference in the meaning of the three variants. Word order changes turned out to be the most common way of demonstrating this difference in translation: all L1 Russian subjects put the Russian equivalent of the English word to the strong final position:

1) – What did *Carl* do here?
Chto zdes'delal Karl?
2) What did Carl do *here*?
Chto Karl delal zdes'?
3) – What did Carl *do* here?
Chto Karl zdes'delal?

About 30 percent of the subjects presented several translations of each English sentence; thus, it demonstrated the possibility of word order variation in the Russian equivalents. For example:

– What did *Carl* do here?
1) Chto zdes'delal Karl?
2) Chto Karl delal zdes'?
3) Chto delal Karl zdes'?
4) Chto zdes'Karl delal?

Word order changes in these cases do not affect the communicative meaning of the sentence. The position of the proper name 'Karl' in the response can vary. What really matters here is whether it is phonetically prominent. Only then can the Russian translations be equivalent to the English question with the communicative center on 'Carl'. Most likely, the research subjects can easily predict the nucleus position in the corresponding Russian sentence without reading it aloud. One of the subjects introduced the Russian particle 'to' in his translation of this sentence to highlight the word it refers to. Its usage definitely contributes to communicative center signaling and proves the ability of L1 Russian learners to involve variable linguistic means when conveying the communicative intention of the speaker:

– Karl-to chto zdes'delal?

Two Russian lexical units highlighted in italics were offered by three participants when translating the question with the communicative center on the adverb 'here':

– What did Carl do *here*?
1) Chto Karl delal *imenno* zdes'?

2) Chto zdes' – *to* Karl delal?

3) Zdes' – *to* chto Karl delal?

The issue of the evaluation of the translations and their correspondence to the Russian language norm is beyond the limits of this research. Nevertheless, there have been registered examples which can definitely be of interest for further research from the point of view of the translation equivalence:

– What did Carl do *here*?

– Pochemu tut Karl byl?

Emphasis on the adverbial modifier of the place ('tut') in non-final position in the Russian sentence allows the person asking about Carl's presence in this place to express surprise. Moving the adverbial modifier of place to final position where it receives the greatest degree of prominence proves to be a more common strategy used by the Russian subjects; an absolute majority of EFL learners replicated the English word order when translating the English variant:

– Chto Karl delal zdes'?

Presented below are the translations which show similar results. Along with word order changes, Russian subjects used various lexical means, which in the situation of absence of the sentence stress, helped them mark the communicative center:

– Liza is at school.

1) – Why is she there *today*?

– Pochemu ona tam imenno segodnya?

2) – Why is she *there* today?

Pochemu imenno v shkole ona segodnya?

Pochemu ona imenno tam segodnya?

3) – *Why* is she there today?

Pochemu zhe ona segodnya v shkole?

Po kakoj prichine ona v shkole segodnya?

Pochemu voobshche ona v shkole segodnya?

Even so, following the English sentence pattern of keeping the adverbial modifier of time in final position remains the most frequently translation strategy option chosen by absolute majority of the Russian subjects:

Pochemu ona tam imenno segodnya?

The second set of experimental material consists of the sentences with potentially different emphatic stress location. Emotions are proved to be a significant factor for successful communication [Alba-Jues and Larina 2018]. Rendering and transferring emotional coloring into a foreign language can be a challenging task even for an experienced translator [Petrova and Rodionova 2016]. Emphatic stress can be placed on words containing emotional meaning or on intensifiers which make them the most phonetically prominent lexical elements in a sentence:

John says you've met each other.

1) – As for me, I've never *seen* him.

2) – As for me, I've *never* seen him.

Half of the subjects kept the syntactic structure of the English phrase in translations of the first variant:

1) – As for me, I've never *seen* him.

– Chto kasaetsya menya, ya nikogda ne videl ego.

– Chto kasaetsya menya, ya nikogda ne byl znakom s nim.

These Russian translations with the final pronoun can contain the idea of contrast, if pronounced with the nucleus in final position, which doesn't seem to be reasonable. The findings correspond with the few and fragmentary observations of modern translations from English into Russian characterized by the so-called 'strange' word order [Pavlova; Kalinin 2015].

Moreover, the translations presented by the Russian subjects do not reflect the difference between a neutral utterance and its possible variant with the communicative center on the adverb 'never', which is undoubtedly more emotional. Most subjects (90%) demonstrated similar (neutral) emotional coloring of translations with different word order:

1) As for me, I've never *seen* him.

Chto kasaetsya menya, ya nikogda ne videl ego.

2) As for me, I've *never* seen him.

Chto kasaetsya menya, ya nikogda ego ne videl.

As the position of the pronoun in the Russian utterance, which does not have strict limitations in comparison with the English one, it can demonstrate variation.

Poor ability of the Russian subjects to identify the difference between neutral and emphatic variants on the first stage of the experimental research could account for their difficulties in conveying emotional coloring in translation. If in oral speech emotional coloring can be reached by putting nucleus on the Russian adverb 'nikogda', then in written translation the subjects should have used certain lexical means to support the emphasis, but they failed to do so.

When translating examples with the intensifier 'really', the experiment participants chose to use various lexical means to express different degrees of surprise and doubt:

– Her new earrings were gorgeous!
– Did you really like them?

About 90% of the Russian learners presented two variants of translation:

1) Did you really *like* them?
– Tebe oni ponravilis'?
2) Did you *really* like them?
– Oni tebe dejstvitel'no ponravilis'?

The latter variant of translation can be read in Russian with the nucleus either on the verb or the adverb. These two will differ in emotional coloring, as the utterance with the highlighted final verb does not correspond to the English variant 'Did you *really* like them?', where the speaker expresses genuine doubt.

Only two Russian subjects (13%) demonstrated the ability of conveying the difference in the degree of emphasis in their translations by adding the Russian equivalent of 'really' 'dejstvitel'no', and the adverbs 'ser'ozno', 'po-nastoyashchemu':

2) Did you *really* like them?
– Tebe ser'yozno oni ponravilis'?
Oni tebe po-nastoyashchemu ponravilis'?

These translations reflect that the intention of the speaker to show the opinion of his partner about the earrings does not coincide with his point of view. In the absolute majority of the Russian translations, the subjects avoided using additional lexical means for reinforcing the reaction of the speaker.

To sum up, the Russian EFL learners demonstrate less diversity in the translation of the sentences belonging to the second group. Conveying emotional coloring seems to be more challenging in spite of the fact that the Russian language uses similar linguistic means for expressing intensification. Signaling different types of emotions as well as their perception in L2 is an extremely important area for study as emphasis for intensity can cause difficulties even when perceived in L1 [Landgraf 2014]. The results of the translation experiment correspond with the data obtained during the first part of the research. Russian L1 speakers faced difficulties in identifying variation between the degree of emphasis in the examples with stressed and unstressed intensifiers. The inability to perceive the linguistic means of highlighting the communicative center may lead to the failure of conveying the communicative intention in both L2 speech and in translation from L2 into L1. This proves the connection between linguistic and translation competences and the impact of linguistic competence development on the quality of translation [Metwally 2020]. Mastering the linguistic competence, or in this case, mastering the ability to identify communicative structure of an utterance and the location of its communicative center leads to the ability to choose the correct linguistic means in the process of translation.

Another point that is worth mentioning is the ability to predict the nucleus location in oral speech on the bases of the written utterances. The Russian subjects were not asked to mark the communicative center position in the Russian sentences, so it is difficult to predict what the oral interpretations of the translations could be. Yet, some of the experiment participants used additional linguistic tools for highlighting the communicative center and produced equivalent translations. Studying the mechanisms responsible for the decisions of the readers on the location of the nucleus and conveying them in translation from L2 into L1 is a prospective field for further research.

Conclusions. The study was aimed at revealing and describing language means used by the Russian EFL learners in the process of translating written utterances from L2 (English) into L1 (Russian). The analysis of experimental sentences with different places of communicative center proves that Russian students used different means to express communicative weight of lexical items in the English written utterances. Word order variation, namely bringing the most semantically important element to the strong final position, was observed to be the most commonly used strategy. In the examples of this type in oral speech, the potential sentence stress would be realized on the last word of an utterance. At the same time, not all the translations with word order changes can be considered equivalent to the English sentences, as they do not always lead to changes in the communicative intention of the speaker. The study of translation options identifies examples of syntactic

replication, including phrases with the final position of pronouns. The use of lexical means for communicative center marking in the translation from English into Russian by the Russian subjects was also registered. These words allowed the experiment participants to demonstrate the difference between variants with different places of potential logical stress and pairs of sentences which differ in the degree of emphasis. It can be assumed, that when translating written sentences, the Russian subjects understand the meaning of the English phrase on the ground of nucleus potential position, which is normally associated with the communicative center location. The research results can help to achieve one of the main goals in the process of mastering a foreign language – to develop the ability to correctly formulate a statement in a foreign language, as well as to understand and to interpret the communicative meaning of the perceived language message. The study is the first step in analyzing the characteristic features of communicative variants in translation from English into Russian. The results obtained are significant for the translation theory and practice, which include the challenging task of translation by machine further development, allow outlining the perspective for a deeper study of mechanisms responsible for choosing translation strategies by the L1 Russian EFL learners.

In the experiment conducted within this study, the place of the communicative center, and accordingly, the potential place of the sentence stress was marked by the author. Providing subjects with 'freedom'in carrying out the procedure of identifying the communicative center location in the English sentences and texts can most likely be a more challenging task. Identifying the best translation options requires a separate study. Other fields for future experimental research could include: evaluation of the correspondence of the translated sentences to the language norms and the assessment of their equivalence performed by native Russian speakers, as well as, an analysis of translations from Russian into English made by native English speakers.

Литература

Виллер, М. А. Об интонации простого нераспространенного предложения в русском языке / М. А. Виллер // Вопросы фонетики: ученые записки Ленинградского университета. Серия: Филологические науки. – 1960. – № 40. – С. 26–38.

Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – 1989. – № 25. – С. 5–17.

Егорова, О. С. Обучение иностранному языку в аспекте коммуникативного синтаксиса / О. С. Егорова // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 144–149.

Калинин, К. Е. Переводчик 80 уровня / К. Е. Калинин // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2015. – № 7. – С. 257–261.

Макарова, Е. Коммуникативная цель и ее отражение в языковой структуре / Е. Макарова // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 2 (17). – С. 171–177.

Павлова, А. В. Понимание смысла предложений в связи с местом фразового ударения при восприятии письменной речи / А. В. Павлова // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 71–91.

Павлова, А. В. Порядок слов и место ремы в русском повествовательном предложении на письме / А. В. Павлова. – URL: http://www.thinkaloud.ru/feature/pavlova-rheme.pdf (дата обращения: 10.09.2020). – Текст : электронный.

Павлова, А. В. Фразовое ударение в аспекте перевода / А. В. Павлова // Русский язык и культура в зеркале перевода. – М. : МГУ, 2010. – С. 439–442.

Петрова, Е. Е. Особенности передачи тема-рематической организации рекламного текста при переводе / Е. Е. Петрова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 8 (50). – С. 130–132.

Плоткин, В. Я. Структура английского языка / В. Я. Плоткин. – М. : Высшая школа, 2009. – 239 с.

Русский язык зарубежья / под ред. М. Ровинской. – СПб. : Златоуст, 2013. – 336 с.

Сафина, З. М. Проблема актуального членения предложения в переводе / З. М. Сафина, И. А. Авхадиева // Доклады Башкирского университета. – 2018. – Т. 3, № 1. – С. 121–127.

Скорикова, Т. П. К выходу в свет монографии А. В. Павловой, Н. Д. Светозаровой «Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах» (Москва, 2017) / Т. П. Скорикова // Русская речь. – 2020. – № 1. – С. 118–127.

Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И Смирницкий. – 2-е изд. – М. : ЛКИ, 2007. – 284 с.

Abdul Ridha, N. S. Theme and rheme: types and problems in EFL university students' written texts / N. S. Abdul Ridha // Journal of Basrah researches (Humanities series). – 2014. – Vol. 39. – P. 94–114.

Alba-Juez, L. Language and emotion: discourse-pragmatic perspectives / L. Alba-Juez, T. Larina // Russian journal of linguistics. – 2018. – Vol. 22, iss. 1. – P. 9–37.

Calhoun, S. The interplay of information structure, semantics, prosody, and word ordering in Spanish intransitives / S. Calhoun, E. La Cruz, A. Olssen // Laboratory phonology: journal of the Association for laboratory phonology. – 2018. – Vol. 9 (1). – P. 8.

Comparative and contrastive studies of information structure / ed. by C. Breul, E. Göbbel. – Amsterdam : John Benjamins, 2010. – 306 p.

Critical reflections on data in second language acquisition / ed. by A. Gudmestad, A. Edmonds. – Amsterdam : John Benjamins, 2018. – 231 p.

Du, X. On application of theme-rheme theory in English-Chinese legal contract discourse translation / X. Du // Proceedings of the 2nd Symposium on Health and Education 2019 (SOHE 2019). – Suzhou : Atlantis Press, 2019. – P. 488–492.

Duběda, T. Nucleus position within the intonation phrase: a typological study of English, Czech and Hungarian / T. Duběda, K. Mády // INTERSPEECH 2010 – 11th Annual Conference of the International Speech Communication Association / ed. by T. Kobayashi, K. Hirose, S. Nakamura. – Makuhari : International Speech Communication Association, 2010. – P. 126–129.

Dušková, L. Parallel corpora and contrastive linguistics: Where to look for pitfalls in the translation of information structure / L. Dušková // Bergen language and linguistics studies. – 2018. – Vol. 9. – P. 5–20.

Face, T. Reconsidering a focal typology: evidence from Spanish and Italian / T. Face, M. D'Imperio // Italian journal of linguistics. – 2005. – Vol. 17. – P. 271–289.

Fanselow, G. Syntactic and prosodic reflexes of information structure in Germanic / G. Fanselow // The Oxford handbook of information structure / ed. by C. Féry, S. Ishihara. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 621–641.

Francis, G. Thematic selection and distribution in written discourse / G. Francis // Word. – 1989. – Vol. 40. – P. 201–221.

Jiménez-Fernández, Á. L. Information-structure strategies in English / Á. L. Jiménez-Fernández // Journal of English studies. – 2020. – March.

Karini, Z. Text translation method by considering information distribution in the form of theme-rheme relation / Z. Karini // LEKSIKA. – 2019. – Vol. 12, iss. 2. – P. 89.

Klassen, J. Prominence shifts in English and Spanish parallel constructions / J. Klassen, M. Wagner, A. Tremblay, H. Goad // JerSem: Proceedings of the 20th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue / ed. by J. Hunter, M. Simons, M. Stone. – New Brunswick : State University of New Jersey Press, 2016. – P. 76–85.

Landgraf, R. Are you serious? Irony and the perception of emphatic intensification / R. Landgraf // The 4th International Symposium on Tonal Aspects of Languages (TAL) / ed. by C. Gussenhoven, D. Dediu, Y. Chen. – Nijmegen : ISCA, 2014. – P. 91–94.

Le, D. T. Using theme-rheme to analyze ESL/EFL learners' academic writing / D. T. Le, R. Wijitsopon // Journal of arts and humanities. – 2012. – Vol. 9, iss. 2. – P. 1–11.

Luchkina, T. Structural and referent-based effects on prosodic expression in Russian / T. Luchkina, J. S. Cole // Phonetica. – 2016. – Vol. 73. – P. 279–313.

Makarova, E. Comprehension of written utterances' communicative structure by Russian learners of English / E. Makarova // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2018. – Vol. XXXIX. – P. 153–159.

Metwally, A. The impact of linguistic and cultural competence on translation quality: pedagogical insights into translation problems / A. Metwally // Journal of language teaching and research. – 2020. – Vol. 11, iss. 3. – P. 509–520.

Park, K. Analysis of thematic structure in L2 writing: a systemic functional perspective / K. Park, D. Nam // SNU Journal of education research. – 2015. – Vol. 24. – P. 65–88.

Pavlenko, A. Russian as a lingua franca / A. Pavlenko // Annual review of applied linguistics. – 2006. – Vol. 26. – P. 78–99.

Pérez de Cabrera, L. B. Comparative study of theme functions in Spanish and English academic essays / L. B. Pérez de Cabrera // Científica. – 2012. – Vol. 1 (1). – P. 55–70.

Petrova, O. Rendering emotional coloring in literary translation / O. Petrova, M. Rodionova // Procedia – Social and behavioral sciences. – 2016. – Vol. 231. – P. 195–202.

Reda, M. Thematic structure vs. information structure in the analysis of translation shifts / M. Reda // Brno studies in English. – 2019. – Vol. 45, iss. 2. – P. 139–154.

Savchenko, Ye. Yu. Correlation of theme-rheme structure with dictum and modus in English and Ukrainian speech / Ye. Yu. Savchenko // Science and education a new dimension. Philology. – 2016. – Vol. IV, iss. 27. – P. 15–18.

Szwedek, A. The thematic structure of the sentence in English and Polish sentence stress and word order / A. Szwedek. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2011. – 114 p.

Vander Klok, J. Prosodic focus in English vs. French: a scope account / J. Vander Klok, H. Goad, M. Wagner // Glossa: a journal of general linguistics. – 2018. – Vol. 3, iss. 1. – P. 71.

Wang, F. The application of thematic theory in translation / F. Wang // Theory and practice in language studies. – 2014. – Vol. 4, iss. 4. – P. 778–785.

References

Abdul Ridha, N. S. (2014). Theme and rheme: types and problems in EFL university students' written texts. In *Journal of Basrah Researches (Humanities Series)*. Vol. 39, pp. 94–114.

Alba-Juez, L., Larina, T. V. (2018). Language and emotion: discourse-pragmatic perspectives. In *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 22. Issue 1, pp. 9–37.

Breul, C., Göbbel, E. (Eds.). (2010). *Comparative and Contrastive Studies of Information Structure*. Amsterdam, John Benjamins. 306 p.

Calhoun, S., La Cruz, E., Olssen, A. (2018). The interplay of information structure, semantics, prosody, and word ordering in Spanish intransitives. In *Laboratory Phonology: Journal of the Association for Laboratory Phonology*. Vol. 9 (1), p. 8.

Du, X. (2019). On application of theme-rheme theory in English- Chinese legal contract discourse translation. In *Proceedings of the 2nd Symposium on Health and Education 2019 (SOHE 2019)*. Suzhou, Atlantis Press, pp. 488–492.

Duběda, T., Mády, K. (2010). Nucleus position within the intonation phrase: a typological study of English, Czech and Hungarian. In Kobayashi, T., Hirose, K., Nakamura, S. (Eds.). *INTERSPEECH 2010 – 11th Annual Conference of the International Speech Communication Association*. Makuhari, International Speech Communication Association, pp. 126–129.

Dušková, L. (2018). Parallel corpora and contrastive linguistics: Where to look for pitfalls in the translation of information structure. In *Bergen Language and Linguistics Studies. Vol. 9*, pp. 5–20.

Egorova, O. S. (2017). Obuchenie inostrannomu yazyku v aspekte kommunikativnogo sintaksisa [Teaching a Foreign Language in the Aspect of Communicative Syntax]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. No. 6*, pp. 144–149.

Face, T., D'Imperio, M. (2005). Reconsidering a focal typology: Evidence from Spanish and Italian. In *Italian Journal of Linguistics. Vol. 17*, pp. 271–289.

Fanselow, G. (2016). Syntactic and prosodic reflexes of information structure in Germanic. In Féry, Ishihara, C., S. (Eds.). *The Oxford Handbook of Information Structure*. Oxford, Oxford University Press, pp. 621–641.

Gak, V. G. (1989). O kontrastivnoi lingvistike [On Contrastive Linguistics]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. No. 25*, pp. 5–17.

Francis, G. (1989). Thematic selection and distribution in written discourse. In *Word. Vol. 40*, pp. 201–221.

Gudmestad, A., Edmonds, A. (Eds.). (2018). *Critical Reflections on Data in Second Language Acquisition*. Amsterdam, John Benjamins. 231 p.

Jiménez-Fernández, Á. L. (2020). Information-structure strategies in English. In *Journal of English Studies*. March.

Kalinin, K. E. (2015). Perevodchik 80 urovnya [Translator of 80th Level]. In *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve. No. 7*, pp. 257–261.

Karini, Z. (2019). Text translation method by considering information distribution in the form of theme-rheme relation. In *LEKSIKA. Vol. 12*. Issue 2, p. 89.

Klassen, J., Wagner, M., Tremblay, A., Goad, H. (2016). Prominence shifts in English and Spanish parallel constructions. In Hunter, J., Simons, M., Stone, M. (Eds.). *JerSem: Proceedings of the 20th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue*. New Brunswick, State University of New Jersey Press, pp. 76–85.

Landgraf, R. (2014). Are you serious? Irony and the perception of emphatic intensification. In Gussenhoven, C., Dediu, D, Chen, Y. (Eds.). *The 4th International Symposium on Tonal Aspects of Languages (TAL)*. Nijmegen, ISCA, pp. 91–94.

Le, D. T., Wijitsopon, R. (2012). Using theme-rheme to analyze ESL/EFL learners' academic writing. In *Journal of Arts and Humanities. Vol. 9*. Issue 2, pp. 1–11.

Luchkina, T., Cole, J. S. (2016). Structural and referent-based effects on prosodic expression in Russian. In *Phonetica. Vol. 73*, pp. 279–313.

Makarova, E. (2018). Comprehension of written utterances'communicative structure by Russian Learners of English. In *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. Vol. XXXIX*, pp. 153–159.

Makarova, E. (2019). Kommunikativnaya tsel' i ee otrazhenie v yazykovoi strukture [Communication Target and Its Reflexion in Language Structure]. In *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. No. 2* (17), pp. 171–177.

Metwally, A. (2020). The impact of linguistic and cultural competence on translation quality: Pedagogical insights into translation problems. In *Journal of Language Teaching and Research. Vol. 11*. Issue 3, pp. 509–520.

Park, K., Nam, D. (2015). Analysis of thematic structure in L2 writing: A systemic functional perspective. In *SNU Journal of Education Research. Vol. 24*, pp. 65–88.

Pavlenko, A. (2006). Russian as a lingua franca. In *Annual Review of Applied Linguistics. Vol. 26*, pp. 78–99.

Pavlova, A. V. (2009). Ponimanie smysla predlozhenii v svyazi s mestom frazovogo udareniya pri vospriyatii pis'mennoi rechi [Understanding the Meaning of Sentences in Relation to the Place of Phrasal Stress in the Perception of Written Speech]. In *Voprosy psikholingvistiki. No. 9*, pp. 71–91.

Pavlova, A. V. (2010). Frazovoe udarenie v aspekte perevoda [Phrasal Stress in the Aspect of Translation]. In *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*. Moscow, MGU, pp. 439–442.

Pavlova, A. V. *Poryadok slov i mesto remy v russkom povestvovatel'nom predlozhenii na pis'me [Word Order and the Place of the Rheme in a Russian Narrative Sentence in Writing]*. URL: http://www.thinkaloud.ru/feature/pavlova-rheme.pdf (mode of access: 10.09.2020).

Pérez de Cabrera, L. B. (2012). Comparative study of theme functions in Spanish and English academic essays. In *Científica. Vol. 1* (1), pp. 55–70.

Petrova, E. E. (2016). Osobennosti peredachi tema-rematicheskoi organizatsii reklamnogo teksta pri perevode [Theme and Rheme in Advertising Texts and Peculiar Features of Translation]. In *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. No. 8* (50), pp. 130–132.

Petrova, O., Rodionova, M. (2016). Rendering emotional coloring in literary translation. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 231*, pp. 195–202.

Plotkin, V. Ya. (2009). *Struktura angliiskogo yazyka [The Structure of the English Language]*. Moscow, Vysshaya shkola. 239 p.

Reda, M. (2019). Thematic structure vs. information structure in the analysis of translation shifts. In *Brno Studies in English. Vol. 45*. Issue 2, pp. 139–154.

Rovinskaya, M. (Ed.). (2013). *Russkii yazyk zarubezh'ya [Russian Language Abroad]*. Saint Petersburg, Zlatoust. 336 p.

Safina, Z. M., Avkhadieva, I. A. (2018). Problema aktual'nogo chleneniya predlozheniya v perevode [The Problem of Functional Sentence Perspective of the Sentence in Translation]. In *Doklady Bashkirskogo universiteta. Vol. 3.* No. 1, pp. 121–127.

Savchenko, Ye. Yu. (2016). Correlation of theme-rheme structure with dictum and modus in English and Ukrainian speech. In *Science and Education a New Dimension. Philology. Vol. IV.* Issue 27, pp. 15–18.

Skorikova, T. P. (2020). K vykhodu v svet monografii A. V. Pavlovoi, N. D. Svetozarovoi «Frazovoe udarenie v foneticheskom, funktsional'nom i semanticheskom aspektakh» (Moskva, 2017) [To the Publication of the Monograph 'Phrasal Stress in Phonetic, Functional and Semantic Aspects' by A. V. Pavlova and N. D. Svetozarova (Moscow, 2017)]. In *Russkaya rech'. No. 1*, pp. 118–127.

Smirnitsky, A. I. (2007). *Sintaksis angliyskogo yazyka [The Syntax of the English Language]*. 2nd ed. Moscow, LKI. 284 p.

Szwedek, A. (2011). *The Thematic Structure of the Sentence in English and Polish Sentence Stress and Word Order*. Frankfurt am Main, Peter Lang. 114 p.

Vander Klok, J., Goad, H., Wagner, M. (2018). Prosodic focus in English vs. French: A scope account. In *Glossa: A Journal of General Linguistics. Vol. 3.* Issue 1, p. 71.

Viller, M. A. (1960). Ob intonatsii prostogo nerasprostranennogo predlozheniya v russkom yazyke [On the Intonation of the Simple Unextended Sentence in Russian]. In *Voprosy fonetiki: uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki. No 40*, pp. 26–38.

Wang, F. (2014). The application of thematic theory in translation. In *Theory and Practice in Language Studies. Vol. 4.* Issue 4, pp. 778–785.

Данные об авторе

Макарова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62/45.

E-mail: makarovayn@mail.ru.

Author's information

Makarova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Business Foreign Languages Department, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia).

УДК 811.161.1'374:811.111'374. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-11. ББК Ш141.12-421+Ш143.21-421.
ГРНТИ 16.31.41; 16.21.65. Код ВАК 10.02.19

ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

Нестеренко Е. Ю.
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0486-0708

Аннотация. В русском и английском дискурсе обнаруживается совокупность национально специфичных обращений, которые образуют систему и могут быть представлены в русско-английском и англо-русском идеографическом словаре обращений. Ни в русской, ни в английской лексикографической традиции не существует идеографического словаря обращений, между тем как его создание видится актуальным по причинам культурно-речевого характера. Цель исследования – охарактеризовать макро- и микроструктуру идеографического русско-английского и англо-русского словаря обращений, выявить общие закономерности и специфические особенности функционирования русских и английских обращений, входящих в денотативно-идеографическую группу *образование*. Предмет данной статьи – семантика обращений, обозначающих человека по роли в учебном процессе. Русско-английский и англо-русский идеографический словарь обращений должен содержать информацию синтаксического характера и сведения о грамматической семантике обращений. Необходимо отметить способность обращения употребляться в вокативной функции изолированно, возможность использования обращения в единственном и множественном числе, его сочетание с *ты* / *вы* формами (в англо-русской части словаря), возможность его использования в собирательном значении. Кроме того, необходимо указать, может ли обращение использоваться с дополнительными вокативными средствами. В статье приводятся результаты семантического и контекстуального исследования обращений, входящих в денотативно-идеографическую группу *образование*. Рассмотрены такие вокативные средства, как: прилагательные *дорогой, уважаемый, dear*; местоимения *мой, ту*; использование суффиксов, в том числе уменьшительно-ласкательных; междометия *эй* и *hey* и др. В статье рассматриваются национально-культурные особенности обращений, обусловленные спецификой речевого этикета, интерпретацией коммуникативной категории вежливости в русской и английской лингвокультурах. Результаты исследования могут быть применены в практике составления русского и английского идеографических словарей.

Ключевые слова: русский язык; английский язык; лексикология русского языка; лексикология английского языка; лексическая семантика; русские обращения; английские обращения; лексикография; языковые словари; идеографические словари; вокативные средства; словарные статьи.

VOCATIVES IN RUSSIAN AND ENGLISH DISCOURSE

Elena. Y. Nesterenko
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0486-0708

Abstract. In the Russian and English discourse, there is a set of nationally specific vocatives that form a system and can be represented in a Russian-English and English-Russian ideographic dictionary of vocatives. Neither in the Russian nor in the English lexicographic tradition does there exist an ideographic dictionary of vocatives, while its creation seems relevant for cultural and linguistic reasons. The purpose of the study is to characterize the macro and microstructure of a Russian-English and English-Russian ideographic dictionary of vocatives, to identify common features and specific peculiarities of Russian and English vocatives included in the denotative-ideographic group of education. The scope of this article covers the semantics of vocatives denoting a person according to his / her role in the education process. The Russian-English and English-Russian ideographic dictionary of vocatives should contain information about the syntactic nature and grammatical semantics of the vocatives. The dictionary should include information about the fact if the vocatives can be

© Е. Нестеренко, 2021

used without any modifiers, whether they can be singular or plural and can be combined with *thou* / *you* forms (in the English-Russian part of the dictionary), if the vocative singular form can be used addressing a group of people (e.g. the vocative *bachelor* instead of *bachelors*). The dictionary should also include information whether the vocatives can be used with additional vocative means (a vocative means is something that can make a noun, which is usually not used as a vocative without attribute adjectives, a form of address). Additional vocative means can include adjectives *dear, beloved;* the pronoun *my;* the use of suffixes, including diminutives, the interjection *hey,* etc. The article presents the results of semantic and contextual research on vocatives included in the denotative-ideographic group of education. The article discusses the national-cultural features of vocatives in accordance with the specifics of speech etiquette and the interpretation of the communicative category of politeness in the Russian and English linguistic cultures. The results of the study can be applied while compiling Russian and English ideographic dictionaries.

Keywords: Russian language; English language; Russian lexicology; English lexicology; lexical semantics; Russian vocatives; English vocatives; lexicography; linguistic dictionaries; ideographic dictionaries; vocative means; dictionary entries.

Для цитирования: Нестеренко, Е. Ю. Обращения в русском и английском дискурсе / Е. Ю. Нестеренко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 144–152. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-11.

For citation: Nesterenko, E. Yu. (2021). Vocatives in Russian and English Discourse. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 144–152. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-11.

Возможность использования лексической единицы в функции обращения как в русском, так и в английском языках может стать ее словарной характеристикой, поскольку определяется лексическим значением слова и рассматривается в современных исследованиях как словарное свойство слов [Янко 2009]. Русские и английские толковые словари указывают на это свойство только в некоторых случаях.

Предлагаемые в русских толковых словарях иллюстрации крайне редко включают высказывания, в которых слово было бы употреблено в функции обращения, в английских – только в том случае, если это свойство фиксируется. Функция обращения обычно считается периферийной синтаксической характеристикой, хотя она может быть принята во внимание и проанализирована для представления многих наименований лиц в словаре [Плотникова 2015: 59]. Она может расширить наше понимание семантического и прагматического диапазона слова и обозначить взаимосвязь синтаксиса, семантики и прагматики [Hills 2014: 183]. Сопоставив слова *учитель*, *педагог* и *преподаватель*, можно увидеть, что *учитель* в отличие от слов *педагог* и *преподаватель* может использоваться в вокативной функции изолированно: «*Учитель*, я учусь у вас уже несколько лет» (В. О. Пелевин). Аналогично ведут себя лексемы *teacher* и *educator*, только первое из которых используется в функции обращения без вокативных средств: «Thank you, *teacher*» (G. B. Shaw).

В статье рассматриваются национально-культурные особенности обращений, обусловленные спецификой речевого этикета, интерпретацией коммуникативной категории вежливости в русской и английской лингвокультурах.

Цель исследования – охарактеризовать макро- и микроструктуру идеографического русско-английского и англо-русского словаря обращений, выявить общие закономерности и специфические особенности функционирования русских и английских обращений, входящих в денотативно-идеографическую группу *образование*. В лексикографической практике отсутствует такой словарь, несмотря на то, что его необходимость очевидна: во-первых, обращения подвержены социально-политическим изменениям [Кронгауз 2008: 117–120] и поэтому требуют лексикографической фиксации; во-вторых, в речевой практике возникают трудности выбора правильного обращения как носителями языка, так и изучающими его как иностранный [Плотникова, Скородумова 2014: 65], что также обусловливает практическую важность создания таких словарей; в-третьих, обращения лингвоспецифичны и культуроспецифичны, что обусловливает проблемы выбора обращений в рамках межкуль-

турной коммуникации [Шмелев 2012: 148]. Словари обращений особенно важны для описания английской лексики, поскольку в английском языке нет системы местоимений thou / you, существовавшей до XVI–XVII столетий. С тех пор обращения в английском языке имеют бóльшую грамматическую важность, чем в языках, сохранивших две и более ты / вы формы [Leslie 1990: 1].

Материалом данной статьи стали 72 существительных, обозначающих человека по роли в учебном процессе, выбранные из «Большого толкового словаря русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко и принадлежащие к идеографическому классу *образование*, исследованы семантические особенности 69 слов, использующихся в вокативной функции, и найдены их переводческие корреляты, если это было возможно. Три слова *выпуск*, *поток* и *почасовик*, представленные в данном словаре, не используются в функции обращения. Нами не были найдены переводческие корреляты к обращениям *вечерник, второгодник, курс, медалист, словесник, слушатель, четверочник*. Все эти формы обращений являются культурно-специфичными и представляют, соответственно, серьезные проблемы для перевода и лексикографического описания [Добровольский 2013: 259]. Д. О. Добровольский справедливо отмечает, что одной из главных проблем, связанных с функционированием обращений в разных языках, является их «различный вокативный потенциал» [Добровольский 2014: 1]. Таким образом, при создании русско-английского и англо-русского идеографического словаря обращений на основании рассмотренных нами обращений возможно включение в денотативно-идеографическую группу *образование* как минимум 62 словарных статей в каждую часть.

Для определения способности существительного употребляться в функции обращения был использован экспериментальный прием – подстановка существительного в конструкцию с вокативным значением. Проверить возможности употребления слова в вокативной функции также позволяют поисковая система Google и данные Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru]. Например, при рассмотрении слова *аспирант* мы обращались к поисковой системе и находили примеры использования слова в функции обращения: «Уважаемые *аспиранты*! Открыт конкурс на…» (сайт УрФУ)[1].

Русско-английский и англо-русский идеографический словарь обращений должен содержать информацию синтаксического характера и сведения о грамматической семантике обращений. Необходимо отметить способность обращения употребляться в вокативной функции изолированно, возможность использования обращения в единственном и множественном числе, его сочетание с *ты* / *вы* формами (в англо-русской части словаря), возможность его использования в собирательном значении. Кроме того, необходимо указать, может ли обращение использоваться с дополнительными вокативными средствами. Д. О. Добровольский отмечает, что «существуют обращения, которые явно тяготеют к определенной позиции» и поэтому в словаре необходимо отмечать, находится ли обращение преимущественно в препозиции, интерпозиции или в постпозиции [Добровольский 2012]. Мы не считаем необходимым включать эту информацию в словарь, поскольку данный признак трудно представить системно.

Словарь обращений, создаваемый нами, является первым опытом разработки русско-английского и англо-русского идеографического словаря. Его макроструктура совпадает со структурой «Большого толкового словаря существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко. Словарная статья открывается заголовочным словом и представлена в форме Именительного падежа в русско-английской части словаря и в форме субъектного падежа в англо-русской части, то есть в исходной (словарной) форме. Обращения представлены в форме единственного числа, далее у русского обращения дается указание на родовую характеристику, у английского обращения такое указание отсутствует.

В «Большом толковом словаре русских существительных» производные наименования лиц женского пола, такие как *абитуриентка*, *аспирантка*, *восьмиклассница* и др. не выделя-

[1] https://urfu.ru.

ются как самостоятельные лексические единицы. Согласно лексикографической традиции такие лексемы обычно помещаются в ту же словарную статью, что и соотносительные с ними существительные мужского рода. А. И. Ольховская полагает, что нет необходимости считать использование слов в функции обращения самостоятельным значением, достаточно зафиксировать обращение в словарной статье вместе с другим значением слова [Ольховская 2013: 200]. В русско-английской части словаря обращений каждое из таких слов должно рассматриваться отдельно.

У большинства английских коррелятов (37) есть синонимы, некоторые из которых являются абсолютными, например: *Sixth Grader / Sixth Grade student / Grade 6 student*. Обратившись к словарям синонимов русского языка, мы обнаружим, что большинство обращений (42), входящих в денотативно-идеографическую группу *образование*, не имеет синонимов. Наибольшее количество синонимов (5) имеют английские корреляты обращений *новичок*, *первокурсник* и *проректор*, тогда как два последних апеллятива в русском языке синонимов не имеют. Таким образом, словарная статья в русско-английской части словаря должна выглядеть следующим образом:

Проректор *n* 1. Provost. A term of address to name an official in any of various colleges and universities who holds high rank and is concerned with the curriculum, faculty appointments, etc. in the USA. *Dear Provost Huntsman, We are pleased to submit the attached "Report of the ad hoc Committee on Faculty Rewards and Responsibilities" in response to your charge letter of February 5, 1998…* (сайт Вашингтонского университета)[1].

2. Deputy Vice-Chancellor (DVC) / pro-vice-chancellor (PVC) / Pro Chancellor. A term of address to name the deputy to the Vice-Chancellor who is the administrative and educational head of a University in Commonwealth countries. *My Colleague Vice Chancellors of Sister Universities, Pro Vice Chancellor and Pro Vice Chancellors of Sister Universities <…> It is gratifying…* (сайт Горно-технологического университета Тарквы в Гане)[2].

3. Prorector. A term of address to name deputy to rector in many countries in Europe (e. g. in Russia and in the independent countries of the former Soviet Union). *Highly distinguished prorector, dean, Highly distinguished colleagues professors, Dear colleagues, Dear family and friends, Ladies and gentlemen, When Roentgen discovered the X Rays 115 years ago…* (R. G. H. Beets-Tan).

Из дефиниций, приведенных выше, вытекает, что обращение *Provost* обычно используется в США, апеллятивы *Deputy Vice-Chancellor (DVC), pro-vice-chancellor (PVC)* и *Pro Chancellor* – в Великобритании и странах Содружества, а *Prorector* – в странах Европы. Иногда большое количество синонимов связано с наличием двух вариантов английского языка: британского и американского. Интересно отметить, что обращения *первоклассник / второклассник… одиннадцатиклассник* и *первокурсник / второкурсник… пятикурсник* не имеют синонимов, тогда как их корреляты имеют от одного до четырех синонимов (обычно абсолютных).

Поскольку обращения могут использоваться как в официальных ситуациях, так и в разговорной речи, могут выходить из употребления, мы используем следующую систему функционально-стилистических помет: *офиц., разг., formal, informal, old-fashioned*.

Если русское обращение употребляется в разных коммуникативных ситуациях, в англо-русской части словаря разъясняются его значения:

Gymnasium Student *n* 1. Гимназист, *м.* Обращение к обучающемуся в гимназии в дореволюционной России // ж. гимназистка. *Гимназист, эй, стой! Почему не в классе?* (Б. С. Житков. В. Вавич).

2. Гимназист, *м.* Обращение к обучающемуся в гимназии – среднем учебном заведении с углубленным изучением ряда предметов (в России с 1989 г.) // ж. гимназистка. *«Доброе утро, господа гимназисты»: как выглядит российская школа будущего* (ЖЖ Scandinavia 2015-12-10).

Существует круг лексических единиц, которые имеют огромный вокативный потенциал и способны создать «вокативизирующий» контекст для лексем, которые не предназначены для употребления в роли вокатива [Янко 2010: 465]. Т. Е. Янко относит к таким

[1] http://www.washington.edu.
[2] https://umat.edu.gh.

вокативным средствам прилагательные *дорогой, многоуважаемый, уважаемый*; местоимение *мой*; использование суффиксов, в том числе уменьшительно-ласкательных; междометие *эй* и др. Перед русскими обращениями, включенными в денотативно-идеографическую группу *образование*, встречаются 24 различных эпитета, а перед английскими – пять (*dear, beloved, highly distinguished, sweet, respected*). Эпитет *dear* соответствует русским адъективам *уважаемый* и *дорогой*. Обращениям в обоих языках могут предшествовать нейтральные адъективы, например, *будущие* и его коррелят *prospective*. Большинство английских лексем, входящих в рассматриваемую денотативную группу, употребляются в вокативной функции с прилагательным *dear* и не встречаются изолированно. Бóльшая часть лексических единиц данной группы в русском языке используется изолированно, хотя некоторые встречаются в ограниченном количестве контекстов. Местоимения *мой / моя, наш / наши* обладают вокативным потенциалом:

(1) Но это будет уже в следующем учебном году, *мои третьеклассники*! (сайт «Инфоурок»)[1].

(2) *Наши пятиклассники*! Еще вчера в начальной школе с учительницей первою своей… (сайт «Инфоурок»)[2].

Посессивы *my* и *our* являются вокативными средствами только в том случае, если используются с адъективами: «*My dear Professor*, surely a sensible person like yourself can call him by his name?» (J. Rowling). Местоимения *мой / моя, наш / наши*, используемые в сочетании с прилагательными, также являются средством образования обращений и часто встречаются в речевом жанре *поздравление* (см. пример 3).

(4) С Днём учителя вас, *наши любимые педагоги*! (журнал «Большая переменка»)[3].

(5) *Дорогие мои второклассники*! Уважаемые родители! Вот и пролетел первый учебный год… (сайт МАОУ гимназии № 120)[4].

(6) Эбер, словно не замечая фривольности моего вопроса, очень серьезно возразил: «О, *мой дорогой профессор*, если бы это было так! (А. Пятигорский).

Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов помогает создавать «вокативизирующие» контексты с рассматриваемыми обращениями в русском языке, но такие суффиксы не образуют лексемы, относящиеся к рассматриваемой денотативно-идеографической группе в английском языке:

(7) Поздравляем вас, *пятиклашки*, с днем знаний… (сайт «Поздравок»)[5].

(8) Ах ты, *кадетик мой милый*! (А. И. Куприн).

Лексемы из рассматриваемой денотативной группы образуют обращения с суффиксами *-шк-, -ик-, -ищ-* и др. В примере 7 кроме уменьшительно-ласкательного суффикса к вокативным средствам относятся местоимение *мой*, эпитет *милый* и междометие *ах* в сочетании с местоимением *ты*.

Междометия *эй* и *hey* также относятся к вокативным средствам: «Эй, *юнга*, посади нас к себе, и мы поговорим, здесь очень сыро» (А. С. Грин), «„Hey *freshman*, are you lost?“ She would get very angry…» (M. Wilson). Эти междометия помогают обращению выполнять апеллятивную функцию. Междометия *ах* и *эх* в сочетании с местоимениями *ты / вы* в отличие от междометия *oh* тоже помогают создавать «вокативизирующие» контексты:

(9) Ах ты, *мой кадет*! (А. И. Куприн).

(10) Ах вы, *милые мои четвероклассники*, с вами вскоре я прощусь – после праздника… (песня «Трубадурочка»)[6].

(11) Испугался-то как… Эх ты, *пятерочник мой бесценный*! (А. Н. Арбузов).

Междометие *ах*, использованное с местоимениями *ты / вы*, помогает адресанту передать эмоцию радости или умиления, тогда как междометие *эх* с этими же местоимениями передает упрек, что подчеркивается предикатом *испугался-то*. Местоимения *ты / вы*, использованные без междометий, в отличие от *you* тоже являются средством образования «вокативизирующих» контекстов: «*Лицеист ты наш прилежный*, хвалим мы тебя в сей день…»[7].

---

[1] https://infourok.ru/prazdnik-proschay-klass-1267571.html.
[2] https://infourok.ru/scenariy-prazdnika-posvyaschenie-v-pervoklassniki-i-pyatiklassniki-2175034.html.
[3] https://www.peremenka31.ru/dlya-detej/moyo-tvorchestvo/1756.html.
[4] http://xn--120-5cdozfc7ak5r.xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/news/item/458.
[5] http://pozdravok.ru/pozdravleniya/prazdniki/den-znaniy/uchenikam/5.
[6] https://shambala-ezoteric.ru/search/pesnya-trubadurochka.
[7] https://kto-chto-gde.ru/pozdravleniya/prazdniki/den-litseista/pozdrav9081-den-litseista.

И в русском, и в английском языках к вокативным средствам относятся также определения-характеризации, которые включают в себя числительные (см. пример 11), имя + фамилию или фамилию (см. пример 12), название или номер учебного заведения (см. пример 13) или развернутое описание, характеризующее слушающего или читающего по его актуальной роли в ситуации (см. пример 14):

(12) *Мой первый учитель*, мой ангел-хранитель, за школьные годы спасибо тебе! (сайт «Tekstovoi.Ru»)[1].

(13) *Аспирант Марьян Телецкий*! – Меня распределили к вам … (т. ф. «У бога в палисаднике»).

(14) Minister, *Rector of the University of Turin*, Director of the ILO Training Centre… (P. Ramaroson).

(15) Внимание, *студенты, имеющие задолженности у Н. В. Пращерук*! (Объявление в УрФУ).

К вокативным средствам, часто используемым с русскими обращениями, относящимися к рассматриваемой денотативно-идеографической группе, и достаточно редко с английскими обращениями, входящими в эту группу, относятся титулы *товарищ / товарищи*, *господин / господа* и *Mr.*, *Dr.*:

(16) Так вот, *товарищ ассистент*, дожил до седин, а – никто, не рыпайся! (В. М. Ломов).

(17) *Дорогие господа двоечники*! Что мешает вам учиться прилично? (опрос)[2].

(18) *Dear Classfellow Dr. Jeeth*. We graduated from Mysore Medical College, 1962–68 Batch (интернет-портал daijiworld.com)[3].

Титулы перед русскими обращениями, входящими в рассматриваемую денотативную группу, используются достаточно часто, несмотря на то, что титулы *господин* и *госпожа* были широко распространены в России до 1917 г., затем *товарищ* и *гражданин* получили широкое распространение. С 1985 г. обращения *товарищ* и *гражданин* стали выходить из употребления. Вместо них в официальную и публичную речь возвращаются статусные обращения *господин* и *госпожа* (в сочетании с названием профессии или фамилией). Апеллятив, образованный по формуле *господин* + наименование адресата по должности или роду занятий, – это широко употребительное официальное или вежливое обращение к мужчине [Балакай 2001: 110]. Тем не менее, в разговорной речи эти обращения не нашли распространения. Широкое использование слов, обозначающих человека по социальному статусу, с обращениями можно объяснить желанием адресантов придать высказываниям иронический оттенок (см. примеры 15, 16). Самый распространенный титул, используемый с обращениями рассматриваемой группы, – *товарищ*. Очень редко используются титулы *гражданин* и *госпожа*. Достаточно часто употребляются титулы *господа* и *господин*. Интересным является вокативное слово *товарищи-господа*, использованное с саркастическим оттенком: «Так что нет, *товарищи-господа шестиклассники*, никакой геополитики, никаких окон возможностей и логики обстоятельств – сплошные хотелки и капризы…» (С. Васильев). Контрастность слова *товарищи-господа* и лексемы *хотелки*, относящейся к разговорно-сниженному регистру, передает иронию адресанта и помогает достичь желаемого стилистического эффекта. Использование этого слова согласуется с мнением М. А. Кронгауза о том, что «в нашу речь вернулся не дореволюционный господин, а переодетый в него товарищ» [Кронгауз 2008: 78]. Вызывает интерес также использование слова *товарищ* с этикетной модификацией *уважаемый*, относящееся к обращению *двоечник*: «*Уважаемый товарищ идейный двоечник*, зачитайте обвинение» (социальная сеть работников образования nsportal.ru)[4]. Употребление слова не оставляет сомнений в том, что отношение адресанта к адресату является ироническим. Титулы *Doctor* / *Dr.* и *Mr.* встречаются перед обращениями рассматриваемой группы в редких случаях.

Обращения, входящие в денотативную группу *образование*, могут входить в состав вокативных предложений. Этот термин был введен в языкознание А. А. Шахматовым, который понимал под ним предложения, един-

[1] http://tekstovoi.ru/text/961187287_m94057423p540555076_text_pesni_moj_pervyj_uchitel.html.
[2] https://otvet.mail.ru/question/29081880.
[3] http://www.daijiworld.com/chan/obituaryDisplay.aspx?obituaryID=5353.
[4] https://nsportal.ru/shkola/algebra/library/2014/02/02/vneklassnoe-meropriyatie-matematicheskoe-kafe.

ственным членом которых является обращение [Шахматов 1941: 86]. В настоящее время некоторые ученые стали включать в состав вокативных предложений приветствия, прощания, пожелания и представления [Кошевая 2011: 239]. Рассматриваемые обращения как в русском, так и в английском языках могут являться частью вокативных предложений:

(19) Здравствуй, здравствуй, *гувернантка*! Веселись и торжествуй… (В. Я. Шишков).

(20) Hello, *dear first-year students*! Studying can be overwhelming… (Google).

Существительные женского рода, обозначающие человека по роли в учебном процессе (например, *лекторша*, *профессорша*, *репетиторша*, *экзаменаторша*), обычно не представлены как самостоятельные статьи в толковых словарях. Согласно лексикографическим нормам феминитивы находятся в той же словарной статье, что и соответствующие им существительные мужского рода. Тем не менее словарь обращений требует иного лексикографического подхода. В англо-русской части словаря словарная статья будет одна, в русско-английской части – две:

Professor (Prof.) *n* 1. профессор, *м*. Обращение к работающему в должности преподавателя высшей квалификации вуза или научному сотруднику исследовательского института, руководящему научно-исследовательской работой и имеющему высшее ученое звание. *Что вы скажете за кур, дорогой профессор?* (М. Булгаков).

2. Профессорша, *ж. Разг.* Обращение к человеку женского пола, работающему в должности преподавателя высшей квалификации вуза или научному сотруднику исследовательского института, руководящему научно-исследовательской работой и имеющему высшее ученое звание. *Госпожа профессорша, там Ванина спальня* (Н. А. Тэффи).

В русско-английской части словаря обращения *профессор* и *профессорша* будут находиться в разных словарных статьях. Существительные женского рода, обозначающие человека по роли в учебном процессе, иногда имеют сниженную стилистическую окраску, что обусловливает их редкое использование. Чаще всего существительные мужского рода, обозначающие человека по роли в учебном процессе, используются для обращения к лицам женского пола: «*Уважаемая профессор Марина Леонтьевна*! Пишет мама абитуриентки 2009 Юрченко Вероники» (сайт филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова)[1].

Вследствие социальных причин тот или иной род деятельности считается женским. В русском языке обращение *гувернер* чаще используется в форме женского рода, в английском языке обращение *Governess* женского рода. В рассматриваемой денотативно-идеографической группе менее половины русских обращений (26) употребляются в форме женского рода. Общеизвестно, что в английском языке род – это не грамматическая, а лексическая категория. Вероятно, по этой причине всего 6 английских обращений данной группы употребляются в форме женского рода. Апеллятивы *Alumna* и *Governess* – корреляты обращений *выпускница* и *гувернантка*, обращения *Ninth Grade Student*, *Tenth Grade Student*, *New boy* и *Senior Student* образуют форму женского рода заменой слова *Student* или *boy* на слово *girl (-s)*.

Важным синтаксическим признаком обращения является способность лексической единицы использоваться изолированно. К примеру, существительные *класс* и *Class* в форме множественного числа вряд ли могут употребляться в вокативной функции абсолютивно (изолированно), однако формы единственного числа фиксируются в функции обращения без дополнительных вокативных слов.

Формы единственного числа некоторых существительных могут реализовывать собирательное значение, становясь синонимами этих существительных в форме множественного числа и являясь прагматически нагруженными. Большинство русских (52 из 62) и английских (41 из 62) обращений данной денотативно-идеографической группы употребляются в собирательном значении.

Создаваемый русско-английский и англо-русский идеографический словарь обращений должен включать в себя прагматически и коммуникативно важную информацию о синтак-

[1] https://www.philol.msu.ru/faculty/ask-dean/answers.

сических функциях лексической единицы, требующих лексикографической фиксации.

Таким образом, при составлении словаря был выявлен ряд общих закономерностей и специфических особенностей функционирования русских и английских обращений, входящих в денотативно-идеографическую группу *образование*. В обоих языках к вокативным средствам относятся определения-характеризации, включающие в себя, помимо собственно слова-обращения, полупредикативные обороты, выполняющие функцию конкретизации, например: «*Уважаемые студенты, желающие заверить заявление на загранпаспорт!!!!*» (Объявление в УрФУ). Большинство обращений данной денотативно-идеографической группы употребляются в собирательном значении.

Тем не менее, рассматриваемые обращения в русском и английском языках имеют достаточно много различий. Большинство лексических единиц данной группы в русском языке используется изолированно, тогда как бóльшая часть английских лексем, входящих в рассматриваемую денотативную группу, изолированно не употребляются. Местоимения *мой / моя*, *наш / наши* в отличие от *my* и *our* обладают вокативным потенциалом без сочетания с адъективами. Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов создает «вокативизирующие» контексты с рассматриваемыми русскими обращениями, но такие суффиксы не образуют лексемы, относящиеся к денотативной группе *образование*, в английском языке. Междометия *эй* и *hey* обладают вокативным потенциалом, междометия *ах*, *эх* в отличие от *oh* также являются вокативными средствами. Местоимения *ты / вы* в отличие от *you* тоже являются средством образования «вокативизирующих» контекстов. К вокативным средствам, часто используемым с русскими обращениями, относящимися к денотативной группе *образование*, и достаточно редко с английскими обращениями, входящими в эту группу, относятся титулы *товарищ / товарищи*, *господин / господа* и *Mr.*, *Dr.*

Создание русско-английского и англо-русского идеографического словаря обращений является очень сложной задачей, поскольку «в силу практических моментов подавляющее большинство двуязычных словарей имеет одновременно двух адресатов» [Берков 2004: 9], имеющих разную картину мира и представления о нормах речевого этикета. Это требует от составителя словаря научного подхода к трактовке слов, использованию экстралингвистических данных. Приведение разнообразных сведений в словарной статье облегчит осмысление различных реалий, даст возможность изучающим язык узнать о культурных и исторических традициях народа изучаемого языка.

Литература

Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.

Берков, В. П. Двуязычная лексикография : учебник / В. П. Берков. – М. : Астрель ; АСТ ; Транзиткнига, 2004. – 236 с.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с. – (Фундаментальные словари).

Добровольский, Д. О. Беседы о немецком слове / Д. О. Добровольский. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 752 с.

Добровольский, Д. О. Русские разговорные обращения: к динамике узуса / Д. О. Добровольский. – URL: http://lexrus.ru/inout/12-04-12041/4.pdf (дата обращения: 22.07.2019). – Текст : электронный.

Добровольский, Д. О. Русские обращения в параллельных корпусах (к вопросу культурной специфики некоторых лексических классов) / Д. О. Добровольский // Die Welt der Slaven, Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. – 2014. – LIX, Heft 1. – С. 1-21.

Кошевая, И. Г. Стилистика современного английского языка / И. Г. Кошевая. – М. : Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с.

Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 320 с.

Ольховская, А. И. Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении : дис. … канд. филол. наук / Ольховская А. И. – М. : [б. и.], 2013. – 384 с.

Плотникова, А. М. Опыт создания идеографического словаря русских статусных обращений / А. М. Плотникова, И. К. Скородумова // Филологический класс. – 2014. – № 1 (35). – С. 65–68.

Плотникова, А. М. Вокативность как словарная и прагматическая характеристика слова / А. М. Плотникова // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2015. – № 2 (24). – С. 58–65.

Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Л. : Гос. учеб.-педагог. изд-во наркомпроса РСФСР, 1941. – 620 с.

Шмелев, А. Д. Парадоксы адресации / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2012. – С. 135–148.

Янко, Т. Е. Обращения в структуре дискурса / Т. Е. Янко // Логический анализ языка: Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Д. Арутюнова. –М. : Индрик, 2010. – С. 456–468.

Янко, Т. Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции / Т. Е. Янко. – URL: http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/89.htm (дата обращения: 13.07.2019). – Текст : электронный.

Hills, V. Vocatives: How Syntax Meets with Pragmatic / V. Hills. – Leiden : Brill, 2014. – 258 p.

Leslie, D. Dictionary of Epithets and Terms of Address / D. Leslie. – Taylor and Francis Routledge, 1990. – 276 p.

References

Babenko, L. G. (Ed.). (2005). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [Large Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-PRESS KNIGA. 864 p.

Balakai, A. G. (2001). *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian Speech Etiquette]. 2nd ed. Moscow, AST-PRESS. 672 p.

Berkov, V. P. (2004). *Dvuyazychnaya leksikografiya* [Bilingual Lexicography]. Moscow, Astrel', AST, Tranzitkniga. 236 p.

Dobrovol'sky, D. O. (2013). *Besedy o nemetskom slove* [Talka about the German Word]. Moscow, Jazyki slavyanskoi kul'tury. 752 p.

Dobrovol'sky, D. O. (2014). Russkie obrashcheniya v parallel'nykh korpusakh (k voprosu kul'turnoi spetsifiki nekotorykh leksicheskikh klassov) [Russian Vocatives in Parallel Corpuses (on the Issue of Cultural Specificity of Some Lexical Classes)]. In *Die Welt der Slaven, Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*. LIX, Heft 1, pp. 1-21.

Dobrovol'sky, D. O. *Russkie razgovornye obrashheniya: k dinamike uzusa* [Russian Colloquial Vocatives: to the Dynamics of Usage]. URL: http://lexrus.ru/inout/12-04-12041/4.pdf (mode of access: 22.07.2019).

Hills, V. (2014). *Vocatives: How Syntax Meets with Pragmatic*. Leiden, Brill. 258 p.

Koshevaya, I. G. (2011). *Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka* [Stylistics of Modern English]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 352 p.

Krongauz, M. A. (2008). *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian on the Verge of a Nervous Breakdown]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 320 p.

Leslie, D. (1990). *Dictionary of Epithets and Terms of Address*. Taylor and Francis Routledge. 276 p.

Ol'khovskaya, A. I. (2013). *Leksicheskaya mnogoznachnost' v obshchelingvisticheskom i leksikograficheskom rassmotrenii* [Lexical Polysemy in General Linguistic and Lexicographical Consideration]. Dis. … kand. filol. nauk. Moscow. 384 p.

Plotnikova, A. M. (2015). Vokativnost' kak slovarnaya i pragmaticheskaya kharakteristika slova [Vocativity as Dictionary and Pragmatic Characteristic of a Word]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (24), pp. 58–65.

Plotnikova, A. M., Skorodumova, I. K. (2014). Opyt sozdaniya ideograficheskogo slovarya russkikh statusnykh obrashchenii [Experience of Compiling an Ideographic Dictionary of Russian Status Vocatives]. In *Filologicheskii klass*. No. 1 (35), pp. 65–68.

Shakhmatov, A. A. (1941). *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian Syntax]. Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo narkomprosa RSFSR. 620 p.

Shmelev, A. D. (2012). Paradoksy adresatsii [Addressing Paradoxes]. In *Logicheskii analiz yazyka*. Arutyunova, N. D. (Ed.). *Adresatsiya diskursa* . Moscow, Indrik, pp. 135–148.

Yanko, T. E. (2010). Obrashcheniya v strukture diskursa [Vocativits in Discourse Structure]. In Arutyunova, D. (Ed.). *Logicheskii analiz yazyka: Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh* . Moscow, Indrik, pp. 456–468.

Yanko, T. E. *Russkie obrashcheniya: slovarnaya informatsija i vokativnye konstruktsii* [Russian Vocatives: Lexicon and Constructions]. URL: http://www.dialog- 21.ru/dialog2009/materials/html/89.htm (mode of access: 13.07.2019).

Данные об авторе

Нестеренко Елена Юрьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и образовательных технологий Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620002, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

E-mail: elena.nester.00@mail.ru.

Author's information

Nesterenko Elena Yur'evna – Senior Lecturer of Department of Foreign Languages and Educational Technologies of Ural Humanities Institute, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

УДК 811.161.1›36. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-12. ББК Ш141.12-2.
ГРНТИ 16.21.41. Код ВАК 10.02.19

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГИБРИДА «ВИНОВАТ»

Шигуров В. В.
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0765-0482

Аннотация. Цель работы – исследование семантико-грамматических сдвигов в структуре кратких прилагательных, подвергающихся одновременной транспозиции в вводно-модальные слова и междометия. Определяются степени сближения адъективной словоформы «виноват» с вводно-модальными единицами и междометиями в синкретичных контекстах модаляции и интеръективации. С использованием методики оппозиционного анализа и индексации производится исчисление степеней соответствия гибрида «виноват» исходному ядерному краткому прилагательному и ядерным вводно-модальным единицам и междометиям, что позволяет в значительной мере уменьшить элемент субъективизма в оценке грамматически противоречивых фактов переходности и синкретизма. Исследуется комбинаторика и удельный вес дифференциальных признаков кратких прилагательных, вводно-модальных слов и междометий в структуре гибрида «виноват», эксплицирующего в вводно-модальной функции позицию субъекта модуса. В результате исследования установлено, что в условиях совмещенной модаляции и интеръективации он обнаруживает 53% соответствия исходному ядерному краткому прилагательному [Он сам виноват в случившемся], 67% соответствия ядерным отадъективным вводно-модальным словам типа «конечно» [Этого, конечно, никто не ожидал] и 50% соответствия ядерным этикетно-эмотивным и эмотивным междометиям на базе существительных и наречий типа «пока», «салют», «привет» [Мы пошли домой, пока! Привет, кто же так делает?!]. Выявлено также, что данный гибрид не нарушает смыслового тождества исходной адъективной лексемы, но характеризуется фиксированным употреблением грамматических форм мужского / женского рода, единственного числа и положительной степени, что придает ему признак неизменяемости. Вводной конструкции с гибридом «виноват» и остальной части высказывания свойственны нередко разные иллокутивные функции: позицию субъекта модуса эксплицирует повествовательное вводное предложение, а диктумную часть высказывания – вопросительное предложение. Результаты исследования могут быть полезны в разработке и применении количественных методов анализа фактов переходности и синкретизма в грамматическом строе русского языка, а также в преподавании грамматики в средней и высшей школе.

Ключевые слова: русский язык; грамматика русского языка; краткие прилагательные; имена прилагательные; вводно-модальные слова; междометия; гибрид.

QUANTITATIVE DIMENSION OF THE HYBRID “VINOVAT”

Victor V. Shigurov
National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0765-0482

Abstract. The aim of the work is to study semantic and grammatical shifts in the structure of short adjectives that undergo simultaneous transposition into introductory-modal words and interjections in modern Russian. The article reveals the degree of convergence of the adjective word form “*vinovat*” (is to blame) with introductory-modal units and interjections in the syncretic contexts of modalation and intejectivation. The method of oppositional analysis and indexing is used to calculate the degree of correspondence between the hybrid “*vinovat*” of the initial core short adjective and the core introductory-modal units and interjections, which significantly reduces the element of subjectivity in assessing grammatically contradictory facts of transitivity and syncretism. The author studies the combinability and the proportion of differential features of short adjectives, introductory-modal words and interjections in the structure of the hybrid “*vinovat*”, explicating the position of the modus

© В. Шигуров, 2021

subject in the introductory-modal function. As a result of the study, it has been found that in the casesof combined modalation and intejectivation, the hybrid reveals a 53% correspondence with the original core short adjective [*On sam vinovat v sluchivshemsya*] (He himself is to blame for what has happened), a 67% correspondence with the core ajective-based introductory-modal words like "*konechno*" [*Etogo, konechno, nikto* ne ozhidal] (No one expected this, of course) and a 50% correspondence with the core etiquette-emotive and emotive interjections based on nouns and adverbs like "*poka*", "*salyut*", "*privet*" (bye, salute, hello) [*My poshli domoy, poka! Privet, kto zhe tak delaet?!*] (We are going home, bye! Hello, who does it this way?!). The study has also revealed that this hybrid does not violate the semantic identity of the original adjective lexeme, but is characterized by the fixed use of masculine / feminine grammatical forms, singular number and positive degree, which gives it a feature of unchangeability. The introductory construction with the hybrid "*vinovat*" and the rest of the utterance is often characterized by different illocutionary functions: the position of the modus subject is explicated by the declarative introductory sentence, and the dictum part of the utterance – by an interrogative sentence. The research results can be useful in the development and application of quantitative methods to analyze instances of transitivity and syncretism in the grammatical structure of the Russian language, as well as in teaching grammar in secondary and higher education institutions.

Keywords: Russian language; Russian grammar; short adjectives; adjectives; introductory modal word; interjections, hybrid.

Для цитирования: Шигуров, В. В. Количественное измерение гибрида «виноват» / В. В. Шигуров. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 153–160. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-12.

For citation: Shigurov, V. V. (2021). Quantitative Dimension of the Hybrid "*Vinovat*". In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 153–160. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-12.

1. Вводные замечания. Актуальность исследования определяется тем, что значимость субъективно-модального фактора в языке очень велика. Благодаря развитию языка, изменениям в его грамматическом строе, в системе частей речи и межчастеречных разрядов вводно-модальных единиц и предикативов расширяются возможности для комплексного выражения позиции говорящего в речи, оценивающего содержание и форму сообщаемого. Цель работы – исследование природы и закономерностей функционирования механизма функциональной и функционально-семантической транспозиции языковых единиц из класса прилагательных в разряд вводно-модальных компонентов высказывания, особенно в условиях пересечения нескольких транспозиционных процессов – модаляции, интеръективации, партикуляции, конъюнкционализации. Новизна подхода к анализу фактов синкретизма, порождаемых ступенчатым процессом модаляции, состоит в применении методов оппозиционного анализа и индексации, которые обеспечивают большую степень достоверности в оценке полученных результатов, особенно в области пересечения нескольких типов транспозиции, что мы и имеем со случаем типа *виноват* [Чеснокова 1991: 44–54; Шигуров 2020: 42–55]. Методологической базой исследования являются работы российских и зарубежных ученых, в разных аспектах обсуждавших проблему категориальной транспозиции (или – в иной терминологии – конверсии, деривации, трансляции, трансформации) [Балли 1955; Всеволодова 2011: 103–135; Теньер 1988; Ким 1978; Мигирин 1971; Мельчук 1995; Урысон 1996: 25–38; Marchand 1967: 13–26; Eihinger 1982; Stekauer 1996].

2. Материал и результаты исследования. В данной работе на примере словоформы *виноват* изложен опыт исчисления индексов модаляции и интеръективации адъективных словоформ, представляющих в вводно-модальном употреблении разную степень отхода от прототипических кратких прилагательных и приближения к прототипическим вводно-модальным единицам и междометиям (см. также: [Кустова 2018: 380–390; Shigurov, Shigurova 2017: 177–191; 2020: 578–589]).

Хорошо известно, что языковые единицы способны подвергаться разным типам транспозиционных преобразований в области частей речи. Краткое прилагательное *виноват* – яркое тому подтверждение. В определенных условиях речи оно оказывается в зоне интересов нескольких взаимодействующих частей

речи (прилагательное, междометие) и межчастеречного семантико-синтаксического разряда вводно-модальных единиц. Сказанное дает основание утверждать о вовлеченности данного прилагательного в два транспозиционных процесса – модаляцию и интерьективацию.

Для образования *виноват* в синкретичном контексте модаляции и интерьективации характерны фиксированные формы ед. числа, женского / мужского рода; ср.:

(1) *Вы,* ***виноват****, не на запись?*

(2) *Вы,* ***виновата****, не на запись?*

Вряд ли в контекстах подобного рода можно встретить употребление формы среднего рода или множественного числа; ср.:

(3) **Вы,* ***виновато****, не на запись?*

(4)*?Вы,* ***виноваты****, не на запись?*

Обращает на себя внимание и контекст чистой интерьективации *виноват*, его употребление в этикетной функции, без явно выраженного желания привлечь внимание собеседника:

(5) *Я нечаянно задел. Виноват! Извините!*

В «Словаре грамматических омонимов русского языка» О. М. Ким и И. Е. Островкиной [2004: 103] приводятся два функциональных омонима – *виноват* как краткая форма прилагательного *виноватый* (6) и *виноват* как междометие (7). Ср. контексты их употребления:

(6) *Она придет, даю тебе поруку. И без меня, в ее уставясь взгляд, Ты за меня лизни ей нежно руку За все, в чем был и не был* ***виноват*** (С. Есенин);

(7) «***Виноват****», – с особенно предупредительною и извиняющейся улыбкой говорил он, если задевал кого локтем* (Вересаев).

В «Словаре русского языка» [1981: 176] у прилагательного *виноватый* выделены два значения «1. обычно кратк. ф. Совершивший какой-л. проступок, провинившийся в чем-л.; *виновный. Я... чувствовал себя* ***виноватым*** *перед Савельичем. Пушкин, Капитанская дочка. – Кто станет разбирать –* ***виноват*** *или нет!* Степанов, Порт-Артур. || Являющийся причиной чего-л. *Во всем* ***виноват*** *мой рассказ о дороге.* Горбатов, Мы и радист Вовнич. 2. Выражающий сознание своей вины, проступка. *Лицо его приняло* ***виноватое****, пристыженное и заискивающее выражение.* Чехов, Дуэль». Кроме того, в этом же словаре у краткого прилагательного мужского и женского рода *виноват (виновата)* отмечены два типа употребления: «1) форма извинения: простите, извините. *Студент нерешительно полез за ним [ямщиком] и, толкнув его нечаянно локтем, сказал робко и вежливо: – Виноват!* Чехов, Почта; 2) то же в значении вводного слова».

Очевидно, что первый тип употребления *виноват / виновата* связан с их транспозицией в этикетные междометия, а второй – с транспозицией в вводно-модальные слова и выражения. Аналогичную лексикографическую разработку прилагательного *виноватый* находим в «Большом толковом словаре русского языке» [2000: 131], правда, в нем не упоминается, в отличие от МАСа, вводно-модальная функция краткого прилагательного *виноват*.

Сравнительный анализ типовых контекстов употребления словоформы *виноват* позволяет говорить о трех типах ее употребления:

Во-первых, это адъективно-предикативный тип употребления:

(8) *Ты сам* ***виноват*** *в случившемся;*

Во-вторых, это междометно-этикетный тип употребления:

(9) *Извините, нечаянно задел.* ***Виноват****!*

В-третьих, это гибридный, вводно-модальный (контактоустанавливающий) и междометно-этикетный тип употребления:

(10) *Вы,* ***виноват****, тоже в этот кабинет?*

Исключительно вводно-модальное употребление словоформы *виноват* (*виновата*) нами не обнаружено.

В целом, таким образом, в случаях типа *Вы, виноват, не на запись?* краткое прилагательное *виноват* оказывается на пересечении двух транспозиционных процессов – модаляции и интерьективации, т. е. в зоне влияния не только кратких прилагательных, но и этикетных междометий (типа *извините, простите*) и вводно-модальных слов и выражений, используемых с целью установления контакта с собеседником, привлечения его внимания.

2.1. Индексирование степеней модаляции гибрида *виноват*. Степень отхода словоформ типа *виноват, виновата* от кратких прилагательных и приближения, с одной стороны, к ядерным этикетным междометиям (типа *пока, салют*) и ядерным вводно-модальным

единицам (типа *конечно*) можно установить путем исчисления индексов их модаляции и интеръективации.

Дифференциальные признаки, объединяющие гибрид *виноват* (*Вы, **виноват**, не на запись?*) **с исходным ядерным** кратким прилагательным *виноват* (*Он сам **виноват** в случившемся*), таковы: 1) **наличие базовой краткой формы** репрезентации адъективной лексемы; 1 балл; 2) лексическая семантика прилагательного; 1 балл; 3) категориальная семантика признака предмета; ср.: *Вы, **виноват**, не из Самары?* (≈ *'я виноват, что беспокою Вас'* – признак субъекта модуса) и ***Он** сам **виноват** в этом*; 1 балл; 4) принадлежность к разряду качественных прилагательных; 1 балл; 5) наличие категории рода (с фиксированной формой мужского или женского рода гибрида; ср. системно противопоставленные формы трех родов в исходном кратком прилагательном: *Мальчик виноват, Девочка виновата, Дитя не виновато* – мужск., женск., средн. род.; при фиксированном употреблении форм мужского или женского рода гибрида, указывающих на половую принадлежность субъекта модуса в синкретичном контексте модаляции и интеръективации: *Вы, **виновата**, не знаете, как пройти до рынка? Это, **виноват**, совсем другое* – только женский или мужской род; ср. невозможное: **Вы, **виновато**, не из Саратова?*; 1 балл; 6) наличие категории числа (с фиксацией в гибриде форм ед. числа: *виноват / виновата*; ср. исходное ядерное краткое прилагательное *виноват*, изменяющееся по категории числа (*виноват, виновата, виновато / виноваты*): *Я сам виноват; Я сама виновата; Молодое поколение в этом не виновато; Они не виноваты в этом* и гибрид: *Виноват (а), Вы откуда к нам приехали?*; 1 балл; 7) наличие категории степеней сравнения (с фиксацией в гибриде формы положительной степени *виноват / виновата*; ср. оппозицию форм степеней сравнения в исходном кратком прилагательном: позитив (виноват), компаратив (более виноват) и суперлатив (*наиболее* виноват); 1 балл; 8) членимость на морфы: *вин-оват-*; 1 балл; 9) синтаксическая роль именного предиката; 1 балл; 10) употребление в двусоставном предложении; балл. В целом с ядерным кратким прилагательным *виноват* гибрид *виноват* объединяют 10 параметров.

В отличие от исходной ядерной формы прилагательного *виноват*, гибриду *виноват* присущ следующий набор признаков: 1) фиксированное употребление в формах мужского или женского рода в соответствии с полом предполагаемого субъекта модуса: *Вы, **виноват / виновата**, не на запись?* (при невозможности среднего рода); 2 балла; 2) фиксированное употребление в форме ед. числа (при проблематичности формы мн. числа); 1 балл; 3) фиксированное употребление в форме положительной степени (при невозможности форм сравнительной и превосходной степени); 2 балла; 4) отсутствие предложенческой связи с подлежащим в неполном двусоставном предложении: *А он, (**я**) **виноват**, не придет сегодня*; ср. полное предложение с ядерным кратким прилагательным *виноват*, координирующимся с подлежащим в формах рода и числа: *В случившемся **виноват** молодой **человек***; 1 балл; 5) признак неизменяемости, обусловленный фиксированным употреблением грамматических форм мужского или женского рода, единственного числа, положительной степени; 1 балл; 6) меньшее количество форм в комплексной парадигме (в связи с отсутствием форм множ. числа, среднего рода, сравнительной и превосходной степени); 1 балл; 7) невозможность употребления с распространителями; ср. сочетаемость ядерного краткого прилагательного с зависимыми словами: *Он **очень** виноват **в случившемся***; 1 балл. В итоге общее количество признаков, отграничивающих гибрид *виноват* от исходного краткого прилагательного *виноват*, равно 9.

Как показывает исследование, в контексте модаляции и интеръективации гибрид *виноват* обнаруживает определенную степень ослабления адъективных свойств (фиксированный тип употребления категорий рода, числа и степеней сравнения, сокращение общей парадигмы слова, абсолютивное употребление). Однако говорить об утрате гибридом *виноват* грамматических категорий, форм и значений рода, числа, степеней сравнения в неполном двусоставном вводном предложении в контактоустанавливающей функции было бы, на наш взгляд, неправомерно. У словоформы *виноват* сохраняются в синкретичном контексте модаляции и интеръективации такие категориальные признаки прилагательного,

как частеречная и лексическая семантика, базовая (краткая) форма репрезентации адъективной лексемы, принадлежность к разряду качественных (рационально-оценочных) прилагательных, функция предиката и нек. др.

Степень соответствия признаков гибридной структуры *виноват* признакам ядерного краткого прилагательного виноват *характеризует* первый индекс модаляции:

$\mathbf{x_1}$ [*виноват*] = **10 / (10 + 9) = 10 / 19 ≈ 0,53 (53%)**

Количественную оценку степени сближения гибрида *виноват* с ядерными вводно-модальными словами типа *конечно* также целесообразно осуществлять с применением приема индексации. Следует иметь в виду при этом, что модаляция слов типа *виноват* имеет исключительно грамматический характер; она проявляется в особом, вводно-модальном типе употребления адъективной лексемы [ср.: *Ты* ***виноват*** *только в том, что не попросил извинения –> Вы,* ***виноват****, не в эту кассу?* (≈ 'извините, простите')], а модаляция краткого прилагательного *конечно* является функционально-семантической: она связана с выходом вводно-модальной единицы за пределы семантической зоны исходной лексемы в значении 'имеет предел': *Существование всех живых организмов* ***конечно*** *–> Спорить с этим,* ***конечно****, трудно.*

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что вводной конструкции (*Виноват…*) и остальной части высказывания (*Вы не на запись?*) свойственны чаще всего разные иллокутивные функции: позицию субъекта модуса эксплицирует повествовательное вводное предложение, а диктумную часть высказывания – вопросительное предложение. Реже такое расхождение отсутствует: ср.: *А он,* ***виновата****, Вас и не слушает.*

Сближается гибрид *виноват* с ядерным отадъективным вводно-модальным словом *конечно* общностью таких признаков, как: 1) категориальное субъективно-модальное значение, реализующее оценочную стратегию субъекта модуса; ср. функцию привлечения внимания собеседника к сообщаемому у слов типа *виноват, простите, извините, представляете* (*Вы,* ***виноват****, случайно не из этой деревни?*) и значение категорической достоверности у слов типа *конечно, безусловно, наверняка* (*Вы,* ***конечно****, удивитесь, узнав, о ком все говорят*); 1 балл; 2) функция вводно-модального компонента высказывания с соответствующим интонационным сопровождением (совмещенная у гибрида *виноват* с функцией предиката); 1 балл; 3) синтаксическое обособление; 1 балл; 4) участие в передаче субъектно-модусной перспективы высказывания, разделенного на сферы модуса и диктума: гибрид (*виноват*) и ядерный отадъективный модалят (*конечно*) передают позицию субъекта модуса, оценивающего тот или иной фрагмент высказывания (диктума) в аспекте его важности, актуальности или достоверности; 1 балл; 5) признак неизменяемости, обусловленный в гибриде фиксированным употреблением его грамматических форм мужского / женского рода, единственного числа и положительной степени, а с другой стороны, отсутствием у ядерного отадъективного модалята *конечно* категорий и форм рода, числа и степеней сравнения; 1 балл; 6) употребление в простом предложении (отдельной предикативной части сложного предложения), осложненном обособленным вводным словом; 1 балл; 7) интродуктивный способ «включения» вводного компонента в структуру высказывания; 1 балл; 8) употребление в качестве грамматических омонимов по отношению к исходным ядерным кратким прилагательным. Ср.: *В проигрыше* ***виноват*** *в основном новый игрок* (краткое прилагательное в функции предиката полного двусоставного предложения) / *А кто его,* ***виноват****, приглашал в команду?* (гибрид в вводно-модальной функции, выступающий в качестве предиката внутри неполного двусоставного вводного предложения с эллиптированным местоимением-подлежащим *я*); ср. также ядерное вводно-модальное слово *конечно,* представляющее собой не только грамматический, но и лексический омоним исходного краткого прилагательного *конечно*: *Существование жизни на земле* ***конечно*** *–> Нужно,* ***конечно****, быть осторожнее*; 1 балл. Всего интегральных признаков у гибрида *виноват* и ядерного вводно-модального слова *конечно* – 8.

Отграничивают гибрид *виноват* от ядерного модалята *конечно*: 1) отсутствие омонимичного лексического значения, формируемого обычно в структуре вводно-модального слова в результате модаляции краткого прилагательного функционально-семантиче-

ского типа, т. е. при нарушении смыслового тождества слова; ср. лексические омонимы: *конечно* (краткое прилагательное в значении ‘имеет предел, конец’) и *конечно* (отадъективное вводно-модальное слово со значением ‘безусловно, наверняка’); см. также гибрид *конечно*, совмещающий вводно-модальную функцию с функцией предиката: ***Виноват**, как пройти до универмага?*; 2 балла; 2) отсутствие затемненного характера морфемной структуры слова (*вин-оват*); ср. ядерный модалят *конечно*, подвергнутый неполному опрощению; 1 балл; 3) отсутствие способности к употреблению в функции только вводно-модального слова, осложняющего простое предложение (без дополнительной роли предиката неполного двусоставного предложения); 1 балл. Таким образом, отличие гибрида *виноват* от ядерного вводно-модального слова на базе краткого прилагательного *конечно* оценивается в 4 балла.

В целом же степень соответствия (сходства и различия) дифференциальных признаков гибрида *виноват* признакам ядерного модалята *конечно* можно определить по формуле:

$$\mathbf{x}_2\ [виноват] = \mathbf{8 / (8 + 4) = 8 / 12 \approx 0{,}67\ (67\%)}$$

2.2. Индексирование степени интеръективации гибрида *виноват*. Степень соответствия гибрида *виноват* междометиям в синкретичном контексте модаляции и интеръективации [***Виноват**, Вы выходите на этой остановке?*] можно также установить методом индексации. К общим с ядерными междометиями типа *салют, привет, пока*, употребляющимися в типовых контекстах [***Салют**, ребята, как дела?; **Привет**, кто же так делает?! Я пошел домой, **пока**!*] (см.: [Шигуров 2009: 69–74 и др.]) относятся такие параметры интеръективата *виноват*, как: 1) частеречная семантика междометия (выражение эмоций, волеизъявления и формул речевого этикета); ср. этикетно-эмотивную функцию у гибрида *виноват*, выражающего аффективное состояние субъекта модуса при передаче формулы извинения [*Вы, **виноват**, сами не из этих мест?* (≈ ‘извините, прошу прощения’)] и у междометия *пока* [*Всего наилучшего, **пока**!* (≈ ‘до свидания’)], а также эмотивную функцию у междометия, выражающего чувство удивления или возмущения [***Привет**, кто же так делает?!*]; 1 балл; 2) неизменяемость, вызванная, с одной стороны, фиксированным типом употребления форм категорий рода, числа и степеней сравнения у гибрида *виноват*, а с другой – отсутствием грамматических категорий у отадвербиального междометия *пока* или утратой словоизменительных категорий и парадигм числа и падежа у существительных *салют* и *привет*, подвергшихся функционально-семантической интеръективации: *Прогремел оглушительный **салют** –> Паша, это отдельный случай. **Салют**, дружок!* (Ю. Визбор); 1 балл; 3) синтаксическая обособленность; 1 балл; 4) употребление без зависимых слов; 1 балл. Сумма дифференциальных признаков, сближающих интеръективат *виноват* с ядерными междометиями типа *салют, привет, пока*, оценивается в 4 балла.

Отличают интеръективат *виноват* от ядерных междометий типа *салют, пока* такие характеристики, как: 1) наличие номинативной функции; 1 балл; 2) наличие лексического значения, функционирующего в рамках полисемии, без нарушения смыслового тождества исходного слова; ср. лексические и грамматические омонимы: существительные *салют, привет*, наречие *пока* и возникшие на их базе ядерные междометия (*салют, привет, пока* (примеры см. выше); 2 балла; 3) членимый характер слова; ср.: *вин-оват-; салют, привет, пока*; 1 балл. Всего, таким образом, различие между сравниваемыми объектами выражается в 4 баллах.

Исходя из этого, индекс соответствия дифференциальных признаков гибрида *виноват* признакам ядерных междометий типа *привет, салют, пока* может быть просчитан по формуле:

$$\mathbf{x}_3\ [виноват] = \mathbf{4 / (4 + 4) = 4 / 8 \approx 0{,}50\ (50\%)}$$

3. Заключение. Как показывает исследование, гибрид *виноват* в синкретичном контексте модаляции и интеръективации [*А Вы сами, **виноват**, не из Саратова?*] демонстрирует сложную комбинаторику признаков знаменательной части речи (прилагательное в краткой форме), этикетно-эмотивного междометия и межчастеречного семантико-синтаксического разряда вводно-модальных единиц. В результате этого взаимодействия исследуемый гибрид демонстрирует 53% соответствия

исходному ядерному краткому прилагательному *виноват* [*Он сам* ***виноват*** *в случившемся*], 67% соответствия ядерным отадъективным вводно-модальным словам типа *конечно* [*Этого,* ***конечно****, никто не ожидал*] и 50% соответствия ядерным этикетно-эмотивным и эмотивным междометиям на базе существительных и наречий типа *пока, салют, привет* [*Мы пошли домой,* ***пока****!* ***Салют****, ребята!* ***Привет,*** *кто же так делает*?!].

Литература

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

Всеволодова, М. В. К вопросу об операционных методах категоризации предложных единиц / М. В. Всеволодова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. – № 3. – С. 103–135.

Ким, О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке / О. М. Ким. – Ташкент : Изд-во «Фан», 1978. – 228 с.

Ким, О. М. Словарь грамматических омонимов русского языка / О. М. Ким, И. Е. Островкина. – М. : Астрель; АСТ ; НПП «Ермак», 2004. – 842 с.

Курилович, Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С. 57–71.

Кустова, Г. И. Ментальные предикаты в метатекстовых конструкциях 2-го лица / Г. И. Кустова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2018». Вып. 17 (24). – М., 2018. – С. 380–390.

Мельчук, И. Русский язык в модели «Смысл – Текст» / И. Мельчук. – М. ; Вена : Школа «Языки русской культуры» ; Венский славистический альманах, 1995. – 682 с.

Мигирин, В. Н. Очерки по теории процессов переходности / В. Н. Мигирин. – Бельцы : [б. и.], 1971. – 199 с.

Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. А–Й. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981. – 698 с.

Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.

Урысон, Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1996. – № 4. – С. 25–38.

Чеснокова, Л. Д. Порядковые числительные в аспекте теории синкретизма / Л. Д. Чеснокова // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. тр. М. : Прометей ; МПГУ им. В.И. Ленина, 1991. – С. 44–54.

Шигуров, В. В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка) / В. В. Шигуров. – М. : Academia, 2009. – 464 с.

Шигуров, В. В. «Судя по» в контексте модаляции и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции / В. В. Шигуров // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2020. – Т. 79, № 6. – С. 42–55.

Marchand, H. Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // La Linguistigue. – 1967. – T. 3, № 1. – P. 13–26.

Eihinger, Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch / Ludwig M. Eihinger. – Tübingen, 1982. – 241 p.

Stekauer, P. A theory of conversion in English / P. Stekauer. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. – 155 p.

Shigurov, V. V., Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language / V. V. Shigurov, T. A. Shigurova // Man In India. – 2017. – T. 97, № 25. – P. 177–191.

Shigurov, V. V. Predicative modal type of verbal infinitive usage in quantitative measurement / V. V. Shigurov, T. A. Shigurova // Revista Inclusiones. 2020. – T. 7, Special Issue: SI. – P. 578–589.

References

Balli, Sh. (1955). *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 416 p.

Chesnokova, L. D. (1991). Poryadkovye chislitel'nye v aspekte teorii sinkretizma [Ordinal Numerals in the Aspect of the Theory of Syncretism]. In *Perekhodnost' i sinkretizm v yazyke i rechi: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Prometei, MPGU im. V.I. Lenina, pp. 44–54.

Eihinger, Ludwig M. (1982). *Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch*. Tingen. 241 p.

Evgeneva, A. P. (Ed.). (1981). *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t.* [Dictionary of the Russian Language, in 4 vols.]. Vol. 1. A–Y. 2nd edition. Moscow, Russkii yazyk. 698 p.

Kim, O. M. (1978). *Transpozitsiya na urovne chastei rechi i yavlenie omonimii v sovremennom russkom yazyke* [Transposition on the Level of Parts of Speech and the Phenomenon of Homonymy in Modern Russian]. Tashkent, Izdatel'stvo «Fan». 228 p.

Kim, O. M., Ostrovkina, I. E. (2004). Slovar' grammaticheskikh omonimov russkogo yazyka [Dictionary of Grammatical Homonyms of the Russian Language]. Moscow, Astrel', AST, NPP «Ermak». 842 p.

Kurilovich, E. (1962). Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya [Lexical and Syntactic Derivation]. In *Ocherki po lingvistike*. Moscow, pp. 57–71.

Kustova, G. I. (2018). Mentalnye predikaty v metatekstovykh konstruktsiyakh 2-go litsa [Mental Predicates in 2nd Person Metatext Constructions]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2018»*. Issue 17 (24). Moscow, pp. 380–390.

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). Bolshoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Great Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint. 1536 p.

Marchand, H. (1967). Expansion, transposition and derivation. In *La Linguistigue*. Vol. 3. No. 1, pp. 13–26.

Mel'chuk, I. (1995). *Russkii yazyk v modeli «Smysl – Tekst»* [Russian Language in the "Meaning – Text" Model]. Moscow, Vena, Shkola «Yazyki russkoi kultury», Venskii slavisticheskii almanakh. 682 p.

Migirin, V. N. (1971). *Ocherki po teorii protsessov perekhodnosti* [Essays on the Theory of Transitivity Processes]. Bel'tcy. 199 p.

Shigurov, V. V. (2020). *«Sudya po» v kontekste modalyatsii i prepozitsionalizatsii: k ischisleniyu indeksov transpozitsii* ["Judging by" in the Context of Modalation and Prepositionalization: Towards the Calculus of Transposition Indices]. In *Izvestiya Rossiiskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 79. No. 6, pp. 42–55.

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A. (2017). Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language. In *Man In India*. Vol. 97. No. 25, pp. 177–191.

Shigurov, V. V. (2009) *Inter"ektivatsiya kak tip stupenchatoi transpozitsii yazykovykh edinits v sisteme chastei rechi: (Materialy k transpozitsionnoi grammatike russkogo yazyka)* [Interjectivation as a Type of Gradual Transposition of Language Units in the Parts of Speech System (Materials for the Transpositional Grammar of the Russian Language)]. Moscow, Academia. 464 p.

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A. (2020). Predicative modal type of verbal infinitive usage in quantitative measurement. In *Revista Inclusiones*. Vol. 7. Special Issue: SI, pp. 578–589.

Stekauer, P. (1996). *A theory of conversion in English*. Frankfurt am Main, Peter Lang. 155 p.

Ten'er, L. (1988). *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Foundations of Structural Syntax]. Moscow, Progress. 656 p.

Uryson, E. V. (1996). Sintaksicheskaya derivatsiya i «naivnaya» kartina mira [Syntactic Derivation and the "Naive" Worldview]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 4, pp. 25–38.

Vsevolodova, M. V. (2011). K voprosu ob operatsionnykh metodakh kategorizatsii predlozhnykh edinits [On the Issue of Operational Methods of Categorizing of Prepositional Units]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. No 3, pp. 103–135.

Данные об авторе

Шигуров Виктор Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск, Россия).

Адрес: 430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68.

E-mail: shigurov@mail.ru.

Author's information

Shigurov Victor Vasilyevich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia).

ПЕРЕЧИТЫВАЯ РУССКУЮ КЛАССИКУ

УДК 821.161.1-31(Пушкин А. С.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-13.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-6,444. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

ВОКРУГ МИНИХА: О СКРЫТОМ СЮЖЕТЕ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А. С. ПУШКИНА

Зверева Т. В.
Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0485-7664

Аннотация. Впервые в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» выделен самостоятельный сюжет, связанный с именем Х. А. Миниха. В статье доказано, что судьба немецкого фельдмаршала связана не только с размышлениями Пушкина над закономерностями русской истории, но и с «биографическим сюжетом». Во-первых, Миних соединяет две линии пушкинского рода, восходящие к именам Абрама Петровича Ганнибала и Льва Александровича Пушкина. Во-вторых, в жизни Миниха Пушкин усматривает параллели с собственной судьбой. По мнению автора статьи, ключевой в романе является проблема возвращения нравственного долга. В период написания «Капитанской дочки» Пушкин решал для себя важнейшие вопросы, связанные с его личными взаимоотношениями с властью. В исследовании впервые в связи с последним пушкинским романом привлечены мемуары Миниха, написанные им в последние годы жизни для Екатерины Второй («Очерк, дающий понятие об образе правления Российской империи» 1774 г.). Автор статьи показывает, что в некоторых аспектах понимание русской истории у Пушкина восходит к заключениям Миниха. Таким образом, история XVIII в. стала для поэта своеобразным зеркалом, в которое он вглядывался, пытаясь понять не только современность, но и самого себя.

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; исторические романы; биографические сюжеты; аллюзии; декабристы.

REGARDING KH. A. MINIKH: A HIDDEN PLOT IN “THE CAPTAIN’S DAUGHTER” BY A. PUSHKIN

Tatyana V. Zvereva
Udmurt State University (Izhevsk, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0485-7664

Abstract. An independent theme connected with the name of Count Khristofor Antonovich Minikh (Burkhard Christoph Graf von Münnich) is highlighted for the first time in the novel ‘The Captain’s Daughter’ by A. Pushkin. The paper proves that the German field marshal’s fate is connected not only with Pushkin’s reflections on patterns and regularities of the Russian history but with a ‘biographical theme’ as well. Firstly, Kh. A. Minikh unites two lines of Pushkin’s family ascending to the names of Abram Petrovich Gannibal and Lev Alexandrovich Pushkin. Secondly, A. Pushkin traces correlations to his own fate in Kh. A. Minikh’s fate. The author of the paper believes the problem of moral obligation repay to be the key one in the novel. While working on

© Т. Зверева, 2021

'The Captain's Daughter', A. Pushkin was resolving some crucial issues related to his relationship with the authorities. For the first time the memoirs by Kh. A. Minikh written during his last years for Catherine II ('An Essay Defining the Form of Government of the Russian Empire' (1774)) are used in connection with Pushkin's last novel. The researcher demonstrates that A. Pushkin's understanding of the Russian history ascends to Kh. A. Minikh's conclusions. Thus, the 18th century history became a kind of a mirror for the poet peering into which he tried to understand the contemporary life as well as himself.

Keywords: Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary characters; historical novels; biographical plots; allusions; Decembrists.

Для цитирования: Зверева, Т. В. Вокруг Миниха: о скрытом сюжете в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина / Т. В. Зверева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 161–168. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-13.

For citation: Zvereva, T. V. (2021). Regarding Kh. A. Minikh: a Hidden Plot in "The Captain's Daughter" by A. Pushkin. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 161–168. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-13.

В начале 1830-х гг. А. С. Пушкин писал П. Вяземскому, что желает «пуститься в политическую прозу» [Пушкин 1959–1962, т. 9: 312]. Пушкина, конечно, интересовала, прежде всего, современность. Неоднократно говорилось о том, что в «Капитанской дочке» отразились события 14 декабря 1825 г. [Невелев 1985; Богданова 2019; Зверева 2019]. Наиболее полно, правда в конспективном виде, исторические и политические реалии «Капитанской дочки» отражены в комментарии М. И. Гиллельсона и И. Б. Мушиной [Гиллельсон, Мушина 1977].

Сюжетно ориентированный на традицию Вальтера Скотта роман при медленном прочтении оборачивается текстом, в котором, с одной стороны, пунктирно намечены важнейшие события XVIII в., с другой – обозначены переплетения родовой истории Пушкиных с историей России послепетровского времени. Этот сложный аллюзивный узор наложен на современность. 2 апреля 1834 г. в дневнике Пушкина появляется примечательная запись, в которой говорится о личной встрече с опальным М. Сперанским: «Он отвечал мне комплиментами и советовал писать историю моего времени» [Пушкин 1959–1962, т. 7: 325]. Ставший предметом художественного осмысления екатерининский век неразрывно связан с современностью; в записях поэта XVIII столетие и 1825 г. часто стоят рядом: «Падение постепенное дворянства; что из того следует? Восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.» [Пушкин 1959–1962, т. 6: 354]. В результате подобной авторской стратегии возникает тот смысловой объем, без учета которого вряд ли возможно подлинное понимание текста.

Прежде всего, «Капитанская дочка» проецируется на историю воцарения, отречения и гибели Петра III. Загадочные обстоятельства смерти императора – своеобразная экспозиция романа. Пугачев самовольно нарекает себя именем свергнутого императора. Отчасти авторская ирония в тексте связана с тем, что в основании фабулы лежит противостояние двух Петров – Петра Гринева и Петра III / Пугачева. Безусловно, в тексте угадывается и незримое присутствие Петра Первого, чьи реформы не только в корне преобразили Россию, но и породили неразрешимые противоречия. Необходимо также иметь в виду, что восстание Пугачева происходило во времена русско-турецкой войны (1768–1774 гг.). Именно этим обстоятельством, по мнению А. Осповата, объясняется решение отца послать своего сына не в Петербург, а в глубинку России, далекую от кровопролитных сражений [Осповат 2001: 359]. Этот двойной референтный план соотнесен, с одной стороны, с будущим (прежде всего, с 1825 г., отчасти с 1830–1831 гг.), с другой – с прошлым, уводящим во тьму веков.

Н. Н. Страхов усматривал сходство романа «Война и мир» с «Капитанской дочкой»: «Во-первых, это – хроника, т. е. простой, бесхитростный рассказ, без всяких завязок и запутанных приключений, без наружного единства и связи. Эта форма, очевидно, проще, чем роман, – ближе к действительности, к правде: она хочет, чтобы ее принимали за быль, а не за возможность» [Страхов 1901: 292]. В силу исходной авторской установки на «быль» пушкинский роман лишен традиционной литературной завязки, он сра-

зу же погружает читателя в водоворот русской истории: «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году» [Пушкин 1984: 7].

Имя Миниха – важнейшее в «Капитанской дочке». Можно говорить о наличии «именного сюжета»: в начале романа имя графа названо полностью, затем представлено в редуцированном виде («и… когда… покойным фельдмаршалом Мин… походе… также и… Каролинку…» [Пушкин 1984: 18]), далее автор говорит о нем опосредованно. Таким образом, имя немецкого фельдмаршала как бы «растворяется» в тексте, а заодно – и в русской истории / метели.

Христофор Антонович Миних (Бурхард Кристоф фон Мюнних) – одна из немногих исторических фигур, проходящая почти через все XVIII столетие (от Петра Первого до Екатерины Второй). Стремительные взлеты и падения, близость ко двору и опала, Петербург и Сибирь, постоянное предстояние смерти – все эти перипетии нерусского фельдмаршала свидетельствуют о метаморфозах русской истории. Один из самых значимых эпизодов в «Капитанской дочке» связан с захваченным в плен «изувеченным башкирцем». Обреченный на гибель пленник Белогорской крепости уже на следующий день будет вершить казнь над капитаном Мироновым и его подчиненными. Заметим, что подлинная история государства Российского еще более затейлива, нежели художественный вымысел. После смерти Анны Иоанновны в 1740 г. Миних приказывает арестовать Бирона: фаворит императрицы отправлен вначале в Шлиссельбург, а затем в ссылку. Спустя год уже сам Миних приговорен к смертной казни, смягченной однако по величайшему елисаветинскому указу ссылкой в Сибирь. На пути к месту «нового назначения» Миних встречает Бирона, который к этому времени освобожден и возвращается в столицу. Думается, что судьба немецкого фельдмаршала стала для Пушкина символом непредсказуемости русской истории. Расстояние, отделяющее первое лицо Российской империи от «последнего», призрачно; Россия – страна причудливых политических игр, где «верх» и «низ» молниеносно меняются местами.

В «Капитанской дочке» Пушкин еще не раз вернется к имени Миниха. Отец Гринева отправит рекомендательное письмо своему старому другу Андрею Карловичу – человеку, с которым связаны воспоминания военной молодости. «Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро: „Поже мой! – сказал он. – Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!“» [Пушкин 1984: 17]. Исходя из текста письма, написанного Андрею Карловичу, старший Гринев нес службу до опалы Миниха, т. е. речь идет о правлении Анны Иоанновны. Из двадцатилетней елисаветинской ссылки фельдмаршал был вызволен указом Петра III. Очевидно, что накануне судьбоносного для России дворцового переворота 1762 г. Андрей Петрович уже находился в отставке. Впрочем, принцип пушкинских «недоразумений» и «противуречий» позволяет интерпретировать данный сюжет иначе. Вследствие того, что анахронизмы являются конструктивным принципом пушкинского текста[1], читатель вправе приписывать Андрею Петровичу Гриневу участие в событиях 28 июня 1762 г. На эти размышления наводит следующий эпизод романа: «…батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: „Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы…“» [Пушкин 1984: 8]. Из приведенной фразы следует, что служил батюшка не так давно, отче-

[1] Одним из первых на хронологические смещения в «Капитанской дочке» указал П. Я. Вяземский: «Кажется зимою у тебя река где-то не замерзла, а темнеет в берегах, покрытых снегом. Оно бывает с начала, но у тебя чуть ли не посреди зимы» [Пушкин 1984: 236]. См. также на парадокс, отмеченный М. Цветаевой: «Он (Пушкин. – *Т. З.*) так занят Пугачевым и собой, что забывает post factum постарить Гринева, и получается, что Грине на два года моложе своей Маши, которой – восемнадцать лет!» [Цветаева 1980: 378]. Наиболее детально трансформации времени рассмотрены в статье Кондратьевой-Мейксон, указавшей на алогичность пушкинского календаря [Кондратьева-Мейксон 1987: 168–176].

го и удивляется стремительной карьере своего сержанта[1].

В финале романа историческое время снова обращается вспять, захватывая не только начало XVIII в., но и XVII в. русской истории – эпоху «пращуров», восходящую к мифологической эпохе первогероев. Раздавленный горем старший Гринев восклицает: «Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым» [Пушкин 1984: 79]. Как известно, суд над Волынским был в 1740 г., т. е. время службы Андрея Петровича совпадает с государственной деятельностью его отца. В результате семейная хроника осложняется еще одним родовым сюжетом: в то время как А. П. Гринев верно служит Анне Иоанновне, его отец вместе с Волынским участвует в заговоре против императрицы.

С Минихом в «Капитанской дочке» связаны не только отец Гринева и Андрей Карлович, но и капитан Миронов. Скромное жилище капитана украшено лубочными картинками, две из которых воспроизводят военные эпизоды, связанные с действиями фельдмаршала, – взятие Очакова и Кистрина. Упоминание этих сражений необходимо Пушкину не столько для углубления исторической перспективы, сколько для выявления скрытых механизмов русской истории. В этом аспекте особенно важны очаковские события. Знаменитая турецкая крепость была взята в 1737 г. во время Крымского похода Миниха, но впоследствии отдана по условиям Белградского мира. Действие «Капитанской дочки» разворачивается в период очередной русско-турецкой войны 1768–1774 гг., во время которой русская армия так и не смогла подступиться к крепости. Повторное взятие Очакова произойдет только в 1788 г. в результате штурма, осуществленного Потемкиным.

Аллюзивный план, таким образом, соединяет различные исторические пласты, выявляя константы исторического бытия. Русская история, по Пушкину, есть трагикомическое повторение одних и тех же событий – бесконечное взятие одной и той же «крепости». Однако для понимания последнего пушкинского романа значимы не только исторические сплетения. Гораздо большее значение имеет то, что образ Миниха теснейшим образом связан с «авторским сюжетом»: в XVIII столетии судьба «русского немца» вплотную соприкоснулась с пушкинским родом[2].

Когда-то Миних спас попавшего в немилость властям Абрама Ганнибала. Вспомнив о выдающихся инженерных способностях петровского арапа, фельдмаршал воспользовался своей близостью ко двору и доверием Анны Иоанновны и вызволил пушкинского прадеда из сибирской ссылки. Заметим, что имя Абрама Петрова Ганнибала зашифровано в первой главе романа. Петруша-Недоросль прикрепляет мочальный хвост воздушного змея к той части географической карты, где отмечен африканский мыс Доброй Надежды. Именно этот эпизод станет решающим и поворотным в судьбе главного героя – с него начнется «изгнание из рая»[3]. Так или иначе, инициация героя связана с Африкой, упоминание которой никогда не бывает у Пушкина случайным.

С Минихом был связан и дед поэта со стороны отца – Лев Александрович Пушкин, о котором Пушкин писал в «Моей родословне»:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра

[Пушкин 1959–1962, т. 2: 331].

В «Table-talk» Пушкин также зафиксировал этот факт родовой истории: «Дед мой Лев Александрович во время мятежа 1762 г. остался верен Петру III – не хотел присягнуть Екатерине и был посажен в крепость… Через два

[1] К дворцовому перевороту 1762 г. ведет еще один эпизод романа. Петруша, как известно, был записан в Семеновский полк, куда в конечном итоге не был отправлен. Одной из возможных причин отцовского запрета может служить то, что Екатерина II возглавила поход против Петра III в мундире обер-офицера лейб-гвардии Семеновского полка, т. е. семеновский полк в сознании старшего Гринева связан с изменой. Заметим, что впоследствии офицеры семеновского полка приняли участие еще в одном дворцовом заговоре 11 марта 1801 г. (убийство Павла I). Эта дата выходит за пределы хронологии романа, но ее автор о ней всегда помнил.

[2] О присутствии автора в «Капитанской дочке» см. также исследование В. С. Листова [Листов 2002: 145–166].

[3] Интересно, что у африканского мыса имелось и другое название – мыс Бурь. В этом аспекте пушкинский топоним содержит в себе завязку второй главы, где происходит первая встреча Гринева с «метелью / бураном».

года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением» [Пушкин 1959–1962, т. 7: 286].

Таким образом, Миних «соединяет» две ветви пушкинского рода. Связанные с Минихом события 1762 г. всегда находились в центре творческого и исторического внимания Пушкина (известно, например, что в 1830-е гг. он внимательно читал секретные на тот момент «Записки княгини Е. Р. Дашковой» и «Записки императрицы Екатерины II»). Прежде всего, подобный интерес обусловлен тем, что именно 1762 г. послужил причиной раскола русского дворянства. В подготовительных материалах к незавершенному «Дубровскому» имеется, например, следующая фраза: «Славный 1762 год разлучил их (старого Дубровского и Троекурова – *Т. З.*) надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору» [Пушкин 1959–1962, т. 5: 329]. За далекой историей Пушкин усматривал современность – за 28 июня маячило 14 декабря 1825 г.

Пушкин, давший высокую оценку решению Миниха остаться при Петре III, конечно же, отдавал себе отчет, что историческая правда была не на стороне отрекшегося императора. В свою очередь такой искусный царедворец как Миних также вряд ли заблуждался относительно государственных способностей Петра III. Тем не менее, фельдмаршал до последнего, рискуя собственной жизнью, оставался на стороне опального императора. По-видимому, решающим стало то, что именно Петр III вызволил его из двадцатилетней сибирской ссылки. Одна из нравственных проблем романа «Капитанская дочка» – проблема платежа. Миних сполна расплачивался за дарованную ему свободу, памятуя русскую пословицу – ту, которую впоследствии Пушкин вложит в уста Пугачева: «Долг платежом красен».

Не проступает ли в этой истории судьба самого Пушкина, теснейшим образом связанная с императором Николаем I? Возвращение из ненавистной Михайловской ссылки, прощение поэта и дарование свободы – все это неизбежно ставило Пушкина в двойственное положение: как историк он хорошо видел ошибки нового императора; как человек не мог не отвечать ему благодарностью[1]. Как и Миних, который когда-то встал на сторону заведомо проигравшего, Пушкин пытался внутренне примириться с непопулярной в кругах русской аристократии политикой Николая.

Время написания «Капитанской дочки» стало одним из самых драматических периодов пушкинской жизни. Обращаясь к истории XVIII в., поэт пытался разрешить не только насущные вопросы современности, но и разрубить гордиев узел, связавший его с императором. «Век не забуду ваших милостей», – произносит Пугачев в романе. Между тем жизнь подходила к концу, и Пушкин остро чувствовал это. И благодарить императора «века» за оказанную милость становилось невыносимо… Оплата нравственного долга, возвращение платежа – тяжелейший груз, который лег на поэта в последние годы.

Интересно в этом аспекте еще раз обратиться к завету Андрея Петровича Гринева: «Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду» [Пушкин 1984: 9–10]. Главный герой романа следует отцовским словам и сохраняет свое доброе имя. Однако для самого автора проблема, лежащая за словами старого Гринева, оставалась неразрешимой: возможно ли сегодня следовать нравственным принципам XVIII в.? Как должен вести себя дворянин, обязанный власти? Гениально данный сюжет будет «дописан» Л. Н. Толстым в финале «Войны и мира». События эпопеи обрываются накануне декабристского восстания. Идейной кульминацией эпилога станет спор Николая Ростова и Пьера Безухова. Николай Ростов (будущее воплощение Петра Гринева) завершит его страшными словами: «Ты говоришь, что у нас все скверно и что будет переворот; я этого не вижу; но ты говоришь, что присяга условное дело, и на это

[1] Отчасти этими обстоятельствами обусловлено написание таких стихотворений, как «Стансы», «Бородинская годовщина», «Клеветникам России». Оправдание польских событий 1830–1831 гг. привело к ссоре с Адамом Мицкевичем, который позволил себе откровенную оценку действий русского поэта. Позиция Пушкина по отношению к польскому вопросу была холодно встречена многими друзьями, в том числе Петром Вяземским.

я тебе скажу: что ты лучший мой друг, ты это знаешь, но, составь вы тайное общество, начни вы противодействовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долг повиноваться ему. И вели мне сейчас Аракчеев идти на вас с эскадроном и рубить – ни на секунду не задумаюсь и пойду. А там суди как хочешь» [Толстой 1970: 667]. Автор «Капитанской дочки» не случайно отправил своего героя в далекую Симбирскую губернию. Очевидно, что в 1825 г. Петр Гринев оказался бы на стороне тех, кому присягнул. В отличие от героя, живущего в стороне от большой истории, сам Пушкин всегда находился в ее эпицентре. В период написания романа приходит ясное осознание, что заветы отцов утратили свою былую силу. Необходимо было выработать свой собственный взгляд на современность.

Наконец, важной для понимания романа является еще одна тематическая линия. Правление Екатерины II началось с прощения Миниха. Предчувствуя свой уход, Пушкин в последний раз напоминал русскому императору об основах правления. Когда-то в «Стансах» поэт соотнес начало николаевского царствования с петровской расправой над стрельцами и выразил надежду на «славное» будущее, теперь Пушкин говорит об единственно возможном начале правления – прощении. Век Екатерины II никогда не идеализировался поэтом, но, склонный к объективному взгляду на действительность, Пушкин понимал, что в случае с Минихом императрица проявила подлинное великодушие. Прощение той стороны русского дворянства, которое не приняло ее прихода, в том числе и деда Льва Александровича, было высоко оценено поэтом. Подобного великодушия Пушкин ждал и со стороны Николая I. Однако, если в начале 1830-х гг. он еще надеялся на прощение друзей («Каков государь? молодец! того и гляди наших каторжников простит – дай Бог ему здоровья» [Пушкин 1959–1962, т. 9: 365]), то к 1836 г. стало ясно, что помилования не последует – век Аракчеева и Бенкендорфа диктовал свои законы.

В литературоведческой науке уже давно утвердилась мысль о двусубъектности повествования в романе «Капитанская дочка» – сквозь слово героя проступает слово автора. В этой связи обычно говорится об одной из самых известных пушкинских фраз: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [Пушкин 1984: 74]. Однако это не единственная авторская сентенция, в тексте есть еще одна важная формула русской истории, по странному стечению обстоятельств почти совпадающая с размышлениями Миниха. Вероятно, Пушкину были хорошо известны мемуары Миниха, написанные им в последние годы жизни для Екатерины II. Впервые записки фельдмаршала вышли в 1774 г. под названием «Ebauche pour donner une idee de la forme du gouvernement de l'empire de Russie» («Очерк, дающий понятие об образе правления Российской империи»). В этих записках отразились не только портреты русских императоров, но и осмысление русского государства. Именно Миниху принадлежит одно из самых известных высказываний о России: «Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует» [Миних 1874: 78]. В «Капитанской дочке» серьезные авторские размышления о стихийном характере русской истории перемежаются с ироническим взглядом на Россию. При описании белогорской крепости употреблен эпитет «богоспасаемая»: «В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов» [Пушкин 1984: 23]. Стоящая на семи ветрах крепость имеет одну не стреляющую пушку. У этой «белогорской пушки» имеется прообраз – это знаменитая Царь-пушка, один из главных символов Российской империи. Как известно, Царь-пушка была изготовлена как полноценное боевое орудие, но фактически ни разу не использовалась в сражениях. Символ пушкинской «богоспасаемой крепости» соотносим с «богоспасаемой Россией» Миниха. В подобном ключе Пушкин высказался и в 10 главе «Евгения Онегина»:

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

[Пушкин 1959–1962, т. 4. 193]

«Капитанская дочка» будет завершена 19 октября 1836 г. В этот же день Пушкин изложит свое понимание истории в знаменитом письме к П. Я. Чаадаеву. В «Филосо-

фических письмах» Пушкину многое было чуждо как историку, но более всего поэта смущало высокомерное отношение Чаадаева к русской истории – тот взгляд извне, который делал размышления философа холодными и отстраненными. Для Пушкина подобная позиция неприемлема; характерно, что в венчающем творчество «Памятнике» возникнет сочетание «мой жестокий век». Выбор притяжательного местоимения носит программный характер – поэт не вправе отделять себя от времени, в котором ему довелось жить (век жесток, но это мой век, и другого времени не опущено). Вопреки внешним обстоятельствам позиция Пушкина сводилась к тому, чтобы вписать себя в «историю государства Российского»: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» [Пушкин 1959–1962, т. 10: 310].

Последний пушкинский роман – это еще одно напоминание о связности судеб, о странных переплетениях, парадоксальных сближениях. Русская история XVIII в. стала своеобразным зеркалом, в которое поэт вглядывался, пытаясь понять не только современность, но и самого себя. Судьба опального Христофора Антоновича Миниха неожиданно предстала отражением пушкинской судьбы и XIX – «железного» – столетия.

Литература

Богданова, О. В. Аллюзийный подтекст в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / О. В. Богданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 365–370.

Гиллельсон, М. И. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / М. И. Гиллельсон, И. Б. Мушина. – Л. : Просвещение, 1977. – 192 с.

Зверева, Т. В. Площадь и балаган: размышления над «Капитанской дочкой» Е. Михайловой / Т. В. Зверева // Уральский филологический вестник: Русская классика. Динамика художественных систем. – 2019. – № 4. – С. 123–134.

Кондратьева-Мейксон, Н. По какому календарю?.. (Время и пейзаж в «Капитанской дочке») / Н. Кондратьева-Мейксон // Вопросы литературы. – 1987. – № 2. – С. 168–176.

Листов, В. С. Автобиографическое в «Капитанской дочке» / В. С. Листов // FILOLOGICA. – 2002. – Т. 7. – С. 145–166.

Миних, Б. Х. Записки фельдмаршала графа Миниха / Б. Х. Миних. – СПб., 1874. – 434 с.

Невелев, Г. А. «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов) / Г. А. Невелев. – М. : Мысль, 1985. – 205 с.

Осповат, А. Л. Из комментария к «Капитанской дочке»: лубочные картинки / А.Л. Осповат // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999 : материалы и исследования. – М. : ОГИ, 2001. – С. 357–365.

Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин. – Л. : Наука, 1984. – 317 с.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. – М. : ГИХЛ, 1959–1962.

Страхов, Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом / Н. Н. Страхов. – Киев, 1901. – 484 с.

Толстой, Л. Н. Война и мир : в 2 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1970. – Т. 2. – 748 с.

Цветаева, М. Сочинения : в 2 т. / М. Цветаева. – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 2. – 638 с.

Эйдельман, Н. Я. Пушкин: Из биографии и творчества. 1826–1837 / Н. Я. Эдельман. – М. : Худож. лит., 1987. – 463 с.

References

Bogdanova, O. V. (2019). Allyuziiny'i podtekst v romane A. S. Pushkina «Kapitanskaya dochka» [Implied Allusions in A. S. Pushkin's novel "The Captain's Daughter"]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. Vol. 12. Issue 3, pp. 365–370.

Eidel'man, N. Ya. (1987). *Pushkin: Iz biografii i tvorchestva. 1826–1837* [Pushkin: Moments From Biography and Creative Activity. 1826–1837]. Moscow, Khudozhestvennaya literature. 463 p.

Gillel'son, M. I., Mushina, I. B. (1977). *Povest' A. S. Pushkina «Kapitanskaya dochka»* [A. S. Pushkin's Novel "The Captain's Daughter"]. Leningrad, Prosveshhenie. 192 p.

Kondrat'eva-Meikson, N. (1987). Po kakomu kalendaryu?.. (Vremya i peizazh v «Kapitanskoi dochke») [In What Calendar? (Time and a Landscape in "The Captain's Daughter")]. In *Voprosy literatury*. No. 2, pp. 168–176.

Listov, V. S. (2002). Avtobiograficheskoe v «Kapitanskoi dochke» [Autobiographical Themes in "The Captain's Daughter"]. In *FILOLOGICA*. Vol. 7, pp. 145–166.

Minikh, B. Kh. (1874). *Zapiski fel'dmarshala grafa Minikha* [Notes of the Field Marshal of Count Minikh]. Saint Petersburg. 434 p.

Nevelev, G. A. (1985). «Istina sil'*nee tsarya…»: (A. S. Pushkin v rabote nad istoriei dekabristov)* ["The Truth is Stronger than the Tsar …": (A. S. Pushkin's Work on the History of Decembrists)]. Moscow, Mysl'. 205 p.

Ospovat, A. L. (2001). Iz kommentariya k «Kapitanskoi dochke»: lubochnye kartinki [From the Commentary to "The Captain's Daughter": Lubok Prints]. In *Pushkinskaya konferentsiya v Stenforde, 1999: materialy i issledovaniya*. Moscow, OGI, pp. 357–365.

Pushkin, A. S. (1959–1962). *Polnoe sobranie soch*inenii: v *10 t.* [Complete Works, in 10 vols.]. Moscow, GIKhL,.

Pushkin, A. S. (1984). *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Leningrad, Nauka. 317 p.

Strakhov, N. N. (1901). *Kriticheskie stat'i ob I. S. Turgeneve i L. N. Tolstom* [Critical Articles about I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy]. Kiev. 484 p.

Tolstoy, L. N. (1970). *Voina i mir: v 2 t.* [War and Peace, in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. 748 p.

Tsvetaeva, M. (1980). *Sochineniya: v 2 t.* [Selected Works, in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literature. Vol. 2. 638 p.

Zvereva, T. V. (2019). Ploshhad' i balagan: razmyshleniya nad «Kapitanskoi dochkoi» E. Mikhailovoi [The Farce and Buffoonery: Reflexions over "The Captain's Daughter" by E. Mikhailova]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik: Russkaya klassika. Dinamika khudozhestvennykh sistem*. No. 4, pp. 123–134.

Данные об авторе

Зверева Татьяна Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1.

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru.

Author's information

Zvereva Tatyana Vyacheslavovna – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Literature and Literary Theory, Udmurt State University (Izhevsk, Russia).

УДК 821.161.1-31(Гоголь Н. В.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-14.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8, 444. ГРНТИ 17.07.31. Код ВАК 10.01.08

TO THE TYPOLOGY OF FANTASTIC ELEMENTS IN THE STORIES NEVSKY PROSPECT, THE NOSE AND THE PORTRAIT BY N. V. GOGOL

Andrea Grominová
University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovak Republic)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2384-6880

Zina Špačeková
University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovak Republic)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9569-6594

Abstract. This article is aimed at defining the terms "fantasy" and "fantastic elements" from the point of view of fiction and finding its application in relation to N. V. Gogol's works. The main attention is paid to fantastic elements, their classification, as well as the way they are used in the literary text. The material for the analysis was the works of Nikolai Vasilyevich Gogol – *Nevsky Prospect*, *the Nose* and *the Portrait*. In this study we use the typological method, with the help of which the common generic features of literary phenomena typical of the fantasy are studied, and their application in the course of analysis. The biographical method helps to reveal the connection between N. V. Gogol and his works filled with fantastic elements. The poetical-structural analysis of the text was undertaken to find intertextual and typological connections between the means of expression in the text and to identify fantastic elements in the selected stories. In the end of the article, the results of the work are summarized and the main conclusions are formulated. On the basis of literary works devoted to the theoretical definition of the terms fantasy and fantastic elements, we came to interesting conclusions. In the story of *Nevsky Prospect*, we can observe a philosophical and fantastic type of convention. The nature of the story *Nose* can be attributed to satirical conventions, and in the story *the Portrait* we can find both philosophical and mythological conventions. In our analysis and interpretation of all of the selected stories, the theme of the characters' duality was substantiated, which had been emphasized in relation to these works by the literary critic J. Dohnal, whose conclusion we agree with. Among other things, we have found that all three selected stories of Gogol are connected by another important link that contributes to the expression of the fantastic in them, namely, a dream, which plays a special role in the work of this writer.

Keywords: fantasy; fantastic elements; definition; N. V. Gogol; typology.

К ТИПОЛОГИИ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПОВЕСТЯХ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ», «НОС» И «ПОРТРЕТ» Н. В. ГОГОЛЯ

Громинова А.
Университет им. Св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Республика Словакия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2384-6880

Шпачекова З.
Университет им. Св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Республика Словакия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9569-6594

Аннотация. Цель нашего исследования – определить понятия «фантастика» и «фантастические элементы» с точки зрения художественной литературы, найти их применение по отношению к конкретным произведениям Н. В. Гоголя. Основное внимание сосредоточивается на фантастических элементах, их классификации, а также на способе их употребления в художественном тексте. Материалом для анализа послужили произведения Николая Васильевича Гоголя – «Невский проспект», «Нос» и «Портрет».

© А. Громинова, З. Шпачекова, 2021

При написании статьи мы используем типологический метод, с помощью которого изучаются общие родовые черты литературных явлений, типичных для фантастики, а затем их применение в ходе анализа, биографический метод, посредством которого объяснена связь между Н. В. Гоголем и его творчеством, наполненным фантастическими элементами, и поэтико-структурный анализ текста, заключающийся в поиске интертекстуальных и типологических связей между средствами выражения в тексте и в определении фантастических элементов в избранных повестях. В заключении статьи обобщены результаты проведенной работы и сформулированы основные выводы. На основе литературоведческих работ, посвященных теме теоретического определения понятий «фантастика» и «фантастические элементы», мы пришли к определенным выводам. В повести «Невский проспект» можно наблюдать философский и фантастический тип условности. Характер повести «Нос» можно отнести к сатирической условности, а в повести «Портрет» можно обнаружить как философскую, так и мифологическую условность. В нашей попытке анализа и интерпретации всех избранных повестей Н. В. Гоголя нашла свое обоснование тема двойничества героев, которую подчеркивал по отношению к данным произведениям литературный критик Й. Догнал. С заключениями его исследования гоголевской проблематики мы не можем не согласиться. Кроме прочего, мы приходим к выводу, что все три повести Н. В. Гоголя связаны еще одним важным звеном, содействующим выражению фантастического в них, а именно сном, который играет в творчестве этого писателя особенную роль.

Ключевые слова: фантастика; фантастические элементы; определение; Н. В. Гоголь; типология.

Для цитирования: Громинова, А. К типологии фантастических элементов в повестях «Невский проспект», «Нос» и «Портрет» Н. В. Гоголя / А. Громинова, З. Шпачекова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 169–177. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-14.

For citation: Grominová, A., Špačeková, Z. (2021). To the Typology of Fantastic Elements in the Stories *Nevsky Prospect*, *The Nose* And *The Portrait* by N. V. Gogol. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 169–177. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-14.

Благодарности: статья была создана при поддержке Агентства культурных и образовательных грантов Министерства образования, науки, исследований и спорта Словацкой Республики. Авторы выражают благодарность агентству за поддержку этого гранта KEGA 021UCM-4/2020 – Tvorba učebníc pre rusko-slovenské sekcie bilingválnych a slovanských gymnázií.

Acknowledgments: this article was created with the support of Cultural and educational grant agency of the Ministry of Education, Science, Research and Sports of the Slovak Republic. The authors wish to acknowledge the agency for the support of this grant KEGA 021UCM-4/2020 – Tvorba učebníc pre rusko-slovenské sekcie bilingválnych a slovanských gymnázií.

In the works of Nikolai Vasilyevich Gogol (1809–1852), the "father of the natural school", fantastic elements are often intertwined with real ones. Before discussing the problems of fantastic elements in his works, it is necessary to define the concepts of "fantastic elements" and "fantasy" in general and to explain by what criteria they will be classified in this article.

The concept of "fantasy" can be interpreted in many different ways, as evidenced by several approaches of literary scholars who study this concept from different points of view. The opinion that the fantasy is a special genre is supported, for example, by C. Todorov, who in his monograph Introduction to Fantastic Literature considers the concept of the fantasy as "a certain kind of literature, or, as they usually say, a literary genre" [Todorov 1999: 66]. A slightly different view of the perception of fiction as a technique that includes expressive means for creating a specific text is suggested, for example, by V. A. Dmitriev, who defines the fantasy as "one of the ways of creating images, along with grotesque and satire" [Shumko 2006: 15].

However, fantasy is also interpreted on the basis of its content. For example, M. I. Shakhnovich in his monograph *Primal mythology and philosophy* compares fantastic fiction with the myth. In his opinion, they both explain what is happening or the essence of some phenomenon of nature, object or social life by giving them human properties. Shakhnovich also notes that this transfer of properties can be compared with religious fiction, since it is based on a belief in the existence of supernatural forces [Shakhnovich 1971: 18]. Along with M. I. Shakhnovich, M. I. Meletinsky also defines the fantasy as a feature of mythological representation in man. In his monograph *The Poetics of Myth*, he states that a fantastic "higher" reality is created through myth [Meletinsky

2000: 171]. We agree with all the above opinions that the fantastic fiction can be analyzed from different points of view, since it is a special "genre" of fiction (as C. Todorov calls it), which includes several "subgenres", such as fantasy, science fiction, horror, etc. On the other hand, the content of fantastic fiction is built on the mythological ideas of a person[1], expressed through various events, objects or phenomena inexplicable by the laws of our world. This is often associated with the very culture of the nation and its social stereotypes, which, according to M. Figedyova, are "integral components of mass and individual consciousness" [Figedyová 2018: 124].

From the point of view of a literary method C. Todorov emphasizes that the fantastic in a work is based on a collision of a person with supernatural phenomena, namely, on the basis of this collision, a person experiences an oscillation between reality and unreality [Todorov 1999: 25]. At the same time, C. Todorov draws attention to the fact that the content of fantastic elements in a work does not always mean that we are dealing with a fantastic way of depicting. He comes to a number of conclusions, for example, to the fact that the fantastic genre often stands between the genre of the unusual and the miraculous [ibid: 38]. In a fantastically unusual way of depicting, events that seem supernatural occur, but they gradually acquire a rational explanation. Extraordinary phenomena occur in such works, but despite this, they can still be explained. They evoke the same reaction from the reader as the works of the fantastic genre [ibid: 41]. C. Todorov defines a fantastic and wonderful way of portraying as very close to the fantastic fiction, since in such works phenomena occur without a rational reason, referring to something supernatural. He also adds that there is a pure miracle. This is a way of depicting in which events, phenomena or objects occurring do not cause surprise, and these are, for example, magic fairy tales [ibid: 47].

E. N. Kovtun in her monograph *Poetics of the Extraordinary*, identified six types of fiction – rational fiction, fantasy, fairytale, mythological, satirical and philosophical conventions [Kovtun 1999: 50]. We are interested in precisely the satirical, mythological and philosophical types of convention, because Gogol's stories, which are subject to our analysis in this article, can be attributed to these three types.

E. N. Kovtun interprets the concept of "satirical convention" as an element of the extreme in satire, which is associated with other techniques that cause a comic situation. In this group she includes hyperbole, grotesque, sharpening, etc. However, fiction, as she claims, in satire may resemble other types of conventions, but it already has its own principles, thanks to which various paradoxical situations arise in works that destroy the illusion of reliability or the possibility of what is happening [ibid: 51–52]. At the center of the "mythological convention" is the theme of duty, a person's service to supernatural forces or high moral ideals [ibid: 51]. In "philosophical convention" fiction plays a secondary role. It should be organized and contain a special philosophical formation of reality, revealing the philosophy of "eternal" and "general", and the plots of such works occur outside of reality. Philosophical convention is built on the artistic principle of allegory, which requires deciphering real events expressed by a generalized description in the text, with the help of which an extraordinary or fantastic element is introduced into the narrative [ibid: 52–53]. As mentioned above, in this study we consider these three types of fiction in order to determine the fantastic elements in the stories *Nevsky Prospect*, *The Nose* and *The Portrait* written by N. V. Gogol, what is also the main goal of this paper.

The question whether the fantastic elements are connected in any way with the biography of the author himself is very relevant for this study. One can answer it briefly by listing a few facts from his life. Nikolai Vasilievich was born in 1809 in Ukraine, in the family of a small landowner. His father, Vasily Afanasyevich Gogol, was fond of literature, and he himself composed comedies and prose, filled with Ukrainian legends and folklore [Sergievsky 1956: 11]. This situation, naturally, influenced the formation and worldview of N. V. Gogol, and it was thanks to his father that he early fell in love with books, theater and got acquainted with folk life and folk art [ibid: 13].

[1] By the term "mythological representations" we mean various cultural symbols. Based on the theory of K. G. Jung, cultural symbols are symbols with which representatives of various cultures tried to express "eternal truth", but gradually these symbols became collective representations [Jung 2017: 89].

In 1828, Gogol moved to St. Petersburg, where he decided to start working in public administration, and at the same time he tried to write. At the very beginning, his works received unfavorable reviews, so in 1829 the author began to travel to Western Europe. When he returned to St. Petersburg, he began to write again. His first work, favorably received by critics, was the stories of *Evenings on a Farm near Dikanka* [Kovačičová 2007: 171–172]. In addition to "*Evenings*…" he also wrote a large number of outstanding works. Among them are the stories that are analyzed in this article – *Nevsky Prospect, the Nose* and *the Portrait* from the St. Petersburg cycle. The most famous works from this series, first published under the name *Arabesques*, were the stories *Nevsky Prospect, The Portrait* and *The Notes of a Madman*. They were later supplemented by the stories *The Nose* and *The Overcoat*, and were published under the name *Petersburg Tales*. All these literary texts are so relevant that even now they are undergoing scientific research.

From the point of view of the fantastic in the work of Gogol, for example, V. V. Shumko identifies three waves. The first wave is Ukrainian fantastic (as it was pointed by R. V. Jezuitova), related to the poetics of romanticism. The second is the gap between romanticism and realism, and the third wave is Petersburg fantastic, which refers to realism. In the third wave, the real and otherworldly worlds coexist, but the magical is a small part of the real, and thus fades into the background. The works of the third wave of Gogol's fantastic are, according to V. V. Shumko, often supplemented with caustic satire [Shumko 2006: 46].

R. M. Khusainova divided Gogol's fantastic fiction into three types. The first type is sheer fantasy. The fantastic takes an active part in works of this type. The action of such works usually refers to the past and the reader learns about fantastic events either from the author-narrator, or from the character acting as the narrator. For these works, in her opinion, it is characteristic that the images of fantastic forces have only an evil inclination, and in them the fantastic is mixed with reality. To this type, R. M. Khusainova attributes such Gogol's works as, for example, *The Night before Christmas, Terrible Revenge*, and others [Khusainova 2014: 593–594].

The second type, in her opinion, is implicit fantastic. It consists in an indirect indication of the unreality of what is happening. The action takes place at the present time and there is a feeling that the author is trying to soften the unreal impression made on the reader. Science fiction in such works is revealed through legends, most often found in prefaces or epilogues. R. M. Khusainova emphasizes that such fiction is present in parallel with the real line, and it is transmitted through the motive of dreams or rumors. She argues that such fantastic can be seen in the works *May Night or the Drowned Woman* and *the Sorochinskaya Fair* [ibid: 594].

The third type is a special kind of fantastic – non-fantastic, typical of Gogol's later works. This type is the interweaving of reality with unreality. Thanks to the transformation, mythological archetypes converge and complement each other. Thus, the fantastic becomes something ordinary. In her opinion, Gogol's later works belong to this type. But since she was interested precisely in stories from the collection *Evenings on a Farm near Dikanka*, she attributed the story *Ivan Fedorovich Shponka and His Auntie* to this type [ibid: 594]. However, in our opinion, the stories included in *the Petersburg Stories* can be attributed to it as well.

On the basis of all the above classifications, we consider the classification of Gogol's fantasy elaborated by R. M. Khusainova adequate, because it seems to us the most accurate. At the same time, as already mentioned, we believe that Gogol's work cannot be defined or attributed to a single direction, because in each work one can find the poetics of both realism and romanticism, although not to the same extent. This allows us to view fantastic elements regardless of direction.

After studying the definitions of the above classifications, we turn to the analysis of fantastic elements in Gogol's stories *Nevsky Prospect, The Nose* and *The Portrait*. At the very beginning, it should be noted that in the story of *Nevsky Prospect*, the fantastic is not expressed by the definite fantastic elements. This means that the character of the work does not encounter something supernatural, he himself does not even feel anything extraordinary or unreal. This type of fiction in Gogol's works can be attributed to non-fiction fiction, which consists in the interweaving of the real with the unreal. Thus, the essence of fiction in this work lies in the impression made on the reader, namely, in the obsession of one of the main characters with the girl he met on Nevsky

Prospect, as well as in his decision to live in a dream, since it turns out to be difficult for him to live in reality. In this work, the unbearability of the real life of one of the main characters is shown in their duality, which is at the same time contrasting. In this story, we can observe a philosophical convention, which consists in the feelings and behavior of the main characters, which require decoding.

The *Nevsky Prospect* story is divided into two parts. The first is the story of the artist Piskarev, and the second tells about lieutenant Pirogov. Both of these stories are intertwined at the very beginning, when both characters meet beautiful women on Nevsky Prospekt and decide to follow them, and in the conclusion, when their fate is discussed: *"How strangely, how incomprehensibly does our fate play games with us! Do we ever get what we wish for? Do we ever attain that which it seems our powers have been purposely prepared for? Everything turns out quite the reverse. Fate has given one man he most splendid horses, and he rides out with them indifferently, without noticing their beauty at all – while another man, whose heart burns with a passion for horses, walks on foot and has to content himself with clicking his tongue when they lead a trotter past him"* [Gogol 2020: 152].

It can be stated that the behavior of both characters is contrasting. Piskarev is an artist passionately looking for a woman he met on Nevsky Prospekt, and was disappointed in her when he found out who she really was. Despite this, he can't forget her anyway. Lieutenant Pirogov also learns that the woman he is caring for is unattainable because she is married. This means that both characters are drowned out by passion. Finally, everyone had their own way out of this situation: Piskarev had a frenzied love for an unfamiliar woman, but he could not come to terms with her way of life, so he began to meet her in his dreams as a moral, pure soul. After he confesses his love to a stranger, he gets a negative answer and kills himself. On the contrary, Pirogov is tormented by passion, more instinctive. After being beaten by the husband of a stranger for trying to kiss her, he first decides to denounce him, but gradually resigns himself and continues to live as before. Thus, it can be argued that both characters are somewhat similar to each other, but at the end of the story their fates are different. J. Dohnal calls this similarity synchronous external duality. It, in his opinion, consists in the creation of two literary heroes who actually do the same thing [Dohnal 2010: 113].

It is also important to note that in the attempt to escape from real life into a dream in the case of Piskarev one can see a fantastic convention. The hero's reality was gradually erased with dream, *"Finally dreams became his life, and from that time his whole life took a strange turn. One might say that he slept while he was awake and stayed awake while he was asleep"* [Gogol 2020: 134]. The character began to live in a dream and idealized the woman he met on Nevsky Prospekt. After he "woke up" and realized that she was not what he thought of her, he killed himself. This can be taken as a fact that the appearance of sleep is justified by the unbearability of real life. The opposition of the dream to reality gives the whole story a fantastic dimension.

Among other things, in Piskarev's passionate love for an unknown woman, it is possible to find the features of a romantic character who dies because he loses his romantic ideas about love.

The Nose story is hyperbole with a comic character. Based on the classification of fiction by E. N. Kovtun, hyperbole can be attributed to satirical conventions, with the help of which situations can arise in a work that destroy the illusion of reliability. At the same time, according to A. Yu. Bychkova, the fantastic of *the Nose* story lies in the use of mythopoetic elements, of which the nose itself is the most expressive. The nose is associated precisely with the sense of smell, and the effect of smells for a long time was something magical, therefore, for example, shamans often used smells in their rituals. A. Yu. Bychkova suggests that a mythological worldview of N. V. Gogol affected the function of the nose and its ability to control the life processes of their owners [Bychkova 2013: 15]. We agree with this opinion, and also consider the function and meaning of the nose to be the most fantastic in this work. Thus, it can be argued that in this work the fantasy is obvious. It consists in the fact that the nose of the collegiate assessor, Major Kovalev, will separate from his face for a short time and acquire its identity. Why did the official lose his nose? I. D. Ermakov considers the loss of the nose to be a sign of castration fears, because the nose, in his opinion, is closely related to phallic symbolism. Based on the theory of Z. Freud, he observes such

symbolism in other works of Gogol [Ermakov 2008: 351–355]. We do not support this opinion and believe that the story of *The Nose* is a typical work of Gogol, in which, with the help of fantastic elements, it reveals the problem of the "little man" and the nose itself is an allusion to this type of character.

It should also be noted that the story *The Nose* was first called *The Dream* [ibid: 357]. The connection between these names lies not only in their mirror image, but also in the fact that there is a mythopoetic connection between them. Gogol initially narrowed everything that was happening to a dream. After the renaming of the work, the theme of dream remained only in a symbolic meaning [ibid: 358]. The fact that everything that happens is only a dream of the protagonist, we can find out at the very beginning of the work, when the protagonist wakes up, takes a mirror in his hands and learns about the loss of his nose. The assertion of the dream also occurs at the end, when this situation is repeated: the character wakes up from a bad dream, takes the mirror in his hands again and sees that his nose is already in place. Thus, the dream becomes the basis of the whole work.

As mentioned above, it is typical of Gogol's later works that he depicted the problems of ordinary, "small" people. At the same time, he paid the most attention to their well-being in society. Most often these were characters from a business environment with an inferiority complex. Thus, Gogol in *The Nose* story chose two main characters. The first is collegiate assessor Kovalev, who recently became major, of which he was very proud: *"Kovalyov was a collegiate assessor of the Caucausus. He had only been at that rank for two years and therefore could not forget about it for a single moment, and so as to lend himself nobility and weight, he never called himself 'Collegiate Assessor', but always 'Major'"* [Gogol 2020: 202]. The second is the nose (like Kovalev's alter ego), which for a short time acts as an independent hero. The nose is an organ, or part of the human face, without which it seems possible to live. This is exactly what the doctor said to Kovalev when he came to him: "Wash often with cold water, and I assure you that, without a nose, you will be just as healthy as if you had one" [ibid: 63]. Thus, the story *The Nose* can be perceived from two points of view: on the one hand, nose as a sign of "littleness", which, after being separated from the rest of the face, shows its significance; on the other hand, as a collegiate assessor, Kovalev is primarily concerned with the opinion of other people about him, i. e. he cannot remain without a nose. We believe that Gogol in this work ridicules the superficial approach of "little" people, for whom it is important not what a person is inside, but outside, in order to take him seriously.

In the story *The Nose*, we can also find the theme of duality. According to J. Dohnal, here we come across with a synchronous internal and external duality. He sees this type of duality in the physical split of the protagonist Kovalev, when his nose begins a short life [Dohnal 2010: 116]. We agree with the opinion of the literary critic, because we also identified two main characters in the story who are intertwined with each other, with one acting as the alter ego of the other.

The third and final story that is subject to our analysis is the story *The Portrait*. According to A. M. Basom, *"Portret occupies a unique position in Gogol's work not only in that it was published by the author in two very different versions, but also because seven years (1935–1842), those ciritical to Gogol's maturation as a writer, passed between the first and second writings of this story"* [Basom 1994: 419]. This view to *The Portrait* is also held by R. Pevear, who states that *"the fantastic and the diabolical were always essential dimensions of his world, never more so than in The Portrait"* [Pevear 1999: 8].

We believe that in this work it is possible to contemplate the fantastic on two levels. Based on the typology of E. N. Kovtun, we believe that in the story *The Portrait* one can find both philosophical and mythological conventions. As we have already noted above, in philosophical convention, the text is subjected to decoding of symbolic descriptions. We find it in the way the main character received a large sum of money and decided to become a fashion artist. The main character, Chartkov, had a dream from which he could not wake up for a long time. The dream tells of a man painted in a portrait, how he comes to Chartkov's bed and leaves him money. After Chartkov wakes up, he actually finds the money hidden in the frame of the portrait. He solves the dilemma, whether to spend the money only for his own needs and continue to work, and thus deepen his knowledge, or immediately spend it and become a fashion artist in order to earn even more money.

A very similar dream situation occurs at the end of the first part of the story. Chartkov cannot "wake up", but only from reality, since he dies in a rage and sees portraits everywhere, looking at him with the expressive eyes of the devil: "*All the people around his bed seemed to him to be horrible portraits. This portrait doubled, multiplied fourfold before his eyes, and finally he had the vision that all the walls were hug with these horrible portraits that fixed their immobile living eyes on him*" [Gogol 2020: 91]. Thus, in our opinion, the beginning and the end of the first part are intertwined. The fact that Chartkov bought up all the paintings in order to destroy them, and finally he destroyed himself, also acquires a philosophical dimension.

The mythological convention, in the center of which is the theme of man's service to supernatural forces, is revealed in the very portrait of the usurer bought by Chartkov. The character of the usurer is only mentioned in the story, since he does not directly appear in it. It is he who possesses the mystical powers of the devil, since every person who encounters him suffers an unfavorable fate. Only the artist who painted his portrait saved himself from his devilish power, for some time he moved to live in a monastery. With the help of an ascetic life and a strong faith in God, he again managed to find himself, in which one can see the mythological image of the struggle between good and evil – the devil-tempter in the person of a usurer with a strong faith in God, which helped the character not to go insane.

The story *The Portrait* is about a young, talented artist Chartkov, who "sells his soul to the devil" for the sake of money and fame. We believe that the devil in this story is the moneylender painted on the portrait, and all his strength lies in the vividly drawn eyes that amaze everyone looking at the portrait. Thus, here, as in the story of *The Nose*, it tells about a part of the face that has supernatural powers, namely about the eyes that can look at a person from the inside and tempt him. Moreover, as I. Annensky notes, the story *The Nose* has a cheerful character, and *the Portrait* is scary [Annensky 2008: 208].

J. Dohnal in connection with the story *The Portrait* emphasizes duality, specifically – a consistent internal, which consists in Chartkov's change after enrichment. The character Chartkov thus represents two people: first, Chartkov as a young artist who acquired the portrait, and, secondly, Chartkov after enrichment. As J. Dohnal notes, the character at the end of the first part ended up at a crossroads, because, having seen the work of an artist who came from Italy, he had to choose whether to remain a fashionable artist or return to his former life as a poor but talented artist who would have a lot work to reach the master level. J. Dohnal emphasizes that Chartkov finally chose the third path – to buy up and destroy all the outstanding paintings. Thus, he not only spent all the money, but also destroyed all the purchased paintings. J. Dohnal considers this to be Chartkov's transition to a new degree of duality – synchronously internal [Dohnal 2010: 114].

Based on the above, we come to the conclusion that all three stories, in addition to the typical Gogol's theme of the "small man", are connected by another main element that contributes to the expression of the fantastic in the work, and this is a dream. In all works, dream has magical powers. In *Nevsky Prospekt*, it is dream that plays a major role, because the main character experiences happiness and fulfillment of his life only when he sleeps. Thus, the magic, or the fantastic, is contained in the philosophical aspect of this work, the essence of which is the person's desire to escape from real life, in which he does not find satisfaction. The dream in this work is so opposed to reality and for some time becomes the meaning of the life of the protagonist, who dreams of a better future.

In The *Nose*, dream is not only a mirror image, but it plays an important role, since everything that happens is only a dream of the protagonist. But unlike *Nevsky Prospect*, the dream in *The Nose* story is a nightmare for the protagonist. *The Portrait* is also associated with a dream, but this connection can be realized just when the main character meets in a dream the devil embodied in usurer, who comes out of the picture frame and gives him a large amount of money, which ultimately ruins his life. Thus, it can be stated that for all the characters the dream has become something supernatural, which evoked a fantastic feeling.

In our study, we presented one point of view on the selected Gogol's short stories and fantasy, respectively fantastic elements in his work. However, it should be noted that these, as well as many other literary works by this author, are attractive and current objects of research even today, as evidenced by a number of works by lit-

erary scholars or critics who look at Gogol's work from different angles and still strive to bring innovative approaches (also in relation to the popular and frequently discussed theme of Gogol's fantasy). Some rely on the findings of specialists on N. V. Gogol, to which, for example, in the Russian context belongs the Soviet and Russian literary scholar Y. V. Mann, chief editor of the academic Complete Collection of Gogol's Works and Letters in 23 volumes and author of many works on Gogol (for example, *Evolution of Gogol's fantasy,* 1973; *Poetics of Gogol,* 1978; *Nikolay Gogol. Life and art. A reading book with commentary in English,* 1988; *Comprehending Gogol,* 2005; *Gogol's work. Sense and form,* 2007; *N. V. Gogol. Fate and work,* 2009, and many others), G. A. Gukovsky (*Gogol's realism*, 1959), S. G. Bocharov (*The Nose'and the secret of the face*, 1985), O. G. Dilaktorskaya (*The fantastic in N. V. Gogol's Petersburg Tales*, 1986), L. Magazanik (*The Nose: Morphology and metaphysics of name and trope*, 1996), N. A. Sindalovsky (*Fantastic world of the Gogol folklore, or from Gogol's nose to Gogol's The Nose*, 2009) or A. Bely (*The Mastery of Gogol*, 2011). Other scientists and critics follow the methods of psychoanalysis applied to Gogol's work (for example, D. Rancour-Laferriere and his work – *Out From Under Gogol's Overcoat: A Psychoanalytic Study*, 1982; *All the World's a Vertep: The Personification / De-personification Complex in Gogol's Sorochinskaja jarmarka*, 1982; *Unstitching Gogol's OVERCOAT: A Retrospective Footnote to Out From Under Gogol's Overcoat*, 1984, and others), but there are also those who, from fiction and grotesque in Gogol's work, head forwards explore his satire of bureaucracy, and to acquire the knowledge that the work of N. V. Gogol can bring for administrative and bureaucratic criticism, which is even considered beneficial also for the analysis of the social sciences and the position of officials in today's world (for example, R. Peace in his study *The nineteenth century: the natural school and its aftermath*, 1840–1855, 1992; or E. Samier and J. Lumby in the study *Alienation, Servility and Amorality: Relating Gogol's Portrayal of Bureau pathology to an Accountability Era*, 2010 and others). It can therefore be stated that the literary works of N. V. Gogol are an inexhaustible and living source of scientific research.

Литература

Анненский, И. Проблема гоголевского юмора / И. Анненский // Гоголь в русской критике. Антология / сост. С. Г. Бочаров. – М. : Фортуна ЭЛ, 2008. – С. 193–208.

Бычкова, А. Ю. Нос и его обонятельная функция как художественный образ в творчестве Н.В. Гоголя и в произведениях западноевропейской литературы / А. Ю. Бычкова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372. – С. 13-18.

Гоголь в русской критике. Антология / сост. С. Г. Бочаров. – М. : Фортуна ЭЛ, 2008. – 720 с.

Гоголь, Н. В. Петербургские повести / Н. В. Гоголь. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1984. – 192 с.

Ермаков, И. Д. Из статьи *Нос* / И. Д. Ермаков // Гоголь в русской критике. Антология / сост. С. Г. Бочаров. – М. : Фортуна ЭЛ, 2008. – С. 350-368.

Ковтун, Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. На материале европейской литературы первой половины XX века / Е. Н. Ковтун. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 308 с.

Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Восточная литература РАН, 2000. – 407 с.

Сергиевский, И. В. Н.В. Гоголь; жизнь и творчество / И. В. Сергиевский. – М. : Государственное изд. детской литературы министерства просвещения РСФСР, 1956. – 190 с.

Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров ; пер. с франц. Б. Нарумова. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. – 144 с.

Хусаинова, Р. М. Типы фантастического в повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя / Р. М. Хусаинова // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19, № 2. – С. 592–595.

Шахнович, М. И. Первобытная мифология и философия / М. И. Шахнович. – Ленинград : Наука, 1971. – 240 с.

Шумко, В. В. Фантастический жанр в литературе XIX-XX веков: становление и развитие / В. В. Шумко. – Витебск : Издательство УО «ВТУ им. Машерова», 2006. – 77 с.

Basom, A. M. The Fantastic in Gogol's Two Versions of "Portret" / A. M. Basom // The Slavic and East European Journal. – 1994. – Vol. 38, № 3. – С. 419-437.

Dohnal. J. Двойничество в цикле «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя / J. Dohnal // Litteratia humanitas. N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase. – Brno : Masarykova univerzita ; Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010. – С. 111–117.

Figedyová, M. Stereotypné vnímanie pojmov „ruský – cudzí" v poviedke N.V. Gogoľa Portrét / M. Figedyová // Zborník z konferencie Katedry rusistiky Filozofickej fakulty UCM v Trnave a Katedry ruského jazyka a ruskej literatúry Historicko-filologickej fakulty Belgorodskej štátnej národnej výskumnej univerzity. – Brno : Tribun, 2018. – С. 123–129.

Gogol, N. The Nose and Other Stories / N. Gogol. – New York : Columbia University Press, 2020. – 368 c.
Jung, C. G. Člověk a jeho symboly / C. G. Jung. – Praha : Portál, 2017. – 320 c.
Kovačičová, O. Slovník ruskej literatúry 11. – 20. Storočia / O. Kovačičová, a kol. – Bratislava : VEDA, vydavateľstvo SAV, 2007. – 584 c.
Pevear, R. Preface / R. Pevear // The Collected Tales of Nikolai Gogol. – New York : Random House USA, 1999.

References

Annensky, I. (2008). Problema gogolevskogo yumora [The Problem of Gogol's Humor]. In Bocharov, S. G. (Ed.). *Gogol'v russkoi kritike. Antologiya*. Moscow, Fortuna EL, pp. 193–208.
Basom, A. M. (1994). The Fantastic in Gogol's Two Versions of "Portret". In *The Slavic and East European Journal*. Vol. 38. No. 3, pp. 419–437.
Bocharov, S. G. (Ed.). (2008). *Gogol'v russkoi kritike. Antologiya* [Gogol in Russian Criticism. Anthology]. Moscow, Fortuna EL. 720 p.
Bychkova, A. Yu. (2013). Nos i ego obonyatel'naya funktsiya kak khudozhestvennyi obraz v tvorchestve N. V. Gogolya i v proizvedeniyakh zapadnoevropeiskoi literatury [The Nose and Its Olfactory Function as an Artistic Image in the Works of N. V. Gogol and Western European Literature]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 372, pp. 13–18.
Dohnal, J. (2010). Dvoinichestvo v tsikle «Peterburgskikh povestei» N. V. Gogolya [Duality in the Cycle of "Petersburg Stories" by N. V. Gogol]. In *Litteratia humanitas. N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase*. Brno, Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, pp. 111–117.
Ermakov, I. D. (2008). Iz stat'i *Nos* [From the Article *Nose*]. In Bocharov, S. G. (Ed.). *Gogol'v russkoi kritike. Antologiya*. Moscow, Fortuna EL, pp. 350–368.
Figedyová, M. (2018). Stereotypné vnímanie pojmov „ruský – cudzí" v poviedke N. V. Gogoľa Portrét. In *Zborník z konferencie Katedry rusistiky Filozofickej fakulty UCM v Trnave a Katedry ruského jazyka a ruskej literatúry Historicko-filologickej fakulty Belgorodskej štátnej národnej výskumnej univerzity*. Brno, Tribun, pp. 123–129.
Gogol, N. (2020). *The Nose and Other Stories*. New York, Columbia University Press. 368 p.
Gogol', N. V. (1984). *Peterburgskie povesti* [Petersburg Stories]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 192 p.
Jung, C. G. (2017). *Člověk a jeho symboly*. Praha, Portál. 320 p.
Khusainova, R. M. (2014). Tipy fantasticheskogo v povestyakh sbornika «Vechera na khutore bliz Dikan'ki» N. V. Gogolya [Types of the Fantastic in the Stories of the Collection "Evenings on a Farm near Dikanka" by N. V. Gogol]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Vol. 19. No. 2, pp. 592–595.
Kovačičová, O. et al. (2007). *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia*. Bratislava, VEDA, vydavateľstvo SAV. 584 p.
Kovtun, E. N. (1999). *Poetika neobychainogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi i mifa. Na materiale evropeiskoi literatury pervoi poloviny XX veka* [Poetics of the Extraordinary: The Artistic Worlds of Fantasy, Magic Fairy Tale, Utopia, Parable and Myth. Based on the Material of European Literature of the First Half of the 20th Century]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 308 p.
Meletinsky, E. M. (2000). *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. 407 p.
Pevear, R. (1999). Preface. In *The Collected Tales of Nikolai Gogol*. New York, Random House USA.
Sergievsky, I. V. (1956). *N. V. Gogol'; zhizn'i tvorchestvo* [Gogol; the Life and Work]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoi literatury ministerstva prosveshcheniya RSFSR. 190 p.
Shakhnovich, M. I. (1971). *Pervobytnaya mifologiya i filosofiya* [Primal Mythology and Philosophy]. Leningrad, Nauka. 240 p.
Shumko, V. V. (2006). *Fantasticheskii zhanr v literature XIX–XX vekov: stanovlenie i razvitie* [Fantastic Genre in the Literature of the 19th and 20th Centuries: Formation and Development]. Vitebsk, Izdatel'stvo UO «VTU im. Masherova». 77 p.
Todorov, C. (1999). *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu* [An Introduction to Fantastic Literature]. Moscow, Dom intellektual'noi knigi. 144 p.

Сведения об авторах

Громинова Андреа – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой русистики, философский факультет, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Республика Словакия).
Адрес: Nám. J. Herdu 2, 917 01 Trnava, Slovak Republic.
E-mail: andrea.grominova@ucm.sk.

Шпачекова Зина – аспирант кафедры русистики, философский факультет, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Республика Словакия).
Адрес: Nám. J. Herdu 2, 917 01 Trnava, Slovak Republic.
E-mail: zina.spacekova@gmail.com

Authors' information

Grominová Andrea – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of Department of Russian Studies, Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovak Republic).

Špačeková Zina – Postgraduate Student of Department of Russian Studies, Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovak Republic).

УДК 821.161.1-4(Соллогуб В. А.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-15.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44. ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.01

«САЛАЛАКСКИЕ ДОСУГИ» В. А. СОЛЛОГУБА В КОНТЕКСТЕ ЦИКЛООБРАЗОВАНИЯ 1850-х ГОДОВ

Сутягина Т. Е.
Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9842-6194

Попова М. Ю.
Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4918-2111

Аннотация. Произведение В. А. Соллогуба «Салалакские досуги» (1855) до настоящего времени не переиздавалось и не становилось предметом жанрового анализа. В ходе исследования авторы статьи (опираясь на жанровую концепцию Н. Л. Лейдермана) доказывают, что «Салалакские досуги» – цикл, связующими элементами которого являются единство тематики и проблематики; преобладание личных субъектных форм выражения авторской позиции (в т. ч. наличие общего для большинства очерков цикла личного повествователя – «тифлисского фельетониста»); особая архитектоника и пространственно-временная организация (включающая хронотоп дороги, мотивы испытания и встречи), направленные на раскрытие мира кавказской природы и народонаселения; ассоциативные «скрепы» (образы, мотивы, символы, интертекстуальные и сверхтекстовые отсылки), поддерживающие внутреннее единство цикла и углубляющие его проблематику; различные оттенки интонирования, посредством которых выражается разнообразие кавказских флоры и фауны, этносов и их традиций, а также создается единое эмоциональное пространство произведения. Рассмотрение «Салалакских досугов» в контексте циклообразования 1850-х гг. позволяет авторам сделать вывод о том, что произведение В. А. Соллогуба является *эпическим циклом* (термин Ю. В. Лебедева), для которого (вследствие слияния новеллистической и очерковой циклообразовательных традиций двух предыдущих десятилетий) характерно многоаспектное изображение одной темы, равнозначная акцентуация пространственной и временной специфики, незавершенность, «композиционная рыхлость», актуализация ассоциативного мышления, неоднородность жанрового состава цикла, связанная, в частности, с процессом романизации. В заключении обосновывается закономерность обращения В. А. Соллогуба к эпическому циклу (как в контексте жанровых процессов середины XIX в., так и в аспекте художественных поисков писателя), отмечается динамика повествовательных жанров в творчестве В. А. Соллогуба: «Салалакские досуги» свидетельствуют о постепенном движении писателя к крупной жанровой форме – роману «Через край» (1885), создание которого во многом было подготовлено эволюцией центрального соллогубовского типа – «доброго, но безвольного малого».

Ключевые слова: эпические циклы; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы.

“SALALAK LEISURE” BY V. A. SOLLOGUB IN THE CONTEXT OF CYCLIZATION IN THE 1850S

Tatyana E. Sutyagina
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: 0000-0002-9842-6194

Maria Yu. Popova
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4918-2111

© Т. Сутягина, М. Попова, 2021

Abstract. The work of V. A. Sollogub "Salalak Leisures" (1855) has not been republished until now and has not become the subject of genre analysis. In the course of the study, the authors of the article (based on the genre concept of N. L. Leiderman) prove that "Salalak Leisures" is a cycle, the connecting elements of which are the unity of themes and problems; the predominance of personal subjective forms of expression of the author's position (including the presence of a cycle of the personal narrator common for most essays – the "Tiflis feuilletonist"); special architectonics and spatio-temporal organization (including the chronotope of the road, motives of testing and meeting), aimed at revealing the world of Caucasian nature and population; associative "braces" (images, motives, symbols, intertextual and supertext references) that support the inner unity of the cycle and deepen its problems; various shades of intonation, through which the diversity of the Caucasian flora and fauna and ethnic groups and their traditions are expressed, as well as a single emotional space of the work is created. Consideration of "Salalak Leisures" in the context of the cycle formation of the 1850s allows the authors to conclude that the work of V. A. Sollogub is an epic cycle (the term of Yu. V. Lebedev), for which (due to the merger of the novelistic and essay cycle-forming traditions of the two previous decades) is characterized by a multifaceted image of one theme, an equivalent accentuation of spatial and temporal specificity, incompleteness, "compositional looseness", actualization of associative thinking, and heterogeneity of the genre composition of the cycle, associated, in particular, with the process of novelization. In the conclusion, the regularity of V. A. Sollogub's appeal to the epic cycle (both in the context of the genre processes of the middle of the 19th century and in the aspect of the writer's artistic search) is substantiated and the dynamics of narrative genres in V. A. Sollogub's work is noted: "Salalak Leisures" suggest the writer's movement towards a large genre form – the novel "Over the Edge" (1885), the creation of which was largely prepared by the evolution of the central Sollogub character – "a kind, but weak-willed good old sport".

Keywords: epic cycles; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary characters.

Для цитирования: Сутягина, Т. Е. «Салалакские досуги» В. А. Соллогуба в контексте циклообразования 1850-х годов / Т. Е. Сутягина, М. Ю. Попова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 178–189. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-15.

For citation: Sutyagina, T. E., Popova, M. Yu. (2021). "Salalak Leisure" by V. A. Sollogub in the Context of Cyclization in the 1850s. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 178–189. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-15.

«Пройдёт и ещё много лет, много нынешних знаменитостей будет безвозвратно погребено в старых библиотеках и имена их будут забыты навсегда, а имя гр. Соллогуба будет всегда стоять в первых рядах лучших русских писателей», – писал анонимный автор в номере журнала «Русская мысль» за 1886 г. [Цит. по: Тарантас]. Однако имя В. А. Соллогуба (1813–1882) словно бы вычеркнуто из истории русской литературы. Творческое наследие писателя не изучено в полном объеме. В литературоведении негласно принято считать заслуживающими внимания исключительно повести В. А. Соллогуба конца 30-х – первой половины 40-х гг. XIX в., успех которых подтвержден многочисленными восторженными откликами критиков и читателей. Интерес современных исследователей вызывает позднее творчество писателя (мемуары, воспоминания, роман «Через край»), хронологически ознаменованное рамками 70–80-х гг. Произведения середины века остаются неизученными до сих пор.

В обзорах жизни и творчества писателя данный период, в основном, обозначается двумя «точками»: 1850 г. (повесть «Старушка», водевиль «Беда от нежного сердца») и 1856 г. (комедия «Чиновник»). Однако этими произведениями не исчерпывается творчество писателя обозначенного периода. В 1855 г. В. А. Соллогуб принимается за составление собственного собрания сочинений, в которое вошли все его произведения, а также ряд неопубликованных ранее текстов, написанных в период пребывания В. А. Соллогуба на Кавказе и заявленных автором под общим названием «Салалакские досуги». Публикация данного произведения не привлекла внимания современников и критики. Более того, «Салалакские досуги» не переиздавались ни при жизни писателя, ни после его смерти, а потому произведение оказалось незнакомо широкому кругу читателей. Между тем, на наш взгляд, оно является незаслуженно забытым и представляет особый интерес в контексте жанровой динамики творчества писателя.

В немногочисленных работах, содержащих упоминание о «Салалакских досугах», нет единообразия относительно пони-

мания жанровой природы произведения. Так, А. С. Немзер пишет, что В. А. Соллогуб в 1850-е гг. «публикует этногр. <афические> очерки (позднее объединены в *цикл* „Салалакские досуги“; вошли в Соч.<инения>, т. 5)» [Немзер 2007, V: 727][1]. И. Л. Багратион-Мухранели именует «Салалакские досуги» *сборником*, в котором соседствуют «очерки экономические… геологические, искусствоведческие, литературно-критические» [Багратион-Мухранели 2012: 48; см. также: она же 2012: 312–317]. Следовательно, по мнению Багратион-Мухранели, «очерки» – самостоятельные произведения, собранные под одной обложкой. Стоит отметить, что упомянутые исследователи являются авторами обзорных статей о жизни и творчестве писателя. Поэтому задачи изучения «Салалакских досугов» (и, тем более, обоснования их жанровой природы) они перед собой не ставили. Таким образом, вопрос о жанровой специфике произведения В. А. Соллогуба остается актуальным, чем и обусловлено наше обращение к нему.

Представляется продуктивной попытка рассмотрения «Салалакских досугов» в контексте циклообразования 1850-х гг.[2] Ю. В. Лебедев отмечал, что «за очерковым циклом 1850-х гг. стоит совершенно иной образ мира [нежели за циклом 1840-х гг. – *Т. С., М. П.*] <…> Уже как будто и не автор, а *сама жизнь* в своём повседневном течении *высвобождает* неожиданные и непредвиденные с философских высот *связи и обобщения*» [Лебедев 1973: 29]. Как утверждает исследователь, цикл 1850-х гг. соединил в себе циклообразовательные традиции двух предшествующих десятилетий: новеллистическую (1830-е гг.) и очерковую (1840-е гг.). Характерная для очеркового цикла нацеленность на общеизвестное и объективное сливалась с активизацией субъективного начала, свойственной новеллистическому циклу. Апелляция к предметно-пространственному изображению в циклах 1840-х гг. соединялась с равнозначным акцентированием временной специфики изображаемого мира, что усложняло его хронотоп. Вследствие этого цикл 1850-х гг. становился оперативным жанром, выражающим «бытие современности в её эпохальной и локальной конкретности» [см. об этом: Ляпина 1999: 156–158].

Наряду с индивидуализацией повествования рационалистически упорядоченный мир, свойственный циклам физиологических очерков 1840-х гг., в циклических образованиях следующего десятилетия оказывался фрагментарным, отрывочным, незавершенным, что приводило к «композиционной рыхлости» [Лебедев 1977: 70] и требовало выработки принципов скрепления разрозненных частей в целостную картину. Одним из таких принципов становилась «актуализация ассоциативного мышления» [Ляпина 1999: 176] на сюжетно-композиционном уровне, что проявлялось в тщательном обдумывании авторами расположения очерков внутри цикла, образных и мотивных перекличек между ними. Следствием взаимодействия двух циклообразовательных традиций оказывалась «жанровая гибридность» [Лебедев 1975: 33], то есть неоднородность входящих в цикл жанров или «полижанровость» структуры цикла [Фуникова 2010: 16]. Полагаем, проявление данной тенденции в произведении В. А. Соллогуба стало одной из причин неоднозначности его жанровой номинации.

«Салалакские досуги» посвящены теме освоения кавказского края, которая начала активно разрабатываться в произведениях русской словесности в период войн на Кавказе (1818-1861). Заветная страна «широкой раздольной воли… неисчерпаемой поэзии… кипучей жизни и смелых мечтаний» [Белинский 1955, VII: 373] и ранее нередко становилась предметом изображения в творчестве А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и др. В. А. Соллогуб попытался по-своему интерпретировать актуальную для его времени тему. Проблематика

[1] При этом А. С. Немзер не поясняет, какие именно очерки, по его мнению, вошли в «Салалакские досуги», но неоконченную повесть «Иван Васильевич на Кавказе» и статью «Несколько слов о начале кавказской словесности» исследователь помещает в один ряд с «Салалакскими досугами». Однако сам В. А. Соллогуб при составлении собрания сочинений включил два названных произведения в «Салалакские досуги». Здесь и далее курсив в цитатах наш. – *Т. С., М. П.*

[2] В своем исследовании «Салалакских досугов» В. А. Соллогуба мы опираемся на жанровую концепцию Н. Л. Лейдермана. По мнению ученого, жанр – «„механизм“, который из комбинации составных элементов (носителей жанра) формирует художественную систему, именуемую произведением искусства», при этом «каждый отдельный носитель жанра несет на себе печать всего жанра» [см.: Лейдерман 2010: 138–142].

«Салалакских досугов» включает вопросы своеобразия кавказского климата, растительного и животного мира, характеров людей, проживающих на разных территориях Кавказа, их традиций и обычаев, культуры и истории. Все аспекты выбранной писателем темы кратко обозначены в очерке, открывающем «Салалакские досуги» («Очерк Кавказа»), а затем более подробно освещаются в отдельных произведениях.

Многоаспектному изображению Кавказа в произведении В. А. Соллогуба способствует субъектная организация. Образ автора в «Салалакских досугах» представлен различными субъектными формами: от безличного повествователя до личного повествователя и героя-рассказчика.

В первых трех очерках («Очерк Кавказа», «Изменения на лезгинской линии», «Алагирский серебро-свинцовый завод») повествование ведется от третьего лица (безличный повествователь). Они посвящены сопоставлению русской и кавказской природы и культуры, а также содержат описание специфики Кавказского хребта как пространства, являющегося причиной разнообразия орографии края, его климатологии и этнографии. Введение цепочки причинно-следственных связей требовало научного изложения с включением статистических выкладок, поэтому в некоторых случаях наблюдается несоответствие субъекта речи (безличного повествователя) и субъекта выражаемого сознания. В роли последнего выступают ученые О. И. Ходзько, Г. Ф. Паррот, Н. В. Ханыков, А. Гумбольдт, Г. В. Абих и др. (в очерках даются сноски и ссылки на их труды), что придает описанию Кавказа эффект высокой степени объективности.

С четвертого очерка («Манглис») и далее меняется манера повествования: речь становится более «живой», образной, на смену безличному типу повествования приходит персонифицированный и сюжетно проявленный образ автора, выраженный такой субъектной формой, как личный повествователь (он же – «тифлисский фельетонист»[1] (300), «летописец тифлисской жизни» (289)). Именно в свете сознания личного повествователя дается изображение в большинстве произведений «Салалакских досугов»: он «сообщает о событиях и людях, ему хорошо известных… постоянно присутствует в тексте, общается с героями, принимает участие в фабульном действии, хотя и не является главным объектом изображения» [Проскурина 1992: 11].

Поначалу маскируя субъективное «я» за менее субъективным «мы», личный повествователь акцентирует свою причастность к Кавказу («…*мы* поставили себе в приятный долг… побывать в тех местах, где тифлисский житель укрывается от тифлисского лета» (289)) и противопоставляет себя «петербургским фельетонистам» («*У нас* на юге другое дело. На юге человек живет рука об руку с природой» (300)). Таким образом, личный повествователь выражает мировоззрение жителей Кавказа, считая себя носителем коллективного сознания. Данная авторская установка встречается в 14 произведениях из 19, входящих в «Салалакские досуги», и воплощает их центральную идею – взаимообогащение быта и культуры двух (русского и грузинского) этносов. В путевом очерке «Возвращение», посвященном истории путешествия из Сухума в Тифлис, личный повествователь впервые отчетливо выделяет себя среди сопутников: «*Я* вспомнил тогда… об уютных покоях, где мы нежились в спокойных креслах» (329).

Расширение «горизонта видения мира» происходит и за счет использования иных субъектных форм, а также включения в некоторые произведения «Салалакских досугов» речи (а вместе с тем и сознаний) других героев. Так, субъективированной формой выражения авторской позиции в неоконченной повести «Иван Васильевич на Кавказе» становится автор-повествователь. При этом Кавказ показан и глазами героя повести – сорокалетнего помещика Ивана Васильевича, имеющего стереотипное представление о Кавказе: «Ему так и казалось, что вот сейчас пойдут утесы и пропасти, и что из-за всех углов будут выглядывать зверские лица горцев с винтовками» (472). Характерно использование в повести речи и сознаний офицеров,

[1] Здесь и далее цит. по: Соллогуб, В. А. Салалакские досуги // Сочинения графа В. А. Соллогуба: в 5 т. СПб.: Изд-е А. Смирдина (сына), 1855. Т. 5. С. 236–531 (с указанием номера страницы).

которые рассуждают о Кавказе «по-свойски», без романтических штампов: «– Да штурмовали мы аул: над самой кручей разваливалась башня да меня и прищемила. Шестнадцать часов лежал под камнями. – Помилуйте… да это же страшное положение… об чем же вы думали тогда? – Да об чем же думать? Думал, пропал бедный Терентий. Так и думал, больше об чем же думать? Однако, господа, закусить бы пора» (492).

В произведении «Что такое бенефис?», внешне напоминающем драматический отрывок, встречается еще одна субъектная форма – герой-рассказчик, коим предстает актер Иванов, выступающий перед коллегами с репликой о подготовке бенефиса. Речь рассказчика ориентирована на устное, произносимое слово, а потому буквально пестрит разговорными элементами, упрощёнными синтаксическими конструкциями, обращениями и экспрессивными выражениями: «Вы сами знаете, в каком положении у нас современное драматическое искусство. Во-первых, играть у нас нечего. Во-вторых, играть у нас некому. Выбирай-ка, г-н бенефициант, в репертуар для поддержания твоих доходов, а глядь, в репертуаре такая дрянь, что и смотреть грустно, или такое старье, что всякий наизусть знает» (433).

Несмотря на то, что субъектной формой выражения авторского сознания в последнем очерке («Уплис-цихе») является личный повествователь, «Салалакские досуги» все же завершаются объективированным взглядом на Кавказ, тем самым закольцовывая композицию произведения. Такой эффект достигается за счет включения в очерк отрывка из летописи, повествующей об основании одного из древнейших поселений на Кавказе – Уплис-цихе. Специфика бытования летописного жанра (коллективное авторство) сказывается на речи личного повествователя, в которой выражается несколько неотделимых друг от друга сознаний.

В. А. Соллогуб освещает Кавказ с разных ракурсов, формирующих «горизонт видения мира» в «Салалакских досугах»: многосубъектность произведения, вызванная стремлением дать всеобъемлющий взгляд на предмет изображения – Кавказ, становится важной формой выражения авторской позиции.

Пространственно-временная организация произведения является *внесубъектной* формой выражения авторского сознания [см. об этом: Корман 2006: 101]. Архитектоника «Салалакских досугов» направлена на раскрытие заявленной темы. В. А. Соллогуб делит весь корпус очерков на две части (I: «Очерк Кавказа» – Алагирский серебро-свинцовый завод», II: «Манглис» – «Уплис-цихе»)[1]. Следует отметить особое положение (в идейно-тематическом плане) среди всех произведений первого («Очерк Кавказа») и двух последних очерков («Боржом», «Уплис-цихе»), что, по мнению В. А. Сапогова, является одним из конструктивных принципов составления циклов середины XIX в. [см. об этом: Сапогов 1967: 118].

Специфическими «опорами», на которых «держатся» «Салалакские досуги», становятся очерк «Возвращение» и неоконченная повесть «Иван Васильевич на Кавказе», описывающие два путешествия и перекликающиеся за счет включения в них центрального для всего произведения хронотопа дороги, а также мотивов испытания и встречи. Подобная «римфовка» сюжетных фрагментов, повторяемость хронотопов и мотивов являются признаками циклического повествования [см.: Пономарева 2006: 108].

9 очерков между «Возвращением» и повестью «Иван Васильевич на Кавказе» составляют своеобразное «ядро» «Салалакских досугов». Все они посвящены событиям, происходящим в Тифлисе. Ведущее положение этого города подчеркнуто и в названии произведения: Салалаки – центральный район Тифлиса. Подробное описание людей, событий, обычаев, архитектуры, культуры самого просвещенного города Кавказа воплощает одну из главных идей «Салалакских досугов» – идею синтеза русской и кавказской культур.

Фабульное время произведения ограничивается периодом пребывания личного повествователя на Кавказе (1852–1855) и соотно-

[1] Отметим, что наличие нумерации и названий произведений считается одним из ключевых циклообразовательных принципов [Дарвин 1983: 74].

сится с определенным пространством – городами, по которым он путешествует: Тифлис, Коджор, Боржом, Гори, Манглис, Алагир, Сухум и др. Однако при прочтении произведения возникает иное впечатление: художественное время оказывается значительно шире фабульного. Такой эффект создается за счет частого включения в текст хронотопа дороги: «на дороге („большой дороге") пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многоразличнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов» [Бахтин 2012, III: 489–490].

Раскрыть многообразие кавказского мира природы и народонаселения позволяют мотив встречи и соотнесенный с ним мотив испытания, введение которых в очерке «Возвращение» придает сюжету свойства сказочного: здесь встречаются друзья-помощники (князь Дмитрий, абхазский князь, мергел), волшебные предметы (тарантас), дарители (князь Дмитрий, старый дворянин), вредители (абхазцы), препятствия (шторм, дожди в горах, быстрые потоки глубоких рек, труднопроходимые леса). Преодолевая испытания, повествователь открывает для себя живописные пейзажи Кавказа: видит «снежные вершины… дремучий лес» (324), слышит «бурное завывание недалекого моря» (333), любуется раскинувшейся у ног лесистой долиной, по которой река вьется и теряется «вдали широкой серебряной лентой», небосклоном, замыкающимся на горизонте горами, «чудно освещенными» лучами солнца (356).

Встречи с представителями разной местности становятся иллюстрацией идеи обусловленности культуры и быта людей местом их проживания: от дикой и необузданной жизни в котловинах и горах к более просвещенной жизни на равнинах. Порой «на протяжении нескольких верст можно видеть и изучить три главные эпохи всемирной истории» (253): первобытное время, средневековье и эпоху «настоящего русского владычества» (254). Повествователь встречает на своем пути саклю мингрельца, представляющую собой «большую плохо плетеную корзинку, покрытую листьями и камышом» (335). В Зугдидах ночует во дворце владетельного князя, где его поражает сочетание уважения «к старинным феодальным обычаям» с просвещенным стремлением «ко всем полезным нововведениям» (348). Наконец, самым окультуренным городом, в котором обнаруживается синтез русского и кавказского, по мнению повествователя, является Тифлис.

В очерках, посвященных этому городу, дается изображение не только особенностей климата, но и культурной жизни кавказской столицы: возобновление Сионского собора, открытие театра, издание первого альманаха произведений русских и грузинских писателей о Кавказе. Мимоходом высказанная в других очерках мысль повествователя о византийском стиле как общем протостиле для русской и грузинской архитектур получает развитие в очерке «Возобновление Сионского собора»: «Византийское зодчество, издревле водворившееся в некоторых частях Кавказа, имеет для нас, русских, высокое значение, как коренной, символический, наружный первообраз нашей Церкви» (378–379). Еще одним «скрепом» русской и кавказской культур в «Салалакских досугах» является арабский стиль в архитектуре, что наглядно представлено в очерке «Новый театр в Тифлисе (графу М. Ю. Виельгорскому)»: убранство зала театра напоминает повествователю «предметы древней русской утвари с разноцветной финифтью» (403–404).

Однако не только культура, но и природа Кавказа имеет русские «уголки». В деревне Манглис «тифлисский фельетонист» встречает островок «отчизны на чужбине» в сосновой роще с характерным для русской природы маленьким овражком, где «под ногами грибы… кругом и далее кусты малины и березы… рябина с багровыми гроздьями». Названные приметы родного края вызывают в памяти повествователя другие картины русского быта и природы: «косогор к речке», «мостик у питейного дома», «длинный ряд избенок», «молодицы в душегрейках и парни у колодца» и т. д. Таким образом, Кавказ может не только «заимствовать» русские приметы, но и изначально содержать в себе элементы русской природы, культуры и быта.

Изображаемый в «Салалакских досугах» Кавказ противопоставляется Петербургу как

символу рутинной цивилизованной жизни[1]. Мир Петербурга показан как нечто искусственное («петербургская жизнь устроилась независимо от погоды» (298)), шумное («Ты вспомнил обо мне посреди столичного шума» (437)), циничное («В Петербурге <…> письма эти [челобитные. – *Т. С., М. П.*] …никогда не читаются» (410)) в противовес естественности Кавказа, тишине его гор и лесов, задушевности южного народа.

Важным топосом для выявления специфики Кавказа в «Салалакских досугах» становится Италия. На Кавказе до сих пор сохраняются следы Генуэзских колоний. Кавказский хребет оказывает на климат и быт Кавказа то же воздействие, что и Альпы на Италию. Однако повествователю важен и эстетический аспект сопоставления Кавказа и Апеннинского полуострова. Культура Тифлиса насыщена образами и напевами из итальянских опер Г. Доницетти и В. Беллини; жителей Италии и Кавказа, по мнению повествователя, объединяет «редкое чутье, инстинктивное понятие прекрасного» (419). Так, через сравнение, с одной стороны, с Петербургом, а с другой – с Италией, «тифлисский фельетонист» идентифицирует Кавказ.

Отметим также локус, который, цитируя повествователя, можно назвать «живым обломком древнего мира»: развалины замков, монастырей, церквей. Данный локус, возникающий в 8 очерках, позволяет расширить пространство по линии его четвертого измерения – времени. Причем архитектоника произведения подчинена этой устремленности вдаль: очерки «Боржом» и «Уплис-цихе», посвященные описанию древних поселений Кавказа, помещаются В. А. Соллогубом в самый конец «Салалакских досугов». Однако очерк «Боржом» (18-й в корпусе очерков) хронологически написан прежде очерка «Коджор» (5-й в «Салалакских досугах»), о чем свидетельствует оговорка «тифлисского фельетониста» в очерке «Коджор»: «Правило, о котором мы говорили в нашей статье о Боржоме, и здесь нашло свое отражение» (304). В очерке «Боржом» описаны средневековые крепости Гогисцихе и Петерсцихе, а также древнее «кочевье» грузинской царицы Тамары – Вардзия (XII–XIII вв. н. э.). В «Уплис-цихе» изображается поселение с трехтысячелетней историей: «отлогий отклон, весь изрытый пещерами с сенями, которые, как черные разинутые пасти, зевают на все стороны» (326). Такое расположение очерков делает произведение В. А. Соллогуба принципиально незавершенным, распахнутым как назад (к моменту начала освоения Кавказа), так и вперед – разгадать тайны прошлого этого края предстоит будущим ученым.

Максимальному расширению художественного мира произведения способствует ассоциативный фон – аура, которая образуется «намекающими текстовыми знаками» (открытыми и скрытыми ассоциациями) [Лейдерман 2010: 135]. В очерке «Возвращение» дорога из Сухума в Тифлис сравнивается со странствиями Одиссея («хочу рассказать я… Одиссею моего настоящего возвращения в Тифлис» (310)); путников провожает римская богиня Аврора («поезд наш тронулся при первом мерцании утренней Авроры» (321)); падающий в пути тарантас получает имя Минерва. Так, в данном очерке под реальным повествовательным пластом таится еще один образованный подтекстом культурный «срез», раздвигающий границы воссоздающегося в «Салалаксих досугах» образа мира.

Упомянутый тарантас, появляющийся в двух произведениях («Возвращение» и «Иван Васильевич на Кавказе»), представляет собой интертекстуальную отсылку к более раннему произведению В. А. Соллогуба «Тарантас» (1845): «Я не хочу обидеть себя грустным предположением, что вы забыли Ивана Васильевича, …который изучал когда-то Русь, странствуя с Василием Ивановичем в тарантасе» (453). В «Салалаксих досугах» поездка героя на тарантасе представляется продолжением пути, начатого десять лет назад.

Еще один ассоциативный пласт, незримо присутствующий в «Салалакских досугах» и также связанный с идеей просвещения кавказского края, – упоминание грузин-

[1] В. И. Шульженко называет это одной из идентификационных социокультурных оппозиций в русской литературе: «Петербург и Кавказ – пожалуй, одна из наиболее ярких образно-географических пар на евразийском пространстве, которую можно считать ипостасью глобальной антиномии „Север-Юг“, имеющей для России не временный и локальный, а универсальный и перманентный характер» [Шульженко 2017: 106].

ских царей и святых. В произведении часто появляется образ царицы Тамары (1166–1213), во время правления которой Грузия достигла пика своего культурного развития. Образу царицы сопутствует имя политического деятеля и придворного поэта Шота Руставели (ок. 1172–1216). В очерках также упоминаются Давид-Возобновитель (1089–1125), с личностью которого соотносится начало восстановления государства и укрепление православной церкви, святая Нина (ок. 280–335) – главный символ христианского просвещения в Грузии. Благодаря ассоциативному слою, связанному с культурным развитием кавказского края, подтверждается важность настоящего момента его освоения.

В качестве сверхтекста в «Салалакских досугах» выступают отсылки к ариям из итальянских опер, подкрепляющие мысль о Кавказе как «русской Италии». Например, муши в очерке «Ария. Об итальянской опере в Тифлисе» поют арию «Un pescalor ignobile» («Бедный рыбак») из оперы Г. Доницетти «Лукреция Борджиа», что отсылает читателя к образу Дженнаро (ему и принадлежит ария), выросшего в семье рыбака, однако по крови являющегося сыном дамы знатного происхождения Лукреции Борджиа. Проводники верблюжьих караванов «при виде восходящего месяца… затягивают хором» арию Нормы «Costa diva» («Пречистая богиня») из одноименной оперы В. Беллини, что свидетельствует о неизменном желании людей обрести на земле тот же покой, что и на небе.

Так, ассоциативный фон «Салалакских досугов» позволяет расширить, содержательно углубить художественный мир произведения, образы его персонажей, а также является формой выражения авторской позиции: В. А. Соллогубу важно показать не только природное богатство края, его климатическое разнообразие, но и эстетическую одаренность народа, культурный потенциал, «затаившийся» в национальном характере со времен Давида-Возобновителя и царицы Тамары.

Поскольку «событийная канва» (Н. Л. Лейдерман) очерков расслаблена, высокая степень нагрузки в произведении В. А. Соллогуба приходится на такой носитель жанра, как интонационно-речевая организация. Для первых трех очерков «Салалакских досугов» характерно использование стилистически нейтральной или специальной лексики («орография», «термические свойства», «центральная изометрическая линия», «картвельская народность» и т. д.), своего рода статических данных, касающихся температур на разных возвышенностях Кавказа, количества населения каждого этноса на тех или иных территориях и пр. Подобная стилистика свидетельствует об установке автора на достоверность, объективность изображения.

Особенностью интонационно-речевой организации второй части очерков является фельетонная манера (которой свойственен простой, но изящный стиль, отражающий задушевные мысли повествователя), что играет важную роль в формировании тандема «автор и читатель». Атмосфера доверительности создается за счет использования устойчивых выражений («Но приятели наших приятелей и нам приятели» (292); «как Бог велел, нежданно, негаданно» (295)), обращений к читателю («но теперь я хочу представить вам только образчик здешних путешествий» (310–311)).

Интонация «тифлисского фельетониста» характеризуется эмоциональной взволнованностью, приподнятостью тона. К примеру, при виде похоронной процессии (очерк «Манглис») размышления повествователя о посмертной жизни русского солдата интонационно напоминают похоронные причитания: «Будешь ты лежать на чужой стороне и узнают о том рано ли, поздно в твоей деревне, и вспомнут о тебе добрым словом, и отец твой старик перекрестится…» (295). Эта интонация как выражение со-чувствия, со-причастности к судьбе солдата вызывает в читателе доверие к повествователю и, соответственно, ко всем его словам.

Часто «летописец тифлисского быта» использует в речи изобразительно-выразительные средства. Так, фитоморфные метафоры наглядно представляют связь природы Кавказа с этносами, его населяющими: «поселяне… с плоской папанахой, надетой в виде тарелки на подстриженные в кружок и густые, дремучие, как окружающие леса, волосы» (344). Обилие олицетворений одухотворяет описываемую местность: рассказчик слышит «вольный говор потока» (328), видит, как «черная

ночь» набрасывает «на все предметы свое черное покрывало» (328).

Особое место в «Салалакских досугах» занимает очерк «Несколько слов о начале кавказской словесности», содержащий отрывки из стихов малоизвестных поэтов. Как сообщает «тифлисский фельетонист», кавказская природа оказывает «благодетельное действие» на физическое состояние людей и на их творчество. Таким образом, в «Салалакских досугах» Кавказ представлен не только в «сухих» научных выкладках, но и в «живой» прозаической речи повествователя, в поэтическом слове.

Н. А. Добролюбов, в 1857 г. негативно отозвавшийся о творчестве В. А. Соллогуба, все же отмечал умение писателя передавать чужую речь [см.: Добролюбов 1961]. К примеру, в третьей главе неоконченной повести «Иван Васильевич на Кавказе» представлен диалог двух офицеров с характерными для данного слоя населения речевой парцелляцией («Малый он сметливый, не бонжур какой-нибудь, ядрам не кланяется» (482–483)) и специфическими оборотами («пришлось быть в *секрете*», «попадешь в *сентябристы*», «выступаем *ящиком*» (483–489)), отражающими не только способ мышления и лексическое разнообразие языка героев, но и обусловленность подобных речевых особенностей длительным пребыванием на Кавказе. Однако повествователь подчеркивает, что в более «окультуренной» и относительно спокойной местности (Тифлис) речь жителей европеизируется («В воздухе так и сыплются со всех сторон гаммы, триллеры, фиоритуры, диезы, бемоли и dolce amore и tenero cuore на все тоны на все лады» (387)), о чем «тифлисский фельетонист» отзывается с восхищением. Различные оттенки «интонирования» в повествовании о Кавказе создают единое эмоциональное пространство произведения.

Весь корпус «Салалакских досугов» посвящен одной теме (освоение Кавказа), которая раскрывается в каждом очерке в определенном аспекте. Единство темы и проблематики, скрепляющий большинство очерков образ автора (выраженный в формах личного повествователя, автора-повествователя, героя-рассказчика) позволяют нам сделать вывод о том, что «Салалакские досуги» – не что иное, как цикл. Добавим, что жанровое единообразие входящих в состав цикла произведений не является обязательным критерием его целостности. Вероятно, неоднородность жанрового состава цикла связана с таким эволюционным жанровым изменением, как *романизация*, которая, по словам О. В. Зырянова, «со всей очевидностью свидетельствует о ведущихся… важнейших жанровых поисках, соответствующих растущим потребностям художественного сознания эпохи» [Зырянов 2003: 380].

Полагаем, возникновение *эпического цикла* в творчестве В. А. Соллогуба следует рассматривать не только в контексте жанровых процессов 1850-х гг., но и в аспекте творческой эволюции писателя. Цикл «Салалакские досуги» – со свойственными ему субъектной организацией, осложненной введением разных голосов-сознаний (подобие романного разноречия), масштабной пространственно-временной организацией, включающей типично романный хронотоп «большой дороги», богатым ассоциативным фоном, интонационно-речевым многообразием – свидетельствует о движении писателя к крупной жанровой форме. Ею в творчестве В. А. Соллогуба станет роман – последнее произведение писателя «Через край» (1885). С. И. Ермоленко и Н. А. Валек, установили, что к созданию романа В. А. Соллогуба (автора светских повестей) закономерно вела эволюция центрального для всего творчества писателя образа героя – «доброго, но безвольного малого», обусловленная расширением его контактов с миром [см. об этом: Ермоленко, Валек 2013]. Вместе с тем полагаем, что создание романа было подготовлено также и творческими поисками В. А. Соллогуба 1850-х гг., результатом которых становится обращение писателя к жанровой форме цикла. Неслучайно становление героя романа «Через край», которое приходится на те же 50-е годы, связано с Кавказом. Он, как и личный повествователь «Салалакских досугов», будет странствовать «по казенной надобности» по тем же бескрайним просторам и горным дорогам, познавая мир и людей.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что цикл «Салалакские досуги» занимает важное место в творчестве писате-

ля. Изучение данного цикла не только способствует расширению представления о литературном наследии В. А. Соллогуба, но и углубляет существующее понимание жанровых процессов в русской литературе середины XIX века.

Литература

Багратион-Мухранели, И. Л. Граф В. А. Соллогуб и Кавказ / И. Л. Багратион-Мухранели // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 5 (1). – С. 312–317.

Багратион-Мухранели, И. Л. Грузия в период наместничества графа М. С. Воронцова / И. Л. Багратион-Мухранели // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2012. – № 22. – С. 46–50.

Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Языки славянских культур, 2012. – Т. 3. – С. 340–512.

Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья шестая / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений : в 13 т. – М. : Изд-во АН СССР ; Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1955. – Т. VII. – С. 358–385.

Бороздин, А. К. Соллогуб / А. К. Бороздин // Русский биографический словарь. – СПб. : Общественная Польза, 1909. – С. 96–98.

Бороздин, К. А. Из моих воспоминаний / К. А. Бороздин // Исторический вестник. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1889. – Т. XXXVI. – С. 690–700.

Дарвин, М. Н. Проблема цикла в изучении лирики : учеб. пособие / М. Н. Дарвин. – Кемерово : Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1983. – 104 с.

Добролюбов, Н. А. Сочинения графа В. А. Соллогуба / Н. А. Добролюбов // Собрание сочинений : в 9 т. / под общ. ред. Б. И. Бурсова [и др.] – М. ; Л. : Гослитиздат. Ленинградское отделение, 1961. – Т. 1. – С. 520–543.

Ермоленко, С. И. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики / С. И. Ермоленко, Н. А. Валек. – Екатеринбург, 2013. – 253 с.

Зырянов, О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект / О. В. Зырянов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 548 с.

История русской литературы XIX века : уч-к для студентов вузов : в 3 ч. / под ред. В. И. Коровина. – М. : Гуманитар, изд. центр «ВЛАДОС», 2005. – Ч. 2. – 524 с.

Корман, Б. О. Избранные труды. Теория литературы / Б. О. Корман. – Ижевск : Ин-т компьютерных исслед., 2006. – 551 с.

Лебедев, Ю. В. Проблемы поэтики очерковых и новеллистических циклов 1840-50-х годов / Ю. В. Лебедев // Проблемы теории и истории литературы. – 1973. – Вып. 36. – С. 26–71.

Лебедев, Ю. В. У истоков эпоса (очерковые циклы в русской литературе 1840-1860-х годов) : пособие для слушателей спецкурса / Ю. В. Лебедев. – Ярославль : [б. и.], 1975. – 162 с.

Левин, М. Цикл новелл и роман (к вопросу о типологии прозы) / М. Левин // Материалы XXVII научной студенческой конференции. – Тарту : [б. и.], 1972. – С. 124–126.

Лейдерман, Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман / Ин-т филол. исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.

Ляпина, Л. Е. Циклизация в русской литературе XIX века / Л. Е. Ляпина. – СПб. : НИИ Химии СПбГУ, 1999. – 281 с.

Немзер, А. С. Проза Владимира Соллогуба / А. С. Немзер // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. – М. : Правда, 1988. – С. 9–11.

Немзер, А. С. Соллогуб Владимир Александрович / А. С. Немзер // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. – М. : Большая российская энциклопедия, 2007. – Т. 5. – С. 722–729.

Осповат, А. Л. Примечания / А. Л. Осповат // Соллогуб В. А. Три повести. – М. : Советская Россия, 1978.

Пономарева, Е. В. Стратегия художественного синтеза в русской новеллистике 1920-х годов : монография / Е. В. Пономарева. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2006. – 452 с.

Потапова, З. С. Тенденция циклизации малой прозы в творчестве М. Веллера : дис. … канд. филол. наук / Потапова З. С. – Челябинск : [б. и.], 2018. – 285 с.

Проскурина, Ю. М. Типология образа автора в творчестве Ф. М. Достоевского / Ю. М. Проскурина. – Екатеринбург : [б. и.], 1992. – 56 с.

Сапогов, В. А. Поэтика лирического цикла А. А. Блока : дис. … канд. филол. наук / Сапогов В. А. – М. : [б. и.], 1967. – 206 с.

Соллогуб, В. А. Избранная проза / В. А. Соллогуб. – М. : Правда, 1983. – 513 с.

Соллогуб, В. А. Салалакские досуги / В. А. Соллогуб // Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. – СПб. : Изд-е А. Смирдина (сына), 1855. – Т. 5. – С. 236–531.

Тарантас. Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба. – Текст : электронный // Русская мысль. – 1886. – URL: http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a/text_1886_tarantas_oldorfo.shtml (дата обращения: 15.11.2020).

Фуникова, С. В. Жанровое своеобразие циклов предреформенного периода («Записки охотника» И. С. Тургенева и «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина) : дис. … канд. филол. наук / Фуникова С. В. – Белгород : [б. и.], 2010. – 183 с.

Шульженко, В. И. «Кавказский текст» русской литературы: границы описания и парадоксы восприятия / В. И. Шульженко // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 104–108.

Якушин, Н. И. Писатель с замечательным дарованием / Н. И. Якушин // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. – М. : Советская Россия, 1988. – С. 3–20.

References

Bagration-Mukhraneli, I. L. (2012). Graf V. A. Sollogub i Kavkaz [Count V. A. Sollogub and the Caucasus]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 5 (1), pp. 312–317.

Bagration-Mukhraneli, I. L. (2012). Gruziya v period namestnichestva grafa M. S. Vorontsova [Georgia during the Governorship of Count M. S. Vorontsov]. In *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. No. 22, pp. 46–50.

Bakhtin, M. M. (2012). Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of Time and Chronotope in the Novel]. In *Sobranie sochinenii*, in 7 vols. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 3, pp. 340–512.

Belinsky, V. G. (1955). Sochineniya Aleksandra Pushkina. Stat'ya shestaya [Works by Alexander Pushkin. Article Six]. In *Polnoe sobranie sochinenii*, in 13 vols. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom). Vol. VII, pp. 358–385.

Borozdin, A. K. (1909). Sollogub [Sollogub]. In *Russkii biograficheskii slovar'*. Saint Petersburg, Obshchestvennaya Pol'za, pp. 96–98.

Borozdin, K. A. (1889). Iz moikh vospominanii [From My Memories]. In *Istoricheskii vestnik*. Saint Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. Vol. XXXVI, pp. 690–700.

Darvin, M. N. (1983). *Problema tsikla v izuchenii liriki* [The Problem of the Cycle in the Study of Lyrics]. Kemerovo. 104 p.

Dobrolyubov, N. A. (1961). Sochineniya grafa V. A. Solloguba [Works of Count V. A. Sollogub]. In *Sobranie sochinenii*, in 9 vols. / ed. by B. I. Bursov. Moscow, Leningrad, Goslitizdat, Leningradskoe otdelenie. Vol. 1, pp. 520–543.

Ermolenko, S. I., Valek, N. A. (2013). *V. A. Sollogub «Cherez krai»: zabytaya stranitsa russkoi romanistiki* [V. A. Sollogub "Over the Edge": A Forgotten Page of Russian Novel Studies]. Ekaterinburg. 253 p.

Funikova, S. V. (2010). *Zhanrovoe svoeobrazie tsiklov predreformennogo perioda («Zapiski okhotnika» I. S. Turgeneva i «Gubernskie ocherki» M. E. Saltykova-Shchedrina)* [Genre Originality of the Cycles of the Pre-Reform Period ("Notes of a Hunter" by I. S. Turgenev and "Provincial Essays" by M. E. Saltykov-Shchedrin)]. Dis. … kand. filol. nauk. Belgorod. 183 p.

Korman, B. O. (2006). *Izbrannye trudy. Teoriya literatury* [Selected Works. Literary Theory]. Izhevsk, Institut komp'yuternykh issledovanii. 551 p.

Korovin, V. I. (Ed.). (2005). *Istoriya russkoi literatury XIX veka: v 3 ch.* [History of Russian Literature of the 19th Century: A Textbook for University Students, in 3 parts]. Moscow, Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr «VLADOS». Part 2. 524 p.

Lebedev, Yu. V. (1973). Problemy poetiki ocherkovykh i novellisticheskikh tsiklov 1840–50-kh godov [Problems of Poetics of Essay and Novel Cycles of the 1840-50s]. In *Problemy teorii i istorii literatury*. Issue 36, pp. 26–71.

Lebedev, Yu. V. (1975). *U istokov eposa (ocherkovye tsikly v russkoi literature 1840–1860-kh godov)* [At the Origins of the Epic (Essay Cycles in Russian Literature 1840-1860s)]. Yaroslavl. 162 p.

Leiderman, N. L. (2010). *Teoriya zhanra. Issledovaniya i razbory* [Genre Theory. Research and Analysis]. Ekaterinburg. 904 p.

Levin, M. (1972). Tsikl novell i roman (k voprosu o tipologii prozy) [A Cycle of Short Stories and a Novel (On the Question of Prose Typology)]. In *Materialy XXVII nauchnoi studencheskoi konferentsii*. Tartu, pp. 124–126.

Lyapina, L. E. (1999). *Tsiklizatsiya v russkoi literature XIX veka* [Cyclization in Russian Literature of the 19th Century]. Saint Petersburg. 281 p.

Nemzer, A. S. (1988). Proza Vladimira Solloguba [Prose by Vladimir Sollogub]. In Sollogub, V. A. *Povesti i rasskazy*. Moscow, Pravda, pp. 9–11.

Nemzer, A. S. (2007). Sollogub Vladimir Aleksandrovich [Sollogub Vladimir Alexandrovich]. In *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Vol. 5, pp. 722–729.

Ospovat, A. L. (1978). Primechaniya [Notes]. In Sollogub, V. A. *Tri povesti*. Moscow, Sovetskaya Rossiya.

Ponomareva, E. V. (2006). *Strategiya khudozhestvennogo sinteza v russkoi novellistike 1920-kh godov* [The Strategy of Artistic Synthesis in Russian Short Stories of the 1920s]. Chelyabinsk, Biblioteka A. Millera. 452 p.

Potapova, Z. S. (2018). *Tendentsiya tsiklizatsii maloi prozy v tvorchestve M. Vellera* [The Tendency of Cyclization of Small Prose in the Works of M. Veller]. Dis. … kand. filol. nauk. Chelyabinsk. 285 p.

Proskurina, Yu. M. (1992). *Tipologiya obraza avtora v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [Typology of the Author's Image in the Works of F. M. Dostoevsky]. Ekaterinburg. 56 p.

Sapogov, V. A. (1967). *Poetika liricheskogo tsikla A. A. Bloka* [The Poetics of the Lyric Cycle by A. A. Blok]. Dis. … kand. filol. nauk. Moscow. 206 p.

Shul'zhenko, V. I. (2017). «Kavkazskii tekst» russkoi literatury: granitsy opisaniya i paradoksy vospriyatiya ["Caucasian Text" of Russian Literature: the Boundaries of Description and Paradoxes of Perception]. In *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. Vol. 11. No. 1, pp. 104–108.

Sollogub, V. A. (1855). Salalakskie dosugi [Salalak Leisure]. In *Sochineniya grafa V. A. Solloguba*, in 5 vols. Saint Petersburg, Izdanie A. Smirdina (syna). Vol. 5, pp. 236–531.

Sollogub, V. A. (1983). *Izbrannaya proza* [Selected Prose]. Moscow, Pravda. 513 p.

Tarantas. Putevye vpechatleniya. Sochinenie grafa V. A. Solloguba [Tarantass. Travel Impressions. Composition of Count V. A. Sollogub]. (1886). In *Russkaya mysl'*. URL: http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a/text_1886_tarantas_oldorfo. shtml (mode of access: 15.11.2020).

Yakushin, N. I. (1988). Pisatel's zamechatel'nym darovaniem [A Writer with a Remarkable Gift]. In Sollogub, V. A. *Povesti i rasskazy*. Moscow, Sovetskaya Rossiya, pp. 3–20.

Zyryanov, O. V. (2003). *Evolyutsiya zhanrovogo soznaniya russkoi liriki: fenomenologicheskii aspekt* [Evolution of Genre Consciousness of Russian Lyrical Poetry: Phenomenological Aspect]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogko universiteta. 548 p.

Данные об авторах

Сутягина Татьяна Евгеньевна – ассистент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: ste.uspu@mail.ru.

Попова Мария Юрьевна – аспирант, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: pop.masha2014@yandex.ru.

Authors' information

Sutyagina Tatyana Evgenievna – Assistant Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Popova Maria Yurievna – Post-Graduate Student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

УДК 821.161.1-31:821.131.1-1. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-16.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-44+Ш33(4Ита)4-8,445. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

ДАНТЕ КАК СКРЫТАЯ ПРИЧИНА СПОРА: К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТЕ И. А. ГОНЧАРОВА С И. С. ТУРГЕНЕВЫМ

И. А. Беляева
Московский городской педагогический университет
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2840-4034

Аннотация. Вопрос о причинах и характере конфликта между И. А. Гончаровым и И. С. Тургеневым хотя и имеет свою внушительную историю изучения, в настоящее время, особенно ввиду новых данных, связанных с ролью Данте в формировании романного жанра у Гончарова, заслуживает пристального внимания. В статье предлагается скорректировать представление о «гончаровской школе» (В. А. Недзвецкий) Тургенева и определить границы и степень влияния романных идей Гончарова на романное творчество Тургенева. Показывается, что к моменту близкого общения двух литераторов в 1855 г. Тургенев не был дезориентирован как романист. Он имел четкие представления о том, каким должен быть русский роман и чем отличаться от романа западноевропейского. У него был свой романный опыт, который обнаруживает движение Тургенева как романиста к «фаустовскому сюжету» как варианту «сюжета спасения», востребованного «сюжетным пространством» (Ю. М. Лотман) именно русского романа. Разновидностью «сюжета спасения» была история, рассказанная Данте в «Божественной комедии». Именно эта сюжетная модель, предполагающая «восстановление» или «пробуждение» грешника к новой жизни не «за дверью гроба», а сегодня и сейчас, была положена Гончаровым в основу архитектоники своего типа романа (как романной трилогии, так и каждого романа, в нее входящего). С большой степенью вероятности можно предположить, что дантовские темы и идеи, прежде всего идея новой жизни, спасительной женской любви, имеющей отношение к любви абсолютной, в гончаровской интерпретации были услышаны и восприняты Тургеневым. Отсюда его второй завершенный роман, «Дворянское гнездо», хотя и был, казалось бы, основан на близких роману «Рудин» сюжетных элементах, принципиально от него отличался и тяготел не к фаустовской романной модели, которая и была более характерна для Тургенева, а к дантовской, ему не очень свойственной. В статье затрагивается вопрос и о восприятии «Дворянского гнезда» современниками, которое демонстрирует, что они как раз видели в этой книге не столько трагедию, сколько историю о новой жизни героя. Однако реакция Гончарова на публикацию «Дворянского гнезда» и собственно органичность для творческого мышления Тургенева именно фаустовской системы координат увели его от романных идей Гончарова. «Дворянское гнездо» представлено в статье как единственный опыт Тургенева в «школе» Гончарова и как романный текст писателя, значительно выделяющийся из его романной практики.

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; романы; итальянская литература; итальянские поэты; итальянская поэзия; поэтическое творчество; творческие конфликты.

DANTE AS A HIDDEN REASON FOR DISPUTE: TO THE ISSUE OF THE CONFLICT BETWEEN I. A. GONCHAROV AND I. S. TURGENEV

Irina A. Belyaeva
Moscow City University
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2840-4034

Abstract. The question of the reasons and nature of the conflict between I. A. Goncharov and I. S. Turgenev, although he has his own impressive history of study, at present deserves close attention especially in view of new

© И. Беляева, 2021

data associated with the role of Dante in the formation of Goncharov's novel genre. The article proposes to correct the idea of the "Goncharov school" (V. A. Nedzvetsky) in Turgenev's practice and determine the boundaries and degree of influence of Goncharov's novel ideas on Turgenev's novels. It is shown that by the time of close communication between the two writers in 1855, Turgenev was not disoriented as a novelist. He had a clear idea of what a Russian novel should be and how it differs from a Western European novel. He had his own novel experience, which reveals the movement of Turgenev as a novelist towards the "Faustian plot" as a variant of the "plot of salvation" demanded by the "plot space" (Yu. M. Lotman) of the Russian novel. A variation of the "plot of salvation" was Dante's "The Divine Comedy". It was this plot model, which presupposes the "rehabilitation" or "awakening" of the sinner to a new life, not "behind the door of the coffin," but today and now, that Goncharov used as the basis for the architectonics of his type of novel (both the novel trilogy as a whole and each of its novels). With a high degree of probability, it can be assumed that Dante's themes and ideas, above all the idea of a new life and salvatory female love related to absolute love, in Goncharov's interpretation were heard and perceived by Turgenev. Hence his second completed novel, "The Noble Nest", although it was seemingly based on plot elements close to the novel "Rudin", was fundamentally different from it and gravitated not to the Faustian novel model, which was more characteristic for Turgenev, but to Dante's one, not very typical of him. The article also touches on the question of the perception of "The Noble Nest" by contemporaries, which demonstrates that they just saw in this book not so much a tragedy, but a story about the hero's new life. However, Goncharov's reaction to the publication of "The Noble Nest" and the organic nature of the Faustian coordinate system for Turgenev's creative thinking led him away from Goncharov's novel ideas. "The Noble Nest'is presented in the article as the only experience of Turgenev in the "school" of Goncharov and as a novel text by the writer, which stands out significantly from his novel practice.

Keywords: Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; novels; Italian literature; Italian poets; Italian poetry; poetic creative activity; creative conflict.

Для цитирования: Беляева, И. А. Данте как скрытая причина спора: к вопросу о конфликте И. А. Гончарова с И. С. Тургеневым / И. А. Беляева. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, №1. – С. 190–205. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-16.

For citation: Belyaeva, I. A. (2021). Dante as a Hidden Reason for Dispute: to the Issue of the Conflict between I.A. Goncharov and I.S. Turgenev. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 190–205. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-16.

Благодарности: статья выполнена по гранту РФФИ № 20-012-00221.

Acknowledgments: the study is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) Grant No. 20-012-00221.

В основе известной ссоры И. А. Гончарова и И. С. Тургенева, произошедшей в конце 1850-х гг., когда первый уличил своего коллегу в плагиате, лежат не только личные причины – в настоящее время в этом нет никаких сомнений. Об историко-литературном значении размолвки, случившейся между двумя писателями, имеется обширная литература [Гончаров 2000], среди которой мы бы особо выделили позицию В. А. Недзвецкого, справедливо считавшего, что Тургенев как романист прошел «школу» Гончарова [Недзвецкий 1986: 328]. Свою точку зрения ученый основывал на фактах искреннего интереса обоих писателей к романному жанру и на обоюдном их стремлении к творческому общению: один делился своими планами, другой внимательно слушал. В подходе, который предложил исследователь, ценно то, что он вывел разговор из замкнутого круга, очерченного вопросом о мере корректности заимствований у Тургенева из Гончарова, и обратил внимание на их движение друг к другу, без которого, возможно, жанр русского классического романа в его гончаровской и тургеневской разновидностях сложился бы как-то иначе.

Однако нельзя сказать, что все вопросы вокруг вышеупомянутого конфликта решены. И не случайно специалисты сейчас говорят о «давно назревшей необходимости» «изменить парадигму спора и методологический подход к самому предмету исследования», на который предлагается взглянуть через призму «творческой логики Гончарова», а именно тех «романных импульсов», которые писатель «с таким жаром передавал <...> другому тонкому художнику и проницательному критику» [Мельник 2020: 18, 19]. Все это совершенно справедливо, за единственным существенным моментом: хотелось бы не исключать

из «предмета исследования» и «творческую логику» Тургенева.

Считается, что Тургенев к 1855 г., т. е. к моменту его тесного общения с Гончаровым, когда последний делился с ним планами и знакомил с содержанием будущего романа, который потом получил название «Обрыв», не смог состояться как романист. Тем не менее роман «Два поколения», над которым он с перерывами работал с лета-осени 1852 г.[1] по лето 1955 г.[2], существовал в его планах уже с конца 1840-х гг. На автографе рассказа «Гамлет Щигровского уезда», датированного 1848 г., написано: «Борис Вязовнин. Роман. Глава первая» [Тургенев 1980: 525] – это первоначальный вариант романа «Два поколения», объединенный потом с сюжетикой «Компаньонки», к работе над которой Тургенев приступил чуть позже, в начале 1850 г. Летом 1855 г., когда Тургенев еще не оставляет надежд дописать «Два поколения», он берется за «Рудина», которого не осмеливается именовать романом, но только «повестью» – и здесь его можно понять, поскольку первая попытка написать заявленный роман ему не удалась. В письме к В. П. Боткину 17-го июня 1855 г. он называет свой новый опыт «последней попыткой» [Тургенев 1987 (2): 33] написать что-то вроде «Двух поколений», т. е. вроде романа, хотя уже и не осмеливается называть жанр своего нового сочинения именно так. И хотя активная работа над «Рудиным» велась уже после сближения Тургенева с Гончаровым весной 1855 г., когда и происходило интенсивное творческое общение двух писателей, о котором последний впоследствии искренне сожалел, трудно предположить, что первый завершенный роман Тургенева возник вдруг, исключительно под влиянием бесед с Гончаровым. Конечно и очень даже вероятно, что эти беседы были плодотворны для Тургенева, но, позволим себе предположить, что они не были единственно определяющими. На это можно возразить – и обычно такие возражения и звучат, – что «Рудин» не роман, а «повесть», что первый полноценный роман Тургенева – это «Дворянское гнездо», написанное под влиянием Гончарова, но здесь мы должны, не вдаваясь в жанровую специфику тургеневского романа, который, по нашему глубокому убеждению, существовал в тесной соотнесенности с повестью (это была такая жанровая пара, которая представляла именно единство противоположностей, а не гибридный жанр), заметить, что Тургенев почти все свои романы, вплоть до последнего, именовал то повестью, то романом[3], тем не менее впоследствии сам четко определил их принадлежность к жанру романа – в предисловии, когда решил издать их вместе в 1880 г.

В одном из самых известных своих писем к Гончарову от 7 (19) апреля 1859 г., которое было написано Тургеневым в начале их ссоры, он высказал такие суждения о себе как о романисте, которые обычно приводят в подтверждение другой мысли, согласно которой Тургеневу вообще не было свойственно романное мышление – по крайней мере до знакомства с романными планами Гончарова. В ответ на замечание Гончарова о том, что он, Тургенев, не понимает «своих свойств», поскольку его талант не связан с романной формой – заметим, что с такой романной формой, какой ее видел и понимал Гончаров, – и что ему «дан нежный, верный рисунок и звуки», но не дано «строить огромные здания» [Гончаров 1955: 307], он отвечал своему корреспонденту, вроде бы соглашаясь с ним. Тургенев как будто признавался в том, что «кому нужен роман в эпическом значении этого слова, тому я не нужен» [Тургенев 1987 (2): 36]. Однако мы знаем, что на момент написания этого письма свой самый успешный роман «Дворянское гнездо» он уже уверенно называл «романом», например, в письме к Е. Е. Ламберт от 27 марта (8 апреля) 1859 г. – а значит и не отказывал себе в статусе романиста, – хотя новый свой замысел, роман «Накануне», предпочитал все равно именовать «повестью» [Тургенев 1987 (3): 28].

[1] План романа «Два поколения» возник после 23 марта 1850 г., а в ноябре 1852 г. Тургенев уже приступил непосредственно к его написанию.

[2] В письме от 3 (15) августа 1855 г. к С. Т. Аксакову из Спасского Тургенев сообщает: «Я воспользовался уединением и бездействием и написал большую повесть («Рудин» – *И. Б.*)» [Тургенев 1987 (1): 52].

[3] Именование «роман» появлялось у Тургенева все вернее по мере того, насколько успешным оказывалось его сочинение и насколько благожелательно оно оценивалось читателями и критикой [см.: Батюто 2004: 473–474].

В настоящее время существует значительная литература о проблеме романного жанра у Тургенева, поэтому и нет сомнения в том, что романное мышление Тургеневу было присуще органично и изначально. Единственное, что хотелось бы уточнить, что его роман ни в коей мере не был следствием жанровых трансформаций его же повести, с помощью которых последняя якобы превращалась в роман. И хотя этот тезис стал едва ли не общим местом классического тургеневедения, и нельзя считать, конечно, что он совсем несправедлив – возможно, что в большом литературном ряду большие величины и превращения так было бы правильно обозначить, – но если говорить о процессе становления Тургенева-романиста, то нельзя не учитывать важных нюансов. А к ним можно и нужно отнести не только сам факт пристального интереса Тургенева, например, к судьбе пушкинского романа – от творческой полемики с ним, в том числе с помощью травестирования, что отражено в стихотворных новеллах писателя уже в 1840-е гг. (самая ранняя «Параша», или «рассказ в стихах» – жанровое определение является производным от «романа в стихах» – датирована 1843 г.) до осторожного и постепенного приближения к «внутренней мере» пушкинского романа в 1850-е гг., или пристальное внимание к романным опытам своих соотечественников, что отражено в ряде рецензий, где представлено в том числе тургеневское понимание романа на русской почве[1]. Очевидно, что у Тургенева был свой, причем ранний, складывающийся уже в 1840-е г., путь к роману, не зависимый от пути Гончарова. И даже успех «Записок охотника», а ведь это был решительный и громкий успех, не изменил этого его личного внутреннего интереса и движения к романной форме. Известные признания писателя, сделанные им в письме к К. С. Аксакову от 16 (28) октября 1852 г., подтверждают это. Спрашивая себя от имени своего корреспондента, зачем же он издал «Записки охотника, Тургенев отвечал: «...а затем, чтобы отделаться от них, от этой *старой манеры*. Теперь эта обуза сброшена с плеч долой... Но достанет ли у меня сил идти вперед – как Вы говорите – не знаю. Простота, спокойство, ясность линий, добросовестность работы, та добросовестность, которая дается уверенностью – все это еще пока идеалы, которые только мелькают передо мной. Я оттого, между прочим, не приступаю до сих пор к исполнению моего романа, все стихии которого давно бродят во мне – что не чувствую в себе ни той светлости, ни той силы, без которых не скажешь ни одного *прочного* слова» [Тургенев 1987 (1): 150]. Едва ли у нас есть основания не доверять этим признаниям Тургенева, а если это так, то стоит полагать, что к 1855 г., то есть к моменту его близкого общения с Гончаровым, Тургенев как минимум прошел свой путь проб и ошибок в области создания романной формы – это как минимум – а как максимум у него была своя романная стратегия.

Тургеневский роман, как и в целом русский роман XIX в., рождался на стыке разных импульсов. Нельзя исключать из его источников конкретно-исторические жанровые формы, которые были популярны в середине XIX в. – очерк, рассказ и собственно повесть. Опыты в этих жанрах у самого Тургенева уже были. Он также внимательно присматривался к европейской актуальной литературе, прекрасно знал ее традиционные формы, в том числе романные, что, однако, дало ему основания в начале 1850-х гг. (его статья о романе Евгении Тур «Племянница» опубликована в первом номере «Современника» за 1852 г.) признаться в том, что в русской литературе эти европейские формы не приживаются. Тургенев рассуждал так: если старые модели – «исторический, вальтерскоттовский роман, – это пространное, солидное здание, со своим незыблемым фундаментом, врытым в почву народную, с своими обширными вступлениями в виде портиков, со своими парадными комнатами и темными коридорами для удобства сообщения» – теперь «почти невозможен: он отжил свой век, он несовременен», то современные «сандовские» и «диккенсовские» образцы хотя и «возможны» у нас [Тургенев 1987 (3): 477], но пока не появились и не сложились. Возможно, что Тургенев был не совсем справедлив к современникам, которые уже были признаны первыми в России

[1] Статьи о романе Е. Тур «Племянница» (1852) и «Повести, сказки и рассказы казака Луганского» (1847).

новыми романистами (не говоря уже о «старых» – М. Н. Загоскине, И. И. Лажечникове и др.), и тут можно вспомнить и Ф. М. Достоевского с «Бедными людьми», и А. И. Герцена с романом «Кто виноват?», и, безусловно, И. А. Гончарова с «Обыкновенной историей», но, возможно, что он интуитивно ощущал, что этот новый, современный русский роман, хранящий память о таких «странных» отечественных образцах жанра, как «роман в стихах» А. С. Пушкина, «книга» М. Ю. Лермонтова, или «поэма» Н. В. Гоголя, даже на этапе его становления, выглядит как-то иначе, чем знакомые всем европейские формы. Отсюда ничего «диккенсовского» или «сандовского», а мы бы продолжили этот ряд еще и гетевской вариацией романа, которая во многом определила европейскую модель Bildungsroman, или бальзаковской его разновидностью, очень ценимой многими, но решительно не принимавшейся Тургеневым, – ничего из этого он не захотел увидеть в тех русских опытах, которые хорошо знал. Осмелимся предположить, что это было связано с тем, что русский роман уже на этапе своего становления, учитывая в целом все достижения в области эпических форм и западноевропейского романа, тяготел к особому «сюжетному пространству», о котором писал Ю. М. Лотман.

Размышляя об отличиях русского романа от европейских форм жанра, Ю. М. Лотман обратил внимание на то, что западноевропейскому роману довлеет сказка, сюжет типа «Золушки», в результате его сюжетная схема представляет собой движение героя от худшего места к лучшему, что предполагает его внешнее перемещение, без значительных внутренних изменений. «Сказочная основа» такого сюжета, как полагает ученый, «проявляется в высокой сюжетной функции конца и в том, что основным считается счастливый конец». Но даже если конец «несчастливый», как это бывало, например, в некоторых *романах карьеры*, то он «маркирован» просто как «нарушение нормы» [Лотман 1993: 98]. Для русского романа, как полагал Ю. М. Лотман, актуальна не сказка, а миф, со сниженной функцией «конца», оттого и сюжетная схема русского романа подразумевает «не изменение положения героя, а преображение его внутренней сущности» [Лотман 1993: 98], когда герой хочет не столько достичь внешних благ и успеха с удачей, а чего-то другого, что зачастую находит выражение в категориях «спасения» или «погубления»[1].

«Свой путь русского реализма» [Линков 2012] в целом и русского романа в частности ощущался, вероятно, уже самими участниками литературного процесса, на разных этапах становления, развития и расцвета романного жанра. И то, что, например, Тургенев не осмеливался называть себя романистом и утверждал, что он «столько же думает о создании романа, как о хождении на голове: что бы я ни писал, у меня выйдет ряд эскизов» [Тургенев 1987 (3): 36], лишний раз доказывает, что создаваемое им отличалось от привычных жанровых моделей[2]. Пожалуй, наиболее откровенно об особенности русского романа выскажется через несколько лет после признаний Тургенева Л. Н. Толстой, который видел отличительную типологическую черту русского романа в его жанровой «инакости»: «Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимают этот род сочинений в Европе, – писал он, размышляя о своем новом сочинении под названием «Война и мир», – и предлагаемое сочинение не есть повесть <…>; еще менее оно может быть названо романом, с завязкой, постоянно усложняющимся интересом и счастливой или несчастливой развязкой, с которой уничтожается интерес повествования» [Толстой 1949: 54]. Л. Н. Толстой фиксирует те признаки романного жанра – и отмечает, что их нет в его «Войне и мире», – которые большей частью действительно ассоциируются с европейскими образцами. В другом наброске той же работы он замечает: «русская <…> художественная мысль не укладывается в эту рамку и ищет для себя новой» [Толстой 1949: 55].

[1] Ср. у Ю. М. Лотмана: «Герой, призванный преобразить мир, может быть исполнителем одной из двух ролей: он может быть „погубителем“ или „спасителем“» [Лотман 1993: 98].

[2] Хотя подчас новеллистичность и лаконизм тургеневского романа относят к чертам, сближающим его с западноевропейским изводом жанра. Так, в цитируемой выше работе Ю. М. Лотмана как раз именно Тургенев противопоставлен большинству русских романистов как писатель, следующий западному канону.

И вот здесь мы подходим к самому интересному, потому что «новую раму» для своего романа активно искали и Тургенев, и Гончаров в начале 1850-х гг. и раньше, и оба к моменту своего тесного общения в общих и главных чертах ее уже определили. В целом для русского романа это была «рама», обусловленная «фабулой о возрождении грешника» [Назиров 2010: 396–399], литературные истоки которой Р. Г. Назиров возводил к «Божественной комедии» Данте Алигьери. Собственно это была одна из самых известных художественных реализаций «христианского догмата о спасении», представленного, однако, не в своем магистральном виде, имеющем прямое отношение к догмату о воскресении Иисуса Христа [см.: Волкова 2001], а в виде сюжета о личном спасении грешного человека. Именно таким собственно и оказывался современный «погибший» человек, «задавленный гнетом обстоятельств» и жаждущий «восстановления» [Достоевский 1993: 241]. Сюжетное пространство русского романа, имеющего дело, как справедливо замечал Ю. М. Лотман, с «преображением внутренней сущности» героя [Лотман 1993: 98], нуждалось в «фабуле о возрождении грешника», или в «сюжете спасения» [Беляева 2016 (2)], причем эта сверхзадача не всегда и не обязательно была зависима от меры религиозности автора романного текста.

Русский роман имел дело с современным человеком, ему было небезразлично, как и в результате каких обстоятельств, внешних и глубинных, может произойти значимое преображение «внутренней сущности» героя. Не успех, удача или карьера определяют его путь, а то, что будет с его душой. Оттого и многие романы, которые, например, очень хочется прочитать в рамках романа карьеры или романа воспитания, например, «Обыкновенную историю» Гончарова, имеют не столько поступательно-горизонтальный вектор, сколько вертикальный – вектор спасения. В этом плане у русских романистов были мощные художественные ориентиры.

В европейской литературе к середине XIX в. сложились как минимум три разновидности «сюжета спасения», которые были интересны становящемуся русскому роману. Все они необязательно имели романное воплощение – вовсе нет. Первый вариант, связанный как раз с идеей **спасения всех одним героем** (герой-спаситель, правда, мог легко оказаться погубителем, в том числе потому, что возлагал на себя не свойственные земному человеку функции), несущим на себе печать особой святости, или просветленности, едва ли не впервые был представлен в романе М. де Сервантеса «Дон Кихот». А вот второй, обусловленный задачей **личного спасения**, представлен в двух разновидностях – в «Божественной комедии» Данте и в «Фаусте» Гете. В XIX в. эти сочинения воспринимались как соприродные. Внешне не совсем объяснимое родство книг Данте и Гете, по мысли Ф. Шеллинга[1], было основано на общей для обоих сочинений идее восхождения «жизни, истории, природы» и всего человечества «по ступеням», сутью которого было «очищение, переход к абсолютному состоянию» [Шеллинг 1966: 451]. У Данте показана история одного спасенного среди множества неспасенных. «Преображение внутренней сущности» героя оказывалось возможным, что очень важно, при его жизни – благодаря спасительной любви и осознанию своей греховности. В «Фаусте» Гете же герой, на первый взгляд, делал все, чтобы не спастись, да и собственно его спасение и произошло, как отмечал Гончаров, размышлявший в письме к К. К. Романову от 6 марта 1885 г., «за дверью гроба», что, по мнению писателя, «не действительно» [Гончаров 1994: 185], однако, согласно Гете, искания Фауста были угодны Богу, а его спасение в итоге – промыслительным. Все образцы «сюжета спасения» имели, при общем векторе восхождения «по ступеням», свою оригинальную мотивно-образную структуру, которая легко читается и в их инвариантах.

Попытки русского классического романа следовать «сервантесовской» модели «сюжета спасения» были немногочисленными, но в определенный момент именно ее элементы оказались интересны, например Гончарову (в романе «Обломов»), или Достоевскому

[1] Идея родства Гете и Данте высказана Шеллингом в работах «Философия искусства» (1802–1803) и «О Данте в философском отношении» (1803) [см.: Аветисян 1998].

в «Идиоте». А вот «дантовский» и «гетевский», или «фаустовский» варианты были очень востребованы и фактически определяли подоснову того «сюжетного пространства» русского романа, о котором писал Ю. М. Лотман. Правда, в одной из своих последних работ ученый утверждал, что русским писателям не удалось соблюсти в своих текстах саму структуру представленной в «Божественной комедии» истории о возрождении грешника, поскольку якобы «в русской истории Данте был воспринят как автор <…> „Ада“, между тем как „Чистилище“ и тем более „Рай“, с их глубочайшей дантовской философией, являющиеся для итальянского автора вершиной и оправданием первой части, остались в русской литературе без отклика». По мысли ученого, «божественные комедии» Гоголя и Достоевского, «хотя и были задуманы как повествование о воскресении, должны были закончиться на его рубеже» – «в тот момент, когда герой перестает быть „мертвой душой“, когда он проделал весь свой путь через гоголевский и Достоевского ад и оказался на пороге рая, сюжетное движение замыкается» [Лотман 1997: 597]. Ю. М. Лотман в принципе полагал, «этот момент для русских авторов находится за пределами искусства» [Лотман 1997: 597]. Но исследователь в данном случае не учитывал и даже не рассматривал опыт Гончарова в области художественной реализации «дантовского сюжета», а также дантовский вектор русской литературы 1840–1850-х гг. в целом, который можно считать прорывом и в плане переводов, и в плане рецепции. Более того, архитектоника и мотивно-образная система «Божественной Комедии» и у Достоевского, и даже у Гоголя, который заявлял о будущем преображении человека в следующих томах «Мертвых душ», давали о себе знать уже в первом томе и несли в себе потенциал Чистилища и Рая. Тут можно только сказать, что в принципе показать все ужасы Ада без надежды на спасение Рая невозможно, иначе это уже будет не Ад.

Если говорить о Тургеневе, то его т. н. *новая манера*, которую традиционно связывают с созданием романа и повести в 1850-е гг., с особой моделью сюжета и конфликта, которая их отличает, а также с определенным типом героя и героини, формировалась в фаустовском ключе [см.: Беляева 2015]. «Фауст» Гете определял опорные точки тургеневских размышлений о современном человеке, без которого невозможно было приступиться к написанию романа, и значительно влиял на его художественную практику. Кстати, свою полемику с Пушкиным-романистом Тургенев в 1840-е гг. как раз вел по линии антропологической, поскольку сомневался в возможности современного человека в современной же действительности сохранять память о целостности – отсюда многочисленные травестированные вариации онегинского сюжета в тургеневских стихотворных новеллах. Для обретения своего героя Тургеневу понадобилось время, что позволило ему как будто на новом этапе пересмотреть и пушкинские человековедческие открытия. Это оказалось невозможным сделать без рефлексии над гетевским Фаустом, которым также отмечены и 1840-е, и 1850-е гг. Постепенно в творчестве Тургенева прорастал его герой, который в своей двойственности и в стремлении к полноте бытия восходил к типу Фауста. Сюжетные линии его прозы, и романа, и повести определялись «трагикомедией любви» и «борьбой личного духа» – именно так трактовал Тургенев основные структурные составляющие первой части гетевского «Фауста» [Тургенев 1978: 214]. В сущности, неудачи первого замысла, романа «Два поколения», вероятно, были связаны с невозможностью только формирующегося на тот момент в творческом сознании писателя сюжета разработать линию героя, который в прозе Тургенева вырисовывался постепенно, причем не только в гамлетовско-донкихотской, но и в фаустовской системе координат. И в «Переписке», и в «Затишье», и даже ранее – в «Гамлете Щигровского уезда» и в «Дневнике лишнего человека» – герои существуют в атмосфере предельной жажды полноты бытия, стремятся прочувствовать мгновение счастья. Это, по Тургеневу, важная фаустовская черта[1]. Интересно, что одним из явных фаустовских текстов у Турге-

[1] «Гёте, этот защитник всего человеческого, земного, этот враг всего ложно-идеального и сверхъестественного, первый заступился за права – не человека вообще, нет – за права отдельного, страстного, ограниченного человека; он показал, что в нем таится несокрушимая сила, что он может жить без всякой внешней опоры и что при всей нераз-

нева является его первый завершенный роман – «Рудин» [см.: Беляева 2010], в котором не только герой, сюжет и основные сюжетные линии восходят к книге Гете, к ее первой части, но и размышления об эгоизме и эгоистическом, что так ценит Тургенев в «Фаусте», да и сама дилемма «слова» и «дела» соотносятся с фаустовской попыткой перевода начальных строк «Евангелия от Иоанна», не говоря о проблеме «трагического значения любви», которая Тургеневым рефлексировалась в контексте сочинения Гете – когда он как критик размышлял о «трагикомедии любви» Фауста и Маргариты.

Словом, к моменту тесного общения с Гончаровым и их творческого соучастия друг в друге Тургенев не был дезориентирован как романист. Он, очевидно, нащупал свою дорогу. Отсюда возникает вопрос, а что же было тогда воспринято им у Гончарова и была ли вообще в его жизни «гончаровская школа»? Полагаем, что была. И связано это, по нашему глубокому убеждению, с тем, что Гончаров открыл для Тургенева новые возможности романа. Он познакомил его со своей идеей романа, которая имеет прямое отношение к архитектонике «Божественной комедии» Данте.

Для Гончарова опыт Данте, чья деятельность открывала эпоху Ренессанса, был очень важен, возможно, даже более, чем художественные стратегии его современников, что нисколько не умаляет интереса к ним со стороны русского писателя. О проблеме «Гончаров и Данте» в настоящее время существует хотя и небольшая, но все же уже объемная литература, но если первые критики, писавшие на эту тему, лишь проводили общие линии между двумя писателями, делая акцент на созвучной у обоих аллегоризации и символизации действительности [Чуйко 1991], то в настоящее время исследователи склонны считать, что романы Гончарова каждый по отдельности (на микроуровне) и в единстве трилогии (на макроуровне) ориентируются в своем «сверхзамысле», или сверхзадаче на «Божественную комедию» Данте [Беляева 2007; Беляева 2016 (1); Калинина 2012; Мельник 2019].

Гончаров еще со времен своего обучения в Московском университете был хорошо знаком не только с содержанием «тройственной поэмы», но и с ее религиозным, научным, художественным и в немалой степени языковым уровнями благодаря С. П. Шевыреву, автору первого в России серьезного исследования о Данте. Как предполагает В. И. Мельник, «надроманный» замысел Гончарова, восходящий к Данте, «в целом сложился еще во второй половине 1840-х гг., а начал складываться в конце 1830-х гг.» [Мельник 2020: 20], но точнее, видимо, сказать сложно, поскольку, по мнению специалистов, этот период представляет «самое загадочное», хотя вместе с тем и «самое важное» [Балакин 2018: 9] время в жизни и творчестве Гончарова. Мы также склонны считать, что уже на этапе работы над «Обыкновенной историей» Гончаров, возможно, что только интуитивно, но уже прозревал архитектонику своего романного эпоса, представленного «картинами», или «галереями» *обыкновенной истории*, *сна* и *пробуждения*. Эти именования, аллегорико-символические по сути, которые позже дал Гончаров своим трем романам в статье «Лучше поздно, чем никогда», почти дословно повторяют те определения, что находил С. П. Шевырев для описания центральных идей трех кантик «Божественной Комедии» у Данте. Процесс создания Гончаровым романов «Обломов» и «Обрыв», которые, по его же уверениям, в общих чертах явились ему уже в самом конце 1840-х гг., едва ли принципиально отстояли от «Обыкновенной истории», которая по сути была «трудным приготовлением к настоящему пути» [Гончаров 1997: 450], началом и предчувствием долгой дороги восстановления грешника из мрака «духоугашения» [Ильин 2012: 325], пробуждения его для *новой жизни*.

Справедливо, видимо, в этой связи полагать, что в середине 1850-х гг. встретились не прирожденный романист, знающий, как облечь в современную плоть и кровь сверхсюжет о спасении человека – отметим попутно, что Достоевский реализацию подобного сюжета считал ключевой, «христианской и вы-

решимости собственных сомнений, при всей бедности верований и убеждений человек имеет право и возможность быть счастливым и не стыдиться своего счастия» [Тургенев 1978: 216].

соконравственной» задачей современной литературы [Достоевский 1993: 241], – и неопытный романист, не ведающий романных путей, а два самостоятельных, но все-таки еще не очень уверенных в себе писателя. Они оба искали подтверждения своим художественным чувствам, они были друг другу нужны. Только одному важно было рассказать и утвердиться в своем (не случайно путь к тому «Обломову», каким в итоге стал этот роман, был сложным и лежал через Мариенбадское лето 1857 г. и в том числе через общение с Тургеневым), доверившись живущему на одной с ним волне собеседнику, а другому – выслушать и расширить сферу своего понимания романного творчества. Гончаров был неправ, конечно, когда обвинял Тургенева в том, что без него у того не было ни идеи, ни самого «сока романа» [Гончаров 2000: 203]. Он и выбрал Тургенева, хотя и не единственного, но одного из немногих собеседников, «*охотнее всех* прислушивавшегося» к его рассказам [Гончаров 2000: 198], потому что чувствовал, что именно он его услышит. Гончаров очень хорошо запомнил чуткую, заинтересованную реакцию Тургенева на свои рассказы и замыслы: «Он слушал неподвижно, притаив дыхание, приложив почти ухо к моим губам, сидя близь меня на маленьком диване в углу кабинета. Когда дошло до взаимных признаний Веры и бабушки, он заметил, что „это хоть бы в романе Гете“» [Гончаров 2000: 200]. Имя Гете, возможно, не случайно возникло у «заклятого гетеанца» Тургенева в процессе общения с Гончаровым, хотя тут, вероятно, речь идет именно о романах немецкого писателя. В любом случае все это свидетельствует в пользу гетевского направления в художественном мышлении Тургенева на тот момент.

Гончарову очень хотелось быть понятым адекватно. Небезосновательно будет предположить, что свои дантовские установки он вообще никому не смел проговорить, даже если они были им и отрефлексированы, а не являлись частью интуитивного замысла. Примечательно, что явные дантовские параллели в гончаровских романах имеют весьма завуалированную репрезентацию, что отмечают многие пишущие на тему «Гончаров и Данте». Такое впечатление, что Гончаров даже опасался, что называется, быть узнанным, любые явные отсылки к «Божественной Комедии» ему, вероятно, казались недопустимыми ввиду скромности и предельной требовательности к себе. Но он хотел, чтобы его замысел – книги о современном человеке и человечестве, о погублении и о возможности спасения, в которой бы каждый мог узнать себя и почувствовать звуки и краски своего времени, – был услышан. И хотя Гончаров и полагал, уж насколько это было искренне, сложно сказать, что Тургенев не может писать романы и создан быть только «миниатюристом» [Гончаров 2000: 198], но именно его он выбрал в посвященные.

О том, что доверил Тургеневу Гончаров, мы можем знать с его слов. В «Необыкновенной истории» он признавался, что «ни с того, ни с сего вдруг <…> открыл ему не только весь план будущего своего романа („Обрыв“), но и пересказал все подробности, все готовые у меня на клочках программы сцены, детали, решительно все, все» [Гончаров 2000: 200]. Какие это были «подробности», щепетильно изложено в той же книге Гончарова, и они для писателя действительно были важны, потому что в деталях запечатлевалось целое – а именно то, что определил писатель в одном из своих доверительных писем к С. А. Никитенко от 28 июня (10 июля) 1860 г. «…Не *зернышко* взял он у меня, а взял лучшие места, перлы», представил наиважнейшую тему романа – «всходы новой жизни на развалинах старой», причем, что принципиально: Тургенев «сыграл на своей лире» [Гончаров 1955: 344], т. е. иначе, не так, как предполагал он сам. А Гончаров предполагал разрешить эту тему в виде огромного здания, каким и виделся ему романный жанр (здесь также можно провести параллель с огромным зданием, со сложнейшей архитектоникой «Божественной комедии», отражающей представление Данте об устройстве Вселенной и человека). Ключевая тема романа – «всходы новой жизни на развалинах старой» – напрямую связана с дантовской идеей *vita nova*. Гончаров предполагал развернуть ее в узнаваемых реалиях, или «подробностях» – в «истории предков, местности сада, чертах моей старушки» [Гончаров 1955: 344] и, конечно, в главной сюжетной линии, посвященной пробуждению героя, погибшего, утратившего силы жить,

благодаря спасительной силе любви и участию в его судьбе женщины.

Традиционный, казалось бы, любовный конфликт, обретал в замысле Гончарова все координаты такой истории, когда земная любовь транслирует те силы высшей любви, которыми движется мир – «солнце и звезды». Собственно, к этому выводу приходит Штольц в четвертой части романа «Обломов»: «Наблюдая сознательно и бессознательно отражение красоты на воображение, потом переход впечатления в чувство, его симптомы, игру, исход и глядя вокруг себя, подвигаясь в жизнь, он выработал себе убеждение, что любовь, с силою архимедова рычага, движет миром» [Гончаров 1998: 448]. Кстати, это одна из немногочисленных прямых реминисценций из Данте, которая встречается в текстах Гончарова.

Тема «трагического значения любви» давно интересовала Тургенева – как уже отмечалось, он особо выделял ее в том числе в «Фаусте» Гете, выступая в качестве критика. Затем в разнообразных вариациях она отражалась в его сочинениях 1840-х гг., но ближе всего к фаустовскому контексту она зазвучала в «Гамлете Щигровского уезда» и в «Дневнике лишнего человека», ну а затем, конечно, в романе «Рудин», если говорить о текстах, актуальных на момент близкого общения Гончарова и Тургенева. Гончаров, без сомнения, приоткрыл Тургеневу иные грани того, как любовь «продвигается в жизнь» и что она может быть сосредоточена не в одном моменте бытия, а организовывать жизнь человека в ее сложном течении. Это, конечно, вовсе не означает, что Тургенев без Гончарова как будто бы Данте не знал, вовсе нет. Как отмечает Т. Б. Трофимова, одна из первых разработчиков темы «Тургенев и Данте», имя Данте упоминается в первых строках поэмы «Филиппо Стродзи» (1847), «сразу задавая тему», поскольку «борьба главного героя против тирании семейства Медичи – основная тема поэмы» [Трофимова 2004: 170]. «Дантовское „слово“» [Трофимова 2004: 171], справедливо полагает исследовательница, звучит в пьесе «Нахлебник» (1848), имеющей первоначальное название «Чужой хлеб», которое отсылает к дантовскому «Раю». Но это все отсылки к устойчивым формулам и образам, вне центральной темы – *новой жизни*. Она пунктиром и не как основная появляется у Тургенева лишь в повести «Фауст» (1856), к работе над которой писатель приступил в конце июня – в начале июля 1856 г., т. е. непосредственно после литературных бесед с Гончаровым. Не только фаустовский, но и дантовский контексты этой повести сейчас справедливо выявляются в исследовательской литературе [см.: Беляева 2014; Трофимова 2004: 172–175], но все же дантовская линия в большей степени связана с историей Паоло и Франчески, с проблемой отречения, которая звучит и у Данте, а не только у Гете в «Фаусте» (разные оттенки в ее разрешении во многом и организуют конфликт в повести). Девять писем, в форме которых написан тургеневский «Фауст», также отчетливо отсылают к «числу Беатриче» и непосредственно к «Новой жизни» (1295) [Трофимова 2004: 173], которая предшествовала «Божественной комедии». Собственно в этом тексте Данте рассказывает о том, что происходило с ним в преддверии самого главного его дела – написания «Божественной комедии», поскольку если бы не благодатное преображение любовью, она бы не явилась на свет. Однако даже на родине Данте «Новая жизнь» была опубликована много позже «Божественной комедии», в 1576 г. В России «Новая жизнь» была переведена только в конце XIX в. А. П. Федоровым [Данте 1895], со значительными купюрами. В оригинале же она была доступна для заинтересованных читателей и в середине столетия. Об этой книге знали многие в тургеневском окружении, например, А. В. Дружинин, который даже планировал ее перевести в виде «психологического романа» с ярким и достоверным любовным сюжетом [Асоян 1990: 116][1]. Сюжет «Новой жизни» действительно может быть осмыслен в романной системе координат, так как в книге рассказывается история любви и идет речь фактически о частной жизни героев. Но индивидуальный путь, который проходит Данте, преображенный любовью, способен приобщить все человечество к этому *новому* состоянию. Этот импульс «Новой жиз-

[1] Планы А. В. Дружинина относятся к середине 1850-х гг.

ни» и «Божественной комедии» Данте был в полной мере осмыслен как основной нерв романа впервые только Гончаровым. Появится он и у Тургенева.

Мы можем с большой вероятностью предположить, что Тургенев, хорошо знавший Данте, цитировавший его, легко обращающийся к дантовским устойчивым формулам в своем творчестве и в переписке[1], впервые взглянул на Данте под таким углом, под которым смотрел на него Гончаров, который во многом был вдохновлен толкованием С. П. Шевырева. Что тема «всходов новой жизни на развалинах старой», благодатное восстановление в любви и разрушение в себе «ветхого человека» и создание «нового» [Гончаров 2004: 553] может звучать романно, едва ли Тургенев мог оценить без влияния Гончарова. Собственно и «гончаровская школа» Тургенева, по нашему глубокому убеждению, состояла в том, что для него открылись границы романа, он в какой-то момент вышел из фаустовского круга. И онегинского отчасти тоже, поскольку воспринимал его Тургенев во многом в фаустовской системе координат (с ним же и творчески полемизировал в 1840-е гг.), хотя роман Пушкина равно объединяет в себе дантовскую и фаустовскую подосновы, что, вероятно, прояснилось для Тургенева в процессе его работы над «Дворянским гнездом», поскольку «пушкинское» там звучит уже по-новому, согласуясь с идеей *новой жизни*.

Гончаров был, вероятно, прав, когда считал, что роман «Дворянское гнездо» (1859) Тургенев писал вдохновленный их беседами – а иначе трудно объяснить такой резкий разворот в сторону Данте, который можно наблюдать в этом романе. От первых страниц до эпилога «Дворянское гнездо» пронизано Данте, причем именно так, как смотрел на Данте Гончаров: в логике преображения, или спасения мира и человека любовью, исключая иные дантовские темы, которые в том числе и у Тургенева встречались ранее.

Центральная сюжетная линия романа – линия Лаврецкого и Лизы Калитиной – выстроена так, что героиня оказывается по отношению к герою в функции Беатриче. Все начинается с первой встречи Лаврецкого с маленькой Лизой, которая происходит задолго до основных событий, описанных в романе: ей одиннадцать лет (Беатриче – девять), и она производит на Лаврецкого подобное же впечатление, что и маленькая Беатриче на Данте, о чем рассказывается в «Новой жизни» (заметим попутно, что у Гончарова такой ситуации нет ни в одном романе). Лаврецкий, несмотря на перипетии судьбы (он успел заблудиться в «темном лесу» жизни), не мог ее забыть. «Я помню вас хорошо, – признался он Лизе через восемь лет, – у вас уже тогда было такое лицо, которого не забываешь» [Тургенев 1981: 24]. Статус героини в романе Тургенева – особенный: Лиза и ребенком, и в свои девятнадцать лет удивительным образом воздействует на окружающих, рядом с ней люди становились лучше, как в описании Беатриче в «Новой жизни». Таково и воздействие гончаровской Ольги. Как и Обломов в «сфере Ольги», Лаврецкий преображался в сфере Лизы. Образ главной героини хотя и воспринимался ближайшими поколениями читателей Тургенева как образ «русской Гретхен» [Соловьев 1917: 503], что во многом тоже справедливо, архетипически он, несомненно, восходил и к Беатриче, о чем свидетельствуют ангелоподобие тургеневской героини, смирение, будущее монашество, да и сама мирская жизнь, в которой она решительно отличается от всех. Земной путь дантовской Беатриче недолог, но ее действенное влияние на земную судьбу Данте невероятно велико. Таково и влияние Лизы на Лаврецкого, который находится в дантовском возрасте «половины жизни» – «Неужели, – думал Лаврецкий, – мне в тридцать пять лет нечего другого делать, как опять отдать свою душу в руки женщины?» [Тургенев 1981: 96] – и его действительно со «дна реки», т. е. со дна жизни спасает женщина.

Тургеневская Лиза интересна как образ еще и тем, что она как будто бы напоминает всех тургеневских героинь 1850-х гг., но читателя не оставляет ощущение, что Лиза чем-то принципиально от них отличается, что подметил Достоевский в своей Пушкинский речи. Гончаров видел в Лизе свою Веру, будущую героиню «Обрыва», в которой обрела

[1] В письмах 1850-х гг. попадаются прямые цитации из Данте [См.: Трофимова 2004: 169].

плоть и кровь аллегория Женщины как спасительницы и путеводительницы, чему и посвящен последний гончаровский роман, заканчивающийся программой будущего, но так и не дописанного на бумаге (в отличие от жизни) романа Райского. Лаврецкий действительно в тридцать пять лет (знаковый возраст и для всех героев Гончарова, актуализирующий дантовскую ситуацию в его романах) «отдает себя в руки женщины» и воскресает к новой жизни. А неизбежные драматические и даже трагические события, которые выпадают на его долю – они неизбежны у любого *современного* (*фаустовского*) *человека* – приобретают иной смысл и уже не убивают его, как ранее, но ведут вверх, «по ступеням». Лиза Лаврецкого спасла. С нее начинается его новая жизнь. Их последняя встреча в отдаленном монастыре, которая описана опять с помощью «дантовского слова», в контексте фразы, хорошо знакомой и цитируемой Тургеневым в письмах – „guarda e passa“ («взглянул и дальше»). Она отсылает читателя к истории Паоло и Франчески, как и в случае с тургеневским «Фаустом», хотя семантически она сложнее. Но в любом случае закольцовывается «Дворянское гнездо» цитатой из «Божественной комедии». **Новая жизнь** в тургеневском романе – это не столько новые, молодые силы, которые читатель видит в обитателях калитинского дома в эпилоге, не собственно смена поколений, актуализирующая пушкинскую мысль о «племени младом и незнакомом», что приходит на смену старикам, но именно *новая жизнь* Федора Лаврецкого – современного человека, со всеми его фаустовскими по сути сомнениями, стремлениями и грехами.

Насколько плодотворной для «заклятого гетеанца» Тургенева была дантовская тема *новой жизни*, в современных «подробностях» увиденная впервые именно Гончаровым-романистом в «ростках новой жизни на развалинах старой», можно судить по тому эффекту, который «Дворянское гнездо» произвело на современников. Сейчас мы вернее считываем в этом сочинении трагедию, между тем как они не видели в романе Тургенева выражения трагического закона жизни. Все критические высказывания и рецензии на роман, относящиеся к 1859 г., свидетельствуют о том, что он вызвал всеобщий интерес и в какой-то мере примирил общество, представителей противоположных взглядов, прежде всего славянофилов и западников. Интуитивно читатели видели в «Дворянском гнезде» утверждение жизни, что определенно выразил Ап. А. Григорьев в фундаментальной статье «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“ (письма к графу Григорию Александровичу Кушелеву-Безбородко)», которая увидела свет в год выхода романа («Время», № 4, 5, 6, 8). По мнению Ап. А. Григорьева, в новом романе Тургенева «сказалось» самое важное для читателя, что читателю очень нужно было услышать – сказалась «вся умственная жизнь послепушкинской эпохи», которая «завершается в поэтических задачах тургеневского типа победою жизни над теориями», поскольку новый мир Лаврецкого теперь устроен так, что ему «нельзя, да и незачем разделяться» [Григорьев 1915: 111]. А это совершенно новое личное, эмоциональное, социальное и историческое качество жизни. Герой Тургенева не столько примиряет в себе все противоречия, сколько их смиряет, доверившись душой и сердцем Лизе, ее очень простому пониманию жизни, что нужно прощать, чтобы тебя простили; быть христианином, потому что каждый человек должен умереть; любить – всех ввиду Бога и проч. Так личный опыт оказывается основой социальной практики героя, а из отдельных личных социальных практик устраивается сначала малое, а потом и большое пространство русского общежития. В романах Гончарова, и его понимании задач романного жанра мы можем наблюдать то же самое.

П. В. Анненков, откликнувшийся на роман Тургенева в августовском номере «Русского вестника» за 1859 г., т. е. фактически по прошествии полугода, приступая к разбору нового сочинения писателя, справедливо замечал, что ему «трудно сказать, <...> что более заслуживает внимания: само ли оно со всеми своими достоинствами, или необычайный успех, который встретил его во всех слоях нашего общества». Позже в своих воспоминаниях П. В. Анненков сделает акцент на скрытых в романе трагических интонациях, но его ранняя реакция на сочинение Тургенева была практически лишена подобных красок, а если они и были, то выражались не столь явствен-

но. В любом случае критик предложил «серьезно подумать о причинах того единственного сочувствия и одобрения, того восторга и увлечения, которые вызваны были появлением „Дворянского гнезда“» и небезосновательно предложил свое объяснение этого успеха: «Роман был сигналом повсеместного примирения и образовал род какого-то литературного trève de Dieu, где каждый позабыл на время свои любимые мнения, чтобы вместе с другими спокойно насладиться произведением и присоединить голос свой к общей и единодушной похвале» [Анненков 1859: 508]. В 1859 г. П. В. Анненков считал, находясь на общей волне, что «Дворянское гнездо» стал «пророчеством близкого обновленья» [Анненков 1859: 536]. И если раньше, как отмечает критик, «г. Тургенев был избранный и непревосходимый летописец *безвыходных положений*» [Анненков 1859: 537. Курсив П. В. Анненкова. – *И. Б.*] – т. е. в фокусе его внимания были ситуации, высказывающие «трагическое значение» жизни, любви и даже искусства, как об этом говорил тургеневский Рудин, – то с созданием «Дворянского гнезда» у него начинается новая эпоха. «Наступила, – пишет П. В. Анненков, – пора преобразования» [Анненков 1859: 538]. Эта пора есть начало нового этапа как собственно в творчестве Тургенева, так и в русском обществе, поскольку начался процесс «тяжелого создания идеалов жизни на развалинах других идеалов, данных историей» [Анненков 1859: 536].

Однако после «Дворянского гнезда» дантовско-гончаровский вектор *новой жизни* столь явственно в своих романах Тургенев больше разрабатывать не будет. Уже в «Накануне», а затем и в «Отцах и детях» он с усиленным вниманием обратится к гетевской теме Елены, к мотивно-образному комплексу второй части «Фауста» и во многом отойдет от дантовских интонаций, вернувшись к своим прежним решениям [см.: Беляева 2018]. Несмотря на то, что роману «Накануне» Гончаров тоже откажет в оригинальности, на самом деле Тургенев скорее учел при его окончательной обработке неудачный опыт «Дворянского гнезда» (неудачный, потому что имел все шансы на то, чтобы его обвинили в плагиате, что впоследствии и произошло), в котором действительно ощутима «школа» Гончарова. «Фаустовские контексты» как в романе «Накануне», так и в «Отцах и детях» доминируют и определенно свидетельствуют о нежелании Тургенева далее осваивать дантовскую модель *сюжета спасения*. Нельзя исключать, что это было обусловлено объективными причинами и связано с характером творческой индивидуальности Тургенева, которому ближе был Гете с его идеей спасения всех, даже грешников «за дверью гроба», как и происходит, например, с Базаровым, но нельзя игнорировать и субъективный фактор, ту конфликтную ситуацию, что возникла у него с Гончаровым из-за «Дворянского гнезда».

Самый счастливый роман в творческой биографии Тургенева – «Дворянское гнездо» – стал художественным сочинением, предлагавшим внятную стратегию социальной практики в России конца 1850-х гг., поэтому и был так восторженно встречен читателями и критикой. В романе был представлен план новой жизни и даны прямые социальные перспективы в его реализации: «пахать землю и как можно лучше ее пахать», но ни в коем случае не от отчаяния, а благодаря и ввиду той любви, «которая не перестает»: «Всё минется, – сказал апостол, – одна любовь останется» [Тургенев 1980: 348]. Схожий по общественному звучанию, но иной «узор» новой жизни рисовал в своих размышлениях Обломов – эти размышления казались сонными, но на самом деле были выражением «волканической работы» ума и сердца [Гончаров 1998: 67]. Они также должны были стать частью его жизненной практики. Но если сам герой свой «узор» не воплотил в жизнь, то решительно повлиял на жизненную траекторию Ольги и Андрея Штольца, какой читатель ее видит в четвертой части романа. Тот роман (роман как жанр), который видел в своем творчеством воображении Гончаров, в котором должны были определиться «трудные пути жизни» и должно было состояться *пробуждение* человека – сегодня и сейчас, – гончаровский роман предлагал определенную социальную программу, которую каждый человек должен был совершать лично: переживать историю «трудной и нескончаемой работы над собой, над своей собственной статуей, над идеалом человека» [Гончаров 2004: 553, 554], причем тоже ввиду любви.

Вышедшие в один год и почти в одни и те же месяцы в печати «Дворянское гнездо» и «Обломов» навсегда уравняли писателей в плане «смелости изобретения», между тем как автор «Дворянского гнезда» выступал здесь во многом как ученик, сыграв «дантовский сюжет» «на своей лире», в своей емкой повествовательной манере разрешив грандиозную задачу, которую так бережно выстраивал в большое архитектурное сооружение своего грандиозного романа Гончаров. Понять последнего, его возмущение и обиды поэтому можно. Но далее в «школе» Гончарова Тургенев работать не стал, он вернулся в свое идейно-художественное поле, к своим сюжетным моделям и героям, поэтому совпадения с программой «Обрыва», обнаруженные Гончаровым в «Накануне», лишь кажущиеся, они не выходят за пределы, как верно было подмечено еще «третейским судом» критиков П. В. Анненкова, А. В. Дружинина и С. С. Дудышкина, типологических и историко-культурных параллелей. Тургенев, вероятно, интуитивно, своим романным чутьем увидел те возможности, которые открывает дантовская тема *новой жизни* в романе, но он лишь единожды сыграл на этом поле. Словом, в конфликте двух писателей, как это не странно прозвучит, без вины виноват третий – автор «Божественной комедии».

Литература

Аветисян, В. А. Гете и Данте / В. А. Аветисян. – Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 1998. – 85 с.

Анненков, П. В. Русская литература. Дворянское гнездо. Роман И.С. Тургенева. Москва. 1859 / П. В. Анненков // Русский вестник. – 1859. – Кн. 22, № 8. – С. 508–538.

Асоян, А. А. «Почтите высочайшего поэта...»: Судьба «Божественной комедии» Данте в России / А. А. Асоян. – М. : Книга, 1990. – 216 с.

Балакин, А. Ю. Разыскания в области биографии и творчества И.А. Гончарова / А. Ю. Балакин. – М. : ЛитФакт, 2018. – 336 с.

Батюто, А. И. Избранные труды / А. И. Батюто. – СПб. : Нестор-История, 2004. – 960 с.

Беляева, И. А. «Фауст» И.С. Тургенева: интертекстуальность в свете семантики эпиграфа / И. А. Беляева // Спасский вестник. – 2014. – Вып. 22. – С. 12–19.

Беляева, И. А. Вторая часть «Фауста» И.-В. Гете в творческой рецепции И.С. Тургенева: тема Елена / И. А. Беляева // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – № 5. – С. 59–70.

Беляева, И. А. И.А. Гончаров-романист: дантовские параллели : монография / И. А. Беляева. – М. : МГПУ, 2016 (1). – 216 с.

Беляева, И. А. Проза И.С. Тургенева 1850-х годов: «фаустовские» истоки и смыслы / И. А. Беляева // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2015. – Т. 74, № 6. – С. 5–18.

Беляева, И. А. Рудин – русский Фауст? / И. А. Беляева // Спасский вестник. – 2010. – Вып. 18. – С. 14–23.

Беляева, И. А. Сюжет спасения в русском классическом романе / И. А. Беляева // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2016 (2). – № 6. – С. 44–52. – DOI: 10.20339/PhS.6-16.044.

Волкова, Е. И. Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе / И. А. Беляева. – М. : НОПАЯЗ, 2001. – 284 с.

Гончаров, И. А. Необыкновенная история: (Истинные события) / И. А. Гончаров ; вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Ф. Будановой// Литературное наследство. Т. 102. И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. – С. 184–304.

Гончаров, И. А. Переписка И. А. Гончарова с великим князем Константином Константиновичем / И. А. Гончаров // Российский Архив. – 1994. – Т. 5. – С. 176–240.

Гончаров, И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / И. А. Гончаров. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 1. – 832 с.

Гончаров, И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / И. А. Гончаров. – СПб. : Наука, 1998. – Т. 4. – 496 с.

Гончаров, И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / И. А. Гончаров. – СПб. : Наука, 2004. – Т. 7. – 776 с.

Гончаров, И. А. Собрание сочинений : в 8 т. / И. А. Гончаров. – М. : ГИХЛ, 1955. – Т. 8. – 576 с.

Григорьев, Ап. А. Собрание сочинений / Ап. А. Григорьев ; под ред. В. Ф. Саводника /. – М. : Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К*, 1915. – Вып. 10. – 135 с.

Данте Алигьери. Обновленная жизнь / Данте Алигьери ; пер. стихами с итал. А. П. Федорова. – СПб. : Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1895. – 162 с.

Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1993. – Т. 11. – 571 с.

Ильин, В. Н. Продолжение «Мертвых душ» у Гончарова / В. Н. Ильин // Мастер русского романа: И.А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья. – М. : Центр книги Рудомино, 2012. – С. 322–361.

Калинина, Н. В. Дантовы координаты романа «Обрыв» / Н. В. Калинина // Русская литература. – 2012. – № 2. – С. 67–80.

Линков, В. Я. Свой путь русского реализма / В. Я. Линков // Русская словесность. – 2012. – № 5. – С. 9–21.

Лотман, Ю. М. О русской литературе классического периода (Вводные замечания) / Ю. М. Лотман // О русской литературе. – СПб. : Искусство, 1997. – С. 594–604.

Лотман, Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1993. – Т. 3.

Мельник, В. И. Логика творчества И.А. Гончарова: к постановке проблемы / В. И. Мельник // Два века русской классики. – 2019. – Т. 1, № 2. – С. 110–143. – DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-2-110-143.

Мельник, В. И. Проблема романной трилогии И.А. Гончарова и его конфликт с И.С. Тургеневым / В. И. Мельник // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 2 (21). – С. 17–28. – DOI: 10.20323/2499-9679-2020-2-21-17-28.

Назиров, Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования последних лет / Р. Г. Назиров. – Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2010. – 408 с.

Недзвецкий, В. А. Конфликт И.С. Тургенева и И.А. Гончарова как историко-литературная проблема / В. А. Недзвецкий // Slavica. Debrecen. – 1986. – Т. XXIII. – С. 315–332.

Соловьев, С. М. Гете и христианство / С. М. Соловьев // Богословский вестник. – 1917. – Т. 1, № 4–5. – С. 478–522.

Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1949. – Т 13. – 884 с.

Трофимова, Т. Б. Тургенев и Данте (К постановке проблемы) / Т. Б. Трофимова // Русская литература. – 2004. – № 2. – С. 169-182.

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1978. – Т. 1. – 577 с.

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1987 (1). –Т. 2. – 623 с.

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1987 (2). – Т. 3. – 702 с.

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1987 (3). – Т. 4. – 767 с.

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1980. – Т. 5. – 544 с.

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1981. – Т. 6. – 395 с.

Чуйко, В. В. Иван Александрович Гончаров. Опыт литературной характеристики / В. В. Чуйко // Наблюдатель. – 1991. – № 12. – С. 109–127.

Шеллинг, Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг. – М. : Мысль, 1966. – 496 с.

References

Annenkov, P. V. (1859). Russkaya literatura. Dvoryanskoe gnezdo. Roman I. S. Turgeneva. Moskva. 1859 [Russian Literature. The Noble Nest. A Novel by I. S. Turgenev. Moscow. 1859]. In *Russkii vestnik*. Book 22. No. 8, pp. 508–538.

Asoyan, A. A. (1990). «Pochtite vysochai*shego poeta…»: Sud'ba «Bozhestvennoi komedii» Dante v Rossii* ["Honor the outstanding poet…": The Fate of Dante's "Divine Comedy" in Russia]. Moscow, Kniga. 216 p.

Avetisyan, V. A. (1998). *Gete i Dante* [Goethe and Dante]. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta. 85 p.

Balakin, A. Yu. (2018). *Razyskaniya v oblasti biografii i tvorchestva I. A. Goncharova* [Research in the Field of Biography and Creative Activity of I. A. Goncharov]. Moscow, LitFakt, 2018. 336 p.

Batyuto, A. I. (2004). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 960 p.

Belyaeva, I. A. (2010). Rudin – russkii Faust? [Rudin – a Russian Faust?]. In *Spasskii vestnik*. Issue 18, pp. 14–23.

Belyaeva, I. A. (2014). «Faust» I. S. Turgeneva: intertekstual'nost'v svete semantiki epigrafa [I. Turgenev's "Faust": Intertextuality in the Light of the Epigraph Meaning]. In *Spasskii vestnik*. Issue 22. pp. 12–19.

Belyaeva, I. A. (2015). Proza I. S. Turgeneva 1850-kh godov: «faustovskie» istoki i smysly [I. Turgenev's Prose of the 1850s: "Faustian" Origins and Meanings]. In *Izvestiya Rossiiskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 74. No. 6, pp. 5–18.

Belyaeva, I. A. (2016 (1)). *I. A. Goncharov-romanist: dantovskie paralleli* [I. Goncharov the Novelist: Dante Parallels]. Moscow, MGPU. 216 p.

Belyaeva, I. A. (2016 (2)). Syuzhet spaseniya v russkom klassicheskom romane [The Plot of Salvation in the Russian Classic Novel]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 6, pp. 44–52. DOI: 10.20339/PhS.6-16.044.

Belyaeva, I. A. (2018). Vtoraya chast'«Fausta» I.-V. Gete v tvorcheskoi retseptsii I. S. Turgeneva: tema Elena [The Second Part of Goethe's "Faust" in the Creative Reception of I. Turgenev: the Theme of Elena]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 5, pp. 59–70.

Chuiko, V. V. (1891). Ivan Aleksandrovich Goncharov. Opyt literaturnoi kharakteristiki [Ivan Alexandrovich Goncharov. Experience of Literary Characterization]. In *Nablyudatel'*. No. 12, pp. 109–127.

Dante Alig'eri (1895). *Obnovlennaya zhizn'* [Renewed Life] / transl. by A. P. Fedorov. Saint Petersburg. 162 p.

Dostoevsky, F. M. (1993). *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works, in 15 vols.]. Leningrad, Nauka. Vol. 11. 571 p.

Goncharov, I. A. (1955). *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [The Complete Works, in 8 vols.]. Moscow, GIKHL. Vol. 8. 576 p.

Goncharov, I. A. (1994). Perepiska I. A. Goncharova s velikim knyazem Konstantinom Konstantinovichem [Correspondence of I. A. Goncharov with the Grand Duke Konstantin Konstantinovich]. In *Rossiiskii Arkhiv*. Vol. 5, pp. 176–240.

Goncharov, I. A. (1997). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [The Complete Works and Letters, in 20 vols.]. Saint Petersburg, Nauka. Vol. 1. 832 p.

Goncharov, I. A. (1998). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [The Complete Works and Letters, in 20 vols.]. Saint Petersburg, Nauka. Vol. 4. 496 p.

Goncharov, I. A. (2000). Neobyknovennaya istoriya: (Istinnye sobytiya) [An Extraordinary Story: (True Events)]. In *Literaturnoe nasledstvo. Vol. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniya*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie, pp. 184–304.

Goncharov, I. A. (2004). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [The Complete Works and Letters, in 20 vols.]. Saint Petersburg, Nauka. Vol. 7. 776 p.

Grigor'ev, Ap. A. (1915). *Sobranie sochinenii* [Collected Works] / ed. by V. F. Savodnik.. Moscow, Tipo-litografiya T-va I. N. Kushnerev i K*. Issue 10. 135 p.

Il'in, V. N. (2012). Prodolzhenie «Mertvyh dush» u Goncharova [A Continuation of the "Dead Souls" by Goncharov]. In *Master russkogo romana: I. A. Goncharov v literaturnoi kritike russkogo zarubezh'ya*. Moscow, Tsentr knigi Rudomino, pp. 322–361.

Kalinina, N. V. (2012). Dantovy koordinaty romana «Obryv» [Dante Coordinates of the Novel "The Cliff"]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp 67–80.

Linkov, V. Ya. (2012). Svoi put'russkogo realizma [The Original Way of Russian Realism] In *Russkaya slovesnost'*. No. 5, pp. 9–21.

Lotman, Yu. M. (1993). Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [Plot Space of the Russian Novel of the 19th Century]. In *Izbrannye stat'i, in 3 vols*. Tallinn, Aleksandra. Vol. 3.

Lotman, Yu. M. (1997). O russkoi literature klassicheskogo perioda (Vvodnye zamechaniya) [On Russian Literature of the Classical Period (Introductory Remarks)]. In *O russkoi literature*. Saint Petersburg, Iskusstvo, pp. 594–604.

Mel'nik, V. I. (2019). Logika tvorchestva I. A. Goncharova: k postanovke problemy [Goncharov's Logic of Creative Activity: to the Issue of Problem Statement]. In *Dva veka russkoi klassiki*. Vol. 1. No. 2, pp. 110–143. DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-2-110-143.

Mel'nik, V. I. (2020). Problema romannoi trilogii I. A. Goncharova i ego konflikt s I. S. Turgenevym [The Problem of I. A. Goncharov's Novel Trilogy and His Conflict with I. S. Turgenev]. In *Verhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. No. 2 (21), pp. 17–28. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-2-21-17-28.

Nazirov, R. G. (2010). *O mifologii i literature, ili Preodolenie smerti. Stat'i i issledovaniya poslednih let* [About Mythology and Literature, or Overcoming Death. Articles and Research of Recent Years]. Ufa, Ufimskii poligrafkombinat. 408 p.

Nedzvetsky, V. A. (1986). Konflikt I. S. Turgeneva i I. A. Goncharova kak istoriko-literaturnaya problema [The Conflict between I. S. Turgenev and I. A. Goncharova as a Historical and Literary Problem]. In *Slavica. Debrecen*. Vol. XXIII, pp. 315–332.

Shelling, F. (1966). *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Moscow, Mysl'. 496 p.

Solov'ev, S. M. (1917). Gete i khristianstvo [Goethe and Christianity]. In *Bogoslovskii vestnik*. Vol. 1. No. 4–5, pp. 478–522.

Tolstoy, L. N. (1949). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [The Complete Works, in 90 vols.]. Moscow, Leningrad. Vol. 13. 884 p.

Trofimova, T. B. (2004). Turgenev i Dante (K postanovke problemy) [Turgenev and Dante (To the Issue of Problem Statement)]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 169–182.

Turgenev, I. S. (1978). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [The Complete Works and Letters, in 30 vols. Works, in 18 vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 1. 574 p.

Turgenev, I. S. (1980). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [The Complete Works and Letters, in 30 vols. Works, in 18 vols]. Moscow, Nauka. Vol. 5. 544 p.

Turgenev, I. S. (1981). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [The Complete Works and Letters, in 30 vols. Works, in 18 vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 6. 395 p.

Turgenev, I. S. (1987 (1)). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [The Complete Works and Letters, in 30 vols. Letters, in 18 vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 2. 623 p.

Turgenev, I. S. (1987 (2)). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [The Complete Works and Letters, in 30 vols. Letters, in 18 vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 3. 702 p.

Turgenev, I. S. (1987 (3)). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [The Complete Works and Letters, in 30 vols. Letters, in 18 vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 5. 767 p.

Volkova, E. I. (2001). *Syuzhet o spasenii v russkoi, angliiskoi i amerikanskoi literature* [The Salvation Plot in Russian, English and American Literature]. Moscow, NOPAYAZ. 284 p.

Данные об авторе

Беляева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет; профессор филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 129226, Россия, Москва, пр-д 2-й Сельскохозяйственный, 4, стр. 1.

E-mail: belyaeva-i@mail.ru.

Author's information

Belyaeva Irina Anatolievna – Doctor of Philology, Professor, Moscow City University; Professor of Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

УДК 821.161.1-31(Гончаров И. А.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-17.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

РОМАННЫЙ ГЕРОЙ В ЭПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(К проблеме рецепции романа «Обрыв» И. А. Гончарова)

Казакова С. К.
Ассоциация искусствоведов (Москва, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1396-3087

Аннотация. В статье образ Марка Волохова, героя романа «Обрыв» И. А. Гончарова, трактуется как проявление литературной игры, иронии, создающей поверхностное, утрированное мнение читателей о персонаже. Предполагается, что прием манипулирования суждениями публики был угадан, но не до конца осознан критиками романа. Волохов был воспринят современниками (публикой и критикой) в остром социальном контексте – как представитель новых идей; дискуссия о романе, фактически, свелась к идеологическим спорам. В работе доказывается, что в «Обрыве» Гончаров мастерски развивает прием «навязывания» субъективной характеристики персонажа (ранее он был применен романистом в «Обыкновенной истории» и «Обломове»). Задолго до «личного» знакомства читателя с Марком Волоховым информация о нем поступает из внешних источников. В дальнейшем изначально предвзятое мнение о персонаже задает направление интерпретации его поступков читателем. Ключом к разгадыванию литературной игры романиста может считаться двойничество главного героя Бориса Райского и Марка Волохова (давно замеченное и критиками, и учеными). Гончаров, по существу, подталкивает читателя к применению двойных стандартов в оценке схожего поведения персонажей. Критики сочли это недостатком, непоследовательностью романиста. В статье предлагается иная версия: трактовать двойничество Райского и Волохова как манифестацию доведенного до иронии принципа «в искусстве важно не *что*, а *как*».

Прижизненная рецепция «Обрыва» рассматривается в контексте соотнесения эпического и романного дискурсов литературного процесса России второй половины XIX в. Предполагается, что современники Гончарова подошли к разбору «Обрыва» не с романных, а с противоположных, «эпических», позиций. В этом дискурсе герой не может находиться в зоне непосредственного контакта, он должен быть особенным, возвышающимся над окружающими. Образ Марка Волохова, напротив, полностью лишен эпической дистанции – по существу, он травестировал миф Нового человека, влиятельную идеологему того времени, базовый конструкт русской утопической традиции.

Ключевые слова: А. И. Гончаров; ирония; эпос; роман; эпический дискурс; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы.

A NOVEL CHARACTER IN EPIC DISCOURSE
(To the Issue of Reception of the Novel "The Precipice" by Goncharov)

Svetlana K. Kazakova
Association of Art Critics of Russia (Moscow, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1396-3087

Abstract. The article addresses one of the most important Goncharov's characters – Mark Volokhov from the novel *The Precipice*. It is argued that Goncharov deliberately created ambiguous image of the character, ironically forcing the negative superficial impression. It is believed that the technique of the audience opinion manipulation was noticed but not realized to the full by the novel critics. Volokhov was taken by the contemporaries (both critics and readers) in a sharp social context – as a bearer of new ideas; and the discussion of the novel actually boiled down to ideological disputes. The article argues that in his novel, Goncharov masterfully develops the technique of forcing upon readers a subjective characteristic of his personage, which he had earlier used in *A Common Story* and *Oblomov*. Long before the readers meet Mark Volokhov "in person", they get some information about him from outer sources. Later on, the first biased impression about the character channels the further interpretation of his deeds by the reader. The key to the literary game of the novelists may be found in the duality of the main

© С. Казакова, 2021

character of the novel Boris Raisky and the secondary character Mark Volokhov (long ago noted by readers and critics). In fact, Goncharov makes his reader apply double standards to the assessment of similar characters'behaviors. The critics considered it as a drawback and a non-consistency. The article poses a different version: to interpret the duality of Raisky and Volokhov as a manifestation of the principle that it is the *how* but not the *what* that is important in art.

The lifetime reception of *The Precipice* is viewed in the context of comparison of the epic and novel discourses of the literary process of Russia of the second half of the 19th century. Goncharov's contemporaries might have interpreted *The Precipice* not from the novel positions, but from the opposite epic ones. In such discourse, the character cannot be in the zone of direct contact; he must be different and higher than all other characters. On the contrary, the character of Mark Volokhov is absolutely devoid of epic distance – he actually impersonates a travesty of the myth of a new man, which was an influential ideologeme of the time and a basic construct of the Russian utopian tradition.

Keywords: I. A. Goncharov; irony; epos; novel; epic discourse; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary characters.

Для цитирования: Казакова, С. К. Романный герой в эпическом дискурсе (К проблеме рецепции романа «Обрыв» И. А. Гончарова) / С. К. Казакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 206–217. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-17.

For citation: Kazakova, S. K. (2021). A Novel Character in Epic Discourse (To the Issue of Reception of the Novel "The Precipice" by Goncharov). In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 206–217. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-17.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR, project No. 20-012-00102.

Последний роман И. А. Гончарова разочаровал критиков. Он не произвел того впечатления, на которое мог бы рассчитывать автор триумфальной «Обыкновенной истории» и «Обломова». Как деликатно выразился в мемуарах П. Д. Боборыкин, «произведения его не оценили как надо». Спустя годы младший современник Гончарова вспоминал, что «на роман накинулась вся тогдашняя грамотная Россия» [Боборыкин 1986: 493]. М. Е. Салтыков-Щедрин, выступивший в печати по горячим следам, выразился гораздо резче: «В „Обрыве" г. Гончаров похоронил себя: мир его праху» [Салтыков-Щедрин 1958: 268].

Реакция современников на завершающий роман трилогии – относительно белое пятно в гончарововедении. «К рецепции романа „Обрыв" в критике ученые обращались достаточно редко», – констатирует авторитетный исследователь творчества Гончарова С. Н. Гуськов [Гуськов 2012: 279]. Многое остается не проясненным и по сей день – общая картина журнальных откликов на «Обрыв» «создает впечатление не только гнетущее, но и в высшей степени странное» [Гуськов 2013: 397][1].

Отношение к роману определил образ Марка Волохова, циничного нарушителя всевозможных устоев и норм, не лишенного, однако, отрицательного обаяния (именно с ним связана ключевая сюжетная линия – любовная история Веры). Рецензенты придали персонажу смыслообразующую роль; на разборе образа Волохова строили критику «Обрыва». «Вся соль романа г. Гончарова заключается в его герое Марке, – писал Н. В. Шелгунов, – вычеркните Марка – и романа нет, нет жизни, нет страстей, нет интереса» [Шелгунов 1958: 246]. Салтыков-Щедрин утверждал: «Чтобы понять всю суть философии г. Гончарова, необходимо хоть в общих чертах познакомить читателя с физиономией одного из действу-

[1] «Негативная инерция» прижизненного литературно-критического фона долгие годы определяла восприятие последнего романа Гончарова. «„Обрыв" и в науке о Гончарове воспринимался как самый слабый роман, как грех против художественной правды, как ошибка Гончаров и т. д.» [Гуськов 2013: 403]. Актуальные исследования последних лет, в том числе труды Гончаровской группы Пушкинского дома, свидетельствуют о востребованности новых подходов в изучении одного из самых загадочных произведений русского классика.

ющих лиц его романа (одного только), Марка Волохова» [Салтыков-Щедрин 1858: 205].

Герой был воспринят современниками (публикой и критикой) в остром социальном контексте – как представитель новых идей. Роман сочли антинигилистическим[1]. «С Марка Волохова началось резкое охлаждение к Гончарову не только в так называемом „молодом поколении“, но и в прогрессивном обществе вообще. А нельзя забывать, что русское общество было тогда прогрессивно в целом», – писал В. Г. Короленко в 1912 г. [Короленко 1958: 335][2]. Родившийся в 1853 г., он как раз и представлял юное поколение пореформенной России, а ко времени написания статьи уже имел возможность поверить свои взгляды исторической дистанцией. Гончаров, как казалось писателю-революционеру, «был чисто по-обломовски равнодушен» к тревогам пореформенной России «и скоро совсем потерял ее из виду». Для Короленко были понятны и суровый общественный приговор роману, и несостоявшееся примирение (после гончаровской статьи «Лучше поздно, чем никогда»): «Почему бы, по крайней мере масса общества не могла простить Гончарову его Волохова, во имя его признания реформ, которыми само оно, по-видимому, удовлетворилось, которые, – как можно было бы думать, – приняло и признало? Когда-нибудь историк, быть может, остановится в недоумении перед этим фактом, но теперь мы еще понимаем его. Характерная черта нескольких пореформенных десятилетий состоит в резкой неудовлетворенности: молодежь в ряде сменявших друг друга поколений была охвачена резко антиправительственным настроением» [Короленко 1958: 337].

Образ Волохова критика нашла предвзятым – по существу, Гончарова обвинили в манипулировании мнением публики. «По плану романиста, – писал Шелгунов, – Марк должен был производить на читателя омерзительное впечатление <…> Все слова подобраны автором так искусно, что задуманное впечатление действительно пробуждается» [Шелгунов 1958: 250–260]. Это мнение почти совпадает с мыслью Салтыкова-Щедрина: «…так как автору непременно хочется сделать из него (Волохова – *С. К.*) демоническую силу, то мы невольно подчиняемся его намерению» [Салтыков-Щедрин 1958: 133]. Проницательности рецензентов нельзя не признать, но задумка романиста, как представляется, была гораздо более изощренной и глубокой.

В «Обрыве» Гончаров мастерски развивает прием «навязывания» субъективной характеристики[3]. Задолго до «личного» знакомства читателя с Марком Волоховым информация о нем поступает из внешних источников: из письма Леонтия Козлова Райскому, со слов других персонажей, передающих городские слухи («Чуть Нила Андреевича не застрелил», – сообщила Татьяна Марковна) или свои экзальтированные впечатления

[1] Политизированный подход к трактовке фигуры Волохова не удовлетворяет современную науку – он выглядит слишком узким. «Не следовало бы к образу Марка подходить сосредоточенно с идеологических позиций (чем, в частности, грешна реакция на роман Гончарова многих его современников)», – считает украинский филолог П. П. Алексеев [Алексеев 2003: 132]. По мнению исследователя, «политические оценки <…> при всей убедительности их аргументации все же не снимают проблемы неясности образа». Фигура Марка Волохова остается одной из самых двусмысленных в творчестве романиста; в настоящее время интерес гончарововедов смещается в сторону объяснения художественной функции образа, его роли в архитектуре романа.

[2] В приведенном высказывании Короленко сконцентрированы более или менее осознанные представления о возможности идейной (или, по меньшей мере, аксиологической) однородности общества в России второй половины XIX в. Играя смыслообразующую роль для дальнейшего развертывания статьи, эти взгляды создают также предпосылки для нового ракурса будущих исследований: выявления специфики *адресации* русских романистов второй половины столетия. С размышлениями о судьбах нации писатели обращались ко всей России – думающей, прогрессивной, честной и т. д. Этот аспект соборной адресации (как признака эпоса) образно и емко определила Марина Цветаева (в совершенно другом контексте – сравнивая современных ей поэтов): «…один читатель – вся Россия <…> чуть ли не хором (ором, собором) <…> Всем залом. Всем веком». Таков, в представлении поэтессы, адресат эпического Маяковского («Маяковского нет. Есть – эпос»). У Пастернака, напротив, «сколько читателей <…> столько голов», его «нужно всюду носить с собой, как талисман», и читать «в лесу, одному» [Цветаева 1999: 112].

[3] Статья продолжает серию публикаций, посвященных самобытному приему построения образов И. А. Гончарова. Ранее на примерах «Обыкновенной истории» и «Обломова» было показано, как романист намеренно подталкивает читателя к выводам, которые оказываются слишком поверхностными и даже ложными при внимательном чтении текста. Этот прием мы называем нарративной иронией (см., например, Казакова С. К. Таинственная Корделия: О ком грезил Обломов? // Вопросы литературы. 2019. № 3. С. 161–182; Казакова С. К. Обыкновенный случай: «диалог» Гончарова со Скрибом // Вопросы литературы. 2018. № 4. С. 286–300).

(«– Груб, невежя! <…> Собаки его мне шлейф разорвали! – жаловалась Крицкая»). Вполне терпимое, взвешенное мнение о Волохове высказывает Тит Никоныч Ватутин («Он, так сказать, загадка для всех <…> Должно быть, сбился в ранней молодости с прямого пути… Но, кажется, с большими дарованиями и сведениями: мог бы быть полезен…» [Гончаров 2004: 216]); но позиция Ватутина не вызывает доверия читателя, поскольку «дискредитирована» всем известной преувеличенной любезностью «сахарного маркиза». Далее по тексту слухи и сплетни про Волохова проясняются, но не сразу – Гончаров использует свой тщательно разработанный прием отложенного развития темы.

Из сумбурного послания Леонтия Козлова, однокашника Райского, читатель узнает о «скверной привычке» Марка рвать ценные книги из библиотеки Бориса. В глазах учителя древней словесности, заблудившегося в античности, поведение Волохова не имеет оправдания. Но Гончаров внедряет в текст возможность иной оценки.

В какой-то мере вину Марка смягчает то, что библиотека не представляла большой ценности для владельца и уже сама по себе начала разрушаться без должного внимания. Верный своему методу, Гончаров сообщает об этом не сразу, а выдает информацию дозировано. Сначала можно лишь заметить, что по прочтении письма однокашника Райский не испытал ни гнева, ни сожаления. Вспоминая библиоманию Козлова, Борис «смеялся его тревогам насчет библиотеки. „Подарю ее ему", – подумал он» [Гончаров 2004: 123]. Далее мы узнаем, что двоюродная бабка героя, Татьяна Марковна Бережкова, хотя и управляла его имением весьма рачительно, «не совсем была внимательна к богатой библиотеке, доставшейся Райскому, книги продолжали изводиться в пыли и в прахе старого дома». Кое-что брали сестры – «все-таки до книг дотрогивалась живая рука, и они кое-как уцелели, хотя некоторые, постарее и позамасленнее, тронуты были мышами». Погибающее собрание передали «на попечение Леонтия <…> – и старые, запыленные, заплесневелые книги получили новую жизнь, свет и употребление, пока, как видно из письма Козлова, какой-то Марк чуть было не докончил дела мышей» [Гончаров 2004: 191].

Из разговора друзей становится более понятным равнодушие Бориса к отцовским книгам – он считает, что их миссия исчерпана: «Книги! Разве это жизнь? Старые книги сделали свое дело; люди рвутся вперед, ищут улучшить себя, очистить понятия, прогнать туман, условиться поопределительнее в общественных вопросах, в правах, в нравах; наконец, привести в порядок и общественное хозяйство…» [Гончаров 2004: 207].

Как и намеревался, Райский подарил библиотеку Козлову. Тот, конечно, смутился и роскошный подарок принял не сразу, только после угрозы Бориса передать все книги в гимназию. Этого Леонтий вынести не мог: он боялся, что там библиотека совсем пропадет: «Ты не знаешь директора? – с жаром восстал Леонтий и сжал крепко каталог в руках. – Ему столько же дела до книг, сколько мне до духов и помады… Растаскают, разорвут – хуже Марка!» [Гончаров 2004: 205].

Как видно, до книг дела нет никому – ни их хозяину, ни директору гимназии. Так можно ли винить Марка?

История стрельбы в «серьезного человека» Нила Андреича Тычкова, «прославившая» Волохова на весь город, также имеет двойную интерпретацию. Вторую версию изложил сам Марк, поэтому читатель вправе в ней сомневаться, однако аргументы «обвиняемого» выглядят логичными и правдоподобными. По словам Волохова, Нил Андреич первый начал конфликт своими бесцеремонными замечаниями (о том, что резкая и безжалостная критика Тычкова держала в страхе весь город, Гончаров не раз дает понять читателю). Чтобы избавиться от назойливости и дать «урок старому ребенку», Волохов сначала припугнул, прицелившись, а затем выстрелил в воздух. Обиженный Тычков жаловался губернатору, но тот оставил историю без последствий[1].

[1] – Правда ли, что вы стреляли по нем? – спросил Райский с любопытством.

– Вздор: я стрелял вон там на выезде по голубям, чтоб ружье разрядить: я возвращался с охоты. А он там гулял: увидал, что я стреляю, и начал кричать, чтоб я перестал, что это грех, и тому подобные глупости. Если б только одно это, я бы назвал его дураком и дело с концом, а он затопал ногами, грозил пальцем, стучал палкой: «Я тебя, говорит,

Претензии Полины Карповны Крицкой из-за травли ее собаками не были ни подтверждены, ни опровергнуты. Скорее всего, Гончаров применяет здесь еще один «фирменный» прием литературной игры – «закадровую историю», которую читатель может реконструировать в меру своей фантазии по конспективным намекам[1]. Марк рассказывает Борису о своих питомцах в любопытном контексте – полушутя полусерьезно Волохов предполагает, что если посадить бульдогов на чердак, то они могут вырваться – «нечаянно, конечно», – когда объявится незваный докучливый гость (речь шла о полицмейстере)[2]. Возникает вопрос: что навело Марка на эту мысль и при каких обстоятельствах собаки оказались на пути Полины Карповны, известной своими притязаниями едва ли не на всех молодых людей города?[3]

Критики «Обрыва» восстали против вульгарности манер Волохова. Салтыков-Щедрин писал: «Почему г. Гончаров желает, чтоб герой его входил к своим знакомым не через дверь, а через окно, чтоб он спал в телеге, покрытой рогожею, почему он видит в этом признаки типа, и притом типа современного человека, – это одному богу известно» [Салтыков-Щедрин 1958: 206]. Углубившись в исторический экскурс («Российская империя никогда не оскудевала людьми, входившими в дома через окна»), критик упустил из виду простую бытовую целесообразность.

Знаменитый эпизод, когда Волохов лезет в окно к Леонтию Козлову, происходит поздно вечером. Несколько деталей совершенно определенно указывают на время: жена Леонтия уже спит; в окне свет – учитель древней словесности заработался в кабинете; наконец, увидев влезающего в окно человека, Борис подозревает француза Шарля – вряд ли такой поворот событий был возможен при свете дня, тем более что засветло приятель жены Леонтия приходил в гости, не скрываясь. Вспомним расположение комнат в доме Козлова – оно станет известно позже, из другой сцены (по обыкновению, соотносимые детали Гончаров разбрасывает по тексту): «Он [Райский] прошел прихожую, потом залу и остановился у кабинета, не зная, постучать или войти прямо». А теперь представим этот путь по чужому дому в потемках: грохот задетого ведра, падающая этажерка, лай разбуженных собак по всей округе, встревоженные голоса обитателей соседних домов. Марк все это предвидит («Куда еще пойду я на крыльцо, собак будить? Отворяй!» [Гончаров 2004: 261]), но резкость реплики и подготовленная предубежденность читателя отвлекают от добродушной подоплеки жеста. Если бы Гончаров описал блуждание по дому в исполнении Райского, последовавшего за Марком, или хотя бы поддержал мотивировку героя (не будить), образ Волохова считывался бы совсем по-другому. Но Райский тоже полез в окно, а Гончаров ничего не объяснил.

Необходимость расшифровки этой сцены почувствовал Шелгунов: «Мы задаемся вопросом: повсюду и ко всем Марк путешеству-

---

мальчишку, в острог; я тебя туда, куда ворон костей не заносил; в двадцать четыре часа в мелкий порошок изотру, в бараний рог согну, на поселение сошлю!» Я дал ему истощить весь словарь этих нежностей, выслушал хладнокровно, а потом прицелился в него.

– Что же он?

– Ну, начал приседать, растерял палку, калоши, потом сел наземь и попросил извинения. А я выстрелил на воздух и опустил ружье – вот и все.

– Что же после?

– Ничего: он ездил к губернатору жаловаться и солгал, что я стрелял в него, да не попал. Если б я был мирный гражданин города, меня бы сейчас на съезжую посадили, а так как я вне закона, на особенном счету, то губернатор разузнал, как было дело, и посоветовал Нилу Андреичу умолчать, «чтоб до Петербурга никаких историй не доходило»: этого он, как огня, боится [Гончаров 2004: 272].

[1] Примером «закадровой истории» можно считать события молодости Петра Адуева из «Обыкновенной истории», а также некоторое «возрождение» Обломова в конце романа, обозначенное автором всего лишь одним предложением (абонирование ложи в театре, поездки с семьей за город и др.). Подробнее см.: Казакова С. К. Таинственная Корделия… // Вопросы литературы. 2019. № 3. С. 161–182.

[2] «Вот тут что-то часто стал ездить мимо наших огородов полициймейстер: это, должно быть, его превосходительство изволит беспокоиться и подсылает узнавать о моем здоровье, о моих удовольствиях. Ну, хорошо же!.. Теперь я воспитываю пару бульдогов: еще недели не прошло, как они у меня, а уж на огородах у нас ни одной кошки не осталось… Я их посажу теперь на чердак, в темноту, а когда полковник или его свита изволят пожаловать, так мои птенцы и вырвутся… нечаянно, конечно…» [Гончаров 2004: 389].

[3] Как известно из многочисленных эпизодов, Райский с трудом – и не всегда успешно – сдерживал себя, уклоняясь от ухаживаний местной светской львицы, без приглашения заезжавшей в Малиновку.

ет этим прямым, кратчайшим путем или нет? <…> Г. Гончаров молчит. Сокращение труда руководит Марком или другие соображения? Г. Гончаров опять молчит: он – талант, – делайте вывод сами» [Шелгунов 1958: 249]. Интуитивно заподозрив возможность простого решения, критик не предположил авторской иронии[1] как способа создания характеристики Волохова.

Еще одна сцена, возмутившая рецензентов, – сон Марка в телеге под рогожей – также имеет простое бытовое толкование. Молодой человек спит в телеге днем – в его комнате, как он сам признается, «адская духота». Тот, кто знает, как прогреваются комнаты на солнце в небольшом доме, кто хоть раз спасался от жары, например, в дачном гамаке на старых одеялах, не найдет в поведении Марка ничего особенного. Но эпизод был воспринят, как знаковый, «характеризующий тип» – и вновь не без «помощи» автора.

«Третий типический признак: Волохов берет взаймы деньги и не отдает их» [Салтыков-Щедрин 1958: 208]. Пространно иронизируя по поводу «доктрины займа у приятеля без отдачи», критик романа занялся социологией вопроса, намекнув чуть ли не на идеи отрицания собственности. Едва ли Гончаров с Волоховым зашли так далеко – во всяком случае, объяснение самого Марка звучит гораздо умереннее: «A propos о деньгах: для полноты и верности вашего очерка дайте мне рублей сто взаймы: я вам… никогда не отдам, разве что будете в моем положении, а я в вашем…»[2] [Гончаров 2004: 277–278]. Но дело, на наш взгляд, вообще не в доктринах; принципиально другое обстоятельство (не отмеченное рецензентом).

Мало кто обращает внимание на то, что Волохов долг Борису вернул – не буквально, очень своеобразно, но вернул. История довольно запутана. В начале знакомства Марк предсказал Борису, что тот увлечется Верой: «Хотите пари, что через неделю вы влюбитесь, как котенок, а через две, много через месяц, наделаете глупостей и не будете знать, как убраться отсюда? <…> если мое пророчество сбудется, вы мне заплатите триста рублей… А мне как бы кстати их выиграть!» Как может судить читатель, Марк пари выиграл, но Борис очевидного поражения и долга чести не признал:

– А деньги принесли? – вдруг спросил Марк, – триста рублей пари?

Райский иронически поглядывал на него.

– Ну, что же, панталоны где? – сказал он.

– Я не шучу, давайте триста рублей.

– За что? Я не влюблен, как видите [Гончаров 2004: 390].

В конце концов, Волохов прибегнул к хитрости и выманил деньги от имени Веры – под предлогом помощи некоему «изгнаннику». При этом Марк вычел из трехсот рублей свой старый долг, о чем не сразу, но догадался Райский: «…пари свое он взыскал с меня, двести двадцать рублей, да прежних восемьдесят… да, да! это триста рублей!..» Так что, Марк был по-своему щепетилен, и едва ли можно согласиться с критиком романа в том, что в присутствии такого представителя новых идей «иметь на столе четвертак небезопасно» [Салтыков-Щедрин 1958: 214].

В представленных эпизодах Райский оказывается чем-то похож на Волохова – тоже лезет в окно, не платит по пари. И это далеко не единственные совпадения. Сходство двух персонажей было замечено сразу – критики ощутили и странное сближение образов двух соперников, и то, что параллели между персонажами оказались отнюдь не лестными для главного героя[3]. Автора обвинили в необъективности. «Райский – вообще любимец

[1] Под иронией (нарративной иронией) в данном случае понимается не насмешка, а литературная игра – намеренное введение читателя в заблуждение, создание ложного впечатления о герое.

[2] Взгляды Марка можно трактовать не как отрицание собственности, а как идеи солидарности и взаимовыручки, что подтверждается его поведением. Во-первых, деньги он «занимает» у тех, с кем поддерживает отношения (Ватутин, Райский); во-вторых, сам помогает Леонтию Козлову.

[3] «Двойничество» Райского и Волохова не перестает занимать исследователей. О психологическом сходстве и совпадении сюжетных ролей персонажей высказывалась, например, Е. Краснощекова. Исходя из утверждения самого Гончарова о едином типе Райского-Волохова, американский славист обозначила «сложный, подчас запутанный характер» двойничества [Краснощекова 2012: 406, 427]. Исследователь обосновала «„расщепление" гончаровского типа» особой нарративной структурой произведения, идеей «романа в романе»: «…необходим был взгляд на события со стороны: „автор" должен был „выйти из игры", перевоплотившись в сюжетном действии в „другого"» [Краснощекова 2012: 429]. П. Алексеев, сопоставляя Райского и Волохова, выделяет художественно-компенсирующую функцию образа Мар-

Гончарова», – объявил Шелгунов [Шелгунов 1958: 262].

«Попытки Райского насчет Марфиньки и Веры не меньше возмутительны, нежели попытки Волохова, – почему же автор не возмущается ими и смотрит на них, как на милую шалость?», – вопрошал, приводя один из примеров предвзятости, Салтыков-Щедрин [Салтыков-Щедрин 1958: 214]. Если отвлечься от эмоций и политического запала[1], то критик по сути прав; более того, главные козыри им еще не названы.

Именно Райский соблазнил Веру – в классическом, библейском смысле, как змей-искуситель[2]. Именно он нашептывал ей про прелести новой жизни, и именно его измученная Вера и обвинила: «…вы этого хотели! „Природа влагает страсть только в живые организмы, – твердили вы, – страсть прекрасна!..“ Ну вот она – любуйтесь! … <…> что мне делать теперь, – вы, учитель!.. А вы подожгли дом, да и бежать! <…> А! теперь “бабушке сказать“! <…> А кто велел не слушаться ее, не стыдиться? Кто смеялся над ее моралью?» [Гончаров 2004: 578, 579].

Отсутствие упреков Марку можно было бы объяснить болезненной гордостью девушки, если бы не романные факты: Марк действительно не соблазнял и не обманывал Веру, он по-своему честно раскрыл перед ней все карты и поставил перед свободным выбором[3]. Как выяснилось постфактум, выбор оказался обоюдной ошибкой. Прорвавшееся напряжение прощальной сцены молодые люди восприняли зеркально: Марк решил, что Вера сдалась, Вера посчитала, что уступил Марк. Гончаров не приводит диалога, прояснившего недоразумение, но его содержание можно реконструировать. Судя по дальнейшим намекам, Волохов проявил непростительную черствость, настаивая на своей правоте и честности. Но умысла сделать больно Вере у него не было. Другое дело – Райский. Букет невесты, брошенный в окно, был сознательным оскорблением, ударом, нанесенным упавшему, страдающему человеку. Заметим в скобках, что состоянием аффекта этот жест оправдать нельзя – время одуматься у Райского было.

Еще непригляднее оказывается давняя история Райского и Наташи. Гончаров намеренно передает ее в смягченном изложении самого героя (как записки для будущего романа). Но эту летопись самооправдания можно ведь изложить и по-другому. «Оба не устояли», – пишет Райский, по сути, бессовестно возлагая вину на робкую тихую девушку. Его отношения с Наташей – это не поединок Веры с Марком, где сошлись равные по силе, дерзкие и гордые соперники. Наташа – воплощенная безропотность; более того, по ходу развития истории она остается сиротой, совершенно одинокой и беззащитной, абсолютно зависимой от Бориса. И он ею пренебрегает – ему с ней скучно, не хватает энергии, «бича жизни». Слабое создание, сломленное одиночеством, скорее всего, с наследственной предрасположенностью к страшной болезни, угасает, как чахлый цветок на подоконнике. Уже на смертном одре девушка призывает Бориса запиской, стыдясь, извиняясь за свое послание, где, как ей кажется, она злоупотребляет болезнью. Да Волохов – ангел на этом фоне.

Дотошный Шелгунов не упустил ни одной любовной истории Райского – он припомнил ему и «развитие» Беловодовой, и «бедную, умиравшую в чахотке» Наташу, и Марфеньку, и Веру, и даже страстную жену Козлова Ульяну («Если бы Райский был порядочный человек <…> он мог бы сейчас положить предел ее натиску») [Шелгунов 1958: 261]. Далее следует гипотетическое сравнение: «Ну, занимайся всем этим Марк, то-то гонение поднял бы против

ка: «Он постоянно как бы проясняет внутреннюю неприглядность всего того в Райском, что им скрыто в самоконтроле от самого себя» [Алексеев 2003: 132].

[1] Обвиняя в предвзятости, Щедрин бросает Гончарову риторический вопрос, который, на наш взгляд, не стоит и комментировать: «Не потому ли, что Райский богат, а Волохов беден, что Райский прилично одет, а Волохов едва прикрывает наготу свою?»

[2] «Змеиные» черты в образе Райского подметила венгерский филолог А. Молнар: «Библейский образ змеи подвергается последовательной реинтерпретации <…> Оба понятия (красота и змея) вместе с мотивами *красть – красться* выступают в романе в связи с Райским и образуют знаковую упорядоченность текста» [Молнар 2012: 339].

[3] О прямодушии Волохова в отношениях с Верой пишет Е. Краснощекова: «Утверждение честности через отрицание лукавства и обмана становится ведущим мотивом в репликах Марка во время последнего свидания» [Краснощекова 2012: 445].

него г. Гончаров! Повествуя же о Райском, г. Гончаров выражается так приятно, что выходит даже и хорошо» [Шелгунов 1958: 262]. Рецензент вновь почти угадывает литературный прием, но относит авторскую манеру не к достоинствам, а к недостаткам (непоследовательности) Гончарова.

По мнению критики, Волохов мог бы неплохо смотреться не только на фоне Райского, но и других персонажей: «Взгляните на всех этих людей, которые противопоставлены Волохову <…> и вы увидите, что нет ничего более непрочного, ничего более пораженного мертвенностью, более неверного, нежели их жизнь» [Салтыков-Щедрин 1958: 233].

Многие сравнения, будто подсказанные самим Гончаровым, действительно несколько «обеляют» Волохова. О выигрышной, как нам кажется, для Марка параллели с бунтарской натурой Татьяны Марковны не раз писали исследователи (отмечена и перекличка имен: Марк, Марковна). Менее заметно противопоставление местному «тузу» Нилу Андреичу, в которого якобы стрелял Волохов. Как следует из характеристики Козлова, Марка в городе «никто не любит и все боятся». По сути, то же самое сказано и о Ниле Андреиче: «Его все уважают и боятся» (в данном случае «уважение» считывается как эвфемизм для нелюбви). Авторитетнейший муж во все вмешивается, «учит жить», и суда его опасается сама Татьяна Марковна – «даром что он в отставке». «Нажил богатство, вышел в люди», – «почти набожно» внушает Бережкова внуку, разъясняя заслуги «серьезного человека». «…вышел в свиньи», – парирует Борис, припомнив истории про казнокрадство и племянницу Нила Андреича, обобранную им и запертую в сумасшедший дом [Гончаров 2004: 171]. Иными словами, при ближайшем рассмотрении Марк выглядит, как говорится, не хуже других и лучше многих – что и было замечено критикой. И, тем не менее, роман вызвал бурю неприятия.

Образ Волохова травестировал миф Нового человека, влиятельную идеологему того времени. Рожденный в умах христианской Европы, этот базовый конструкт утопической традиции прочно укоренился в русском сознании. Как считает авторитетный французский исследователь Л. Гелллер, посвятивший ряд работ этой теме, «всем известна огромная роль этого мифа в русской культуре, начиная с христианского Homo novus, а кончая „новыми людьми", рожденными в воображении позитивистов, нигилистов, революционеров XIX века…» [Геллер 2012–2013: 76].

В своей пародийности Волохов вышел даже хуже Базарова, за которого несколькими годами ранее пришлось оправдываться Тургеневу. «Базаров чуть не произвел междоусобной войны», – писал Шелгунов, назвав тургеневский персонаж «прототипом Марка» [Шелгунов 1958: 246]. При этом критик счел, что «Базаров лучезарнее, чище, светлее». Добавим, что образ возвысила смерть героя «Отцов и детей», превратив карикатуру в трагедию.

Возможно, Гончарову даже простили бы, если б он изобразил Волохова так, как позже Достоевский – «Бесов». «…по нашему мнению, – писал Салтыков Щедрин, – если обличать человека, нового человека, одержимого современными тенденциями, то следует обличать его до конца» [Салтыков-Щедрин 1958: 210–211]. Но Гончаров, как казалось, не обличал всерьез, а грубо замазывал «новых людей» черной краской: «Для изображения же Марка г. Гончаров опустил кисть в сажу и с плеча, вершковыми полосами, нарисовал всклокоченную фигуру, вроде бежавшего из рудников каторжника»[1] [Шелгунов 1958: 246].

В русской литературе XIX в. положительный образ новых людей строился, главным образом, под влиянием двух традиций: па-

[1] Склонность видеть образ Марка исключительно в черных тонах сохраняют и некоторые современные исследователи: «Та разновидность общественного деятеля, которую нарисовал Гончаров, явилась самой постыдной и зловредной для России, поскольку связана с проповедью вседозволенности, с разнузданным отрицанием всех положительных понятий, в том числе таких, как добро, справедливость, милосердие». Закономерно, что такое понимание персонажа ведет к принижению его роли в художественной вселенной «Обрыва», упрощению нарративной структуры произведения: «Но в глубинной концепции романа образ Волохова занимает не главное место, хотя он и вводится в действие уже во второй его части. Основное внимание автора сосредоточено на эволюции Райского и Веры. Тема „Обрыва" связана в первую очередь с этими персонажами» [Материалы… 1994: 205–206].

терика и дохристианской героики[1]. Примером первой нарративной модели может служить Рахметов Н. Г. Чернышевского («Что делать?») – вослед ученым XX столетия современные литературоведы находят в изображении революционера-аскета отзвук житийной литературы[2].

Узнаваемую модель героизации создал И. С. Тургенев[3]. Как отмечают исследователи, «у претендующего на звание Героя тургеневского персонажа есть непременная, отличающая его от всех негероических лиц черта – сопричастность сфере сверхличного [Савинков, Николаенко 2010: 404]. Примерно в таких же категориях описывает тургеневскую парадигму В. Я. Линков: «Герои не просто частные лица, но носители сверхличного начала <…> Они постоянно пребывают в сфере всеобщего…» [Линков 2006: 17].

В работах последних лет проблема героизации распространяется за пределы анализа темы новых людей. Своеобразный «ренессанс» героики отмечают в русской классической прозе середины XIX в. в целом: «„Послелермонтовская“ литература будет искать способы и средства для того, чтобы восстановить Героя в его правах и воплотить подлинного, без всякой иронии, Героя своего времени. Особая заслуга в претворении этой задачи принадлежит, безусловно, Тургеневу и его времени – 1850–1870-м гг., для которого тема героизации героя стала звучать чрезвычайно актуально» [Савинков, Николаенко 2010: 404].

Наследование традициям дохристианской героики просматривается у Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. По предположению Н. Д. Тамарченко, в Раскольникове причудливо переплетаются средневековые идеалы аскетизма и мученичества с идеей «героического насилия». Еще более очевидна связь с дохристианской героикой фигуры Андрея Болконского, сохраняющего «изначальный импульс <…> преодоление смерти посредством подвига и славы» [Тамарченко 2009: 264–265]. Героическая установка персонажей, считает Тамарченко, создает «дистанцию, внутреннюю отстраненность от других, если не прямую от них изоляцию» [Тамарченко 2009: 263].

Нетрудно заметить, что приведенные рассуждения современных авторов так или иначе затрагивают проблематику разграничения романа и эпоса и тем самым погружают анализ в контекст теории Бахтина. Исследователь романа, как известно, не подразумевал буквальной эпизации современных жанров (напротив, он говорил о романизации литературного дискурса[4], в основном на примере литературы эпохи Возрождения[5]). При этом ряд теоретических положений Бахтина предоставляют инструментарий для изучения степени романизации (в бахтинском понимании) русской литературы второй половины XIX столетия. Кроме того, перспективы дальнейшей разработки заслуживает мысль Бахтина о возможности новой формы эпопеи [Бахтин 2012: 648].

Осознанно или нет, в современных работах исследователи приписывают русской классике XIX в. эпические черты. Замечание Тамарченко о дистанции, внутренней отстра-

---

[1] В контексте данной статьи строгое вычленение названных влияний не имеет принципиального значения. Опираясь на фундаментальный труд Эриха Аурбаха, мы находим возможным считать древние христианские тексты эпическими [Ауэрбах 1979: 28].

[2] Со своими предшественниками согласен, например, украинский специалист В. Л. Сердюченко: «Образ Рахметова пронизан христологическими аллюзиями. Западный исследователь (И. Франк. – *С. К.*) видит в Рахметове „роковой сплав между русским религиозным житийным каноном и холодным, бесстрастным английским утилитаризмом“. С ним солидарна И. Паперно, обращающая внимание на то, что история Рахметова сюжетно повторяет „Житие Алексея, человека Божия“» [Сердюченко http]. Не все, однако, готовы воспринимать эти аллюзии всерьез. Известный оригинальностью суждений Петр Вайль убежден: «Рахметов подан так, что в описании его подвигов сквозит ирония. Построенное по канонам агиографической литературы (телесные и духовные искушения героя, мученичество, аскетизм), житие Рахметова выглядит анахронизмом и невольно сбивается на пародию. Про самое знаменитое испытание – спанье на гвоздях – квартирная хозяйка Рахметова говорит: „Он такой до себя безжалостный“. Все прочие герои – не достигающие рахметовского уровня – вызывают еще большее чувство мучительного недоумения. То есть, это чувство вызывают не столько они сами, сколько авторское отношение к ним» [Вайль http].

[3] О героике романов Тургенева пишут давно. Еще в начале XX в. Л. В. Пумпянский предложил термин «культурно-героический роман».

[4] «Я не утверждал, но подчеркнул в своем докладе, – говорил Бахтин в Заключительном слове на обсуждении доклада „Роман как литературный жанр“ 24 марта 1941 г., – что дело не в влиянии на другие жанры, не об этом речь, но о действии общей силы» [Бахтин 2012: 652].

[5] «Больше всего я занимался романом Возрождения, это моя основная специальность» [Бахтин 2012: 652].

ненности героических персонажей напрямую перекликается с бахтинской концепцией. Одним из основополагающих критериев, разделяющих эпический и романный дискурсы, Бахтин считал именно дистанцию. Согласно его концепции, положительные образы эпопеи – это фигуры «далевого плана» («эпический образ глубоко пиитетен»). Роман, напротив, – «вольно-насмешливо трезв», его герои неизбежно перемещаются в зону «фамильярного контакта», где нет дистанции и «за все можно хвататься руками» [Бахтин 2012: 562, 629].

Идея «сверхличного» в трактовке героики тургеневских персонажей восходит к эстетической концепции Гегеля. Философ выделял универсальность эпических и трагических героев, которые, в отличие от негероических романных персонажей, одержимы общими целями и не знают пределов личной ограниченности. Бахтин, в свою очередь, писал об общезначимости идеологической позиции эпического героя «в общезначимом и бесспорном эпическом мире» [Бахтин 2012: 88].

Идея героизации – одна из основ сопоставления романа с эпосом. Эпос «не только изображает героев, совершающих подвиги, но он и героизует» [Бахтин 2012: 562]. По мнению Бахтина, «роман тоже может изображать героев», но он отвергает эпическую значительность (не потому, что ее нет в реальности – «и гомеровскую действительность роман показал бы по-иному») [Бахтин 2012: 568]. Критериями разграничения двух пластов литературы становится не жизнь, а характер ее репрезентации: «Именно тон – тон в более глубоком и принципиальном смысле – отличает роман от эпоса» [Бахтин 2012: 562].

Образ Волохова – что с очевидностью выявляет сравнение с Райским – определяется почти исключительно тоном. Персонаж выстроен совершенно по-романному: отсутствует дистанция, происходит фамильяризация образа, явно выражено травестийное начало. Если предположить, что отмечаемое в работах XXI в. тяготение к эпическом дискурсу наблюдалось не только в русской художественной прозе второй половины XIX в., но и в критике, то спор об «Обрыве» переносится в совершенно иную плоскость. Дискуссия из идеологической превращается в сугубо литературную, построенную вокруг европейской романной парадигмы. Весьма похоже, что современники подошли к разбору «Обрыва» не с романных, а с противоположных, «эпических», позиций. В этом дискурсе герой не может находиться в зоне непосредственного контакта, он должен быть особенным, возвышающимся над окружающими – именно такими виделись «новые люди» в определенных социальных кругах. С другой стороны, эти же круги были склонны считать общество однородным, поэтому новые герои представлялись универсальными и общезначимыми.

В романе «Обрыв» критика столкнулась с необычным феноменом – решительной, дерзкой демонстрацией всесилия автора в препарировании романного материала – именно романного, а не жизненного. То, что сочинитель волен (или, в глазах некоторых критиков, не волен) отбирать *из действительности* факты по своему произволу, для современников Гончарова не было ни секретом, ни новостью – именно по этой мерке и оценивался «Обрыв». Но все дело в том, что автор нашумевшего романа манипулировал *уже отобранным, романным,* материалом, специфическим образом преподнося его читателям. Гончаров почти до абсурда довел принцип «в искусстве важно не *что*, а *как*». Двойничество Райского и Волохова – суть воплощение этого принципа, литературная игра с кривыми зеркалами, в которой восприятие персонажа читателем целиком и полностью находится во власти автора, независимо от фабульных ходов и романных фактов.

Гончаров построил образ Волохова в актуальной для того времени романной парадигме второй половины XIX в.; автор, как нам представляется, был занят не столько социально-политическими, сколько сугубо литературными, новаторскими, задачами – что не до конца было оценено его современниками.

Литература

Алексеев, П. П. Цивилизационный феномен романа И.А. Гончарова «Обрыв» / П. П. Алексеев // Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова : сборник статей. – Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 124–145.

Ауэрбах, Э. Мимесис / Э. Ауэрбах. – М. : Прогресс, 1979. – 560 с.

Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.) / М. М. Бахтин. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 880 с.

Боборыкин, П. Д. Творец «Обломова» (Из личных воспоминаний) / П. Д. Боборыкин // И. А. Гончаров. Очерки. Литературная критика. Письма. Воспоминания современников / сост., вст. ст., прим. Т. В. Громовой. – М. : Правда, 1986. – С. 488–501.

Вайль, П. Родная Речь. Уроки Изящной Словесности / П. Вайль, А. Генис. – URL: http://www.lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/literatura.txt (дата обращения: 10.12.2020). – Текст : электронный.

Геллер, Л. Мысль нового человека: от чтения к подчинению / Л. Геллер // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – 2012–2013. – Вып. 31.. – С. 75–93.

Гончаров, И. А. Обрыв / И. А. Гончаров // Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. 7. Обрыв: Роман в пяти частях / подгот. текста Т. И. Орнатская (при участии А. Ю. Балакина) ; ред. тома Т. А. Лапицкая, В. А. Туниманов. – 2004.

Гуськов, С. Н. О некоторых мотивах критики «Обрыва» / С. н. Гуськов // Гончаров: живая перспектива прозы. – Сомбатлей, 2013. – С. 397–404.

Гуськов, С. Н. Почему был обруган «Обрыв»? (О некоторых причинах негативной критической рецепции романа) / С. Н. Гуськов // Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова : сборник статей. – Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2012. – С. 279–286.

Казакова С. К. Таинственная Корделия: О ком грезил Обломов? / С. К. Казакова // Вопросы литературы. – 2019. – № 3. – С. 161–182.

Казакова С. К. Обыкновенный случай: «диалог» Гончарова со Скрибом / С. К. Казакова // Вопросы литературы.– 2018. – № 4. – С. 286–300.

Короленко, В. Г. Гончаров и «молодое поколение» / В. Г. Короленко // И. А. Гончаров в русской критике. – М. : Худ. лит., 1958. – С. 329–340.

Краснощекова, Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества / Е. А. Краснощекова. – СПб. : Изд. Пушкинского фонда, 2012. – 528 с.

Линков, В. Я. Тургенев – писатель социального реализма / В. Я. Линков // Тургеневские чтения : сб. ст. / сост. Е. Г. Петраш. – М. : Рус. путь, 2006. – С. 9–27.

Материалы Международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова : сборник статей. – Ульяновск : Стрежень, 1994. – 356 с.

Молнар, А. Поэзия прозы в творчестве Гончарова / А. Молнар. – Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2012. – 448 с.

Савинков, С. В. Герой и сфера сверхличного в «культурно-исторических» романах Тургенева / С. В. Савинков, Н. В. Николаенко // Универсалии русской литературы : сб. ст. / Воронежский гос. ун-т. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – Вып. 2. – С. 404–419.

Салтыков-Щедрин, М. Е. Уличная философия / М. Е. Салтыков-Щедрин // И. А. Гончаров в русской критике. – М. : Худ. лит., 1958. – С. 196–234.

Сердюченко, В. Л. Мышкин и Рахметов как ипостаси Спасителя-Христа / В. Л. Сердюченко. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/001/033/41.htm (дата обращения: 10.12.2020). – Текст : электронный.

Тамарченко, Н. Д. Функции трикстера в русском классическом романе (К методологии исследования) / Н. Д. Тамарченко // Универсалии русской литературы : сб. ст. / Воронежский гос. ун-т. – Воронеж : Изд. дом Алейниковых, 2009. – С. 261–267.

Цветаева, М. И. Эпос и логика современной России (Владимир Маяковский и Борис Пастернак) / М. И. Цветаева // Хрестоматия критических материалов. Русская литература рубежа XIX-XX веков. – М. : Айрис Пресс ; Рольф, 1999. – С. 110-128.

Шелгунов, Н. В. Талантливая бесталанность / Н. В. Шелгунов // И. А. Гончаров в русской критике. – М. : Худ. лит., 1958. – С. 235–276.

References

Alekseev, P. P. (2003). Tsivilizatsionnyi fenomen romana I. A. Goncharova «Obryv» [The Civilization Phenomenon of the Novel by Ivan Goncharov "The Precipice"]. In *Materialy Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova: sbornik statei*. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya, pp. 124–145.

Auerbakh, E. (1979). *Mimesis* [Mimesis]. Moscow, Progress. 560 p.

Bakhtin, M. M. (2012). *Sobranie sochinenii: v 7 t.. T. 3: Teoriia romana (1930–1961 gg.)* [Collected Works, in 7 vols. Vol. 3: Theory of the Novel (1930–1961)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 880 p.

Boborykin, P. D. (1986). Tvorets «Oblomova» (Iz lichnykh vospominanii) [The Creator of "Oblomov" (From Personal Memoirs)]. In Gromova, T. V. (Ed.). *I. A. Goncharov. Ocherki. Literaturnaya kritika. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov*. Moscow, Pravda, pp. 488–501.

Geller, L. (2012–2013). Mysl'novogo cheloveka: ot chteniya k podchineniyu [Thought of a New Person: from Reading to Submission]. In *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaniya*. Issue. 31, pp. 75–93.

Goncharov, I. A. (2004). Obryv [The Precipice]. In *Polnoe sobranie sochinenii i pisem, in 20 vols. Vol. 7. Obryv: Roman v pyati chastyakh*.

Gus'kov, S. N. (2013). O nekotorykh motivakh kritiki «Obryva» [On Some Motives of Criticism of "The Precipice"]. In Goncharov: zhivaya perspektiva prosy. Sombathley, pp. 397–404.

Gus'kov, S. N. (2012). Pochemu byl obrugan «Obryv»? (O nekotorykh prichinakh negativnoi kriticheskoi retseptsii romana) [Why Was "The Precipice" Cursed? (On Some Reasons for the Negative Critical Reception of the Novel)]. In *Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova: sbornik statei*. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya, pp. 279–286.

Kazakova, S. K. (2019). Tainstvennaya Kordeliya: O kom grezil Oblomov? [Mysterious Cordelia: Who Was it that Ilya Oblomov Saw in His Dreams?]. In *Voprosy literatury*. No. 3, pp. 163–184.

Kazakova, S. K. (2018). Obyknovennyi sluchai: dialog Goncharova so Skribom [A Common Case: A 'Dialog'between Goncharov and Scribe]. In *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 286–300.

Korolenko, V. G. (1958). Goncharov i «molodoe pokolenie» [Goncharov and the "Young Generation"]. In I. *A. Goncharov v russkoi kritike*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 329–340.

Krasnoshchekova, E. A. (2012). *I. A. Goncharov: Mir tvorchestva* [I. A. Goncharov: The World of Creativity]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo fonda. 528 p.

Linkov, V. Ya. (2006). Turgenev – pisatel'sotsialnogo realizma [Turgenev – Writer of Social Realism]. In Turgenevskie chteniya: sbornik statei. Moscow, Russkii put', pp. 9–27.

Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 180-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova: sbornik statei [International Conference Materials Devoted to the 180th Anniversary of I. A. Goncharov's Birth]. (1994). Ulyanovsk, Strezhen'. 356 p.

Molnar, A. (2012). *Poeziya prozy v tvorchestve Goncharova* [Poetics of Prose in the Works of Goncharov]. Ulyanovsk: Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya. 448 p.

Saltykov-Shchedrin, M. E. (1958). Ulichnaya filosofiya [Street Philosophy]. In I. A. Goncharov v russkoi kritike. Mosow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 196–234.

Savinkov, S. V., Nikolaenko, N. V. (2010). Geroi i sfera sverkhlichnogo v «kul'turno-istoricheskih» romanakh Turgeneva [The Literary Character and the Sphere of the Superpersonal in the "Cultural-Historical" Novels of Ivan Turgenev]. In *Universalii russkoi literatury: sbornik statei*. Voronezh, NAUKA-YuNIPRESS. Issue 2, pp. 404–419.

Shelgunov, N. V. (1958). Talantlivaya bestalannost' [Talented Mediocrity]. In *I. A. Goncharov v russkoi kritike*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 235–276.

Serduchenko, V. L. *Myshkin I Rakhmetov kak ipostasi Spasitelya-Khrista* [Myshkin and Rakhmetov as Hypostases of the Savior-Christ]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/001/033/41. htm (mode of access: 10.12.2020).

Tamarchenko, N. D. (2009). Funktsii trikstera v russkom klassicheskom romane (K metodologii issledovaniya) [Functions of the Trickster in the Russian Classic Novel (Towards Research Methodology)]. In *Universalii russkoi literatury: sbornik statei*. Voronezh, Izdatel'skii dom Aleinikovykh, pp. 261–267.

Tsvetaeva, M. I. (1999). Epos I logika sovremennoi Rossii (Vladimir Mayakovskii I Boris Pasternak) [Epos and Logic of Modern Russia (Vladimir Mayakovsky and Boris Pasternak]. In *Khrestomatiya kriticheskikh materialov. Russkaya literatura rubezha XIX–XX vekov*. Moscow, Airis Press, Rol'f, pp. 110–128.

Vail, G., Genis, F. *Rodnaya rech'. Uroki izyaschnoi slovesnosti* [Native Speech. Fine Arts Lessons]. URL: http://www.lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/literatura. txt (mode of access: 10.12.2020).

Данные об авторе

Казакова Светлана Константиновна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Ассоциация искусствоведов (Москва, Россия).

Адрес: 119002, Россия, Москва, переулок Сивцев Вражек, 43, оф. 417.

E-mail: svka@inbox.ru.

Author's information

Kazakova Svetlana Konstantinovna – Candidate of Art Studies, Researcher, Association of Art Critics of Russia (Moscow, Russia).

УДК 821.161.1-31(Мамин-Сибиряк Д. Н.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-18.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

«НАРОДНЫЕ РАЗБОЙНИКИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА: ИМЯ И СУДЬБА

Шипицина Я. А.
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5524-2128

Аннотация. В статье рассматривается значение имени в репрезентации Д. Н. Маминым-Сибиряком маргинального мира, заводского разбойничества. Выбор данных персонажей обусловлен особой заинтересованностью самого автора в такой составляющей социально-исторической характеристике Урала, что и определило выбор произведений. Проблемой исследования стала семантика имени и прозвища, их пересечение и рассмотрение вариативности контекста при сочетании. Анализируя соотнесенность характеров героев со значениями их имен, следует учитывать социокультурный подход Мамина-Сибиряка в создании образов, при конструировании которых писатель отталкивается от внешних условий, исторической и территориальной принадлежности. Народное прочтение имени и прозвища для автора обладает наибольшей выразительностью, и антропоним выступает как средство репрезентации связи имени и культуры. Установлено, что образы разбойников раскрываются Д. Н. Маминым-Сибиряком через обращение к христианскому значению имени в сопоставлении жизнедеятельности анализируемого персонажа с житием тезоименитого святого. Этимологическое значение имени соотносится с прозвищем; в исследовании учитываются морфологическая форма слова и прием создания образности имени на основе звукового впечатления. Исходя из такого разностороннего анализа имени или прозвища персонажа, выявляется его влияние на смыслообразующий компонент антропонимов и их роль в формировании концептуального плана текста. В результате исследования выявляется система приемов писателя, способствующих созданию «разбойничьего» мира произведений (очерков и рассказов), создается собирательный образ маминского народного разбойника, который противостоит стереотипному представлению читателя о персонаже. Существенную функцию при этом выполняет антропонимическое единство имени и прозвища в тексте.

Ключевые слова: народные разбойники; антропонимы; художественные тексты; прозвища; антропонимическая система; антропонимическое единство; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы.

POPULAR OUTLAWS IN THE WORKS OF D. N. MAMIN-SIBIRYAK: THEIR NAMES AND FATES

Yana A. Shipitsina
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5524-2128

Abstract. The article deals with the role of personal names in the representation of the marginal world, and specifically factory outlaws, by D. N. Mamin-Sibiryak. The choice of the characters is caused by the author's special interest in this socio-historical reality of the Urals, and it determined the choice of the texts for analysis. The scope of research covers the semantics of the name and the nickname, their interaction and the variability of their contextual combination. Analyzing the correlation between the personalities of the characters and the meanings of their names, it is necessary to take into account the socio-cultural approach of Mamin-Sibiryak to the creation of his characters proceeding from external conditions and historical and territorial belonging. Popular interpretation of the name and the nickname is most important for the author, and the anthroponym acts as a means of representation of the connection between the name and the culture. It has been found that the characters of outlaws are depicted by Mamin-Sibiryak through appealing to the Christian meaning of the name and the compar-

© Я. Шипицина, 2021

ison of the life of the character under analysis with the life of their namesake saint. The etymological meaning of the name is correlated with the nickname; the study takes into account the morphological from of the word and the technique of creating the imagery of the name based on acoustic impression. Proceeding from such a comprehensive analysis of the name or the nickname of the character, one can identify the semantic component of the anthroponyms and their role in the formation of the conceptual layout of the text. As a result of the study, the author reveals a system of authored techniques, used to portray the world of the outlaws in his works (sketches and short stories) and creates a generalized character of a popular outlaw, who contradicts the reader's stereotypical representation of such a character. An essential function in this case belongs to the anthroponymic unity of the name and the nickname in the text.

Keywords: popular outlaws; anthroponyms; literary texts; nicknames; anthroponymic system; anthroponymic unity; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary characters.

Для цитирования: Шипицина, Я. А. «Народные разбойники» в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: имя и судьба / Я. А. Шипицина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 218–230. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-18.

For citation: Shipitsina, Ya. A. (2021). Popular Outlaws in the Works of D. N. Mamin-Sibiryak: Their Names and Fates. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 218–230. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-18.

Важным аспектом понимания писательского замысла является изучение литературной ономастики, частным проявлением которой являются антропонимы. Степень многоаспектного обращения к функции имени персонажей в тексте различна и зависит от времени и литературного таланта автора, что многократно отмечается в связи с исследованиями творчества русских классиков. Наиболее часто выявляется участие антропонимов и в раскрытии основных тем и мотивов текста, передаче подтекстовой информации, а также функции имен персонажей в формировании художественного времени и пространства[1]. Обращение в изучении творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка к этому исследовательскому вектору предопределено особым вниманием писателя к ономастике [Девятайкина 2004; Шипицина 2018]. Для писателя, прошедшего школу православной семинарии, хорошо знакомого с христианской словесной культурой, чуткого к народному языку и много работавшего над стилем, органично внимание к разным аспектам имени персонажей [Соболева 2015: 60–61]. Среди факторов, влияющих на выбор имени писателем, – социальный статус персонажа, телеология судьбы и связанная с этим христианская и народно-поэтическая семантика имени, антропонимическое единство имени и прозвища.

В фокусе данной работы – маргинальные герои произведений писателя и раскрытие их сути через систему антропонимов, презентующих персонажей в ряде рассказов и романов Мамина-Сибиряка[2].

Существенным качеством литературного процесса в пореформенный период становится воплощение мироощущения героя, ставшего свидетелем конфликта культур, что приводит, в свою очередь, к кризису личности, «отсутствию социальной идентификации, что сопровождается разочарованием, расхождением личностных стремлений» [Сергеев http]. Хотя определение «маргинал»[3] и исследовательская категория «маргинальность» вошли в проблемное поле науки лишь в конце XX – начале XXI вв. [Воробьева 2014], в художественном творчестве это была тема, наиболее ярко показывающая драмы времени.

Д. Н. Мамин-Сибиряк неоднократно обозначает свою заинтересованность в такой «грани социально-исторической действительности Урала, как разбойники» [Митрофанова 2007]. Автор создает особый тип «народного разбой-

[1] См. многообразие подходов к изучению литературной антропонимии в сборнике 2015 г. [Имя в литературном произведении… 2015].

[2] Типы маргинальных героев у писателя многообразны: от босяка, нищего и бродяги (людей «дна») до народного разбойника [Гайнцева 1960: 46–47].

[3] В общеупотребительном значении маргинал – «это человек, который по каким-либо причинам выпал из привычной для него среды, но не примкнул к новому слою общества» [Майоренко http].

ника», который в наименьшей степени характеризуется внешними представлениями, а большее значение придается внутренним конфликтам, вызванным противопоставлением природной свободы человека и принуждением подчиниться государственно-социальной системе; Мамин-Сибиряк, скорее, выступает как исследователь. Особый подход в обрисовке типа народного разбойника у писателя отмечает и И. А. Дергачев, заостряя внимание на том, что, рассказывая об этих персонажах, писатель обращает внимание на народную оценку самого существования «разбойных людей», которые пользовались «всеми симпатиями массы». Рассказы о них входили в поэтический репертуар жителей заводских поселков [Дергачев 1985: 387]. На выражение в подобных образах народно-поэтических представлений и этико-эстетической системы народных ценностей указывает О. В. Зырянов [Зырянов 2013: 35].

Впервые «Разбойники» были напечатаны в газете «Русские ведомости» (1895, февраль-апрель). Цикл включал в себя пять очерков: I. «Аверко», II. «Савка», III. «Последние клейма», IV. «Разбойник и преступник», V. «Неизвестный человек»[1]. В переписке с издателем Д. П. Ефремовым Мамин-Сибиряк отмечает, что этот цикл рассказов ему особенно дорог. Для него разбойник – «живой человек, вполне реальная величина, органически связанная со всем укладом создававшей его жизни» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 383]. Отношение автора А. Груздев объяснял видением писателем в заводских разбойниках силы, направленной против заводчиков, а в разбойничестве – одну из форм протеста [там же: 448–449]. К особенностям реализма этого времени относится «желание выйти за границы привычных категорий и особенно стремление подчеркнуть незавершенность произведения, неокончательность художественной мысли». Это порождало разнобой в определении жанра и «ограниченное пространство жизни», что было также обусловлено изменившейся читательской психологией [Дергачев 2005: 32–34]. Конфликтность в содержании образов ярко воплощалась в семантике выбранных имен, сложном соотношении имени и прозвища героя.

Очерк «Аверко» начинается с воспоминаний автора о детстве, проведенном в глуши Уральских гор, где разбойник был «неистощимой темой для рассказов, сказок и легенд» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 364]. Главным персонажем, центром всего повествования является герой с выразительным именем **Аверко**. Автор обращает внимание на противоречие понятия «разбойник» в обывательском смысле и образа, который создается через детское восприятие рассказчика. Обычно называя кого-либо разбойником, в первую очередь, подразумевают его деятельность, выходящую за рамки мирного существования в обществе – грабеж, запугивание, убийство. Внешне «условный разбойник» – это жестокий оборванец, поджидающий случайных прохожих где-нибудь в темном месте. Такое описание, несомненно, вызывает отрицательное впечатление, у Мамина-Сибиряка разбойник – это «самое яркое воспоминание детства», «самый яркий герой» [там же: 363]. Он воплощает в себе не столько индивидуальный характер, сколько «нечто необходимо-роковое, как своего рода судьба и кара, как выражение чего-то такого, что сплеча ломило и разносило вдребезги все установившиеся нормы» [там же]. Писатель обращается к приему антиномии, соединяя детское незамутненное восприятие человека и официальную оценку человека или отношение к нему социума без учета индивидуально-личностной характеристики. В тексте очерка это приводит к антитезе читательского стереотипа и художественного образа.

Герой появляется как «какой-то мужик с метлой, который волочил зловеще звонившую цепь» [там же: 366], далее автор тепло и с элементом иронии описывает героя – кузнеца Аверкия: «самый обыкновенный мужик», «с добродушным бородатым лицом и веселыми серыми глазами», который «говорил с какой-то мягкой ласковостью» [там же: 367]; и такая «мужицкая обыкновенность совсем не вязалась с лязганьем кандалов» [там же]. Его схватили как фальшивомонетчика, заковали в кандалы и «посадили в пустую школу, где он должен был стеречь себя уже сам. ...Аверкию наскучило сидеть в ней без дела, он

[1] Пятый очерк в дальнейшем был исключен при подготовке отдельного издания сборника «Преступники», по всей вероятности, главный персонаж этого очерка не соответствовал типу разбойника, созданному в первых четырех очерках.

вышел в сад и сейчас же нашел себе работу» [там же].

Имя Аверкий, по одной из версий, происходит от латинского слова «averto» – «обращать в бегство» [Петровский 1966: 35–36]; по другой – в основе лежит латинский глагол со значением «удерживать, отвращать» [Суперанская 2005: 22].

Отметим высокую степень реализации значения имени в образно-сюжетной основе очерка. С одной стороны, Аверкий, скорее, «удерживает» проявления характера и жестокости разбойника, что выражается в описании его невозмутимости и сдержанности. После побега героя из острога актуализируется значение «обращать в бегство»; здесь можно наблюдать двойную направленность действия: на себя – он бежит, и этот поступок автор характеризует как «русскую историческую панацею – спасаться от всякой беды бегством» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 369], и на окружающих – о нем пошла «слава» как о настоящем «отпетом» разбойнике.

Следуя за сюжетными перипетиями, имя персонажа оборачивается прозвищем и остается с ним до конца жизни. До острога в ходе повествования он называется по имени: «– А как тебя зовут? – Аверкием звали…» [там же: 366], «Дернуло тебя, Аверкий! Хоть бы по-настоящему какому уголовству попал…» [там же: 367], «я постоянно думал об Аверкии» [там же: 368]. Однако после первого же преступления имя «уходит», превращаясь в прозвище: «это было настоящее вступление на разбойничий путь… через полгода дошли слухи, что Аверко (уже не Аверкий) показался в окрестностях нашего завода» [там же: 369]. Аверко – такой вариант имени-прозвища, указанный в тексте самим автором, более соответствует разбойничьему кругу и новому образу жизни героя, и тем самым подчеркивает перемены, произошедшие в его личности, переход из обычной жизни крестьянина-кузнеца, деятельность которого была направлена на созидание, в противоположную, где «смелость Аверки переходила границы, дозволенные „прямым разбойникам“» [там же: 370].

Многозначна форма имени Аверко. Наличие уменьшительного суффикса в слове имеет эмоционально-оценочную коннотацию, может служить для обозначения социального статуса или социально-психологических качеств носителя [Медведева 2013]. Форма, оканчивающаяся на -о, образует разряд слов, относящихся к лицам и прозвищам животных [Виноградов 2001: 59]. Ярким примером тому является широко представленная в творчестве Мамина-Сибиряка группа зоонимов – Соболько, Лыско, Музгарко, Постойко. Усеченная форма слова характерна для звательного падежа имен собственных, имевшего место в истории языка. Это те формы, которые уже специализированы на обращении, в большинстве своем клички животных, для которых форма обращения наиболее характерна [Даниэль 2009: 228].

В таком «превращении» имени передается и сопереживающее настроение жителей завода, знавших кузнеца Аверкия, и умаление достоинства в результате нравственного падения человека, даже его безликость; тем самым акцентируется «переход» кузнеца Аверкия в более низкий разряд «падших» людей.

Соотнесение имени персонажа и его деятельности с именем и деятельностью тезоименитого святого позволяет здесь выявить лишь минимальную степень таковой, скорее парадоксальность ее. Близость Аверко к равноапостольному Аверкию состоит в противостоянии аллюзии на деяния святого и судьбы разбойника. Святой Аверкий «взяв попавшийся кол, отправился к храму Аполлона, где всех идолов сокрушил и разбил на мелкие части» [Жития святых… 2011, т. 2], персонаж Мамина-Сибиряка погибает от ударов шпицрутенами. Изначальная чистота героя не выдерживает испытания, изменив себе, герой пропадает, утрачивая при этом данное при крещении имя.

Таким же, наделенным уменьшительной формой имени персонажем, является **Окулко** – основной представитель разбойничества в романе «Три конца» (1890)[1]. Этот роман, по характеристике И. А. Дергачева, передавал «драму борьбы за существование» в уральском заводском поселке после реформы 1861 г. и затрагивал все стороны национальной жизни [Мамин-Сибиряк 1982: 406]. Особо исследова-

[1] Впервые роман был напечатан в журнале «Русская мысль» (1890, кн. 5–9) с подзаголовком «Уральская летопись».

тель и издатель указывал на «погруженность» Мамина-Сибиряка в суть народных интересов, его внимание к формам народного протеста, выразителем которого становится «заводской разбойник» [там же: 409].

Окулко – «знаменитый разбойник, державший в страхе все заводы» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 7: 45]. Автор показывает персонажа либо в окружении еще двух товарищей – Беспалого и хохла Челыша, – либо самостоятельно в кругу семьи. Первое его появление в романе вызывает панику среди населения. Жители, узнав в нем знаменитого разбойника среди посетителей кабака, в ужасе пятились к дверям. В такой обстановке герой, казалось бы, должен был быть и внешне отталкивающим (лицо, обезображенное шрамами, наличие каких-либо физических недостатков, грубая речь, резкие движения и т. п.). В действительности же автор с симпатией отзывается о персонаже и наделяет его «светло-русой окладистой бородкой, серыми большими глазами и шапкой кудрявых волос на голове» [там же: 46].

История Окулка – один из примеров жизни тех, в ком сильно и даже судьбоносно прочувствовалось внутреннее противопоставление личностной свободы и принуждения. Окулко работал на фабрике кричным мастером, «был видным парнем и содержал всю семью» [там же: 78]; «за какую-то провинность был послан на исправление на медную гору» [там же]. Там он не позволил бить себя плетьми и чуть не зарезал управителя, после чего «бежал в горы, где и присоединился к другим крепостным разбойникам» [там же: 79].

Сложность персонажа выражается в неоднозначном отношении к нему народа. Люди его боятся, отмечается настороженность в описании тех немногих моментов, когда герой присутствует в повествовании, и это скорее отражение внешней составляющей образа, определяемой ролью вынужденного разбойника. Внутреннее состояние Окулка, суть его переживаний переданы в словах Нюрочки: «Вот всем весело, все смеются, а он, как зверь, бежит в лес…Мне его жаль…» [там же: 59]. Эти же слова произносит сам герой: «Всем радость, а мы, как волки, по лесу бродим» [там же: 47]. Персонаж прекращает свою беглую жизнь, возвращается домой после двадцатилетнего скитания, долгого «хождения из острога в острог», и в итоге поступает на службу сотским. При этом имя героя на протяжении повествования о нем в романе никак не изменяется, что определяется желанием автора очертить человечность персонажа – он помогает семье, будучи в бегах; в селе он не совершает никаких насильственных / разбойных действий; после возвращения домой, встречается с управителем, из-за которого он стал разбойником, но не проявляет чувства ненависти, презрения к нему: «Пойдем ко мне в волость ночевать, Никон Авдеич… Прежде-то мы с тобой ссоривались, а теперь, пожалуй, и делить нам нечего» [там же: 346].

Имя Окулко в той форме, как оно употреблено в романе, представляет собой «окающий» вариант имени Акил. Оно, в свою очередь, имеет латинское происхождение и означает «орел» [Суперанская 2005: 27; Петровский 1966: 43]. Такой вариант этимологического значения имени реализован как в действиях персонажа (разбойник), так и во внутреннем мире (человеческое достоинство, беззлобность, желание свободы и т. п.)[1].

А. Баженова, рассматривая исторические родокоренные имена, отмечает, что имя Окул и ему подобные (Окула, Окулко) происходят от «око», «глазастый» [Баженова 2006: 323]. Способность «быть глазастым», все замечать характерна для разбойничьей деятельности персонажа. Также допустима трактовка исследуемого имени через характеристику образа жизни героя. Так, в этимологическом словаре М. Фасмера отмечается значение слова «окула» – «обманщик, мошенник» [Фасмер 1987, т. 3: 131].

Анализируя христианское значение имени, обратимся к варианту «Акила», поскольку заданная автором форма имени не встречается в святцах. Сопоставляя имя и деятельность персонажа с жизнедеятельностью тезоименитого святого, можно выявить некоторое соответствие в жизнеописании святого апостола Акилы. Первое, что объединяет разбойника Окулко и апостола – это физический труд: один был кричным мастером, другой – «ски-

[1] Эпитеты и ассоциации к слову «орел» – охотник, свобода, вольный, гордость и т. п. см.: https://epithets.academic.ru.

нотворец, или деятель палаток» [Жития святых… 2011, т. 11: 351]. Общим является необходимость покинуть место жительства (мотив гонения властью и одиночества): «…когда же кесарь Клавдий повелел Евреям выселиться из Рима, Акила с супругой ушел в Коринф» [там же: 350]. Совпадает мотив тяги и возвращения в родные места.

Возвращаясь к теме вынужденной внутренней неопределенности, нежеланию принять сложившиеся обстоятельства и подчиниться им, обратим внимание на ее разностороннее воплощение: 1) несочетаемость звуковой / фонетической стороны имени персонажа и его деятельности в романе. Разбойник должен иметь имя / прозвище, характеризующее именно его негативные качества, быть устрашающим. И, конечно же, оно не должно принадлежать к ряду имен исторических героев и даже богатырей, среди которых выделяет его исследователь А. Баженова [Баженова 2006: 566]; 2) заданная автором форма имени не встречается как самостоятельная единица ни в христианских святцах, ни в современных словарях имен, что позволяет говорить о том, что это народный вариант имени. Этим автор показывает близость персонажа к народу, склонность к жизни среди людей, а не к скитаниям; 3) внешность персонажа; 4) поведение персонажа, а именно: будучи разбойником, он не совершает действий, осуждаемых народом; 5) следование фактам жизнеописания тезоименитых святых говорит о том, что автор не осуждает персонажа, не делает его разительно выделяющимся из общества; персонаж повторяет жизненный путь святых для того, чтобы пройти путь мучений (внутренние переживания / мятеж) и вернуться к спокойной жизни.

Представителем разбойничества в романе «Три конца», наделенным прозвищем, является **Беспалый**. Впервые он упоминается в компании Окулка и деятельность его прямо оговаривается одним из жителей: «Другий-то тоже разбойник. Беспалого слыхал?» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 7: 45]. Хотя этот персонаж очень редко появляется в повествовании, автор дает подробное внешнее описание. Это был человек «с сердитым лицом», «черными, как угли глазами», «подстриженные в скобку волосы и раскольничьего покроя кафтан говорили о его происхождении – это был закоснелый кержак» [там же]. Внешне он производил неприятное впечатление, что также отмечается автором. Имя персонажа не упоминается, а прозвище, по замечанию автора, он получил из-за того, что отрубил себе палец на правой руке, «чтобы не идти под красную шапку» (в солдаты – *Я. Ш.*) [там же: 46].

Обратимся к толкованию прозвища. А. В. Суперанская отмечает, что такое имя-прозвище относится к антропонимам, отражающим биологическую характеристику человека [Суперанская 1991: 39]; такое же толкование – как прозвище человека, лишенного пальцев – находим и в словаре русских прозвищ [Вальтер, Мокиенко 2007]. А. Баженова находит это прозвище среди исторических дохристианских имен воевод и военачальников, а также среди исконно славянских имен и прозваний казаков [Баженова 2006: 575, 578].

Третий товарищ в компании заводских разбойников – **Челыш**. Описывая персонажа, Д. Н. Мамин-Сибиряк сначала указывает на его происхождение, употребляя слово «хохол» перед именем-прозвищем, и затем говорит о внешности. Герой предстает перед читателем как «громадный мужик с маленькою головкой, длинными руками и сутулою спиной, как у всех силачей» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 7: 46].

Данное имя-прозвище имеет несколько вариантов трактовок. И. М. Ганжина говорит об образовании прозвища от слова «челыш», которым в старину обозначали тот или иной вид грибов. Соответственно, именем Челыш могли наделить опытного грибника. Кроме того, подобное прозвище могло принадлежать малорослому пареньку [Ганжина 2001]. С точки зрения морфологии имя содержит уменьшительный суффикс -ыш, который, по замечанию В. В. Виноградова, имеет экспрессивную окраску пренебрежения или презрения [Виноградов 2001: 89]. С фонетической стороны имя ассоциируется с кличкой собаки Черныш, что также дает возможность предположить о нравственном падении персонажа как человека, его обезличивании[1].

[1] Такой вариант имени встречается в словаре личных имен собственных Н. М. Тупикова [Тупиков 1903: 426–427].

Интересным для исследования представляется авторское наделение двух персонажей разных произведений одним и тем же именем – **Савка**. Внешне это разные герои, объединенные общим занятием разбойничества. Оба персонажа с наступлением воли перешли в разряд «особенных» людей и продолжили жизнь на заводе как мирные обыватели.

О внешности одного из них – героя очерка с одноименным названием из цикла «Разбойники» – лишь упоминается: он «ничем не отличался от других мужиков», «лет сорок», «лицо самое обыкновенное, с самой обыкновенной русой бородкой» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 375], но выразительна его характеристика как заводского разбойника – «пользовался всеми симпатиями массы и превращался в героя» [там же: 370], «в качестве отпетого человека Савка пользовался известной популярностью даже у заводского начальства» [там же: 371], «настоящий разбойник, которого все боялись» [там же: 375].

Второй – главный герой рассказа «На Шихане» (1884) – изображен как «небольшого роста, худенький, сутуловатый… жалкий мужичок в широком армяке» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 3: 368], упоминаются его дом, семья, происхождение, в котором стоит обратить внимание на очевидное противоречие. Если внешность соответствует такому представлению героя, как Савка Крохаленок, то его внутренний мир, духовная сила не укладывается в рамки такого изображения: «он не боялся решительно никого и ничего на свете и гордо отстаивал свое „я“ от всяких поползновений на его неприкосновенность» [там же: 378].

Имя Савва имеет несколько трактовок. Согласно основной версии, оно восходит к арамейскому имени «Сава», «Саба» и обозначает «старец», «мудрец» [Петровский 1966: 192]. Встречается мнение о древнееврейском происхождении имени и такой трактовки как «стрелец». Согласно другим данным, оно имеет арабские корни и означает «неволя» [Происхождение и значение имени].

Все эти значения отражены в линии жизни анализируемых персонажей. Значение имени – «неволя» – прямо реализовано в биографиях обоих героев; значение «стрелец» – характерно для второго персонажа, мир животных ему близок, и он охотник по роду деятельности («его пытливый ум прилепился к безграничному лесному простору, и здесь, в мире животных, он находил погибшую в людях правду» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 3: 385]; значение «старец» передано в первом герое, но в переносном значении, как самый отъявленный, коренной, своего рода старейшина среди подобных («самым ярким выразителем разбойничьего типа явился знаменитый Савка», «к нему относились совершенно иначе… среди всяких правонарушителей есть своя аристократия» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 371]; значение «мудрец» реализовано во втором, автор парадоксально описывает его особенность: «Савка говорил не как люди, а совсем по-своему, как говорят все талантливые выродки и отщепенцы» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 3: 378].

Имя Савва отмечается и как краткая форма имени Савелий, которое упоминается автором в сочетании с отчеством Тарасович.

По одной из версий в переводе с древнееврейского имя Савелий означает «тяжкий, непосильный труд» [Баженова 2006: 549]. По второй версии, образованное от латинского «Sabellus», означает в переносном значении «простой, неприхотливый» [Значение имени http]. Оба значения переданы в судьбах персонажей – они вынужденно становятся на путь разбойничества, который предполагает еще больший труд и сложность бытия, внутренний мятеж и неприятие созданных и навязанных условий. Оба Савелия / Саввы из простых рабочих семей, занимались до определенного времени трудом на заводе, а после воли довольствуются малым, реализуя значение «простой, неприхотливый».

Уменьшительная форма имени говорит о сочувственном отношении автора к своим персонажам. Значение имени «старец» в первом персонаже подчеркивается тем, что народ к нему уважительно обращается по имени и отчеству: «Бог тебя простит, Савелий Тарасыч!», «Ничего, уйдет… Вот ужо Савелий Тарасыч скажет им свое словечко» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 376]. Неуловимость, долгое нежелание сдаться передано и через отчество персонажа – Тарасыч. Тарас – имя греческого происхождения и означает «волновать», «возбуждать» [Суперанская 2005: 208], «приводить в смятение», «тревожить» [Петровский 1966: 206].

В христианском предании тезоименитый святой Савва Стратилат. Он подвергся жестоким избиениям, испытанию огнем, «был заключен в темницу», брошен в котел с кипящей смолой «но… остался цел и вышел из котла невредимым» [Жития святых… 2011, т. 8]. Подобно ему анализируемые персонажи проходят через испытания разбойничьей жизнью. Не случайно фонетическое сходство с именем апостола Павла в его языческом прошлом – Савл. В житии Павла упоминается «перелом», в результате которого «из гонителя христиан он сделался их покровителем» [Павел Апостол 1912]. Это же наблюдаем в жизни обоих персонажей: «Савка в числе других принес повинную, где-то отсидел назначенный срок и жил в заводе, как мирный обыватель» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 377], «а когда настала воля – он перешел в разряд „особенных“ людей… и занятие себе Савка (Крохаленок) выбрал „особенное“, ни от кого не зависящее – охоту» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 3: 380].

Автор в ходе повествования употребляет такие формы как: собственно по имени – Савка; в сочетании с прозвищем – Савка Крохаленок; или только прозвище – Крохаленок. Данное прозвище указывает на ироническое отношение автора и усиливает противоречивость в восприятии образа читателем.

Противоречивость заложена уже в происхождении прозвища. Рассказывая об отце героя («настоящий богатырь по прозванию Крохаль» [там же: 377], Мамин-Сибиряк намеренно выделяет появление у него сына – «лядащего мужичонки Крохаленка» – «по необъяснимой игре природы» [там же: 378]. Форма слова содержит уменьшительный суффикс -енок, и, исходя из его обозначения детенышей в животном мире, отмечаем прямую его реализацию в значении прозвища (Крохаль-Крохаленок). Отражается и функция уменьшительной формы, как народного варианта именования с целью ослабить страх людей перед разбойником, который «наводил грозу на целые селения» [там же: 379].

В сравнении с другими разбойниками в обоих персонажах на фоне разбойничьей деятельности выделяются качества, несовместимые с ней. Савка (Крохаленок) отличается любовью к животным, не приемлет жестокость, а его робкое общение с женой и попытки показать, кто в доме хозяин, заканчивающиеся тем, что герой «защищает себя руками и ногами, как перевернутый на спину таракан» [там же: 376], передают ироничное и в то же время сочувственное отношение автора. Второй персонаж также, несмотря на свою «исключительность», оказывается в ситуации, когда его выдают властям те, у кого он обычно находил поддержу, из «арифметического расчета: лучше уж одному Савке пострадать, чем всем мучиться за него» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 9: 374]. Некое умаление образа знаменитого разбойника передано в выражении: «Савка, Савка – нашли какого Александра Македонского» [там же: 375]. Оценка личностных качеств персонажа как простака, неудачника, восходит к обыгрыванию имени в народных паремиях: «Был Сава, была и слава», «Заделали славу – поколотили Саву», «Каков Сава, такова ему и слава» [Адрианова-Перетц 1935: 275].

Неоднозначный персонаж, вызывающий двойственное отношение автора и имеющий различные ролевые функции, – конский пастух **Никешка-Морок**, представленный в одноименном очерке «Морок» (1895) и в романе «Три конца» (1890). В очерке он главный герой, в романе его образ появляется фрагментарно. В обоих произведениях Мамин-Сибиряк выстраивает линию персонажа так, что его социальная функция разбойника неразрывно связана с его поведением как Христа ради юродивого. Важным свойством святости подобных героев является вызывающее поведение и бесстрашное обличение власти[1].

В ходе повествования встречаются именования героя по крестильному имени, прозвищу по-отдельности или же в форме антропонимического единства. Все варианты имеют значение в раскрытии художественного образа Никифора – «на заводе Никешка был известен под именем Морока, и это прозвище он носил не без достоинства» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 5: 85], «единственный заводской вор Морок» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 7: 57], «заворуй Морок» [Там же: 406].

Очерк начинается с описания характерного речевого поведения Никешки, свойственного

[1] см. Блаженные похабы: Культурная история юродства [Иванов 2005].

юродивым. Он высовывается из окна, ругает каждого мимо проходящего, особенно выделяет своих соседей – старика Мирона и дозорного Еграфа Ковшова. Все, что происходило в их семьях, внутри дворов, становилось известно всем. Никешка преподносил это довольно резко – осуждающе высмеивал: «сосед, айда ко мне в помощники: я ничего не делаю, а ты помогать мне будешь!», «беднота кланяется Еграфу Палычу, потому как он сам перед начальством хвостом лют вилять» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 5: 84].

Автор не дает подробного описания внешности персонажа, но некоторые детали создают образ разбойника, не отличающийся от выше представленных: «широкое, бородатое лицо с заплывшими глазками», «темная макушка с поредевшими темными волосами» [там же: 86], «лохматая голова», «седой волос занялся в бороде» [там же: 83], «он выше всех ростом и с уверенностью шагает по самой середине улицы» [там же: 87]. Уверенность персонажа дополняется бесстрашием, даже дерзостью (мотив демонстративного неблагочестия) – «слыл за отчаянную башку и не боялся никого» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 7: 57].

Автор наделяет героя ростом и остроумием, что должно было пробудить симпатии читателей к вору, у которого, по определению писателя, была своя «оригинальная роль» в заводской жизни [Мамин-Сибиряк 1958, т. 5: 89]. В романе положительная характеристика героя расширяется. Несмотря на грубость персонажа в общении с населением, он единственный из разбойников, в котором проявляется «глубокое чувство любви» [там же: 398]. А его переживания по случаю смерти любимой кобылы характеризуют его как чувствующего человека, прибегающего к самоуничижению: «слезы так и лились по его лицу», «в порыве охватившей его нежности при всем честном народе поклонился мертвой кобыле в ноги» [там же: 406].

Имя Никифор имеет греческое происхождение и означает «победитель», «победоносец» [Суперанская 2005: 164], что проявляется в характере персонажа. Он одерживает своеобразную победу, будучи выше обстоятельств и сохраняя верность своему образу жизни. Невозмутимость, с которой он встречает пришедших в его избу с обыском мужиков («даже не поднялся с лавки» [Мамин-Сибиряк 1958, т. 5: 85]), и явная над ними насмешка («обыскивай, а то я и сам ничего не найду» [там же: 86]) говорят о сознании своего превосходства как «особого человека» даже в критическом положении.

Часто используемая автором народная форма имени передает очевидную близость к нему заводских жителей. Сам герой принимает процесс своего задержания, суда и наказания как должное, для окружающих подобные события часть естественного хода бытия, где Никешка – обязательный элемент заводской жизни.

Никифору, как человеку рабочему, физический труд не чужд, он – «могутный человек», способный к «настоящей мужицкой работе» [там же: 93], именно в таком контексте единственный раз во всем тексте очерка имя употреблено в полной форме: «Зачем свой-то покос людям сдаешь, Никифор? Вот бы и робил на себя…» [там же: 93]. В крепостное время он один не стал работать на фабрике, чем бы ему ни грозили – не дал себя поставить в рамки, уравнивающие и ограничивающие всех. Получив волю, сам пришел на фабрику и отработал на ней пять лет, появились хозяйство, дом, жена. Однако после появления паровой машины «со свистком», ставшей для персонажа своего рода символом ограничения воли, он снова отказывается от работы («паровой свисток нагонял на него какую-то тоску и озлобление» [там же: 90], как вызывают неприязнь и люди, шедшие на завод, «как повинность отбывавшие».

Единственное занятие, которое он выполнял «блистательно» – это выгул лошадей, образы которых сопровождают его на протяжении всего повествования, также будучи символом природной мощи и свободы, быстроты[1].

Возвращаясь к прозвищу персонажа, вынесенному в название очерка, обратим внимание на толкование слова «морок» – «затмение сознания, помрачение рассудка» [Морок http]; в диалектных говорах оно означает «шалун, баламут, повеса» [Мамин-Сибиряк

[1] Ср.: «Конь символизирует динамичную силу, проворство, быстроту мысли, бег времени. Это типичный символ мужества и мощной власти. Конь олицетворяет необузданные страсти, природные инстинкты, бессознательное» [Символы http].

1958, т. 5: 399]. Эти два значения дополняют друг друга, воплощаясь в персонаже, и наиболее соответствуют его жизни юродивого. Вариант сочетания прозвища со словом «заворуй» передает отношение народа к персонажу. Выражение пренебрежения, вызванного публичным проявлением сумасшествия, развязностью, вседозволенностью Никешки подчеркивается суффиксом -уй. Будучи просторечным, он несет оттенок пренебрежения по отношению к лицу [Виноградов 2001: 86].

Неаккуратность в быту и внешности, кривая кобыла, кривая изба, пренебрежительное отношение к жизни («на авось»), пребывание в состоянии «морока» – в совокупности с народно-этимологическим и значениями крестильного имени создают полный, противоречивый образ персонажа.

Неслучайный подбор имен образов данной группы акцентирует характерную для творчества Мамина-Сибиряка идею стихийной силы в трудовом человеке, которая, по замечанию Ф. Гладкова, «рвется освободиться в моменты острых коллизий» [Гладков http]. Приемы именословия поддерживают прием типизации, свойственный писателю, для которого «типическим оказывается необыкновенное, ибо в нем легче вскрывается, самовыявляется внутренний закон существования явления или лица» [Дергачев 2005: 31]. Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на принадлежность всех рассмотренных персонажей к одному типу – заводских разбойников, каждый антропоним (имя, прозвище или антропонимическое единство) отличается разнообразием и выявляет существенные для образа качества.

Литература

Адрианова-Перетц, В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века / В. П. Адрианова-Перетц // Труды отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы ; ред. А. С. Орлов. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1935. – Т. 2. – С. 215–282.

Баженова, А. Славян родные имена: Словарь исторических родокоренных имен и прозваний славян и русов за два тысячелетия / А. Баженова. – М. : Издательство «Ладога-100», 2006. – 592 с.

Вальтер, Х. Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – С. 92.

Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; под ред. Г. А. Золотовой. – Изд. 4-е. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.

Воробьева, Е. С. Маргинал в русской литературе конца XX – начала XXI вв. / Е. С. Воробьева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 5. – С. 91–98.

Гайнцева, Э. Г. Рассказы Д. Н. Мамина-Сибиряка о «бывших людях» и бродягах / Э. Г. Гайнцева // Доклады на V конференции по изучению творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. – Свердловск : Свердл. книжн. изд-во, 1960. – С. 45–86.

Ганжина, И. М. Словарь современных русских фамилий / И. М. Ганжина. – М. : Астрель ; АСТ, 2001. – С. 536.

Гладков, Ф. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка / Ф. Гладков. – URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0620.shtml (дата обращения: 28.02.2019). – Текст : электронный.

Даниэль, М. А. «Новый» русский вокатив: история формы усеченного обращения сквозь призму корпуса письменных текстов / М. А. Даниэль // Корпусные исследования по русской грамматике / под ред. К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. Рахшеина, С. Г. Татевосова. – М. : Пробел-2000, 2009. – С. 224–244.

Девятайкина, Л. Г. Топонимический код в художественном пространстве произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. Г. Девятайкина // Филология и человек. – 2008. – № 4. – С. 82-87.

Дергачев, И. А. Комментарии / И. А. Дергачев // Мамин-Сибиряк Д. Н. Рассказы разных лет / подготовка текста и коммент. И. А. Дергачева. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985. – С. 386–396.

Дергачев, И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870–1890-х годов / И. А. Дергачев. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 283 с.

Значение имени Савелий. – URL: http://www.kakzovut.ru/names/saveliy.html (дата обращения: 21.02.2019). – Текст : электронный.

Зырянов, О. В. О природе «одухотворенного реализма» писателя / О. В. Зырянов // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. О. В. Зырянова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. – С. 31–43.

Ибрагимова, Г. Х. Антропонимические единства и их оценочные знаки в конструкциях класса «собственное имя+прозвище» / Г. Х. Ибрагимов. – Текст : электронный // Вестник ТГУПБП. – 2018. – № 4 (77). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antroponimicheskie-edinstva-i-ih-otsenochnye-znaki-v-konstruktsiyah-klassa-sobstvennoe-imya-prozvische (дата обращения: 28.08.2020).

Иванов, С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства / С. А. Иванов ; Рос. Академия наук, Ин-т славяноведения. – М. : Языки славянских культур, 2005. – 448 с.

Имя в литературном произведении: Художественная семантика / сост., ред. Л. И. Сазонова. – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – 504 с.

Лосеева, И. В. Прозвище как вид личностного идентификатора (на материале именований русских горнозаводских сел Южного Урала) / И. В. Лосеева. – Текст : электронный // Электронный научный журнал APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 5. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/prozvische-kak-vid-lichnostnogo-identifikatora-na-materiale-naimenovaniy-russkih-gornozavodskih-sel-yuzhnogo-urala (дата обращения: 18.04.2019).

Майоренко, М. Кто такой маргинал? Характерные признаки и особенности / М. Майоренко. – URL: http://fb.ru/article/117122/kto-takoy-marginal-harakternyie-priznaki-i-osobennosti (дата обращения: 23.02.2019). – Текст : электронный.

Мамин-Сибиряк, Д. Н. Рассказы разных лет / подготовка текста и коммент. И. А. Дергачева. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – С. 386–396 (комментарии).

Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собрание сочинений : в 10 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – М. : Изд-во «Правда», 1958.

Мамин-Сибиряк, Д. Н. Три конца : роман / подготовка текста и коммент. И. А. Дергачева. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 416 с.

Медведева, К. М. Семантика эмоционально-экспрессивных суффиксов квалитативных форм русских антропонимов / К. М. Медведева // Молодой ученый. – 2013. – № 7. – С. 487–490.

Митрофанова, Л. Д. Н. Мамин-Сибиряк в контексте литературной, общественной и культурной жизни Урала 1880-х гг. / Л. Митрофанова // Урал. – 2007. – № 11. – С. 179–190.

Морок. – Текст : электронный // Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/187680/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BA (дата обращения: 24.02.2019).

Павел Апостол // Полный православный богословский энциклопедический словарь / под ред. Е. А. Поповицкого. – СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, 1912. – Ст. 1725–1726.

Память святого апостола Акилы // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под редакцией В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благозвонница», 2011. – Т. 11. Июль. – С. 350–353.

Память святого мученика Саввы Стратилата и с ним семидесяти воинов // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под редакцией В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благозвонница», 2011. – Т. 8. Апрель. – С. 396–398.

Память святого равноапостольного Аверкия, епископа Иерапольского // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под редакцией В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благозвонница», 2011. – Т. 2. Октябрь. – С. 396–398.

Память святых мучеников Валериана, Кандида, Евгения и Акилы // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под редакцией В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благозвонница», 2011. – Т. 5. Январь. – С. 734–737.

Петровский, Н. А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М. : Изд-во «Сов. энциклопедия», 1966. – 384 с.

Происхождение и значение имени Савва. – URL: http://www.imenator.ru/mujskie/imena/savva (дата обращения: 21.02.2019). – Текст : электронный.

Разбойник. – Текст : электронный // Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой. – URL: http://tolkslovar.ru/r544.html (дата обращения: 24.02.2019).

Сергеев, Е. Маргинальность / Е. Сергеев. – Текст : электронный // Новая философская энциклопедия. – URL: http://iph.ras.ru/elib/1797.html (дата обращения: 04.02.2019).

Символы. Конь. – URL: http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/horse/ (дата обращения: 24.02.2019). – Текст : электронный.

Соболева, Л. С. Природные стихии в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» // Quaestio Rossica. – 2015. – № 2. – С. 52–70. – https://doi.org/10.15826/qr.2015.2.095.

Страдание святого великомученика Феодора Стратилата // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под ред. В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благозвонница», 2011. – Т. 6. Февраль. – С. 160–173.

Страдание святого мученика Никифора // Жития святых по изложению святителя Дмитрия, митрополита Ростовского / под ред. В. Осьмака. – М. : Изд-во «Сибирская Благозвонница», 2011. – Т. 6. Февраль. – С. 180–185.

Суперанская, А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 384 с.

Суперанская, А. В. О русских именах / А. В. Суперанская, А. В. Суслова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л. : Лениздат, 1991. – 220 с.

Тупиков, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1903. – С. 426–427.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / М. Фасмер ; перевод. с немецкого и доп. О. Н. Трубачева. – Изд. 2-е, стер. – М. : Прогресс, 1987. – С. 131.

Шипицина, Я. А. Инициатива антропонимии в романах Д. Н. Мамина-Сибиряка: типы и функции / Я. А. Шипицина // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения : материалы I Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург : УРФУ, 2018. – С. 67–75.

References

Adrianova-Peretts, V. P. (1935). Ocherki po istorii russkoi satiricheskoi literatury XVII veka [Essays on the History of Russian Satirical Literature of the XVII Century]. In. Orlov, A. S. (Ed.). *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2, pp. 215–282.

Bazhenova, A. (2006). *Slavyan rodnye imena: Slovar'istoricheskikh rodokorennykh imen i prozvanii slavyan i rusov za dva tysyacheletiya* [The Slavs'Native Names: A Dictionary of Historical Native Names and Nicknames of the Slavs and Russians for Two Millennia]. Moscow, Izdatel'stvo «Ladoga-100». 592 p.

Daniel', M. A. (2009). «Novyi» russkii vokativ: istoriya formy usechennogo obrashcheniya skvoz'prizmu korpusa pis'mennykh tekstov ["New" Russian Vocative: The History of the Form of Truncated Address through the Prism of the Corpus of Written Texts]. In Kiseleva, K. L., Plungian, V. A., Rakhsheina, E., Tatevosova, S. G. (Eds.). *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Moscow, Probel-2000, pp. 224–244.

Dergachev, I. A. (1985). Kommentarii [Comments]. In Mamin-Sibiryak, D. N. *Rasskazy raznykh let*. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 386–396.

Dergachev, I. A. (2005). *D. N. Mamin-Sibiryak v russkom literaturnom processe 1870–1890-kh godov* [D. N. Mamin-Sibiryak in the Russian Literary Process of the 1870-1890s]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 283 p.

Devyataikina, L. G. (2004). Toponimicheskii kod v khudozhestvennom prostranstve proizvedenii D. N. Mamina-Sibiryaka [Toponymic Code in the Artistic Space of the Works of D. N. Mamin-Sibiryak]. In *Filologiya i chelovek*. No. 4, pp. 82–87.

Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskii slovar'russkogo iazyka: v 4 t.* [An Etymological Dictionary of the Russian Language, in 4 vols.]. Vol. 3 (Muza – Syat). 2nd ed. Moscow, Progress, p. 131.

Gaintseva, E. G. (1960). Rasskazy D. N. Mamina-Sibiryaka o «byvshikh lyudyakh» i brodyagakh [Stories of D. N. Mamin-Sibiryak about "Former People" and Tramps]. In *Doklady na V konferentsii po izucheniyu tvorchestva D. N. Mamina-Sibiryaka*. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 45–86.

Ganzhina, I. M. (2001). *Slovar'sovremennykh russkikh familii* [A Dictionary of Modern Russian Surnames]. Moscow, Astrel', AST. 536 p.

Gladkov, F. *Tvorchestvo D. N. Mamina-Sibiryaka* [Mamin-Sibiryak's Creative Activity]. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0620. shtml (mode of access: 28.02.2019).

Ibragimova, G. Kh. (2018) Antroponimicheskie edinstva i ikh otsenochnye znaki v konstrukciyakh klassa «sobstvennoe imya+prozvishhe» [Anthroponymic Unities and Their Axiological Signs in Constructions of the Type "Proper Name+Nickname"]. In *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnye nauki*. N. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antroponimicheskie-edinstva-i-ih-otsenochnye-znaki-v-konstruktsiyah-klassa-sobstvennoe-imya-prozvische (mode of access: 28.08.2020).

Ivanov, S. A. (2005). *Blazhennye pokhaby: Kul'turnaya istoriya yurodstva* [Blessed God's Fools: a Cultural History of Foolishness]. Moscow, Yazyki slavianskikh kul'tur. 448 p.

Loseeva, I. V. (2014). Prozvishche kak vid lichnostnogo identifikatora (na materiale imenovanii russkikh gornozavodskikh sel Yuzhnogo Urala) [Nickname as a Type of Personal Identifier (Based on the Material of Naming Russian Mining Villages of the Southern Urals)]. In *Elektronnyi nauchnyi zhurnal APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 5. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/prozvische-kak-vid-lichnostnogo-identifikatora-na-materiale-naimenovaniy-russkih-gornozavodskih-sel-yuzhnogo-urala (mode of access: 18.04.2019).

Maiorenko, M. *Kto takoi marginal? Kharakternye priznaki i osobennosti* [Who is a Marginal? Characteristics and Features]. URL: http://fb.ru/article/117122/kto-takoy-marginal-harakternyie-priznaki-i-osobennosti (mode of access: 23.02.2019).

Mamin-Sibiryak, D. N. (1958). *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works, in 10 vols.]. Moscow, Pravda.

Mamin-Sibiryak, D. N. (1982). *Tri kontsa: roman* [Three Edges: Novel]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe izdatel'stvo. 416 p.

Mamin-Sibiryak, D. N. (1985). *Rasskazy raznykh let* [Short Stories of Various Years]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe izdatel'stvo, pp. 386–396.

Medvedeva, K. M. (2013). Semantika emotsional'no-ekspressivnykh suffiksov kvalitativnykh form russkikh antroponimov [Semantics of Emotional and Expressive Suffixes of Qualitative Forms of Russian Anthroponyms]. In *Molodoi uchenyi*. No. 7, pp. 487–490.

Mitrofanova, L. (2007). D. N. Mamin-Sibiryak v kontekste literaturnoi, obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Urala 1880-kh gg. [D. N. Mamin-Sibiryak in the Context of the Literary, Social and Cultural Life of the Urals in the 1880s]. In *Ural*. No. 11, pp. 179–190.

Morok [Morok]. In *Tolkovyi slovar' T. F. Efremovoi*. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/187680/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BA (mode of access: 24.02.2019).

Pamyat' svyatogo apostola Akily [Memory of the Holy Apostle Aquila]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonnitsa». Vol. 11, pp. 350–353.

Pamyat' svyatogo muchenika Savvy Stratilata i s nim semidesyati voinov [Memory of the Holy Martyr Sabbas Stratelates and Seventy Warriors with Him]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonnitsa». Vol. 8, pp. 396–398.

Pamyat' svyatogo ravnoapostol'nogo Averkiya, episkopa Ierapol'skogo [Memory of the Holy Equal of the Apostles Abercius, Bishop of Hierapolis]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonnitsa». Vol. 2, pp. 396–398.

Pamyat'svyatykh muchenikov Valeriana, Kandida, Evgeniya i Akily [Memory of the Holy Martyrs Valerian, Candidus, Eugene and Aquila]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonnitsa». Vol. 5, pp. 734–737.

Pavel Apostol [Paul the Apostle]. (1912). In Popovitsky, E. A. (Ed.). *Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar'*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo P. P. Soikina, col. 1725–1726.

Petrovsky, N. A. (1966). *Slovar'russkikh lichnykh imen* [A Dictionary of Russian Personal Names]. Moscow, Izdatel'stvo «Sovetskaya entsiklopediya». 384 p.

Proiskhozhdenie i znachenie imeni Savva [Origin and Meaning of the Name Sabbas]. URL: http://www.imenator.ru/mujskie/imena/savva (mode of access: 21.02.2019).

Razboinik [Outlaw]. In *Tolkovyi slovar'T. F. Efremovoi*. URL: http://tolkslovar.ru/r544.html (mode of access: 24.02.2019).

Sazonova, L. I. (Ed.). (2015). *Imya v literaturnom proizvedenii: Khudozhestvennaya semantika* [The Name in a Work of Fiction: Artistic Semantics]. Moscow, IMLI RAN. 504 p.

Sergeev, E. Marginal'nost' [Marginality]. In *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. URL: http://iph.ras.ru/elib/1797. html (mode of access: 04.02.2019).

Shipitsina, Ya. A. (2018). Initsiativa antroponimii v romanakh D. N. Mamina-Sibiryaka: tipy i funktsii [Initiative of Anthroponymics in the Novels of D. N. Mamin-Sibiryak: Types and Functions]. In *INITIUM. Khudozhestvennaya literatura: opyt sovremennogo prochteniya: materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ekaterinburg, URFU, pp. 67–75.

Simvoly. Kon' [Symbols. A Horse]. URL: http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols/horse/ (mode of access: 24.02.2019).

Soboleva, L. S. (2015). Prirodnye stikhii v romane D. N. Mamina-Sibiryaka «Khleb» [Elements of Nature in D. N. Mamin-Sibiryak's Novel "Bread"]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 52–70. https://doi.org/10.15826/qr. 2015.2.095.

Stradanie svyatogo muchenika Nikifora [The Suffering of the Holy Martyr Nicephorus]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonnitsa». Vol. 6, pp. 180–185.

Stradanie svyatogo velikomuchenika Feodora Stratilata [The Suffering of the Holy Great Martyr Theodore Stratelates]. (2011). In Os'mak, V. (Ed.). *Zhitiya svyatykh po izlozheniyu svyatitelya Dmitriya, mitropolita Rostovskogo*. Moscow, Izdatel'stvo «Sibirskaya Blagozvonnitsa». Vol. 6, pp. 160–173.

Superanskaya, A. V. (2005). *Sovremennyi slovar'lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [A Modern Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Spelling]. Moscow, Airis-press. 384 p.

Superanskaya, A. V., Suslova, A. V. (1991). *O russkikh imenakh* [About Russian Names]. 2nd ed. Leningrad, Lenizdat. 220 p.

Tupikov, N. M. (1903). *Slovar'drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A Dictionary of Old Russian Personal Proper Names]. Saint Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova, pp. 426–427.

Val'ter, Kh., Mokienko, V. M. (2007). *Bol'shoi slovar'russkikh prozvishch* [A Great Dictionary of Russian Nicknames]. Moscow, OLMA Media Grupp, p. 92.

Vinogradov, V. V. (2001). *Russkii iazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Teaching about the Word)]. 4th ed. Moscow, Russkii yazyk. 720 p.

Vorob'eva, E. S. (2014). Marginal v russkoi literature kontsa XX – nachala XXI vv. [A Marginal in the Russian Literature of the Late XXth – Early XXIst Centuries]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 5, pp. 91–98.

Znachenie imeni Savelii [The Meaning of the Name Savely]. URL: http://www.kakzovut.ru/names/saveliy. html (mode of access: 21.02.2019).

Zyryanov, O. V. (2013). O prirode «odukhotvorennogo realizma» pisatelya [On the Nature of the Writer's "Spiritualized Realism"]. In Zyryanov, O. V. (Ed.). *Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiriaka: itogi i perspektivy izucheniya*. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 31–43.

Данные об авторе

Шипицина Яна Анатольевна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры фольклора и древней литературы департамента «Филологический факультет» Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); преподаватель, Языковой центр «Британия» (Курган, Россия).

Адрес: 640000, Россия, г. Курган, ул. Ленина, 17/II.

E-mail: shipitsina-yana@yandex.ru.

Author's information

Shipitsina Yana Anatolyevna – Candidate of Philology Degree Applicant of Department of Folklore and Ancient Literature, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); Teacher, Language Center "Britania" (Kurgan, Russia).

УДК 821.161.1-31(Шмелев И. С.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-19.
ББК Ш33(2Рос-Рус)64-8,444. ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.01; 10.01.08

ПОВЕСТЬ И. С. ШМЕЛЕВА «ЧЕЛОВЕК ИЗ РЕСТОРАНА»: ГЕНЕЗИС ЗАМЫСЛА

Скоропадская А. А.
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6593-5526

Аннотация. Статья посвящена исследованию становления замысла повести И. С. Шмелева «Человек из ресторана». Материалом для исследования послужили сохранившиеся черновые материалы к повести. Актуальность работы обусловлена необходимостью более глубокого изучения дореволюционного творчества писателя, так как именно в этот период закладываются основы его творческого метода, получившего определение «духовный реализм». Расшифрованы и проанализированы не публиковавшиеся редакции повести, что определяет новизну исследования. Проведено сопоставление всех имеющихся вариантов начала повести. Использованные методы текстологического анализа позволяют реконструировать этапы формирования идейно-художественного замысла.

Повесть «Человек из ресторана» традиционно считалась образцом нового реализма, а ее герой – лакей в перворазрядном ресторане, – примером художественного осмысления темы «маленького человека». Проведенный сопоставительный анализ показал, что Шмелев методично подбирал сюжетные и образные детали, позволяющие максимально точно передать не только рабочие и семейные будни официанта, но и его внутренний мир. Повествовательная стратегия с самого начала ориентирована на сказовую форму. В ранних редакциях наиболее ярко выражен социальный аспект жизни героя. Автор сосредоточивается на сравнении лакея и «благородных» посетителей ресторана. Сравнение делает сам герой, наблюдая отражение себя и клиентов в зеркале. В ранней редакции именно зеркало становится для Скороходова поводом взглянуть на себя и свою жизнь со стороны. Но в процессе поиска причин, пробудивших самосознание героя, Шмелев останавливается на отношении его сына к отцовскому ремеслу: в поздней редакции обидная для Скороходова фраза, высказанная сыном о его профессии, становится импульсом к развитию действия повести. Таким образом, социальная проблематика приобретает духовно-психологическую направленность. Подбираемые варианты начала повести свидетельствуют о поисках автором психологически верного посыла, открывающего герою путь к духовному прозрению: в социальном и бытовом плане он терпит сокрушительные потери, зато обретает духовную мудрость и душевное умиротворение.

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; повести; неореализм; духовный реализм; текстологический анализ; история текста.

THE NOVELLA OF I. S. SHMELEV “THE MAN FROM THE RESTAURANT”: THE GENESIS OF THE INTENTION

Anna A. Skoropadskaya
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6593-5526

Abstract. The article is devoted to the study of the formation of the idea of the novella by I. Shmelev “The Man from the Restaurant”. The material under study includes the surviving draft materials for the novella. The urgency of the work is due to the need for a deeper study of the pre-revolutionary creative activity of the writer, since it was during this period that the foundations of his creative method, the so-called “spiritual realism”, were laid. The unpublished editions of the novella were deciphered and analyzed, which determines the novelty of the research. A comparison of all available options for the beginning of the story is carried out. The methods of textual analysis used make it possible to reconstruct the stages of the formation of ideological and artistic concepts.

The novella “The Man from the Restaurant” has traditionally been considered an example of new realism, and its main character – a waiter in a first-rate restaurant, – is an example of artistic comprehension of the “little

© А. Скоропадская, 2021

man" theme. The comparative analysis showed that Shmelev methodically selected plot and figurative details that allowed him to convey as accurately as possible not only the work and family life of the waiter, but also his inner world. The storytelling strategy is focused on the story form from the very beginning. In early editions, the social aspect of the protagonict's life is most pronounced. The author focuses on comparing the waiter and the "noble" diners of the restaurant. The comparison is made by the main character himself, observing the reflection of himself and the clients in the mirror. In the early version, it is the mirror that becomes the reason for Skorokhodov to look at himself and his life from the outside. But in the process of searching for the reasons that awakened the protagonist's self-consciousness, Shmelev dwells on his son's attitude to his father's craft: in the later edition, the phrase, said by his son about his profession is offensive to Skorokhodov and becomes an impetus for the development of the novella's action. Thus, the social issues acquire a spiritual and psychological focus. The selected options for the beginning of the story testify to the author's search for a psychologically correct message that opens the protagonist's path to spiritual enlightenment: socially and in everyday life, he suffers crushing losses, but he gains spiritual wisdom and spiritual peace.

Keywords: Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; novellas; neorealism; spiritual realism; textual analysis; history of the text.

Для цитирования: Скоропадская, А. А. Повесть И. С. Шмелева «Человек из ресторана»: генезис замысла / А. А. Скоропадская. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 231–241. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-19.

For citation: Skoropadskaya, A. A. (2021). The Novella of I. S. Shmelev "The Man from the Restaurant": the Genesis of the Intention. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 231–241. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-19.

Введение. «Человек из ресторана» – центральное произведение в дореволюционном творчестве И. С. Шмелева. Повесть принесла своему автору долгожданное признание читателей и критики[1], однако серьезных филологических исследований, обращенных к этому тексту, недостаточно. Этому есть несколько причин. Во-первых, Шмелев-эмигрант не был интересен советскому литературоведению. Если его вспоминали, то лишь в связи с ранними произведениями, трактуемыми как один из примеров развития литературного процесса начала XX в. Во-вторых, состоявшееся в конце 80-х гг. возвращение Шмелева к русскому читателю прошло под знаком пристального внимания к его произведениям, написанным в эмиграции, дореволюционное же творчество, не подвергавшееся идеологическим гонениям, особого интереса не вызывало. Между тем, глубокое исследование ранних произведений позволяет выявить этиологию писательского метода, определить истоки идейно-художественных установок автора.

Творческий метод писателя в ранний, дореволюционный период его творчества часто оценивался современными и советскими исследователями как реалистический (см. об этом: [Абишева 2007; Спиридонова 2014: 3–13]). Такая оценка во многом обусловлена социальной проблематикой, заявляемой в повестях и рассказах 1900–1910-х гг. Однако в монографических исследованиях творчества Шмелева появились справедливые уточнения, указывающие на импрессионистические [Захарова 2015: 8] и неореалистические тенденции [Коршунова 2013: 117], непосредственно ведущие автора к духовному реализму.

Термин «духовный реализм» был введен в научный оборот А. П. Черниковым в связи с творчеством Шмелева [Черников 1995: 316]. Термин был активно воспринят М. М. Дунаевым и А. М. Любомудровым, центральным объектом исследования которых также стало шмелевское литературное наследие. Так, определяя метод Шмелева как духовный реализм, А. М. Любомудров поясняет: «он (Шмелев – *А. С.*) воссоздает духовную составляющую человеческой личности; отражает реальность присутствия Бога в мире, реальность Промысла, его спасительного действия в судьбах героев» [Любомудров 2003: 198]. Однако отметим, что и в этих концептуальных работах внимание авторов было обращено в боль-

[1] Ср.: «Не знаю, какое Шмелеву предстоит будущее. Окрепнет ли его дарование, войдет ли он в настоящую литературу „первого сорта". Но твердо знаю, что „Человек из ресторана" – одна из лучших вещей последнего времени» (Философов Д. В. Человек из ресторана // Русское слово. 1911. 9 октября. № 232. С. 3).

шей мере к зрелым произведениям Шмелева, в которых его творческий метод воплотился наиболее ярко, открыто соотносясь с православной духовностью. «Духовный реализм предполагает православный тип мировосприятия художника и соответствующую систему ценностей. Что касается предмета изображения, то следует подчеркнуть, что круг тем не может быть ограничен: писатель может говорить как о духовной, так и о телесной, душевной жизни человека» [Редькин 2020: 74]. В связи с этим целесообразно определить истоки метода духовного реализма в произведении с ярко выраженной социально-бытовой проблематикой. Исследователи не единожды обращались с этих позиций к повести «Человек из ресторана»[1], но ими практически не затрагивался текстологический аспект, в то время как изучение процесса создания произведения позволяет определить становление его идейно-образной направленности, вскрыть интенции автора.

Рукописное наследие И. С. Шмелева достаточно широко представлено в РГАЛИ[2] и РГБ[3]. Сохранившиеся рабочие материалы повести позволяют реконструировать историю текста. Подобного рода реконструкцию в своих диссертационных работах частично использовали М. М. Дунаев [Дунаев 1978] и А. П. Черников [Черников 1974], но обилие хранящихся в архиве рабочих материалов дает богатую почву для более детального их изучения. Целью настоящей статьи является исследование становления замысла повести «Человек из ресторана» на материале хранящихся в архиве черновых редакций произведения. Ведущим методом исследования становится сравнительно-сопоставительный метод текстологического анализа.

Обсуждение. Зачастую, начиная работать над тем или иным произведением, Шмелев не имел о нем целостного представления: «идея текста формировалась по мере работы над ним и осмысления художественного материала» [Соболев 2018: 142]. «Человек из ресторана» являет собой пример подобного писательского подхода.

Среди рабочих материалов к повести сохранилось несколько вариантов ее начала. Их объединяет явное стремление автора показать изнутри жизнь ресторанного служащего – «маленького человека», социального типа, появившегося в русской классической литературе в связи с возникновением реализма. Художественное осмысление этого типа породило целую галерею образов, среди которых официант выделяется наибольшей степенью бесправия: «удел официанта – <…> быть свидетелем несовершенства природы человеческой и невольным исповедником его души. Прислуживание имеет характерное свойство, как пыль в кожу, въедаться в характер, психофизику и судьбу человека» [Матевосян 2015: 62].

Самый ранний по имеющейся датировке (27 августа 1910 г.) и по выявленным текстовым деталям[4] черновой автограф[5] имеет рабочее название «Записки рестор<анного> лакея». Повествование от первого лица – непременный атрибут жанра «Записок», при этом социальное положение повествователя определяет манеру его речи.

Шмелев начинает «Записки…» с самохарактеристики героя, который сравнивает себя с важными посетителями ресторана. Создаваемый писателем характер отличается явной рациональностью: герой не просто проводит аналогию между собой и господами, которых он обслуживает, но и демонстрирует свои деловые качества в отношении, например, гостей, которые «забывают» деньги и не могут расплатиться: «*Но какъ же не дать иногда, когда*

[1] Ср., например: [Каскина 2003; Кияшко 2012; Култышева, Лысенко 2015].

[2] См. об этом [Герчикова, Хачатурян 2009].

[3] Шмелев Иван Сергеевич: архивный фонд, 1885–2001. 290 ед. хр. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004745363.

[4] О том, что этот вариант – самый ранний из имеющихся, свидетельствуют явно переработанные или опущенные в последующих вариантах детали. Так, например, дочь героя, от лица которого идет повествование, носит имя Люба (Любка), а его товарищ-собеседник, парикмахер, «умнѣющій человѣкъ на всей нашей улицѣ» (л. 2), – Алексей Трофимыч. Герой упоминает свою сестру, которая держит «портновское заведение» и которая содействовала переходу его сына в 7 класс реального училища.

[5] ОР РГБ. Ф. 387 (Шмелев). Карт. 4. Ед. хр. 15. 75 л. Рукопись расшифрована в рамках реализации гранта РФФИ, проект № 18-012-00381а. Далее ссылки на автограф приводятся в тексте статьи с указанием единицы хранения и листа в круглых скобках.

иной за пятерку красненькую отдаетъ, если деньги у него съ вѣтру. И такихъ много[1]*. И почему не брать*[2]*. Такъ можно нажить хорошее состояніе*» (ед. хр. 15, л. 1 об.). Прислуживая богатым господам, герой слышит их разговоры и знает, какими нечестными путями наживаются состояния. Считая это нормой, лакей планирует в будущем применить подобный опыт («*Къ нимъ я обязательно обращусь за совѣтомъ своевременно*» (ед. хр. 15, л. 1 об.)), при этом полагая, что лично он вполне к этому способен («*Уже я то никогда не попаду на удочку*» (ед. хр. 15, л. 1 об.)).

В автографе видно стремление автора воссоздать атмосферу ресторана с изнанки ресторанной службы, в связи с чем повествование изобилует профессиональными подробностями. Скрупулезность этих подробностей является ключом к характеру героя, который профессиональным взглядом прислуживающего человека следит за происходящим в зале.

Для образной иллюстрации социального двоемирия Шмелев прибегает к мотиву зеркала: в зеркальных стенах ресторана лакей видит себя похожим на господ (форменная одежда по типу фрака, солидный внешний вид), но сами господа в нем не видят человека. По замечанию А. А. Степановой, идея зеркальности в повести модернистски трансформируется: с одной стороны, зеркало реалистически отражает подлинную сущность персонажей, а с другой – «актуализирует проблему подлинности и мнимости бытия» [Степанова 2019: 156]. Наблюдая за собой в зеркале, герой-нарратор пытается разграничить бытие подлинное и мнимое: «*прямо нельзя подумать, что это самый настоящій я*» (ед. хр. 15, л. 1 об.). Обнаруженный диссонанс подталкивает его к осмыслению собственной жизни, наполненной тяжелым трудом и унижениями. Свою социальную униженность герой объясняет издержками профессии, требующей безмолвно переносить все капризы клиента: задеваемое человеческое достоинство, получаемые оскорбления – такова судьба официанта, «лакея человеческого».

В одном из вариантов начала повести, находящемся в этой же архивной папке, герой с гордостью рассуждает о значимости своей профессии: «*И потомъ я вовсе не какой-нибудь халуй и хамъ, а изъ первокласснаго ресторана, гдѣ всегда только*[3] *самая отборная и высшая*[4] *публика. Къ намъ мелкоту какую-нибудь*[5]*, даже и не допускаютъ <…> При такомъ сортѣ гостей*[6] *нужна очень искусственная служба, и нужно тоже знать*[7]*, какъ держать себя*[8] *въ порядкѣ, чтобы не было какого*[9] *неудовольствія. Къ намъ принимаютъ тоже не съ вѣтра, а все равно какъ сквозь огонь пропускаютъ. Экзаменъ, какъ все равно въ какой университетъ*» (ед. хр. 15, л. 18).

Эти рассуждения свидетельствуют о поисках Шмелевым оптимального ракурса в освещении ресторанной жизни, которая является проекцией жизни всего общества. Одна из авторских записей, озаглавленная «*Надо начинать повесть так*», гласит: «*И мнѣ кажется, что если поразсказ<ать> все, что видѣли на своемъ вѣку, то это очень поучительно и, конечно, объ этомъ мало кто знаетъ, а это весьма важно знать, чтобы понимать людей. Люди! Ихъ не узнаешь, когда они чистенькіе сидятъ въ автомобиляхъ и коляскахъ, одѣты въ хорош<ія> платья и молчатъ… А вотъ, когда они въ ресторанѣ, да попригляд<ишься> къ нимъ, да послушаешь…*» (ед. хр. 15, л. 16).

Обращает на себя внимание небольшой набросок, хранящийся в папке № 18. Текст наброска представляет собой письмо редактору, в котором некий Лука Игнатьевич Скороходов, служащий официантом в ресторане третьего разряда, просит ознакомиться с его собственным сочинением про свою жизнь, «*потому что нужно, чтобы знали всѣ суть жизни такой печальной и даже страшной*» (ед. хр. 18, л. 1). К писательству Лука Игнатьевич об-

[1] И такихъ много. *вписано*.
[2] *Вместо:* И почему не брать – *было:* А почему и не взять.
[3] Всегда только *вписано.*
[4] *Вместо:* отборная и высшая – *было:* избранная и замѣчательная.
[5] *Вместо:* Къ намъ мелкоту какую-нибудь, – *было: а.* У насъ мелкаго народу *б.* Къ намъ мелкій народъ.
[6] *Вместо:* гостей – *было:* націй.
[7] *Вместо:* и нужно тоже знать – *было:* знаніе какъ сказать и какъ смотрѣть.
[8] *Вместо:* держать себя – *было:* себя держать.
[9] какого *вписано.*

ратился по совету своего знакомого, Василия Васильевича, который, проникнувшись судьбой старого официанта, как-то сказал: «*Вотъ что Лукавый! Въ твоей жизни много матерьялу*[1], *ты такъ это не оставляй на произволъ судьбы*[2]. *Всю свою жизнь опиши и я тебѣ помогу!*» (ед. хр. 18, л. 1).

Кардинальное отличие наброска от всех остальных вариантов повести позволило М. Дунаеву утверждать, что он относится к самой ранней стадии работы над произведением [Дунаев 1978: 61]. Для подобного утверждения есть определенные основания: герой, от лица которого написано письмо, находится на самом дне социальной жизни, страдает алкоголизмом. Постоянно упоминая о несчастьях и мытарствах, выпавших на его долю, автор письма их не конкретизирует. Но очевидно, что одно из несчастий связано с его дочерью: «*И дочь моя училась въ гимназіи. Но какъ вы можетъ слышали про Наталью Скороходову, про ея дѣло… Это вѣдь она и есть… Значитъ вы все знаете…*» (ед. хр. 18, л. 2). В наброске нет никаких упоминаний о сыне, образ которого получил глубокое идейное наполнение во всех других редакциях. Зато герой говорит о своем разорении («*Весь вѣкъ въ трудѣ былъ… думалъ до напослѣдокъ какъ-нибудь отдохнуть… И мои деньги погибли, и нѣтъ у меня никого…*» (ед. хр. 18, л. 1. об.)), и этот биографический эпизод сохранится, как весомый факт «социального зла на жизненном пути героя» [Полонский 2007: 53]. Бедность и социальная безысходность подталкивают Скороходова к горестному выводу: «*Теперь я даже и не человѣкъ…*» (ед. хр. 18, л. 1. об.).

В наброске прослеживается влияние творчества М. Горького, по напутствию которого[3] Шмелев начал работу над повестью и под протекцией которого повесть была опубликована в издательстве «Знание». Так, маргинальный образ жизни героя, каламбурное обыгрывание его имени (Лука-Лукавый) явно перекликаются с пьесой «На дне». Заостренная социальная проблематика, внимание к вызреванию Человека в человеке [Богданова 2018: 304], запечатленное в раннем горьковском творчестве[4], были близки вступившему на писательское поприще Шмелеву. Вполне возможно, что революционная тематика «Человека из ресторана» стала своеобразным откликом на опубликованную четырьмя годами ранее повесть Горького «Мать» (см.: [Дзыга 2013: 289–298]).

Объединяет ранние варианты повести то, что герой прямо указывает на свое непосредственное участие в создании текста, находящегося перед читателем. Набросок из папки № 18, как уже упоминалось выше, является письмом редактору, сопровождающим присланную для ознакомления рукопись. «Записки ресторанного лакея» уже своим названием определяют автобиографический характер текста. В обоих случаях герои описывает свою жизнь по совету авторитетного для них человека: для Луки Скороходова – это Василь Василич Комаров, видимо, бывший журналист («*писалъ въ газетахъ про все*»); автора «Записок…» подтолкнул к писательству парикмахер Алексей Трофимович: «*Очень начитанный человѣкъ, пишетъ даже о жизни въ толстую тетрадь и когда читаетъ, такъ все у него складно и вѣрно, что прямо всѣ проникаютъ*[5]. *Если бы могли прочитать которые законы даютъ, такъ многое бы лучше было на всей землѣ. Съ него и я, – и это я долженъ объяснить*[6] *по душѣ, примѣръ взялъ и сталъ все описывать*» (ед. хр. 15, л. 2). Письменный рассказ о своей жизни трактуется как назидание, «*что не такъ надо жить, не такъ*» (ед. хр. 18, л. 2) и как «*собственное проникновение*» – «*страдаешь и познаешь себя*» (ед. хр. 15, л. 2 об.). Но в последующих редакциях Шмелев устраняет любые упоминания о причастности героя к созданию текста: сосредоточиваясь на сказовой манере, он будто воспроизводит устный монолог, делая из читателя слушателя, таким образом сокращая условную

[1] *Далее было*: нужнаго.

[2] *Далее было*: Ты пострадалъ, заставь пострадать и другихъ и тогда легче будетъ.

[3] Из письма М. Горького Шмелеву «Желаю Вам написать летом простую, бодрую, задушевную повесть» (Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. М.: ИМЛИ РАН, 2001. Т. 8. С. 83).

[4] Ср., например, пассаж из поэмы «Человек»: «Бессмысленна, постыдна и противна вся эта жизнь, в которой непосильный и рабский труд одних бесследно, весь уходит на то, чтобы другие пресыщались и хлебом и дарами духа!» (Горький М. Человек // Полное собрание сочинений. Художественные произведения. М.: Наука, 1970. С. 41).

[5] *Далее было начато*: и по.

[6] *Далее было начато*: во.

дистанцию между ним и героем-рассказчиком. Сошлемся на Л. Спиридонову, именно в «Человеке из ресторана» усматривающую психологически насыщенный сказ: «Вживание и даже „вчувствование“ во внутренний мир героя позволяет ему (Шмелеву – *А. С.*) создать его правдивый образ с помощью монолога. Он использует сказ как основную форму раскрытия мыслей и чувств героя, индивидуальных особенностей личности» [Спиридонова 2014: 28].

Многочисленные авторские правки и проработка одних и тех же сцен помогают определить, как создавался речевой портрет героя. Показательно, например, сравнение рассуждений героя о своей внешности, имеющееся во всех ранних редакциях и вошедшее в окончательный вариант повести[1] (см. таблицу).

Сопоставление отрывков позволяет восстановить процесс поиска Шмелевым инструментов создания образа героя, от лица которого ведется повествование. Самый ранний из сопоставляемых отрывков показывает, что идея сравнения героя-лакея и его знатного клиента была у писателя изначально: именно с этого сравнения он начинает повесть, подыскивая опорные точки в сравнении (фрак, фигура, цепь, бумажник); при этом рассуждения героя стилистически маркированы слабо и более соответствуют книжной речи (полные предложения, развернутые сложносочиненные конструкции, деепричастные обороты). На следующем этапе работы Шмелев переносит сравнение официанта и адвоката чуть дальше по тексту, введя в начало рассуждения героя о специфике его профессии («*Ну лакей, вѣрно… Чтожъ изъ того, что по предназначенію*[2] *судьбы я лакей!*»); сравнение же обрастает новыми деталями (лоб, нос, прическа, бакенбарды, номер). При этом речь героя уже лишена налета книжности: появляются слова субъективной модальности (*толщенная*, *лысинка*), просторечия (*заместо*), стяженное отчество (*Сергеич*), эллиптические конструкции. В позднем варианте Шмелев сокращает количество деталей, сохраняет стилистическую стратегию с установкой на разговорный стиль, добавляя к уже имеющимся разговорным конструктам местоименную транспозицию (*них/их* вместо *него/его*), которая, с одной стороны, подчеркивает ту уважительность, с которой герой говорит о Глотанове, а с другой – свидетельствует о социальном статусе Скороходова[3].

Вырабатывая стратегию хара́ктерного, социального сказа[4], Шмелев стремится создать речевой портрет массового человека со свойственной сказовому повествованию ориентацией на устность, спонтанность и малограмотность нарратора, обусловленную его социальным статусом.

Тема образования, науки получает в повести разноаспектное освещение. С одной стороны, признавая свою необразованность и малограмотность, главный герой ищет объяснения несправедливости жизни у авторитетных для него людей, авторитет которых основывается на их образованности / учености. С другой стороны, уже в ранних вариантах присутствует мотив недоверия к книге. Недоверие это связано с оторванностью ученых от действительной жизни. В наброске из папки № 18 этот мотив недоверия только намечается: «*Пишутъ разныя книги про пріятное и про любовь*[5] *чего и на землѣ нѣтъ*[6], *а не пишутъ про жизнь и про страданія на землѣ*[7],[8] *которыя испытываютъ такіе какъ ты и я*[9], *и другіе люди, пребывающіе въ*[10] *кипѣніи*[11]» (ед. хр. 18, л. 1-л. 1. об.).

---

[1] В рабочих материалах к повести сохранилось 4 варианта анализируемого автографа.

[2] *Вместо:* предназначенію – *было:* назначенію.

[3] Сошлемся на В. В. Виноградова: «В разговорной речи обстановка и синтаксико-фразеологические связи, в книжной речи контекст определяют смысл местоименных слов, их отношение к конкретным предметам и явлениям. В употреблении их наиболее ярко проявляется основная сущность языка – его социальная обусловленность» [Виноградов 2001: 269].

[4] О типах сказа, развивающихся в литературе 1910–1920 гг. и теоретически осмысливаемых в науке, см.: [Хатямова 2017: 84–85].

[5] *Далее было*: *а*. и про то, какъ лю *б. <на л. 1 об.>* то, какъ влюбляются или про то, какъ в. . *<на л. 1 об.>* Про люб.

[6] *Далее было*: и не бываетъ.

[7] *Далее было вписано*: и про подлецовъ. Жиз.

[8] *Между строк вписан вариант*: Хорошо, кто обезпеченъ в жизни и ему /еще/ мало про любовь читать.

[9] и я, *вписано.*

[10] *Вместо*: въ – *было*: во. *Далее было*: тьмѣ и вх услугахъ и въ.

[11] *Далее было*: И пишутъ даже то, чего сами и не знаютъ, не прошли на собственной шкурѣ.

Черновой автограф 1910 авг. 27	Машинопись с авторской правкой чернилами и карандашом, 1910	Машинопись с авторской правкой, 1910
Чѣмъ же я по виду[1] *хуже другихъ, хотя бы напримѣръ, того же*[2] *адвоката Глотанова <…> Дѣйствительно, сходство есть, да пожалуй и не маленькое. Оба мы во фракахъ, только у Андрей Сергѣевича фракъ нѣсколько подлиннѣй и сшитъ поровнѣй и матеріалецъ получше, но широкая грудь также выдѣляется изъ-за бортовъ и пожалуй животъ у него выдается нѣсколько больше, показывая массивную цѣпь, которой у меня пока*[3] *нѣтъ. Какъ и у меня, у Андрея Серг. имѣется во фракѣ*[4] *бумажникъ<,> но разница не внѣшняя, а скорѣй*[5] *внутренняя* (ед. хр. 15, л. 1)	*И обличіемъ своимъ я не хуже другихъ. Хоть бы взять самого*[6] *присяжнаго повѣреннаго и адвоката Андр<ея> Серг<ѣевича> Глот<анова>*[7]*, съ которымъ у меня даже*[8] *сходство <…> Оба мы во фракахъ, только у Андрей Сергѣича фракъ, конечно*[9]*, нѣсколько подлиннѣй и сшитъ, конечно*[10]*, поровнѣй, и матерьялецъ лучше, и грудь такая же*[11] *крахмальная и также*[12] *выставл<яется>*[13] *изъ-за бортовъ. Пожалуй, только животъ у него*[14] *значительнѣе, и пущена*[15] *толщенная*[16] *золотая цѣпь, которой*[17] *у меня нѣтъ. И лобъ даже*[18] *у меня такой же округлый*[19]*,*[20] *и чуть лысинка*[21]*, и даже по самому ему*[22] *въ масть*[23]*. Только вотъ*[24] *бакенбарды у меня, а у него*[25] *безъ пробритія*[26]*. А если и*[27] *его пробрить да нацѣпить № 87 на бортикъ*[28]*, очень бы прекрасно*[29] *сошли замѣсто меня*[30]*. И у*[31] *меня*[32] *за правымъ бортомъ бумажникъ*[33]*, да только*[34] *разница больше внутренняя* (ед. хр. 15, л. 18 об.)	*И обличьемъ*[35] *я не хуже другихъ. Даже у меня прямо*[36] *сходство съ адвокатомъ Глотановымъ, Антонъ Степанычемъ, – наши все смѣялись*[37]*. Оба мы во фракахъ. только, конечно, у нихъ фракъ сшитъ поровнѣй и матерьялецъ получше. Ну, животъ у нихъ, правда, значителнѣй, и пущена толщенная золотая цѣпь, которой у меня нѣтъ*[38]*. И лысинка и, вообще, въ масть. Только вотъ бакенбарды у меня, а у нихъ безъ пробритія. А если ихъ пробрить да нацѣпить на бортикъ номеръ, очень бы хорошо сошли бы замѣсто меня. И у меня за лѣвымъ бортомъ бумажникъ, но только разница больше внутренняя* (ед. хр. 17, л. 3)

[1] по виду *вписано*.
[2] того же *вписано*.
[3] пока *вписано*.
[4] во фракѣ *вписано*.
[5] скорѣй *вписано*.
[6] *Вместо*: взять самого – *было*: напримѣръ того самаго.
[7] *Вместо*: Андр. Серг. Глот. – *было*: Глотанова.
[8] *Далее было*: есть.
[9] , конечно, *вписано*.
[10] , конечно, *вписано*.
[11] *Вместо*: и грудь такая же – *было*: но широкая
[12] *Вместо*: и также – *было*: грудь также.
[13] Вместо: выставл. – *было*: выступаетъ.
[14] *Далее было*: выдается.
[15] *Вместо*: пущена – *было*: на немъ. *Далее вписан вариант*: виснетъ.
[16] *Вместо*: толщенная – *было*: тяжелая.
[17] *Вместо*: которой – было: чего.
[18] даже *вписано*.
[19] *Вместо*: округлый – *было*: выпуклый.
[20] *Далее было*: и носъ.
[21] *Далее было*: проступаетъ.
[22] *Вместо*: и даже по самому ему – *было*: и носъ чуть приплюснутъ на кончикѣ.
[23] *Вместо*: въ масть – *было*: *а.* и цвѣтъ волоса похожъ *б.* даже <нрзб.>
[24] *Вместо*: Только вотъ – *было*: Вотъ только.
[25] *Далее было*: борода.
[26] *Далее* было: по середкѣ.
[27] и *вписано*.
[28] *Вместо*: № 87 на бортикъ – *было*: на бортикъ № 87.
[29] *Вместо*: бы прекрасно – *было*: хорошо бы.
[30] *Далее было*: А все почему?.. Капиталы!
[31] *Далее было вписано*: И.
[32] *Далее было*: какъ и у Андрей Сергѣича въ правомъ.
[33] *Вместо*: бумажникъ – *было*: бумажники.
[34] *Вместо*: да только – *было*: но.
[35] *Далее было*: своимъ.
[36] прямо *вписано*.
[37] *Далее было*: *а.* И это вѣрно. *б.* И.
[38] *Далее было*: И лобъ такой же округлый.

В «Записках лакея» скепсис героя-нарратора конкретизируется: «*Обѣщалъ даже принести книги гдѣ одинъ учоный говорить, что всякій*[1] *трудъ благороденъ и даже нашъ трудъ услужающаго, только*[2] *что то такое надо сдѣлать. Но я такъ думаю, что если бы этотъ учоный побылъ въ нашей шкурѣ, когда*[3] *всякій за свой, а то и чужой цѣлковый, барина надъ тобой корчитъ, такъ иное бы заговорилъ. Знаю я этихъ учоныхъ! По книгамъ то у нихъ все гладко*» (ед. хр. 15, л. 2 об.). Теоретические размышления ученого, изложенные в книге, Скороходов противопоставляет собственному жизненному опыту, приобретенному за почти три десятка лет служения в ресторане. Этот опыт «услужающего труда» насыщен унижениями и оскорблениями со стороны посетителей ресторана. Шмелев подбирает емкие формулировки, чтобы продемонстрировать осознание героем своего униженного положения: «*...всякій трудъ благороденъ*[4] *<,> и словами унизить челов.*[5] *нельзя...*[6] *Все это такъ*[7]*, но не испытано на соб.*[8] *персонѣ...*[9] *А учоный можетъ все писать въ своей книгѣ, ему это вполнѣ возможно*[10]*, потому что*[11] *его никто болваномъ не обзоветъ. Я такъ думаю, что если бы этотъ учоный побывалъ въ нашей шкурѣ, когда всякій за свой, а то и за чужой цѣлковый барина надъ тобой корчитъ, такъ другое*[12] *бы сказалъ*[13]*! По книгамъ-то все гладко*[14]» (ед. хр. 15, л. 20 об.); «*...всякій трудъ честенъ и*[15] *благороденъ, и словами человѣка замарать*[16] *нельзя, но я-то это и безъ книги понимаю, и*[17] *все-таки это нехорошо*[18]*. Хорошо говорить, какъ*[19] *не испытано на собственной персонѣ... А учоный можетъ все писать въ своей книгѣ, потому его никто болваномъ не обзоветъ. Побывалъ бы этотъ учоный въ нашей шкурѣ, когда всякій за свой, а то и за чужой цѣлковый барина надъ тобой корчитъ, такъ другое бы сказалъ. По книгамъ-то все гладко*» (ед. хр. 17, л. 5–6).

Вставляя в рассуждения героя утвердительные конструкции (*все это так, понимаю, знаю*) автор не просто акцентирует саморефлексию героя, но и закладывает основы сюжетно-образного противопоставления «высокой и тонкой» публики, знающей из книг о «благородстве» труда, и обслуживающего эту публику малообразованного лакея, услужающий труд которого абсолютно этой публикой не ценится. Для усиления контраста Шмелев дополняет рассуждения героя примерами из его ресторанной жизни: «*Ужинали у насъ недавно учоные-то эти. Одного лысенькаго поздравляли за книгу, а посуды наколотили на десять цѣлковыхъ. А не понимаютъ того, съ кого за стекло вычитаетъ метрдотель по распоряженію администраціи <...> Это ни*[20] *подъ какую науку не*[21] *подведешь*[22]» (ед. хр. 17, л. 6). Среди рабочих материалов повести сохранился черновой набросок письма Горькому, в котором Шмелев так охарактеризовал Скороходова: «не слова нужны этому практику, а дела» (ед. хр. 16, л. 28 об.). «Учоные», образованные посетители ресторана, красиво рассуждая о справедливости и равенстве, на деле не воспринимают прислуживающего им официанта как человека. Или вовсе его не замечают.

---

[1] всякій *вписано*.
[2] *Далее было*: надо.
[3] *Далее было начато*: съ перво.
[4] *Над строкой вписан вариант*: – хорошее дѣло.
[5] челов<ѣка>.
[6] *Вместо*: и словами унизить челов. нельзя... – *было*: и если тебя ударитъ копытомъ неразумная лошадь, нельзя имѣть обиду.
[7] *Далее*: Такъ-то такъ.
[8] соб<ственной>.
[9] Все это такъ, но не испытано на соб. персонѣ... *вписано*.
[10] *Вместо*: возможно – *было*: можно.
[11] *Вместо*: потому что – *было*: ибо.
[12] *Вместо*: другое – *было*: иное.
[13] *Вместо*: сказалъ – *было*: заговорилъ.
[14] *Далее было*: у нихъ.
[15] честенъ и *вписано*.
[16] *Вместо*: замарать – *было*: унизить.
[17] *Вместо*: понимаю, и – *было*: знаю, но.
[18] *Далее было*: И.
[19] *Вместо*: какъ – *было*: когда.
[20] ни *вписано*.
[21] не *вписано*.
[22] *Вместо*: подведешь – *было*: подвести.

Между тем, Скороходов видит в науке возможность повышения социального статуса. Именно поэтому для него важно, чтобы его дети получили образование. В «Записках…» Скороходов, обращаясь к сыну, говорит: «*Я наукъ конечно не проникъ, но я васъ на ноги поставляю и хочу участь вамъ предоставить не свою, лакейскую и халуйскую – такъ его и передернуло, – а благородную*» (ед. хр. 15, л. 3). Но в следующей редакции, озаглавленной «Под музыку», Шмелев смещает акценты: «*Я, конечно, твоихъ наукъ не проникъ и географіи тамъ не учился, но я тебя на ноги ставлю и хочу тебѣ участь предоставить благородныхъ людей, чтобы ты былъ не хуже другихъ, а не въ халуи тебя, какъ ты про меня выражаешь… – Такъ его и передернуло!*» (ед. хр. 17, л. 7). Здесь, за счет местоимения *твоих* обозначается наметившийся разрыв между отцом и сыном, преодоление которого станет внутренним сюжетом повести (разрыв между отцом и детьми на протяжении всего повествования будет обозначаться различными деталями, вошедшими в окончательную редакцию: например, дочь Наташа явно стыдится своих родителей, скрывая их социальное положение от ухаживающего за ней офицера). Кроме того, грубое определение профессии *халуй* Скороходов вкладывает в уста сына, через эту уничижительную оценку показывая его отношение к отцовскому ремеслу. Именно это отношение Шмелев выносит в начало окончательной редакции, делая его импульсом к развертыванию действия повести:

«– *Видите, папаша… Всякій негодяй можетъ ткнуть пальцемъ!..*

<…> обидно было отъ родного сына подобное слушать, очень обидно! Ну лакей, офиціантъ… Что жъ изъ того, что по назначенію судьбы я лакей!» (ед. хр. 17, л. 1–1 об.).

Мнение сына становится для Скороходова толчком, пробудившим его самосознание, побудившим взглянуть на себя со стороны. Именно поэтому меняется жанровая и идейная концепция произведения: записки ресторанного лакея превращаются в исповедь Человека, Человека из ресторана. Социальная проблематика приобретает духовно-психологический окрас.

Выводы. Анализ вариантов начала повести «Человек из ресторана» позволяет реконструировать становление авторского замысла. Отталкиваясь от намерения создать портрет современного ему «маленького человека», Шмелев изначально выбирает фигуру лакея / официанта, человека «услужающего» труда. В поисках наилучшего ракурса писатель экспериментирует с биографическими, психологическими, речевыми деталями. Восстанавливаемая хронология черновых вариантов показывает, как остросоциальный характер произведения приобретает духовно-психологическую направленность.

Идейно-художественное новаторство Шмелева в создании образа «маленького человека» органично вырастает из традиций русской словесности, раскрывшей не только социальную, но и психологическую сущность этого литературного типа. Автор сосредотачивается на обнаружении героем способности к самоанализу и духовному прозрению. Образ Скороходова «развивается на протяжении повествования от обывательской узости, мелочности, духовной „зашоренности“ к внутренней широте и мудрости» [Примочкина 2015: 56]. Варианты начала произведения – своего рода поиск стартовой площадки, с которой герой пустится по пути духовного прозрения, в конце которого обретает духовную мудрость и душевное умиротворение.

Литература

Абишева, У. К. «Бытие сквозь быт»: (к проблеме эволюции творчества И. С. Шмелева 1900–1910-х гг.) / У. К. Абишева // Наследие И. С. Шмелева: Проблемы изучения и издания : сборник материалов международных научных конференций. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – С. 74–85.

Богданова, О. В. Мистико-гностическая система мира М. Горького и А. Блока / О. В. Богданова // Вестник РХГА. – 2018. – № 3. – С. 300–314.

Виноградов, В. В. Грамматические пережитки местоимений как особой части речи в современном русском языке / В. В. Виноградов // Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 2001. – С. 264–282.

Герчикова, Н. А. Личный фонд И. С. Шмелева в РГАЛИ. Неизвестная редакция романа И. С. Шмелева «Пути небесные» / Н. А. Герчикова, Л. В. Хачатурян. – Текст : электронный // Вестник архивиста. – 2009. – URL: https://www.vestarchive.ru/issledovaniia/896----a---lr.html (дата обращения: 05.12.2020).

Дзыга, Я. О. Творчество И. С. Шмелева в контексте традиций русской литературы : дис. … д-ра филол. наук / Дзыга Я. О. – М. : [б. и.], 2013. – 445 с.

Дунаев, М. М. Своеобразие реализма И. С. Шмелева (творчество 1894-1918 годов) : дис. … канд. филол. наук / Дунаев М. М. – Ленинград : [б. и.], 1978. – 228 с.

Захарова, В. Т. Поэтика прозы И.С. Шмелева : монография / В. Т. Захарова. – Нижний Новгород : Мининский университет, 2015. – 106 с.

Каскина, Ю. Яков и Иов: образ страдающего праведника в повести И. С. Шмелева «Человек из ресторана» / Ю. Каскина // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 3. – С. 84–88.

Кияшко, Л. Н. О некоторых аспектах поэтики повести И. С. Шмелева «Человек из ресторана» / Л. Н. Кияшко // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 1 (21). – С. 168–171.

Култышева, О. М. Отражение духовных исканий в произведениях И. С. Шмелева «Человек из ресторана» и «Солнце мертвых» / О. М. Култышева, Л. А. Лысенко // Актуальные проблемы фундаментальных и прикладных дисциплин и методик их преподавания : материалы очно-заочного семинара / Министерство образования и науки Российской Федерации ; Департамент образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры ; Нижневартовский государственный университет. – 2015. – С. 159–166.

Коршунова, Е. А. Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева : монография / Е. А. Коршунова. – Харьков : ФОП Бровин А.В., 2013. – 216 с.

Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе Русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев / А. М. Любомудров. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.

Матевосян, Е. Р. Тема «бесправного официанта» в творчестве Шмелева, Чехова и Горького / Е. Р. Матевосян // И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – С. 58–67.

Полонский, В. В. О символическом подходе к изображению «маленького человека» в дореволюционном творчестве И. С. Шмелева / В. В. Полонский // Наследие И. С. Шмелева: Проблемы изучения и издания : сборник материалов международных научных конференций. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – С. 51–57.

Примочкина, Н. Н. «Человек из ресторана»: дыхание истории и современный контекст / Н. Н. Примочкина // И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – С. 52–57.

Редькин, В. А. Духовный реализм как литературоведческая категория / В. А. Редькин // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2020. – Т. 8, № 2 (16). – С. 69–86. – DOI: 10.29252/iarll.16.73.

Соболев, Н. И. Динамическая поэтика рассказа И. С. Шмелева «Полочка» (от рукописи к печатному тексту) / Н. И. Соболев // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – № 4. – С. 140–156. – DOI: 10.15393/j9.art.2018.5581.

Спиридонова, Л. Художественный мир И. С. Шмелева : монография / Л. Спиридонова. – М. : ИМЛИ РАН, 2014. – 240 с.

Степанова, А. А. Повесть И.С. Шмелева «Человек из ресторана» и одноименный фильм Я.А. Протазанова: поэтика визуальности и проблемы экранизации / А. А. Степанова // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 153–162. – DOI: 10.26170/FK19-04-20.

Хатямова, М. А Сказовое слово как способ игрового выражения авторской позиции в русской прозе метрополии и диаспоры 1920-х годов / М. А. Хатямова // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 84–99. – DOI: 10.17223/18137083/61/8.

Черников, А. П. Проза И.С. Шмелева. Концепция мира и человека / А. П. Черников. – Калуга : Изд-во «Калуж. обл. ин-т усовершенствования учителей», 1995. – 341 с.

Черников, А. П. Творчество И. С. Шмелева (1895–1917) : дис. … канд. филол. наук / Черников А. П. – М. : [б. и.], 1974. – 210 с.

References

Abisheva, U. K. (2007). «Bytie skvoz'byt»: (k probleme evolyutsii tvorchestva I. S. Shmeleva 1900–1910kh gg.) [“Being Through Everyday Life”: (to the Problem of the Evolution of Creative Activity I. S. Shmelev 1900–1910s)]. In *Nasledie I. S. Shmeleva: Problemy izucheniya i izdaniya: sbornik materialov mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii*. Moscow, IMLI RAN, pp. 74–85.

Bogdanova, O. V. (2018). Mistiko-gnosticheskaya sistema mira M. Gor'kogo i A. Bloka [The Mystical-Gnostic System of the Worlds by M. Gorky and A. Blok]. In *Vestnik RKHGA*. No. 3, pp. 300–314.

Chernikov, A. P. (1974). *Tvorchestvo I. S. Shmeleva (1895-1917)* [Creative Activity by I. S. Shmelev (1895–1917)]. Dis. … kand. filol. nauk. Moscow. 210 p.

Chernikov, A. P. (1995). *Proza I. S. Shmeleva. Kontseptsiya mira i cheloveka* [The Prose by I. S. Shmelev. The Concept of World and Man]. Kaluga, Izdatel'stvo «Kaluzhskii oblastnoi institut usovershenstvovaniya uchitelei». 341 p.

Dunaev, M. M. (1978). *Svoeobrazie realizma I. S. Shmeleva (tvorchestvo 1894–1918 godov)* [The Originality of the Realism of I. S. Shmelev (Works of 1894–1918)]. Dis. … kand. filol. nauk. Leningrad. 228 p.

Dzyga, Ya. O. (2013). *Tvorchestvo I. S. Shmeleva v kontekste traditsii russkoi literatury* [I. S. Shmelev's Creative Activity in the Context of the Traditions of Russian Literature]. Dis. … d-ra filol. nauk. Moscow. 445 p.

Gerchikova, N. A., Khachaturyan, L. V. (2009). Lichnyi fond I. S. Shmeleva v RGALI. Neizvestnaya redaktsiya romana I. S. Shmeleva «Puti nebesnye» [I. S. Shmelev's Personal Fund in the Russian State Archive of Liter-

ature and Arts. Unknown Edition of the Novel by I. S. Shmelev "Heavenly Ways"]. In *Vestnik arkhivista*. URL: https://www.vestarchive.ru/issledovaniia/896----a---lr.html (mode of access: 05.12.2020).

Kaskina, Yu. (2003). Yakov i Iov: obraz stradayushchego pravednika v povesti I. S. Shmeleva «Chelovek iz restorana» [Jacob and Job: the Image of the Suffering Righteous Man in the Novel by I. S. Shmelev "The Man from the Restaurant"]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. *Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 3, pp. 84–88.

Khatyamova, M. A. (2017). Skazovoe slovo kak sposob igrovogo vyrazheniya avtorskoi pozitsii v russkoi proze metropolii i diaspory 1920-kh godov [Fairy Tale Word as a Way to Playfully Express the Author's Position in Russian Prose of the Metropolis and Diaspora of the 1920s]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 4, pp. 84–99. DOI: 10.17223/18137083/61/8.

Kiyashko, L. N. (2012). O nekotorykh aspektakh poetiki povesti I. S. Shmeleva «Chelovek iz restorana» [On Some Aspects of the Poetics of the Story "The Man from the Restaurant" by I. S. Shmelev]. In *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya*. No 1 (21), pp. 168–171.

Korshunova, E. A. (2013). *Mezhdu klassikoi i modernom: traditsiya i intertekstual'nost'v poetike prozy Ivana Shmeleva* [Between Classics and Modernity: Tradition and Intertextuality in the Poetics of Ivan Shmelev's Prose]. Khar'kov. 216 p.

Kultysheva, O. M., Lysenko, L. A. (2015). Otrazhenie dukhovnykh iskanii v proizvedeniyakh I. S. Shmeleva «Chelovek iz restorana» i «Solntse mertvykh» [Reflection of Spiritual Quests in the Works of I. Shmelev "The Man from the Restaurant" and "The Sun of the Dead"]. In *Aktual'nye problemy fundamental'nykh i prikladnykh distsiplin i metodik ikh prepodavaniya: materialy ochno-zaochnogo seminara*. Yugry, Nizhnevartovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 159–166.

Lyubomudrov, A. M. (2003). *Dukhovnyi realizm v literature Russkogo zarubezhiya: B. K. Zaytsev, I. S. Shmelev* [Spiritual Realism in the Literature of the Russian Diaspora: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. Saint Petersburg. 272 p.

Matevosyan, E. R. (2015). Tema «bespravnogo ofitsianta» v tvorchestve Shmeleva, Chekhova i Gor'kogo [The Theme of the "Rightless Waiter" in the Works of Shmelev, Chekhov and Gorky]. In *I. S. Shmelev i problemy natsional'nogo samosoznaniya (traditsii i novatorstvo)*. Moscow, IMLI RAN, pp. 58–67.

Polonsky, V. V. (2007). O simvolicheskom podkhode k izobrazheniyu «malen'kogo cheloveka» v dorevolyutsionnom tvorchestve I. S. Shmeleva [On the Symbolic Approach to the Depiction of the "Little Man" in the Pre-revolutionary Work of I. S. Shmelev]. In *Nasledie I. S. Shmeleva: Problemy izucheniya i izdaniya: sbornik materialov mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii*. Moscow, IMLI RAN, pp. 51–57.

Primochkina, N. N. (2015). «Chelovek iz restorana»: dykhanie istorii i sovremennyi kontekst ["The Man from the Restaurant": Breath of History and Modern Context]. In *I. S. Shmelev i problemy natsional'nogo samosoznaniya (traditsii i novatorstvo)*. Moscow, IMLI RAN, pp. 52–57.

Red'kin, V. A. (2020). Dukhovnyi realizm kak literaturovedcheskaya kategoriya [Spiritual Realism as a Literary Category]. In *Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury*. Vol. 8. No. 2 (16), pp. 69–86. DOI: 10.29252/iarll. 16.73.

Sobolev, N. I. (2018). Dinamicheskaya poetika rasskaza I. S. Shmeleva «Polochka» (ot rukopisi k pechatnomu tekstu) [Dynamic Poetics of I. S. Shmelev's Short Story "The Little Shelf" (from the Manuscript to the Printed Text)]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. No. 4, pp. 140–156. DOI: 10.15393/j9. art. 2018.5581.

Spiridonova, L. (2014). *Khudozhestvennyi mir I. S. Shmeleva* [The Artistic World of I. S. Shmelev]. Moscow, IMLI RAN. 240 p.

Stepanova, A. A. (2019). Povest'I. S. Shmeleva «Chelovek iz restorana» i odnoimennyi fil'm Ya. A. Protazanova: poetika vizual'nosti i problemy ekranizatsii [The Novella of I. S. Shmelev "The Man from the Restaurant" and the Film of the Same Name by Ya. A. Protazanov: Poetics of Visuality and Problems of Screen Adaptation]. In *Filologicheskii klass*. No. 4 (58), pp. 153–162. DOI: 10.26170/FK19-04-20.

Vinogradov, V. V. (2001). Grammaticheskie perezhitki mestoimenii kak osoboi chasti rechi v sovremennom russkom yazyke [Obsolete Grammatical Features of Pronouns as a Special Part of Speech in Modern Russian]. In *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)*. Moscow, Nauka, pp. 264–282.

Zakharova, V. T. (2015). *Poetika prozy I. S. Shmeleva* [The Poetics of I. S. Shmelev's Prose]. Nizhny Novgorod, Mininskii universitet. 106 p.

Данные об авторе

Скоропадская Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

E-mail: san19770@mail.ru.

Author's information

Skoropadskaya Anna Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.111(73)-31. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-20.
ББК Ш33(7Сое)5-44. ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.03

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА ГЕНРИ ДЖЕЙМСА И ЭДИТ УОРТОН

Селитрина Т. Л.
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0357-2218

Аннотация. Цель статьи – исследование психологической прозы Генри Джеймса и Эдит Уортон на примере романов «Женский портрет» (“The Portrait of a Lady”, 1881) и «Дом веселья» (“The House of Mirth”, 1905). Генри Джеймс в статье «Искусство прозы» подчеркивал, что «психологические мотивы обладают блестящими возможностями для живописи словом». Его американская преемница Эдит Уортон также сосредоточила свой интерес на внутренней душевной жизни персонажей. Изучение тонкого процесса бытия, динамика психических состояний человека становились задачей обоих авторов. Роман «В доме веселья» можно считать творческим диалогом с Генри Джеймсом, поскольку обоих писателей интересовала проблема свободы личности и границы этой свободы в буржуазном обществе. Генри Джеймс и Эдит Уортон показывают путь обретения главными героинями Изабеллой Арчер и Лили Барт нравственного чувства через страдание, осмысляя социальную действительность в понятиях «казалось – оказалось». Вопреки ряду научных работ о романе «В доме веселья», в которых варьируется по преимуществу тема денег, их тлетворное влияние на человека, а также проблема социального положения женщины, в представленной статье сделан акцент на изображение эволюции сознания как Изабеллы Арчер, так и Лили Барт, познающих самих себя и отстаивающих чувство собственного достоинства. В отличие от исследователей, полагающих, что Изабелла Арчер смирилась со своей судьбой (А. Кеттл, В. Толмачев), что этим продиктован ее отъезд в Рим, автор статьи доказывает, что Изабелла вступила в новый период своей жизни без страха и сомнений: «верность себе обрела у нее оттенок героизма», что нравственный стоицизм помогает Изабелле Арчер и Лили Барт сохранить свое человеческое достоинство наперекор судьбе.

Ключевые слова: американская литература; американские писатели; американские писательницы; литературное творчество; литературные жанры; литературные мотивы; женская проза; романы; психологические мотивы; литературные сюжеты; свобода личности; психологическая проза; реалистическая проза; нравственный опыт; тема денег; литературные темы.

PSYCHOLOGICAL PROSE OF HENRY JAMES AND EDITH WHARTON

Tamara L. Selitrina
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0357-2218

© Т. Селитрина, 2021

Abstract. The aim of the article is to study the psychological prose of Henry James and Edith Wharton on the example of the novels "The Portrait of a Lady" (1881) and "The House of Mirth" (1905). Henry James in his article "The Art of Fiction" emphasized that "a psychological reason is … an object adorably pictorial". His American successor, Edith Wharton, also focused her interest on the inner spiritual life of the characters. Exploring of the subtle process of being and the dynamics of human mental states became the objective of both authors. "The House of Mirth" can be considered a creative dialogue with Henry James, since both authors were interested in the problem of individual freedom and the limits of this freedom in bourgeois society. Henry James and Edith Wharton demonstrate the way their protagonists Isabel Archer and Lily Bart acquire a moral sense through misery, comprehending social reality in terms of "it seemed – it turned out". As distinct from a number of scientific works on the novel "The House of Mirth" which mainly vary the theme of money, its corrupting influence on a person, as well as a the problem of social status of a woman, the article focuses on the image of the evolution of consciousness of both Isabel Archer and Lily Bart, who commit self-discovery and claim their dignity. In contrast to the researchers who believe that Isabel Archer resigned herself to her fate (A. Kettle, V. Tolmachev), and that this dictated her departure to Rome, the author of the article proves that Isabel entered a new period of her life without any fear or hesitation, with "a spice of heroism".

The evolution of Lily Bart's character is shown both in the light of the tradition of Henry James's favorite "Point-of-View", and Tolstoy's "psychological contradiction".

Keywords: American literature; American writers; American women-writers; literary creative activity; literary genres; literary motives; women's prose; novels; psychological motives; literary plots; personal freedom; psychological prose; realistic prose; moral experience; the theme of money; literary themes.

Для цитирования: Селитрина, Т. Л. Психологическая проза Генри Джеймса и Эдит Уортон / Т. Л. Селитрина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 242–252. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-20.

For citation: Selitrina, T. L. (2021). Psychological Prose of Henry James and Edith Wharton. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 242–252. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-20.

На рубеже XIX–XX вв. Джеймс был одной из ключевых фигур в английской художественной культуре. Разнообразные поиски и тенденции в английском искусстве конца века нашли выражение в бесчисленных дискуссиях по вопросам эстетики. Джеймс вместе с Шоу и Уэллсом принимал в них самое деятельное участие. В его эстетике и творчестве, словно в фокусе, сосредоточились многие из самых важных начинаний, что были рассеяны в разных областях английской культуры этого времени. Джеймс ратовал за реалистическое искусство, отстаивая его познавательное, нравственное эстетическое и идеологическое значение. Джеймс подчеркивал, что «в искусстве и литературе не достигнешь ничего значительного, если у тебя нет идей общего характера» [James 1947: 24]. Его настоятельное требование идейности, интеллектуализма, философского осмысления действительности, пристальный интерес к сложным психологическим конфликтам, драматизация романного жанра остались актуальными и для XXI в. Опыт Джеймса вошел как важный и необходимый компонент в английскую реалистическую эстетику. Эстетические нормы, вырабатываемые под воздействием Джеймса, приобрели характер художественного закона – настолько они были органичны для конца XIX – начала XX вв.

У Джеймса наблюдался стойкий интерес к персонажам, проходящим путь обретения нравственного чувства через страдание: «Жить, как будто бы снова и снова – повторяет писатель, – это значит страдать», – заметил английский исследователь Арнольд Кеттл [Кеттл 1966: 249]. «Женский портрет» (1881) стал первым романом Джеймса, в котором он полностью реализовал возможности этого жанра, отвечавшим его требованиям философичности, психологизма и драматизации.

В центре внимания Джеймса – философия человеческого бытия, человеческой судьбы, границы свободы личности в буржуазном обществе. Он перенес главное внимание с сюжетной интриги на построение характера: «Я сказал самому себе – помести в центр романа сознание молодой женщины, проследи его изменения, рассмотри также сознание людей, окружающих ее, в особенности, мужчин… Все должно вращаться вокруг Изабеллы» [Джеймс 1981: 489].

По мнению Джеймса, внутренний драматизм сюжета должен заключаться в интен-

сивности душевной жизни героини, которая вступает в жизнь с гордым сознанием, что «мир – место для неограниченной свободы» [Джеймс 1981: 41]. Рисуя первичный комплекс внутренних качеств своей героини, писатель подчеркивает ее наивность, неопытность и незнание жизни. Она полагает, что способна сама распорядиться своей судьбой: «Я решилась быть счастливой, и верю, что буду» [Джеймс 1981: 106]. Но в том, что Изабелла бедна, уже заключается факт несвободы. Ее неизлечимо больной двоюродный брат Ральф, втайне влюбленный в нее, просит своего умирающего отца оставить девушке наследство. Он полагает, что материальная независимость даст ей возможность удовлетворить духовные запросы и обеспечит ей свободное гармоническое существование.

В соответствии с творческим замыслом Джеймса, девушка становится свободной от повседневных житейских нужд. В «Женском портрете» как будто использован древнейший прием «бога из машины», поэтому ощущается определенная заданность в самой структуре романа. Изабелла в разговоре со своей великосветской знакомой мадам Мерль заявляет: «Ничто из того, что принадлежит мне, не может служить мерой моего „я“. Все это меня только сковывает» [Джеймс 1981: 162].

Принято считать, что мир вещей, изображенный писателем-реалистом, всегда несет отпечаток их владельца. У Джеймса в этом романе начинает появляться иная система характеристик, которая становится «зеркалом новейших отношений между человеком и вещами, отношений, при которых вещи более не выражают человека, или выражают его не вполне» [Затонский 1984: 69]. Для Изабеллы вещный мир, деньги, богатство ничего не значат. Для девушки цельность личности определяется глубиной духовной жизни. Но Изабелла не понимает, что ее деньги стали притягательной силой для мадам Мерль и ее приятеля – тщеславного эгоиста Осмонда. Мастерство Джеймса проявилось в воссоздании атмосферы знакомства Изабеллы с Осмондом. Она видит окружающую обстановку и жилище Осмонда в ином свете, чем это представлено объективным авторским зрением. Джеймс дает опосредованное изображение героев и событий, в романе постоянно сохраняется дистанция между повествователем и героем. Рассказчик подчеркивает, что жилище Осмонда было не очень привлекательного вида: «Вилла имела удлиненную невыразительную форму, массивные поперечные окна были расположены столь высоко, что любопытство иссякало раньше, чем достигало их. Они, казалось, не располагали к общению, а стремились отгородиться от мира» [Джеймс 1981: 205]. Изабелла, напротив, видит виллу в другой тональности: «Ее глазам открылась красивая белая арка, венчающая портал… Высокие стройные колонны, увитые зеленью, поддерживали светлые галереи, расположенные одна над другой» [Джеймс 1981: 205].

Действительность окрашивается в тона основного настроения героини, становится идентичной ее эмоциям. Джеймс воспроизводит движение сознания героини, воссоздает подсознательные импульсы, не описывая чувство как таковое, а передавая множество конкретных впечатлений и ощущений, идущих извне и воздействующих на душу человека. Он показывает, что Изабелла наслаждается послеполуденной красотой итальянской природы. Ее окутывает тепло апрельского вечера, она вдыхает аромат цветущих деревьев, ее очаровывают мягкие звуки голоса Осмонда (автор подчеркивает, что Осмонд не говорит, а почти шепчет). Хозяин виллы показался ей достойным, умным, тонко чувствующим: «Он говорил, не стараясь блистать… Изабелла с легкостью верила в искренность человека, выказывавшего все признаки горячей убежденности, особенно, если поддерживала Изабелла» [Джеймс 1981: 226]. Он излагает ей собственное жизненное кредо: «Надо попытаться сделать из своей жизни произведение искусства» [Джеймс 1981: 250]. И объяснение в любви он произнес тоном «почти бесстрастного раздумья, как человек, который ни на что не рассчитывает, и говорит только для того, чтобы облегчить душу» [Джеймс 1981: 252]. Изабелла слушала «прекрасные рыцарственные» слова признания со слезами на глазах. Ей казалось, что они были продиктованы «искренней и высокой страстью» [Джеймс 1981: 253].

Осмонд признался ей, что «не привержен условностям», что у него нет состояния

и громкого имени, что он так мало может предложить ей. Она уверяет себя, что «он человек, а не собственник». Отказав американскому бизнесмену Каспару Гудвуду и английскому аристократу Уорбертону, благородным и порядочным людям, Изабелла принимает предложение Осмонда, полагая, что ее деньги, полученные в наследство от дяди, дадут возможность Осмонду эстетически развиваться, и они пойдут рука об руку по дороге жизни.

Деньги были для нее тяжелой ношей, и теперь она может предложить их «самому изысканному джентльмену Европы», и лишь повествователь, принимающий точку зрения всезнающего наблюдателя, отмечает в лице Осмонда «нечто острое», подчеркивая его эгоизм и лицемерие, стремление всеми силами попасть в «избранное общество». Лишь постепенно Изабелла сознает, что поведение Осмонда было позой, что он «циничен, эгоистичен и жесток, что он стремился подавить все ее желания и интересы и полностью подчинить себе, уничтожив ее независимость и свободу» [Pippin 2000: 137]. Брак обернулся для нее трагедией.

Писатель не создавал историю героини по общепринятому типу, заканчивающемуся удачей или неудачей, что было характерно для викторианского романа этого периода. Он сделал акцент на процесс осмысления героиней социальной действительности, на раскрытии двух понятий: «казалось» и «оказалось». Ее тетушка Лидия дала уничижительную характеристику Осмонду: «безвестный американский дилетант, вдовец средних лет с нелепой дочкой и сомнительным доходом» [Джеймс 1981: 222]. Но Изабелла не желала прислушиваться к мнению окружающих, она была уверена в собственной правоте.

Основа сюжета романа заключается в подъемах и спадах эмоций героини, в восприятии и осмыслении все новых явлений и фактов, интеллектуальных прозрениях, в переходах от иллюзорных представлений к трезвому, критическому и глубокому взгляду на жизнь. Она рассчитывала на абсолютное взаимопонимание с мужем, но оказалась обманутой. В 42 главе героиня анализирует свои мысли и чувства, восстанавливая в памяти обстоятельства знакомства и жизни с Осмондом, сопоставляя в уме все факты и детали. Ее рассуждения представляют собой монолог со сложнейшим внутренним контрапунктом. Изабелла поняла, что Осмонд ненавидел ее за то, что у нее есть собственный взгляд на вещи, отличный от его понятий и представлений. Ей чужды условности высшего общества, рабом которого он был. Все его суждения о стремлении прожить скромную жизнь в бедности и одиночестве были маской. Осмонда привлекли лишь ее внешность и богатство, и ему не было дела до ее помыслов и чувств: «Вместо того, чтобы привести ее на вершину счастья, где мир словно расстилался у ног и можно, взирая на него с восторженным сознанием собственной удостоенности, судить, выбирать, жалеть, он привел ее вниз в подземелье, в царство запретов и угнетенности, куда глухо долетают сверху отголоски чужих, более легких и вольных жизней, лишь усугубляя сознание собственной непоправимой беды» [Джеймс 1981: 346]. Изабелла поняла, что под его приятным обхождением и непринужденностью «притаился эгоизм, как змея на поросшем цветами склоне» [Джеймс 1981: 350]. Американский исследователь Р. Вейсбах обратил внимание на суждения повествователя о том, что Изабелла впервые столкнулась «с освященным древностью выражением „сосуд зла“. О существовании этого понятия она знала из Библии и других литературных произведений» [Weisbuch 1998: 103]. Однако наступило время, когда ей пришлось познакомиться со злом воочию. До замужества для Изабеллы зло если существовало, то в абсолютно метафизическом смысле. Неслучайно, тетушка Лидия в момент знакомства застала ее в гостиной изучающей немецкую философию. Отличаясь чрезвычайной начитанностью в английской литературе, Изабелла не встречалась с могуществом зла ни в судьбе Элизабет Беннет, ни в судьбе Доротеи Брук. Слишком поздно она поняла, что ее «подруга и ментор мадам Мерль продала ее как вещь», ввергнув в замужество, которое обернулось для нее трагедией [Weisbuch 1998: 103].

Подобно Бальзаку, Джеймс видел себя историком современных нравов. Джеймс писал Хоуэллсу: «Именно нравами, обычаями, принятыми нормами, привычками, заведен-

ными формами, – всем этим вызревшим и традиционным живет романист, они тот самый материал, из которого он создает свои произведения» [James 1920: 72].

Американская преемница Генри Джеймса Эдит Уортон в своей статье «Генри Джеймс в его письмах» приводит эти строки Джеймса в качестве определяющих для собственных творческих задач. У обоих писателей ярко выражен интерес к этической проблематике. Он сосредоточен на внутренней душевной жизни человека, на динамике психических состояний, поэтому их проза считается психологической: «Психологические мотивы, на мой взгляд, дают блестящие возможности для живописи словом, ухватить их сложность – такая задача может вдохновить на титанический труд», – писал он в 1884 г. [James 1982: 141].

Тема становления личности, влияние непосредственных впечатлений и переживаний на формирование нравственного облика, жизненных ориентиров актуальна и для Эдит Уортон. Само название ее романа «В доме веселья» ("The House of Mirth") говорит о своеобразной тематической перекличке с Генри Джеймсом. Не случайно американский исследователь М. Горра отметил, что «роман Уортон можно было бы назвать „Портрет Лили Барт"» [Gorra 2015]. «Женский портрет» ("The Portrait of a Lady") – портрет любой женщины, путем мучительных испытаний осознавшей степень своей зависимости от жизненных обстоятельств, задумывающейся о границах свободы. Сам Джеймс подчеркивал, что он «создал образ молодой женщины, бросающей вызов своей судьбе» [Джеймс 1981: 487].

Молодая женщина Лили Барт из романа Уортон также бросает вызов своей судьбе, но само название, напомнил американский критик Джеффри Мейерс, взято из «Екклесиаста»: «Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья» [Meyers 2004]. Дом веселья – мир фешенебельных особняков Нью-Йорка, который оказался миром социальных и нравственных катастроф, конфликтов, ломающих судьбы, трагически обреченных бунтов.

Главное, что объединяет оба романа – проблема свободы личности. Разумеется, проблема свободы приобретает в этих произведениях особую специфическую окрашенность и неповторимые акценты. «Я очень дорожу своей свободой», – говорит бесприданница Изабелла, приглашенная тетушкой погостить в Англии [Джеймс 1981: 17]. Напротив, Лили Барт впервые за двадцать девять лет обнаружила свою несвободу, ощущая материальные и нравственные невзгоды своей жизни, о чем ранее не заботилась.

И Джеймс, и Уортон стремились выявить приметы национального характера, этики и духовной жизни США. За частностями возник образ времени и страны. «Не притязая на эпический размах, романы Уортон показывали эпоху в лице характерных представителей той или иной среды с ее специфической психологией, понятиями и предрассудками», – отмечал А. М. Зверев [Зверев 2012: 13].

Бесприданница Лили Барт понимает, что только выгодный брак поможет ей вернуть высокое положение, утраченное ее семейством в результате финансового банкротства отца. Девушка обладает поразительной красотой и утонченностью, но вынуждена занимать и развлекать своих богатых друзей и их гостей, в обмен на гостеприимство, выполняя обязанности то секретаря, то компаньонки, то посредника. Ее размышления переданы через внутренние монологи и несобственно прямую речь. Сидя в прекрасно меблированной гостевой комнате загородного поместья Треноров, где царила атмосфера роскоши и довольства, «приглушенный свет и кружевной пеньюар ждал ее поверх шелкового покрывала на кровати, где вышитые шлепанцы грелись у камина, а гвоздики в вазе наполняли воздух восхитительным ароматом», она ощущала всем своим существом, что «просто создана для жизни среди роскоши, именно в таком окружении она нуждается» [Уортон 2015: 39]. Однако впервые «Лили ощутила себя содержанкой среди великолепия, которое когда-то считала своей собственностью. Еще вчера ее фантазия свободно парила над выбором занятий. Теперь она опустилась до уровня все той же обыденности, в которой мгновения призрачной роскоши и свободы сменились долгими часами неволи» [Уортон 2015: 108].

В книге «Что такое проза» (1925) Уортон писала: «для того, чтобы передать в романе жизнь, необходимо только одно умение… Это

способность высвободить из ее сумятицы решающие мгновения» [Зверев 2012: 15]. Таким решающим мгновением для Лили стал ее приезд в загородное поместье семейства Тренор.

В отличие от Джеймса, Уортон показывает жизнь Лили в постоянной жизненной динамике день за днем. Как в калейдоскопе, поместье Треноров сменяется особняком ее тетушки, затем следует приглашение совершить круиз по Средиземному морю, а дальше ее ждет посещение Аляски. Создается впечатление непреднамеренности сюжетного развития романа, самопроизвольности событий. Эпизоды, из которых складывается сюжет, многосторонне мотивированы социальным укладом буржуазных семейств, в которых гостит Лили. Все происходящее в романе время от времени комментируется повествователем, но по большей части изображается самоанализ главной героини через ее внутренние монологи и несобственно прямую речь.

В начале романа изображен многолюдный фон гостей, съехавшихся в загородный дом состоятельного буржуа Гаса Тренора. «О супруге Тренора Джуди трудно было сказать что-нибудь определенное, кроме того, что обладая чрезмерным инстинктом гостеприимства, она, казалось, может существовать только в качестве хозяйки, окруженной толпой гостей – нахлебников. Единственное сильное чувство, которое она способна была испытывать, – это ненависть к женщине, способной накрыть более пышный ужин и развлечь гостей лучше, чем она» [Уортон 2015: 69]. Из этого праздного веселящегося общества выделяется Берта Дорсет с ее бесконечными любовными связями, «обожающая унижать людей, а в особенности, своего мужа. Но доверие к Берте Дорсет основывалось на неуязвимости ее банковского счета» [Уортон 2015: 59].

За обедом, как бы впервые, Лили разглядывает персонажей, сидящих за столом: «Гаса Тренора с его грузной и плотоядной, втиснутой в плечи головой, его жену… наводящую на мысль о витрине ювелирной лавки», Керри Фишер с ее «разводами, привычками вставлять скабрезные замечания». Другие присутствующие «отрицали все, что не укладывалось в рамки их собственного мировосприятия» [Уортон 2015: 69]. Еще в полдень они казались ей воплощением блестящих качеств, а теперь она видела, что «они просто скучные болтуны» [Уортон 2015: 79].

Абрис нью-йоркского высшего света воссоздан в духе почитаемых писательницей Бальзака и Флобера. Однако в этом рисунке ощущается и влияние джеймсовского приема «точки зрения». Лили впервые смотрит на окружающих со стороны глазами одного из гостей, ироничного юриста Селдена. Она видит этот мирок «отраженным на сетчатке его глаз, как если бы розовые лампы были выключены и пыльный свет лился из окон» [Уортон 2015: 79]. Она даже устыдилась воспоминания о том, что «всего несколько часов назад чувствовала центростремительную силу, притягивающую ее к их образу жизни. И праздная жизнь, выбранная ею, простерлась перед ней как длинная чистая дорога без колдобин и поворотов, ибо истиной было то, что она катила по ней в карете, вместо того, чтобы тащиться пешком, а ведь пешеходы имеют преимущество воспользоваться коротким путем, в котором отказано ездокам» [Уортон 2015: 79].

В этом отрывке внутренний монолог, несобственно прямая речь, прямая речь персонажа и комментарии повествователя слиты воедино. Внешняя острота события как бы заслонена остротой душевных переживаний. Наблюдается переход от убаюкивающих мыслей об удачном замужестве к отчаянию, мучительному раздумью о будущем. Всякий раз Лили изображена повествователем заново, эпизоды напоминают смену кадров в художественном фильме. Показаны все нюансы ее меняющегося сознания, детали поведения, они запечатлены в подробностях как совершающиеся здесь и сейчас.

Лили Барт как будто нетрудно найти выгодного жениха и составить удачную партию, например, в лице обладателя громадного состояния Перси Грайса. Он неприметен и скромен, весьма благочестив (посещает церковь), но Лили сумела разглядеть в нем огромный «эгоизм и жадность», невосприимчивость к импульсам и эмоциям [Уортон 2015: 70]. И, тем не менее, она убеждает себя, что поведет с ним игру по собственному сценарию, а затем последуют наряды и драгоценности, и она навсегда освободится от «необходимости выкручиваться, изображать, унижаться, – вечные спутники бед-

ности» [Уортон 2015: 70]. Ей достаточно было сыграть свою роль до счастливого финала, когда она вместе с Перси Грайсом будет восседать на скамье в самой богатой церкви Нью-Йорка. Но впереди замаячила «громадная, как бревно, скука и однообразие», которые будут сопровождать ее до конца дней и лишат яркой и интересной жизни окончательно [Уортон 2015: 70].

Воскресный день в усадьбе Треноров, когда должна была решиться судьба Лили, выдался особенно прекрасным: «Легкий воздух, казалось, наполнился золотой пудрой, леса вспыхивали и тлели за росистыми лугами, и холмы за рекой плавали и плавились в синеве. Каждая капля крови звала Лили к счастью» [Уортон 2015: 82]. Но вместо того, чтобы отправиться в церковь на утреннюю службу вслед за богобоязненным Перси Грайсом, который безуспешно ждал ее и, возможно, сделал бы ей предложение, она внезапно меняет планы и отправляется на прогулку, надеясь встретить Селдена, которого несколько минут тому назад застала в библиотеке, беседующим со своей прежней любовницей миссис Дорсет.

В романе скрупулезно воспроизведено изменение настроения и поведения героини. Так же как и Джеймс, Уортон не рассказывает, а показывает. Переживания и ощущения Лили выявлены во всех оттенках и тончайших нюансах. Лили хочется верить, что Селден приехал в воскресный день ради нее. Ей импонирует его поведение безразличного наблюдателя зрелища. После бесплодных ожиданий на лесной скамейке она пошла дальше, внезапно почувствовав всеохватывающую усталость: «Она не знала, чего ищет, и почему не удалось найти то, что она искала, и не понимала, почему попытка найти нечто затмила свет на ее небесах: осталось только смутное ощущение неудачи, внутреннее одиночество, еще более глубокое, чем одиночество в этом лесу» [Уортон 2015: 86]. Спустя некоторое время Селден появился на тропинке, но вскоре они узрели гостей, возвращающихся из церкви. Среди них был Перси Грайс. Увидев ее в компании Селдена, он тотчас же покинул поместье.

Уортон была примерной ученицей не только Джеймса, но и Толстого, не случайно роман «В доме веселья» напоминал критикам «Анну Каренину». Лили Барт рассчитала и продумала в деталях свое поведение в отношении к Перси Грайсу как будущему жениху. Она должна была уделить ему максимум внимания, отправиться на службу в церковь и вернуться вместе с остальными гостями. Ее поведение идеально вписывалось бы в его мироощущение, однако она поступает безрассудно, повинуясь своему сердцу, подчиняясь непредвиденному импульсу души, теряя, таким образом, надежду на удачный брак. Здесь, как и у Толстого, наблюдается «принцип реалистического противоречия» – неполярного, но возникающего из художественной обусловленности явлений, то, что современники называли «парадоксальностью Толстого» [Гинзбург 1971: 324]. У Уортон также причинно-следственные связи индивидуализированы, но она всякий раз, как и Толстой, открывает их заново «применительно к бесконечному, непредвиденному многообразию явлений конкретной действительности» [Гинзбург 1971: 296]. Поэтому трудно согласиться с мнением американской исследовательницы Кэтрин Коммандер, что «Лили всегда контролирует свои чувства и поступки» [Commander 2008].

Душевное состояние героини проявляется в ее поведении. Она – обостренно чувствующий наблюдатель своей личности. «Мисс Барт была заядлым читателем своего сердца, и сообразила: ее внезапное увлечение Селденом связано с тем, что его присутствие пролило свет на ее окружение» [Уортон 2015: 77]. «Не то, чтобы он был человеком особенно блестящим или исключительным… Скорее, он хранил некое социальное безразличие, счастливый дух беспристрастного наблюдателя зрелища» [Уортон 2015: 77]. Ей представилось, что они все находятся в огромной золоченой клетке, из которой нет выхода, и единственный человек, по ее мнению, который обрел свободу, был Селден. Он знал выход из этой золоченой клетки. Сам Селден говорит о себе, что он «живет в республике духа», и что его «понимание успеха – это свобода личности», свобода от всего: «от денег, нищеты, от удобств и тревог, всякой материальности» [Уортон 2015: 95].

Селден небогат, поэтому он не может предложить Лили материальное благополучие, в котором, по его мнению и мнению всех окружающих, она нуждается. Селден, несмо-

тря на свою наблюдательность и проницательные суждения о людях, по сути, так же, как и Марчер из повести Джеймса «Зверь в чаще», «оказался олицетворением человека своего времени, с которым ничего не может случиться» [Джеймс 1983: 631]. Спасением Марчера была бы любовь к Мэй Бертрам, «вот тогда бы его жизнь стала действительной жизнью». Она любила его, а он «думал о ней с ледяным эгоизмом, греясь в лучах ее желания помочь ему» [Джеймс 1983: 632].

Мотив позднего прозрения героя ощутим и в романе «Дом веселья». Как и Марчер, Селден считал себя особой, неповторимой личностью, стоящей выше обыденности жизни, но оказался не в состоянии подняться над условностями, царящими в буржуазном нью-йоркском обществе. Он решился признаться в любви Лили слишком поздно. Накануне Лили, борясь с бессонницей, приняла слишком большую дозу снотворного.

Так же, как Уинтерборн из повести Джеймса «Дейзи Миллер» лишь после смерти Дейзи понял, что он был любим, Селден среди оплаченных счетов и незначительных писем обнаружил свою записку, хранимую Лили. Это было свидетельство его чувства к нему. Вращаясь в мире поверхностно-светских отношений, он не захотел понять подлинность глубокого чувства. В решающий момент банальное оказалось сильнее человечески подлинного. Лишь после смерти Лили у ее одра он произносит слова признания.

А. М. Зверев обратил внимание на то, что Уортон превосходно поняла, в чем главная слабость этого «снисходительного и бездумного общества, – в его слепом страхе перед всем новым, и в инстинктивном стремлении уйти от ответственности» [Зверев 2012: 17].

Сама Уортон подчеркивала, что «трагическим свойством такого общества являлась его способность принижать и человеческие устремления, и идеи» [Зверев 2012: 17]. Денежные затруднения Лили порочат ее в общественном мнении Нью-Йорка. О мотиве денег в романе, о «проблеме выбора между материальными и моральными ценностями» пишет И. Н. Тимошенко в статье «Мотив денег и проблема нравственности в романе Эдит Уортон» [Тимошенко 2018: 86]. Лили представляются отношения с Гасом Тренором чисто дружескими, она уверена, что деньги, полученные Лили от него, – результат выгодного помещения ее собственных средств в ценные бумаги, с которых она получает проценты. Но нью-йоркское общество подозревает ее в любовной связи с женатым мужчиной, и вытесняет ее из собственного мира.

Лили живет по правилам чести и справедливости. Она руководствуется присущим ей в высшей мере бескорыстием: отдает триста долларов на благотворительность, по требованию хозяйки поместья вынуждена играть в бридж, потому что так принято в этом обществе, и, по большей мере, проигрывает, считая затем в одиночестве крошечные суммы, оставшиеся в ее золотистом кошельке. Она бросает в огонь письма, компрометирующие Селдена, хотя могла бы с помощью этих писем реабилитировать себя и поправить свое положение в обществе.

Героиня «Женского портрета» Изабелла, приехав в Англию, сообщает, что она должна узнать жизнь даже ценой страдания. Напротив, Лили не считает, что путь к счастью лежит через страдания. Она стоит в центре пересечения интересов и стремлений разных людей: от бескорыстной симпатии живущей в бедности двоюродной сестры Селдена Герти Фариш до далеко идущей интриги Гаса Тренора, ссудившего ее деньгами якобы от умело размещенных средств в ценных бумагах. Но ни красота (ее появление в живых картинах в образе одного из портретов Рейнольдса покорило всех присутствующих), ни утонченность не могут дать счастья и житейского благополучия.

У Лили есть потребность в понимании и сочувствии, к Селдену она испытывает большое чувство. Способность любить выделяет Лили из ее социального окружения, и, естественно, ставит в антагонистическую позицию тривиальной жизни окружающих ее людей. Лили бессильна перед обстоятельствами жестокого, циничного и бездуховного общества. Она пытается прорваться к подлинному чувству и подлинному счастью, но достигнуть этого ей не дано.

Судьба Лили и не могла быть иной. Серьезное чувство – отнюдь не источник жизненной перспективы, оно ведет к трагическим коллизиям и роковым исходам. Реализация счастья

в том обществе, в котором пребывает героиня, принципиально невозможна. В романе Уортон, в отличие от Джеймса, звучит мысль о кратковременности жизни, в которой человек обречен пройти через скоротечное очарование надежд на близкое счастье, и осознать неизбежность утрат и разочарований.

На одной из страниц романа Уортон звучит некая отсылка к роману «Женский портрет». Когда-то «воображение Лили разрывалось между английским аристократом и итальянским князем, но все это было в раннем юношестве» [Уортон 2015: 52]. В романе Эдит Уортон несколько сюжетных линий, придающих панорамность изображаемому, у Джеймса – одна, и та не закончена.

Исследователи до сих пор обсуждают проблему финала романа «Женский портрет». В недавней статье Дж. Мерфита «Оазис ужаса: утверждение аффекта в романе „Женский портрет“» критик задается вопросом, почему Изабелла вышла замуж за Гилберта Осмонда и «почему она после похорон своего кузена Ральфа приняла решение возвратиться в Рим» [Murphet 2019]. Сам Джеймс писал в «Записных книжках»: «Несомненно, меня будут упрекать в том, что роман не окончен, что я не проследил путь героини в данной ситуации до конца, оставил ее enl'air. Это верно и неверно. Все о предмете невозможно рассказать, можно охватить только то, что группируется вместе» [Matthiessen, Murdock 1947: 18].

А. Кеттл считал, что «Изабелла сознательно отвергла жизнь (в лице Каспара Гудвуда), предпочитая смерть (существование в Риме), что она избирает своим уделом долг и покорность своей судьбе» [Кеттл 1966: 249]. Однако возможна иная трактовка финала: американская подруга Изабеллы журналистка Генриэтта Стакпол видя, что она несчастна, уговаривает ее оставить мужа. Но Изабелла отвечает, что она вышла замуж за Осмонда в результате свободного выбора: «Я не могу так изменить себе… Не знаю, гордячка ли я, но я не могу предать свою ошибку гласности. Я считаю это неприличным, уж лучше умереть. Надо отвечать за свои поступки. Я взяла его в мужья перед всем светом, была совершенно свободна в своем выборе, сделала это по зрелом размышлении…Нет, так изменить себе невозможно» [Джеймс 1981: 397].

В дни юности и девичества она грешила самовлюбленностью, всегда и во всем считала себя правой, охотно принимала поклонение, представляя себя обладательницей тонкой организации, и даже мечтала «попасть в трудные обстоятельства», чтобы иметь «удовольствие проявить подобающий случаю героизм» [Джеймс 1981: 44]. Ей хотелось «все увидеть, все испытать, все познать» [Джеймс 1981: 44]. Но в авторской ремарке звучит предостережение: «Она слишком мало знала, что такое боль и страдание» [Джеймс 1981: 44]. Ее мечта «жить настоящей жизнью» исполнилась самым трагическим образом: она вышла замуж за жестокого, корыстного, эгоистичного, глубоко непорядочного человека, чья прошлая жизнь, как оказалось, была окутана тайной чуть ли не преступления, если принять во внимание внезапную смерть его первой жены и тайну рождения его дочери Пэнси. Проведенные Изабеллой шесть лет в Европе стали годами воспитания самой жизнью, в которой она столкнулась с добром и злом, ложью и фальшью, милосердием и сочувствием. На наш взгляд, возвращаясь в Рим, она вступает в новый этап своей жизни без страха и сомнений: «верность себе обрела у нее оттенок героизма», поэтому перед ней лежал «прямой, прямой путь» [Джеймс 1981: 479]. Отныне она не станет жить с оглядкой на условности общества. Когда она осознала корыстные интересы Осмонда и мадам Мерль, произошло ее внезапное взросление, она обрела мудрость, духовную независимость и свободу: «Мир никогда еще не казался ей таким огромным; простершись перед ней во все четыре стороны, он обратился в могучий океан, и она плыла по этой бездонной стихии. Она нуждалась в помощи – и помощь обрушилась на нее стремительным потоком» [Джеймс 1981: 478].

Напротив, в романе Уортон помощь Лили пришла слишком поздно. А. Кеттл заметил, что «положительные герои Джеймса с их неуклонным стремлением к возвышенной и утонченной жизни оказываются в полном смысле слишком хорошими для мира сего» [Кеттл 1966: 250]. То же можно сказать и о положительных героях Уортон. Нравственный стоицизм помогает и Изабелле Арчер, и Лили Барт сохранить свое человеческое достоинство наперекор судьбе.

«Обостренное внимание к этической проблематике, к нравственному опыту человека, постижению внутреннего смысла бытия было созвучно и Джеймсу, и Уортон», – замечает автор содержательной отечественной монографии об Уортон [Кизима 2007: 45]. Но в анализе романа М. П. Кизима делает акцент на изображении типических характеров в типических обстоятельствах, главным образом рассматривая социальное положение персонажей, комментируя ведущие эпизоды книги.

И. Н. Тимошенко в недавней статье «Мотив денег и проблема нравственности в романе Эдит Уортон „Дом радости“» выявляет роль денег в качестве определяющего фактора в жизни высшего света Нью-Йорка. Авторы статей в специализированных журналах, посвященных творчеству Генри Джеймса и Эдит Уортон, обращаются к множеству частных вопросов, касающихся романов Джеймса и Уортон: взаимоотношения автора и персонажей в романах, противоречия во взглядах американцев и европейцев, телесный и духовный облик главной героини, образы театра. Однако в последнее время исследователи почти не обращаются к проблеме художественного освоения человеческого сознания, которое принято называть психологизмом.

Усваивая уроки Генри Джеймса, Эдит Уортон применяет и собственные приемы раскрытия душевной жизни персонажей, их психологических коллизий. Излюбленным приемом раскрытия сложной психологической ситуации в романе «В доме веселья» является изображение взаимного непонимания героев, также как и соотношение внутреннего и внешнего планов жизни, психологическое осмысление временной дистанции, причудливые оттенки тональности, взгляд из настоящего в прошлое, не рассказ, а показ (в этом она идет от Джеймса).

Л. Я. Гинзбург отметила, что «литературный психологизм начинается… с несовпадений, с непредвиденности поведения героя» [Гинзбург 1971: 300]. По справедливому суждению В. Е. Хализева, «интенсивное становление и широкое упрочение психологизма в литературе XIX–XX веков имеет глубокие исторические предпосылки. Оно связано с активизацией самосознания человека Нового времени» [Хализев 2004: 198].

Литература

Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – М. : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1971. – 463 с.

Джеймс, Г. Женский портрет : роман / Г. Джеймс ; пер. с англ., сост. М. А. Шерешевской. – М. : Наука, 1981. – 599 с.

Джеймс, Г. Искусство прозы / Г. Джеймс // Писатели США о литературе : в 2 томах. Том 1. – М. : Прогресс, 1982.

Джеймс, Г. Повести и рассказы / Г. Джеймс ; пер. с англ., сост. и вступ. статья А. Зверева ; комм. Н. Рак. – Л. : Худож. лит, 1983. – 688 с.

Предисловие к роману «Женский портрет» в нью-йоркском издании 1907–1909 // Генри Джеймс: «Женский портрет». – М. : Наука, 1981.

Затонский, Д. В. Линии и лики. Европейский реализм XIX века / Д. В. Затонский. – Киев : Наук. думка, 1984. – 279 с.

Зверев, А. М. Эдит Уортон / А. М. Зверев // Уортон Э. Итан Фром: Повесть, рассказы / пер. с англ. И. Комаровой, Л. Поляковой, И. Рахмановой, М. Шерешевской. – СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2012.

Кеттл, А. Введение в историю английского романа / А. Кеттл ; пер. с англ., предисл. В. Ивашевой ; примеч. В. Скороденко. – М. : Прогресс, 1966. – 446 с.

Кизима, М. П. Женщина на пороге XX века: жизнь и творчество Эдит Уортон / М. П. Кизима. – М. : МГИМО-Университет, 2007. – 239 с.

Тимошенко, И. Н. Мотив денег и проблема нравственности в романе Эдит Уортон «Дом радости» / И. Н. Тимошенко // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – № 2 (68). – С. 86–88.

Уортон, Э. В доме веселья : роман / Э. Уортон ; пер. с англ. Е. Калявиной. – СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2015. – 488 с.

Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2004. – 405 с.

Commander, C. L. Tragedy in the House of Mirth: The Decline of Lily Bart / C. L. Commander. – Text: electro – nic // University of Tennessee Honors Thesis Projects. – University of Tennessee, Knoxville, 2008. – URL: https://trace.tennessee.edu/utk_chanhonoproj/1165 (mode of access: 01.02.2021).

Copland, S. House-Minds and Houses of Fiction: Pedagogy and Author-Character-Reader Relations in The Portrait of a Lady Preface-Text Pairing / S. Copland // *The Henry James Review. – 2019. – Issue 40,* History. – P. 45–62.

Gorra, M. The Portrait of Miss Bart / M. Gorra. – Text: electronic // The New York Review of Books. – New York, 2015. – URL: www.nybooks.com/daily/2015/05/01/house-of-mirth-portrait-miss-bart (mode of access: 01.02.2021).

James, H. The Letters of Henry James / H. James; edited by P. Lubbock. – N. Y.: Scribner's, 1920. Vol. 1.

James, H. The Notebooks of Henry James / H. James; edited by F. O. Matthiessen, K. B. Murdock. – New York: Oxford University Press, 1947. – 425 p.

Meyers, J. Introduction / J. Meyers // The House of Mirth. A Novel by Edith Wharton. – N. Y.: Barnes & Noble, 2004.

Murphet, J. An Oasis of Horror: Affirming the Affect of The Portrait of a Lady / J. Murphet // *The Henry James Review*. Issue 40, Emotion, Feeling, Sentiment in James. – Fall 2019. – P. 194–203.

Pippin, R. B. Henry James and Modern Moral Life / R. B. Pippin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 193 p.

Weisbuch, R. Henry James and the Idea of Evil / The Cambridge Companion to Henry James / R. Weisbuch; edited by J. Friedman. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

References

Commander, C. L. (2008). Tragedy in the House of Mirth: The Decline of Lily Bart. In *University of Tennessee Honors Thesis Projects*. University of Tennessee, Knoxville. URL: https://trace.tennessee.edu/utk_chanhonoproj/1165 (mode of access: 01.02.2021).

Copland, S. (2019). House-Minds and Houses of Fiction: Pedagogy and Author-Character-Reader Relations in The Portrait of a Lady Preface-Text Pairing. In *The Henry James Review*. Issue 40, History. Fall, pp. 45–62.

Ginzburg, L. Yu. (1971). *O psikhologicheskoi proze* [On Psychological Prose]. Moscow, Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie. 463 p.

Gorra, M. (2015). The Portrait of Miss Bart. In *The New York Review of Books*. New York. May 1. URL: www.nybooks.com/daily/2015/05/01/house-of-mirth-portrait-miss-bart (mode of access: 01.02.2021).

James, G. (1981). *Zhenskii portret: roman* [The Portrait of a Lady: a novel]. Moscow, Nauka. 599 p.

James, G. (1982). Iskusstvo prozy [The Art of Fiction]. In *Pisateli SShA o literature*, in 2 vols. Vol. 1. Moscow, Progress.

James, G. (1983). *Povesti i rasskazy* [Novellas and Short Stories] / transl. by A. Zverev;. Leningrad, Khudozhestvennay literatura. 688 p.

James, H. (1920). *The Letters of Henry James* / edited by P. Lubbock. N. Y., Scribner's. Vol. 1. 441 p.

James, H. (1947). *The Notebooks of Henry James* / edited by F. O. Matthiessen, K. B.. Murdock. New York, Oxford University Press. 425 p.

Kettl, A. (1966). *Vvedenie v istoriyu angliiskogo romana* [Introduction to the History of the English Novel] / transl. by V. Ivasheva, notes by V. Skorodenko. Moscow, Progress. 446 p.

Khalizev, V. E. (2004). *Teoriya literatury* [The Theory of Literature]. 4th edition. Moscow, Vysshaya shkola. 405 p.

Kizima, M. P. (2007). *Zhenshchina na poroge XX veka: zhizn'I tvorchestvo Edit Uorton* [Woman in the Turn of the XXth Century: Life and Work of Edith Wharton]. Moscow, MGIMO-Universitet. 239 p.

Meyers, J. (2004). Introduction. In *The House of Mirth. A Novel by Edith Wharton*. N. Y., Barnes & Noble.

Murphet, J. (2019). An Oasis of Horror: Affirming the Affect of "The Portrait of a Lady". In *The Henry James Review*. Issue 40, Emotion, Feeling, Sentiment in James. Fall, pp. 194–203.

Pippin, R. B. (2000). *Henry James and Modern Moral Life*. Cambridge, Cambridge University Press. 193 p.

Predislovie k romanu «Zhenskii portret» v n'yu-iorkskom izdanii 1907–1909 [Preface to the New York edition of "The Portrait of a Lady"]. (1981). In Genri Dzheims: «Zhenskii portret». Moscow, Nauka.

Timoshenko, I. N. (2018). Motiv deneg i problema nravstvennosti v romane Edit Uorton «Dom radosti» [The Money Motive and the Problem of Morality in Edith Wharton's Novel "The House of Mirth"]. In *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal]. No. 2 (68), pp. 86–88.

Weisbuch, R. (1998). *Henry James and the Idea of Evil / The Cambridge Companion to Henry James* / edited by J. Friedman. Cambridge, Cambridge University Press. 256 p.

Wharton, E. (2015). *V dome vesel'ya: roman* [The House of Mirth: a Novel] / transl. by E. Kalyavina. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. 488 p.

Zatonsky, D. V. (1984). *Linii i liki. Evropeiskii realizm XIX veka* [Lines and Faces. European Realism of the 19th Century]. Kiev, Nauka dumka. 279 p.

Zverev, A. M. (2012). Edit Uorton [Edith Wharton]. In Wharton, E. *Itan From: Povest', rasskazy* [Ethan Frome: a novella and short stories] / transl. by I. Komarova, L. Polyakova, I. Rahmanova, M. Shereshevska. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus.

Данные об авторе

Селитрина Тамара Львовна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германского языкознания и зарубежной литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Россия).

Адрес: 450000, Россия, Респ. Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской Революции, 3А.

E-mail: selitrina@yandex.ru.

Author's information

Selitrina Tamara L'vovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Romance-Germanic Studies and Foreign Literature, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russia).

УДК 821.111-31(Остин Ф.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-21.
ББК Ш33(4Вел)64-8,444. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03

РЕЦЕПЦИЯ «МИФА О БРОНТЕ» В РОМАНЕ ФИНОЛЫ ОСТИН «BRONTË'S MISTRESS»

Илунина А. А.
Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова (Воронеж, Россия)
ORCID ID: http//orcid.org/0000-0002-3871-7555

Аннотация. Целью данной работы было проанализировать, как в романе современной британо-американской писательницы Финолы Остин «Brontë's Mistress», посредством обращения к категории интертекстуальности, реализуется новое, близкое к феминистическому, прочтение истории семейства Бронте и его «злого гения» Лидии Робинсон. Актуальность исследования продиктована востребованностью «мифа о Бронте» в английской и мировой культуре, а новизна – малой степенью изученности опыта его рецепции современной британской литературой в отечественном литературоведении. Сделаны выводы, что на основе диалога с беллетризированной биографией Элизабет Гаскелл, романами Энн Бронте «Агнес Грей», «Незнакомка из Уайлдфелл-холла», Шарлотты Бронте «Джен Эйр», «Городок», Эмили Бронте «Грозовой перевал» Финола Остин ставит и решает в близком к феминистскому ключе вопросы, связанные с темами семьи, брака, женской сексуальности, роли женщины в викторианском и современном обществе. Роман Ф. Остин представляет собой «рукопись», которая, якобы, была найдена в наше время в поместье Торп Грин Холл, написанную от лица «той самой» Лидии Робинсон. Таким образом, тот, кто ранее был только объектом повествования, обретает субъектность и голос. «Падшая женщина» в романе Остин не получает традиционного наказания от общества, мироздания или иной высшей силы за свои «грехи», писательница реабилитирует ее право если не на счастье, то на спокойствие, актуализируя, тем самым, современную европейскую гендерную повестку. Рассмотрена роль в романе параллелей с романами Дж. Остен «Гордость и предубеждение» и «Леди Сьюзен». Для решения задач исследования были применены культурно-исторический и сравнительный методы литературоведческого анализа. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества Ф. Остин, репрезентации «мифа о Бронте» в современной британской и мировой литературе, в том числе массовой.

Ключевые слова: британская литература; британские писательницы; интертекстуальность; неовикторианские романы; феминизм; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы.

"THE BRONTË MYTH" RECEPTION IN "BRONTË'S MISTRESS" BY FINOLA AUSTIN

Anna A. Ilunina
Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov (Voronezh, Russia)
ORCID ID: http//orcid.org/0000-0002-3871-7555

Abstract. The article is aimed to analyze how the novel of the contemporary British-American writer Finola Austin "Brontë's Mistress", through the category of intertextuality, implements a new, close to feminist, reading of the history of the Brontë's family and its "evil genius" Lydia Robinson. The urgency of the study is stimulated by the demand for "the Brontë myth" to be described in English-speaking and world culture, and the novelty is due to the low level of investigation of its reception by contemporary British literature in Russia literary studies. It is concluded that based on the dialogue with the fictionalized biography of Elizabeth Gaskell, the novels of Anne Brontë "Agnes Gray", "Tenant of Wildfell Hall", Charlotte Brontë "Jane Eyre", "Villette" and Emily Brontë "Wuthering Heights", Finola Austin poses and solves in a close to feminist way issues related to the themes of family, marriage, female sexuality, the role of women in Victorian and modern society. The novel by Finola Austin is a "manuscript" that was allegedly found in our time at the Thorp Green Hall estate, written as if by "that very" Lydia Robinson. Thus, the person who ones was only the object of the narrative acquires a subjectivity and a voice. The "fallen woman" in Austen's novel does not receive the traditional punishment from society, the universe or any other higher power for her "sins"; the writer rehabilitates her right, if not to happiness, then to peace, thereby

© А. Илунина, 2021

actualizing the modern European gender paradigm. The article considers the role of parallels in the novel with the novels of Jane Austen's "Pride and Prejudice" and "Lady Susan". Cultural-historical and comparative methods of literary analysis are used to solve the problems of the study. The results of the research can be used for further study of Finola Austin's creative work and the representations of the "the Brontë myth" in modern British and world literature, including mass literature.

Keywords: British literature; British women-writers; intertextuality; new neo-Victorian novels; feminism; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary characters.

Для цитирования: Илунина, А. А. Рецепция «мифа о Бронте» в романе Финолы Остин «Brontë's Mistress» / А. А. Илунина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 253–263. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-21.

For citation: Ilunina, A. A. (2021). "The Brontë Myth" Reception in "«Brontë's Mistress"» by Finola Austin. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 253–263. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-21.

У английского слова «mistress» есть два значения: «хозяйка» и «любовница». Вероятно, оба они должны при приходить в голову читателю при знакомстве с дебютным романом молодой британо-американской писательницы Финолы Остин (Finola Austin) «Brontë's Mistress» (2020). Однако под фамилией Бронте тут скрывается не одна из ставших всемирно известными британских писательниц, а, пожалуй, самый загадочный член этой знаменитой семьи, единственный брат Шарлотты, Эмили и Энн, Патрик Брэнвелл Бронте (Patrick Branwell Brontë) (1817–1848).

С детства бывший любимцем отца, возлагавшего на него, как и все члены семейства, большие надежды, Бренвэлл, к сожалению, не смог их оправдать. Реализовать имевшиеся у него неплохие задатки художника, поэта, сочинителя ему помешала, вероятно, слабость характера и растущее пристрастие к алкоголю и опиуму. В 1835 г. Брэнвелл, по некоторым сведениям, пытался поступить в Королевскую Академию Искусств, но прокутил все имевшиеся у него деньги, а, возможно, просто отступил, осознав свою неготовность к учебе в таком престижном заведении [Neufeildt 2020]. Работа частным учителем тяготила его, службу клерком на железной дороге пришлось покинуть из-за халатности и растраты. В 1843 г. Брэнвелл поступил в Торп Грин Холл, усадьбу Робинсонов, где с 1840 г. уже работала гувернанткой его сестра Энн, в качестве учителя [Barnal, Barnal 2013]. Пятилетний опыт службы там, по мнению всех исследователей, лег в основу романа Энн Бронте «Агнес Грей» («Agnes Grey») (1847); члены семьи Робинсонов стали прототипами Мэрреев. Супруга Робинсона Лидия, мать пятерых детей, была почти на двадцать лет старше Брэнвелла [A portrait of Lydia Robinson 1981], однако, в письмах друзьям он постоянно упоминал о своем увлечении ею. Доподлинно неизвестно, насколько сама Лидия разделяла его чувства.

В июле 1945 г Брэнвелл получил отставку. Причины увольнения остались для потомков если не неизвестными, то полностью не доказанными. Возможно, они были как-то связаны с увлечением Брэнвелла супругой хозяина. После вскоре последовавшей смерти мистера Робинсона его вдова, якобы, дала Брэнвеллу понять, что не планирует соединять с ним свою судьбу, и вскоре вышла замуж за Лорда Эдварда Скотта [Gaskell 1998]. Вместе с тем, миссис Робинсон, по некоторым сведениям, долгое время присылала Брэнвеллу небольшие денежные суммы, возможно, из жалости, возможно, чтобы предотвратить шантаж с его стороны. Последние годы жизни Брэнвелл провел в доме отца, в Хауорте. Судя по письмам сестер Брэнвелла, его алкоголизм, прогрессирующая наркотическая зависимость, многочисленные долги, постоянные требования денег, угрозы отцу самоубийством и убийством в случае отказа, неконтролируемое поведение стали мучением для его семьи [Dinsdale 2006: 38–43; Barker 2016]. В сентябре 1848 г. Брэнвелл скончался, вероятнее всего, от туберкулеза, отягощенного алкогольной и наркотической зависимостью. Его сестра Эмили, предположительно, простыла на его похоронах и умерла от туберкулеза в декабре того же года, а сестра Энн – в мае следующего. Шарлотта Бронте скончалась в 1855 г. [Waugh 2018]. Некоторые исследователи связывают ее смерть также с прогрессировавшим туберкулезом внутренних органов [Helm 2002].

По мере того, как формировался миф о Бронте, образ миссис Робинсон, работодательницы Брэнвелла, стал приобретать черты некого злого гения семьи Бронте. Начало этому положила биография Шарлотты Бронте, вышедшая из-под пера Элизабет Гаскелл (Elizabeth Gaskell) (1810-1865) всего через пару лет после смерти автора «Джен Эйр». Гаскелл не указала имени Лидии в своей биографии, однако, оно было настолько очевидно, что даже велось дело о судебном иске.

«*Branwell … took the fancy of a married woman <…> She was so bold and hardened, that she did it in the very presence of her children, fast approaching to maturity; <…> He was so beguiled by this mature and wicked woman,<…> he shocked and distressed those loving sisters inexpressibly; the blind father sat stunned, sorely tempted to curse the profligate woman, who had tempted his boy – his only son – into the deep disgrace of deadly crime. <…> The day of Charlotte's return, he had received a letter from Mr., – sternly dismissing him <…> All the disgraceful details came out <…> he began his career as an habitual drunkard to drown remorse. <…> the man became the victim <…> The woman – to think of her father's pious name – the blood of honourable families mixed In her veins – her early home, underneath whose roof-tree sat those whose names are held saintlike for their good deeds, – she goes flaunting about to this day in respectable society; a showy woman for her age; kept afloat by her reputed wealth. <…> wretched woman, who not only survives, but passes about in the gay circles of London society, as a vivacious, well-dressed, flourishing widow. <…> the misery she caused to innocent victims, whose premature deaths may, in part) be laid at her door*» [Gaskell 1998]. «Брэнвелл … понравился замужней женщине <…> эта дама была настолько смела и самоуверенна, что действовала на виду у своих детей, уже почти взрослых; <…> Брэнвелл был околдован этой зрелой и порочной женщиной, <…> это ужаснуло его любящих сестер; слепой отец был ошеломлен и горько проклинал развратную женщину, которая соблазнила и увела на путь смертного греха его мальчика, его единственного сына. <…> В день возвращения Шарлотты он получил письмо от мистера ***. В резких выражениях мистер *** сообщил, что <…> увольняет его. Все позорные подробности вышли наружу <…> Чтобы заглушить угрызения совести, Брэнвелл пристрастился к спиртному. <…> Жертвой оказался мужчина. <…> Что касается женщины, то тут надо вспомнить, что ее отцом был весьма благочестивый человек, что в ее венах смешалась кровь нескольких благородных родов. В доме, где прошло ее детство и юность, собирались те деятели нашей истории, чьи имена чтут до сих пор, подобно именам святых, за их добрые дела. Эта женщина продолжает вращаться в самом респектабельном обществе; она прекрасно выглядит для своих лет и пользуется всеобщим вниманием, благодаря своему немалому богатству. <…> слышала я о ней и в лондонских гостиных <…> жизнерадостная, всегда прекрасно одетая, цветущая вдовушка <…> Давайте же почитаем <…> о несчастьях, которые она причинила невинным жертвам, чьи преждевременные смерти имели отчасти причиной и ее поступки» [Гаскелл 2015].

Обвинения в адрес миссис Робинсон были сознательным решением Э. Гаскелл, которая писала в письме в октябре 1856 г. «*I have <…> to libel – Lady Scott (that bad woman who corrupted Branwell Bronte*» (Цит. по [Barnal, Barnal 2013]) (Я хочу пригвоздить Леди Скотт (ту недобрую женщина, которая развратила Брэнвелла Бронте) (*здесь и далее перевод мой – И. А.*).

Большинство биографов Бронте и по сей день в общих чертах придерживаются версии, изложенной в «Жизни Шарлотты Бронте» Э. Гаскелл. Миссис Робинсон – это имя в англо-саксонской культуре стало нарицательным для обозначения женщины средних лет, которая соблазняет молодого человека. В фильме «Выпускник» (1967) любовницу главного героя Бена Брэддока в исполнении Дастина Хоффана зовут миссис Робинсон. Песня из саундтрека к фильму в исполнении дуэта Саймона и Гарфункеля «Миссис Робинсон» имела ошеломительный успех и достигла первых строчек национальных чартов. Оставаясь по сей день одной из самых известных оригинальных песен-саундтреков, она исполняется, например, в сцене соблазнения «мамой Стифлера» одного из героев кинофильма «Американский пирог» (1999); в «Форесте Гампе» (1994); «Новом парне моей мамы» (2008).

«Миф о Бронте» чрезвычайно востребован в англо-саксонской и мировой культуре, однако, опыт его рецепции в современной британской литературе пока недостаточно

изучен в отечественном литературоведении. Целью нашей статьи было проанализировать, как в «Brontë's Mistress» Финолы Остин, посредством обращения к категории интертекстуальности, реализуется новое прочтение истории семейства Бронте и его «злого гения» Лидии Робинсон. Для решения задач исследования были применены культурно-исторический и сравнительный методы литературоведческого анализа.

Автор романа «Brontë's Mistress» – страстная поклонница и исследовательница викторианства. Отец Ф. Остин был ирландцем (так же, как у сестер Бронте). Родившись в Англии, детство она провела в Северной Ирландии. Закончив методистский колледж в Белфасте, Остин вернулась в Англию и получила степень бакалавра, а потом и магистра по английской литературе в Оксфорде. Именно тогда началось ее увлечение викторианством. Магистерская диссертация Остин была посвящена творчеству авторов сенсационных романов Мэри Элизабет Брэддон и Уилки Коллинза. Позднее будущая писательница создала блог «The Secret Victorianist», посвященный литературе и культуре XIX в., который был удостоен нескольких почетных наград в своей области.

Задумку своего романа Ф. Остин объяснила тем, что «dedicated my book to 'the women who didn't write novels' – that is to voices we haven't heard from history; the women who've been forgotten, or, like Lydia, maligned and misjudged [Austin Lydia 2020] (посвятила свою книгу «женщинам, которые не писали романов» – чтобы дать голос тем, кто не слышен в истории; женщинам, которые забыты, или, как Лидия, оклеветаны и осуждены). Таким образом, тот, кто ранее был только объектом повествования, обретает субъектность и голос.

Роман Ф. Остин представляет собой «рукопись», которая, якобы, была найдена в наше время в поместье Торп Грин Холл, написанную от лица «той самой» Лидии Робинсон. История, «поведанная» ей, – это рассказ о жизни тех женщин, чьи тщеславие, спесь и ветреность, наблюдая со стороны, осуждали скромные гувернантки из романов Энн («Агнес Грей») и Шарлотты Бронте («Джен Эйр» («Jane Eyre») (1847), «Городок» («Villette») (1853)), но на чьем месте, возможно, и, не отдавая себе отчета, так мечтали оказаться. Лидии Робинсон далеко до старости, она замужем, у нее четверо детей, ее супруг еще молод и у него есть деньги и положение в обществе. Однако «*Hadn't Blanche Ingram suffered too? Or the first wife, the one Mr. Rochester had cast aside? Readers were so quick to lap up the sorrows of moping governesses when that was only one side of the story*» (Разве Бланш Ингрем также не страдала? (Или первая жена, которую Мистер Рочестер заточил на чердаке? Зрители торопятся посочувствовать горестям унылой гувернантки, тогда как это лишь одна из сторон истории) [Austin 2020: 27]. Приезду молодого учителя Брэнвелла в Торп Грин Холл предшествует череда печальных событий в жизни миссис Робинсон: смерть ее матери и младшей, горячо любимой дочери Джорджианы. Горе никак не помогает пережить ни холодность и отстраненность мужа Эдмунда, ни педантичность строгой свекрови, следящей за каждым ее шагом. Появление Брэнвелла с его любовью к поэзии, музыке, романтической пылкостью вносит свежую струю в ее устоявшуюся жизнь.

Ф. Остин предлагает взгляд на историю из XXI в., когда представления о поведении и роли женщины в обществе и семье и о женской сексуальности значительно изменились. Еще в середине XX в. ставшая впоследствии культовой фигурой феминизма Симона де Бовуар (Simone de Beauvoir) (1908-1986) в книге «Второй пол» («Le Deuxième Sexe») (1949) [Бовуар 1997] на основе анализа западной культуры, начиная с античности, сделала вывод, что «общество конституирует маскулинность как позитивную культурную норму, а фемин-ность – как отклонение от нормы» [Воронина 2019: 7]. «Гендерная асимметрия, поставив мужчину в центр, в положение абсолюта, вывела женщин на маргинесс» [Власова 2013]; отсутствие равноправия на экономическом, политическом, семейном уровнях помещало женщину и в сознании мужчины, и в ее собственном в позицию Другого. «*This was their world, not mine. And in their world, I could only ever be on the peripheries, setting the stage and ornamenting the room, before slipping away like a servant or a shadow*» [Austin 2020: 25] (Это был их мир, не мой. И в их мире я могла быть только на периферии, как декорация и украшение ком-

наты, чтобы потом ускользнуть, подобно слуге или тени), – говорит героиня романа Ф. Остин. Викторианство видело в женщине тень мужчины, «ангела в доме» (образ из поэмы Ковентри Пэтмора (Coventry Patmore) «The Angel in the House» (1854)), в противном случае, отвергало ее и отказывалось принимать, «любое отклонение воспринималось как признак «болезненности» [Аникудимова 2018: 163]. Как известно, только женская измена, в отличие от мужской, могла стать причиной развода. Согласно «Акту об опеке над детьми» (The Custody of Infants Act), женщины в Англии в 1839 г. впервые получили право на опеку над детьми до достижения ими семи лет, но это не касалось тех случаев, когда матери были уличены в прелюбодеянии.

На основе диалога с романами Энн Бронте, Шарлотты Бронте, Джейн Остен, беллетризированной биографией Э. Гаскелл Ф. Остин исследует «изнанку» и скрытую реальность викторианского брака.

Оба законных мужа Лидии в романе достаточно холодны к ней и чопорны в проявлении своих чувств в интимной сфере. Стремление Лидии к интимности мужья считают проявлением истерии и советуют ей обратиться к врачу за успокоительным. «*Lydia, you are acting like a whore <…> Lie still*» (Лидия, ты ведешь себя как шлюха. <…> Лежи спокойно) [Austin 2020: 27], – говорит ей сэр Эдвард. Здесь Ф. Остин обращается к знаменитой фразе, описывающей нормы поведения приличной викторианской жены среднего класса («Лежи и терпи» («Suffer and be Still»)) [Vicinus 1973]. Но и Брэнвелл больше погружен в собственные романтичные мечты об идеальной даме своего сердца, чем живет в реальности. Ф. Остин вкладывает в его уста цитаты из романа «Грозовой перевал» («Wuthering Heights») (1847) Э. Бронте, заставляет его произносить монологи о телепатическом общении любящих душ, отсылающие к эпизоду, где Джен Эйр слышит зов мистера Рочестера через пространство. Оправдания Брэнвелла сестрами («*You have corrupted a soul too gentle for this world and unsuited to its harshness*» [Austin 2020: 16] (Вы развратили душу слишком нежную для этого мира и не готовую к его грубости) и даже мужем миссис Робинсон («„Mr. Brontë seduce you?" Edmund laughed. "I should think it's the other way around. The boy is a painter, a poet, an innocent"» [Austin 2020: 13]. («Мистер Бронте соблазнил тебя?» – Эдмунд рассмеялся. – «Я думаю, наоборот. Невинный мальчик, художник, поэт») более практичная Лидия отвергает: «*Gentle? Branwell as I had seen him on that Easter night more than two years ago flashed before me, his eyes roving independently of each other, vomit on his shirt, the discarded bottles rolling across his bedroom floor*» [Austin 2020: 16] (Нежный? Перед глазами промелькнуло то, каким я видела Брэнвелла более двух лет назад, пасхальным вечером, с дикими глазами, следами рвоты на рубашке, пустыми бутылками, разбросанными по всей комнате). Впоследствии Лидия понимает, что ответить на ухаживания Брэнвелла ее подтолкнуло равнодушие мужа и стремление доказать ему свою привлекательность и вернуть его расположение, а известие о неизлечимой болезни последнего повергло ее в шок. Несколько месяцев миссис Робинсон проводит у постели умирающего супруга, заботясь о нем. «*Branwell had loved only the dream of me, had made the same mistakes I had years – decades – before, when I hadn't seen Edmund so much for who he was but for who I wished him to be. And I'd loved Branwell for a time only for what he gave me, not for who he was*» [Austin 2020: 25] (Брэнвелл любил мечту обо мне, он совершил те же ошибки, что и я, десятилетиями ранее, когда я видела в Эдмунде того, кем он не был, и каким я только хотела его видеть. Я когда-то любила Брэнвелла только за то, что он мне давал, а не за то, каким он был), – рассуждает Лидия. Но в мире мужчин только мужчина имеет право на ошибку (она и ошибкой не считается), женщине она не прощается.

В викторианскую эпоху с момента выхода замуж женщина теряла гражданскую правоспособность. Только в 1880-х гг. замужние женщины получили право на управление собственностью, полученной до и после заключения брака, до этого момента всем их имуществом, в том числе доставшимся от родителей, управлял муж. Вдова также не могла претендовать на наследство покойного, пока оставался в живых хотя бы один родственник мужского пола; опекуном несовершеннолетних детей могла быть назначена в завещании не мать, а любой другой человек, что часто ставило вдову в угнетенное и зависимое по-

ложение. Положение незамужних женщин в чем-то даже было выгоднее, учитывая все вышесказанное, а также высокую смертность матерей при родах и в результате осложнений беременности, однако, в реальности оно, в основном, зависело от воли родственников мужского пола. «Старые девы» вынуждены были во всем подчиняться правилам дома, в котором жили, быть компаньонками пожилых родственниц или помогать в воспитании детей сестер, статус их в обществе был крайне низким (см. [Canot 2013: 10–14]).

В книге Ф. Остин после смерти мужа Лидия осознает, что он не только был черств с ней при жизни, что отчасти подтолкнуло ее к измене, но и оставил ее и детей практически без средств к существованию: «*My husband had a shallow pool of love. After that was spent, he passed his life locked away from us, and now he has left us with next to nothing. He failed us. Yes. And I had never known it. I had thought him perfect. For, after all, how was I to know that he was as poor a husband as I was a wife?*» [Austin 2020: 21] (Источник любви моего мужа был неглубок. Когда он иссяк, Эдмунд закрылся от нас, а теперь покинул нас, не оставив практически ничего. Он нас подвел. Да. Но я этого не знала. Я считала его совершенным. Откуда я могла знать, что он такой же плохой муж, как я – жена?).

Опекуном сына Лидии по завещанию был назначен шурин мужа. «*It is no more your home than it is mine. It was your husband's home. After that, it was my husband's. And now it is my son's*» [Austin 2020: 21] (Это больше не ваш дом, и не мой. Это был дом вашего мужа. Потом моего. Теперь это дом моего сына), – говорит она своей свекрови. Лидия вынуждена была переехать в особняк семейства своей родной сестры. Тяжелая атмосфера в чужом доме, где ей и ее дочерям была предназначена роль приживалок, заставила ее стать хозяйкой своей судьбы.

Стремление к удачному замужеству, ставшее объектом насмешек в викторианской литературе (так, в романе «Агнес Грей» «хозяйка дома, миссис Мэррей, озабочена не воспитанием дочерей, а возможностью их удачного замужества» [Полякова 2011: 152]), было продиктовано не только тщеславием: благополучный брак был практически единственной возможностью для женщины сохранить или улучшить свое социальное и материальное положение и заслужить уважение общества, «не стать бесполезной обузой для своих родственников» [Canot 2013: 13]. В отличие от простолюдинок, дамы среднего и высшего класса не работали вне дома; девушки, вынужденные трудиться гувернантками, были объектом жалости.

Рассказывая о судьбах дочерей Лидии, Ф. Остин цитирует частую для романов викторианства тему выбора спутника жизни, показывая более реалистичную ее трактовку, когда молодая девушка принимает решение, исходя из очень ограниченного круга возможностей и скудных представлений как о своем будущем муже, так и о браке. Из-за имущественных и сословных предрассудков, сложной системы запретов на брак среди некровных родственников замужество было нелегким делом для девушки среднего класса и ее родителей, особенно при отсутствии или незначительности приданого. «*I had raised her and her sisters as I had been raised myself: as prize pigs, on a diet of worthless promises and useless talents. And now I scolded her for going willingly to the slaughter*» (Я вырастила ее и ее сестер, как когда-то воспитывали меня: как призовых свиней, на диете из бессмысленных обещаний и ненужных талантов. А теперь я винила ее в том, что она безмолвно идет на заклание) [Austin 2020: 26], – размышляет миссис Робинсон, когда узнает, что ее младшая дочь Мэри, повинуясь выбору своего дяди, скоро выйдет замуж. Так же, как у героини «Агнес Грей» Розалии Мэррей, замужество старшей дочери Робинсонов Лидии в «Brontë's Mistress» закончилось разочарованием, только в романе Ф. Остин она не вышла замуж за богатого дворянина, а тайно сочеталась браком с молодым бедным актером. Романтический брак «по любви» не сделал ее счастливой, она вынуждена постоянно писать матери слезные письма с просьбой выслать им денег. Впрочем, и викторианство настороженно относилось к бракам по страстной любви, ратуя за создание семьи, прежде всего, на основе духовного родства и уважения супругов. Сцена приезда дочери Лидии в родной дом после скороспелого замужества; восхищение миссис Робинсон масштабами угодий при въезде в поместье Лорда Эдварда Скотта; описание озабочен-

ности провинциальных мамочек желанием «сбыть с рук» своих дочек отсылают к роману Дж. Остен (1775–1817) «Гордость и предубеждение» (1813). «Вопросы брака, касающиеся <…> ответственности в выборе спутника или спутницы, которые несут родители и сами молодые люди, – одна из главных тем в „Гордости и предубеждении"» [Коваленко, Бехер, Золотухина 2012: 174] Дж. Остен и во всем ее творчестве. Ратуя за свободу выбора в семейной жизни, Ф. Остин акцентирует внимание на социальных мотивах, которые стоят за поведением героев, и сложных последствиях их решения, когда в «некнижной» реальности мистер Дарси не просил бы второй раз руки Элизабет, а если бы и сделал это, то вряд ли поменялся бы внутренне, а отвергнутое предложение мистера Коллинза могло оказаться единственным в жизни девушки. В то же время желание женщины не только быть хозяйкой дома и матерью, но и быть любимой и сексуально удовлетворенной в браке в XXI в. уже не рассматривается как внутренне потенциально порочное и требующее порицания.

В романе «Brontë's Mistress» прослеживаются параллели в сюжете и характерах с ранним эпистолярным романом Дж. Остен «Леди Сьюзен» («Lady Susan») (1805) о ловкой вдове-авантюристке, манипулировавшей дочерью и с помощью интриг восстановившей свою порушенную репутацию. Произведение Остен своей тематикой и жанром скорее отсылает к литературе XVIII в. («Опасные связи» («Les Liaisons dangerousness») (1782) Шодерло де Лакло (Choderlos de Laclos) (1741–1803)), чем к этике предвикторианства и викторианства, и, хотя пафос нравственного возмездия в нем значительно снижен, по сравнению с более поздними романами писательницы (Мария Бертрам в «Менсфилд Парке» («Mansfield Park») (1814)), все равно книга имеет тенденцию к морализаторству. Характер миссис Робинсон в романе Ф. Остин написан далеко не такими зловещими красками, как образ Леди Сьюзен в романе Дж. Остен, в частности, в отличие от последней, она любит своих детей и излишне критичное и колкое описание их в романе Энн Бронте «Агнес Грей» ее ранит. «*Since when I'd read and reread her rendition incessantly, smarting at the injustice of it*» [Austin 2020: 27] (С того момента я буду читать и перечитывать ее трактовку нашей жизни, мучаясь от ее несправедливости).

В романе также поднимается тема двоеженства: супруга Лорда Эдварда Скотта, будущего второго мужа Лидии, несколько лет перед своей смертью была прикована к постели в своей комнате «на чердаке». Строя повествование на явных параллелях с «Джен Эйр», Ф. Остин показывает, что ситуация двоеженства при отсутствии возможности получить развод, достаточно типичная для викторианской Англии, была тяжела для всех ее участников. В отличие от Эдварда Рочестера и Джен Эйр в романе Ш. Бронте, Эдвард Скотт и миссис Робинсон не противопоставляют себя Кэтрин, первой жене Эдварда, не демонизируют ее фигуру и ее прошлое. Лидия видит сходство между ними, связанными по воле рока одной судьбой, Кэтрин для нее: «*the ghost of what I <…> one day still could, would be*» [Austin 2020: 26] (призрак того, кем я <…> однажды могу стать, кем я стану).

Определенные части романа Ф. Остин, описывающие ее семейные отношения, перекликаются с эпизодами второго и последнего романа Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-холла» («Tenant of Wildfell Hall») (1848), имевшего феноменальный, но скандальный успех. Это произведение было новаторским с точки зрения описания положения женщины в викторианстве и мужской тирании в семье, в силу чего было неоднозначно воспринято публикой. Негативная реакция Шарлотты Бронте на роман, известная из ее переписки, стала причиной того, что после смерти Энн она воспрепятствовала его дальнейшей публикации. Героиня романа Хелен вопреки воле близких выходит замуж за привлекательного, но легкомысленного Артура Хантингтона, уверенная, что под влиянием ее любви он сможет измениться и побороть свои слабости. Однако этого не происходит, Артур все глубже погружается в пучину пороков. Стремясь защитить себя и своего сына, женщина сбегает от мужа вместе с ребенком и находит тайное убежище в Уайлдфелл-холле. Такое поведение было совершенно неприемлемым с точки зрения викторианской морали, однако, явно вызывало симпатию автора.

В «Незнакомке из Уайлдфелл-холла» грубость, душевная нечуткость супруга в отно-

шении жены, эгоизм связываются со злоупотреблением алкоголем и распущенностью. Эдмунд Робинсон в романе Остин, как и Артур Хантингтон в романе Бронте, не способен понять и разделить горе жены при известии о болезни и смерти ее родственников, ее стремление уехать из дома: «*Он и слышать не пожелал, чтобы я поехала на похороны и осталась бы на день-два скрасить бедному Фредерику его одиночество…Я не смогу расстаться с тобой даже на день!*» [Бронте 2019: 91]. В романе Финолы Остин показывается, что многие подобные проявления были обыденностью поведения мужчины в семье, продиктованной не особенной «моральной деградацией» отдельных индивидов, а общими «правилами поведения» в викторианском браке, поощряемые, в том числе, системой так называемого викариата – женщинами, поддерживающими гендерное неравенство и являющимися его проводниками, в частности, свекровью Лидии: «*„For your husband's family must always come first, Lydia," Elizabeth Robinson continued. Her nails dug into my flesh. „Edmund says you harangue him about visiting your father in Staffordshire or your sister in Derbyshire, and that you'd gad about the North of England unaccompanied if you had your way. And that is no way for a wife, or any woman, to act." „My sister, Mary, writes that my father is ill," I said, as we left the church. I pulled away from her to free my arm and shield my face from the direct sunlight. „I wouldn't wish to go to Yoxall Lodge too late, as I did with Mother." Old Mrs. Robinson nearly took my eye out as she opened her parasol. „And what use would you be, my dear?" <…> „You've never been a natural nurse."*» [Austin 2020: 11] («Семья твоего мужа всегда должна быть на первом месте, Лидия», – продолжила Элизабет Робинсон. Ее ногти впились в мою ладонь. «Эдмунд говорит, что ты хочешь поговорить с ним о том, чтобы навестить своего отца в Стаффордшире или сестру в Дербишире, и одной поехать на север Англии. Это недопустимо для жены и женщины». «Моя сестра Мэри пишет, что отец болен», – сказала я, когда мы вышли из церкви. Я отстранилась от нее, чтобы освободить руку и защитить лицо от прямых солнечных лучей. «Я бы не хотела приехать в Йоксалл-Лодж слишком поздно, как получилось с мамой». Старая миссис Робинсон чуть не выколола мне глаз, открывая свой зонтик. «И что толку от тебя, моя дорогая?» <…> «Ты всегда была некудышной сиделкой»). Образ матери Эдмунда Робинсона отчасти отсылает к образу миссис Маркхем, матери Гилберта. В романах Энн и Шарлотты Бронте «негативные» примеры супружества всегда уравновешиваются «позитивными», в «Brontë's Mistress» Остин ситуация отчуждения в браке и семье практически повсеместна.

Отметим, что в романе Энн Бронте «Хелен, являясь сама образцом морали, высоконравственным человеком, …во всех случаях и ситуациях остается верной высшим идеалам» [Елисеева 2011: 167]. Это отличает ее от «обычной» женщины Лидии, которая совершает ошибки, подвержена слабостям и не способна к явному вызову обществу, опасается переступить грани предначертанного ей ее женской судьбой и социальным положением, ограничиваясь «внутренним бунтом».

«Падшая женщина» – один из тропов европейской литературы XIX в. («Г-жа Бовари» («Madam Bovary») (1856) Гюстава Флобера (Gustave Flaubert) (1821–1880); «Анна Каренина» (1873–1877) Л. Н. Толстого (1828–1910); «Дама с камелиями» («La Dame aux Camelìas») (1848) Александра Дюма (сына) (Alexandre Dumas fils) (1824–1895); «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» («Tess of the d'Urbervilles») (1891), «Джуд Незаметный» («Jude the Obscure») (1896) Томаса Гарди (Thomas Hardy) (1840–1928); «Мельница на Флоссе» («The Mill on the Floss») (1860) Джордж Элиот (George Eliot) (1819–1880); романы Мэри Элизабет Брэддон (Mary Elizabeth Braddon) (1835–1915) и другие). Отношение к «падшей женщине» в литературе обычно было проникнуто гуманистическим пафосом, убежденностью, что, несмотря на свои ошибки и пагубные страсти, она заслуживает снисхождения и милосердия. Однако в конце классического произведения ее обычно ждет смерть, в которой и писатель, и читатель видят искупление ее грехов, как реальных, так и навязанных обществом. Начало ревизии образа «падшей женщины» в историографическом метаромане традиционно связывают с образом Сары Вудрафт из «Женщина французского лейтенанта» («The French Lieutenant's Woman») (1969) Дж. Фаулза (John Fowles) (1926–2005). «Падшая женщина» в романе Ф. Остин не получает традиционного наказания от об-

щества, мироздания или иной высшей силы за свои «грехи», писательница реабилитирует ее право если не на счастье, то на спокойствие, отражая тем самым свою жизненную позицию и актуализируя современную европейскую гендерную повестку.

Портрет Лидии Робинсон, написанный в романе Ф. Остин, далек от идеализации, но исполнен известного обаяния. Как параллель на ум приходит Скарлетт О'Хара из романа М. Митчелл (Margaret Mitchell) (1900-1949) «Унесенные ветром» («Gone with the Wind») (1936), образ которой, если верить самой американской писательнице, был задуман как отрицательный, но стал очень любим и популярен, потому что представления о гендерных ролях менялись. Героинь роднит стойкость характера, способность к выживанию, желание жить полной жизнью и находить выход из ситуации в тех условиях, в которых ей суждено существовать. По мнению писательницы Сири Джеймс, автора книги «Тайные дневники Шарлотты Бронте» (2009), Ф. Остин «осмеливается сделать главную героиню такой же несовершенной, как Леди Сьюзен Джейн Остен или Скарлетт О'Хара – реальной женщиной из плоти и крови, у которой есть желания и страсти и которая не боится их воплотить» [James 2020].

Протест Лидии внутренний, она сама это признает. Минутное желание написать роман она отвергает: «*It was the almost overwhelming desire to write a novel of my own. A story about me. If the Brontë could do it, why shouldn't I? <…> Plain poor and virginal, Charlotte hadn't even sampled half of it – the mewling infants, the cold marriage bed, the years of silence before death. Could I risk a failure, rejection, and indifference? Imbue our tale with dignity? I was not clever enough; I was not good enough; I was not Charlotte*» (Меня посетило почти всеобъемлющее желание самой написать роман. Историю обо мне. Если сестры Бронте смогли, смогу ли я? <…> Невзрачная, бедная, никогда не знавшая мужчины, Шарлотта и половины этого не испытала – хныкающие дети, холодная брачная постель, годы молчания перед смертью. <…> Останет ли у меня сил пережить провал, осуждение и равнодушие? <…> Я была не настолько умна; Я была не настолько хороша: Я была не Шарлотта) [Austin 2020: 27–28]. Лидия винит себя в конформизме, однако, во вселенной романа ее исповедь все-таки была написана, хоть и не опубликована по неизвестным причинам. По справедливому мнению писательницы Молли Грили, «Brontë's Mistress» «дает голос тысячам женщин, которые, как Лидия, существовали в спертой и душной атмосфере» [Greeley 2020] Англии девятнадцатого века.

Таким образом, роман Ф. Остин «Brontë's Mistress» предлагает новое прочтение истории семейства Бронте и его «злого гения» Лидии Робинсон. На основе диалога с беллетризированной биографией Элизабет Гаскелл, романами Энн Бронте, Шарлотты Бронте, Джейн Остен Ф. Остин ставит и решает в близком к феминистскому ключе вопросы, связанные с темами семьи, брака, женской сексуальности, роли женщины в викторианском и современном обществе.

Литература

Аникудимова, Е. Н. Шарлотта Бронте alias Каррер Белл (о функции мужского псевдонима в женской прозе) / Е. Н Аникудимова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2018. – № 3. – С. 162–172.

Бовуар, С. де. Второй пол : в 2 т. / С. Де Бовуар ; пер. с франц. А. Сабашниковой, И. Малаховой, Е. Орловой ; общ. ред. и вступ. статья А. Айвазовой ; коммент. М. Аристовой. – М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя, 1997. – 832 с.

Бронте, Э. Незнакомка из Уайлдфелл-холла / Э. Бронте ; пер с англ. И. Г. Гурова. – М. : Эксмо, 2019. – URL: http://www.bookscafe.net/book/bronte_enn-neznakomka_iz_uayldfell_holla-161265.html (дата обращения: 15.01.2021) – Текст : электронный.

Власова, Т. И. Дихотомия «разум/тело» и образование как проблема феминистской философии / Т. И. Власова. – Текст : электронный // Гендерні досліження: прикладні аспекты : монографія / В. П. Кравец, Т. В. Говорун, О. М. Кікінежди – Тернопіль : Начальна книга ; Богдан, 2013. – URL: http://www.studylib.ru/doc/2078476/vlasova-t.i.-dihotomya-«razum-telo»-i-obrazovanie-kak.

Воронина, О. А. Феминизм «третьей волны» или постфеминизм? / О. А. Воронина // Гендерные отношения в мире глобализации: вызовы и перспективы : материалы международной научно-практической конф. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2019. – С. 7–12.

Гаскелл, Э. Жизнь Шарлотты Бронте / Э. Гаскелл ; пер. с англ. А. Д. Степанова. – М. : Азбука-Аттикус ; Колибри, 2015. – URL: http://www.librebook.me/the_life_of_charlotte_bronte/vol1.html (дата обращения: 15.01.2021) – Текст : электронный.

Елисеева, И. А. Художественное новаторство документального романа «Незнакомка из Уайфелл-холла» / И. А Елисеева // Казанская наука. – 2011. – № 2. – С. 165–167.

Коваленко, Т. И. Восприятие романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение» в современном российском обществе / Т. И. Коваленко, А. В. Бехер, О. Ю. Золотухина // Язык и социальная динамика. – 2012. – № 12–2. – С. 173–-176.

Полякова, Е. А. Проблема автора и проблема модальности в романе Энн Бронте «Агнес Грей» / Е. А. Полякова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.И. Добролюбова. – 2011. – № 15. – С. 150–160.

A portrait of Lydia Robinson. – Text: electronic // Brontë Siociety Transactions. – 1981. – Vol 18, issue 1. – P. 28–29. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1179/030977681796456813? journalCode=ybst19 (mode of access: 15.01.2021). – doi.org/10.1179/030977681796456813.

Austin, F. Brontë's Mistress / F. Austin. – New York: Atria Books, 2020. – 40 p.

Austin, F. Lydia Robinson: the 'wretched woman'who corrupted Branwell Brontë / F. Austin. – Text: electronic // The Irish Times. – Wed. Sep. 23.2020. – URL: https://www.irishtimes.com/culture/books/Lydia-robinson-the-wretched-woman-who-corrupted-branwell-brontë-1.4361727 (mode of access: 15.01.2021).

Barker, J. The Brontes: A Life in Letters / J. Barker. – London: Hachette 2016. – 464 p.

Barnal, R., Bronte, Patrick Branwell / R. Barnal, L. Barnal // A Bronte Encyclopeadia. – Chichester: Wiley Blackwell, 2013. – P. 53–57.

Dinsdale, A. The Brontes at Haworth Frances / A. Dinsdale. – Lincoln, 2006. – 160 p.

Canot, C. The Undesirable Spinster: The Organised Emigration of British Single Women, 1851–1914. Literature 2013 / C. Canot. – URL: https://dumas.ccsd.cnrs.fr/ dumas-00935238 (mode of access: 15.01.2021). – Text: electronic.

Gaskell, E. The Life of Charlotte Bronte / E. Gaskell. – Penguin Classics, 1998.. – URL: http://victorian-studies.net/EG-Charlotte-11. html#13 (mode of access: 15.01.2021) – Text: electronic.

Greeley, M. "Brontë's Mistress" Review. May 2020 / M. Greeley.. –URL: https://www.finolaaustin.com/praise (mode of access: 15.01.2021) – Text: electronic.

Harman, C. Charlotte Bronte: A Life / C. Harman. – Viking, 2015. – 558 p.

Helm, W. H. Tuberculosis and the Bronte Family / W. H. Helm // The Journal of Bronte Studies. – 2002. – Vol 27, issue 2. – P. 157–167. – doi.org/10/1179/bst. 2002.27.2.157.

James, S. Brontë Mistress Review. May 02 2020 / S. James. – URL: https://www.goodreads.com/review/show/3314987100 (mode of access: 15.01.2021) – Text: electronic.

Neufeildt, Victor A. Bronte, (Patrick) Branwell / Victor A. Neufeildt. – Text: electronic // Oxford Dictionary of National Biography. – 2020. – URL: https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-3526; jsessionid=85D18899C8356A9152CA6568D6C17EAC mode of access: 15.01.2021). – doi.org/10.1093/ref: odnb/3526.

Vicinus, M. Suffer and be Still, Women in Victorian Age / M. Vicinus. – Bloomington and London: Indiana University Press, 1973. – 256 p.

Waugh, J. The Brontes didn't die from melancholy, weather or death wishes – they died from TB / J. Waugh // The Independent. – 2018. – Sunday 28 October.

References

A portrait of Lydia Robinson. (1981). In *Brontë Siociety Transactions*. Vol 18. Issue 1, pp. 28–29. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1179/030977681796456813?journalCode=ybst19 (mode of access: 15.01.2021). doi.org/10.1179/030977681796456813.

Anikudimova, E. N. (2018). Sharlotta Bronte alias Karrer Bell (o funktsii muzhskogo psevdonima v zhenskoi proze) [Charlotte Brontë alias Currer Bell (about the Functions of Male Pseudonym in Women's Prose]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. *Seriya 9: Filologiya*. No. 3, pp. 162–172.

Austin, F. (2020). *Brontë's Mistress*. New York, Atria Books. 40 p.

Austin, F. (2020). Lydia Robinson: the 'wretched woman'who corrupted Branwell Brontë. In *The Irish Times*. Wed. Sep 23. URL: https://www.irishtimes.com/culture/books/Lydia-robinson-the-wretched-woman-who-corrupted-branwell-brontë-1.4361727 (mode of access: 15.01.2021).

Barker, J. (2016). *The Brontes: A Life in Letters*. London, Hachette. 464 p.

Barnal, R., Barnal, L. (2013). Bronte, Patrick Branwell. In *A Bronte Encyclopeadia*. Chichester, Wiley Blackwell, pp. 53–57.

Beauvoir, S. de. (1997). *Vtoroi pol: v 2 t.* [The Second Gender, in 2 vols.] / Transl. by A. Sabashnikova, I. Malakhova, E. Orlova, ed. by A. Aivazova. Moscow, Progress, Saint Petersburg, Aleteiya. 832 p.

Bronte, A. (2019). *Neznakomka iz Uaildfell-holla* [Tenant of Windfell Hall] / transl. by I. G. Gurov. Moscow, Eksmo. URL: http://www.bookscafe.net/book/bronte_enn-neznakomka_iz_uayldfell_holla-161265.html (mode of access: 15.01.2021).

Canot, C. (2013). *The Undesirable Spinster: The Organised Emigration of British Single Women, 1851–1914*. *Literature*. URL: https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-00935238 (mode of access: 15.01.2021).

Dinsdale, A. (2006). *The Brontes at Haworth Frances*. Lincoln. 160 p.

Eliseeva, I. A. (2011). Khudozhestvennoe novatorstvo dokumental'nogo romana «Neznakomka iz Uaifell-holla» [Creative Innovations of Documental Novel "Tenant of Windfell Hall"] In *Kazanskaya nauka*. No. 2, pp. 165–167.

Gaskell, E. (2015). *Zhizn'Sharlotty Bronte* [The Life of Charlotte Bronte] / transl. by A. D. Stepanov. Moscow, Azbuka Attikus, Kolibry. URL: http://www.librebook.me/the_life_of_charlotte_bront-/vol1.html (mode of access: 15.01.2021).

Gaskell, E. (1998). *The Life of Charlotte Bronte*. Penguin Classics. URL: http://victorian-studies.net/EG-Charlotte-11.html#13 (mode of access: 15.01.2021).

Greeley, M. (2020). *"Brontë's Mistress". Review. May 2020*. URL: https://www.finolaaustin.com/praise (mode of access: 15.01.2021).

Harman, C. (2015). *Charlotte Bronte: A Life*. Viking. 558 p.

Helm, W. H. (2002). Tuberculosis and the Bronte Family. In T*he Journal of Bronte Studies*. Vol 27. Issue 2, pp. 157–167. doi.org/10/1179/bst. 2002.27.2.157.

James, S. (2020). *Brontë Mistress Review. May 02 2020*. URL: https://www.goodreads.com/review/show/3314987100 (mode of access: 15.01.2021).

Kovalenko, T. I. Bekher, A. V., Zolotukhina, O. Yu. (2012). Vospriyatie romana Dzhein Osten «Gordost'i predubezhdenie» v sovremennom rossiiskom obshchestve [Reception of Jane Austen's Novel "Pride and Predjudice" in the Contemporary Russian Society]. In *Yazyk i sotsial'naya dinamika*. No. 12–2, pp. 173–176.

Neufeildt, Victor A. (2020). Bronte, (Patrick) Branwell. In *Oxford Dictionary of National Biography.* URL: https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-3526; jsessionid=85D18899C8356A9152CA6568D6C17EAC (mode of access: 15.01.2021). doi.org/10.1093/ref: odnb/3526.

Polyakova, E. A. (2011). Problema avtora i problema modal'nosti v romane Enn Bronte «Agnes Grei» [The Problem of Author and the Problem of Modality in Anne Bronte's Novel "Agnes Grey"]. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. I. Dobrolyubova*. No. 15, pp. 150–160.

Vicinus, M. (1973). *Suffer and be Still, Women in Victorian Age*. Bloomington and London, Indiana University Press. 256 p.

Vlasova, T. I. (2013). Dikhotomiya «razum/telo» i obrazovanie kak problema feministskoi filosofii [Mind / Body Dichotomy and Education as a Problem in Feminist Philosophy]. In Kravets, V. P., Govorun, T. V., Kikinezhdi, O. M. *Гендерні досліження: прикладні aspekty*. Ternopil', Nachal'na kniga, Bogdan. URL: http://www.studylib.ru/doc/2078476/vlasova-t.i.-dihotomya-«razum-telo»-i-obrazovanie-kak (mode of access: 15.01.2021).

Voronina, O. A. (2019). Feminizm «tret'ei volny» ili postfeminizm? [The Third Wave of Feminism or Postfeminism?] In *Gendernye otnosheniya v mire globalizatsii: vyzovy i perspektivy: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tver, Tverskoi gosudarstvennyi universitet, pp. 7–12.

Waugh, J. (2018). The Brontes didn't die from melancholy, weather or death wishes – they died from TB. In *The Independent*. Sunday, 28 October.

Данные об авторе

Илунина Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова (Воронеж, Россия).

Адрес: 394086, Россия, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8.

E-mail: ailunina@yandex.ru.

Author's information

Ilunina Anna Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov (Voronezh, Russia).

УДК 821.163-3. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-22. ББК Ш33(4Юго)6-44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08; 10.01.03

A "STRANGER" AS A SICK PERSON IN YUGOSLAV TRAVELOGUES OF THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

Anna G. Bodrova
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8625-6589

Abstract. The paper deals with the connection between the figure of the ethnic "stranger" and the phenomenon of illness in Yugoslav travelogues in the second half of the 20th century. The author employs the methods of phenomenology, imagology and postcolonial and gender studies. The article analyzes travelogues of 4 authors: Alma Karlin, Jelena Dimitrijević, Isidora Sekulić, Rastko Petrović. Illnesses play an important role in Karlin's travelogues. She writes about cholera, plague, smallpox, various skin diseases, malaria. Traveling in Africa, Petrović pays great attention to tropical diseases, leprosy, syphilis. Dimitriević breaks the stereotype of an oriental beauty bursting with health and talks about consumption as a typical illness in harems with their secluded mode of life. Traveling in Norway, Sekulić, who is fond of Norwegians, writes about cases of mental illness. The study explorers how the figure of the ethnic "stranger" is associated with the illness, and what lies at the basis of such association in the works of fiction under investigation. The recurrent motifs in the travelogues are both the own illness and those of the "stranger". Other countries are represented as a space of illnesses that often have exotic flavor. The phenomenon of illness in the travelogues is also marked both geographically and ethnographically. The reasons for frequent depiction of illnesses in travelogues are different: heroization of the author's own travels through the detailed descripton of dangers, and specifically illnesses, legitimation of female travels via indication of diseases that isolated and inactive lifestyle causes, and the creation of exotic atmosphere. It can be stated that the connection between the "stranger" and the illness indicates, first of all, the travelers'own fears of diseases, which appear to be attributes of the people of a different culture.

Keywords: illnesses; exoticism; travelogues; Yugoslav literature; Yugoslav writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary characters.

«ЧУЖОЙ» КАК БОЛЬНОЙ В ЮГОСЛАВСКИХ ТРАВЕЛОГАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Бодрова А. Г.
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8625-6589

Аннотация. В статье изучается взаимосвязь конструкта этнически «чужого» и феномена болезни в некоторых югославских травелогах первой половины XX в. В работе использовались методы феноменологии, имагологии, гендерных и постколониальных исследований. Были проанализированы написанные по-немецки и по-сербски путевые заметки четырех авторов: Альмы Карлин, Елены Димитриевич, Исидоры Секулич, Растко Петровича. В травелогах Карлин важную роль играют болезни. Писательница рассуждает о холере, чуме, оспе, различных кожных заболеваниях, малярии. Петрович, путешествующий по Африке, большое внимание уделяет тропическим болезням, проказе, сифилису. Димитриевич разбивает стереотип о пышущей здоровьем восточной красавице и рассказывает о чахотке, которой нередко болеют в гаремах из-за замкнутого образа жизни. Путешествующая по Норвегии Секулич, с симпатией относящаяся к норвежцам, пишет о случаях психических заболеваний. В исследовании рассматривается, каким образом в изучаемых произведениях фигура этнического «чужого» связана с феноменом болезни, осмысляется, что лежит в основе такой взаимообусловленности. Повторяющимися мотивами в травелогах можно считать и собственную болезнь, и болезнь «чужого». Другие страны появляются в текстах как пространства болезней, которые, кроме того, иногда имеют экзотический оттенок. Феномен болезни в путевых заметках маркирован и географически, и этнографически. Причины частого изображения бо-

 © А. Бодрова, 2021

лезней в травелогах оказываются разнообразными: героизация собственного путешествия с помощью детального описания опасностей, в том числе и заболеваний, легитимация женских путешествий посредством изображения болезней, которые характерны для изолированного и малоподвижного образа жизни, создание экзотического колорита. В статье показано, что присутствующая в текстах путевых заметок связь между «чужим» и болезнью в первую очередь указывает на собственные страхи путешественников перед болезнью, которая выступает в качестве атрибута людей другой культуры.

Ключевые слова: болезни; экзотизм; травелоги; югославская литература; югославские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы.

Для цитирования: Бодрова, А. Г. «Чужой» как больной в югославских травелогах первой половины XX века / А. Г. Бодрова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 264–272. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-22.

For citation: Bodrova, A. G. (2021). A "Stranger" as a Sick Person in Yugoslav Travelogues of the First Half of the 20th Century. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 264–272. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-22.

Im Beitrag geht es um das Phänomen der Krankheit, wie es in Reiseberichten von einigen jugoslawischen Autorinnen und Autoren behandelt wird: Alma Karlin (1889–1950), Jelena Dimitrijević (1862–1945), Isidora Sekulić (1877–1958), Rastko Petrović (1898–1949). In der Forschung wurden Methoden der Phänomenologie, der Imagologie sowie der postkolonialen und Genderstudien verwendet. Die Hauptfragestellung bestand darin, wie verbindet sich die Figur des ethnisch Fremden mit dem Phänomen der Krankheit und wo liegen die Grundlagen solcher Verbindung. Von der Aktualität des Forschungsgegenstandes zeugen die neuesten geisteswissenschaftlichen Studien, welche der medialen Repräsentation der Verbindung zwischen der ethnischen ‚Fremdheit' und der Krankheit gelten, indem sie sich mit dem Phänomen der Corona-Pandemie sowie mit deren kulturellen und gesellschaftlichen Auswirkungen auseinandersetzen[1].

Das Motiv der Krankheit kommt im Reisebericht als literarische Gattung ziemlich oft vor. Auf Reisende, die sich in ferne fremde Länder begeben, lauern nämlich Gefahren, darunter unterschiedliche Krankheiten. In den zu behandelnden Reiseberichten sind zwei Sichten vorhanden. Es ist erstens ein Blick von außen auf den „Anderen / Fremden", mit dem Reisende kontaktieren. So werden zum Beispiel häufig Krankheiten dargestellt, an denen Einheimische leiden. Zweitens ist ein Blick nach innen, auf sich selbst, auf den eigenen Körper präsent. So wird zum Beispiel über körperliche Leiden berichtet, die reisende Autorinnen und den Autor unterwegs befallen.

Reiserouten und -zeiten von den zu besprechenden jugoslawischen Autorinnen und dem Autor, sowie der Platz dieser Reiseberichte im Kanon der jugoslawischen Literatur sind unterschiedlich. Rastko Petrović ist ein in Serbien bekannter Prosaiker und Lyriker. Er war ein bedeutender Autor der serbischen literarischen Avantgarde der Zwischenkriegszeit und gilt als einer der ersten serbischen Surrealisten. Außerdem war Petrović als Maler tätig. Sein Werk wurde in der serbischen Forschung intensiv behandelt[2]. Vor kurzem wurden von Wassilij Sokolow zwei seiner bekannten Romane ins Russische übersetzt: „Die Burleske von Herrn Perun, dem Gott des Donners" („Burleska gospodina Peruna boga groma", 1921) и „Menschen sprechen" („Ljudi govore", 1931) [Petrovich 2019]. Petrović arbeitete längere Zeit als Diplomat und war ein leidenschaftlicher Reisender. Im Jahre 1930 veröffentlichte er seinen Reisebericht „Afrika".

Das Werk von Isidora Sekulić ist weitbekannt in Serbien: Ihre Schriften werden neu aufgelegt, in wissenschaftlichen Beiträgen und Monographien behandelt, in Ausstellungen repräsentiert. Isidora Sekulić wurde in Vojvodina geboren, genoss eine für die damalige Frau ausgezeichnete

[1] Vgl. z. B. den Beitrag von Irina Gradinari und Igor Chubarov „Mediageneologie der Infektion: Syphilis – AIDS – COVID" [Gradinari, Chubarov 2021].

Die meistzitierte Studie bleibt in diesem Bereich der 1978 erschienene Essay von Susan Sontag: [Sontag 2016]. Der kroatische Autor Zoran Ferić thematisiert auch in seinem Essay „Variola vera" die Angst vor Fremden, welche gefährlich sind und die Einheimischen anstecken können: [Ferić 2003: 10–12].

[2] Vgl. die Forschungsbibliographie zum Werk von Rastko Petrović auf der Internetseite des Autors: https://www.rastko.rs/knjizevnost/umetnicka/rpetrovic/studije/zbornik2003/mpantic.html.

Ausbildung (sie studierte Pädagogik in Budapest und promovierte 1922 in Berlin in Philosophie). Wie viele andere gebildete Frauen im frühen 20. Jahrhundert arbeitete sie als Schullehrerin. Sekulić beherrschte sieben Fremdsprachen, kannte sich gut in europäischen Literaturen aus, übersetzte aus dem Englischen, Deutschen, Russischen und aus anderen Sprachen (R. W. Emerson, E. A. Poe, O. Wilde, J. W. Goethe, G. Keller, F. M. Dostojewski usw). Sekulić war die erste Frau, die ein Akademienmitglied wurde, sie war außerdem die erste Vorsitzende des serbischen Schriftstellerverbandes, die Gründerin und Ehrenvorsitzende des serbischen PEN-Clubs. Sie gilt als erste Berufsschriftstellerin in Serbien. Sekulić wandte sich dem literarischen Schaffen zu, als sie schon über 30 war. Ihr Werk verbindet man meistens mit dem Phänomen der literarischen Moderne. Das erste bedeutende Werk der Autorin „Weggefährten" erschien 1913. Hier verwendete sie zum ersten Mal die Technik des Bewusstseinsstroms. Dieser Text blieb längere Zeit von den Zeitgenossen unverstanden. Sekulić verfasste später einen Novellenband „Chronik eines Palanka-Friedhofs" (1940), den Roman „Der Diakon der Muttergotteskirche" (1920), zahlreiche Essays und kritische Beiträge („Aufzeichnungen", 1941, „Analytische Momente und Themen", 1941) und andere Werke. Die serbische Autorin war der Meinung, dass Menschen viel reisen müssen, um ihren Gesichtskreis zu erweitern. Als sie 9 Jahre alt war, besuchte sie Istanbul. Später reiste sie nach Frankreich, Deutschland, England, Norvegien, Russland, Algerien und in andere Länder. 1913, als Serbien vom nationalistischen Rausch erfasst war, der durch die Balkankriege verursacht war, ging Sekulić auf die Reise durch Norwegen und 1914 veröffentlichte sie „Briefe aus Norwegen", die zu den besten Mustern der serbischen Reiseliteratur zählen und einen Ehrenplatz im Kanon der jugoslawischen Literatur haben.

Anders steht es mit der Kanonisierung der Reiseberichte der serbischen Autorin Jelena Dimitrijević. Erst in der letzten Zeit wenden sich ForscherInnen immer häufiger ihrem Werk zu (z. B. Svetlana Slapšak, Magdalena Koch und andere). 2004 fand in der serbischen Stadt Niš eine Tagung zu ihrem Leben und Werk statt. Offensichtlich ist das Anliegen der ForscherInnen, die Figur von Dimitrijević neu zu interpretieren sowie die weitere Auseinandersetzung mit ihren Schriften anzuregen. Die Forscherin Ana Stjelja [Stjelja 2012] weist darauf hin, dass Dimitrijevićs Lebensbeschreibungen „dunkle" Stellen enthalten, manchmal widersprechen gar biographische Quellen einander. Bekannt ist, dass die Schriftstellerin und Dichterin Jelena Dimitrijević[1] als eine Tochter der kinderreichen und sehr vermögenden Eltern in der Stadt Kruševac im Fürstentum Serbien geboren wurde. Von Kindheit an war sie eine passionierte Leserin, da sie jedoch im Alter von 11 Jahren ein Auge beschädigt hatte, musste sie auf den Plan verzichten, ihre Bildung in der Höheren Frauenschule in Belgrad fortzusetzen. Die Ärzte empfahlen ihr die Augen zu schonen und weder zu lesen noch zu schreiben, um die völlige Erblindung zu vermeiden, deshalb musste Dimitrijević es heimlich machen. Nachdem die künftige Schriftstellerin mit 19 Jahren einen Offizier geheiratet hatte, änderte sich ihr Leben: Der Mann förderte Jelenas Leidenschaft für Bücher, sie reisten viel. 17 Jahre lang lebte das Ehepaar in der Stadt Niš (Südserbien), danach übersiedelten sie nach Belgrad, in dem Jelena, Reisen ausgenommen, bis zu ihrem Lebensende blieb. Während der Balkankriege arbeitete Jelena Dimitrijević als Pflegerin im Belgrader Spital (1912–1913). Der Erste Weltkrieg brachte der Schriftstellerin eine harte Prüfung: 1915 fiel ihr Mann. Ihre literarische Laufbahn begann Dimitrijević als Lyrikerin. In der Kritik wurde sie mit Sappho, mit dem aserbaidschanischen Dichter Mirza Schaffy Wazeh verglichen, am häufigsten aber – mit dem serbischen Autor Jovan Ilić, weil sie mit ihm ein intensives Interesse für das Thema des Orients teilte [Peković 1986: III].

Jelena Dimitrijević reiste viel, besonders im Vergleich zu ihren Zeitgenossinnen. Über einige Reisen verfasste sie Reisenotizen. Reiseberichte nehmen einen wesentlichen Teil in ihrem Werk ein: „Briefe aus Saloniki" (Pisma iz Soluna, 1918), „Briefe aus Indien" (Pisma iz Indije, 1928), „Sieben Meere und drei Ozeane" (Sedam mora i tri okeana, 1940), „Die neue Welt oder ein Jahr in Amerika" (Novi svet ili u Americi godinu dana, 1934) usw.

[1] Zu Dimitrijevićs Leben und Werk: Ana Stjelja sowie die Internetressource zur Theorie und Geschichte der Frauenliteratur auf Serbisch bis 1915 (http://knjizenstvo.etf.bg.ac.rs/sr/authors/jelena-dimitrijevic).

Das Werk von Alma Karlin, der deutschsprachigen Autorin slowenischer Herkunft ist wegen seiner kulturellen Hybridität schwer einer bestimmten nationalen Literatur zuzuordnen. Ihr Vater, der Sohn eines slowenischen Bauern, der Major der österreichisch-ungarischen Armee, meinte: „Der österreichische Offizier hat keine Nationalität! Sein Leben gehört dem Kaiser und dem Vaterland!" [Karlin 2010: 41]. Ihre Mutter Vilibalda Karlin (ihr Mädchenname war Miheljak) war Lehrerin in der deutschen Schule. Im Elternahaus sprach man Deutsch. Alma, die viele Sprachen beherrschte, verdiente Geld mit Sprachstunden und Übersetzungen, später schrieb sie häufig Artikel für Zeitschriften. Sechs Jahre (von 1908 bis 1914) lebte die künftige Schriftstellerin in London, wo sie in einem Übersetzungsbüro tätig war. 1914, nach dem Ausbruch des Ersten Weltkrieges, wird Alma in England zur Bürgerin einer feindlichen Macht, daher verlässt sie London und geht für 4 Jahre nach Skandinavien. Dort beschließt sie eine Schriftstellerin zu werden und eine Weltreise zu machen. 1918 kam Alma Karlin nach Celje zurück und eröffnete dort eine Sprachschule. Auf solche Weise gelang es ihr, Geld für die Finanzierung ihrer Reise zu verdienen. 1919 macht sie sich auf den Weg. In den acht Jahren ihrer Weltreise (von 1919 bis 1927) besuchte sie unterschiedliche Erdteile: von Nord- und Südamerika bis Asien und Pazifikinseln. Die Anzahl der Länder, welche die Reisende besucht hat, verblüfft. Karlin war in Peru, Panama, Costa Rica, Honduras, Mexiko, in den USA, in Hawaii, Japan, Korea, China, Taiwan, Australien, Neuseeland, Fidschi, Neukaledonien, Papua-Neuguinea, Indonesien, auf den Karolinen, Java, in Malaysia, Thailand, Indien und in vielen anderen Orten. Die Reisen der Alma Karlin sind nach ihrem Ausmaß unvergleichbar mit denen von anderen jugoslawischen AutorInnen. Sie reiste ohne Begleitung und finanzierte ihre Reisen selbst. 1930 wurde im deutschen Wilhelm Köhler-Verlag der erste Teil ihres Reiseberichts mit dem Titel „Einsame Weltreise" herausgegeben, im nächsten Jahr der zweite Teil: „Im Banne der Südsee". Die beiden Bücher haben einen Untertitel: „Die Tragödie einer Frau"[1]. Die Auflage jedes Teils zählte 10 000 Exemplare, sie wurden schnell ausverkauft, deshalb wurden die Bücher 1932 neu aufgelegt (die Neuauflage jedes Teils machte 20 000 Exemplare aus). 1933 erschien der „dritte" Teil, tatsächlich aber der zweite Teil des Reiseberichtes „Im Banne der Südsee" mit dem Titel „Erlebte Welt, das Schicksal einer Frau".

In Russland bleiben Werke von allen vier AutorInnen, die hier behandelt werden, wenig bekannt, nur sehr wenige Schriften von ihnen wurden ins Russische übersetzt, dabei fand Petrović die größte Beachtung. Bemerkenswert ist auch die Tatsache, dass Jelena Dimitrijevićs Roman „Neue Frauen" („Nove", 1912) ins Russische (von Boris Jarcho) übersetzt und 1928 veröffentlicht wurde [Dimitrievich 1928].

Im vorliegenden Beitrag wird nur ein Aspekt der Werke von den vorgestellten AutorInnen behandelt, welche ansonsten der russischen Literaturforschung noch viel Material für die Analyse anbieten.

Bezeichnenderweise wird das Körperliche, unter anderem Krankheiten, mehr oder weniger in allen betreffenden Texten thematisiert. Es geht dabei um unterschiedliche Krankheiten, darunter auch um psychische Leiden.

Besonders erwähnenswert ist die Seekrankheit – alle bekommen dadurch ihre Weihe. Karlin, die oft mit Schiffen fuhr, beschreibt oft dieses Leiden. Dimitrijević schreibt ebenso in „Sieben Meeren" über die Seekrankheit, an der Fahrgäste auf dem Weg aus Genua nach Alexandria leiden. Petrović wendet sich diesem Gegenstand zu, wenn er über seine Rückreise berichtet.

Eine bedeutende Rolle spielen Krankheiten in den Reiseberichten von Karlin. Sie schreibt über Cholera, Pest, Schwarze Blattern, unterschiedliche Hauterkrankungen, Malaria. In ihren Texten manifestiert sich die Angst vor exotischen Krankheiten. Krankheiten ziehen Grenzen zwischen Ländern. So brach auf dem Schiff, das in Los Angeles anlegen musste, eine Epidemie aus: „Masern sind ausgebrochen. Das wird die Landung noch erschweren" [Karlin Einsame 1930: 157]. Karlin verbrachte einige Zeit in der Quarantäne. In einem anderen Teil ihres Reiseberichts erzählt Karlin über eine Choleraepidemie, die in Bangkok ausbrach: „Wenn sie einmal einreißt, sterben die Leute wie Mücken" [Karlin Im Banne 1930: 280]. Als Karlin mit dem Zug nach Penang die Grenze mit Malaysia überquerte, wurde von

[1] Zur Genderproblematik in Karlins Werk: [Bodrova 2015; Bodrova 2017].

ihr ein Schein über die Impfung gegen Cholera gefordert. Die Reisende hatte keinen Schein, was beinahe dazu geführt hätte, dass sie ihre Fahrt unterbrechen musste. „Ich werde nicht die Cholera haben“ überzeugte Karlin einen Beamten, der schließlich ihr erlaubte weiter zu fahren [Karlin Im Banne 1930: 283].

Wie aus den Texten erfolgt, bestehe der Unterschied zwischen Europäern und Menschen einer anderen Rasse nicht nur in dem Aussehen, in Traditionen, Lebensweise, sondern auch in Krankheiten. So holt sich Karlin während ihres Aufenthalts auf der Insel Bougainville bei der Sankt Markus-Mission eine Krankheit mit auf den ersten Blick sehr seltsamen Symptomen. In der Nacht bekam sie Bauchschmerzen in der Nabelgegend. „Ich fuhr im Finstern an die Stelle und zog etwas (wie ich später wußte, getrockneten Eiter) heraus… Ich verharrte starr vor Schrecken, dann fühlte ich wieder vorsichtig dahin. Es war naß… und… und“ [Karlin Im Banne 1930: 117–118]. Es stellte sich später heraus, dass die Autorin Magengeschwür hatte.

Gegen das Ende ihrer Reise besuchte Karlin im Hospital in Karachi eine Freundin. „Was für furchtbaren Gebilden ich bei diesen Besuchen öfter begegnete! Unten, im Erdgeschoß, saßen die Eingeborenen, die viel ruhiger im Ertragen der Schmerzen waren… Manche hatten die Nasen verloren, andere litten an seltsamen Auswüchsen; doch der schlimmste Anblick für mich war ein Mann, dessen Arm wie ein dürrer brauner Ast aussah und von dem wie Früchte runde, braune Auswüchse, kleinere und größere, hingen. Das war eine indische Beulenkrankheit und genug, einen das Gruseln zu lehren“ [Karlin Im Banne 1930: 357–358]. Es bietet sich eine Frage an, wozu schildert sie so ausführlich die Symptome. Hier manifestiert sich wohl das Streben, ihre Tätigkeit zu heroisieren – nur wenige können solche gefährliche Reisen riskieren. Außerdem zeigt Karlin, wie stark sich die Welt des „Fremden“ mit exotischen Krankheiten von der Welt des „Eigenen“ mit gewohnten Krankheiten unterscheidet. Es wird nahegelegt, dass jede Kultur ihr eigenes Angebot von Krankheiten hat. Schließlich erfährt Karlin, dass sie Malaria hat. Malaria verursacht nicht nur körperliche Schmerzen, sondern auch Tropenneurasthenie [Karlin Im Banne 1930: 357]. Indem sie sich eine exotische Krankheit holt, wird Karlin der Welt des „Fremden“ teilhaftig.

Karlin berichtet, wie oft sie ihre Angst vor der Ansteckung überwinden musste. So war einmal eine große Hitze in Agra und sie hatte einen so starken Durst, dass sie Sodawasser trinken musste – eine minderwertige Eissoda mit tausend Cholerabazillen [Karlin Im Banne 1930: 319]. Im Scherz nennt Karlin Wasser, das Einheimische anbieten, „Choleratrunk“ [Karlin Im Banne 1930: 319]. Bezeichnenderweise ist ein ähnliches Motiv im Text von Rastko Petrović vorhanden – der Durst ist stärker als alle Ängste und er trinkt das lokale Wasser.

Karlin und Petrović haben es gemeinsam, dass sie die Lesenden mit exotischen Krankheiten erschrecken wollen. Die beiden beschreiben detailiert Symptome und äußere Zeichen von Erkrankungen.

Rastko Petrović, der durch Afrika reiste, geht besonders auf tropische Krankheiten ein sowie auf Lepra und Syphilis. Im Reisebericht muss der Erzähler eine Wahl treffen – entweder schlägt er Touristenrouten ein, auf denen er mit leidigem Komfort reist, oder er akzeptiert das Angebot eines Europäers, der seit längerer Zeit in Afrika lebt, und fährt in die Tiefe des Kontinentes. Dabei ist dem Erzähler bewusst, dass er bei der letzten Möglichkeit besser das Leben im Land kennenlernen kann, jedoch auch etwas opfern muss – Komfort vergessen und sich der Gefahr aussetzen, krank zu werden. Gerade nach der Entscheidung, eine gefährlichere Route einzuschlagen, werden im Text intensiver Krankheiten thematisiert. So besuchen Petrović und sein neuer Mitreisender das Dorf Tafire, in dem er zum ersten Mal Leprakranke sieht. „Pest! Ich dachte: und so lebe ich unter Leprakranken! Selten habe ich früher solche Angst gehabt“. [Petrović 2009: 62].

In einem anderen Kapitel beschreibt Petrović den Besuch in einem Dorf mit Kranken. „Viele Frauen mit Wunden von Geschlechtskrankheiten, die sogar durch grüne Blätter zwischen den Beinen nicht verdeckt wurden, viele leprakranke Männer“ [Petrović 2009: 89].

Gerade in diesem Kapitel berichtet Petrović, dass eine schwarzhäutige Frau ihm angeboten habe die Nacht mit ihm zu verbringen. Wenn er früher nur mit Begeisterung und manchmal mit Begehren schöne Körper von Afrikanerinnen und Afrikanern betrachtet und sie detailliert beschrieben hat (so bewunderte er häufig Tänze),

so macht hier die Ansteckungsgefahr die Erkenntnis der „fremden" Körpers gewagter und dadurch auch wünschenswerter und wertvoller. Als Rastko Petrović schon aus Dakar nach Marseille heimkehrte, schrieb er, dass er fror, müde und vielleicht krank, aber zugleich glücklich war… [Petrović 2009: 128]. In diesem Falle ist die Krankheit auch ein Zeichen der Teilnahme an der Welt des „Fremden" und der Zugehörigkeit dazu.

Im Text von Jelena Dimitrijević werden viele Länder, die sie besucht hat, idealisiert, kenntlich ist die Intention nur das „Gute" darzustellen. Sie hat zum Beispiel ebenso wie Karlin im Jahre 1927 Indien besucht. In Indien hat sie sich mit dem kranken Tagor getroffen, im Unterschied zu Karlin schreibt sie über keine Epidemien im Land. Sie schätzt es sehr hoch, dass Tagor sie trotz seiner Krankheit empfängt. Dimitrijević behandelt aber ein anderes Problem. Nachdem sie Hareme in Ägypten und in der Türkei besucht hat, bricht sie mit dem Stereotyp über eine vor Gesundheit strotzende orientalische Schönheit. In ihren Texten beschreibt sie ausführlich den Alltag von Türkinnen und Ägypterinnen, welche in Haremen wohnen. Das Eingesperrtsein verursache ihr frühes Altern und führe zur Tuberkulose.

Isidora Sekulić, die in ihren „Briefen aus Norwegen" mit großer Sympathie Norwegier beschreibt, berichtet über die Häufigkeit von Nervenkrankheiten unter ihnen. Als Ursache von ständigem Nervenstress, den Einwohner von Norwegen haben, sieht sie das harte Klima an. Im Norwegen von Anfang des 20. Jahrhunderts besteht aus der Sicht der Autorin noch ein Problem – Isolation, Einsamkeit [Sekulić 1961: 199]. Sekulić hat einige Ärzte kennengelernt, die ihr über das Spezifische des norwegischen Lebens erzählt haben. So würden harte Naturbedingungen manchmal die Ursache des frühen Todes. Manchmal kann der Mensch keine Arzthilfe rechtzeitig bekommen. Zum Beispiel können Verwandte des Kranken den Arzt nicht erreichen, der weit von ihnen wohnt. Die Isoliertheit werde ebenso zur Ursache von psychischen Störungen.

Sekulić erzählt die Geschichte von zwei Ärzten. Der erste – Doktor Berg – erfüllt seine Pflicht gern (norwegische Ärzte sollten laut dem Gesetz 3–4 Jahre im hohen Norden arbeiten), obwohl er zurückgezogen lebt, in einem Ort, der von einer Seite durch das Eismeer, von der anderen – durch das Gebirge von der Welt abgetrennt ist. Der Arzt gesteht, dass er zu denen gehöre, die sich in der Isolation gut fühlen, ein richtiger Norwegier [Sekulić 1961: 308], nicht jeder könne aber solches Abgetrenntsein ertragen. Sein Vorgänger, Doktor Swens, der Mensch „mit einer sanften ängstlichen Seele", habe sich an solche Lebensweise nicht gewöhnen können und sei gebrochen worden [Sekulić 1961: 310]. Dabei sei Swens nur 32 Jahre alt gewesen, er sei aber, so Doktor Berg, „ganz heruntergekommen". Er behauptete, dass „der Einsamkeit eine Sehnsucht anhafte, die Kraft aussauge und einen wahnsinnig mache" [Sekulić 1961: 205].

Am Beispiel von zwei Ärzten reflektiert Sekulić, die ganz deutlich mit Einzelgängern sympathisiert, das mit der Einsamkeit zusammenhängende Paradoxon, mit dem jeder norwegische Bauer konfrontiert wird: „Jeder Norweger fügt sich darin ein und leidet wegen seiner Flucht vor Einsamkeit und dann wieder wegen seiner Flucht in die Einsamkeit. Einige fliehen sogar nach Amerika vor Einsamkeit. Auf solche Weise bekommen sie schnell die Erfahrung, dass Nietzsches Aussage wahr ist" [Sekulić 1961: 306]. Es geht hier um eine Passage aus Nietzsche, die von Sekulić zitiert ist: „Wo die Einsamkeit aufhört, da beginnt der Markt" [Sekulić 1961: 306].

Aus der Sicht von Sekulić treibe die Einsamkeit einige Norweger in den Wahnsinn, für andere werde sie zur Quelle der geistigen Entwicklung oder der Kreativität. Das heißt: In einigen Fällen geht es um einen fruchtbaren Wahnsinn, der laut Sekulić etwa Ibsens Werk hervorgebracht habe. Von Bedeutung ist, dass dieser Kult von Einsamkeit und Mut der Autorin selbst sehr nahe steht, er entspricht ihrem „nördlichen" Lebenscredo: Arbeit, Armut, Schweigen.

Es wird deutlich, dass hinter dem „Anderen" das eigene „Ich" steckt. Sekulić findet in Norwegern ihr verwandte Seelen, Dimitrijević sympathisiert auch mit dem „Fremden" (zum Beispiel mit Einwohnern von Indien, die gegen Kolonisatoren kämpfen, sowie mit Jungtürkinnen, die Freiheit von Frauen fordern), deshalb erwähnt sie keine Epidemien in Indien und Ägypten. Man hat dabei den Eindruck, dass Karlin und Sekulić, die in demselben Jahr Indien besucht und dieselben Städte dort gesehen haben, ganz verschiedene Länder beschreiben.

Die Begegnung mit dem „Anderen / Fremden" erregt bei Karlin und Petrović außer dem

Interesse auch Angst. So teilt Petrović seine Befürchtung mit, sich Lepra zuzuziehen, Karlin beängstigt die Leser mit exotischen Krankheiten. Die dargestellten Krankheiten des „Fremden" charakterisieren in vielem die Autorin bzw. den Autor selbst als VertreterInnen der weißen Rasse mit der stereotypen Wahrnehmung von anderen Rassen, als TrägerInnen von bestimmten Diskursen ihrer Zeit. Symptomatisch ist zum Beispiel die Ablehnung von Mischehen und vor allem von Mulattenkindern aus solchen Ehen bei Karlin und Petrović.

„Der Fremde" wird also zur Projektionsfläche für eigene Ängste. Der Fremde sei nach Kristeva das versteckte Gesicht unserer Identität. Kristeva meint: „wenn wir den Fremden fliehen oder bekämpfen, kämpfen wir gegen unser Unbewusstes – dieses 'Uneigene' unseres nicht möglichen 'Eigenen'" [Kristeva 1990: 208–209]. Das archaische Ich wirft die ganze Unzufriedenheit mit sich selbst, alle Ängste und Aggressionen aus sich hinaus.

In einigen Fällen werden auf den „Fremden" nicht nur Ängste, sondern auch andere Lebenseinstellungen bzw. Werte der Autorinnen bzw. des Autors projiziert. So kann man über Sekulić sagen, dass sie einerseits Angst vor Einsamkeit hat, andererseits danach strebt. Solche Werte und Stimmungen projiziert sie auf Norweger.

Petrović hat ebenso ein ambivalentes Verhältnis dem „Anderen", seinen Krankheiten gegenüber. Einerseits kann er die Angst vor der Ansteckung nicht loswerden, andererseits vermeidet er keine Kontakte mit Kranken und bewundert die Sinnlichkeit von Afrikanerinnen und Afrikanern. Die Begegnung mit dem «Anderen» wird für ihn zur Inspirationsquelle mit dem Beigeschmack der Todesangst.

Es bietet sich die Frage an, welche Angst manifestiert sich bei Dimitrijević. In ihrem Reisebericht problematisiert sie das Phänomen der Frauenreise – noch im 20. Jahrhundert würden viele auf dem Balkan sie dafür verurteilen, dass sie ohne Begleitung reist. Sie versteht dagegen nicht, wie man eingesperrt sein kann – die isolierte Lebensweise verursache doch Krankheiten.

Indem die AutorInnen Krankheiten auf das Bild des Fremden projizieren, werden sie ihre Angst vor Krankheiten los, kanalisieren die Gefahr der Krankheit und somit die des Todes. Man kann bestimmte Parallelitäten mit dem Verfahren feststellen, das Elisabeth Bronfen in der Kultur für die Verbindung zwischen dem Tod und der Weiblichkeit verzeichnet: durch den Topos „der schönen Leiche" der Frau wird die menschliche Angst vor dem Tod auf das Bild „des Anderen" kanalisiert und damit mindestens teilweise überwunden. Das gilt also auch für die Verbindung des ethnisch Fremden mit der Krankheit: die Angst vor der Krankheit wird damit entfremdet und „gezähmt".

Литература

Бодрова, А. Г. «Волшебный сон Востока»: гендерная и национальная проблематика в травелогах Елены Димитриевич / А. Г. Бодрова // Studia Slavica Hung. – 2017. – № 62/1. – С. 161–170.

Бодрова, А. Г. «Изохимены» в творчестве Исидоры Секулич: диалектика национального и космополитического / А. Г. Бодрова // Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / А. Г. Бодрова, Е. Е. Бразговская, В. С. Князькова, М. Ю. Котова [и др.] ; отв. ред. М. Ю. Котова. – СПб. : Издательство СПбГУ, 2014. – С. 33–48.

Градинари, И. Медиагенеалогия заражения: сифилис – СПИД – ковид / И. Градинари, И. Чубаров // Логос. – 2021. – Т. 31/1. – С. 85–114.

Димитриевич, Е. Новые женщины / Е. Димитриевич ; пер. Б. И. Ярхо. – М. : Недра, 1928. – 293 с.

Петрович, Р. Бурлеск господина Перуна, бога грома; Люди говорят / Р. Петрович ; пер. В. Соколов. – Ново Милошево : Банатский культурный центр, 2019. – 256 с.

Сонтаг, С. Болезнь как метафора / С. Сонтаг. – М. : Ad Marginem, 2016. – 176 с.

Bodrova, A. G. Unter Gender-Aspekten betrachtet: Alma Maximiliane Karlins Reiseberichte / A. G. Bodrova // Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens. Internationales interdisziplinäres Alexander-von-Humboldt-Kolleg in St. Petersburg 16-19. April 2013. – Kiel : Solivagus-Verlag, 2015. – S. 160–168.

Bodrova, A. G. «Da ich Gott sei Dank nur in meinem Roman mit einem Chinesen verheiratet war». Rasse und Gender in Alma Karlins Reisebeschreibung zum Fernen Osten / A. G. Bodrova // Akten des XIII. Internationalen Germanistenkongresses Shanghai 2015. Germanistik zwischen Tradition und Innovation. Band 9. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2017. – S. 32–37.

Bronfen, E. Nur über ihre Leiche. Tod, Weiblichkeit und Ästhetik. Übers. aus dem Engl. von Thomas Lindquist / E. Bronfen. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1996 – 648 s.

Dimitrijević, J. Pisma iz Indije / J. Dimitrijević. – Beograd : Biblioteka narodnog univerziteta u Beogradu, 1928 – 31 s.

Ferić, Z. Variola vera / Z. Ferić // Otpusno pismo. – Zagreb : Profil Interantional, 2003. – S. 10–12.

Karlin, A. Einsame Weltreise / A. Karlin. – Minden in Westfalen, Berlin, Leipzig : Druck und Verlag von Wilhelm Köhler, 1930. – 331 s.

Karlin, A. Im Banne der Südsee / A. Karlin. – Minden in Westfalen, Berlin, Leipzig : Druck und Verlag von Wilhelm Köhler, 1930. – 381 s.

Karlin, A. Sama: iz otroštva in mladosti / A. Karlin. – Celje : In lingua, 2010. – 318 s.

Koch, M. Gender diskurs u akciji. Naratološke transgresije kod spisateljica na početku dvadesetog veka. Slučaj : Jelena Dimitrijević / M. Koch // Naučni sastanak slavista u Vukove dane (15–18.9.2004; Beograd). – Beograd, 2005. – № 34/2. – S. 255–268.

Kristeva, J. Fremde sind wir uns selbst / J. Kristeva. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1990. – 212 s.

Peković, S. Jelenina pisma / S. Peković // Dimitrijević J. Pisma iz Niša o Haremima. – Beograd : Gornji Milanovac, 1986. – S. I–XV.

Petrović, R. Afrika / R. Petrović. – Beograd : Univerzitet u Beogradu, 2009. – URL: http://www.antologijasrpskeknjizevnosti.rs/ASK_SR_AzbucnikPisaca.aspx (mode of access: 10.02.2021). – Text : electronic.

Sekulić, I. Sabrana dela. Knjiga prva / I. Sekulić. – Beograd : Matica srpska, 1961. – 370 s.

Slapšak, S. Haremi, nomadi : Jelena Dimitrijević / S. Slapšak. – Text : electronic // ProFemina. – Beograd, 1998. – № 15–16. – S. 137–149. – URL: https://aleksandrazikic.wordpress.com/2014/10/02/2-10-2014 (mode of access: 10.02.2021).

Stjelja, A. Jelena J. Dimitrijević – tragom prve priznate srpske književnice / A. Stjelja // Književna istorija. –Beograd, 2012. – № 147. – S. 341–354.

References

Bodrova, A. G. (2017) «Volshebnyi son Vostoka»: gendernaya i natsional'naya problematika v travelogakh Eleny Dimitrievich ["The Magic Dream of the East": Gender and National Issues in Elena Dimitrievič's Travelogues]. In *Studia Slavica Hung*. No. 62/1, pp. 161–170.

Bodrova, A. G. (2014). «Izokhimeny» v tvorchestve Isidory Sekulich: dialektika natsional'nogo i kosmopoliticheskogo [Isochims in the Works of Isidora Sekulić: Dialectic of National and Cosmopolitan]. In Bodrova, A. G., Brazgovskaya, E. E., Knyaz'kova, V. S., Kotova, M. Yu., et al. *Segmenty identichnosti v tvorchestve zarubezhnykh slavyanskikh pisatelei* // ed. by M. Yu. Kotovam Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, pp. 33–48.

Bodrova, A. G. (2015). Unter Gender-Aspekten betrachtet: Alma Maximiliane Karlins Reiseberichte. In *Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens. Internationales interdisziplinäres Alexander-von-Humboldt-Kolleg in St. Petersburg 16–19. April 2013*. Kiel, Solivagus-Verlag, pp. 160–168.

Bodrova, A. G. (2017). «Da ich Gott sei Dank nur in meinem Roman mit einem Chinesen verheiratet war». Rasse und Gender in Alma Karlins Reisebeschreibung zum Fernen Osten. In *Akten des XIII. Internationalen Germanistenkongresses Shanghai 2015. Germanistik zwischen Tradition und Innovation*. Band 9. Frankfurt am Main, Peter Lang, pp. 32–37.

Bronfen, E. (1996). *Nur über ihre Leiche. Tod, Weiblichkeit und Ästhetik. Übers. aus dem Engl. von Thomas Lindquist*. München, Deutscher Taschenbuch Verlag. 648 p.

Dimitrievich, E. (1928). *Novye zhenshchiny* [New Women]. Moscow, Nedra. 293 p.

Dimitrijević, J. (1928). *Pisma iz Indije*. Beograd, Biblioteka narodnog univerziteta u Beogradu. 31 p.

Ferić, Z. (2003). Variola vera. In *Otpusno pismo*. Zagreb, Profil Interantional, pp. 10–12.

Gradinari, I., Chubarov, I. (2021). Mediagenealogiya zarazheniya: sifilis – SPID – kovid [Media Genealogy of the Contagion: Syphilis – AIDS –COVID-19]. In Logos. Vol. 31/1, pp. 85–114.

Karlin, A. (1930). *Einsame Weltreise*. Minden in Westfalen, Berlin, Leipzig, Druck und Verlag von Wilhelm Köhler. 331 s.

Karlin, A. (1930). *Im Banne der Südsee*. Minden in Westfalen, Berlin, Leipzig, Druck und Verlag von Wilhelm Köhler. 381 s.

Karlin, A. (2010). *Sama: iz otroštva in mladosti*. Celje, In lingua. 318 s.

Koch, M. (2005). Gender diskurs u akciji. Naratološke transgresije kod spisateljica na početku dvadesetog veka. Slučaj: Jelena Dimitrijević. In *Naučni sastanak slavista u Vukove dane (15–18.9.2004; Beograd)*. Beograd. No. 34/2, pp. 255–268.

Kristeva, J. (1990). *Fremde sind wir uns selbst*. Frankfurt a. M., Suhrkamp. 212 p.

Peković, S. (1986). Jelenina pisma. In Dimitrijević, J. *Pisma iz Niša o Haremima*. Beograd, Gornji Milanovac, pp. I–XV.

Petrović, R. (2009). *Afrika*. Beograd, Univerzitet u Beogradu. URL: http://www.antologijasrpskeknjizevnosti.rs/ASK_SR_AzbucnikPisaca. aspx (mode of access: 10.02.2021).

Petrovich, R. (2019). *Burlesk gospodina Peruna, boga groma; Lyudi govoryat* [Burlesque of Mr. Perun, the God of Thunder; People Says] / transl. by V. Sokolov. Novo Miloshevo, Banatskii kul'turnyi centr. 256 p.

Sekulić, I. (1961). *Sabrana dela. Knjiga prva*. Beograd, Matica srpska. 370 s.

Slapšak, S. (1998). Haremi, nomadi: Jelena Dimitrijević. In *ProFemina*. No. 15–16, pp. 137–149. URL: https://aleksandrazikic.wordpress.com/2014/10/02/2-10-2014 (mode of access: 10.02.2021).

Sontag, S. (2016). Bolezn' kak metafora [Illness as Metaphor]. Moscow, Ad Marginem. 176 p.

Stjelja, A. (2012). Jelena J. Dimitrijević – tragom prve priznate srpske književnice. In *Književna istorija*. – Beograd,. No. 147, pp. 341–354.

Данные об авторе

Бодрова Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11.

E-mail: a.bodrova@spbu.ru.

Author's information

Bodrova Anna Gennad'evna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Slavic Philology, Philological Faculty, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

УДК 378.1476371.124:811.1. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-23.
ББК Ч448.985. ГРНТИ 14.35.07; 16.31.51. Код ВАК 13.00.02

PLURILINGUALISM AND THE SECOND LANGUAGE TEACHER EDUCATION

Tatiana V. Ustinova
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5377-7364

Abstract. The article aims at clarifying the premises of modelling educational outcomes of second language (L2) teachers'preparation by defining two core aspects of their professional competence architecture. From the perspectives of the communicative competence approach and the plurilingual approach to language teaching, metalinguistic awareness and plurilingual mindset are presented as the L2 teacher's core characteristics determining the efficiency of his/her professional functioning and the appropriateness of using L2 in a variety of professional contexts. The specific type of metalinguistic reflection emerging in prospective L2 teachers (teacher metalinguistic awareness) is described as including (1) performance-driven language awareness acquired as the consequence of the gradual accumulation of language use experience; (2) critical metalinguistic awareness rooted in theoretical linguistic thinking; (3) metalingual knowledge; (4) awareness of language from learner's perspective. It is shown that professional plurilingual / pluricultural mindset provides the L2 teacher with a set of presuppositions, thought content and focus for mobilizing plurality of languages for effective communication and identifying resources for language teaching and professional communication by flexible adjusting integrated L1-L2 repertoire. An attitude of openness and worldviews curiosity, a focus on recognizing cultural diversity and a purposeful engagement of the interrelated repertoire of several languages in communication are described among the key elements of professional plurilingual / pluricultural mindset. It is concluded that an intensive promotion of awareness-raising activities aimed at enhancing teacher metalinguistic awareness and plurilingual / pluricultural mindset are supposed to contribute to prospective L2 teachers'acquiring professional autonomy and the sense of professional self.

Keywords: second language teacher education; emerging bilingualism; theoretical thinking; plurilingualism; communicative repertoire; professional mindset.

ПЛЮРИЛИНГВИЗМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Устинова Т. В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5377-7364

© Т. Устинова, 2021

Аннотация. В статье рассматривается проблема моделирования образовательных результатов профессиональной подготовки студентов, обучающихся по направлениям иноязычного педагогического образования. В качестве объекта исследования выступает процесс формирования профессиональной коммуникативной компетентности будущих учителей иностранного языка. Предметом исследования являются металингвистическая осознанность и плюрилингвальный коммуникативный репертуар как предпосылки успешности профессиональной коммуникативной деятельности учителя иностранного языка. Исследование выполнено в рамках компетентностного подхода, представляющего языковую подготовку учителя иностранного языка с точки зрения сложной организации формирующихся интеллектуальных и психофизиологических качеств, знаний, умений, способностей и готовностей к иноязычной коммуникации, совокупно обеспечивающих использование иностранного языка как средства профессиональной деятельности. Содержание металингвистической осознанности, формирующейся в процессе профессиональной подготовки, представлено в виде совокупности взаимодействующих аспектов, включающих (1) практическую языковую осознанность, которая определяется накоплением опыта употребления иностранного языка в качестве средства коммуникации; (2) критическую металингвистическую осознанность, укорененную в теоретическом лингвистическом мышлении; (3) знание метаязыка, необходимого для описания языка и речи и их использования как средства обучения; (4) осознание «языка со стороны ученика», то есть знание особенностей коммуникативного развития субъекта, изучающего иностранный язык, способность моделировать его / ее языковое сознание и контролировать дидактическое воздействие языкового содержания материалов и заданий. Профессиональный плюрилингвальный образ мышления учителя иностранного языка представлен как следствие постепенной профессионализации сознания студентов, получающих иноязычное педагогическое образование. В работе доказывается, что плюрилингвальный образ мышления позволяет учителю устанавливать приоритеты межкультурной коммуникации и выступать медиатором в процессе обучения, опираясь на весь коммуникативный репертуар взаимодействующих языков (родного и иностранного), который имеется в его / ее распоряжении. В заключение обосновывается необходимость включения в языковую подготовку учителей иностранного языка специальных видов учебной деятельности, направленных на развитие металингвистической рефлексии и плюрилингвального образа мышления.

Ключевые слова: профессиональная подготовка учителя иностранного языка; учебный билингвизм; теоретическое мышление; плюрилингвизм; коммуникативный репертуар; профессиональный образ мышления.

Для цитирования: Устинова, Т. В. Плюрилингвизм и профессиональная подготовка учителя иностранного языка / Т. В. Устинова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 273–280. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-23.

For citation: Ustinova, T. V. (2021). Plurilingualism and the Second Language Teacher Education. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 273–280. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-23.

Introduction. The investigation agenda of foreign/second language (L2) teachers' education is characterized by interdependence among theory, research, and practice [Gregersen, MacIntyre 2017]. Presenting a more general framework of L2 teachers' education theory remains a necessary task in today's reality of rearranging educational programs to meet the requirements of dynamically transforming sociocultural demands. The prospective teachers' language preparation, their achieving highest levels of proficiency in L2 and acquiring professional communicative expertise are also re-conceptualized in accordance with the developing understanding of the complexity of actual language use in various modes of communication.

Distinguishing between experiential and awareness-raising practices in L2 teachers' professional preparation [Ellis 1986] has long been accepted as a fundamental principle. Such approach is based on the necessity to discuss the problem of providing teacher students with a solid foundation for their profession and presenting such foundation as comprising both (1) the conscious understanding of the principles underlying L2 teachers' professional functioning and (2) the abilities to appropriately implement the acquired knowledge, skills and attitudes into practice.

As far as language preparation is concerned, such approach may be used for integrating various aspects of language proficiency and describing the resulting use of L2 as a (1) meaning construction resource, (2) a tool of cognition and the world perception, (3) a tool of communication in a vast variety of contexts (including professional

communication) and (4) a tool of teaching. Seen this way, awareness-raising practices of language preparation aim at enhancing different types of students' linguistic and metalinguistic knowledge, reflection on language and its use, critical metacognitive awareness of language and culture. Experiential practices involve the prospective teacher in actual L2 use and aim at enhancing his/her communicative competence in its multi-faceted complexity.

Acquiring the profession of the L2 teacher requires achieving the highest levels of L2 proficiency. Advanced-level L2 proficiency is known to reorganize the L2 user's conceptual system [Kecskes 2010] and provide the learner with new ways of perceiving, thinking and talking about reality through internalization of new conceptual knowledge [Lantolf 2006; Lantolf & Zhang 2017]. Despite being supported by the studies, the effect of advanced L2 competence upon personality transformations needs further investigation. Advanced language proficiency of L2 teacher students is to be discussed in the light of defining objectives of professional education and planning the desired educational outcomes.

Currently, the metalanguage for discussing the overall language proficiency and language learning outcomes is developing [CEFR 2018]. Modelling educational outcomes of L2 teachers' professional preparation is a key task of higher education theory and language pedagogy. The aim of this paper is to clarify the premises of modelling educational outcomes of L2 teachers' language preparation by defining two core aspects of L2 teachers' professional competence architecture. We state that critical metalinguistic awareness and professional plurilingual/pluricultural mindset should be seen as novel distinguishing features, which emerge in prospective L2 teachers in the course of their education and communicative development and underlie L2 teachers' professional functioning.

Methodology of the research. To achieve the aim of the research, we rely upon the communicative competence approach with its established procedure to present language proficiency as real-life language use, grounded in four modes of communication (production, reception, interaction, mediation) and three aspects of communication (linguistic, sociolinguistic, pragmatic competences) intertwined in any language use [CEFR 2018; Taguchi 2018; Whyte 2019]. Within such framework, language use is described as the speaker's functioning in a communicative situation, in which his/her general competences (knowledge of the world, intercultural competence, professional experience, etc.) are supposed to be always combined with communicative language competences and strategies in order to achieve the aims of communication [CEFR 2018: 29].

In this study, we also make use of the multicompetence approach in SLA research, which foregrounds the unique status of the L2 user [Cook 2016; Chang 2019] and analyzes language learning as a two-way transfer resulting in the L2 user's acquiring a set of characteristics which drastically differ him/her from a monolingual language user [Cook 2016]. Thus, we follow the established pattern of emphasizing the unique nature of the L2 user's multicompetence and profile prospective L2 teachers' communicative development in terms of complex ecologies of L1-L2 inter-functioning.

Another methodological framework we rely upon is the plurilingualism perspective in language pedagogy [Lau, Viegen 2020; Kubota 2020] that shares an understanding of a synthesis of language and cultural resources used by the L2 user in communication and views his/her L1 and L2 resources as an integrated communicative repertoire.

From such perspectives, we address metalinguistic awareness and plurilingual mindset as the L2 teacher's core characteristics determining the appropriate use of L2 in a variety of professional contexts and the efficient professional functioning of the L2 teacher. Our study seeks to advance the concepts of metalinguistic awareness and plurilingual mindset by conducting a focused review of the state of the art in language teachers' education research and providing an in-depth account of the most relevant theories of L2 learning, metacognition and plurilingualism framing the field.

Teacher Metalinguistic Awareness as the Emerging Capacity of Prospective L2 Teachers. SLA research shows that metalinguistic awareness is an emerging property of the L2 user's proficiency developed due to the interaction between

the languages in the multilingual system [Jessner 2018].

Observing the practices of prospective teachers' language training we can state that metalinguistic awareness is developed in L2 teacher students twofold. Firstly, being L2 learners in the higher education system, students are exposed to both communicative language teaching and explicit language instruction and tend to operationalize knowledge about language as part of their extensive practical use of L2. We consider metalinguistic awareness emerging in L2 learners under such impacts to be performance driven, i. e. arising as the consequence of learners'L2 proficiency development and gradual accumulation of language use experience. Understood in a broader sense, such performance-driven language awareness may be presented as a continuum of capacities embracing knowledge about language, skills of reflection on language and its use, abilities to consciously monitor and control strategies of language use, which are gained in the course of practical language preparation. In this broad sense the term "language awareness" is often used to highlight the aspect of conscious perception and sensitivity in language learning and language use [Jessner 2018].

Secondly, due to the specialized use of language as an object and a means of professionalization, prospective L2 teachers not only develop in themselves a higher degree of cross-linguistic awareness leading to metalinguistic transfer across L1 and L2 (more on the notion of metalinguistic transfer see in [James 1996]), but also become sensitive to recognizing any human language as a complex functional system with the elaborate architecture. This plane of student's metalinguistic awareness may result from systematic scientific education in linguistics, intercultural communication theory, and language pedagogy. Students construct new schemata and new ways of understanding the world through the prism of theoretical linguistic thinking. According to V. V. Davydov, theoretical thinking is the quality of thinking characterized by the motivation and ability to reveal the essence of the phenomenon, establish the essential relationships of the whole object and its genetically original form; it occurs when there arises the necessity for constructing and assimilating a generalized method for dealing with broad classes of problems [Davydov 1999]. Theoretical thinking is opposed to empirical thinking, which involves pattern recognition of perceived objects and building hierarchical classifications [Davydov 1999]. Theoretical linguistic thinking is metacognitive in its nature, it is based on metalinguistic abstraction, analysis, generalization, and scientific concepts formation. Prospective L2 teachers are trained to understand language multidimensionally as a cultural phenomenon and as a means of cognition and communication; they gain a broad abstract knowledge about the structure of human language and general principles of language functioning.

The question to what extent learners can benefit communicatively in L1 and L2 from acquiring explicit metalinguistic awareness stays debatable. Nevertheless, the research shows that the enhancement of metalinguistic awareness has positive effects on language users in cognitive, affective and social dimensions [Roehr-Brackin 2018]. Among cognitive effects K. Roehr-Brackin names developing awareness of language functions, patterns in language, contrasts between languages [Roehr-Brackin 2018]. The affective domain refers to forming attitudes and aesthetic response to language [Roehr-Brackin 2018]. The social domain refers to an improved understanding of language and an appreciation of cultural variety [Roehr-Brackin 2018].

If we model the desired educational outcome of L2 teacher students' language preparation, the acquired metalinguistic awareness is to be critical and rooted in higher-order linguistic thinking. Critical metalinguistic awareness based on metalinguistic abstraction, analysis and generalization provides a solid ground for L2 teachers' implementing linguistically responsive practices in language teaching. The knowledge about language and critical awareness of language complexity and linguistic diversity are more than the basis for professional communicative functioning of L2 teachers. Such metalinguistic awareness allows prospective L2 teachers to focus on both the subject-matter content (the organization of language systems, language functions, modes of communication etc.) and the identity transforming impacts of language learning (the role of language in the world's conceptualization and in the identity construction, meaning of language as a social practice, etc.).

Another domain of L2 teacher students' awareness development is their acquisition of metalingual knowledge defined by R. Ellis as "knowledge of the technical terminology needed to describe language" [Ellis 1994: 714]. We suppose that the domain of L2 teachers' metalingual knowledge can be seen in a broader perspective. Firstly, it obviously includes the knowledge of metalanguage for describing language and the knowledge about "classroom language", i. e. knowing how to use L2 for instruction. Besides, metalingual knowledge includes the teacher's reflections on the ways of maximizing L2 exposure in the classroom and abilities to control L2 use as a means of teaching.

Thus, in the course of L2 teachers' education the integration of several domains of metalinguistic awareness leads to the emergence of the specific type of metalinguistic capacity peculiar to L2 teaching professionals – "teacher metalinguistic awareness". Although the concept of teacher metalinguistic awareness (also termed as "teacher language awareness") is discussed in SLA and language pedagogy [Andrews 2003; Andrews 2008; Otwinowska 2017], it needs further study. S. Andrews highlights the following characteristics of teacher language awareness: (1) the closeness of relationship between knowledge about language (subject-matter knowledge) and knowledge of language (language proficiency) [Andrews 2003: 85–86]; (2) the involvement of an extra cognitive dimension of reflections upon both knowledge of subject matter and language proficiency, which provides a basis for the tasks of planning and teaching: "this is what distinguishes the knowledge base of the teacher from that of the learner" [Andrews 2003: 86]; (3) the presence of "an awareness of language from the learner's perspective, an awareness of the learner's developing interlanguage, and an awareness of the extent to which the language content of materials/lessons poses difficulties for students" [Andrews 2003: 86]. We find the latter feature extremely important for understanding the nature of teacher metalinguistic awareness because it actualizes the intersubjectivity of L2 teaching – learning process and foregrounds the role of the teacher as a mediator in educational communication.

To conclude, the specific type of teacher metalinguistic awareness embraces such domains as (1) performance-driven language awareness (knowledge about language and communication, skills of reflection on language, abilities to consciously control strategies of language use) acquired as the consequence of the gradual accumulation of language use experience; (2) critical metalinguistic awareness rooted in theoretical linguistic thinking employing metalinguistic abstraction, analysis, generalization, and scientific concepts formation; (3) metalingual knowledge, i. e. knowledge of the metalanguage needed to describe language, knowing how to use L2 for instruction, reflections on the ways of maximizing L2 exposure in the classroom, abilities to control L2 use as a means of teaching; (4) awareness of language from learner's perspective, i. e. knowledge about the learner's communicative development and abilities to monitor and control the impact of the language content of teaching materials and tasks.

The Developing Understanding of Intercultural Communication and the Concept of Professional Plurilingual/Pluricultural Mindset of L2 Teachers. B. L. Leaver and B. Shekhtman state that at the superior level of language proficiency higher-order thinking, such as analysis, synthesis and evaluation are essential to students' learning [Leaver & Shekhtman 2004]. In L2 teachers' education advanced-level *L2 learning* is supposed to be implemented in the advanced-level *L2 study* embracing the analysis and critical evaluation of both the L2 "big culture" of history, literature, art, music, traditions, values, and the L2 "little culture" of sociocultural conventions, codes, assumptions, artefacts. As a result of such education and systematic focus on the relationships between two (or several) language cultures, L2 teacher students are expected to have acquired the expertise in intercultural communication. In a broader sense, the core components of such expertise are known to be attitudes (valuing cultural diversity and pluralism, etc.), knowledge and understanding (communicative awareness, knowledge of beliefs, etc.) skills (linguistic, sociolinguistic and discourse skills, skills in mediating intercultural exchanges, etc.), and actions (interacting and communicating appropriately with people who have different cultural affiliations, etc.) [Developing Intercultural Competence through Education 2014: 19–21]. The obvious impact of the intercultural reconceptualization of

L2 teaching in the higher education system in Russia and a shift to intercultural dialogue orientation in academic programs is that the advanced L2 proficiency of prospective teachers is formed and maintained as related to their intercultural awareness and expertise.

Nowadays the understanding of intercultural communication is developing. It is getting more complex and accommodating itself to the increasing diversity of our societies. For example, the "Common European Framework of Reference for Languages" (CEFR) broadens the perspective of language education in a number of ways by introducing the notions of mediation and plurilingual/pluricultural competences [CEFR 2018]. The GEFR highlights the following: "In the reality of today's increasingly diverse societies, the construction of meaning may take place across languages and draw upon user/learners' plurilingual and pluricultural repertoires" [CEFR 2018: 27].

Plurilingualism is the theoretical perspective that promotes "a composite view of language resources" [Lau, Viegen 2020: 11] of the L2 user and highlights "synthesis of language and culture resources and competence rather than just the idea of many or multiple" [Lau, Viegen 2020: 12]. Plurilingual/pluricultural competence is described as the ability to call flexibly upon an inter-related, uneven, plurilinguistic repertoire, upon the integrated knowledge of a number of languages used by an individual for meaning construction and communication [CEFR 2018]. Thus, proficiency in two languages is not conceptualized separately for L1 and L2 competences developed in language learning but is described as an integrated functional system of L1-L2 repertoire. Plurilingual repertoire of the language user is known to depend on his/her personal trajectories of L2 learning and involve a range of general and communicative competences [CEFR 2018].

Thus, a prospective L2 teacher is supposed to make the best use of the advanced-level knowledge of both L1 and L2 (and other languages) by building on his/her own plurilingual repertoire and relying on the whole linguistic resource he/she possesses to communicate effectively. A successful learning outcome of L2 teacher student may be presented in the form of an individual plurilingual proficiency profile, which reflects his/her competences across languages in different modes of communication (a sample of such profile is presented in [CEFR 2018: 40]).

As far as the general educational outcome is concerned, we state that enhancing students' metalinguistic awareness and plurilingual competence combined with profound L2 training leads to the formation of second language identity and professional plurilingual/pluricultural mindset in prospective L2 teachers. We regard language as a tool for identity construction and consequently, conceptualize gaining the advanced-level L2 proficiency as a driving force for the complex identity changes in L2 users. Though more research on the effect of language learning on identity construction is needed, several studies show that language expertise and pluricultural competence influence L2 users' self-identification both in sociocultural and professional domains [Polonyova 2018].

We see the concept of plurilingual/pluricultural mindset as the framework of reference for discussing the problems of L2 teachers' professionalization and L2 teachers' understanding their professional attitudes, roles, and responsibilities. According to S. Schein, mindset is a complex psychological construct underpinning personally distinguishable values, beliefs, and attitudes [Schein 2015]. In Mindset Theory of Action Phases (MAP) various types of mindsets are described as configurations of cognitive procedures that define critical tasks contexts and contribute to goal setting and goal striving [Keller, Bieleke, Gollwitzer 2019].

We define plurilingual/pluricultural mindset as a psychological construct system embracing a set of presuppositions, thought content and focus, which underlie successful communicative functioning of a language user, who mediates between languages and cultures and whose meaning-construction capacity relies on two (or more) interrelated languages. The key elements of this system are (1) an attitude of openness and worldviews curiosity; (2) a focus on recognizing cultural diversity and knowing how to deal with language otherness; (3) a greater awareness of what is general and what is specific in communicative functioning of languages; (4) a purposeful engagement of the interrelated repertoire of several languages in communication. Plurilingual/pluricultural mindset embraces the diversity of worldviews profiled by languages and languacultures,

which is foundational for developing multiperspectivity.

Professional plurilingual/pluricultural mindset is, on the one hand, the consequence of a gradual communicative and intercultural development of a prospective L2 teacher and, on the other hand, the emergent outcome of gradual professionalization, i. e. preparation of students to professional activities of the L2 teacher and formation of professional interests and intentions. Professional plurilingual/pluricultural mindset determines the teacher student's sense of professional belonging and shapes his/her confidence in mediating languages and facilitating communication in class and out of class. Namely, professional plurilingual/pluricultural mindset allows (1) setting overall teaching goals and definite communicative tasks from the perspective of mobilizing plurality of languages for effective educational communication and intercultural dialogue; (2) identifying resources for language teaching and professional communication by flexible adaptation and adjusting integrated L1-L2 repertoire to definite communicative situations; (3) evaluating teaching and communicative outcomes in terms of the appropriateness of the exploited plurilingual means and strategies.

To sum up, education of prospective L2 teachers is aimed at turning them into professional linguistic and cultural mediators, who are capable of initiating L2 learners into the world of a new culture and new meaning construction resources. Professional plurilingual/pluricultural mindset is the cornerstone of taking control of professional functioning across languages and cultures.

Conclusion. Modelling educational outcomes of the L2 teachers' professional preparation requires defining the factors which enable them to teach effectively. Professional competence of the L2 teacher has an extraordinarily complex architecture of sub-competences manifesting themselves in an intricate network of interrelations between professionally important psychophysiological qualities, attitudes, values, knowledge bases, vocational actions, skills and groups of readiness. We see teacher metalinguistic awareness and plurilingual mindset as the core basic elements underlying the L2 teacher's professional competence. L2 teacher's professionalism is defined by the extent to which he/she is aware of language as an object and a means of professionalization and is able to construct his/her professional self-understanding through this awareness.

Teacher educators and providers of teacher training programs are to take into account the necessity of including awareness-raising activities in the L2 teacher education curricula. Exposing students to plurilingualism and intensive promotion of activities aimed at enhancing their metalinguistic awareness and plurilingual mindset are bound to contribute to prospective L2 teachers' acquiring professional autonomy and the sense of professional self.

References

Andrews, S. (2003). Teacher Language Awareness and the Professional Knowledge Base of the L2 Teacher. In *Language Awareness*. Vol. 12. No. 2, pp. 81–95.

Andrews, S. (2007). *Teacher Language Awareness*. Cambridge University Press. 233 p.

Chang, C. B. (2019). Language Change and Linguistic Inquiry in a World of Multicompetence: Sustained Phonetic Drift and Its Implications for Behavioral Linguistic Research In *Journal of Phonetics*. No. 74, pp. 96–113.

CEFR – Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. (2018). Strasbourg, Council of Europe. 253 p.

Cook, V. (2016). Premises of Multi-competence. In Cook, V. and Wei, L. (Eds.). *The Cambridge Handbook of Linguistic Multi-competence*. Cambridge University Press, pp. 1–25.

Davydov, V. V. (1999). What is Real Learning Activity? In Hedegaard, M. and Lompscher, J. (Eds.). *Learning Activity and Development*. Aarhus, Aarhus University Press, pp. 123–138.

Huber, J. and Reynolds, C. (Eds.). (2014). *Developing Intercultural Competence through Education*. Strasbourg, Council of Europe Publishing. 128 p.

Ellis, R. (1986). Activities and Procedures for Teacher Training. In *ELT Journal*. Vol. 40. Issue 2, pp. 91–99.

Ellis, R. (1994). *The Study of Second Language Acquisition*. Oxford, Oxford University Press. 825 p.

Gregersen, T. S., MacIntyre, P. D. (2017). Introduction. In Gregersen, T. S., MacIntyre, P. D. (Eds.). *Innovative Practices in Second Language Teacher Education: Spanning the Spectrum from Intra- to Inter-Personal Professional Development*. Springer, pp. 1–14.

James, C. (1996). A Cross-Linguistic Approach to Language Awareness. In *Language Awareness*. Vol. 5. No. 3&4, pp. 138–148.

Jessner, U. (2018). Metacognition in Multilingual Learning: a DMM Perspective. In Haukas, A., Bjørke, C. and Dypedahl, M. (Eds.). *Metacognition in Language Learning and Teaching*. New York and London, Routledge, pp. 31–47

Kecskes, I. (2010). Dual and Multilanguage Systems. In *International Journal of Multilingualism*. Vol. 7. Issue 2, pp. 91–109.

Keller, L., Bieleke, M., Gollwitzer, P. M. (2019). Mindset Theory of Action Phases and If-Then Planning. In Sassenberg, K. and Vliek, M. L. W. (Eds.). *Social Psychology in Action: Evidence-Based Interventions from Theory to Practice*. Springer, pp. 23–38.

Kubota, R. (2020). Promoting and Problematizing Multi/Plural Approaches in Language Pedagogy. In Lau, S. M. Ch. and Van Viegen, S. (Eds.). *Plurilingual Pedagogies: Critical and Creative Endeavors for Equitable Language in Education*. Springer, pp. 303–322.

Lantolf, J. P. (2006). Re (de) fining Language Proficiency in Light of the Concept of "Languaculture". In Byrnes, H. (Ed.). *Advanced Language Learning. The Contributions of Halliday and Vygotsky*. Georgetown University Press, pp. 72–91.

Lantolf, J. P., Zhang, X. (2017). Concept-Based Language Instruction. In Loewen, S. and Sato, M. (Eds.). *The Routledge Handbook of Instructed Second Language Acquisition*. New York, London, Routledge, Taylor & Francis Group, pp. 146–165.

Lau, S. M. Ch., Van Viegen, S. (2020). Plurilingual Pedagogies: An Introduction. In: Lau, S. M. Ch., Van Viegen, S. (Eds.). *Plurilingual Pedagogies: Critical and Creative Endeavors for Equitable Language in Education*. Springer, pp. 3–22.

Leaver, B. L., Shekhtman, B. (2004). Principles and Practices in Teaching Superior-Level Language Skills: Not Just More of the Same. In Leaver, B. L., Shekhtman, B. (Eds.). *Developing Professional-Level Language Proficiency*. Cambridge University Press, pp. 3–33.

Otwinowska, A. (2017). English Teachers'Language Awareness: Away with the Monolingual Bias? In *Language Awareness*. Vol. 26. No. 4, pp. 304–324.

Polonyova, M. S. (2018). Language and Identity: English as a Part of Students'Language Identity Construction. In Haase, C., Orlova, N. and Head, J. (Eds.). *The Foundation and Versatility of English Language Teaching (ELT)*. Newcastle, Cambridge School Publishing, pp. 103–114.

Roehr-Brackin, K. (2018). *Metalinguistic Awareness and Second Language Acquisition*. New York, Routledge. 156 p.

Schein, S. (2015). *A New Psychology for Sustainable Leadership: The Hidden Power of Ecological Worldviews*. Sheffield, UK, Greenleaf Publishing. 210 p.

Taguchi, N. (2018). Advanced Second Language Pragmatic Competence. In Malovrh, P. A. and Benati, G. (Eds.). *The Handbook of Advanced Proficiency in Second Language Acquisition*. Hoboken, John Wiley & Sons, pp. 505–526.

Whyte, S. (2019). Revisiting Communicative Competence in the Teaching and Assessment of Language for Specific Purposes. In *Language Education and Assessment*. Vol. 2 (1), pp. 1–19.

Данные об авторе

Устинова Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 13.

E-mail: utanja@mail.ru.

Author's information

Ustinova Tatiana Viktorovna – Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

УДК 272.881.161.1'367. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-24.
ББК Ч426.819=411.2,22. ГРНТИ 14.25.09. Код ВАК 13.00.02

ИЗУЧЕНИЕ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СИНТАКСИСЕ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лагузова Е. Н.
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6284-0951

Мельникова Е. М.
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9795-0971

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем изучения активных процессов в синтаксисе в школьном преподавании русского языка. Отмечается, что современный синтаксический строй русского языка подвергается активному воздействию разговорной (устной) речи, обусловливающему появление расчленённых, сегментированных конструкций и наряду с ними – конструкций с языковой компрессией, ослабляющих синтагматические связи в высказывании. Указывается, что, с одной стороны, подобные процессы находятся за пределами литературной нормы, но, вследствие своей распространённости, формируют узуальную норму, с другой стороны, становятся средством экспрессии в тексте.

В статье утверждается, что рассматриваемое актуальное направление современной лингвистики реализовано в школьном преподавании русского языка в недостаточной степени. На основе анализа основных учебных комплексов авторы приходят к выводу, что в изучение тех или иных синтаксических тем в курсе средней школы уместным и оправданным будет включение языкового материала из устной разговорной речи, из современной публицистики и художественной литературы, который позволил бы школьникам научиться понимать сущность грамматических ошибок, видеть в тексте синтаксические приёмы выразительности – тем самым совершенствовать подготовку к итоговой аттестации, к участию в олимпиадах и в целом более уверенно ориентироваться в пространстве современного языка. Авторы предлагают использовать в качестве дидактического материала современные тексты, в которых отражены две противоположные тенденции – тенденция к аналитизму и тенденция к упрощению структуры высказывания с целью придания ему особой смысловой ёмкости. В статье представлен языковой материал, позволяющий увидеть данные тенденции в использовании описательных глагольно-именных оборотов, парцеллированных конструкций, с одной стороны, и в употреблении сжатых структур – с другой.

Ключевые слова: активный синтаксис; русский язык; синтаксис русского языка; методика преподавания русского языка; методика русского языка в школе; школьники; синтаксическая компрессия; синтаксическая редукция.

THE STUDY OF ACTIVE SYNTACTIC PROCESSES IN THE SCHOOL COURSE OF RUSSIAN

Evgenia N. Laguzova
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6284-0951

Ekaterina M. Melnikova
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9795-0971

Abstract. The article focuses on the problems of studying active processes in syntax in the school course of the Russian language. It is noted that the modern Russian syntactic structure is actively influenced by spoken

© Е. Лагузова, Е. Мельникова, 2021

language, which causes the appearance of split, segmented constructions and, along with them, constructions demonstranting language compression, weakening syntagmatic connections in the sentence. The article points out the fact that, on the one hand, such processes are outside the literary norm, but due to their prevalence, they form a usage norm and, on the other hand, become expressive means of the text.

The article argues that the urgent area of modern linguistics under consideration is not sufficiently implemented in the school teaching of the Russian language. Based on the analysis of the main learning sets, the authors come to the conclusion that in the secondary school course, it would be appropriate and justified to include linguistic material from spoken language and from modern publicist texts and fiction in the study of certain syntactic topics, which would allow students to learn to understand the essence of grammar mistakes, to see the syntactic techniques of expressiveness in the text – thereby to improve the preparation for the final state examinations, linguistic competitions, and, in general, to navigate the space of the modern language more confidently. The authors propose to use modern texts as didactic material, since these texts reflect two opposite tendencies – the tendency towards analytic structure and simplification of the structure of the sentence in order to render it special semantic capacity. The article presents linguistic material that shows these tendencies in the use of descriptive verbal-nominal constructions and parcelled structures, on the one hand, and in the application of reduced or compressed constructions, on the other hand.

Keywords: active syntax; Russian; Russian syntax; methods of teaching Russian; methods of teaching Russian at school; schoolchildren; syntactic compression; syntactic reduction.

Для цитирования: Лагузова, Е. Н. Изучение активных процессов в синтаксисе в школьном курсе русского языка / Е. Н. Лагузова, Е. М. Мельникова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 281–292. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-24.

For citation: Laguzova, E. N., Melnikova, E. M. (2021). The Study of Active Syntactic Processes in the School Course of Russian. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 281–292. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-24.

Введение. Современный синтаксический строй русского языка подвергается активному воздействию разговорной (устной) речи. Явления синтаксической компрессии и редукции обусловливают появление нового, так называемого «актуализированного» синтаксиса, «с расчленённым грамматическим составом предложения, с выдвижением семантически значимых компонентов предложения в актуальные позиции, с нарушением синтагматических цепочек, с тяготением к аналитическому типу выражения грамматических значений» [Валгина 2003: 184]. Под влиянием разговорной речи наблюдается сокращение линейной протяжённости предложения, увеличение конструкций, грамматически не связанных со структурой предикативной единицы, расширение круга «некоординированных» главных членов [Акимова 1990: 37–78].

Расчленённость и сегментированность синтаксических конструкций, с ослабленными синтагматическими связями, позволяет говорить об особой экспрессивности высказываний. Возникновение стилистического эффекта возможно при употреблении следующих типов конструкций: парцеллированных, присоединительных, конструкций с именительным темы, с «двойным» подлежащим [Акимова 1981; Акимова 1990; Валгина 2003: 184–205].

В языке конца XX–XXI вв. особой продуктивностью отличаются парцеллированные конструкции [Иванова 2007: 31–35; Кузнецова 2007: 412–418; Манькова 2009: 252–255]. Парцелляция понимается как «намеренное интонационное расчленение предложения, средство речевой экспрессии. Отделяемому компоненту придаётся более или менее самостоятельное значение, оно подчёркивается, усиливается» [Краткий справочник по современному русскому языку 2010: 332]. В современном русском языке преобладают конструкции со средней парцелляцией (термин А. П. Сковородникова [Сковородников 1978: 58]). При средней парцелляции базовая часть является структурно и семантически завершённой, может употребляться самостоятельно, парцеллят характеризуется синсемантичностью, смысл его становится понятным при наличии базовой части.

Природа подобных конструкций в письменной речи вторична: «воспроизведённые не в первозданном виде», они – «имитация» [Валгина 2003: 185]. Процесс освоения пись-

менным синтаксисом устных конструкций проходит несколько ступеней, и все они в современном состоянии русского языка представлены одновременно: 1) копирование разговорных конструкций в речи персонажей, где они становятся стилистически маркированными; 2) употребление разговорных конструкций в речи автора как «нарочито подчёркнутого» приёма воздействия на читателя; 3) «нейтрализация экспрессивного оттенка» заимствованной разговорной конструкции за счёт её распространения в научном, публицистическом стилях и вследствие повышенной частотности употребления [Акимова 1981].

Исследованию разговорных конструкций в письменном тексте посвящены работы А. В. Величко [Величко 2014], П. А. Леканта [Лекант 2007: 175–213], В. Ю. Меликяна [Меликян 2014], Н. Ю. Шведовой [Шведова 2003] и др. Вместе с тем активен интерес лингвистов и к описанию непосредственной живой, спонтанной устной речи [Богданова-Бегларян 2015; Лаптева 2003].

Активный синтаксис в школьных учебных комплексах. Изучение активных процессов в синтаксисе современного русского языка в школе – задача непростая. Синтаксис как высший, самый сложный уровень языковой системы требует определённого развития абстрактного мышления, способности анализировать и обобщать информацию. Знакомство с активными процессами в синтаксисе на материале письменной и устной речи позволит учащимся повысить уровень языковой компетенции: более осознанно подойти к изучению тех или иных тем данного раздела, более качественно подготовиться к итоговой аттестации, а также к участию в олимпиадах по русскому языку.

Рассмотрим, как реализуется актуальное направление современной лингвистики в ряде школьных учебных комплексов.

Нужно отметить, что школьные учебники по русскому языку «литературоцентричны»: дидактический материал для иллюстрации правил, упражнений берётся из книжной речи, в основном из текстов художественной литературы классического типа. Это правильно, ибо именно такой материал даёт детям образец хорошей речи, которую в современной ситуации они редко где могут услышать. Теме активных процессов в синтаксисе русского языка не посвящено отдельного раздела учебника, что вполне объяснимо: обусловленные часто влиянием устной речи, эти явления далеко не всегда пересекаются с литературным языком, хотя активно используются в нём в качестве экспрессивного средства. Ряд тем курса синтаксиса позволяет использовать подобный иллюстративный материал для анализа современных явлений речи.

Мы проанализировали синтаксические темы в учебнике за 8 класс основной общеобразовательной школы в следующих учебных комплексах: *УМК-Ладыженская* (Русский язык. 8 кл. 2014), *УМК-Бабайцева* (Русский язык. Теория. 5–9 кл. 2008; Русский язык. Практика. 8 кл. 2012), *УМК-Разумовская* (Русский язык. 8 кл. 2009), *УМК-Рыбченкова* (Русский язык. 8 кл. 2017). Именно на этом этапе школьники начинают подробно изучать такие синтаксические единицы, как словосочетание и простое предложение (и продолжают в 9 классе изучение сложного предложения).

Считаем, что самым удачным с точки зрения обращения к активным процессам в синтаксисе является учебник из *УМК-Ладыженская*: именно в этом комплексе заявленная в аннотации идея «интегрированного обучения языку и речи» [*УМК-Ладыженская*: 2] находит частичную реализацию.

Так, в разделе «Словосочетание» представлен ряд упражнений, направленных на анализ ошибок в падежном управлении. Эти ошибки – результат активных изменений в системе словосочетания. Исследователи называют среди таких процессов «рост аналитических способов передачи падежных значений»: явления «замены падежного управления существительных и глаголов предложным», «замены косвенного падежа существительных конструкцией *как + Им.*», «замены косвенного падежа существительных конструкцией с зависимым инфинитивом», «неправильного выбора падежа», «нарушения в согласовании прилагательных и причастий с существительным» [Гловинская 2000: 239–240]. Ср. также замечания об «экспансии именительного падежа» в зависимых позициях как следствии активизации «несогласу-

емых и неуправляемых словоформ», «росте предложных сочетаний», «ослаблении синтаксической связи» в [Валгина 2003: 215–222, 232–236]. Обращается внимание на развитие явлений «аналогии и контаминации в словосочетании», явлений компрессии (эллипсиса, стяжения, уплотнения, конденсации) словосочетаний. Некоторые новые конструкции, не характерные «для речи гуманитарной интеллигенции», являются социально маркированными, пришедшими из профессиональной среды чиновников, бизнесменов и даже из речи преступных групп [Крысин 2003].

Система упражнений в учебнике, конечно, не отражает весь спектр перечисленных явлений. Однако основные тенденции современной устной речи отмечены. Так, в упражнении №61 школьникам предлагается оценить нормативность словосочетаний типа *молодая доцент* [*УМК-Ладыженская*: 40]; в упражнении №68 разграничить предложное и беспредложное управление, выбрав нужную падежную форму зависимого слова при словах-паронимах или синонимах [*УМК-Ладыженская*: 41]; в упражнении №130 найти и исправить ошибки в построении словосочетаний в контексте предложений [*УМК-Ладыженская*: 77]; в упражнении №240 выбрать нормативное употребление предлога *в* или *на* [*УМК-Ладыженская*:132]. Интересно упражнение №86, в котором школьникам предлагается «понаблюдать за звучащей речью, постараться услышать в ней недочёты», мешающие понять смысл высказывания [*УМК-Ладыженская*: 52]. Примечательно, что в разделе, посвящённом повторению и систематизации полученных в 8 классе знаний, в теме «Синтаксис и культура речи», авторы тоже обращаются к проблеме нарушения норм управления, предлагают проанализировать примеры из «живой русской речи» (упражнение №444), а также классифицировать виды синтаксических ошибок в словосочетании (упражнение №445) [*УМК-Ладыженская*: 252–253]. Большое внимание к теме соблюдения норм построения словосочетаний объясняется актуальностью данной проблемы в современной речи: активные изменения в синтаксисе словосочетания, зарождаясь в устной речи в качестве грамматической ошибки, начинают приобретать статус узуальной нормы, проникают в речь литературную, и наблюдать эти преобразования на «знакомом» языковом материале могут и школьники.

В изучении раздела «Простое предложение» можно назвать темы, которые позволяют привлекать языковой материал по активным процессам в синтаксисе. Так, например, при изучении неполных предложений можно проиллюстрировать явления синтаксической компрессии и редукции языковыми фактами и из устной речи, и из художественных произведений. Однако авторы УМК не воспользовались, на наш взгляд, этой возможностью в полной мере: дидактический материал упражнений содержит мало примеров современной живой разговорной речи и речи литературной (в частности, публицистической), в которых можно было бы наблюдать активные изменения структуры «классического» предложения.

Темы, посвящённые рассмотрению конструкций, осложняющих структуру простого предложения, тоже в определённых моментах соприкасаются с отражением активных процессов в речи. Во-первых, предметом анализа могут стать предложения, осложнённые однородными членами (как правило, сказуемыми, а также подлежащими и дополнениями, выраженными отглагольными существительными). «Одно из часто встречающихся в современной устной и письменной речи синтаксических явлений, – отмечает Л. П. Крысин, – постановка общего управляемого имени или именной группы при двух (обычно) или нескольких (реже) разноуправляющих предикатах – глаголах или отглагольных существительных, образующих сочинительную конструкцию. Например: *организовать и руководить оркестром* – при нормативном: *организовать оркестр* (вин. п.) и *руководить им* (твор. п.)» [Крысин 2010: 201]. Такое «чрезвычайно распространённое» явление в «устно-разговорной разновидности литературного языка и в языке средств массовой информации» нельзя объяснить лишь фактом «семантической близости» управляющих слов (ср.: ***обвинять*** *и* ***осуждать*** *соседей* ***за*** *бесконечные* ***скандалы***): «подобные отклонения от синтаксической нормы могут происходить и при существенных семантических различиях сочиняемых предикатов и даже при принадлеж-

ности их к разным тематическим классам лексики… (ср.: *Необходимо* ***отмечать*** *и* ***реагировать на недостатки*** *в работе* (радио «Россия», февраль 2004 г.)» [Крысин 2010: 201–202]. В учебнике за 8 класс в *УМК-Ладыженская* мы встречаем только одно упражнение, затрагивающее данный аспект речи: школьников просят найти ошибки в употреблении предложений с однородными членами и среди прочего предлагают для анализа 4 предложения, источник которых неизвестен [*УМК-Ладыженская*: 156].

Во-вторых, употребление в современной речи предложений с обособленными обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами, тоже может дать пищу для размышлений. Речь идёт о так называемых «запретных деепричастных оборотах»: «ненормативная деепричастная конструкция с некореферентным подлежащему семантическим субъектом в современном языке реализуется чрезвычайно широко» [Гловинская 2000: 277]. «Наиболее мощным фактором, порождающим массовые случаи нарушения правила кореферентности, – отмечает М. Я. Гловинская, – является фактор совпадения семантического [*выделено нами*] субъекта состояния или (реже) действия, выраженного глаголом, и субъекта действия или состояния, названного деепричастием» [Гловинская 2000: 289]. Ср. также следующее замечание лингвиста: несмотря на то, что такие обороты «никогда не признавались нормативными, именно они из всех ненормативных оказались наиболее устойчивыми и распространёнными» [Гловинская 2000: 289]. Материал учебника даёт возможность анализировать подобные конструкции: в упражнении №322 школьников просят найти ошибки в построении предложений с деепричастными оборотами [*УМК-Ладыженская*: 181]. Отметим, что источник пяти предлагаемых для анализа единиц не указан, а было бы, наверное, намного интереснее рассматривать конкретные речевые факты – это упущение компенсируется упражнением №446, материал для которого взят из книги «Не говори шершавым языком», где собраны «десятки конкретных примеров современных нарушений норм русского литературного языка» [*УМК-Ладыженская*: 253].

Если обратиться к другим УМК по русскому языку и сосредоточиться на фактах отражения в языковом материале активных процессов в синтаксисе в упражнениях учебника для 8 класса, то можно увидеть, что доля их крайне невелика. Учебник В. В. Бабайцевой и Л. Д. Чесноковой для 5–9 классов «Русский язык. Теория» в разделе «Синтаксис» подобный материал не описывает [*УМК-Бабайцева* 2008]. В учебнике «Русский язык. 8 класс. Практика» в теме «Неполные предложения» отметим задание к упражнению №242, обращённое к современной речевой практике: «Выпишите из газеты заголовки, которые являются неполными предложениями. Укажите, какие члены предложений в них пропущены» [*УМК-Бабайцева* 2012: 103].

Учебник 8 класса в *УМК-Разумовская* в одном упражнении (№37) в теме «Словосочетание» предлагает исправить ошибки в управлении, но языковой материал, на наш взгляд, однотипен (касается только одного аспекта – правильного выбора предлогов *с/из*, *в/на*) и, возможно, нарочито искусственен (вряд ли современный школьник встречает в современной речи или сам допускает ошибки типа *выбежать из балкона*, *сойти из поезда*) [*УМК-Разумовская*: 25].

В учебнике для 8 класса в *УМК-Рыбченкова* в теме «Словосочетание» представлено упражнение №56, задание к которому предполагает разграничение предложного и беспредложного управления при близких по значению словах и паронимах [*УМК-Рыбченкова*: 40], в теме «Обособление обстоятельств» – упражнение №262, в котором нужно сравнить предложение с запретным деепричастным оборотом и его исправленный вариант, а также «заметки на полях», предлагающие школьнику самому отредактировать неправильно построенные предложения [*УМК-Рыбченкова*: 167–168]. Интересно, что тема «Неполные предложения», которая позволила бы проанализировать некоторые активные процессы в структуре простого предложения, в данном учебнике отсутствует.

В пособиях для углублённого изучения русского языка в школе интересующий нас материал практически не представлен. В рассмотренном нами пособии В. А. Багрянцевой («для старших классов гуманитарного профи-

ля») его нет [Русский язык 2006]. В учебнике В. В. Бабайцевой 2012 г. добавлена информация о конструкции «именительный представления» [Бабайцева 2012: 326–327], однако её потенциал в современной литературной речи мало раскрыт, а в теме «Неполные предложения» упоминается о том, что предложения, построенные по схемам «кто – чему», «кто – куда», «кто – кого», «кто – как», «что – где» и т. п. «часто встречаются в призывах, лозунгах и газетных заголовках» [Бабайцева 2012: 330].

Нужно отметить, что и в учебных пособиях неуглублённого типа, предназначенных для старшеклассников (10–11 классы), языкового материала, связанного с активными процессами в синтаксисе, тоже крайне мало. Учебник-практикум А. Д. Дейкиной и Т. М. Пахновой строит систему упражнений на основе образцовых литературных текстов, и факты современной речи не попадают в поле зрения авторов [Дейкина, Пахнова 2006]. В учебнике Н. Г. Гольцовой, И. В. Шамшина, М. А. Мищериной нам встретилось упражнение №332, предполагающее выбор нормативного варианта словосочетания из предложенных пар [Гольцова 2013: 228], в теме «Неполные предложения» – всего два упражнения с примерами из художественных текстов [Гольцова 2013: 241–242]. Характерно, что параграф о разговорном стиле русского языка в данном пособии содержит информацию лишь об особенностях классического эпистолярного жанра [Гольцова 2013: 399–340].

Вместе с тем анализ фактов современной речи позволяет проводить продуктивную подготовку к итоговой аттестации. Как известно, одно из заданий ЕГЭ по русскому языку направлено на поиск грамматических ошибок в построении синтаксических единиц. В перечне таких ошибок указаны как раз те, которые становятся очень распространёнными в узусе, проникают в книжный язык. Это, в частности, «неправильное употребление падежной формы существительного с предлогом», «ошибка в построении предложения с однородными членами», «неправильное построение предложения с деепричастным оборотом» и т. п. [Демонстрационный вариант… http].

Кроме того, использование конструкций «активного синтаксиса» может преследовать, как мы отмечали выше, и цели повышения экспрессивности текста. Так, одним из проявлений тенденции к сегментированности синтаксических конструкций в современной речи становится парцелляция. Умение её находить проверяется в последнем задании первой части ЕГЭ по русскому языку, посвящённом анализу средств выразительности в тексте. Казалось бы, синтаксические темы школьного учебника дают хорошую возможность описать данное явление, которое, как показывает практика, далеко не всегда понятно школьнику. Однако ни в одном из рассмотренных пособий мы эту тему не обнаружили.

В целом, следует отметить, что учебные комплексы по русскому языку явно недостаточно используют языковой материал, отражающий активные процессы в синтаксисе, хотя обращение к нему помогло бы решить многие задачи: показать особенности живой современной речи и тем самым пробудить интерес к изучению родного языка, научить видеть в художественном тексте синтаксические приёмы выразительности, понимать сущность грамматических ошибок.

Считаем, что в изучение тех или иных синтаксических тем в курсе средней школы уместным и оправданным будет включение языкового материала из устной разговорной речи, из современной публицистики и художественной литературы, который позволил бы школьникам более уверенно ориентироваться в пространстве современного языка.

В развитии синтаксиса отмечаются две противоположные тенденции – тенденция к аналитизму, которая проявляется в увеличении единиц плана выражения по сравнению с единицами плана содержания, и тенденция к упрощению структуры высказывания с целью придания ему особой смысловой ёмкости. Эти тенденции отражаются в использовании описательных глагольно-именных оборотов, парцеллированных конструкций, с одной стороны, и в употреблении сжатых структур – с другой.

Тенденция к аналитизму в школьном изучении. При изучении темы «Сказуемое» целесообразно использовать языковой материал, отражающий тенденцию к аналитизму в современном русском языке. Так, необходимо

обратить внимание на описательные глагольно-именные обороты (ОГИО) – «синтаксические конструкции, основанные на несвободном употреблении глагола-призрака, семантически неделимые, обладающие всеми категориальными и формальными признаками глагола…» [Лекант 2007: 138].

Естественно, в центре внимания должны быть продуктивные модели ОГИО – с компонентами *давать / дать, делать / сделать, вести, испытать / испытывать, совершать / совершить* и др. Ср.: 1) *Размашисто и крупно* ***вела*** *она всякую больничную* ***запись*** (Л. Улицкая. Медея и её дети); *Спустя много лет бездетная Медея собирала в своём доме в Крыму многочисленных племянников и внучатых племянников и* ***вела*** *над ними тихое, ненаучное* ***наблюдение*** (Л. Улицкая. Медея и её дети)*; Каждый день Бутонов приходил на занятия и* ***испытывал восторг*** *пятилетнего мальчика, впервые приведённого в цирк* (Л. Улицкая. Медея и её дети)*; «Они никакого* ***выбора не делают*** *– просто так вот живут, с утра до вечера. И никакой игры на себя…» – умно как будто говорил Илья* (Л. Улицкая. Золотой шатёр)*; В этот прощальный вечер Боря* ***сделал снимок*** *нашей виллы* (Д. Рубина. Ручная кладь)*; Так же холодно и … Таисья комментировала действия Альфонсо, особенно когда тот* ***впадал в*** *монаршую* ***ярость*** (Д. Рубина. Последний кабан из лесов Понтеведра)*; Человек или компьютерная программа* ***совершает*** *так называемый «холодный* ***прозвон****»: набирает множество номеров, делая короткие звонки, и после первого же сигнала «бросает трубку»* (Аргументы и факты. 11–17.03.2020) – ОГИО выполняют синтаксическую функцию простого глагольного сказуемого.

2) а) – *… Я* ***имел возможность*** *оценить ваши незаурядные качества* (Б. Акунин. Статский советник); – *Обстоятельства сложились таким образом, что* ***не имел возможности*** *явиться к вашему сиятельству с д-докладом раньше, – начал Фандорин официальным тоном* (Б. Акунин. Статский советник);

б) *Слухи про Маркаса ходили такие, что* ***разборки производить*** *он умеет* (Д. Рубина. Последний кабан из лесов Понтеведра); *Перед тем как уйти, остановились на пороге, чтобы навсегда запомнить странное место, где произошло то, чему Грин боялся* ***дать название*** (Б. Акунин. Статский советник); *Женя была готова, но хотела набело попрощаться с Кириллом,* ***дать*** *последние* ***инструкции*** (Л. Улицкая. Сквозная линия) – ОГИО являются вспомогательными (а) и основными (б) компонентами составного глагольного сказуемого.

В дидактический материал должны быть включены ОГИО, синонимичные глаголам того же корня, что и имя существительное. Ср.: *вела запись – записывала, вела наблюдение – наблюдала, испытывал восторг – восторгался, не делают выбора – не выбирают, сделал снимок – снял, впадал в ярость – разъярялся, совершает прозвон – прозванивает, звонит; имел возможность оценить – мог оценить, умеет производить разборки – умеет разбираться, боялся дать название – боялся назвать, хотела дать инструкции – хотела проинструктировать.*

При рассмотрении парцеллированных конструкций можно обратить внимание на особые средства выражения экспрессии в этих построениях. Чтобы заинтересовать школьников изучаемым явлением, предлагаем использовать языковой материал из произведений детской литературы. Созданию комического эффекта способствуют, например: а) интонация; б) нарушение логической однородности; в) употребление необычного сравнения; г) нарушение лексико-семантической валентности (сочетаемости слов); д) создание авторских окказионализмов.

Ср.: а) – *Прошу поподробнее, – попросил Игорь. – Каким зверям?* ***Хищникам? Парнокопытным? Обезьянам?*** (Э. Успенский. Меховой интернат);

б) *Дверь за ним закрылась, и замок щёлкнул. Наверное, он был волшебным.* ***Или английским*** (Э. Успенский. Вниз по волшебной реке); *В вагон вошёл иностранец. А может, не иностранец, но шляпа у него была из иностранной державы.* ***И из соломы*** (Э. Успенский. Школа клоунов); – *Больно хлопотно, – возражает кот.* ***И Мурку перевозить, и вещи*** (Э. Успенский. Дядя Фёдор, пёс и кот);

в) *Шёл себе Киселёв из школы. Банку гуталинную гонял. Шёл и радовался.* ***Как маршал в отпуске*** (Э. Успенский. Меховой интернат); *Фред шёл из леса, неспешно вышагивая. Шёл и думал.* ***Как король в своих владениях*** (А. Волков. Семь подземных королей);

г) *Какой цветок выбрать, думали все, но мысли были какие-то не такие.* ***Не цветочные совсем***

(А. Волков. Семь подземных королей); *У продавщиц были более важные дела, помимо продавания и обслуживания. Какая-то охватила их задумчивость.* ***Осенняя*** (Э. Успенский. Крокодил Гена и его друзья); *У нас трактор особенный.* ***Продуктовый*** (Э. Успенский. Дядя Фёдор, пёс и кот); *А где же на тётю товарища полковника парашют взять? Она же у нас большая.* ***Двухгабаритная*** (Э. Успенский. Тётя дяди Фёдора);

д) – *Я люблю, когда у человека характер весёлый – колбасно-угощательный. А у неё наоборот – тяжёлый характер.* ***Венико-выгонятельный*** (Э. Успенский. Дядя Фёдор, пёс и кот); –*Девочка Люся, ведь у собак, которые у нас живут, два возраста.* ***Собачевский*** *и человеческий* (Э. Успенский. Меховой интернат).

Уделить внимание необходимо и описанию роли данного приёма в организации текста. А. П. Сковородников выявил три функции парцелляции: изобразительную, характерологическую и эмоционально-выделительную. Изобразительная функция парцелляции «проявляется при художественно-образной конкретизации изображаемого»; характерологическая функция связывается с имитацией речевой манеры субъекта речи; эмоционально-выделительная функция характерна для конструкций, в которых парцелляция служит средством подчёркивания эмоционального состояния или эмоциональной оценки [Сковородников 1980: 86–91].

Изобразительная функция парцелляции реализуется в описании внешнего облика субъекта, необычного поведения персонажа. Парцеллят представляет собой обособленное определение или ряд однородных сказуемых. Ср.: *Потом они домой пошли. По тропинке под солнышком. А навстречу им дядя какой-то бежит.* ***Румяный такой, в шапке. Лет пятидесяти с хвостиком*** (Э. Успенский. Дядя Фёдор, пёс и кот); *Удивительным созданием стал Полкан. Он мог часами сидеть в секрете или в засаде.* ***Мог острыми рогами пробить металлическую бочку. Умел возить сани и тележку. И при этом не забывал давать молоко.*** *Ведь в конечном итоге Полкан был козой* (Э. Успенский. Школа клоунов).

Парцелляция необособленного второстепенного члена предложения, однородных членов предложения выделяет характерные черты персонажа: *Слышно было, как Петя ходил по своей комнате, потом спустился, прошёл мимо дверей в ванную и долго плескался там, бормоча, – он всегда разговаривает вслух с собою.* ***Долго*** (Д. Рубина. На Верхней Масловке); *...Так вот, кое-кто из курса, Лёшка Мусин, например, – ведь серенький козлик был.* ***И не скрывал этого, и смиренно ждал снисходительной помощи сокурсников*** (Д. Рубина. На Верхней Масловке); *Таисья стояла у посудной раковины, закинув прекрасное заплаканное лицо, рыдая над несчастной любовью своего заклятого врага, любуясь этой неистребимой страстью и преклоняясь перед ней.* ***И в эти минуты сама была достойна увертюрных вихрей любой гениальной оперы*** (Д. Рубина. Последний кабан из лесов Понтеведра).

Парцелляция обособленных согласованных и несогласованных определений позволяет выразить эмоциональное состояние субъекта. Ср.: *На пороге стояла Клара.* ***Бледная, с растрёпанными волосами, со шляпой в руке*** (Б. Акунин); *И входит в дом тётя Тамара.* ***Очень разгневанная. И с дверью в руках*** (Э. Успенский. Тётя дяди Фёдора). Эмоционально-выделительная функция свойственна парцеллятам, включающим и обособленное определение, и однородные сказуемые, характеризующие внутреннее состояние персонажа. Ср.: *С самого начала сцены она стояла рядом со мной, недалеко от меня.* ***Изжелта-бледная, то потирала руки, то обнимала себя за плечи, словно хотела согреться*** (Д. Рубина. Последний кабан из лесов Понтеведра).

Парцелляты – обособленные приложения содержат дополнительную характеристику предмета или субъекта речи. Ср.: *Вперёд важно, вперевалочку вышел Иглосски.* ***Большой специалист*** (Э. Успенский. Меховой интернат); *По дороге от станции к посёлку интернатники в этот раз не встречались. Встречались какие-то потрёпанные взрослые.* ***Какие-то неприкаянные типы. Наверное, друзья Темнотора*** (Э. Успенский. Меховой интернат); *Эта всеобщая увлечённость произвела такое впечатление на взрослых, что отец Гульки дядя Рустам, милиционер, отправился в слесарно-столярную мастерскую, за начальством которой числился какой-то грешок, и, то ли путём шантажа, то ли как-то ещё воздействовав на директора, заставил сделать ширму для нашего театра.* ***Роскошную раскладную ширму с настоящими дверными петлями*** (Д. Рубина. Синдром Петрушки).

Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция. При синтаксической компрессии «опускается внутреннее звено конструкции при сохранении крайних, но именно в них заключается нужный смысл» [Валгина 2003: 228]. Явления синтаксической компрессии и редукции при изучении неполных предложений могут проиллюстрировать заголовки газет.

В заголовках газетных статей фиксируются два типа безглагольных предложений. В предложениях первого типа обязательными компонентами являются подлежащее и косвенное дополнение. Особой продуктивностью отличаются предложения с семантикой речи-мысли. Ср.: *Усыпление мозга.* ***Режиссёр Никита Михалков – о национальной трагедии, происходящей в наших умах и душах*** (Аргументы и факты. 11.03–17.03.2020); *Президент Украины – об итогах нормандского саммита* (Новая газета. 11.12.2019); *Директор Третьяковки – о «дьявольской силе» картины* (Собеседник. Спецвыпуск. № 6.2019) и т. п.

В научной грамматике такие построения относятся к особому структурно-семантическому типу простых предложений – к эллиптическим предложениям [Лекант 2010: 378].

В предложениях-заголовках второго типа отсутствуют и подлежащее, и сказуемое. Употребляются словоформы в родительном падеже с предлогом *от* и в дательном падеже с предлогом *к*, а также две словоформы в родительном падеже с предлогами *от* и *до*, совмещающие значения косвенного дополнения и обстоятельства места: *От фашизма к коммунизму* (Е. Тростин. Свой. Октябрь 2020); *От беды к еде* (Московский комсомолец. 17.06–2.06.2020); *От принцессы до баронессы с кисточкой* (К. Воротынцева. Свой. Март 2020); *От вегетарианства до танцев со звёздами* (Московский комсомолец. 09.12–15.12.2020); *От подарков до протестов* (Собеседник. 30.10–05.11.2019). В таких предложениях обозначается «отрезок времени либо этапы движения, развития чего-либо во времени» [Золотова 1988: 75].

В предложениях-заголовках, включающих обстоятельства – существительные в родительном падеже с предлогом *из* и в винительном падеже с предлогом *в*, передаётся изменение социального статуса субъекта (а) или направление движения (б). Ср.: а) *Из адвокатов – в подсудимые* (Собеседник. 15–28.04.2020); б) *Из Питера в Татарстан через люк* (Собеседник. 30.10–05.11.2019); *Из Ухани – в резервацию* (Собеседник. 12–18.02.2020).

Синтаксическая компрессия обнаруживается и в названиях глав литературных произведений. Ср.: *Глава седьмая, в которой* [рассказывается о том, что] *все скорбят, а Фандорин попусту тратит время* (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса); *Глава одиннадцатая, в которой* [рассказывается о том, как] *Фандорин учится летать* (Б. Акунин. Статский советник) и т. п.

При синтаксической редукции намеренно пропускается обязательное зависимое слово. В языке печатных СМИ распространено употребление переходных глаголов без прямого дополнения: *Серебренников не растратил,* ***а сэкономил*** (Собеседник. 21–27.08.2019); *Не так* ***сверстали*** (Собеседник. 15–21.01.2020); *Как будут* ***увольнять*** *по-новому?* (Собеседник. 19–25.02.2020). Отмечается и пропуск обязательных косвенных дополнений – словоформ в дательном (а) и творительном падежах (б). Ср.: а) *Ивана Голунова приравняли…* (Московский комсомолец. 14.06.2019); б) *Петербург желает познакомиться* (Культура. 23–29.09.2016) и т. п.

Вывод. Влияние устной разговорной речи на «классическое» строение синтаксических конструкций, вследствие своей распространённости, формирует узуальную норму. «Нередко результаты такого влияния оцениваются как нарушение традиционной синтаксической нормы, но в них можно видеть и зарождение неких новых тенденций в построении высказывания», – отмечает Л. П. Крысин [Крысин 2010: 200].

С другой стороны, активные явления синтаксической компрессии, редукции, сегментации, часто являясь маркером разговорной речи, становятся в литературном тексте особым средством выразительности, которое надо уметь увидеть и оценить.

Изучение активных процессов в синтаксисе современного русского языка в школе не должно становиться самоцелью. Эта сложная для освоения тема может найти практическое применение на уроках русского языка.

Анализируя грамматические ошибки в построении синтаксических единиц, мы вместе с учениками отмечаем рост предложного управления, увеличение количества несогласуемых форм, явления контаминации в словосочетании, изменения в структуре простого осложнённого предложения. Рассматривая аналитические конструкции в художественном тексте и средства синтаксической компрессии и редукции в заголовках современных СМИ, отмечаем повышенную экспрессивность авторской речи.

Учитель может использовать разнообразный языковой материал из устной речи, из текстов современной публицистики и художественной литературы, чтобы показать, как те или иные синтаксические конструкции употребляются в речи наших современников.

Изучение активных процессов в синтаксисе на материале живой речи актуализирует связь двух основополагающих систем – системы языка и системы речи, способствует формированию языковой компетенции школьника.

Литература

Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – М. : Высшая школа, 1990. – 168 с.

Акимова, Г. Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке / Г. Н. Акимова // Вопросы языкознания. – 1981. – № 6. – С. 109–120.

Богданова-Бегларян, Н. В. Из наблюдений над спонтанной речью: грамматический аспект / Н. В. Богданова-Бегларян // Корпусная лингвистика – 2015 : труды международной конференции. – СПб. : Издательство СПбГУ, 2015. – С. 129–136.

Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.

Величко, А. В. Синтаксические фразеологизмы в обиходном общении / А. В. Величко // Русская речь. – 2014. – № 5. – С. 62-67.

Гловинская, М. Я. Активные процессы в грамматике / М. Я. Гловинская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 237–304.

Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.

Иванова, Н. М. Об одном способе презентации синтаксической структуры и построения высказывания в языке газет / Н. М. Иванова // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное : межвуз. сб. научн. тр., посвящённый 75-летию П.А. Леканта. – М. : МГОУ, 2007. – С. 31–35.

Краткий справочник по современному русскому языку : учеб. пособие / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант ; под ред. П. А. Леканта. – М. : АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2010. – 400 с.

Крысин, Л. П. Об одном типе нарушений синтаксической нормы / Л. П. Крысин // Современный русский язык: Система – норма – узус. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 200–204.

Крысин, Л. П. Социальная маркированность синтаксических конструкций / Л. П. Крысин // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 91–95.

Кузнецова, Г. В. Парцелляция как средство создания экспрессии в произведениях периодической печати / Г. В. Кузнецова // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное : межвуз. сб. научн. тр. – М. : МГОУ, 2007. – С. 412–418.

Лаптева, О. А. Русский разговорный синтаксис / О. А. Лаптева. – М. : УРСС, 2003. – 396 с.

Лекант, П. А. Грамматические категории слова и предложения / П. А. Лекант. – М. : МГОУ, 2007. – 215 с.

Манькова, Л. А. Активные синтаксические процессы в современном газетном дискурсе / Л. А. Манькова // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический¸ медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация. – М. ; Ярославль : Ремдер, 2009. – С. 252–255.

Меликян, В. Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология / В. Ю. Меликян. – М. : Флинта, 2014. – 232 с.

Сковородников, А. П. О классификации парцеллированных предложений в современном русском языке / А. П. Сковородников // Филологические науки. – 1978. – № 2. – С. 58–67.

Сковородников, А. П. О функциях парцелляции в современном русском языке / А. П. Сковородников // Русский язык в школе. – 1980. – № 5. – С. 86–91.

Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова ; РАН Институт русского языка. – М. : Азбуковник, 2003. – 378 с.

Учебники и учебные пособия

Бабайцева, В. В. Русский язык. Теория. 5–9 кл. Углубл. изуч. : учеб. для общеобразоват. учреждений / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2012. – 415 с.

Гольцова, Н. Г. Русский язык. 10–11 классы : учебник для общеобразовательных учреждений / Н. Г. Гольцова, И. В. Шамшин, М. А. Мищерина. – М. : ООО «Русское слово – учебник», 2013. – 448 с.

Дейкина, А. Д. Русский язык : учебник-практикум для старших классов / А. Д. Дейкина, Т. М. Пахнова. – М. : Вербум-М, 2006. – 415 с.

Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов единого государственного экзамена 2021 года по русскому языку. – URL: https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory (дата обращения: 12.12.2020). – Текст : электронный.

Русский язык : учебное пособие для старших классов школ гуманитарного профиля / В. А. Багрянцева [и др.] ; отв. ред. И. В. Галактионова, Е. И. Литневская. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2006. – 560 с.

УМК-Бабайцева: Бабайцева, В. В. Русский язык. Теория. 5–9 кл. : учеб. для общеобразовательных учреждений / В. В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. – М. : Дрофа, 2008. – 319 с.

УМК-Бабайцева: Русский язык. Практика. 8 кл. : учебник для общеобразоват. учреждений / Ю. С. Пичугов, А. П. Еремеева, А. Ю. Купалова [и др.] ; под ред. Ю. С. Пичугова. – М. : Дрофа, 2012. – 268 с.

УМК-Ладыженская: Русский язык. 8 класс : учеб. для общеобразоват. организаций / Л. А. Тростенцова, Т. А. Ладыженская, А. Д. Дейкина, О. М. Александрова ; науч. ред. Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 2014. – 271 с.

УМК-Разумовская: Русский язык. 8 кл. : учеб. для общеобразоват. учреждений / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос, В. В. Львов ; под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. – М. : Дрофа, 2009. – 269 с.

УМК-Рыбченкова: Русский язык. 8 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова, А. В. Глазкова, А. Г. Нарушевич. – М. : Просвещение, 2017. – 223 с.

References

Akimova, G. N. (1990). *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New Developments in the Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow, Vysshaya shkola. 168 p.

Akimova, G. N. (1981). Razvitie konstruktsii ekspressivnogo sintaksisa v russkom yazyke [The Development of Expressive Syntax Constructions in Russian]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 6, pp. 109–120.

Bogdanova-Beglarian, N. V. (2015). Iz nablyudenii nad spontannoi rech'yu: grammaticheskii aspekt [From Observations of Spontaneous Speech: Grammatical Aspect]. In *Korpusnaya lingvistika – 2015: trudy mezhdunarodnoi konferentsii*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, pp. 129–136.

Glovinskaya, M. Ya. (2000). Aktivnye protsessy v grammatike [Active Processes in Grammar]. In *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 237–304.

Ivanova, N. M. (2007). Ob odnom sposobe prezentatsii sintaksicheskoi struktury i postroeniya vyskazyvaniya v yazyke gazet [About One Way of Syntactic Structure Presentation and Construction of Sentences in the Language of Newspapers]. In *Russkoe slovo, vyskazyvanie, tekst: ratsional'noe, emotsional'noe, ekspressivnoe: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 75-letiyu P.A. Lekanta*. Moscow, MGOU, pp. 31–35.

Kasatkin, L. L. Klobukov, E. V., Lekant, P. A. (2010). *Kratkii sptavochnik po sovremennomu russkomu yazyku* [A Brief Guide to the Modern Russian Language] / ed. by P. A. Lekant. Moscow, AST-PRESS-KNIGA. 400 p.

Krysin, L. P. (2010). Ob odnom tipe narushenii sintaksicheskoi normy [One Type of Syntactic Irregularities]. In *Sovremennyi russkii jazyk: Sistema – norma – uzus*. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur, pp. 200–204.

Krysin, L. P. (2003). Sotsial'naya markirovannost' sintaksicheskikh konstruktsii [Social Markedness of Syntactic Constructions]. In *Sovremennyi russkii yazyk: Sotsial'naya i funkcional'naya differentsiaciya*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 91–95.

Kuznetsova, G. V. (2007). Partsellyatsiya kak sredstvo sozdaniya ekspressii v proizvedeniyakh periodicheskoi pechati [Parcelling as a Means of Creating Expression in Periodicals]. In *Russkoe slovo, vyskazyvanie, tekst: ratsional'noe, emotsional'noe, ekspressivnoe: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, MGOU, pp. 412–418.

Lapteva, O. A. (2003). *Russkii razgovornii sintaksis* [The Syntax of Russian Spoken Language]. Moscow, URSS. 396 p.

Lekant, P. A. (2007). *Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya* [Grammatical Categories of Words and Sentences]. Moscow, MGOU. 215 p.

Man'kova, L. A. (2009). Aktivnye sintaksicheskie proysessy v sovremennom gazetnom diskurse [Active Syntactic Processes in Modern Newspaper Discourse]. In *Aktivniye protsessy v razlichnykh tipakh diskursov: politicheskii, mediynii, reklamnii diskursy i internet-kommunikatsia*. Yaroslavl, Remder, pp. 252–255.

Melikyan, V. Yu. (2004). *Sovremennyi russkii yazyk. Sintaksicheskaya frazeologiya* [Modern Russian Language. Syntactical Phraseology]. Moscow, Flinta. 232 p.

Skovorodnikov, A. P. (1978). O klassifikatsii partsellirovannykh predlozhenii v sovremennom russkom yazyke [On the Classification of Parcelled Sentences in Modern Russian Language]. In *Filologicheskie nauki*. No. 2, pp. 58–67.

Skovorodnikov, A. P. (1980). O funktsiyakh partsellyatsii v sovremennom russkom yazyke [On the Functions of Parcelling in Modern Russian Language]. In *Russkii yazyk v shkole.*, No. 5, pp. 86–91.

Shvedova, N. Yu. (2003). *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoi rechi* [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech]. Moscow, Azbukovnik. 378 p.

Valgina, N. S. (2003). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active Processes in Modern Russian]. Moscow, Logos. 304 p.

Velichko, A. V. (2014). Sintaksicheskie frazeologizmy v obikhodnom obshchenii [Syntactic Phraseological Units in Everyday Communication]. In *Russkaya rech'*. No. 5, pp. 62–67.

Zolotova, G. A. (1988). *Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [The Syntactic Dictionary: Repertoire of Elementary Units of Russian Syntax]. Moscow, Nauka. 440 p.

Teaching aids

Babaytseva, V. V. (2012). *Russkii yazyk. Teoriya 5–9. Uglublyonnoe izuchenie* [Russian language. Theory. 5–9 cl. Advanced Course]. Moscow, Drofa. 415 p.

Deikina, A. D., Pakhnova, T. M. (2006). *Russkii yazyk: uchebnik-praktikum dlya starshikh klassov* [Russian Language: Training Aids for Senior Classes]. Moscow, Verbum-M. 415 p.

Demonstracionnyi variant kontrol'nykh izmeritel'nykh materialov edinogo gosudarstvennogo ekzamena 2021 goda po russkomu yazyku [Demonstration Version of Control Measuring Materials of the 2021 Unified State Exam in the Russian Language]. URL: https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory (mode of access: 12.12.2020).

Goltsova, N. G. (2013). *Russkii yazyk. 10–11 klassy* [Russian Language. 10–11 Grades]. Moscow, OOO « Russkoe slovo – uchebnik». 448 p.

Bagryantseva, V. A., et al. (2006). *Russkii yazyk: uchebnoe posobie dlya starshikh klassov shkol gumanitarnogo profilya* [Russian Language: a Textbook for the Senior Classes of Schools of the Humanitarian Profile] / ed. by I. V. Galaktionova, E. I. Litnevskaya. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 560 p.

Babaytseva, V. V., Chesnokova, L. D. (2008). *Russkii yazyk. Teoriya 5–9: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Russian Language. Theory. 5–9 cl.: Textbook for Educational Institutions]. Moscow, Drofa. 319 p.

Pichugov, Yu. S., Eremeeva, A. P., Kupalova, A. Yu., et al. (2012). *Russkii yazyk. Praktika. 8 kl.: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Russian Language. Practice. 8 cl.: Textbook for General Education Institutions] / ed. by Yu. S. Pichugov. Moscow, Drofa. 268 p.

Trostentsova, L. A., Ladyzhenskaya, T. A., Deikina, A. D., Alexandrova, O. M. (2014). *Russkii yazyk. 8 kl.: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Russian Language. Grade 8: Textbook for General Education Organizations] / ed. by N. M. Shansky. Moscow, Prosveschenie. 271 p.

Razumovskaya, M. M., Lvova, S. I., Kapinos, V. I., Lvov, V. V. (2009). *Russkii yazyk. 8 kl.: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Russian Language. 8 cl.: Textbook for General Education Institutions] / ed. by M. M. Razumovskaya, P. A. Lekant. Moscow, Drofa. 269 p.

Rybchenkova, L. M., Alexandrova, O. M., Glazkova, A. V., Narushevich, A. G. (2017). *Russkii yazyk. 8 kl.: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Russian Language. Grade 8: Textbook for General Education Institutions]. Moscow, Prosveschenie. 223 p.

Данные об авторах

Лагузова Евгения Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108.

E-mail: laguzova.e@mail.ru.

Мельникова Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108.

E-mail: em09@mail.ru.

Authors' information

Laguzova Evgenia Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

Melnikova Ekaterina Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

УДК 378.016:811.161.1. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-25. ББК Ш141.12-9.
ГРНТИ 14.25.09. Код ВАК 13.00.02

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ УЧЕБНО-ИГРОВЫХ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ КАК ВИДА ТРЕНАЖЁРА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Маев И. А.
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6776-2331

Жильцов В. А.
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4161-5119

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена высокими темпами развития современной практики дистанционного обучения, необходимостью анализа и теоретического осмысления новых форматов обучения в русле компьютерной лингводидактики. В связи с этим **целью исследования** является анализ перспективы использования мобильных учебно-игровых приложений в качестве средств закрепления и контроля усвоения материала, диагностики языковых ошибок. **Предметом исследования**, описываемого в настоящей статье, является методика использования мобильных учебно-игровых приложений в обучении русскому языку. В настоящей работе использовался **комплекс методов**, адекватных предмету исследования: метод непосредственного наблюдения; описательный, включающий в себя наблюдение, сопоставление данных, классификацию объектов исследования, обобщение и интерпретацию полученной информации. Использовались также эмпирические методы: изучение и обобщение педагогического опыта, методический эксперимент и анкетирование. **Теоретической и методологической основой** послужили материалы современных отечественных и зарубежных исследований, посвященных изучению практики использования электронных игровых технологий, в том числе основанных на компьютерном моделировании трехмерного интерактивного пространства, мобильных технологий, компьютерных игр и приложений в обучении русскому языку. **Результатом исследования** стало описание и характеристика использования учебно-игровых мобильных приложений в обучении русскому языку на примере приложения «Приключения Киберкота». Перспективы применения данного вида приложений как средства обучения анализируются в лингвометодическом аспекте – на основе результатов эксперимента – и в психолого-педагогическом аспекте – по материалам анкетирования обучающихся. Сформулирован принцип имплицитного контроля усвоения языкового материала, определено место учебно-игровых приложений в общей классификации мобильного программного обеспечения. Также в статье рассматриваются понятия «геймификация» и «образовательный киберквест» применительно к области мобильных учебно-игровых приложений. **Результаты исследования могут быть использованы** при проектировании и разработке учебно-игровых программных комплексов и приложений. Расширение практики использования подобных электронных образовательных систем позволит открыть новые перспективы в обучении и самообучении русскому языку. Основные ожидаемые результаты использования подобных приложений – это оптимизация учебного процесса (в т. ч. внеаудиторного обучения) как для обучающихся, так и для педагогов, повышение мотивации обучающихся к изучению русского языка, снижение негативных психологических эффектов восприятия учащимися образовательного процесса. Для расширения подобной практики в качестве средства обучения предлагается рассматривать учебные мобильные приложения, разработанные на основе игровой механики, примером которых может служить приложение «Приключения Киберкота», разработанное научно-техническим коллективом Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

Ключевые слова: мобильные приложения; учебно-игровые приложения; информационно-коммуникационные технологии; лингводидактические тренажеры; русский язык; методика преподавания русского языка; средства обучения; геймификация; образовательный киберквест.

© И. Маев, В. Жильцова, 2021

TO THE QUESTION OF THE USE OF MOBILE EDUCATIONAL GAME APPS AS A SIMULATOR IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING

Igor A. Maev
Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6776-2331

Vladimir A. Zhiltsov
Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4161-5119

Abstract. The urgency of this study can be attributed to the high pace of development of modern distance learning practice and the need for analysis and theoretical understanding of new training formats in line with computer linguodidactics. In this regard, **the purpose of the study** is to analyze the prospects for using mobile training and gaming applications as a means of fixing and diagnosing language mistakes and controlling the acquisition. **The object of research** includes the methods of application of mobile learning game apps in teaching Russian. **The theoretical and methodological basis** included modern Russian and foreign studies devoted to the problems of the use of electronic gaming technologies, specifically those based on computer modeling of interactive 3D space, mobile technologies, computer games and applications in Russian language teaching. The article employs a **complex of methods** adequate to the object of study: the method of direct observation; description including observation, data comparison, classification of research objects, generalization and interpretation of the information received. It also uses empirical methods such as analysis and generalization of pedagogical experience, methodological experiment and questionnaires. The **study has resulted** in a description and characterization of the use of mobile educational and gaming applications in teaching Russian basing on the example of the app "Priklyucheniya Kiberkota" (The Adventures of Cybercat). The perspectives of use of this type of apps as a learning tool are analyzed in linguometodological aspect, based on the results of the experiment, and in the aspect of pedagogical psychology, based on answers to the questionnaire. The implicit control principle was formulated, and the place of educational and gaming applications in the general classification of mobile software was determined. The article also discusses the concepts of "gamification" and "educational cyberquest" in the field of mobile educational and gaming applications. **The research results can be used** in the design and development of educational and game software systems and applications. The expansion of the practice of using such electronic educational systems will open up new vistas in the Russian language teaching and self learning. The main expected results of using such applications are: optimization of the format of extracurricular education, an increase in motivation and a decrease in the negative psychological effects of students'perceptions of the educational process. In order to expand this practice, it is proposed to consider educational applications developed on the basis of game mechanics as a learning tool. The proper example is "The Adventures of Cybercat" application developed by the scientific and technical team of the Pushkin State Russian Language Institute.

Keywords: mobile applications; educational game applications; information and communication technologies; linguodidactic simulators; Russian; methods of teaching Russian; learning aids; gamification; educational cyberquest.

Для цитирования: Маев, И. А. К вопросу об использовании учебно-игровых мобильных приложений как вида тренажёра в обучении русскому языку / И. А. Маев, В. А. Жильцов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 293–307. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-25.

For citation: Maev, I. A., Zhiltsov, V. A. (2021). To the Question of the Use of Mobile Educational Game Apps as a Simulator in Russian Language Teaching. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 293–307. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-25.

Благодарности: авторы статьи благодарят проректора по науке Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, доктора филологических наук Михаила Андреевича Осадчего за организационную и научно-методическую поддержку в проведении исследования.

Acknowledgements: the authors of this article are grateful to the Vice Rector for Research of the Pushkin State Russian Language Institute, Doctor of Philology Mikhail A. Osadchiy for his organizational, scientific and methodological support for the study.

Введение

Актуальность проблемы геймификации в современной компьютерной лингводидактике. В лингводидактике значительное внимание традиционно уделяется игре как виду деятельности и связанным с ней игровым методам и технологиям в обучении. Технологии в обучении (Technology in teaching) – это приёмы использования в учебном процессе технических средств обучения и сами такие средства [Азимов, Щукин 2019]. Игровые методы обучения в данном исследовании определяются как совокупность способов игровой деятельности преподавателя и обучающихся, направленных на достижение целей образования, воспитания и развития обучающихся. Один из способов такой деятельности – использование игровых компьютерных программ, программных сценариев и приложений. Эффективность игровых методов, обусловленная высокой степенью познавательной активности обучающихся в процессе игровой деятельности, предопределила разработку отдельного подхода к обучению, называемого геймификацией или игрофикацией. Геймификация (от англ. gamification, игрофикация) в широком смысле понимается как использование игровых методов для решения задач, возникающих в рамках неигровых процессов, в педагогике это применение игровых механик в образовательном процессе. На наш взгляд, в лингводидактическом аспекте геймификацию следует рассматривать как подход к обучению [см. Осадчий, Маев, Жильцов 2018; Ольховская 2015]. В последнее время игровое обучение (game-based learning, GBL) привлекает внимание исследователей в аспекте электронных игр (digital game-based learning, DGBL), в том числе игр для мобильных устройств (mobile game-based learning, MGBL).

Применительно к мобильному обучению языкам в англоязычном научном дискурсе используется аббревиатура MALL – Mobile Assisted Language Learning (букв. «изучение языка при помощи мобильных устройств») [Chinnery 2006: 9 и др.] – по аналогии с уже устоявшимся понятием CALL – Computer Assisted Language Learning («изучение языка при помощи компьютера»). При этом MALL (как и мобильное обучение в целом) некоторыми учёными, в т. ч. М. Ютер из Вулверхэмптонского университета, рассматривается уже не как отдельный вид или форма обучения, а как компонент обучения: «Благодаря распространённости в обществе, мобильные устройства обеспечивают такие возможности доступа к контенту и действиям, при которых обучение реализуется в более широком диапазоне контекстов (например, во внеклассной работе, в дополненной реальности, а также обучении „здесь и сейчас“ ('just-in-time') и „малыми порциями“ ('bite-sized'), например, во время поездок на общественном транспорте и т. д.)» [Uther 2019].

Благодаря прогрессу в сфере электроники, информационно-коммуникационных технологий и сетей, а также в индустрии интерактивных развлечений, сегодня обучающие и развивающие игры и приложения для компьютеров и мобильных устройств занимают достойное место в ряду электронных средств обучения и самообразования, служа успешной реализации игровых методов и технологий в обучении.

Когнитивный аспект в функционировании электронных средств обучения. Как отмечают Н. Ф. Коряковцева и А. Н. Щукин, существенные изменения претерпевает «субъектный компонент образовательной среды – обучающийся, преподаватель и учебная группа (коллективный субъект). Вызовом современного образования, в том числе языкового, оказывается современное интернет-поколение обучающихся, киберпоколение, или онлайн-учащиеся. Они овладевают технической стороной использования интернет-ресурсов достаточно рано и мотивированы к работе с компьютерными средствами» [Коряковцева, Щукин 2018: 14–15].

«Когнитивная система современного молодого человека изменилась, – пишет Г. М. Лёвина. – Так, учебные материалы привлекают внимание, в первую очередь, благодаря формату передачи знаний – через дисплеи и яркие изображения со звуковыми эффектами. Кроме того, исследования американских коллег свидетельствуют, что длительность учебной активности не превышает двух минут, после чего человек переключается на что-либо ещё: на другую тему, другие упражнения или другие формы работы» [Lyovina 2016: 42].

Мобильное приложение как электронное средство обучения. Приложения для мобильных устройств – относительно молодой и динамично развивающийся сегмент программирования и игровой индустрии, расцвет которого обусловлен появлением в конце XX–XXI вв. высокопроизводительных мобильных устройств (мобильных телефонов, смартфонов, планшетных компьютеров) с цветным дисплеем высокого разрешения и touch-панелью, управляемых через интерфейсы многофункциональных операционных систем (главным образом, Android и iOS).

С. В. Титова классифицирует мобильные приложения и мобильные ЭОР по способу публикации как отдельный вид электронных образовательных ресурсов [Титова 2017]. Для того чтобы дать определение игровым мобильным приложениям, обратимся к толкованию понятия «компьютерная игра» в «Новом словаре методических терминов и понятий» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, вышедшем в 2019 г.: «Компьютерная игра. Разновидность игр, в которых компьютер выполняет роль ведущего или партнёра по игре, а возникающие по ходу игры игровые ситуации воспроизводятся на экране дисплея или телевизора. Играющим предоставляется возможность изменять игровую ситуацию, управлять ею с помощью различных команд. Широко используются при обучении языку. <…> От прочих игр К. и. отличаются высокой динамичностью, зрительной и слуховой наглядностью и способностью к нарастанию сложности и разнообразия по мере роста мастерства игроков» [Азимов, Щукин 2019: 131]. Мобильное приложение можно также рассматривать как современное воплощение таких описанных Э. Г. Азимовым и А. Н. Щукиным механизмов, как обучающая машина, обучающая программа, обучающий алгоритм [Азимов, Щукин 2019: 197].

Компьютерные игры, в основе которых лежит модель трёхмерного мира, успешно распространяются с конца XX в. «Виртуальный мир „голубого нигде“ подменяет собою мир реальный», – пишет В. Г. Костомаров о дисплейных текстах в целом [Костомаров 2019: 61], и это справедливо для компьютерных игр и мобильных приложений на основе трёхмерных миров, которые по своим стереометрическим и изометрическим характеристикам приближены к реальным.

Существует не так много лингводидактических приложений и программ на основе технологии киберквест. Одним из примеров реализации киберквеста с использованием двухмерной графики является приложение «Learn Japanese To Survive! Hiragana Battle», разработанное студией «Sleepy Duck». Данное приложение посвящено обучению японскому языку. Основное содержание обучения здесь – это письмо (хирагана – базовая система письма в японском языке), фонетика и лексика японского языка. Преодоление испытаний виртуального мира здесь связано с умением использовать языковые навыки, которые были получены по ходу сюжета.

Лингвометодический потенциал мобильных приложений. В «Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации», утвержденной постановлением Правительства от 9 апреля 2016 г. № 637-р, отмечается, что освоение учебного предмета «Русский язык» среди прочего, должно предусматривать «использование информационно-коммуникационных инструментов и ресурсов (включая печатные и электронные словари, переводчики, программы орфографического контроля, поисковые системы, системы распознавания текста и устного ввода)». Также указывается, что крайне важно «развивать электронные образовательные среды, позволяющие <…> обучающимся получать дополнительную информацию, а также самостоятельно и (или) с помощью учителя осваивать часть образовательной программы» [Концепция… http].

Рассматриваемый в настоящей статье тип электронных средств обучения – учебно-игровые мобильные приложения на основе трёхмерных миров – видится авторам одним из возможных комплексных методических решений, направленных на реализацию упомянутых положений Концепции, поскольку они представляют собой информационно-коммуникационный инструмент – своеобразную программу контроля, моделирующую электронную образовательную среду, которая может дать возможность обучающимся самостоятельно осваивать часть образовательной программы. Данное решение представляется

комплексным, поскольку его лингвометодическая сущность раскрывается в нескольких аспектах: собственно лингводидактическом (система упражнений – система закрепления материала, контроля и диагностики ошибок), ресурсно-технологическом (приложение представляет собой современное мультимедийное (аудиовизуальное) средство обучения), психолого-педагогическом (приложение может служить повышению мотивации к изучению русского языка за счет вовлечения обучающегося в игровую деятельность).

Таким образом, гипотеза настоящего исследования состоит в том, что учебно-игровые мобильные приложения могут стать одним из оптимальных средств обучения (в частности, средств контроля/самоконтроля, проверки, закрепления усвоенного материала), позволяющих повысить мотивацию обучающихся к изучению русского языка, с одной стороны, и, с другой стороны, оптимизировать учебный процесс за счет обеспечения реализации некоторых его компонентов посредством современных информационно-коммуникационных технологий, а именно – обеспечения выполнения заданий по русскому языку в игровой форме с автоматическим контролем, что может быть применено во время урока, во внеурочное время или при смешанном обучении – по желанию педагога.

Методология. Целью настоящего исследования является анализ возможности использования учебно-игровых мобильных приложений в обучении русскому языку как средства закрепления и контроля усвоения языкового материала, диагностики языковых ошибок. Теоретическая основа исследования сформулирована в опоре на анализ современной отечественной и зарубежной научной литературы, в том числе статей в периодических изданиях. Практическая часть исследования заключалась в подготовке и проведении двух экспериментов, в ходе которых осуществлялась апробация одного из примеров учебно-игровых мобильных приложений – программного комплекса «Приключения Киберкота».

Мобильное приложение «Приключения Киберкота» (свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018664266 от 14 ноября 2018 г.) представляет собой некоммерческий продукт, размещённый в безвозмездном свободном доступе в магазине цифровой дистрибуции Google Play (https://play.google.com/store/apps/details?id=ru.psrli.quests.cybercat). Приложение было разработано по материалам программы по русскому языку для учащихся 5–7 классов общеобразовательной школы. Оно позиционируется авторами как прототип для возможной дальнейшей разработки подобных средств обучения.

Приложение предполагает игровую деятельность участников по исследованию локации (игрового пространства), поиску тех или иных предметов в этом пространстве и выполнению соотнесённых с этим игровым пространством и этими предметами задач (в т. ч. решению головоломок, тестов, загадок и т. д.), требующему от игрока умственных усилий [подробнее – см.: Осадчий, Маев, Жильцов 2018].

Игровые локации мобильного приложения выстроены по уровням и по группам уровней. Каждый уровень включает 10 вопросов, касающихся различных учебных тем и уровней языка (фонетика, лексика, грамматика (в т. ч. морфемика, морфология, синтаксис), текст, стилистика текста).

Языковые задания в данном приложении реализованы в формате тестов с множественным выбором (один или несколько правильных ответов из многих). В случае если пользователь выбирает неверные варианты ответа и/или не отмечает правильные варианты, приложение выдаёт пользователю текстовую подсказку с отсылкой к языковому правилу, имеющему отношение к выполнению текущего задания. В случае если пользователь выбирает все верные варианты ответа и не выбирает неверные, приложение выдаёт пользователю экран с положительной реакцией, после которого становится доступным для взаимодействия следующий элемент игровой среды, содержащий следующее задание.

Приложение «Приключения Киберкота» является вариантом практической реализации концепции образовательного киберквеста. Киберквест (образовательный киберквест) – это особый вид организации виртуального пространства, в котором достижение игровых целей связано с успешным выпол-

нением учебных заданий. В более широком смысле это форма интерактивного учебного пособия, созданного в русле теории геймификации [Жильцов 2019: 140].

Апробация проводилась в двух аспектах – лингвометодическом (первый эксперимент – выявление корреляций в динамике выбора правильных и неправильных ответов до и после опыта взаимодействия с приложением) и психолого-педагогическом (второй эксперимент – пользовательский опыт (User Experience, UX) обучающегося).

Первый эксперимент предполагал состязание 150 учащихся школ во взаимодействии с приложением с задачей ответить верно на как можно большее количество вопросов за пять минут и последующее ранжирование участников по числу данных ими правильных ответов.

Второй эксперимент подразумевал сеанс взаимодействия 35 учащихся школ с приложением, до и после которого проводилось письменное анкетирование. Анкетирование было направлено на решение следующих задач: узнать об опыте учащихся в использовании подобных продуктов в образовательных целях и, в частности, в обучении русскому языку, выявить их предпочтения, впечатления от взаимодействия с продуктом, а также попытаться определить влияние этого взаимодействия на запоминание языкового материала, в частности, установить наличие или отсутствие закономерностей в выборе учащимися верных и неверных ответов на тестовые задания, имеющиеся в обеих анкетах и встретившиеся им в процессе игры в приложении.

Результаты исследования. Анкетирование, проведённое в ходе исследования, показало, что среди аудитории учащихся школ имеется спрос на учебно-игровые компьютерные программы и мобильные приложения, в том числе для обучения русскому языку. Респонденты полагают, что образовательная видеоигра по русскому языку должна быть: интересной – 14%, развлекательной – 9%, викториной (вопрос-ответ) / в виде теста – 14%. 32% респондентов привели в пример конкретные игры и смежные продукты и сервисы в сети «Интернет»: сайт Учи.ру, игры «Ребзики», «Взахлёб», «Майнкрафт», «Грамота» и т. д.

Предложение пока не удовлетворяет спрос. С утверждением «Я играл (-а) в образовательные игры на смартфоне/планшете» согласились 26% респондентов, но сюда вошли и те, кто посещает интернет-ресурсы, решает головоломки и т. д. С утверждением «Я изучал (-а) русский язык с помощью мобильных приложений» согласились и привели примеры таких приложений только 9% респондентов.

Это означает, что потенциал мобильных приложений, в том числе учебно-игровых, в обучении русскому языку учащихся школ в настоящее время реализован не полностью.

Это может быть обусловлено факторами как технологическими (единичность таких продуктов на рынке цифровой дистрибуции ввиду технических, финансово-административных и организационно-методических сложностей их разработки), так и собственно методическими (ограниченные возможности использования таких продуктов в качестве средств обучения ввиду сложностей организации учебного процесса в школе).

Эксперимент показал следующую динамику в выборе ответов на задания по русскому языку в рамках одной итерации от анкеты 01 (заполнялась всеми респондентами перед сеансом игры) к анкете 02 (заполнялась всеми респондентами после сеанса игры:

– преимущественно положительную динамику в выборе правильных ответов: так, число респондентов, выбравших правильные ответы в анкете 02, по отношению к 6 из 8 вариантов правильных ответов увеличивалось по сравнению с анкетой 01: в 5 вариантах – на 3–9 человек, в одном варианте – увеличилось на 1 респондента (с 34 до 35, т. е. до 100%), в одном варианте составляло 100% из 100% в обеих анкетах и лишь в одном варианте показало нейтральную динамику: 30 (86%) из 35 в обеих анкетах;

– разнонаправленную (положительную, отрицательную и нейтральную) динамику в выборе неправильных ответов (т. е. как увеличение на 1–4 респондентов, выбравших неправильный ответ в анкете 02, по отношению к тому же варианту ответа в анкете 01, так и уменьшение на 1–4 респондентов, выбравших неправильный ответ; нейтральная динамика наблюдалась по отношению к двум вариантам ответа).

Примеры динамики ответов на часть заданий приведены в Приложении.

Это позволяет предположить, что в условиях «дриллинга» (использования «тренажёра», т. е. неоднократных попыток ответа на вопрос вплоть до того момента, пока обучающимся не будут отмечены все правильные ответы и проигнорированы все неправильные) обучающийся в первую очередь фокусирует свою память на фиксации того, какие ответы являются правильными. При этом фиксация того, какие ответы являются неправильными, наблюдается не у всех учащихся.

Таким образом, учебно-игровые мобильные приложения в формате тренажёров могут способствовать запоминанию учащимися осваиваемого ими языкового или речевого материала. А это, в свою очередь, означает, что они могут быть использованы в качестве вспомогательного средства обучения для закрепления изучаемого материала, наряду с классическими упражнениями для аудиторной и домашней работы, а также для проверки и контроля, наряду с более традиционными средствами контроля.

Однако находит своё подтверждение и тезис о том, что в тренажёрах в тестах, используемых для закрепления материала, нежелательно использовать вопросы типа «найдите ошибки», «найдите неверное написание», т. к. именно эти варианты, правильные для ответа на вопрос, но не соответствующие правилам языка, могут отложиться в памяти.

Заметное большинство респондентов по итогам сеанса игры – взаимодействия с мобильным приложением «Приключения Киберкота» – ответили, что «скорее согласны» или «полностью согласны» с такими утверждениями, как: «В целом, я нахожу эту игру привлекательной» (29% и 54% соответственно, см. Диаграмму 1), «Эта игра может быть полезной для меня в обучении» (11% и 60% соответственно, см. Диаграмму 2), «Эта игра может помочь мне запомнить учебный материал по русскому языку (правила, исключения и др.)» (23% и 54% соответственно, см. Диаграмму 3).

Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что учащиеся относятся положительно к возможному использованию подобных продуктов в учебном процессе в школе. Результаты анкетирования положительно коррелируют с утверждением С. В. Титовой о том, что мобильные технологии служат для организации процесса обучения и способствуют повышению мотивации обучающихся [Титова 2019: 11]. Это позволяет нам предполагать, что учебно-игровые мобильные приложения могут стать эффективным средством обучения русскому языку.

Дискуссионные вопросы. С. В. Титова и А. П. Авраменко в 2014 г. предложили типологию мобильных приложений, использовавшихся к моменту исследования в процессе преподавания иностранных языков. Типология основана на распределении мобильных приложений по функциональным признакам, сформулированы дидактические возможности приложений каждого из типов. Выделены следующие типы: коммуникативные приложения, справочно-ресурсные, совместные, документирующие, мультимедийно-генеративные, поисково-навигационные [Титова, Авраменко 2014: 34–35].

В этой типологии игры, наряду с такими приложениями как Vimeo, Slideshare, Prezi, Picassa, подкастами и видеокастами, отнесены к мультимедийно-генеративным приложениям, у которых выделены следующие дидактические возможности: организация автономного обучения, демонстрация результатов, создание мобильных упражнений и заданий, визуализация учебного материала, создание заданий формата *digital storytelling*, создание мобильных упражнений, организация проектной деятельности [там же].

На наш взгляд, учебно-игровые приложения в рамках данной типологии могут быть выделены в отдельный тип приложений. Наряду с некоторыми функциями, которые роднят их с подкастами и приложениями для обработки и демонстрации мультимедиа (организация автономного обучения, визуализация учебного материала, создание мобильных упражнений), они выполняют и уникальные, не свойственные другим типам приложений функции (сочетание учебной и игровой деятельности, возможность автоматизированного обучения, проверки и контроля языковых знаний и речевых навыков).

Также С. В. Титова и А. П. Авраменко выделяют две группы мобильных приложений с точки зрения их использования для организации учебной деятельности и создания упражнений и тестов:

1. Мобильные приложения, не предназначенные для обучающих целей (справочные приложения, инструменты Google, социальные сети, приложения для чтения, мобильные системы опроса и обратной связи, мобильные подкасты, игровые приложения (например, для проектной деятельности), приложения для записи и т. д.).

2. Собственно обучающие мобильные приложения для развития четырёх видов речевой деятельности (мобильные приложения, созданные издательствами, профессиональными группами и коммерческими организациями; мобильные упражнения и задания, создаваемые преподавателями на основе готовых платформ по шаблонам; обучающие мобильные приложения, создаваемые преподавателями с помощью приложений для различных операционных систем) [Титова, Авраменко 2014: 37–38].

Далее в своей работе С. В. Титова и А. П. Авраменко делают важное замечание: «Бесспорно, что игры являются неотъемлемой частью мобильных технологий. <…> В основном это развлекательные игры различных типов: настольные, карточные, приключенческие, аркады, стратегии, ролевые и т. д. Однако широкое распространение получают и обучающие игры, в том числе головоломки, особенно для детей <…>» [Титова, Авраменко 2014: 196].

Таким образом, в предложенной ранее типологии под игровыми приложениями понимаются главным образом те приложения, функционал которых предусматривает выполнение каких-либо универсальных игровых действий или осуществление универсальных игровых сценариев, т. е. приложения, предназначенные для игровой деятельности вообще, а не только для обучения в целом и обучения языкам в частности. Однако если контент и функции игрового приложения направлены на обеспечение усвоения и/или закрепления определённых языковых знаний и навыков и, таким образом, позволяют достичь одной из целей обучения, то их нельзя относить к не предназначенным для обучающих целей, о чём и свидетельствует замечание авторов цитируемой работы.

Такие приложения с уверенностью можно отнести к обучающим приложениям, а именно – выделить для них в этой группе подвид «обучающие игры и тренажёры».

По итогам разработки и применения серии лингводидактических тренажеров «Учим русский язык» в СПбГУ Н. А. Буре отмечает: «Внедрение в практику преподавания русского языка как иностранного подобных лингводидактических пособий позволяет тренировать различные виды речевой деятельности, автоматизировать языковые и речевые действия, развивать познавательную самостоятельность, формировать социокультурные компетенции и, что самое важное, создавать на уроках русского языка ситуацию успеха» [Буре 2011: 12].

Рассматриваемый нами тип мобильных приложений представляет собой образовательную компьютерную игру в жанре RPG (ролевая игра) и относится к разряду т. н. «серьёзных игр» (англ. Serious games). Концепция «серьёзных игр» по-прежнему не имеет единого определения. Так можно охарактеризовать все игры, которые привлекают пользователя и одновременно способствуют достижению определённой цели, отличной от развлекательной, независимо от того, знает ли пользователь об этом факте или нет [Riad Bourbia et al. 2014: 96–100]. Ряд авторов предположили, что серьёзные игры представляют собой применение игровых технологий, используемых для решения проблем, которые слишком дороги или слишком важны для реальной жизни, например, в сфере образования [Annetta & al. 2006], здравоохранения [Knight & al. 2010], продаж и маркетинга [Susi & al. 2007]. Обучающие компьютерные игры с самого начала разрабатывались для обучения через повторение материала. Типичный формат образовательных игр – это проблемное обучение и наличие тестовых заданий множественного выбора. Наиболее популярным жанром образовательных игр являются ролевые игры или RPG. Это связано с тем, что игры данного жанра требуют от игрока выполнения поставленных заданий, поиска и решения логических задач. Учащийся по-

лучает виртуальную среду для тренировки своих навыков и активной практики [Wong, Maizatul 2014: 215–224].

В рассматриваемом приложении используются следующие ключевые приёмы, обусловленные спецификой данного вида игр: 1) динамичное переключение между учебной и игровой деятельностью; 2) вовлечение обучающегося в игру через отождествление с главным героем; 3) имплицитный контроль и коррекция ошибок.

Выполнение языковых заданий в рассматриваемом мобильном приложении предполагает, что после неверного ответа на вопрос при следующей попытке ответить на этот же вопрос выбор ответа обусловливается не только имеющимся знанием, но и знанием, полученным в результате только что допущенной ошибки. Возможность безопасно допускать ошибки и извлекать при этом дополнительные знания позволяет скорректировать процесс обучения. Главная особенность такого подхода заключается в наличии имплицитной системы контроля. Система контроля в большинстве иных случаев основывается на системе штрафов и поощрений в балловом эквиваленте либо оценок. В данном случае основной целью является не только проверка качества знаний, но также их восстановление в памяти и возмещение обнаруженных пробелов. В основе такого подхода к организации процесса взаимодействия с интерактивным материалом лежит стремление к осознанию обучающимися языковых фактов и закономерностей, а также способов их применения в речевой деятельности [Азимов, Щукин 2019], что позволяет говорить об адекватности применения сознательных методов обучения при проектировании подобных систем. При этом учитывается когнитивный аспект таксономии образовательных целей, предложенной в 1956 г. американским психологом Бенджамином Блумом и обновлённой в 2001 г. Лорин Андерсон и Дэвидом Кратволом. В частности, одну из предложенных Блумом целей – «знание» (существительное Knowledge, как результат) – Андерсон и Кратвол заменили на «запоминание» (Remember – инфинитив глагола «запомнить» – или Remembering) [Krathwohl 2002]. Система контроля в приложении «Приключения Киберкота» реализована таким образом, что ее функционирование является практически незаметным, так как основные ее элементы представляют собой детали самого виртуального мира. Например, один из элементов контроля – двери, которые не пропускают игрока дальше до тех пор, пока задание не будет выполнено, то есть пока не будут выбраны все правильные варианты ответа и не проигнорированы все неправильные варианты ответа на вопрос. Если изначально учащимся будут допущены ошибки в выборе вариантов ответа, то повторные попытки ответа на вопрос предположительно будут способствовать фиксации в памяти (запоминании) правильного ответа.

Вместе с тем, использование приложения, разработанного на основе такого подхода, помогает снизить негативные психологические эффекты восприятия учащимися образовательного процесса: во-первых, геймификация предполагает, что игровая среда и игровые ситуации позволяют учащимся попеременно реагировать на учебные и игровые стимулы, таким образом переключаясь между учебными и игровыми задачами, а во-вторых, наличие подсказок в случае неправильных ответов, с одной стороны, и наглядные стимулы для повторных попыток ответов способствуют фокусу на автокоррекции ошибок, а не на негативной психологической рефлексии вследствие осознания факта совершения этих ошибок. Таким образом, данный вид мобильных приложений может служить повышению мотивации к изучению русского языка в школе.

Есть и ряд технологических и методических ограничений, свойственных данному типу средств обучения. Это, во-первых, однотипность и однородность заданий (тестовые задания множественного выбора), что обусловлено затруднённостью обеспечения ввода и автоматического (программного) контроля вариантов ответа при других типах заданий (например, в случае с типом заданий «впиши слово») или технологической невозможностью такого контроля (например, в случае с творческими заданиями или открытыми вопросами с развёрнутыми ответами). Во-вторых, это фрагментарность и относительная несамостоятельность данного вида средств обучения. Так, мобильное приложение может выступать лишь в качестве дополнительного

средства обучения русскому языку, поскольку неспособно полностью заменить собой другие средства обучения (учебник, рабочую тетрадь) и полноценно обеспечить учебный процесс (презентацию и отработку языкового материала, творческую работу обучающихся и т. д.), а способно лишь выполнять отдельные упомянутые выше функции на небольших участках учебного процесса.

Первой площадкой для апробации и проверки эффективности мобильного приложения как языкового тренажёра стал Международный конкурс для юных знатоков русского языка «Киберкот: на страже грамотности», прошедший в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина в ноябре – декабре 2018 г. в рамках мероприятий Института Пушкина под эгидой Государственной программы «Развитие образования». В конкурсе приняли участие прибывшие в Институт школьники из разных стран СНГ и дальнего зарубежья. Участники состязались в умении быстро выполнять задания и правильно отвечать на вопросы в киберквесте. Каждой из групп участников выдавались планшетные компьютеры с установленным приложением, запущенным на начальном (первом) игровом уровне, и отводилось ровно 5 минут на игровой сеанс для каждого из участников. Правильные ответы каждого участника фиксировались членами жюри.

97 школьников успешно ответили на 1 и более вопросов, из них 42 показали хорошие результаты (4 и более правильных ответов), в их числе 12 человек дали 10 и более правильных ответов. Жюри определило победителями 5 человек: 1 победитель правильно ответил на 16 вопросов, остальные четверо – на 14 вопросов каждый (это практически полтора пройденных уровня – для 5 минут это хороший результат). Учитывая, что организованной предварительной подготовки участников не предусматривалось, можно предположить, что подобная статистика ответов подтверждает возможность использования данного приложения в качестве языкового тренажёра.

В ходе эксперимента у школьников наблюдался соревновательный интерес, желание как можно скорее найти, где спрятан очередной вопрос, правильно ответить на него, перейти в следующую локацию, что явилось подтверждением предположений о потенциале приложения в аспекте геймификации. При неправильном ответе наблюдалось желание максимально быстро дать верный ответ.

Второй площадкой – для педагогического эксперимента с использованием приложения как языкового тренажёра – стал мастер-класс «Совмещая приятное с полезным: учим русский язык с помощью электронных ресурсов» в рамках проекта «Университетские субботы» для учащихся школ города Москвы, прошедший 16 ноября 2019 г. В рамках эксперимента 35 респондентов – учащихся 5–7 классов школ города Москвы – приняли участие в анкетировании и апробации приложения (сеансе 5-минутной игры в приложении для каждого респондента). Анкетирование предполагало заполнение анкет перед игрой и после игры.

Анкета 01 для заполнения перед игрой содержала пункты, касающиеся использования респондентами компьютерных программ, мобильных приложений, игр на игровых приставках, в том числе для обучения русскому языку, а также пункты, нацеленные на выявление представлений респондентов об оптимальной образовательной видеоигре по русскому языку. Далее следовали три задания в виде тестов с множественным выбором ответа, с которыми респонденты затем столкнулись в процессе взаимодействия с приложением.

Анкета 02 для заполнения после игры содержала те же три задания с теми же вариантами ответа, а также пункты, нацеленные на определение отношения респондентов к апробированному ими приложению (их впечатления от игры).

Основными целями эксперимента были выявление возможных корреляций в динамике выбора учащимися правильных и неправильных ответов до и после сеанса игры, что может свидетельствовать об особенностях фиксации учащимися в памяти правильных и неправильных ответов, и выявление отношения учащихся к возможному использованию подобных продуктов в обучении русскому языку, а следовательно, и целесообразности использования подобных приложений в учебном процессе в рамках школьного курса русского языка – на уроках или в рамках домашней работы.

Результаты данного эксперимента в целом подтвердили предполагаемую перспективность подобного вида обучающего тренажёра: так, его использование способствовало фиксации языкового материала в памяти обучающихся – участников эксперимента и, соответственно, реализации образовательной цели «запоминание», о чём мы упоминали выше. Участники эксперимента отметили привлекательность такой формы закрепления языкового материала.

Обобщение итогов двух экспериментов позволяет сделать следующий вывод: обучающиеся из экспериментальных групп не только положительно относятся к рассматриваемому мобильному приложению как средству обучения, но и демонстрируют положительные результаты его использования как игрового средства – в аспекте игры-состязания с другими участниками и индивидуальной игры.

Изложенное выше позволяет заключить, что учебно-игровые мобильные приложения, аналогичные рассматриваемому, могут использоваться в обучении русскому языку школьников, поскольку могут служить:

– оптимизации учебного процесса за счет автоматизации закрепления учебного материала, контроля и диагностики отдельных ошибок (как языковой тренажёр – программа контроля), что подтверждается положительной динамикой выбора правильных вариантов ответа обучающимися в рамках лингвометодического эксперимента,

– повышению мотивации обучающихся к изучению русского языка (за счет геймификации обучения, а именно – переключения между учебной и игровой деятельностью обучающихся), что подтверждается результатами анкетирования обучающихся и результатами игрового эксперимента.

Заключение. Современные тенденции цифровизации всех сфер общественной жизни, в том числе образования и самообразования, позволяют полагать, что популярность учебно-игровых мобильных приложений среди обучающихся и преподавателей – пользователей мобильных устройств – будет расти, а сами мобильные приложения будут технологически и содержательно совершенствоваться. Это позволит открыть новые перспективы в образовании и самообучении, в том числе и в обучении русскому языку. Среди таких перспектив – оптимизация формата внеурочных заданий (домашней работы, работы по самопроверке и самоконтролю). С этой целью в качестве средства обучения могут рассматриваться учебные и игровые мобильные приложения, включая приложение «Приключения Киберкота». На основании полученных данных можно утверждать, что учащиеся готовы к использованию подобных продуктов в обучении. Их применение может способствовать закреплению языкового материала. Дальнейшие научные изыскания в этом направлении, на наш взгляд, могут включать более широкие и серьёзные исследования, в т. ч. лонгитюдные, касающиеся предпочтений учащихся и преподавателей в этой сфере, а также закономерностей выбора и запоминания ответов на задания различных видов тестов, предлагаемые учащимся в рамках взаимодействия с подобными продуктами.

Литература

Азимов, Э. Г. Современный словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Русский язык. Курсы, 2019. – 496 с.

Буре, Н. А. Лингводидактический тренажер как форма инновационного обучения русскому языку как иностранному / Н. А. Буре. – Текст : электронный // Тезисы Третьей Всероссийской конференции «Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы» (7–10 декабря 2011 г., Санкт-Петербург). – СПб. : Златоуст, 2011. – С. 12. – URL: http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/pdf/themes_2011.pdf (дата обращения: 19.02.2020).

Жильцов, В. А. Компьютерное моделирование языковой среды в дистанционном обучении РКИ (уровни А2-В1) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Жильцов В. А. – М., 2019. – 279 с.

Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации : утверждена постановлением Правительства от 9 апреля 2016 года № 637-р. – Текст : электронный // Правительство Российской Федерации : официальный сайт. – URL: http://static.government.ru/media/files/GG2TF4pq6RkGAtAIJKHYKTXDmFlMAAOd.pdf.

Коряковцева, Н. Ф. Современная образовательная среда и преподавание иностранных языков / Н. Ф. Коряковцева, А. Н. Щукин // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. – 2018. – Вып. 4 (808). – С. 11–18.

Костомаров, В. Г. О дисплейных текстах / В. Г. Костомаров // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 61–65.

Ольховская, А. И. Ещё раз об использовании игровых приёмов на уроке РКИ / А. И. Ольховская // Языковое образование в вузе: теоретический и прикладной аспекты : сборник статей международной научно-практической конференции / отв.ред. Г. М. Мандрикова. – Новосибирск : НГТУ, 2015. – С. 286–293.

Осадчий, М. А. 3D-квест по русскому языку: разработка, апробация, возможности применения / М. А. Осадчий, И. А. Маев, В. А. Жильцов // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 1. – С. 4–9.

Титова, С. В. Мобильное обучение иностранным языкам : учебное пособие / С. В. Титова, А. П. Авраменко. – М. : Издательство «ИКАР», 2014. – 224 с.

Титова, С. В. Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика / С. В. Титова. – М. : Эдитус, 2017. – 248 с.

Annetta, L. A. Serious Games: Incorporating Video Games in the Classroom / L. A. Annetta, M. R. Murray, S. G. Laird, S. C. Bohr, J. C. Park // EDUCAUSE Quarterly. – 2006. – Vol. 29, № 3. – P. 16–22.

Chinnery, G. M. Going to the MALL: Mobile Assisted Language Learning / G. M. Chinnery // Language Learning & Technology. – 2006. – Vol. 10, № 1. – P. 9–16.

Knight, J. F. Serious gaming technology in major incident triage training: a pragmatic controlled trial / J. F. Knight, S. Carley, B. Tregunna, S. Jarvis, R. Smithies, S. de Freitas, I. Dunwell, K. Mackway-Jones // Resuscitation. – 2010. – Vol. 81. – P. 1175–1184.

Krathwohl, D. A Revision of Bloom's Taxonomy: An Overview / D. Krathwohl // Theory Into Practice. – 2002. – Vol. 41, № 4. – P. 212–218.

Lyovina, G. M. Intensification of Teaching Russian as a Foreign Language: Mobile Applications / G. M. Lyovina // Russian Language Studies. – 2016. – № 4. – P. 42–47.

Riad Bourbia. Development Of Serious Game To Improve Computer Assembly Skills / Riad Bourbia et al. // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 141. – P. 96–100.

Susi, T. Serious Games – An Overview / T. Susi, M. Johannesson, P. Backlund. – Skövde: School of Humanities and Informatics; University of Skövde, 2007. – 28 p.

Uther, M. Mobile learning – trends and practices / M. Uther // Educational Sciences. – 2019. – Vol. 9, issue 1. – P. 33. – DOI: https://doi.org/10.3390/educsci9010033.

Wong, Y. S. Computer game as learning and teaching tool for object oriented programming in higher education institution / Y. S. Wong, H. M. Y. Maizatul // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 123. – P. 215–224.

References

Annetta, L. A., Murray, M. R., Laird, S. G., Bohr, S. C., Park, J. C. (2006). Serious Games: Incorporating Video Games in the Classroom. In *EDUCAUSE Quarterly*. Vol. 29. No. 3, pp. 16–22.

Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2019). *Sovremennyi slovar'metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A Modern Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 448 p.

Bure, N. A. (2011). Lingvodidakticheskii trenazher kak forma innovatsionnogo obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Linguodidactic Simulator as a Form of Innovative Teaching of Russian as a Foreign Language]. In *Tezisy Tret'ei Vserossiiskoi konferentsii «Kodifikatsiya norm sovremennogo russkogo yazyka: rezul'taty i problemy» (7–10 dekabrya 2011 goda, Sankt-Peterburg)*. Saint Petersburg, Zlatoust, p. 12. URL: http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/pdf/themes_2011.pdf (mode of access: 19.02.2020).

Chinnery, G. M. (2006). Going to the MALL: Mobile Assisted Language Learning. In *Language Learning & Technology*. Vol. 10. No. 1, pp. 9–16.

Knight, J. F., Carley, S., Tregunna, B., Jarvis, S., Smithies, R., de Freitas, S., Dunwell, I., Mackway-Jones, K. (2010). Serious gaming technology in major incident triage training: a pragmatic controlled trial. In *Resuscitation*. Vol. 81, pp. 1175–1184.

Kontseptsiya prepodavaniya russkogo yazyka i literatury v Rossiyskoi Federatsii: utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva ot 9 aprelya 2016 № 637-r [The Concept of Teaching the Russian Language and Literature in the Russian Federation: approved by the Government Decree of April 9, 2016 No. 637-r]. In *Pravitel'stvo Rossiiskoi Federatsii: official website*. URL: http://static.government.ru/media/files/GG2TF4pq6RkGAtAIJKHYKTXDmFlMAAOd.pdf.

Koryakovtseva, N. F., Shchukin, A. N. (2018). Sovremennaya obrazovatel'naya sreda i prepodavanie inostrannykh yazykov [Modern Educational Environment and Foreign Languages Teaching]. In *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. Issue 4 (808), pp. 11–18.

Kostomarov, V. G. (2019). O displeinykh tekstakh [About Display Texts]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 1, pp. 61–65.

Krathwohl, D. (2002). A Revision of Bloom's Taxonomy: An Overview. In *Theory Into Practice*. Vol. 41. No. 4, pp. 212–218.

Lyovina, G. M. (2016). Intensification of Teaching Russian as a Foreign Language: Mobile Applications. In *Russian Language Studies*. No. 4, pp. 42–47.

Ol'khovskaya, A. I. (2015). Eshche raz ob ispol'zovanii igrovykh priemov na uroke RKI [Once Again about the Use of Gaming Techniques in the Lesson of Russian as a Foreign Language]. In Mandrikova, G. M. (Ed.). *Yazykovoe obrazovanie v vuze: teoreticheskii i prikladnoi aspekty: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Novosibirsk, NGTU, pp. 286–293.

Osadchy, M. A., Maev, I. A., Zhiltsov, V. A. (2018). 3D-kvest po russkomu yazyku: razrabotka, aprobatsiya, vozmozhnosti primeneniya [Russian Language 3D-quest: Creation, Approbation, Opportunities of Practical Use]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 1, pp. 4–9.

Riad Bourbia, et al. (2014). Development Of Serious Game To Improve Computer Assembly Skills. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 141, pp. 96–100.

Susi, T., Johannesson, M., Backlund, P. (2007). *Serious Games – An Overview*. Skövde, School of Humanities and Informatics, University of Skövde. 28 p.

Titova, S. V., Avramenko, A. P. (2014). *Mobil'noe obuchenie inostrannym yazykam* [Mobile Assisted Foreign Languages Learning]. Moscow, Izdatel'stvo «IKAR». 224 p.

Titova, S. V. (2017). *Tsifrovye tekhnologii v yazykovom obuchenii: teoriya i praktika* [Digital Technologies in Language Learning: Theory and Practice]. Moscow, Editus. 248 p.

Uther, M. (2019). Mobile Learning – Trends and Practices. In *Educational Sciences*. Vol. 9. Issue 1, p. 33. DOI: https://doi.org/10.3390/educsci9010033.

Wong, Y. S, Maizatul, H. M. Y. (2014). Computer Game as Learning and Teaching Tool for Object Oriented Programming in Higher Education Institution. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 123, pp. 215–224.

Zhil'tsov, V. A. (2019). *Komp'yuternoe modelirovanie yazykovoi sredy v distantsionnom obuchenii RKI (urovni A2-B1)* [Computer Modeling of the Language Environment in Distance Learning of Russian as a Foreign Language (Levels A2-B1)]. Dis. … kand. ped. nauk. Moscow. 279 p.

Данные об авторах

Маев Игорь Александрович – начальник информационно-библиотечного центра, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия).

Адрес: 117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6.

E-mail: IAMaev@pushkin.institute.

Жильцов Владимир Александрович – кандидат педагогических наук, ведущий инженер информационно-библиотечного центра, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия).

Адрес: 117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6.

E-mail: VAJiltsov@pushkin.institute.

Authors' information

Maev Igor Aleksandrovich – Head of the Information & Library Center, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia).

Zhiltsov Vladimir Aleksandrovich – Candidate of Pedagogy,Leading Engineer of the Information & Library Center, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia).

Приложение

Динамика количества правильных ответов на задания, включённые в приложение, данных до и после использования приложения (на примере 2 заданий).

Задание 1. Прочитай отрывок из стихотворения Агнии Барто «Игра в слова» и вслушайся в его звучание. Отметь слова, в которых встречаются две непарные (глухие или звонкие) согласные.

Скажи «Родник» –
И вот возник,
Бежит в зелёной чаще
Весёлый ключ журчащий.
А. Л. Барто. «Игра в слова»

Варианты ответа (возможно несколько ответов)	Анкета 01 (ответ перед игрой), доля участников эксперимента, выбравших данный вариант ответа	Анкета 02 (ответ после игры), доля участников эксперимента, выбравших данный вариант ответа
скажи	6%	6%
родник	63%	89%
возник	9%	9%
чаще	60%	71%
весёлый	51%	77%
Нет ответа	6%	3%

Задание 2. Эта загадочная буква мягкий знак! Как много правил нужно выучить, чтобы правильно её расставлять! А ты уже выучил их? Сейчас проверим! Отметь слова, в которых мягкий знак должен быть.

Варианты ответа (возможно несколько ответов)	Анкета 01 (ответ перед игрой), доля участников эксперимента, выбравших данный вариант ответа	Анкета 02 (ответ после игры), доля участников эксперимента, выбравших данный вариант ответа
1. гараж_	3%	6%
2. реж_те	57%	66%
3. (много) туч_	34%	23%
4. мыш_	100%	100%
5. в_юга	97%	100%
6. об_явить	14%	17%

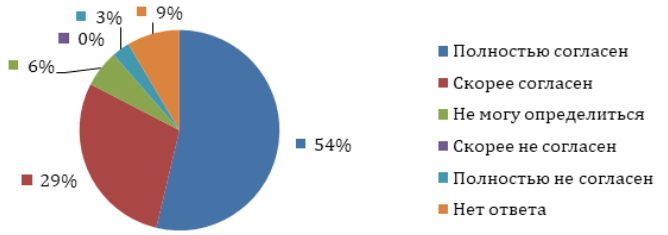


Диаграмма 1. Распределение реакций на утверждение «В целом я нахожу эту игру привлекательной»

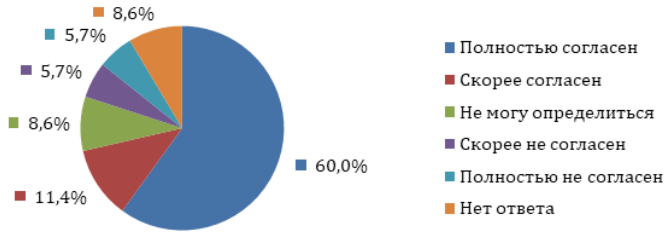


Диаграмма 2. Распределение реакций на утверждение «Эта игра может быть полезной для меня в обучении»

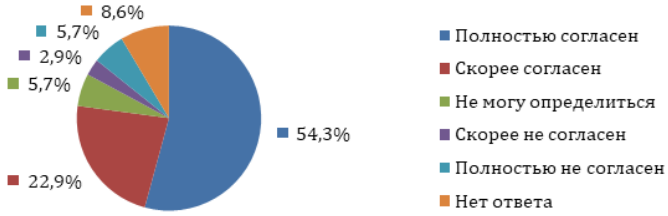
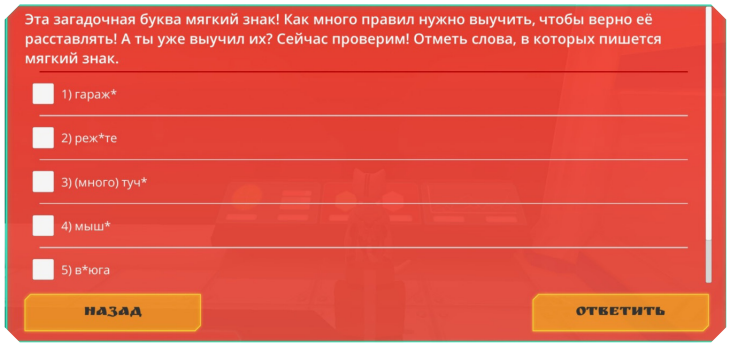


Диаграмма 3. Распределение реакций на утверждение «Эта игра может помочь мне запомнить учебный материал по русскому языку»

ЧА ША
ПИШИ С
БУКВОЙ А

ВЫБЕРИТЕ УРОВЕНЬ
ПАУЗА
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15


Эта загадочная буква мягкий знак! Как много правил нужно выучить, чтобы верно её расставлять! А ты уже выучил их? Сейчас проверим! Отметь слова, в которых пишется мягкий знак.
1) гараж*
2) реж*те
3) (много) туч*
4) мыш*
5) в*юга
НАЗАД
ОТВЕТИТЬ

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.112.2-1: 821.161.1-1. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-26.
ББК Ш33(2Рос+Рус)64-45+Ш33(4Гем)64-45. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03

НОВЕЙШАЯ ЛИРИКА В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА И ФЕНОМЕН ЛИМИНАЛЬНОСТИ (рецензия на коллективный труд: Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien: Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsliteratur. Band 2: Schwellenzeit – Gattungstransitionen – Grenzerfahrungen / Hrsg. von Matthias Fechner und Henrieke Stahl. Berlin, 2020. 497 s.)

Кучумова Г. В.
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
(Самара, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8699-0484

Аннотация. В статье рецензируется международный сборник научных трудов (на немецком и английском языках), посвященный исследованию основных тенденций немецкоязычной и русскоязычной поэзии последних десятилетий.

Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien: Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsliteratur. Band 2: Schwellenzeit – Gattungstransitionen – Grenzerfahrungen / Hrsg. von Matthias Fechner und Henrieke Stahl. Berlin, 2020. 497 s.

«Новейшая лирика. Межкультурные и междисциплинарные исследования: Субъект и лиминальность в современной литературе. Том 2: Время границ – Жанровый транзит – Пограничный опыт». Берлин, 2020. 497 с.

В сборнике представлены статьи известных германистов и филологов-славистов из Германии, России, США, Японии и др.

Предметом анализа является методологическая специфика коллективного труда, которая связана с усиленным вниманием современного исследователя к пограничным (лиминальным) феноменам в актуальной русско- и немецкоязычной лирике.

Разнообразные творческие и художественные практики современных авторов рассматриваются «под зонтиком» единой проблемы – проблемы границ, порогов и переходов. На материале поэтических текстов исследуются пограничные феномены и новые формы субъективности. Это обусловило всю концепцию композиционного построения сборника статей.

Доказана продуктивность данной методологии в изучении специфики русско- и немецкоязычных лирических текстов, сложившихся под влиянием радиальных сдвигов в социокультурной ситуации конца XX в. и нового рубежа веков.

Сделан вывод о том, что данное исследование в аспекте межкультурных связей воссоздает целостную проблемно-тематическую картину современной русско- и немецкоязычной лирики.

Ключевые слова: русскоязычная поэзия; русскоязычные поэты; немецкоязычная поэзия; немецкоязычные поэты; поэтическое творчество; лирические жанры; поэтические практики; лиминальность; трангрессия; новые формы субъективности; рецензии.

© Г. Кучумова, 2021

THE LATEST LYRICS IN THE ASPECT OF CROSS-CULTURAL STUDIES: THE PROBLEM OF THE SUBJECT AND THE PHENOMENON OF LIMINALITY (review of the collective work: Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien: Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsliteratur. Band 2: Schwellenzeit – Gattungstransitionen – Grenzerfahrungen / Hrsg. von Matthias Fechner und Henrieke Stahl. Berlin, 2020. 497 p.)

Galina V. Kuchumova
Samara National Research University (Samara, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/ 0000-0002-8699-0484

Abstract. The article reviews the international collection of scholarly papers (in German and English) devoted to the study of the main trends in German and Russian poetry of recent decades "The latest lyrics. Cross-cultural and Interdisciplinary Studies: The Subject and Liminality in Modern Literature. Volume 2: Border Time – Genre Transit – Border". Berlin, 2020. 497 p.

The collection contains the articles by famous Germanists and Philologists-Slavists from Germany, Russia, the USA, Japan, etc. The reviewer focuses on the methodological specificity of the collective work, which is associated with the increased attention of the modern researcher to borderline (liminal) phenomena in the current Russian and German lyrics.

Various creative and artistic practices of modern authors are considered "under the umbrella" of one problem – the problem of borders, thresholds and transitions. Liminal phenomena and new forms of subjectivity are studied based on poetic texts. This has determined the whole concept of compositional construction of the collection of articles.

The reviewer maintains that the methodology proves effective when studying the peculiarities of Russian and German lyrical texts that have developed under the influence of radial shifts in the socio-cultural situation of the late twentieth century and the new turn of the century.

The conclusion is made that this study in the aspect of intercultural relations recreates the holistic problem-thematic picture of modern Russian and German lyrics.

Keywords: Russian-language poetry; Russian-language poets; German-language poetry; German-language poets; poetic creative activity; lyrical genres; poetic practices; liminality; transgression; new forms of subjectivity; reviews.

Для цитирования: Кучумова, Г. В. Новейшая лирика в аспекте межкультурных исследований: проблема субъекта и феномен лиминальности (рецензия на коллективный труд: Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien: Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsliteratur. Band 2: Schwellenzeit – Gattungstransitionen – Grenzerfahrungen / Hrsg. von Matthias Fechner und Henrieke Stahl. Berlin, 2020. 497 S.) / Г. В. Кучумова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 308–313. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-26.

For citation: Kuchumova, G. V. (2021). The Latest Lyrics in the Aspect of Cross-Cultural Studies: the Problem of the Subject and the Phenomenon of Liminality (review of the collective work: Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien: Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsliteratur. Band 2: Schwellenzeit – Gattungstransitionen – Grenzerfahrungen / Hrsg. von Matthias Fechner und Henrieke Stahl. Berlin, 2020. 497 p.). In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 308–313. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-26.

Парадигмальные изменения во всем составе социума и культуры конца XX в. и нового рубежа веков оживляют интерес к пограничным (лиминальным) процессам в литературном пространстве. В новых историко-эстетических обстоятельствах, в новой информационной среде складываются и новые формы существования словесности, в частности, поэтических форм, определяемых, главным образом, художественным рынком, издательскими интересами, перформативной средой и новыми запросами читателей. Сегодня в пестром разнообразии лирических форм выделяются герметичная

и экспериментальная поэзия с ее интермедиальными включениями, перформативные и визуально-поэтические проекты в России и Германии.

Основная значимость рецензируемого сборника определяется теоретическим осмыслением отдельных поэтических практик и художественных языков, сосуществующих в поэтическом ландшафте новейшей русско- и немецкоязычной поэзии, в аспекте постановки и решения проблемы границ, порогов и переходов (лиминальность).

Лиминальность в интерпретации редакторов сборника – немецких славистов Маттиаса Фехнера (*Matthias Fechner*) и Хенрике Шталь (*Henrieke Stahl*) – это главный «знак современности»; «пороговое время» – это *condition historiae*, захватывающее самые разные области, а прежде всего – фигуру субъекта. В фокусе книги – поэтические практики на русском и немецком языках, рассматриваемые в сравнительно-исторической перспективе, что объясняет как появление отдельных примеров из других литератур, так и соотнесение процессов в поэзии с параллельными процессами в прозе и философской эссеистике. Книга продолжает серию публикаций о современной поэзии трирского проекта и непосредственно связана с русскоязычным томом на ту же тему [Friedrichs, Stahl 2020]. Сборник посвящен 70-летию поэта С. Бирюкова.

Статьи сборника освещают основные направления и художественные ориентиры новейшей русско- и немецкоязычной лирики. Представленные в трех разделах материалы акцентируют позиции лиминального (пограничного) субъекта, его опыт на границах и опыт преодоления этих границ.

В своей вступительной статье ведущий специалист по современной немецко- и русскоязычной поэзии Хенрике Шталь (*Henrieke Stahl*) из Трира делает обстоятельный обзор дискуссионного поля, высвечивает ключевые вопросы, рассматриваемые в статьях сборника, а именно: феномен границы (лиминальность) [Gedichte schreiben 2016: 35], новые формы субъективности, новые позиции лиминального субъекта [Friedrichs, Stahl 2020], разграничение жанровых форм в ситуации размытых границ, пограничный/травматический опыт, феномен трансгрессии [Boge 2009: 31].

В первом разделе «Время границ» (*Schwellenzeit)* автор статьи *Peter Geist* из Берлина рассматривает новые формы субъективности в актуальных лирических текстах. Анализируемые им тексты объединены темой глобализации, тотальным процессом, при котором размытые границы наделяются особой значимостью. Знаковыми текстами в немецкоязычной лирике в XXI в. автор считает цикл стихотворений Gerhard Falkner *Gegensprechstadt – ground zero* (2005) и *Wildernis* (2013) Volker Brauns. Данные тексты достаточно полно исчерпывают арсенал характерных для лирики художественных средств для развертывания мотива *Globalisierung*. Лиминальные феномены касаются здесь не только маркированной географической границы Европа/Африка, но и разной ментальной карты на этих континентах. В статье рассматриваются лирические стихи поэта и издателя *Björn Kuhligk* под названием *Die Stille zwischen null und eins* (2013) и цикл *Die Sprache von Gibraltar* (2016) о миграционной политике Испании в контексте проблемы городов Сеута и Мелилья в 1990-х гг.

Исследуется объемная поэма *Verbannt!* (2016) немецкого автора американского происхождения *Ann Cotten*. Текст ее поэмы, современной робинзонады с фантастическими допущениями, предполагает иные выводы о глобализации. Героиня поэмы – телеведущая, потеряв работу, устремляется на некий остров, населенный мифическими существами, химерами, рожденными в ее голове. С собой она берет лишь нож, точильный камень и все тома лексикона Майера (1910). Гегелевская утопия Порядка Рационального сталкивается здесь с Хаотичностью Интернета. Интернет-культура – как культура всеобщей деградации – уже дает устойчивые результаты в творчестве молодых поэтов. В их текстах «случается» умножение пустых означающих и утрата означаемого, делает вывод автор статьи. Особенно выразителен образ подвижных границ между реальным и вымышленным, между означающими и означаемым в поэме немецкого автора *Kurt Drawert*. Томик его стихов *Der Körper meiner Zeit* (2015–2016), своеобразный лирический дневник, поэтически точно передает отчаянную тоску о потере прежнего мира с его глубоким содержанием и ценностями, еще не деформированными глобализацией.

В историческом разрезе пограничные феномены исследует филолог из Трира *Matthias Fechner*. Лиминальные феномены рассматриваются в широком историческом диапазоне – от времен *Sturm-und-Drang* до современности [Schilling 2018]. На фоне широких и значительных преобразований в европейской культуре прослеживается становление художественного канона в немецкой лирике и его последующие нарушения. Это связано главным образом с активностью маргинальных элементов в социуме и культуре, с усилением их творческого потенциала в «пороговых» ситуациях. Создаваемые ими тексты создают особое напряжение в литературном пространстве, в них звучит уверенный голос «сильного субъекта» с ярко выраженной протестной составляющей. В постмодернистской ситуации лирический субъект подает свой голос уже в предельных (трансгрессивных) состояниях.

Тему «лирический субъект в эпоху глобализации» продолжает Татьяна Андреюшкина (Тольятти). В статье «Немецкоязычная мигрантская поэзия и лиминальное лирическое Я» она указывает на новый характер поэтических текстов, созданных в ситуации «порога», акцентирует их обусловленность факторами ускоренных социокультурных перемен и активными процессами миграции в Германии. Известные представители мигрантской литературы – Александр Шмидт, Ольга Мартынова, *Zsuzsanna Gahse, Alexander Nitzberg, Zafer Şenocak*. В их текстах лиминальный лирический субъект как автобиографическая проекция автора наделяется чаще всего фантазийными свойствами (ангел, птица, феникс, стрекоза, кузнечик, растение). В текстах *Aglaja Veteranyi* и *Rolf Bossert* лирический субъект чаще всего выступает как аутсайдер, стремящийся к самоуничтожению в предельном эмоциональном состоянии (от эйфории и радости до страха и глубокой депрессии).

Екатерина Фридрихс (Трир) перемещает фокус внимания в повествовательное пространство. Она рассматривает формы субъективности в романе Лутца Зайлера *Kruso* (2014). Повествование балансирует между реализмом повседневности и фантастическими видениями, что характерно для проявлений пороговых состояний и событий перехода границ в романе. Исследователь выделяет в романе разные уровни эксплицитной текстуальной и имплицитной метатекстуальной лиминальности субъекта. Среди них – уровень политико-географический (объединение Германии после 1989 г.), пространственный (герой романа – отшельник, новый Робинзон), социально-групповой (травматическая социализация в объединенной Германии), индивидуально-социальный (жизнь на острове). На поэтологическом уровне автор выделяет нарративный подуровень (сложная организация повествования) и подуровень аллюзивный (интертекстуальная параллель Крузо – Пятница).

Необычный ракурс исследования лиминального субъекта задает филолог из Йены *Claudia Hillebrandt*, рассматривая топос болезни. На материале романа Стена Надольны «Летняя прогулка Вайтлинга» (*Weitlings Sommerfrische*, 2012) осмысляется лиминальный опыт человека в борьбе с болезнью Альцгеймера. Характер восприятия пограничных событий основан на эффекте отчуждения романного героя от устоявшихся нормативных измерений социокультурного пространства человеческой жизни.

Статьи второго раздела объединены темой «Границы языка и жанровых форм». В пестром разнообразии современных поэтических форм особо выделяется «поэтический субъект» как агент «внеисторического авангарда». Михаил Павловец (Москва) высвечивает многогранную фигуру нашего современника Сергея Бирюкова (поэт, философ, критик, исследователь, популяризатор, автор экспериментальной поэзии). Авторская концепция «внеисторического авангарда» С. Бирюкова наследует традиции «исторического авангарда» (И. Смирнов, Р. Дёринг-Смирнова), развивая их в перформативном пространстве художественного дискурса. В центре его поэтической практики и литературоведческих штудий стоит сам поэтический субъект Сергея Бирюкова с его «плавающей самоидентичностью».

Примечательно обращение немецких исследователей к творчеству русскоязычных авторов. *Rainer Grübel* (Ольденбург, Германия) в статье «Множественность поэтического и творческого субъекта как выражение лими-

нальности среды обитания в позднем творчестве Дмитрия Пригова» анализирует две противоположные модели – лирические произведения Геннадия Айги и Дмитрия Пригова. Если Геннадий Айги растворяет лирического субъекта в безграничной и ритмически организованной языковой среде, ориентированной на модели сна и сновидения, то Дмитрий Пригов, вслед за И. Бродским, акцентирует уникальность замкнутой фигуры, умножая ее смысловые функции. Например, Д. Пригов конструирует лирического субъекта в перформансах («Вознесение»), воспроизводя в них с большой долей иронии множественный субъект в пространстве плотной интертекстуальности. Он, Дмитрий Пригов, одетый в шинель (Гоголь), сидит в шкафу (Д. Хармс «Шкаф») в некоем футляре (Чехов); он, подпольный человек (Достоевский), укрытый от внешнего мира (как святой Иероним Босх в пещере), дожидается своего вознесения на 22 этаж.

Заключительная часть сборника «Пограничный опыт» выводит читателя на активную дискуссию о ключевых современных поэтиках лирических текстов. Интересный аналитический материал представлен в статье Любы Голбурт (Беркли). В поэтическом пространстве сборника Анны Глазовой «Для землеройки» (2013) автор статьи пытается воссоздать условия стирания границ между человеком и «нечеловеком», между субъектом и объектом. Продолжая традиции феноменологической, постромантической природной лирики, Глазова ставит под вопрос основополагающую для этой традиции категорию лирической субъективности.

Проблему границ (феномен детерриториализации) и пограничного существования лирического субъекта затрагивает Кирилл Корчагин (Москва), обращаясь к поэзии Сергея Жадана, Игоря Бобырева и Анатолия Каплана, ярких представителей юго-восточной части Украины. Реализуемая в поэтической практике концепция Жадана нацелена на воссоединение территорий с их различными группами населения, говорящими на украинском литературном языке. Во многом ретроспективна концепция И. Бобырева. Поэт мыслит в терминах имперской культуры и настаивает на праве каждого человека независимо от территории выбирать свою идентичность. Отмечается сильное желание И. Бобырева остаться русским поэтом: свой родной город Донецк он воспринимает как часть русскоязычного мира. Напротив, позиция А. Каплана во многом анархична, его стихи, пропитанные «ненавистью», призывают к конкретным действиям против русскоязычного «врага».

В этом разделе сборника обратим внимание на содержательную статью Марка Липовецкого (Нью-Йорк). Он исследует «потенциал разрыва» [Neuere Lyrik 2020: 371], акцентируя трансгрессивную составляющую поэзии представителей «первого постсоветского поколения» Полины Барсковой и Линор Горалик. Так, в стихах и прозе П. Барсковой о блокаде Ленинграда лирический субъект формируется в диалоге с культурной памятью. Сохраняя историческую конкретику, Барскова описывает блокаду как лиминальное состояние между жизнью и смертью, между мифами и историческим временем. Здесь на первый план выходит эффект отстранения, свойственный лиминальным состояниям. Цикл ее стихов «Сделанность» (2010) демонстрирует, как ужас блокады преобразуется в источник творческой активности, преодолевающей время и смерть. Цикл прозаических миниатюр Л. Горалик «Говорит» воспроизводит некое утопическое состояние «аутентичности» ее персонажей. Краткие, не связанные между собой монологи-зарисовки рассказывают о людях, их характерах в разных ситуациях, зачастую с извращенными психологическими реакциями на события. Некоторые отрывки сложны для восприятия: их синтаксический рисунок воспроизводит спонтанную устную речь человека. Однако такой прием лишь прибавляет живости текстам Горалик. Оба автора используют лиминальную ситуацию, позволяющую субъекту выйти за пределы собственного исторического опыта и за пределы дискурса вообще. Творческие практики Полины Барсковой и Линор Горалик по-разному воспроизводят способы проработки травм «первого постсоветского поколения», к которому они принадлежат.

Исследование позиций лиминального субъекта продолжает Юлиана Каминская (Санкт-Петербург). В ее статье «Субъект как язык на границе с Ничто в рассказе Андрея

Левкина „Средиземная война“» фигура главного героя представлена как воздушная конструкция с едва заметными контурами, балансирующая между словом и молчанием, между языком и Ничто.

Интересные наблюдения делает автор статьи «Моя социализация – это лагерь» Хироси Ямамото (Токио). Он анализирует лирические тексты немецкого поэта румынского происхождения *Oskar Pastior* и японского *Yoshirō* (Исихара), в послевоенное время депортированных в советские лагеря. Оба автора прошли через «нулевую точку бытия» (*Nullpunkt der Existenz*, Herta Müller). В трудовом лагере они теряют все: нормальную жизнь, личные вещи и документы, оптимизм и веру в людей, собственную идентичность и свой язык. В цикле стихов *Oskar Pastior* «Russland-gedicht» и в лирических текстах *Yoshirō* «Письмо кровным родственникам», «Река течет по морю» и др. звучит тема утраты родного языка и его последующего травматического восстановления.

В заключение отметим, что основной ценностью рецензируемого сборника является двухсторонний анализ методик исследования новейшей русско- и немецкоязычной поэзии в аспекте актуального интереса к пограничным (лиминальным) проблемам. По глубине рассмотрения проблемных вопросов современной лирики и уровню исполнения коллективный сборник научных статей является значительным вкладом в мировое литературоведение и, несомненно, будет востребован в дальнейших исследованиях.

Литература

Boge, Ch. Outlaws, Fakes and Monsters. Doubleness, Transgression and the Limits of Liminality in Peter Carey's Recent Fiction / Ch. Boge. – Heidelberg, 2009.

Friedrichs, E. Субъект и лиминальность в современной литературе. Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsliteratur. Band 1: Границы, пороги, лиминальность и субъективность в современной русскоязычной литературе / E. Friedrichs, H. Stahl. – Berlin, 2020. – 401 p.

Gedichte schreiben in Zeiten der Umbrüche. Tendenzen der Lyrik seit 1989 in Russland und Deutschland. Band 2 / Hrsg. Von Henrieke Stahl und Hermann Korte. – Leipzig : BiblionMedia, 2016. – 676 p.

Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien: Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsliteratur. Band 2: Schwellenzeit – Gattungstransitionen – Grenzerfahrungen / Hrsg. von Matthias Fechner und Henrieke Stahl. – Berlin, 2020. – 497 p.

Sandler, S. New Lyrics / S. Sandler // Russian Literature Since 1991 / ed. by. E. Dobrenko, M. Lipovetsky. – Cambridge, 2015. – P. 226–243.

Schilling, E. Liminale Lyrik. Freirhythmische Hymnen von Klopstock bis zur Gegenwart / E. Schilling. – Stuttgart, 2018.

References

Boge, Ch. (2009). *Outlaws, Fakes and Monsters. Doubleness, Transgression and the Limits of Liminality in Peter Carey's Recent Fiction*. Heidelberg.

Friedrichs, E., Stahl, H. (2020). *Sub"ekt i liminal'nost' v sovremennoi literature* [The Subject and Liminality in Modern Literature]. Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsliteratur. *Band 1: Granitsy, porogi, liminal'nost' i sub"ektivnost' v sovremennoi russkoi literature* [Volume 1: Boundaries, Thresholds, Liminality and Subjectivity in Modern Russian Literature]. Berlin. 401 p.

Stahl, H., Korte, H. (Eds.). (2016). *Gedichte schreiben in Zeiten der Umbrüche. Tendenzen der Lyrik seit 1989 in Russland und Deutschland*. Leipzig, BiblionMedia. 676 p.

Sandler, S. (2015). New Lyrics. In Dobrenko, E., Lipovetsky, M. (Eds.). *Russian Literature Since 1991*. Cambridge, pp. 226–243.

Schilling, E. (2018). *Liminale Lyrik. Freirhythmische Hymnen von Klopstock bis zur Gegenwart*. Stuttgart.

Данные об авторе

Кучумова Галина Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва (Самара, Россия).

Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: gal-kuchumova@mail.ru.

Author's information

Kuchumova Galina Vasilievna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of German Philology, Samara National Research University (Samara, Russia).

УДК 82-1/-9. DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-27. ББК Ш301.4.
ГРНТИ 17.07.21; 17.07.29. Код ВАК 10.01.08

ОТ ДРЕВНЕГО СИНКРЕТИЗМА К ИНТЕРНЕТ-ЭПОХЕ: ЕДИНЫЙ ПУТЬ МЕДИАСЛОВЕСНОСТИ

(Рецензия на книгу: Солдаткина Я. В. Литература в звуке, цвете и движении: историко-литературные основы медиасловесности: учебно-методическое пособие. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 264 с.)

Овчаренко А. Ю.
Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8544-5812

Аннотация. В рецензии рассматривается учебно-методическое пособие Я. В. Солдаткиной «Литература в звуке, цвете и движении: историко-литературные основы медиасловесности», разработанное для уникального учебного курса медиасловесности, читаемого для магистрантов в Московском педагогическом государственном университете. В рецензии развивается важная для автора пособия идея преемственности в распространении медиа-форм бытования литературы. Не революционная смена традиционной книжной культуры, вытесняемой новыми технологиями XXI в., а последовательный процесс, имевший прецеденты в разные эпохи. Путь медиасловесности, прослеженный от начала возникновения художественного творчества, через различные синтетические формы, искания авангарда и модернизма, феномен «эстрадной» и «массовой», песенной поэзии к экранизациям, мемам, фанфикам – всему разнообразию аудиовизуальных форм современного бытования словесного искусства – создает целостное впечатление о возможностях литературы, ее открытости и не исчерпанности художественных средств.

Подчеркивается новизна и значимость пособия, его востребованность и актуальность.

Ключевые слова: медиасловесность; художественный синкретизм; книжная культура; аудиовизуальность; интернет-литература; писатели; литературное творчество; литературные жанры; рецензии.

FROM ANCIENT SYNCRETISM TO THE INTERNET ERA: A UNIQUE WAY OF MEDIA LITERATURE

(Review of the book by Soldatkina Ya. V. Literature in sound, color and movement: historical and literary foundations of media literature. Educational and methodological guide. M.; Berlin: Direct-Media, 2019. 264 p.)

Alexey Yu. Ovcharenko
Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8544-5812

Abstract. The review deals with the teaching and methods guide of Ya. V. Soldatkina "Literature in Sound, Color and Motion: Historical and Literary Foundations of Media Literature", written for a unique master's degree program in media literature at Moscow State Pedagogical University. The review develops the idea of continuity in the dissemination of media forms of existence of literature, which is important for the author of the manual. This continuity presupposes not a revolutionary change in the traditional book culture, supplanted by new technologies of the 21st century, but a consistent process that had precedents in different eras. The path of media literature, traced from the beginning of the emergence of artistic creative activity through various synthetic forms, the search of avant-garde and modernism, the phenomenon of "pop" and "mass" song lyrics to film adaptations, memes, fanfictions – to the whole variety of audiovisual forms of contemporary life of verbal art – creates a holistic impression about the possibilities of literature, its openness and non-exhaustion of artistic means.

The review emphasizes the novelty and significance of the manual, its practical value and urgency.

© А. Овчаренко, 2021

Keywords: media literature; literary syncretism; book culture; audiovisuality; Internet literature; writers; literary creative activity; literary genres; reviews.

Для цитирования: Овчаренко, А. Ю. От древнего синкретизма к интернет-эпохе: единый путь медиасловесности (Рецензия на книгу: Солдаткина Я. В. Литература в звуке, цвете и движении: историко-литературные основы медиасловесности: учебно-методическое пособие. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 264 с.) / А. Я. Овчаренко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 314–318. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-27.

For citation: Ovcharenko, A. Yu. (2021). From Ancient Syncretism to the Internet Era: a Unique Way of Media Literature (Review of the book by Soldatkina Ya. V. Literature in sound, color and movement: historical and literary foundations of media literature. Educational and methodological guide. M.; Berlin: Direct-Media, 2019. 264 p.). In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 314–318. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-27.

Сфера интересов д. ф. н., профессора МПГУ Я. В. Солдаткиной – мифопоэтика русской прозы, история литературного текста во всем многообразии его форм: от первых лирических песен до современных цифровых версий классических произведений, «литературный текст как исторический, культурный и художественный феномен: границы текста, принципы его построения с учетом меняющихся каналов тиражирования и запросов на синтетизм, способы трансформации классических образцов, „бродячих сюжетов“ и „вечных образов“, новые прочтения литературных мифологем, интерпретация литературы другими видами искусств и массовой культурой» [Солдаткина 2019: 11], взаимодействие элитарной и массовой культуры в рамках развития каналов массового тиражирования литературы и искусства.

Книга Я. В. Солдаткиной уже привлекла внимание рецензентов [Поль 2020: 130–134], но мы хотим представить ее в более широком историко-литературном общеевропейском контексте.

Представления о динамике создания культурной ткани эпохи воплотились в рецензируемом пособии Я. В. Солдаткиной, созданном на основе авторского курса «Историко-литературные основы медиасловесности» для магистерской программы «Медиасловесность» по направлению «Филология». Подчеркнем, что полных аналогов такой программы именно в рамках филологического образования в России пока нет, в академической среде представлены, в основном, магистерские программы и учебники по медиакультуре как особом типе культуры информационного общества (Н. Б. Кириллова), программа «Аудиовизуальные коммуникации и медиатехнологии в социально-культурной деятельности» (УрФУ им. Б. Н. Ельцина), программа «Критические медиаисследования» и «Медиакультура» (ВШЭ) и др. В Европе и США изучение и преподавание современных форм медиакультуры охватывает целый спектр гуманитарных дисциплин: от истории и философии до социологии, как, например, в созданном при Университете Париж III Новая Сорбонна в 2017 г. Институте средств массовой информации, культуры, связи и цифровых технологий (IRMÉCCEN – Institut de Recherche Médias, Cultures, Communication et Numérique). Институт осуществляет свою научную и образовательную деятельность в рамках cultural studies. Это предполагает интеграционный подход к средствам массовой информации, культурным, коммуникационным и цифровым явлениям, междисциплинарный диалог, независимо от того, идет ли речь об объектах и явлениях культуры или же о темах. Своеобразие этой интеграционной миссии cultural studies именно в междисциплинарном диалоге. Не углубляясь в историю возникновения самого понятия в начале 1960-х гг. в университете Бирмингема, постепенного проникновения cultural studies в западную академическую среду и связанными с этим локальными метаморфозами концепта, в многолетние дискуссии в научной среде о том, дисциплина ли это или антидисциплина, и в многозначность самого термина, укажем, что пока нет адекватного перевода на русский язык термина cultural studies. Это понятие объединяет комплексные междисциплинарные исследования

в сфере культуры, формирует объемное представление об историко-культурном процессе эпохи.

Художники всегда стремились сделать свое искусство объемным: в живописи это нашло выражение в перспективе на полотнах Джотто, в творчестве Жоржа де Латура, выдающегося мастера кьяроскуро, в картинах Эль Лисицкого, в «музыкализме» Анри Валенси, в «лучизме» Михаила Ларионова. В литературе Андрей Белый экспериментировал с цветом и словесным образом, Борис Пильняк и Артём Весёлый стремились в слове передать хаос революционной эпохи, В. Кандинский писал об ассоциативной связи звукового и цветового образов [Кандинский 1914]. Затем, уже во 1970-е гг., А. П. Журавлев экспериментальным путем доказал синестезическую связь звука и цвета, но истоки возникновения представлений о литературе как о системе, на наш взгляд, следует искать непосредственно в русской литературной науке, зарождавшейся культурологии и истории культуры 1920–1930-х гг., когда один из первых российских культурологов И. Иоффе разработал свою «синтетическую теорию искусства» (1933).

Еще Ап. Григорьев говорил о «воздухе эпохи», подразумевая объем и сложность отношений литературы и эпохи. Эти мысли получили свое продолжение в идеях Ю. Тынянова и Р. Якобсона, развивших мысли В. Г. Белинского о гениях и обыкновенных талантах. Они справедливо считали, что нельзя изучать лишь творчество «литературных генералов», а следует относиться к литературе как системе, которую возможно понять лишь проанализировав все составляющие ее элементы в их соотнесенности (исторический и культурный ряды) [Тынянов 1928: 35–37]. Диалогизм в эстетике и философии М. М. Бахтина, мысли о невозможности изучения литературы в отрыве от изучения культуры эпохи, о «большом времени», в котором живут произведения, разбивая грани своего времени, идея «открытого произведения» («opera aperta») У. Эко, – все это можно объединить единым стремлением создать культурную ткань эпохи и придать объем «галактике Гутенберга» (М. Маклюэн). Уже в конце XX в. Г. С. Стернин ввел в научный оборот понятие «художественная жизнь» [Стернин 1970], а Д. С. Лихачев писал о едином, целостном представлении о литературе [Лихачев 1991: 36–38].

Совершенствуя метаязык описания этой сложной системы, состоящей из соотнесенных друг с другом и находящихся в постоянном диалоге рядов, Я. В. Солдаткина в большей степени развивает теорию диалогичности М. М. Бахтина, интерпретирует идеи У. Эко об «открытом произведении», о возможности и необходимости вступать в диалог с произведением искусства, расширяя границы его восприятия и интерпретации.

В пособии прослеживается история литературного текста от эпохи самых первых опытов художественной человеческой деятельности, от наскальных рисунков и древних татуировок – до современных приемов адаптации и визуализации литературы в фильмах, мемах, ролевых и компьютерных играх. Главы пособия посвящены эволюции литературы от искусства сначала устного, музыкального и театрального (глава I «Танцующее слово: взгляд из праистории культуры»), затем – визуального и религиозного (глава II «Слово в поисках автора и читателя: средневековые формы текста»), к текстам печатным, но не утратившим связей с визуальными и пластическими образами (глава V «Литература на острие атаки: аудио- и визуальная культура текста в России первой трети XX века»). Примеры античных шествий, театра Шекспира, увлеченных музыкой немецких романтиков и русских писателей-авангардистов доказывают, что и на заре цивилизации, и в эру гаджетов литература немыслима без красочных музыкальных, нарисованных и даже драматургических дополнений. Считалось, что устное слово, запечатлевшись в печатном тексте, вновь должно зазвучать. На протяжении многих веков литераторы пересказывали и переиначивали бродячие сюжеты, переселяли популярных персонажей в новые эпохи и обстоятельства (глава III «Свои» и «чужие» герои и сюжеты Возрождения и барокко, глава VI «На пороге современности: текст позднесоветского периода поет, протестует и ловит в сети»). Отдельные популярные сюжеты этого «бесконечного текста» до сих пор востребованы в культуре – в виде, например, мемов про князя Андрея

Болконского и его трагических отношений с дубом и небом Аустерлица, в образах компьютерных игр и массовой продукции с портретами и цитатами русских поэтов Серебряного века (глава IV «Писатели-музыканты против массовой литературы: приключения слова в XIX веке»). Судьба письменной литературы, ее влияние на массовое сознание, стремление визуализировать и по-новому интерпретировать классический текст в соответствии с требованиями современного «клипового мышления» раскрывается в пособии с привлечением соответствующего иллюстративного материала (сетевые мемы по проблематике литературы и чтения). Автор показывает, что в своем восприятии литературного текста современный читатель, вооруженный айфоном или планшетом, не так далек от средневекового или даже праисторического предка, нуждавшегося в инсценировке и даже в личном участии в создании литературного произведения.

Я. В. Солдаткина разделяет междисциплинарный подход к российской версии предмета в диапазоне от русских формалистов до Д. С. Лихачева: в нем прослеживается эволюция художественного текста от самых архаических синкретичных форм до современной медиаэпохи, те свойства литературы, которые позволяли ее визуализировать многие столетия, еще до изобретения кино- и сетевых интерпретаций.

Современная тенденция к визуализации текста позволяет проанализировать и осмыслить самый широкий круг проблем истории литературы и культуры как единого целого.

Автор уделяет особое внимание тем свойствам литературного текста, что роднят их с медиакоммуникацией: интерактивности, синтетичности, фрагментированности, вариативности и нелинейности – способности литературных сюжетов циклизироваться, как писали М. М. Бахтин и У. Эко, пересказываться заново каждой новой эпохой, создавая все новые и новые интерпретации, дополняющие классический сюжет. Справедлива гипотеза Я. В. Солдаткиной о том, что именно медиасловесность, возможно, будет первым шагом на пути к синтезу искусств, о котором еще в 1933 г. в своей классической книге писал И. И. Иоффе, один из основоположников современного мультидисциплинарного подхода к изучению искусства, представляя «историческую теорию искусств как теорию развития речевых средств единого человеческого мышления» [Иоффе 1933: X]. И. Иоффе справедливо полагал, что «образ мира и образ художественный соответствуют один другому» [Иоффе 1933: XV].

Пособие сочетает актуальные научные идеи и живой стиль изложения, оно прекрасно иллюстрировано. Учебно-методическое пособие Я. В. Солдаткиной не только обладает большой практической значимостью, не только представляет собой новый взгляд на генезис и динамику российской словесности в историческом процессе, но и написано живым образным языком, что, несомненно, выделяет его из общего ряда. Лишь небольшой тираж не позволяет пока широко использовать пособие в практике преподавания в рамках различных магистерских программ гуманитарной направленности.

Литература

Иоффе, И. И. Синтетическая история искусств: введение в историю художественного мышления / И. И. Иоффе. – Л. : ОГИЗ Ленизогиз, 1933. – 568 с.

Кандинский, В. О духовном в искусстве. (Живопись) / В. Кандинский // Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде: декабрь 1911 – январь 1912. – Пг. : Голике Р., Виборг А., 1914. – С. 47–74.

Лихачев, Д. С. «Принцип дополнительности» в изучении литературы / Д. С. Лихачев // Русская литература. – 1991. – № 3. – С. 36–38.

Поль, Д. В. Рецензия на книгу: Солдаткина Я. В. Литература в звуке, цвете и движении: историко-литературные основы медиасловесности: учеб.-метод. пособие. М.; Берлин : Директ-Медиа, 2019. 264 с. // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 4. – С. 130–134.

Стернин, Г. Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX веков / Г. Ю. Стернин. – М. : Искусство, 1970. – 293 с.

Тынянов, Ю. Проблемы изучения языка и литературы / Ю. Тынянов, Р. Якобсон // Новый Леф. – 1928. – № 12. – С. 35–37.

References

Ioffe, I. I. (1933). *Sinteticheskaya istoriya iskusstv: vvedenie v istoriyu khudozhestvennogo myshleniya* [Synthetic Art History: An Introduction to the History of Artistic Thinking]. Leningrad, OGIZ Lenizogiz. 568 p.

Kandinsky, V. (1914). O dukhovnom v iskusstve. (Zhivopis') [On the Spiritual in Art (Painting)]. In *Trudy Vserossiiskogo s"ezda khudozhnikov v Petrograde: dekabr' 1911 – yanvar' 1912*. Petrograd, Golike R, Viborg A., pp. 47–74.

Likhachev, D. S. (1991). «Printsip dopolnitel'nosti» v izuchenii literatury ["The Principle of Complementarity" in the Study of Literature]. In *Russkaya literature*. No. 3, pp. 36–38.

Pol', D. V. (2020). Retsenziya na knigu: Soldatkina Ya. V. Literatura v zvuke, tsvete i dvizhenii: istoriko-literaturnye osnovy mediaslovesnosti: ucheb.-metod. posobie. M.; Berlin : Direkt-Media, 2019. 264 s. [Review of the Book: Soldatkina Ya. V. Literature in Sound, Color and Movement: Historical and Literary Foundations of Media Literature: Teaching and Methods Guide. M.; Berlin: Direct-Media, 2019. 264 p.]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 4, pp. 130–134.

Sternin, G. Yu. (1970). *Khudozhestvennaya zhizn' Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [Artistic Life of Russia at the Turn of the 19–20th Centuries]. Moscow, Iskusstvo. 293 p.

Tynyanov, Ju., Yakobson, R. (1928). Problemy izucheniya yazyka i literatury [Problems of Studying Language and Literature]. *Novyi Lef*. No. 12, pp. 35–37.

Данные об авторе

Овчаренко Алексей Юрьевич – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Юридического института, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).

Адрес: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

E-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru.

Author's information

Ovcharenko Alexey Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language of Institute of Law, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

УДК 821.161.1-34(Бажов П. П.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-01-28.
ББК Ш33(2Рос-Рус)6-8,444. ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.08

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОДНОЙ КНИГИ: «МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА» П. П. БАЖОВА (Рецензия на издание: Павел Петрович Бажов. Малахитовая шкатулка / Д. В. Жердев, М. А. Литовская, Е. А. Федотова. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. 896 с.)

Кубасов А. В.
Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9074-1133

Аннотация. В рецензии освещается коллективный труд «„Малахитовая шкатулка“ П. П. Бажова» (2019), который по типу издания близок традиции авторитетной научной серии «Литературные памятники». Рецензируемая книга встает в один ряд с такой фундаментальной работой, как «Бажовская энциклопедия», второе издание которой вышло пятью годами ранее. Уральские исследователи ставили перед собой целый ряд задач: представить выверенный состав сборника «Малахитовая шкатулка», дать всесторонний текстологический комментарий каждого входящего в него произведения, сопоставить все прижизненные издания сборника, в подготовке которых Бажов принимал непосредственное участие. Одна из граней научной новизны исследования связана с установлением динамического канона книги Бажова. Стремление дать всестороннее освещение книги писателя обусловило сочетание историко-литературного, поэтологического, культурологического и текстологического подходов. Особое значение в исследовании представляет глубокий анализ всего значимого литературно-критического контекста, связанного с «Малахитовой шкатулкой». В отдельном очерке-комментарии прослеживается, как Бажов искал и находил оптимальные варианты использования уральских диалектизмов.

Ключевые слова: литературные памятники; динамический канон; текстология; поэтика сказа; рецензии; уральская литература; уральские писатели; уральские сказы; литературные жанры.

ENCYCLOPEDIA OF ONE BOOK: “THE MALACHITE CASKET” BY P. P. BAZHOV (Review of the book: “The Malachite Casket” by Pavel Petrovich Bazhov / D. V. Zherdev, M. A. Litovskaya, E. A. Fedotova. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetny Ucheniy, 2019. 896 p.)

Alexander V. Kubasov
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9074-1133

Abstract. The review analyzes “The Malachite Casket’ by P.P. Bazhov” (2019), a multi-authored book, which in terms of publication type is close to the tradition of reputable academic series called “The Literary Monuments”. The book under review occupies a position in line with such a fundamental research as “Bazhovskaya Enciklopediya” [“Bazhov Encyclopedia”], the second edition of which had been published five years earlier. The Ural researchers focused on a number of tasks, namely: to present the verified content of “The Malachite Casket” collection of fairy tales; to give a comprehensive textological commentary on each fairy tale contained therein; to compare all the editions of this collection of fairy tales published during Bazhov’s lifetime and prepared with his direct participation. One of the features of the academic novelty of this research is related to the establishment of a dynamic canon of Bazhov’s book. The combination of historical-literary, poetological, culturological, and textological approaches was stipulated by the desire to give a comprehensive coverage of Bazhov’s collection of fairy tales. The research gives particular importance to the deep analysis of the entire meaningful literary and critical context related to the book “The Malachite Casket”. A separate commenting sketch traces how Bazhov sought and found optimal variants of use of dialectal words and expressions of the Urals.

Keywords: literary monuments; dynamic canon; textology; poetics of folk tales; reviews; literature of the Urals; Urals writers; Urals folk tales; literary genres.

© А. Кубасов, 2021

Для цитирования: Кубасов, А. В. Энциклопедия одной книги: «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова (Рецензия на издание: Павел Петрович Бажов Малахитовая шкатулка / Д. В. Жердев, М. А. Литовская, Е. А. Федотова. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. 896 с.) / А. В. Кубасов. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, №1. – С. 319–323. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-28.

For citation: Kubasov, A. V. (2021). Encyclopedia of One Book: "The Malachite Casket" by P. P. Bazhov (Review of the book: "The Malachite Casket" by Pavel Petrovich Bazhov / D. V. Zherdev, M. A. Litovskaya, E. A. Fedotova. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetny Ucheniy, 2019. 896 p.). In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 319–323. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-28.

В 2019 г. исполнилось 140 лет со дня рождения классика уральской и русской литературы П. П. Бажова (1879–1950). Самое известное и репрезентативное произведение Павла Петровича – его «Малахитовая шкатулка». Сам предмет, давший название сборнику сказов писателя, воспринимается как узнаваемое изделие, отражающее мастерство умельцев горнозаводского Урала. Как муранское стекло связывают с Венецией, русские самовары – с Тулой, так и вещи из малахита – с Уралом. Название сборника Бажова многозначно: оно отсылает и к топике сказов, и к мотиву красоты. Шкатулки из малахита – это не столько обиходная вещь, сколько подарочная. В ней хранятся дорогие и памятные для человека вещи. «Малахитовая шкатулка» Бажова – собрание изящных и изысканных художественных произведений.

Книга сказов П. П. Бажова, пополнявшаяся новыми сказами с конца 1930-х по 1950-е гг., прославила журналиста из Свердловска, сыграла важную роль в литературной и культурной жизни Урала и – шире – России. Неординарность рецензируемой книги в том, что она является первым научным изданием одного из классических сборников русской литературы XX в. Возможность появления подобного труда подготовлена рядом поколений исследователей творчества писателя.

Достаточно большую научную библиотеку по творчеству Бажова можно составить как из давних, так и новых монографий. Первой из них нужно назвать работу Л. И. Скорино [Скорино 1947], затем появились другие исследования [Блажес 1982; Михнюкевич 1990; Никулина 2002; Пермяк 1974; Слобожанинова 2000]. Все они написаны в разных манерах, адресованы разным по возрасту и уровню филологической подготовки читателям. Привлекает внимание ученых и жизнетворчество самого Бажова, ему посвящено биографическое повествование В. А. Сутырина [Сутырин 2012], социальные роли политика и историка [Плотников 2004]. В общий ряд исследований творчества и личности Бажова надо поставить отдельные статьи, написанные по итогам научных конференций, а также публикации в сборниках серии «Литература Урала» [Творчество П. П. Бажова 2004, П. П. Бажов в меняющемся мире 2014]. В Уральском государственном университете были защищены кандидатские диссертации, посвященные творчеству Бажова [Жердев 1997: Харитонова 2004]. Итогом нескольких десятилетий научного труда бажововедов стала капитальная «Бажовская энциклопедия» (2014), подготовленная коллективом авторов.

Рецензируемая «Малахитовая шкатулка» создана при сотрудничестве и поддержке целого ряда организаций. На титульной странице книги названы Управление культуры Администрации города Екатеринбурга, Объединенный музей писателей Урала, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук и Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Помощь, поддержка и непосредственное участие этих организаций отражают значимость предпринятого труда для Уральского региона и не только для него.

Если попытаться предельно кратко охарактеризовать рецензируемое издание, то, пожалуй, самым точным надо признать следующее – фундаментальный труд, за которым многолетняя работа нескольких поколений литературоведов, архивистов, историков, работников музеев и библиотек, а также родных и близких писателя. Недаром в книге раздел «Благодарности» начитывает более 60 фамилий.

Одной из самых авторитетных академических серий отечественного литературове-

дения является издание отдельных произведений того или иного писателя с подробнейшим текстологическим и поэтологическим комментарием, который адресовался, в первую очередь, профессионалам. Называется серия «Литературные памятники». Она издается с 1948 г. под эгидой Академии наук сначала СССР, а сейчас России. Инициатором издания был С. И. Вавилов. В 1978 г., по прошествии тридцатилетнего опыта издания, обращаясь к истории выхода первой книги серии, Д. С. Лихачев писал: «Детально тип отдельных выпусков серии „Литературные памятники" был выработан первым деловым и научным организатором „Хождения" („Хождение за три моря" Афанасия Никитина – *А. К.*) В. П. Адрианаовой-Перетц. Именно она решила не предпосылать изданию текста исследовательские статьи, а сопровождать ими текст самого памятника, не сливать разные вопросы в одной статье, а помещать несколько статей – в зависимости от того, в каких статьях нуждается памятник, давать в конце комментарии и указатели, ею была продумана система комментариев – способы их „привязки" к тексту и т. д. В основном типы издания памятников в нашей серии остаются неизменными до сих пор» [Лихачев 1978: 5–6].

Рецензируемая книга выполнена в целом рамках исследовательских традиций «Литературных памятников». «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова вышла в издательстве «Кабинетный ученый» и вполне соотносится с его направлением, так как является образцом академического, строго научного литературоведения.

Что делает это издание научным? Выверенный состав сборника, в который включены только те тексты сказов и сопровождающих их очерков разного типа, которые когда-либо входили в «Малахитовую шкатулку». Большая кропотливая текстологическая работа, включающая сопоставление всех прижизненных изданий сборника, в подготовке которых Бажов принимал непосредственное участие, а также развернутый текстологический комментарий к составу сборника, истории его формирования и особенностям работы Бажова над каждым отдельным сказом и сборником в целом. Развернутые подстрочные комментарии и затекстовые примечания, позволяющие наглядно увидеть, как шла работа над сказами, какой материал Бажов привлекал для их создания.

Особо отметим первый раздел в комментариях – «Контексты». Множественное число не случайно: исследователи посчитали необходимым разграничить биографический, историко-литературный, литературно-критический, а также социокультурный контексты. Такая дифференциация позволила избежать смешения разных аспектов, представить книгу Бажова в разных ракурсах, каждый из которых добавляет нечто новое к истории создания, бытования или восприятия этого литературного памятника.

Определение жанра сказа все еще далеко от аксиоматичности [Мущенко, Скобелев, Кройчик 1978]. Казалось бы, корпус текстов «Малахитовой шкатулки» дает отличную возможность точнее определить специфику сказа. Однако Бажов не думал о будущих литературоведах, которым приходится констатировать: «Само определение сказ скорее мешает, чем помогает исследователю, поскольку корпус бажовских сказов включает в себя тексты, разнородные по жанровым признакам» [Бажов Павел Петрович 2019: 793]. Разножанровая природа разных произведений Бажова, включающая притчи, легенды, сказки, социально-сатирические анекдоты, развернутые до пределов рассказа, – позволяет охарактеризовать сказ не столько как жанр, сколько как метажанр с достаточно широким содержательно-смысловым диапазоном. Исследователи избежали соблазна дать свое определение сказа, отметив лишь особенность сказа у Бажова. Опираясь на положения работ М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Б. В. Томашевского и Б. М. Эйхенбаума, они акцентируют такую жанрообразующую компоненту, как «установка на включение слушателей и читателей в общее смысловое пространство, не предполагающее принципиального несовпадения оценок между рассказчиком и слушателями/читателями» [Бажов Павел Петрович… 2019: 794].

Литературно-критический контекст, посвященный книге, начинается с 30-х гг. прошлого века. Одним из острых вопросов, стоявших тогда, было определение меры авторства Бажова в сказах. Первые критики

не всегда принимали во внимание стилизаторскую природу сказа, поддаваясь соблазну приписать источник оригинальности текстов рабочему фольклору, фактически превращая автора в простого собирателя или скриптора, слегка обработавшего изустные предания. Далее авторы сжато характеризуют весь путь постижения творчества писателя, который проделало отечественное литературоведение.

Эдиционная практика и текстологические проблемы «Малахитовой шкатулки» отражены в отдельном разделе. Сам тип издания предполагает, что авторы определяют канонический текст книги («научное издание предполагает определение канона текста»). Однако такой канон книги Бажова затруднителен по целому ряду причин. Само понятие канона предполагает не только своеобразное «узаконивание» определенного текста, но также и его константность и неподвижность. То, что представлено в рецензируемом издании, точнее всего охарактеризовать как *динамический канон*. В этом была несомненная трудность для авторов комментариев и столь же очевидное их новаторство. В издании дается обзор и характеристика всех этапных изданий «Малахитовой шкатулки» начиная с 1939 г. Они отличались по составу включенных в них произведений, по внесенной правке писателя, когда отдельные фрагменты «могли включаться в текст, исключаться из него, расширяться, сокращаться и радикально перерабатываться» [Бажов Павел Петрович… 2019: 829].

Работа писателя над языком сказов охарактеризована в отдельном очерке-комментарии – «Поиск нужного слова». И здесь исследователи вновь сталкиваются с проблемой отсутствия уже не жанрового или текстологического, а языкового канона. Бажов должен был найти баланс между использованием уральских диалектизмов и возможностью их адекватного понимания широкой публикой, далекой от знания региональной лексики. Вариативность обнаруживается авторами книги на всех уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. Показательно число сплошных постраничных сносок в тех или иных сказах, отражающих явление вариативности: всего их более 330. Создан толковый словарь, объясняющий значение отдельных слов, понятий и выражений, встречающихся в тексте.

Для осуществления проекта такого объема (а том составляет почти 900 страниц) требуется не только значительное время, но и усилия немалого числа специалистов. Их объединила редакционная коллегия книги, в которую вошли ныне активно действующие авторитетные исследователи творчества Бажова: профессор М. А. Литовская – один из редакторов-составителей «Бажовской энциклопедии», кандидат филологических наук Д. В. Жердев, автор новаторских публикаций о творчестве Бажова, директор Дома-музея П. П. Бажова в Екатеринбурге Е. А. Федотова (Кислова).

Рецензируемое издание является важным этапным исследованием книги Бажова, которое не только подводит итоги бытования главной книги уральского автора, но также и открывает перспективы его дальнейшего изучения.

Литература

Бажов Павел Петрович. Малахитовая шкатулка. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. – 896 с.

Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург : Сократ, 2014. – 654 с.

Блажес, В. В. П. П. Бажов и рабочий фольклор / В. В. Блажес. – Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. – 104 с.

Жердев, Д. В. Поэтика сказов П.П. Бажова : автореф. дис. … канд. филол. наук / Жердев Д. В. – Екатеринбург, 1997. – 21 с.

Лихачев, Д. С. Задачи серии «Литературные памятники» / Д. С. Лихачев // Литературные памятники. Справочник / сост. Д. В. Ознобишин. – М. : Наука, 1978. – С. 5-20.

Михнюкевич, В. А. Литературный сказ Урала: Истоки. Традиции. Поиски / В. А. Михнюкевич. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 192 с.

Мущенко, Е. Г. Поэтика сказа / Е. Г. Мущенко, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – 286 с.

Никулина, М. П. Камень. Пещера. Гора / М. П. Никулина. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. – 120 с.

П. П. Бажов в меняющемся мире : сб. ст. Второй Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 135-летнему юбилею писателя / отв. ред. В. Б. Королева. – Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2014.

Пермяк, Е. А. Долговекий мастер. О жизни и творчестве Павла Бажова / Е. А. Пермяк. – М. : Детская литература, 1974. – 224 с.

Плотников, И. Ф. Павел Петрович Бажов как политик и историк / И. Ф. Плотников. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2004. – 152 с.

Скорино, Л. И. Павел Петрович Бажов / Л. И. Скорино. – М. : Сов. писатель, 1947. – 275 с.

Слобожанинова, Л. М. Сказы – старины заветы. Очерк жизни и творчества П. П. Бажова / Л. М. Слобожанинова. – Екатеринбург : Издательский дом «Пакрус», 2000. – 160 с.

Сутырин, В. А. Павел Бажов. Биографическое повествование / В. А. Сутырин. – Екатеринбург : Сократ, 2012. – 512 с.

Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире : материалы межвузовской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П. П. Бажова, 28-29 января 2004 г. – Екатеринбург, 2004. – 224 с.

Харитонова, Е. В. Репрезентация русской ментальности в сказах П. П. Бажова : автореф. дис. … канд. филол. наук / Харитонова Е. В. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.

References

Bazhov Pavel Petrovich. Malakhitovaya shkatulka [Bazhov Pavel Petrovich. Malachite Casket]. (2019). Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 896 p.

Bazhovskaya entsiklopediya [Bazhovskaya Encyclopedia]. (2014). Ekaterinburg, Sokrat. 654 p.

Blazhes, V. V. (1982). *P. P. Bazhov i rabochii fol’klor* [P. P. Bazhov and Working Folklore]. Sverdlovsk, Ural’skii gosudarstvennyi universitet. 104 p.

Kharitonova, E. V. (2004). *Reprezentatsiya russkoi mental’nosti v skazakh P. P. Bazhova* [Representation of Russian Mentality in the Tales of P. P. Bazhov]. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 22 p.

Koroleva, V. B. (Ed.). (2014). *P. P. Bazhov v menyayushchemsya mire* [P. P. Bazhov in a Changing World]. Ekaterinburg, Ob”edinennyi muzei pisatelei Urala.

Likhachev, D. S. (9178). Zadachi serii «Literaturnye pamyatniki» [Objectives of the Series “Literary Monuments”]. In *Literaturnye pamyatniki. Spravochnik*. Moscow, Nauka, pp. 5-20.

Mikhnyukevich, V. A. (1990). *Literaturnyi skaz Urala: Istoki. Traditsii. Poiski* [Literary Tale of the Urals: Origins. Traditions. Search]. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi universitet. 192 p.

Mushchenko, E. G., Skobelev, V. P., Kroychik, L. E. (1978). *Poetika skaza* [Poetics of the Folk Tale]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. 286 p.

Nikulina, M. P. (2002). *Kamen’. Peshchera. Gora* [The Rock. The Cave. The Mountain]. Ekaterinburg, Bank kul’turnoi informatsii. 120 p.

Permyak, E. A. (1974). *Dolgovekii master. O zhizni i tvorchestve Pavla Bazhova* [Long-Lived Master. About the Life and Work of Pavel Bazhov]. Moscow, Detskaya literatura. 224 p.

Plotnikov, I. F. (2004). *Pavel Petrovich Bazhov kak politik i istorik* [Pavel Petrovich Bazhov as a Politician and Historian]. Ekaterinburg, Bank kul’turnoi informatsii. 152 p.

Skorino, L. I. (1947). *Pavel Petrovich Bazhov* [Pavel Petrovich Bazhov]. Moscow, Sovetskii pisatel’. 275 p.

Slobozhaninova, L. M. (2000). *Skazy – stariny zavety. Ocherk zhizni i tvorchestva P. P. Bazhova* [Tales Are Old Covenants. Essay on the Life and Work of P. P. Bazhov]. Ekaterinburg, Izdatel’skii dom «Pakrus». 160 p.

Sutyrin, V. A. (2012). *Pavel Bazhov. Biograficheskoe povestvovanie* [Pavel Bazhov. Biographical Narration]. Ekaterinburg, Sokrat. 512 p.

Tvorchestvo P. P. Bazhova v menyayushchemsya mire [P. P. Bazhov’s Creative Activity in a Changing World]. (2004). Ekaterinburg. 224 p.

Zherdev, D. V. (1997). *Poetika skazov P.P. Bazhova* [Poetics of the Tales of P.P. Bazhov]. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 21 p.

Данные об авторе

Кубасов Александр Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья, Институт специального образования, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: kubas2002@mail.ru.

Authors’ information

Kubasov Alexander Vasilyevich – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theory and Methods of Teaching Persons with Disabilities, Institute of Special Education, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС
Том 26. 2021. № 1

Цена свободная

16+

Редактор *О. А. Адясова*
Верстка *А. Ю. Тюменцева*

Дата подписания в печать 24.03.2021. Дата выхода в свет 31.03.2021. Формат 70×100/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе. Гарнитура Alegreya. Усл. печ. л. 26,12. Уч.-изд. л. 32,68.
Тираж 500 экз. Заказ 5218

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26